

СПОР О РОССИИ

В.А. МАКЛАКОВ

В.В. ШУЛЬГИН

ПЕРЕПИСКА
1919–1939 гг.

УДК 94(47+57)(082.1)

ББК 63.3(2)6

С73

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 06-01-00221а

Спор о России: В. А. Маклаков — В. В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. / сост. вступ. ст., примеч. О. В. Будницкого. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 439 с. : ил. — (Русские сокровища Гуверовской башни).

ISBN 978-5-8243-1450-2

Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) и Василий Витальевич Шульгин (1878–1976) принадлежали к политической элите России начала XX в. Оба были депутатами 2–4-й Государственных дум и плодовитыми публицистами. Маклаков был членом партии кадетов, либералом, Шульгин — правым, националистом и монархистом. Разница в политических взглядах не мешала им быть друзьями. После революции оба оказались в эмиграции. Их переписка за 1919–1939 гг. содержит уникальную информацию о политической жизни России начала XX в., русских революциях и Гражданской войне, истории эмиграции. Переписка — источник по истории русской политической мысли и в то же время литературный памятник, блестящий образец эпистолярного жанра. Письма, публикующиеся без каких-либо изъятий и сокращений, хранятся преимущественно в архиве Гуверовского института Стэнфордского университета (США), часть переписки находится в Государственном архиве Российской Федерации и рукописном отделе Британской библиотеки.

УДК 94(47+57)(082.1)

ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-8243-1450-2

© Будницкий О. В., составление, вступительная статья, примечания, 2011

© Российская политическая энциклопедия, 2011

В.А. МАКЛАКОВ И В.В. ШУЛЬГИН: ДРУЗЬЯ–ПРОТИВНИКИ

Василию Алексеевичу Маклакову и Василию Витальевичу Шульгину было суждено участвовать в решающих событиях российской истории начала XX в. И — случай не столь частый для политиков их поколения — было суждено жить долго: Маклаков скончался на 89-м году жизни, Шульгин — на 99-м. Времени, чтобы осмыслить происшедшее на их глазах и при их участии крушение Российской империи, оказалось более чем достаточно: Маклаков провел в эмиграции почти половину жизни — 40 лет, Шульгин — четверть века, после чего вернулся на родину — правда, не по своей воле. Использовали они отведенное судьбой для размышлений и анализа время с толком — написали книги и множество статей о русской революции, Гражданской войне и о том, что им предшествовало и что их вызвало. О том, что видели, в чем участвовали и в чем были виноваты. Книги Шульгина и Маклакова относятся к числу важнейших источников по истории «русской смуты» начала XX в. и к числу наиболее ярких и влиятельных мемуарных текстов, созданных русскими эмигрантами.

Однако опубликованными текстами интеллектуальное наследие Маклакова и Шульгина не ограничивается. В архивах России, США и Великобритании сохранилась их переписка эмигрантского периода — с разными людьми, разного уровня и разного интереса. Несомненно, наиболее интересный эпистолярный диалог Шульгину пришлось на протяжении почти 20 лет (правда, с существенными перерывами) вести с Маклаковым. В обширном эпистолярном наследии Маклакова (в его личном фонде в архиве Гуверовского института переписка с различными корреспондентами занимает 14 коробок из 26-ти) переписка с Шульгиным занимает важное и необычное место. Ибо если Маклаков в основном, как, очевидно, большинство политиков, да и остальных людей, переписывался с единомышленниками и друзьями, то переписка с Шульгиным — это диалог с противником. Идейным противником. И одновременно с приятелем, гораздо более близким «по жизни», чем многие соратники.

Их переписка эмигрантского периода и предлагается вниманию читателя.

На родине

О Маклакове и Шульгине написано довольно много, в том числе и автором этих строк¹. Поэтому позволим себе не пересказывать подробно их биографии, отослав к сравнительно недавним публикациям, а остановимся прежде всего на том, что сближало и что разделяло наших корреспондентов. И в России, и в эмиграции.

Внешне «исходные данные» Маклакова и Шульгина на редкость схожи. Хотя Маклаков был на девять лет старше Шульгина — Василий Алексеевич родился в 1869 г. в Москве, тогда как Василий Витальевич — в 1878 г. в Киеве, вряд ли их можно отнести к разным поколениям. Оба были дворянами и землевладельцами, но оба преимущественно жили в городах. Оба были профессорскими детьми — отцом Василия Алексеевича был знаменитый профессор-окулист Алексей Николаевич Маклаков, отцом Василия Витальевича — профессор-историк и журналист Виталий Яковлевич Шульгин. Правда, отца, умершего, когда сыну еще не исполнилось и года (по другим данным — за месяц до рождения сына), Шульгин-младший не помнил; его воспитывал отчим — тоже профессор, только не истории, а политической экономии — известный консервативный публицист и редактор газеты «Киевлянин» Дмитрий Иванович Пихно. Если Шульгина воспитывал отчим, то к воспитанию Маклакова «приложила руку» мачеха — литератор Лидия Филипповна Маклакова (урожденная Королева), печатавшаяся под псевдонимом Л. Нелидова и придерживавшаяся весьма радикальных левых взглядов. Оба закончили университет по юридическому факультету. Маклаков — Московский, Шульгин — Киевский. Однако если Маклаков стал знаменитым адвокатом, то Шульгин на ниве юриспруденции лавров не снискал, занимаясь преимущественно сельским хозяйством. Впрочем, не особенно долго. Ибо с 1906 г. он стал профессиональным политиком. И политическим противником Маклакова, избранного, как и Шульгин, во 2-ю Государственную думу.

Маклаков вырос в среде московской либеральной интеллигенции, участвовал в студенческом движении, исключался из университета и даже ненадолго арестовывался. Рано побывал за границей — во Франции — и не переставал восхищаться ее политическим устройством. Участвовал в земском движении, был секретарем кружка земских деятелей «Беседа»; входил в кружок молодых адвокатов, безвозмездно предоставлявших свои услуги обвиняемым на процессах по политическим делам. И вполне логично (хотя позднее изображал это едва ли не как случайность) в период Первой русской революции вступил в партию кадетов и стал членом ее ЦК.

Шульгин сформировался совсем в другой среде — людей правых, консервативных взглядов, убежденных националистов. Впрочем, Маклаков тоже был националистом, но в само понятие «национализм» он вкладывал, как и большинство российских либералов, несколько иное содержание. Газета «Киевлянин», своеобразное «семейное предприятие» Шульгиных-Пихно, получавшее правительственную субсидию, стояла на страже имперских интересов в Юго-Западном крае. Для Шульгиных понятие «Украина» было выдумкой врагов России — внешних и внутренних. Не жаловали на страницах «Киевлянина» и евреев, а сам Василий Витальевич, по его собственным словам, стал убежденным антисемитом еще в университете, будучи неприятно поражен активным участием евреев в студенческом движении. Заметим, что Д.И. Пихно в 1907 г. возглавил киевское отделение Союза русского народа (с 1907 г. до смерти в 1913 г. Пихно был членом Государственного совета).

В 1907 г. Маклаков и Шульгин были избраны во 2-ю Государственную думу: Маклаков — от Москвы, Шульгин — от Волынской губернии. Теперь ареной их политической деятельности стал Петербург. Таким образом, они вошли в политическую элиту России. Переизбирались они и в Государственные думы последующих созывов — 3-го и 4-го. Маклаков был кадетом, хотя и правым: это означало место скорее на левом фланге русской общественности. Шульгин побывал в разных группах и фракциях — правых и умеренных, просто правых, русских националистов; он был монархистом и идейным антисемитом. Правый Шульгин постепенно сдвигался влево: название последней фракции, в которой он состоял, — фракция Прогрессивных националистов². Разумеется, эта эволюция «влево» была весьма относительной и происходила в рамках правой части депутатского корпуса.

Маклаков был думской «звездой»; его речи, как правило, становились событием. Шульгин также был не из последних думских ораторов; славился язвительностью и умением вывести противника из себя. Эту особенность ораторской манеры Шульгина отметил в известной эпиграмме думский скандалист, крайне правый В.М. Пуришкевич:

Твой голос тих, и вид твой робок,
Но черт сидит в тебе, Шульгин,
Бикфордов шнур ты тех коробок,
Где заключен пироксилин.

И Маклаков, и Шульгин довольно много писали. Шульгин был совладельцем и соредактором (некоторое время — единоличным редактором) «семейной» газеты «Киевлянин», регулярно в ней публи-

ковался. Кроме публицистики, он «баловался» прозой: опубликовал исторический роман «Приключения князя Воронцовского» (1914). Впрочем, проза Шульгина — он напечатал также ряд рассказов и очерков — не произвела впечатления на современников и осталась незамеченной. Маклаков печатался в либеральных, «профессорских» «Русских ведомостях», «Вестнике Европы», «Русской мысли». Одну из его статей — «Трагическое положение», опубликованную в 1915 г. в «Русских ведомостях», читала «вся Россия». Это была аллегория; Маклаков предлагал читателям представить ситуацию, когда они едут в автомобиле со своей матерью по горной дороге, за рулем безумный шофер, который ни за что не хочет его отдать более умелым водителям. Врывать руль у шофера — опасно, но что будет, если автомобиль все же сорвется в пропасть? В неумелом шофере все, конечно, узнали императора Николая II, в матери — Россию.

Временами позиции Маклакова и Шульгина сближались, как это случилось уже за стенами Государственной думы, в период «дела Бейлиса». Маклаков был одним из защитников Менделя Бейлиса, приказчика кирпичного завода в Киеве, обвинявшегося в совершении ритуального убийства. Он произнес очень продуманную и юридически безупречно аргументированную речь на процессе. Простота, логичность и, что весьма немаловажно, доступность маклаковской речи оказали, по-видимому, решающее воздействие на присяжных.

Шульгин поначалу подписал в Думе запрос крайне правых от 29 апреля 1911 г. об убийстве Андрея Ющинского. Правые, разумеется, усматривали в случившемся ритуальное убийство. Однако позднее, убедившись, что дело шито белыми нитками, Шульгин опубликовал в «Киевлянине» в первый день процесса статью, в которой назвал сфабрикованными все улики против Бейлиса. Шульгин, в частности, писал:

«Обвинительный акт по делу Бейлиса является не обвинением этого человека, это есть обвинение целого народа в одном из самых тяжких преступлений, это есть обвинение целой религии в одном из самых позорных суеверий. При таких обстоятельствах, будучи под контролем миллионов умов, русская юстиция должна быть особенно осторожной и употребить все силы, чтобы оказаться на высоте своего положения... Не надо быть юристом, надо просто быть здравомыслящим человеком, чтобы понять, что обвинение против Бейлиса есть лепет, который любой защитник разобьет шутя...»³

Номер был конфискован впервые за 50-летнюю историю газеты, успевшие разойтись экземпляры перепродавались по 10 руб. Шульгин был приговорен к трехмесячному аресту «за клевету на лиц прокурорского надзора», но сидеть ему не пришлось: помиловал царь.

Знал бы император Николай II, что именно убежденный монархист Шульгин вместе с ненавистным царской семье А.И. Гучковым три с половиной года спустя приедет принимать его отречение!

В наибольшей степени политические позиции Маклакова и Шульгина сблизились в период Первой мировой войны. И либералы, и часть правых считали, что надо оставить партийные распри и совместно работать на дело защиты отечества⁴. Так Маклаков и Шульгин, вместе со своими единомышленниками, оказались в составе Прогрессивного блока⁵.

3 ноября 1916 г. оба в речах, произнесенных в Думе, атаковали правительство, продолжив дело лидера блока П.Н. Милокова, задавшего за два дня до этого роковой вопрос о политике власти: «Что это — глупость или измена?»⁶ Шульгин призвал «бороться с властью до тех пор, пока она не уйдет». Маклаков свою речь завершил словами: «Либо мы, либо они: вместе наша жизнь невозможна». Степень его оппозиционности достигла такого накала, что этот законник выступил в качестве юридического консультанта убийц Г.Е. Распутина и даже снабдил одного из заговорщиков — князя Ф.Ф. Юсупова — кистенем, став, по его собственному признанию, фактически соучастником убийства⁷.

Деятели Прогрессивного блока были недовольны тем, как власть ведет войну. Им мерещились не только некомпетентность, но и измена. Власть, в самом деле, своей неловкостью и неумением найти компромисс с обществом вызывала всеобщее раздражение. И претензии, предъявляемые к ней думской оппозицией, были во многом (кроме «измены») обоснованы. Однако, атакуя власть, думские ораторы как будто не сознавали, что вызывают духов революции, по сравнению с которой все предшествующие проблемы покажутся сущими пустяками.

Революция

Маклаков был одним из немногих деятелей оппозиционных партий, понимавшим, что в случае революции события пойдут совсем не по тому сценарию, на который рассчитывают политики; он не верил в способность общественности, не имевшей практического опыта, управлять страной; не верил он и в успешность осуществления реформ во время войны. Не удивительно, что он встретил Февральскую революцию без восторга. Ему как бы причитался пост министра юстиции; во всяком случае он фигурировал и в министерском списке, составленном 13 августа 1915 г. при образовании Прогрессивного блока на случай его прихода к власти, и в списке, составленном 6 апреля

1916 г. для кадетского съезда; министром юстиции во Временном правительстве в итоге стал А.Ф. Керенский⁸.

Маклаков говорил, что портфеля ему никто не предлагал; М.А. Алданов предположил и, возможно, не без оснований, что бесспорный кандидат на этот пост его особенно не добивался; следовало проявить некоторую настойчивость, чего Маклаков делать не стал. В общем, выглядело довольно странным, что Маклаков, назначенный комиссаром в Министерство юстиции 28 февраля, не сменил эту должность на министерский пост. Затем он был избран председателем Юридического совещания при Временном правительстве, но отказался в пользу Ф.Ф. Кокошкина, которому ранее этот пост был «обещан»; в итоге Маклаков довольствовался ролью члена комиссии по выработке положения о выборах в Учредительное собрание. Возможно, кроме пассивности самого Маклакова, в том, что он не сделал министерскую карьеру, сказались интриги председателя Временного правительства князя Г.Е. Львова. Во всяком случае, Маклаков в частной переписке отзывался о нем и о его стремлении продвигать «своих» людей с нескрываемым сарказмом и плохо скрытой обидой⁹.

Если определить одним словом господствующее настроение Маклакова в 1917 г., то этим словом, несомненно, будет «скептицизм». Симптоматично, что в период между Февралем и Октябрем он произнес, кажется, только одну публичную речь. Это было выступление на Московском государственном совещании в августе. Маклаков обратился к участникам совещания с призывом к единению: «Ведь если возможно, что без соглашения тех сторон, на которые разбилась Россия, каким-то чудом какая-то сила спасет нашу родину, то без этого соглашения свободы уже не спасти...»¹⁰

Это был глас вопиющего в пустыне. Маклаков не верил ни в возможность соглашения, ни в возможность установления твердой власти, которая ассоциировалась с военной диктатурой и конкретно с личностью генерала Л.Г. Корнилова. Он говорил одному из руководителей Офицерского союза Л. Н. Новосильцеву: «Передайте генералу Корнилову, что ведь мы его провоцируем... Ведь Корнилова никто не поддержит, все спрячутся...»¹¹ Говоря «мы», Маклаков имел в виду «общественных деятелей», устроивших Корнилову на Московском совещании восторженный прием.

Еще меньше надежд, при его ироничном отношении к «четыреххвостке», вызывало у Маклакова Учредительное собрание. «Для народа, — говорил он в декабре 1917 г., — большинство которого не умеет ни читать, ни писать, и при всеобщем голосовании для женщин наравне с мужчинами Учредительное собрание явится фарсом»¹². М.В. Вишняк, будущий секретарь Учредительного собрания, писал о

позиции Маклакова, когда они «в течение двух месяцев встречались почти ежедневно в Мариинском дворце в Особом совещании по выработке избирательного закона в Учредительное собрание: “В Совещании были и гораздо более умеренные участники, чем Маклаков, но их голосов не было слышно. От правого крыла, неизменно отстаивавшего ограничения в избирательных правах, главным и, как всегда, блестящим оратором был Маклаков. Он не скрывал своей неприязни к “четыреххвостке”...»¹³

Кстати, сам Маклаков, уже будучи во Франции, по кадетскому списку был избран 24 ноября 1917 г. в это некогда возжеленное для русских либералов Собрание. Однако 28 ноября кадеты были объявлены большевиками «врагами народа», а некоторые товарищи Маклакова по партии арестованы. Просуществовало Учредительное собрание в России, как известно, менее суток; 5 января 1918 г. стало первым и последним днем его работы.

«В дни революции, в дни почти всеобщего общественного психоза, нарушения законности и права твердые голоса, отстаивающие настоящую свободу, приобретают исключительное значение», — писал о Маклакове С.П. Мельгунов¹⁴. В 1917 г. в России прислушивались к другим голосам.

Не удивительно, что Маклаков охотно принял назначение послом в Париж.

* * *

Если Маклаков встретил Февральскую революцию без восторга, то что уж говорить о Шульгине! Взбунтовавшаяся толпа (многие современники называли ее народом — лексика зависела от отношения к происходящему) вызвала у него отвращение и ненависть. Лучше всего свое настроение изобразил он сам, в известной книге «Дни». «Пулеметов — вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя...» — писал Шульгин несколько лет спустя¹⁵. Было ли это на самом деле настроение марта 1917 г. или «мысли на эмигрантской лестнице» — кто знает...

Ибо тогда, в февральско-мартовские дни, Шульгин принял самое деятельное участие в революции. Совершавшиеся события он рассматривал как меньшее зло — по сравнению с разлагавшимся режимом, ведущим страну к поражению в войне. Шульгин вошел в состав Временного комитета Государственной думы, участвовал в формировании Временного правительства и переговорах о его целях и задачах с делегацией Исполкома Петроградского совета рабочих депутатов, был комиссаром Временного правительства в Петроградском теле-

графном агентстве. Самое заметное его деяние этого времени — поездка вместе с А.И. Гучковым в Псков к императору Николаю II. По иронии судьбы монархисту Шульгину пришлось принимать отречение последнего русского царя, а также участвовать в совещании с великим князем Михаилом Александровичем 3 марта 1917 г., в результате которого великий князь решил престол не принимать. Шульгин сравнивал положение в марте 1917 г. с ситуацией 14 декабря 1825-го: если тогда были люди, готовые выйти на площадь и умереть за царя, то теперь, по убеждению Шульгина, таких не было. Единственный из участников совещания, кто настаивал на необходимости соблюдения принципа преемственности власти и сохранения хотя бы фикции монархии, был... П.Н. Милоков. Но его голос остался единственным. Шульгин был в числе тех, кто готовил и редактировал акт отказа Михаила Александровича от престола.

Как и Маклаков, Шульгин был весьма невысокого мнения о способности народа к самоуправлению, способности разобраться в хитросплетениях партийных программ. «Ленин — это фирма, а вокруг него ютится целая свора людей, которые проповедуют все, что им в голову взбредет, — говорил Шульгин на заседании депутатов Государственной думы четырех созывов 27 апреля 1917 г. — Не забудьте, что наш народ не так уж подготовлен к политической деятельности и с трудом разбирается в этих вещах...»¹⁶

На московском Государственном совещании в августе 1917 г. Шульгин высказался против отмены смертной казни, против выборных комитетов в армии, за «неограниченную власть», против автономии Украины, о которой в полный голос заявила Центральная Рада в своем втором Универсале от 3 июля 1917 г. Отвечая на вступительную речь А.Ф. Керенского и явно имея в виду опасения в связи с восторженной встречей в Москве генерала Л.Г. Корнилова, Шульгин говорил: «Кем-то было упомянуто здесь знаменитое столыпинское “Не запугаете”. А зачем здесь оно приведено? Так во 2-й Государственной думе пугали. Кто и кого пугают здесь? Почему все время говорят о том, что надо спасать революцию, когда никакой угрозы нет. По крайней мере, она здесь не раздается. Почему говорят, что откуда-то грозит пока невидимая контрреволюция? Надо дать себе в этом отчет. Пять месяцев тому назад каждого, кто осмелился бы что-нибудь сказать против революции, растерзали бы на части. Почему же теперь настроение у всех изменилось? Причина тут в ошибках правительства... Я хочу, чтобы вся власть [Временного правительства], власть, среди которой, я не знаю, есть или нет лица, которые чуть ли не подозревают меня в контрреволюции, чтобы эта власть была действительно сильной... Я заявляю, что мы (малороссы), как и 300 лет

тому назад, жители этого края, желаем держать с Москвой крепкий и нерушимый союз»¹⁷.

Однако же опасения относительно генерала Корнилова оказались небеспочвенными, и в дни корниловского выступления 30 августа, при очередном посещении Киева, Шульгин был арестован как редактор «Киевлянина», по постановлению Комитета охраны революции, а газета была закрыта. Но вскоре его освободили, а выпуск газеты был возобновлен.

В начале октября оставшийся не у дел Шульгин переехал в Киев и встал во главе «Русского национального союза». И вскоре неожиданно оказался «заграницей». После того, как 7 ноября 1917 г. Центральная Рада провозгласила Украину Украинской народной республикой (УНР), «не отделяясь от России», а 22 января 1918 г. — «независимым, свободным суверенным государством украинского народа». Кошмар семейства Шульгиных-Пихно материализовался. Впрочем, независимой Украине суждено было оставаться недолго. Вскоре Киев был взят войсками большевиков, а менее чем через месяц в город вступили германские войска.

Следующие три года Шульгин посвятил борьбе с большевиками — словом и оружием.

Маклаков и Шульгин: к истории взаимоотношений

Настало время сказать несколько слов о личных и политических — ибо они были довольно тесно связаны — взаимоотношениях наших героев.

Много лет спустя, можно сказать, несколько эпох спустя, в 1970 г., Шульгин надиктовал воспоминания о 1917–1919 гг. Вспомнил он и о Маклакове, совершив экскурс в «думские» годы.

«Мне всегда нравилось в Маклакове, — говорил Шульгин о своем идейном противнике, — отсутствие крайностей фанатизма. С ним можно было говорить по любому предмету, и он никогда не лез на стену, пытаясь что-либо доказать. Политически же он обратил на меня внимание во 2-й Государственной думе, когда еще я был мало заметным депутатом. Он говорил о военно-полевых судах. Как адвокат он особенно выдвигал то, что у судимого военно-полевым судом нет никаких судебных гарантий и, прежде всего, у него нет защитника. Я ответил ему с кафедры Думы, что это совершенно верно — гарантий нет, защитника нет и это плохо, но, переходя в нападение, спросил:

— А где же защитники в тех подпольных судилищах, где приговаривают к смерти людей, начиная от министров и кончая городскими на улицах?

Маклаков взял слово, чтобы мне ответить, и сказал, что нельзя уравнивать власть и террористов. В этом он ошибался. В это время шла борьба совершенно военного характера с кровавыми убийствами и жертвами, число которых на стороне правительственной власти намного превышало число расстрелянных по приговору военно-полевых судов.

С этого времени, хотя мы и продолжали спорить, принадлежа к разным партиям, но между нами установилась манера спорить, которая устраивала нас обоих. Симпатия к противнику — одно из тех чувств, которое важно во все времена, но, может быть, никогда оно не было так нужно, как сейчас»¹⁸.

«Маклаков был один из светлых умов, какие я знал, — замечал Шульгин. — Об ораторском его таланте достаточно сказать, что его называли “златоуст” и “сирена”. Он обладал даром располагать к себе, когда выступал. Это называется подкупающим красноречием... Как очень умный человек, Маклаков не мог быть крайним. Когда ум побеждает страстность, то он видит и свет, и тени в каждом явлении»¹⁹.

Маклакова отличала от большинства русских политиков легкость (многие путали ее с легковесностью); этого фундаментально образованного человека кое-кто из современников почитал за дилетанта. «Вина» Маклакова заключалась в его необыкновенной одаренности, позволявшей ему быстро усваивать и понимать то, что иным коллегам или оппонентам давалось упорным трудом. А если к этому добавить еще и такое «непростительное» обстоятельство, как успех у женщин... Амурные похождения старого холостяка Маклакова были притчей во языцех московского и петербургского «общества». Маклаков, по мнению некоторых современников, мог претендовать на более крупную роль в партии кадетов, если бы... не тяготился длинными и нередко скучными заседаниями партийных ареопагов. Во всяком случае, общество хорошенькой женщины он частенько предпочитал компании своих товарищей по ЦК.

За этой легкостью не всем удавалось разглядеть глубину и незаемный ум Маклакова. Среди тех, кто разглядел, был Лев Толстой. Он избрал тогда еще юного студента своим спутником и собеседником во время пеших прогулок по Москве. Маклаков, с присущей ему непоказной скромностью и самоиронией, объяснял толстовский выбор тем, что писателю надо было отдохнуть во время прогулок, поэтому он и предпочитал прогуливаться с Маклаковым, ибо разговоры с ним не требовали большого умственного напряжения. Разумеется, это было не так, и их отношения, несмотря на 40-летнюю разницу в возрасте, были больше похожи на дружбу, нежели на взаимоотношения ученика и наставника. Маклаков неоднократно гостил в Ясной Поля-

не. Его воспоминания о Толстом, возможно, лучшее, что написано о великом мыслителе²⁰.

Н.А. Цуриков приводит в своих блистательных воспоминаниях забавный эпизод из «старомосковской» жизни. Однажды в «Прагу» зашли пообедать два приятеля — И.Л. Толстой и В.А. Маклаков.

«Увидав известных людей, к ним подошел один из старших и почтеннейших слуг: высокого роста, с длинной седеющей квадратной бородой и с выразительным именем — Сидор Парамонович:

— Здравствуйте, ваше сиятельство, здравствуйте, Василий Алексеевич, что будете кушать?

Ответил Илья Львович:

— А, Сидор Парамонович, что будем есть? Дай ты нам чем Василий Алексеевич Маклаков деньги зарабатывает с картофельным пюре.

Маклаков засмеялся.

Сидор Парамонович с невозмутимым видом выслушал заказ, поклонился, сказал “слушаюсь”, справился еще, что пить будут, и отбыл.

Минут через 15 он прибыл с двумя закрытыми судками и поставил их на стол.

Илья Львович открыл судок.

— Сидор Парамонович!

— Что прикажете, ваше сиятельство?

— Что же ты нам подал?

— Что заказывали, ваше сиятельство.

— Я же тебе язык заказал.

— Никак нет, ваше сиятельство, на одном языке далеко не уедешь, — улыбаясь ответил Сидор Парамонович.

— Ну, ничего не поделаешь, быть по-твоему, придется мозги есть.

— Ну что, брат, не вышло? — спросил довольный Маклаков.

— Положил, положил на обе лопатки, сдаюсь, побежден. Это, брат, аттестат первого разряда. Статьи в газетах, судебные процессы, речи в Думе — это все ерунда. Но если Сидор Парамонович признал — значит, твоя взяла!»²¹

Таков был диапазон признания маклаковского интеллекта — от официанта в «Праге» до Льва Толстого. Но все же умных людей в Думе было немало. Полагаю, что Шульгина в Маклакове привлекали, кроме бесспорных интеллектуальных качеств, способность видеть правду другой стороны (как раз то, в чем упрекал Василия Алексеевича лидер его партии П.Н. Милюков, писавший, что Маклаков и в политике остался адвокатом), легкость, чувство юмора, если

угодно — жизнелюбие. Эти качества (за исключением терпимости) были свойственны и Шульгину. Переписка Маклакова с Шульгиным поразительно отличается от его корреспонденции даже с близкими друзьями и единомышленниками по тону, еще раз повторю — легкости, свободе. Вряд ли кому-нибудь другому Маклаков мог написать что-то вроде: «А затем, если Вы действительно желаете возобновить дипломатические отношения, то благоволите отдать мне ответ в Вашем поведении, о Ваших видах на будущее, о Ваших грехах в прошлом и о Ваших подлостях в настоящем; соответственно этому будет и мое отношение» (22 ноября 1929 г. — здесь и далее в скобках ссылки на письма, включенные в настоящий сборник) .

Однако дело, конечно, было не только в легкости. Маклакова привлекала способность Шульгина мыслить нестандартно; его на самом деле интересовало, что думают люди, придерживающиеся иных взглядов, нежели он сам и его товарищи по партии (с которыми он, впрочем, нередко расходился). «В том сумбуре, который сейчас происходит, мне часто не хватало Вас и Вашей головы», — писал он Шульгину в начале 1921 г. (9 февраля), когда противникам большевиков, после крушения Белого движения, пришлось искать новые пути борьбы с большевизмом, да и вообще смысл своего существования в эмиграции.

Голова Шульгина была устроена совсем по-другому, чем маклаковская. Точнее, способ восприятия мира у него был другим. Если Маклакова отличала рассудочность, логичность, способность рассмотреть факты с разных сторон, то Шульгин в оценках происходивших событий шел скорее от эмоций, нежели от логики. При этом все-таки будучи способным эмоции обуздать — но, как правило, задним числом. Прославившийся в Думе хладнокровием и способностью иногда именно этим вывести из себя противника, Шульгин вовсе не выглядит таким ни в письмах, ни в текстах. Ни в жизни.

Чтобы понять разницу между ними, достаточно сравнить воспоминания Маклакова и Шульгина. У первого личный элемент задвинут куда-то «в дальнюю комнату», тексты рассудочны и аналитичны, у второго — эмоциональность, импрессионистичность, я бы даже сказал, кинематографичность. «Дни» или «1920» Шульгина, возможно, самые популярные (и одни из первых) воспоминания о русской революции и Гражданской войне, было бы легко экранизировать. Иногда это — как будто набор движущихся картин, моментальных «снимков» действительности.

Шульгин, в отличие от рационалиста и атеиста Маклакова, был мистиком. Верил в ясновидящих, в вещие сны. До конца дней записывал их (многочисленные записи хранятся в его фонде в Госархиве

Российской Федерации). Достаточно сказать, что в Россию на поиски сына он отправился после того, как поговорил с гадалкой, рассказавшей ему, что сын его — сгинувший в Крыму в последние дни врангелевской эпопеи — жив и находится в психиатрической лечебнице в Виннице. Забавно, что некоторые современные авторы пишут об этом, как о реальном факте. Между тем ничем, кроме слов членов «Треста», т.е. агентов ГПУ, говоривших Шульгину то, что он хотел услышать, это не подтверждается. Точнее, подтверждается обратное — поездку Шульгина в Винницу «контрабандисты» отказались организовать под надуманным предлогом. Вера Шульгина в то, что один из его сыновей, хотя и психически нездоров, но все же жив, понятна. Понятно и другое: логика в этом случае ему совершенно отказала. Крайне мала вероятность того, что красные озаботились лечением раненого врангелевца (по свидетельствам очевидцев, сын Шульгина был как будто ранен в голову), в то время как они проводили их (да и всех потенциально опасных режиму) беспощадное истребление в Крыму.

Личные отношения Маклакова и Шульгина к 1917 г. можно, пожалуй, уже назвать приятельскими. Во всяком случае, 26 февраля 1917 г. Шульгин вместе с П.Б. Струве «запросто» отправляется на квартиру Маклакова узнать, что происходит; происходила, как оказалось, революция. В августе того же года, после московского Государственного совещания, Шульгин был зван в имение Маклакова под Москвой, где «очень уютно» провел день в обществе Василия Алексеевича и его сестры Марии Алексеевны. В сентябре Шульгин по телеграмме Маклакова приезжает в Петроград: назначенный послом во Францию Маклаков хотел перед отъездом повидаться и условиться о сохранении связи в будущем²². Последнее оказалось не так легко — в Париж он прибыл в день большевистского переворота.

Гражданская война. Эмиграция

Верительных грамот Маклаков так и не вручил, но был де-факто признан французским правительством послом. Представлял интересы Белого движения в Париже. Во время Гражданской войны Маклаков дважды ездил в Россию — осенью 1919 г. на Дон, к Деникину, ранней осенью 1920-го — в Крым, к Врангелю. И оба раза разминутся с Шульгиным. После поражения Белого движения посол стал представителем российских изгнанников. В 1924 г., когда Франция признала Советский Союз, ушел в отставку с посольского поста и возглавил Эмигрантский комитет и Офис по делам русских беженцев при французском МИДе, став, по остроумному замечанию П.Н. Милюкова, па-

рижским губернатором, а точнее — ходатаем по делам своих соотечественников²³.

Шульгин в годы Гражданской войны принял самое активное участие в Белом движении, став одним из его идеологов и организаторов. Именно Шульгин, совместно с генералом А.М. Драгомировым, написал Положение об Особом совещании при Главнокомандующем, ставшем фактически правительством генерала А.И. Деникина. Шульгин создал и возглавил разведывательную организацию «Азбука», действовавшую параллельно официальным структурам и, по-видимому, более эффективно²⁴. О своей деятельности в период Гражданской войны Шульгин рассказал в книге «1920» и в упоминавшихся выше воспоминаниях, продиктованных им в 1970 г. После различных приключений ему удалось в конце 1920 г. вырваться за границу.

Если Маклаков почти безвыездно жил в Париже, то Шульгина после Турции занесло в Болгарию, затем он жил в Чехословакии, Германии, с 1924 г. — во Франции, с 1930-го — в Югославии. Если Маклаков был «при должности» и при жалованьи (да и личные сбережения высокооплачиваемого адвоката, а затем посла позволяли не думать о «куске хлеба»), то положение Шульгина было не столь прочным. Однако получше, чем у большинства эмигрантов. Как ни печалился Шульгин (как, впрочем, и подавляющее большинство русских эмигрантов) о расчленении России, но в его конкретном случае поговорка «не было бы счастья, да несчастье помогло» была более чем уместна. Дело в том, что часть его имения, включая вальцовую мельницу, оказалась на территории Польши. И приносила некоторый доход, не только позволявший сводить концы с концами, но и помогать родственникам. Дополнительный — хотя и довольно скромный — доход давали литературные труды. А позднее, во время службы Шульгина в гукасовской газете «Возрождение», начавшей выходить с 1925 г., доход стал вполне осязаемым. Правда, ненадолго.

Переписка

Шульгин и Маклаков sporадически переписывались в годы Гражданской войны, однако от этого времени сохранилось лишь одно письмо Шульгина, точнее, копия письма среди бумаг А.В. Тырковой-Вильямс в Британской библиотеке. Копию этого письма, относящегося к ранней весне 1919 г., «железной леди» русского либерализма отправил Маклаков, сочтя его важным источником, освещающим события в России. Были — судя по последующей переписке — и другие письма, но никаких их следов нам обнаружить не удалось.

Переписка между приятелями возобновилась в начале 1920-х гг. по инициативе посла. Маклаков написал Шульгину «наудачу» в Константинополь 9 февраля 1921 г. и вскоре получил ответ. Целью письма было не просто узнать, как поживает старый знакомый. «В том сумбуре, который сейчас происходит, мне не хватало Вас и Вашей головы... Крушение Врангеля было крушением целого мировоззрения, целой надежды на освобождение России путем вооруженной борьбы», — констатировал Маклаков. Что же дальше? Каковы пути преодоления большевизма? Какую роль может сыграть в этом русская эмиграция? Что делать «заграничному русскому двухмиллионному народу» (Шульгин)? Это проблемы, которые корреспонденты начинают обсуждать уже в начале 1921 г.

Переписка Маклакова и Шульгина временами была регулярной и интенсивной, временами прекращалась на несколько месяцев, а то и лет. Обсуждали прошлое — революцию; настоящее — судьбу и задачи эмиграции; как водится, речь шла о том, кто виноват и что делать. В 1923 г. Шульгин гостил у Маклакова в Париже, жил в здании посольства на улице Гренелль. Профессиональному юристу Маклакову пришлось взять на себя заботы по оформлению развода Шульгина, а затем — уже как влиятельному члену эмигрантской колонии и личному знакомому митрополита Евлогия — о снятии с грешника епитимьи, что позволило его приятелю вступить в новый брак.

А грех был и в самом деле велик. Гражданская война жестоко прошла по семье Шульгина: один из его троих сыновей был убит петлюровцами при обороне Киева, другой, по словам очевидцев, был ранен в период последнего отступления врангелевской армии в Крыму и остался во власти красных. Шульгин верил, что он жив. Похоже, это была та надежда, которая умирает последней. Младший, Димка, в судьбе которого некоторое участие принял впоследствии Маклаков, оказался в русском Морском корпусе в Бизерте, в Тунисе. Это была, конечно, большая удача. Жена Шульгина — Екатерина Григорьевна, дочь известного публициста Г.К. Градовского, «потерялась» в неразберихе Гражданской войны. Женщиной она была незаурядной — принимала самое активное участие, как и весь клан Шульгиных, в издании и редактировании «Киевлянина», публиковалась на его страницах под псевдонимом Алексей Ежов. В период Гражданской войны, после отъезда Шульгина на юг, в распоряжение Добровольческой армии, дом Шульгиных остался «штабом», точнее, «представительством» Добровольческой армии в Киеве. Затем в Одессе Е.Г. Шульгина была арестована ЧК, но каким-то образом осталась жива и вышла на свободу. Служила некоторое время сестрой мило-

сердия в отряде полковника Стесселя. Не смогла сразу выбраться за границу и осталась в Советской России.

Оставшись на «холостом положении», Шульгин сошелся с Марией Дмитриевной Седельниковой, дочерью генерала. Ей исполнилось ко времени их знакомства 20 лет, она была более чем в два раза моложе своего возлюбленного. А затем Екатерина Григорьевна «нашлась». В январе 1922 г. она нелегально — с паспортом на имя крестьянки Орловской губернии А.К. Тереховой — перешла советско-польскую границу²⁵.

Шульгину удалось добиться у Екатерины Григорьевны развода. Однако процедуры как развода, так и заключения нового брака для эмигрантов — бесподданных — были весьма непросты. Значительная часть переписки посвящена именно этой проблеме, которая в конечном счете благополучно — при помощи Маклакова — была разрешена. На примере этого частного случая можно почерпнуть любопытные сведения о процедуре развода среди эмигрантов. Это на самом деле была большая проблема для эмигрантов: годы революции и Гражданской войны, эмигрантские скитания приводили нередко к распаду семей, созданию де-факто новых. Но вот оформить юридически сложившиеся отношения бесподданным было крайне сложно.

Что же касается Екатерины Григорьевны, то ее жизнь закончилась трагически — она покончила с собой — утопилась в Дунае 24 апреля 1934 г. Ей было 55 лет.

Маклакову было «проще», чем Шульгину, — старый холостяк, он не был обременен семьей, выехал за границу в качестве посла вместе с любимой сестрой Марией, исполнявшей обязанности «домоправительницы». Однако и среди его близких не обошлось без жертв. Его младший брат Николай, в прошлом министр внутренних дел, был расстрелян ВЧК в 1918 г. «в порядке красного террора». Маклаков признавался, что они не были друзьями с братом, одним из самых одиозных министров последнего российского императора. Однако написал однажды, что его смерти большевикам никогда не простит.

Вернемся, однако, к переписке. Всего сохранилось 135 писем (во всяком случае, столько нам удалось обнаружить). Среди них 81 письмо Шульгина, 54 — Маклакова. Такой дисбаланс объясняется отчасти тем, что некоторые письма Маклаков писал от руки и их копии не сохранились в его личном фонде в архиве Гуверовского института. Но главная причина, видимо, в том, что многие письма Шульгина — просьбы. Преимущественно о визах, а также о вопросах, связанных с его разводом и оформлением нового брака. Однако в переписке преобладали все-таки политические и историософские проблемы, нежели бытовые.

Что делать?

Главным вопросом, который волновал эмигрантов после краха Белого движения, был традиционный русский вопрос: «Что делать?». Мало кто в начале 1921 г. мог предположить, что обсуждать этот вопрос предстоит еще многие годы, и в самом страшном сне большинству изгнанников не могло присниться, что эмиграция — это навсегда. Во всяком случае, для тех из них, кто не капитулирует перед советской властью или не будет доставлен на родину в арестантском вагоне. Позднее эмигрантские споры навязнут в зубах, и Дон-Аминадо напишет:

Живем. Скрипим. И медленно седеем.
Плетемся переулками Passy
И скоро совершенно обалдеем
От способов спасения Руси²⁶.

Но пока что армия Врангеля не была распущена, и в суровых условиях Галлиполи, Лемноса и Чаталджи генералы стремились сохранить ее как боевую силу. И мечтали о «весеннем походе». Противоположного мнения придерживались многие эмигранты либерально-демократической ориентации. 21 декабря 1920 г. на собрании группы кадетов в Париже П.Н. Милюков выступил с программным докладом «Что делать после Крымской катастрофы?». В докладе были сформулированы основные положения «новой тактики» борьбы с большевизмом, предполагавшей преодоление большевизма изнутри. В докладе, в частности, говорилось: «Рассчитывать на возможность улучшения политики военного командования после стольких неудачных опытов мы, очевидно, более не имеем права».

Шульгин был верным врангелевцем и вскоре вошел в Русский Совет, своеобразное врангелевское «правительство в изгнании». Маклаков после Крымской катастрофы разочаровался в возможности свержения большевизма вооруженным путем. К этому добавлялась личная досада, поскольку Врангель ввел его в заблуждение: говорил о неприступности Крыма и готовности его защищать, а сам втайне готовил эвакуацию.

Учитывая эти обстоятельства, не удивительно, что корреспонденты чаще не соглашались между собой, нежели приходили к консенсусу. «Пока что я могу констатировать одно, — писал Маклаков в апреле 1921 г., — мы думаем в совершенно разных плоскостях» (5 апреля 1921 г.). «В разных плоскостях» продолжали они думать и в дальнейшем, что создавало необходимую «разность потенциалов» и интеллектуальное напряжение. Особый интерес переписке придает то, что спор между собой ведут заведомые русские патриоты: правый нацио-

налист Шульгин и, если так можно выразиться, либеральный, просвещенный националист Маклаков. Это был именно спор, а не перебранка, — каждый из корреспондентов хотел объяснить оппоненту свою позицию и, если возможно, — убедить в своей правоте.

Шульгин был более оптимистичен, нежели Маклаков. В революционной катастрофе он усматривал и положительные стороны: «Для меня настоящая эпоха есть не более как та суровая школа, которую было необходимо пройти нашей совершенно обабившейся (да простят мне это слово поклонницы Вашего таланта) интеллигенции» (24 февраля/9 марта 1921 г.). Он верил в то, что эмиграция будет «призвана» в Россию: «Ведь ясно, что захотят призвать варягов в ту минуту, как убедятся, что красный порядок невыносим» (там же). Дело эмиграции — быть готовой к «призыванию»: «Мы должны стать белыми Моисеева закона» (5 января 1923 г.). Шульгин, разумеется, не предлагал своим соратникам перейти в иудаизм: он призывал их быть «крепкими в вере».

Маклаков не верил в возможности эмиграции влиять на происходящее на родине и делал ставку на эволюцию внутри Советской России: «В сущности, большевики и не будут низвержены; они останутся хозяевами в России; будет преемственность между Россией большевистской и Россией будущей, как была преемственность между революцией и Бонапартом. Не будет морального удовлетворения, что предатели получают возмездие от России. Они поедят друг друга сами, и сам большевизм исцелит большевизм. С точки зрения моральной потребности человека окажется большой недочет. Но это будет не ново в истории» (5 апреля 1921 г.). Врангеля он считал человеком «конченным».

В отличие от своего приятеля и оппонента Шульгин полагал, что спасение придет извне, и надеялся на «варягов». Под варягами он понимал вовсе не иностранцев, а тех русских, которые, пройдя испытание Гражданской войной, обрели настоящую твердость и способность к борьбе: «Ибо я убежден, что причина всех несчастий была изнеженность руководящего класса, неспособного нести на себе бремя власти». Впрочем, надеялся Шульгин, избавление может прийти и изнутри России: «Варягов призовут из своей собственной среды по испытанному рецепту бонапартизма». Отсюда следовали и тактические рецепты Шульгина: «1. Держаться Врангеля до судорог, пока он существует. 2. Готовить нечто на случай падения этого бога» (24 февраля/9 марта 1921 г.).

Маклаков в шульгинскую «варяжскую теорию» не верил. Он делал ставку на эволюцию, на стихийный процесс преодоления большевизма «снизу». Однако это не внушало ему оптимизма: «...стихийный

процесс поведет нас ужасной дорогой и приведет к ужасным результатам... большевики погибнут, но погибнут последними; раньше этого погибнут остатки нас и все то, что было интеллигентного и инициативного в массе» (5 апреля 1921 г.).

На этих позициях корреспонденты оставались и три года спустя, за исключением того, что в роли вождя, способного возглавить «варягов» (по терминологии Шульгина), правыми кругами эмиграции теперь рассматривался великий князь Николай Николаевич, обосновавшийся к тому времени в имении Шуаньи под Парижем. Заметим, что уговорить великого князя принять на себя роль вождя после некоторых усилий удалось, однако это мало способствовало объединению правых кругов эмиграции.

Маклаков был уверен, что мысль Шульгина, будто «нечто должно выйти из эмиграции, ошибочно в самом корне». «Здесь из этих яиц Вы ничего не высидите, сколько бы Вы и ни сидели», — убеждал он своего корреспондента (18 февраля 1924 г.). Тем более если речь идет о монархистах. Республиканские лозунги не вдохновляли Маклакова, и он не верил, что эти лозунги способны вдохновить массы. Однако монархисты были, с его точки зрения, еще хуже: «Они воскресили вполне ту старую идеологию старого режима, которая сначала развратила, а потом и погубила Россию». Маклаков по-прежнему уповал на эволюцию если не советской власти, то жизни, быта, которые постепенно перемелют фанатиков революции. «Нужно заняться разрыванием навозной кучи и искать жемчужину в Советской России», — убеждал он Шульгина (там же).

Заметим, что письма, при всей серьезности затрагиваемых в них проблем, лишены какой-либо тяжеловесности, полны шутилкой пикировки. В ответ на какой-то упрек Маклакова Шульгин писал: «Я перехожу в наступление только потому, что это лучший способ защиты, чему меня научила Ваша же кадетская фракция. Впрочем, вообще всем гадостям я научился у кадет, и если виноват в чем-нибудь, так только с тех пор, как с ними спутался» (10 декабря 1924 г.). Маклаков, в ответ на упрек Шульгина, что он не поздравил его с женитьбой, замечал: «Вы должны были бы знать, что европейцы, если они не неучи и не математики, имеют обязанностью оповещать своих добрых знакомых о всех печальных событиях их жизни: смерти близких людей, женитьбе и т.п.». Без уведомления «мое воспитание требовало, чтобы я молчал, что я и очень успешно исполнил» (15 декабря 1924 г.). Переписка Маклакова с Шульгиным, повторим еще раз, поразительно отличается от его корреспонденции даже с близкими друзьями и единомышленниками по тону, легкости, свободе.

Кто виноват?

Одной из главных тем эмигрантской печати в 1920-е гг. был вопрос о причинах русской революции. Искали виноватых. Редко кто решался посмотреть критически на собственные действия. Либералы видели причину российской катастрофы в неумной политике правительства и эгоизме правых; социалисты — в коварстве большевистских заговорщиков; правые винили либералов, бездумно раскачивавших государство и дискредитировавших своей болтовней «историческую власть», которая одна только и могла сдержать разрушительные силы, таившиеся в народе.

Оба корреспондента были активными участниками полемики. Шульгин уже в начале 1920-х гг. опубликовал, возможно, лучшие, с литературной точки зрения, мемуарно-публицистические книги о революции и Гражданской войне — «Дни» и «1920». Он писал Маклакову 2 августа 1923 г.: «Я пишу для потомства, чтобы сохранить то, что было, ибо ужас меня берет, когда я вижу, как быстро испаряется из памяти и сознания человеческих все, даже совсем недавно пережитое. Я не удивлюсь, что в России через некоторое время забудут не только прелести старого режима, но и ужасы Чрезвычайки. Мы какие-то не помнящие, не только родства, не только отца с матерью, но вчерашнего дня».

В 1924 г. начался их спор о причинах российской катастрофы 1917 г. в связи с тем, что Маклаков решил «отбивать хлеб» у Шульгина, а именно — напечатать во французском журнале «Ревю де Пари» цикл статей об историческом развитии России предреволюционных десятилетий. По мере публикации статей Маклаков посылал их оттиски Шульгину, а тот тщательно прорабатывал их, с карандашом в руках. Оттиски статей, сохранившиеся среди бумаг Шульгина в Госархиве Российской Федерации, содержат многочисленные пометы Шульгина, иногда весьма любопытные. Так, идеей-фикс «законника» Маклакова было то, что одной из причин катастрофы 1917 г. было нарушение преемственности и символики власти. Отказ великого князя Михаила Александровича принять власть в марте 1917 г. сыграл, по его мнению, роковую роль. Шульгин написал напротив этих рассуждений на полях маклаковской статьи: «Неверно. Только одно: если бы вел. кн. Мих[аил] Ал[ександрович] был Корнилов, Деникин или Врангель, только тогда можно было бороться с ним во главе»²⁷. Проблема, однако же, заключалась в том, что борьба во главе с Корниловым, Деникиным и Врангелем закончилась поражением.

Маклаков считал революцию неизбежным результатом политики самодержавия. Власть не шла на реформы, необходимые «повзрос-

левшей» стране: «Наступил момент в нашей истории, когда власть разошлась со страной и вместо того, чтобы управлять ею, стала с ней бороться; эта основная фальшь нас и развратила» (15 декабря 1924 г.). Досталось от него и либералам, «колебавшим здание» российской власти и не представлявшим, какие силы они тем самым будят, и не сумевшим впоследствии, ввиду полной неподготовленности к государственной деятельности, с этими силами справиться.

Шульгин подошел к объяснению причин русской революции, сам того не подозревая, «антропологически»: «Причина постыдного поведения нашего в 1917 г. кроется гораздо глубже, чем в особенностях политического правления нашей родины, и таится она там, где и всегда на протяжении истории таилась, — в случаях, сему подобных: в вырождении физическом и душевном классов, предназначенных для власти» (10 декабря 1924 г.).

На этом спор не закончился; Шульгин считал, что Маклаков игнорирует важнейший, с его точки зрения, вопрос русской жизни, послуживший едва ли не главной причиной крушения Российской империи, — национальный. Шульгин прислал своему другу и оппоненту обширную статью, в которой излагал свою версию событий. Статья предназначалась для одного читателя — Маклакова. Шульгин обвинял его в игнорировании национального вопроса, который автор «Дней», по свойственной ему «мономании» (Маклаков), сводил к «еврейскому вопросу». Дискутируя с Шульгиным о причинах русской революции, Маклаков неизбежно должен был раньше или позже «упереться» в «еврейский вопрос». Ведь Шульгин был одним из самых известных и, вероятно, самым литературно одаренным российским антисемитом XX в. Шульгин видел «болезнь русского народа» в «непомерном развитии “кое-каков”, озлобленных и утопистов». Однако эту болезнь можно было пережить без катастрофы, если бы не два обстоятельства: евреи и немцы: «Теперь можно сказать почти с уверенностью, что объявив войну Германии, надо было помириться с еврейством. Или, наоборот, продолжая борьбу с еврейством, надо было ни в коем случае не допускать войны с Германией» («По поводу одной статьи», 1925).

Маклаков не согласился со своим критиком: «Наблюдая развитие русской революции, я мог бы Вам сказать то, что сказал Лаплас Наполеону о Боге: “Для объяснения того, что происходит в мире, я не нуждался в этой гипотезе”, точно также, для того чтобы понять, как развивалась революция в России, мне вовсе не нужно было говорить об еврейском вопросе; его роль настолько второстепенная, что я убежден, что если вычеркнуть даже всех евреев, то в главных чертах рево-

люция совершилась бы точно таким же способом, как она совершилась» (5 марта 1925 г.).

По Маклакову, причиной революции стал раскол правящей «просвященной олигархии». С Россией «произошло то, что всегда происходит с олигархией. Олигархия расслаивается, разделяется на социальные классы и политические партии, которые грызутся между собой». Ответственность за склоку внутри правящего класса Маклаков принимал на себя, возлагал и на Шульгина. Ибо, по его мнению, оппозиция также была частью правящей олигархии. Когда часть олигархии пригласила себе на помощь «молчаливые массы», тогда «русская необразованная деревня выступила на сцену и получилось то, что получилось» (там же).

Маклаков не отрицал роль войны в крушении России, так же как и значение национального вопроса. Но трактовал их совсем иначе, нежели Шульгин. Он считал, что «одним из коренных грехов нашего великорусского правительства было небрежение к этому (национальному. — О. Б.) вопросу, непонимание того, что Россия страна разноречивая и разнородная. Национальный вопрос один из тех, и это Вы правильно указываете, который будет разрешен революцией. Будет ли Россия федерацией или централистическим государством с широкими автономиями — это деталь, но за национальностями будут ухаживать, а не будут с ними бороться» (там же).

Раздосадованный упорством оппонента, Шульгин передал ему «антижидовский» привет и назвал «Василием Темным». Всегда обязательный Маклаков и на это сумбурное послание ответил своевременно, поиронизировал над «мономанией» Шульгина, а на «Василия Темного» откликнулся «Валаамовой ослицей» (Шульгин — Маклакову, 28 мая 1925 г.; Маклаков — Шульгину, 5 июня 1925 г.). На том обсуждение «еврейского вопроса» и застопорилось, чтобы возобновиться почти через пять лет.

Взгляды Маклакова на «еврейский вопрос» были классически-либеральными и вполне прагматическими. В годы Гражданской войны, когда антисемитизм стал де-факто «козырной картой» пропаганды белых и «душой» Добровольческой армии, по выражению одного из участников кадетской партийной конференции в ноябре 1919 г., Маклаков стремился противостоять этим тенденциям. Хотя бы из тех же прагматических соображений — антисемитская пропаганда, неспособность или нежелание пресечь еврейские погромы отрицательно сказывались на «имидже» Белого движения за границей и мешали его дипломатической работе²⁸.

Что же касается Шульгина, то его антисемитизм еще более усилился в годы Гражданской войны. Хотел бы подчеркнуть, что он не призывал к погромам. Более того, в первом же номере «Киевлянина», вышедшем после занятия Киева деникинцами 21 августа 1919 г., в статье «Мне отмщение и аз воздам» Шульгин проводил мысль, что «суд над злодеями должен быть суровым и будет таковым, но самосуд недопустим». Объективно это было предостережение против еврейского погрома, который, по словам Шульгина, «мог разыграться каждую минуту»²⁹.

Однако он «с пониманием» отнесся к погромам; Шульгин считал, что еврейство несет ответственность за преступления большевиков, ибо евреи являются стовальным хребтом коммунистической партии. В дни «тихого погрома» в Киеве, осуществлявшегося по ночам неуправляемыми «добровольцами», Шульгин опубликовал знаменитую статью «Пытка страхом» («Киевлянин», 8 октября 1919 г.), своеобразный манифест идейного антисемитизма. Выступая от лица русского населения, Шульгин задавался вопросом, «научатся ли в эти страшные ночи чему-нибудь евреи?» С его точки зрения, перед евреями было две дороги: одна — признать свою вину в разрушении государства, «не ими созданного», и покаяться; другая — «отрицать и обвинять всех, кроме самих себя».

«От того, — заключал Шульгин, — какой дорогой они пойдут, будет зависеть их судьба. Ужели же и “пытка страхом” не укажет им верного пути?»³⁰

Нет нужды ломиться в открытую дверь и доказывать, что сотни тысяч вырезанных, искалеченных, ограбленных петлюровцами и «добровольцами» местечковых, в основном, евреев, никакого понятия не имели о Карле Марксе и его идеях и состояли с Троцким-Бронштейном примерно в таких же отношениях, как Шульгин с Ульяновым-Лениным³¹.

Случай Шульгина любопытен тем, что человек он был искренний. Для него антисемитизм — не способ достижения тех или иных целей: это глубокое и «выстраданное» убеждение. Причем, как это нередко бывает, Шульгин не был «зоологическим» антисемитом. Отдельно взятый еврей мог быть его приятелем; однако еврейство в целом представлялось ему угрожающей силой. Серьезные подозрения были у него и относительно масонства — к тому же масонам «не положено» было быть антисемитами и клерикалами. Однако же один масон и, по его мнению, высокой степени, стал другом Шульгина — это был не кто иной, как Василий Алексеевич Маклаков. И, надо сказать, в этом отношении Шульгин не ошибался.

Поездка в Россию. «Еврейский вопрос»

Между двумя всплесками дискуссии о «еврейском вопросе» многое произошло. В конце 1925 — начале 1926 г. Шульгин съездил в Россию при помощи нелегальной антисоветской организации «Трест»; столь отчаянная поездка объяснялась не только политическими, но и личными мотивами: он надеялся отыскать пропавшего без вести сына. Сына он не нашел. Однако поездка внушила ему определенный оптимизм. Он усмотрел перерождение власти и общества; с удовлетворением отметил массовые антисемитские настроения. Шульгин проницательно заметил, что «под жидами» формируется новый слой властителей, который истребит со временем нынешних. В этом он оказался прав; только говорить надо, видимо, не о размежевании по национальному принципу в большевистских верхах, а об отстранении от власти в недалеком будущем партийных «интеллигентов». Еврейское происхождение многих из них было умело использовано противниками, прежде всего Сталиным. В литературе уже отмечалось, что в борьбе со своими оппонентами — Троцким (Бронштейном), Зиновьевым (Радомысльским) и Каменевым (Розенфельдом) — генсек опирался, в числе прочего, и на антисемитские настроения партийных низов³². Шульгин предвидел еврейские погромы, однако не был от этого в восторге. В разговоре с одним из руководителей «Треста», Якушевым, он заявил, что считает «погромное разрешение еврейского вопроса великим бедствием для будущей России со многих точек зрения»³³.

По итогам своей поездки Шульгин выпустил в 1927 г. нашумевшую книгу «Три столицы», почти сразу же переведенную на французский язык. Каков же был конфуз, когда выяснилось, что «Трест» — создание ГПУ, и Шульгина возили по СССР его агенты. Причем текст книги предварительно побывал в Москве, где ее процenzуровали «друзья» Шульгина по «Тресту». Много лет спустя он признавался, что «кроме подписи автора, т.е. “В. Шульгин”, под этой книгой можно прочесть невидимую, но неизгладимую ремарку: “Печатать разрешаю” Ф. Дзержинский»³⁴.

Политическая репутация Шульгина оказалась сильно подмоченной. Только и оставалось, что написать книгу по «еврейскому вопросу». Такой книгой стал трактат, озаглавленный Шульгиным «Что нам в них не нравится» (1929), с подзаголовком «Об антисемитизме в России». В нашу задачу не входит анализ этого произведения; подобно шахматистам, совместно анализирующим сыгранную партию, это делают Маклаков с недавним «гостем» ГПУ.

Остановлюсь на контексте, в котором появился трактат Шульгина. В 1920-е гг. в Русском зарубежье выходили десятки антисемитских брошюр и книг, страницы многих газет и журналов правого толка буквально сочились ненавистью по отношению к евреям. Этой антисемитской пропаганде противостояла либеральная и демократическая печать. Против антисемитизма и сведения проблемы русской революции к «еврейскому вопросу» выступили П.Н. Милюков, Ф.И. Родичев, В.Д. Набоков, В.Л. Бурцев, С.Г. Сватиков, Б.И. Николаевский и многие другие русские публицисты, принадлежавшие к различным партиям и направлениям³⁵.

Но ведь революция вышла из страны и тысячи евреев, в том числе принимавших активное участие в борьбе против большевиков, отдававших большевистских тюрем и лагерей. Как вели себя «пишущие» евреи, решавшиеся говорить от имени своего народа? Одни стали отмыться от чужих грехов, как, например, публицисты парижской «Еврейской трибуны», издававшейся М.М. Винавером³⁶; другие — каяться в чужих грехах, подобно авторам сборника «Россия и евреи»³⁷. Статьи из этого сборника с удовольствием цитировал Шульгин. Самое любопытное, что возникла некая форма ранее немыслимого диалога между идейными антисемитами и той частью еврейства, которая связывала свое будущее с Россией. Другая часть, не собиравшаяся возвращаться и стремившаяся либо возродить еврейское государство, либо интегрироваться в жизнь принявших беженцев из России стран, просто игнорировала эти дебаты.

В Париже 27 мая 1928 г. был проведен даже диспут об антисемитизме, на который был приглашен Шульгин. Он не смог приехать и в ответ на вызов, прозвучавший в статье-отчете об этом диспуте, обращенной к «честным антисемитам», откровенно высказать, что же им не нравится в евреях, написал книгу. Автор статьи в милюковских «Последних новостях», журналист С.Л. Поляков-Литовцев надеялся, что диалог мог бы принести «действительную пользу и евреям, и русским — России...»³⁸. Шульгин, в общем, считал так же и попытался объяснить евреям, чем же они так досадили ему и его единомышленникам. А также указать евреям путь к исправлению. Вряд ли злобно-ерническая книга Шульгина могла заставить хоть одного еврея всерьез воспринимать аргументы ее автора. Между тем Шульгин на самом деле хотел что-то объяснить евреям и найти путь для цивилизованного разрешения еврейского вопроса в России. Правда, обязанность «исправиться» он возлагал только на евреев. Замечательно короткое послесловие к его книге, в котором он кратко характеризовал русских и евреев: «Хотя мы сами злы, как демоны, и слабы, как дети, но нравятся нам Сила и Добро. Мы и друг друга ненавидим

именно за то, что во всех нас — бессильное зло. Вы — *уже сильны; научитесь быть добрыми, и вы нам понравитесь...*»³⁹

Последнее пожелание свидетельствует о том, что политический антисемитизм у Шульгина вполне сочетался, по его же терминологии, с трансцендентальным или иррациональным. Маклаков же подходил к еврейскому вопросу с вполне рационалистических позиций.

В отношении к «еврейскому вопросу» Маклаков был и остался классическим либералом; убеждения, сформировавшиеся у него в конце XIX в., не претерпели каких-либо существенных изменений, несмотря на все последующие бурные события. Еврейское равноправие не было для него первоочередной проблемой, однако необходимость его введения никогда не вызывала у Маклакова сомнений. Еврейский вопрос был для него русским вопросом, индикатором степени цивилизованности российского государства. Этот адвокат и политик, нередко заявлявший, правда, «среди своих», о своей нелюбви к евреям — то как к антропологическому типу, то как к народу, требующему для себя особого положения, в практической области сделал для эмансипации и защиты еврейства, возможно, больше, чем любой другой русский либерал. Коллега Маклакова юрист А.Н. Мандельштам сделал на нескольких подаренных ему книгах характерную надпись: «Постоянному защитнику всяких меньшинств». Проблема российского еврейства была для Маклакова частным случаем проблемы меньшинства.

Во «втором туре» (первый состоялся в 1925 г.) полемики по «еврейскому вопросу» оппоненты нередко начинали идти по кругу, повторяя, в различных вариантах, те же самые аргументы. Это, в конечном счете, привело к прекращению спора. Корреспонденты остались на прежних позициях, мало в чем убедив друг друга.

Принципиальность затронутых проблем и высокий литературный уровень эпистолярного диалога побудили Шульгина предложить Маклакову напечатать, после определенной переработки, их переписку отдельной книгой. Маклаков от этого «гнусного предложения» отказался, мотивируя отказ, в частности, тем, что если это печатать, то получится не переписка, а просто публицистика; к тому же, по его мнению, «об еврейском вопросе можно говорить только в очень интимной и дружеской компании»⁴⁰.

Получилась, действительно, публицистика, и публицистика весьма любопытная. Несомненно, она имеет немалый исторический и психологический интерес. Срок давности — и дело здесь не только в юридической стороне вопроса — позволяет историку опубликовать ту «интимную» переписку, которую Маклаков не хотел в 1930 г. предавать гласности. Что ж, такова судьба «публичных» политиков — рано

или поздно их письма и дневники становятся достоянием читателей. Подозреваю, что они и сами понимали возможность и даже неизбежность этого — иначе зачем передавали свои материалы в архивы, в которых имеют обыкновение копаться любопытные историки?

О большевизме и Льве Толстом

Еще одним вопросом, по которому воззрения друзей-противников разошлись коренным образом, было отношение к личности и учению Льва Толстого. Маклаков был в довольно близких отношениях с Толстым и его семьей. Его перу принадлежат блистательные статьи о Толстом. Одна из маклаковских лекций — «Толстой и большевизм» (Париж, 1921 г.), вышедшая в виде брошюры, — вызвала бурную, хотя и несколько запоздалую, реакцию Шульгина.

«Вы утверждаете, что Толстой был глубоким моралистом. Я же нахожу, что его учение глубоко развратно», — писал он Маклакову (7 марта 1927 г.). «Развратность» толстовского учения Шульгин усматривал в его проповеди непротивления злу насильем и одновременно — в «психическом насилии» Толстого над инакомыслящими. С точки зрения Шульгина, «вся мораль, какая есть в человеческой душе, протестует против подобных выводов и повелительно требует в известных случаях: «бей в морду без рассуждений»! Из этого чувства и родилось все остальное: государство, закон, все, что хотите» (там же). Принявшие толстовское учение открыли тем самым дорогу большевизму, насильем отнюдь не пренебрегавшему.

С точки зрения Маклакова, попытка возложить на Толстого ответственность за большевизм нелепа: и большевики, и их противники на самом деле по одну сторону, а Толстой — по другую. Маклаков переслал копию письма Шульгина дочери Толстого Т. Л. Сухотиной-Толстой. Дочь Толстого сочла рассуждения Шульгина поверхностными и банальными: «Сказано: “не противься злему”, а не злу. Кроме того отец признавал непротивление злему насилием. Неужели Шульгин не заметил, что Толстой всю свою жизнь только то и делал, что противился злу? И неужели Шульгин за свою длинную жизнь тоже посмотрел то, что гораздо важнее — это то, что слово и убеждение действуют сильнее, чем “бей в морду без рассуждений”? ... Почему он считает учение о непротивлении — Толстовским? Я предполагаю, что он когда-нибудь читал Евангелие, но, вероятно, забыл 39 стих V гл. от Матфея» (Т. Л. Сухотина-Толстая — Маклакову, 19 марта 1927 г.).

Переписка Маклакова и Сухотиной-Толстой, возникшая во многом как реакция на полемику с Шульгиным, также включена в предлагаемую вниманию читателя книгу.

Накануне наступления нового, 1929 г. Шульгин вспоминал о том ужасе, который вызвал у одного из его знакомых в начале 1920-х гг. прогноз, что в Россию они вернутся в 1929-м. Наступал 1929 г., а перспективы возвращения стали еще более туманными. Шульгин, конечно, не мог и в страшном сне предположить, что в Россию его привезут сотрудники советских спецслужб и первые двенадцать лет на родине ему придется провести в тюрьме...

В переписке нашла отражение попытка издателя эмигрантской газеты «Возрождение» А.О. Гукасова вернуть в 1929 г. в число сотрудников П.Б. Струве и В.В. Шульгина. Гукасов собирался основать новый журнал, в противовес левым «Современным запискам», а в редакторы политического отдела приглашал Маклакова. Последний отказался, поскольку, при всем критическом отношении к своим товарищам по партии кадетов, не собирался переходить в противоположный лагерь.

Корреспонденты обсуждали также проблему представительства украинских беженских организаций при нансеновском офисе по делам беженцев при Лиге наций. В переписке нашли отражение и дела, не относящиеся к политике, — устройство, при содействии Маклакова, сына В.В. Шульгина Дмитрия во французское военное училище, традиционные для эмигрантов визовые проблемы и другие сюжеты, относящиеся к повседневной жизни российских изгнанников.

Последние годы. Последние письма

В 1930-е гг. «градус» политической жизни эмиграции заметно снижается. Перспективы возвращения на родину становятся все более туманными. Кое-кто отправляется в Россию добровольно, как писатель А.И. Куприн или художник И.Я. Билибин. Кое-кто признает правоту «советов» и начинает сотрудничать с советскими спецслужбами, как бывший доброволец муж Марины Цветаевой С.Я. Эфрон или дочь А.И. Гучкова Вера. Другие все большие надежды возлагают на прежнего врага — Германию, где к власти в 1933 г. приходят нацисты. Парижское «Возрождение» откровенно восторгается деяниями гитлеровцев.

Маклаков возлагал надежды на то, что большевики, начавшие решительное наступление на крестьянство в 1930 г. («сплошная коллективизация»), сломают себе на этом шею. Надежды не оправдались.

«Конечно, Россия еще не умерла, — констатировал он в письме Б.А. Бахметеву весной 1930 г., — но ее теперешняя реакция напоминает мне все-таки последние содрогания трупa; умирающий может

реагировать и на уколы, и на ожоги, и на многое другое, это вовсе не признак победы жизни над болезнью. Большевицкая власть держит Россию еще слишком крепко, а главное, продолжает свою линию слишком последовательно. Конечно, она переборщила, что почувствовала и сама, нужно опять отступление, передышка, но только затем, чтобы безопасно продолжать свою политику. Жизненные силы России оказались достаточными, чтобы ослабить нажим, но ведь только для этого, их недостаточно, чтобы сбросить большевиков или заставить их свою политику изменить; поставленные раньше цели ввести силой социализм, а прежде всего для этого сделать невозможным индивидуальное хозяйство, эта цель по-прежнему продолжается, несколько более замедленным темпом, но продолжается; и если Россия не сможет сбросить эту власть даже тогда, когда за ошибки в темпе она заплатит миллионами голодных смертей, то ясно, что она не выскочит из рук того, кто ее душит. Рано или поздно, вернее сказать, немножко позже, чем мы думали, а она ее задушит»⁴¹.

В 1930-е гг. Маклаков по-прежнему занимается делами русских эмигрантов: паспорта, визы, проблемы призыва во французскую армию бесподанных — вот только важнейшие из его забот. Еще одна забота — мемуары. Маклаков начал публиковать свои воспоминания гораздо позднее Шульгина: с 1929 г. печатал в «Современных записках» тексты, в которых сочеталась историософия с мемуарами, под названием «Из прошлого». Впоследствии они вышли в несколько переработанном виде в Париже в трех томах под названием «Власть и общественность на закате старой России» (1936). Историософские сочинения Маклакова, резко критические по отношению к своим товарищам по партии, вызвали среди них настоящий переполох и не менее резкую антикритику со стороны бывшего лидера партии П.Н. Милюкова. В отличие от «эссеистических» книг Шульгина мемуары Маклакова рассудочны и аналитичны⁴².

В 1930 г. Шульгин уехал в Югославию. «Утащила» его туда жена — в Белграде жил ее немолодой отец, и она хотела быть поближе к нему. Переезд в Югославию сыграл печальную роль в жизни Шульгина. После того, как он так опростоволосился в деле «Треста», Шульгин наложил на себя добровольные ограничения как на журналиста и политика, считая, что любая статья — это «учительство», а чему теперь он может кого-нибудь научить? Вероятно, со временем все вернулось бы на круги своя, но после отъезда в Югославию Шульгин окончательно оказался на периферии эмигрантской политики. Вступил в Национально-трудовой союз нового поколения, читал лекции эмигрантской молодежи, просвещал. Однако, разочаровавшись в

«новопоколенцах», от активной работы отошел. Работал бухгалтером, написал вторую книгу романа «Приключения князя Воронцовского» (1934).

Не удивительно, что в 1930-е гг. переписка Маклакова и Шульгина велась эпизодически. Общих тем становилось все меньше. Правда, похоже, что некоторые письма конца 1930-х гг. были уничтожены Маклаковым. В них, судя по сохранившимся единичным текстам, обсуждались действия Адольфа Гитлера (так более точно фонетически произносили и писали фамилию нацистского диктатора корреспонденты). Хранить эту корреспонденцию в условиях нацистской оккупации Франции было небезопасно. Маклаков, занимавший в годы германской оккупации Франции бескомпромиссную антинацистскую позицию, не избежал ареста и провел в 1942 г. два с половиной месяца в тюрьме. Возможно, что переписка этого периода была уничтожена позднее и совсем по другой причине — уж больно заметно должно было быть в ней одобрение Шульгиным гитлеровских деяний.

Впоследствии Шульгин писал: «Мне удалось не поклониться Гитлеру. Его теория о том, что немецкая раса, как сероглазая, призвана повелевать над людьми с темными глазами, казалась мне непостижимо нелепой. И в особенности потому, что нелогичный этот расист начал истреблять сероглазых же, т.е. англосаксов, норвежцев, чехов, поляков и русских»⁴³.

Возможно и так, хотя о его отношении к Гитлеру мы знаем только от него самого из брошюры, предназначенной для публикации в СССР. Да и иное отношение к Гитлеру после Второй мировой войны вряд ли было возможно для любого вменяемого человека.

Другое дело — конец 1930-х гг. В это время Шульгин одобряет аншлюс Австрии, причем делает это печатно, в брошюре «Аншлюсс (так!) и мы» (Белград, 1938). Впрочем, и Маклаков, будучи принципиальным противником нацизма, отнесся к аншлюсу «с пониманием», как будто злорадствуя по поводу последствий Версальского договора, признавшего право наций на самоопределение. Теперь его творцы должны были пожать плоды своих трудов. Надо заметить, что эта часть Версальского договора, создававшая юридическую основу для отделения от России прибалтийских народов, всегда вызывала резкое неприятие Маклакова.

Однако Шульгин пошел дальше. Его «мономания» — антисемитизм — привела его туда, куда и должна была привести, к одобрению расовой политики нацистов. Об этом отчетливо свидетельствует последнее — и единственное сохранившееся за 1939 г. — письмо. Возможно, Маклаков сохранил его потому, что письмо наполнено алле-

гориями и для постороннего читателя, в особенности иностранца, было бы непонятно. В самом деле, кто бы из иностранцев смог разобраться в рассуждениях по поводу деяний персонажей гоголевской повести «Вий» и каким-то образом связать их с современностью? Между тем, несомненно, что в письме идет речь об изгнании евреев из Германии (тогда еще «только» изгнании) в 1938 г., о еврейском погроме в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. (так называемая «хрустальная ночь») «в ответ» на убийство 17-летним еврейским юношей Г. Гриншпаном в отместку за высылку польских евреев, в том числе его родителей, из Германии, чиновника германского посольства в Париже, и наложении на германских евреев контрибуции в 1 млрд марок.

«Ключ» к пониманию смысла своего письма дал сам Шульгин: «Один наш общий знакомый, вернувшись из путешествия 12 лет тому назад, предсказал Липеровичу неизбежность экзода. Но он ошибся... в географии» (12 января 1939 г.). «Общий знакомый» — это сам Шульгин, «путешествие» — нелегальная поездка в СССР, а «Липерович» — вымышленный персонаж его книги «Три столицы», «коллективный средний еврей». Шульгин в «Трех столицах» советовал «Липеровичу», так же как и всем евреям, «эвакуироваться» из России ввиду неизбежных погромов. Под «ошибкой в географии» Шульгин, несомненно, подразумевал то, что исход («экзод», как писал Шульгин) евреев из страны начался в Германии, а не в России.

Однако Шульгин на сей раз шел еще дальше. «Справедливо ли, — писал он, — спрашивают — чтобы имуществом платили за пролитую кровь..? И отвечаю — несправедливо! И пребудет “око за око”». Правда, тут же он оговаривался: «“Русская правда” уже в XI в. цену крови определяла гривнами. Ужели мы будем жесточе средневековствующих?» (там же). Шульгин, видимо, представить себе не мог, насколько люди XX в. превзойдут средневековых в искусстве истребления себе подобных. Правда, для этого надо было допустить одну важную вещь: признать истребляемых не подобными себе, не людьми.

«Во всяком случае, кровь еще не льется», — ошибочно констатировал Шульгин, ибо крови уже пролилось немало⁴⁴, и желал Маклакову «хорошего 1939-го» (там же). «Хорошего 1939-го» не получилось. Получилась мировая война. А цитируемое письмо оказалось последним в многолетней переписке. Точнее, последним сохранившимся. «Технически» переписка была возможна и позднее, и до оккупации Франции и Югославии германскими войсками, и после того, как обе страны, в которых жили корреспонденты, оказались захваченными нацистами. Велась ли она на самом деле, мы, по-видимому, уже

никогда не узнаем. Рукописи не горят только в романах, для XX в. скорее характерно обратное.

В годы войны Маклаков, как уже говорилось ранее, занял патриотическую позицию — и по отношению к России (которая теперь называлась Советским Союзом), и по отношению к ставшей второй родиной Франции. Он возглавил группу, занимавшуюся антинацистской пропагандой и посильной помощью более активным борцам с нацизмом (все члены «группы Маклакова» были отнюдь не юношами, а ему уже перевалило за 70). Шульгин провел годы войны, как будто ни в чем не участвуя. Если это было в самом деле так, ему это можно поставить в заслугу. Большинство русских эмигрантов в Югославии поддерживало нацистов, а многие пошли служить наци с оружием в руках («Русский охранный корпус»).

В октябре 1944 г. городок Сремские Карловцы, в котором жил Шульгин, был освобожден Красной армией. 24 декабря 1944 г. он пошел за молоком — и не вернулся. Советская власть не забывала — и не прощала — своих врагов. Шульгин был доставлен в Москву, на Лубянку. Маклаков пытался найти пути примирения с советской властью, ошибочно считая, что она «переродилась» в годы войны, стала «национальной». И был даже принят 12 февраля 1945 г. в советском посольстве — все в том же особняке на улице Гренелль, который некогда был его резиденцией. В то время, когда Маклаков и его спутники пили по предложению советского посла за здоровье маршала Сталина, Шульгина допрашивали на Лубянке. Впрочем, Маклаков так никогда и не узнал, что на самом деле случилось с его приятелем. Шульгин же узнал о том, что Маклакова нет в живых, как уже говорилось ранее, лишь в 1970 г., 13 лет спустя после его смерти.

Маклаков умер в Бадене близ Цюриха, куда поехал лечиться, на 89-м году жизни. Он успел выпустить еще несколько книг («Первая Государственная дума», 1939 — выходные данные не должны вводить в заблуждение — книга поступила в продажу после войны; «Вторая Государственная дума», 1946; «Речи», 1949; «Из воспоминаний», 1954) и до последнего дня находился на службе российским изгнанникам. Шульгину вряд ли довелось прочесть новые книги своего приятеля: он был осужден на 25 лет тюремного заключения, которое отбывал во Владимирском центре⁴⁵. В связи с начавшейся «оттепелью» его выпустили и даже предоставили квартиру в том же Владимире — может быть, чтобы в случае чего недалеко было везти? К нему позволили приехать из Венгрии жене, разделившей с ним последние годы жизни. Шульгина советская власть собиралась использовать в пропагандистских целях. Он кое-что опубликовал под диктовку «органов» («Письма к русским эмигрантам», 1961), был гостем (скорее, «экспо-

натом») XXII съезда КПСС и даже выступил в качестве персонажа в фильме «Перед судом истории» (1965). Шульгин успел застать и «заморозки», наступившие после «оттепели». Правда, это больше отразилось не на нем, а на советских историках и публицистах, напечатавших фрагменты его новых и, разумеется, изрядно отредактированных воспоминаний («Годы»)⁴⁶.

Удалось ему написать и надиктовать также бесцензурные и лишь недавно опубликованные воспоминания («1917–1919», 1970; «Пятна», 1972, некоторые другие тексты)⁴⁷. Шульгин скончался почти 20 лет спустя после ухода из жизни Маклакова во Владимире, где и был похоронен.

Переписка Маклакова и Шульгина, которую бывший посол не слишком стремился предавать гласности, более полувека спустя после его смерти и более 30 лет спустя после ухода из жизни его приятеля и оппонента, становится достоянием историков. Историки получают первоклассный источник по истории русской эмиграции и общественной мысли и, как мы надеемся, весьма интересный материал для размышлений. Впрочем, это относится не только к историкам.

* * *

В основу настоящей публикации положены тексты, сохранившиеся в фонде В. А. Маклакова в архиве Гуверовского института (Стэнфордский университет, Калифорния, США). Они занимают 13 папок в 13-й коробке его фонда (коллекции). Чтобы не повторять архивный шифр при каждом письме, перечислим сразу, в каких папках хранится переписка того или иного периода. Переписка за 1921 г. — папка 5, 1922 г. — 6, январь–март 1923 г. — 7, апрель–декабрь 1923 г. — 8, февраль–май 1924 г. — 9, июнь–декабрь 1924 г. — 10, 1924–1925 гг. — 11, 1927–1928 гг. — 12, февраль 1929 г. — 13, март–апрель 1929 г. — 14, май–декабрь 1929 г. — 15, 1930 г. — 16, 1931–1939 гг. — 17. Все письма В. А. Маклакова — машинописные отпуски. Далее в тексте публикации это специально не оговаривается. Письма В. В. Шульгина — автографы и машинописные оригиналы (это обозначено для каждого письма в публикации), как правило, с авторской правкой.

В фонде В.В. Шульгина (5974) в ГА РФ отложилась часть его переписки с В.А. Маклаковым. Материалы фонда Шульгина охватывают период 1920–1926 гг. Немногочисленные отпуски писем Шульгина (оп. 1, д. 70) интереса не представляют ввиду наличия оригиналов и отсутствия каких-либо расхождений с ними. Письма В.А. Маклакова, сохранившиеся в фонде Шульгина (д. 152), относятся к августу 1923 — июню 1925 гг. Все они воспроизводятся по оригиналам, хранящимся в ГА РФ. В каждом случае это обозначено в тексте публика-

ции с указанием листов дела. Копия единственного доступного нам письма Шульгина Маклакову периода Гражданской войны (1919 г.) обнаружена нами среди бумаг А.В. Тырковой-Вильямс, находящихся в фонде ее мужа Г. Вильямса (Harold Williams Papers) в рукописном отделе Британской библиотеки.

Отдельные фрагменты переписки публиковались нами ранее — «Оставим святочные темы и перейдем к еврейскому вопросу» (Евреи и русская революция: Материалы и исследования. Ред.-сост. О.В. Будницкий. М.; Иерусалим, 1999. С. 374–442), «Из переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина» (История и историки: Историографический вестник. М.: Наука, 2007. С. 363–394), «Деникин, несомненно, либерал по природе» (Из переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина)» (История и историки. 2007: Историографический вестник. М.: Наука, 2009. С. 361–370). В настоящем издании переписка впервые публикуется полностью. Письма печатаются без каких-либо изъятий и сокращений. Тексты приведены в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации, однако публикатор стремился в то же время сохранить «аромат эпохи» и своеобразие авторского стиля и поэтому оставил некоторые «неправильности» с точки зрения современного русского языка, вроде написания названий месяцев с прописной буквы и т.п.

Очевидные опiski исправлены без специальных оговорок. В тех редких случаях, когда в тексте встречаются явные смысловые противоречия или очевидные погрешности стиля, в квадратных скобках указывается «так!» или «так в тексте». Воспроизведенные публикатором отдельные слова, части слов, сокращения, имена, фамилии заключены в квадратные скобки. Слова, выделенные корреспондентами, подчеркнуты в тексте; вписанные от руки выделены курсивом. Нумерация писем принадлежит публикатору.

В заключение считаю приятной обязанностью выразить благодарность архиву Гуверовского института, предоставившему ксерокопии переписки, в особенности сотруднику архива к. и. н. Анатолию Шмелеву. Я признателен своим коллегам из Института российской истории РАН д. и. н. А.К. Соколову и к. и. н. А.В. Голубеву, взявшим на себя труд прочесть рукопись книги и сделавшим весьма полезные замечания. Особая благодарность к. ф. н. Г.Б. Глушанок (Нью-Йорк), предоставившей важные справки в нужный момент. Разумеется, я признателен Российскому гуманитарному научному фонду, чья щедрая финансовая поддержка помогла подготовить книгу к печати (проект № 06-01-00221а). И, наконец, неизменная благодарность самому суровому критику и взыскательному редактору — моей жене Лизе.

О.В. Будницкий

---

¹ О Маклакове и Шульгине существует довольно обширная литература, однако полные научные биографии ни того, ни другого еще не написаны. См.: *Адамович Г.В.* Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. — Париж, 1959; *Карпович М.* Два типа русского либерализма: Маклаков и Милоков // Новый журнал. — Нью-Йорк. — 1960. — Кн. 60; *Будницкий О.В.* Нетипичный Маклаков // Отечественная история. — 1999. — № 2. — С. 12–26; № 3. С. 64–80; *он же.* Маклаков и Милоков: два взгляда на русский либерализм // Либерализм в России: исторические судьбы и перспективы. — М., 1999. — С. 416–428; *он же.* В.А. Маклаков и «еврейский вопрос» // Вестник Еврейского университета. История. Культура. Цивилизация. — 1999. — № 1 (19). — С. 42–94; *он же.* Милоков и Маклаков: к истории взаимоотношений. 1917–1939 // П.Н. Милоков: историк, политик, дипломат. — М., 2000. — С. 358–383; *он же.* Послы несуществующей страны // «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка 1919 — 1951. В 3 т. Ред., вступ. ст. и комментарии О.В. Будницкого. Т. 1. Август 1919 — сентябрь 1921. — М.: Стэнфорд, 2001. — С. 16–114; *он же.* Попытка примирения // Диаспора: Новые материалы. Вып. I. Париж; СПб., 2001. С. 179–240; *Дедков Н.И.* Консервативный либерализм Василия Маклакова. — М., 2005; *Заславский Д.О.* Рыцарь черной сотни В.В. Шульгин. — Л., 1925; *он же.* Рыцарь монархии В.В. Шульгин. — Л., 1927 (книги, точнее, брошюры Заславского носили «разоблачительный» характер, тем не менее в них можно было почерпнуть некоторые сведения о жизни и взглядах Шульгина); *Голостенов М.Е.* Шульгин В.В. // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. — М., 1993. — С. 363–365; *Кириянов Ю.И.* Шульгин В.В. // Политические партии России: Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. — М., 1996. — С. 709; *Жуков Д.А.* Шульгин В.В. // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918–1940: Писатели русского зарубежья. — М., 1997. — С. 459–462 (Дм. Жукову принадлежат также апологетические тексты, сопровождавшие републикацию в СССР книг Шульгина «Дни; 1920» [М., 1989] и «Три столицы» [М., 1991]. Тем не менее в этих текстах можно почерпнуть некоторую информацию, так как автор встречался с Шульгиным в его «владимирский период» и воспроизводит его рассказы); *Репников А.В.* Судьба монархиста в России (страницы политической биографии В.В. Шульгина) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2002. — № 3. — С. 76–86; В.В. Шульгин — последний рыцарь самодержавия. Новые документы из Архива ФСБ. Предисловие А.В. Репникова и В.С. Христофорова // Новая и новейшая история. — 2003. — № 4. — С. 64–111; *Репников А.В., Христофоров В.С.* Неизвестный Шульгин // Консерватизм в России и мире: В 3 ч. — Воронеж, 2004. — Ч. 1. — С. 218–237; *они же.* «...как яркий враг большевиков»: Из следственного дела В.В. Шульгина // Россия XXI. — 2007. — № 5. — С. 144–177; и др.

² О думской деятельности Маклакова и Шульгина см. краткие справки в кн. «Государственная дума Российской империи»: 1906–1917: Энциклопедия. — М., 2008. — С. 341–343, 709–710.

³ Цит. по: *Шульгин В.В.* Дни; 1920. — М., 1989. — С. 26–27.

⁴ Шульгин поучаствовал в защите Отечества не только в Думе, но и на фронте. Прапорщик запаса, он после начала войны добровольцем отправился на фронт, был ранен; затем работал в земском перевязочно-питательном отряде.

⁵ Прогрессивный блок — объединение шести думских фракций, конституировавшееся в августе 1915 г. Обеспокоенные крайне неудачным ходом войны, участники блока требовали создания «правительства доверия» и отстранения от власти дискредитировавших себя бюрократов. В состав блока, ведущую роль в котором играли кадеты, вошли и «прогрессивные националисты», одним из лидеров которых был Шульгин.

⁶ Исторические речи, произнесенные в заседаниях Государственной думы 1 и 3 ноября: Речь П.Н. Милюкова, речь В.В. Шульгина, речь В.А. Маклакова. Уфа, [1916].

⁷ *Маклаков В.А.* Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина // *Современные записки*. — 1928. — Кн. 34. — С. 271–272.

⁸ *Милюков П.Н.* Воспоминания. — М., 1990. — Т. 2. — С. 234.

⁹ В.А. Маклаков — Б.А. Бахметеву, 10 декабря 1921 г. — «Совершенно лично и доверительно!»; Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка 1919–1951. В 3 т. Ред., вступ. ст. и комментарии О.В. Будницкого. Т. 2. Сентябрь 1921 — май 1923. — М.; Стэнфорд, 2002. — С. 111–112.

¹⁰ Цит. по: *Мельгунов С.П.* О В.А. Маклакове // *Возрождение*. — Париж, 1951. — Тетр. 15. — С. 154.

¹¹ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. — М., 1991. — Т. 2. — С. 31.

¹² Цит. по: *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. — М., 1982. — С. 79.

¹³ *Вишняк М.В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. — СПб.; Дюссельдорф, 1993. — С. 194.

¹⁴ *Мельгунов С.П.* О В.А. Маклакове. С. 157.

¹⁵ *Шульгин В.В.* Дни; 1920. — М., 1989. — С. 181–182.

¹⁶ Цит. по: *Голостенов М.Е.* Шульгин В.В. — С. 364.

¹⁷ Государственное совещание. Стенографический отчет. — М.; Л., 1930. — С. 107, 109, 111.

¹⁸ *Шульгин В.В.* 1917–1919 / Предисл. и публикация Р.Г. Красюкова // *Лица: Биографический альманах*. — М.; СПб., 1994. — Т. 5. — С. 172.

¹⁹ Там же. — С. 169.

²⁰ Так считал, к примеру, Георгий Адамович, писавший, что статьи и книжки Маклакова о Толстом — «лучшее, что вообще о Толстом написано, и уж, конечно, самое ценное, самое долговечное из всего, написанного Маклаковым». — *Адамович Г.* Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. — Париж, 1959. — С. 86.

²¹ *Цуриков Н.А.* Прошлое. — М., 2006. — С. 277.

- ²³ См. подробнее: *Будницкий О.В.* Послы несуществующей страны.
- ²⁴ О деятельности «Азбуки» см. подготовленную В.Г. Бортневским публикацию «К истории осведомительной организации “Азбука”» // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. — СПб., 1993. — Кн. 4. — С. 160–193.
- ²⁵ Бегство Е.Г. Шульгиной из Советской России организовал племянник В.В. Шульгина поручик В.А. Лазаревский, специально для этого совершивший нелегальную поездку на родину. Профинансирована операция по вывозу жены, отношения с которой, судя по их переписке, давно стали формальными, была В.В. Шульгиным. Это обошлось ему в 620 долларов, что он, впрочем, не преминул упомянуть в ходе расчетов при последовавшем разводе. — См. ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 1, 4. Оп. 2. Д. 1, 2.
- ²⁶ *Дон-Аминадо.* Парадоксы жизни. — М., 1991. — С. 4.
- ²⁷ ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 36. Л. 10.
- ²⁸ См.: *Будницкий О.В.* В.А. Маклаков и «еврейский вопрос»; Oleg Budnitskii, ed. The Russian Ambassador in Paris on the Whites and the Jews, 1919–1920 // Jews in Eastern Europe. 1995. No. 3 (28). P. 53–66.
- ²⁹ *Шульгин В.В.* «Что НАМ в НИХ не нравится...» — СПб., 1992. — С. 75.
- ³⁰ Там же. — С. 81–82.
- ³¹ О еврейских погромах в период Гражданской войны см.: *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). — М., 2005. — С. 275–343; Книга погромов. 1918–1922: Сборник документов. — М., 2007.
- ³² См.: *Агурский Михаил.* Идеология национал-большевизма. — Paris, 1980. — С. 224–227, 238–245.
- ³³ *Шульгин В.В.* Три столицы. — М., 1991. — С. 478.
- ³⁴ Там же. — С. 455.
- ³⁵ См. подробнее: *Будницкий О.В.* Еврейский вопрос в эмигрантской публицистике 1920–1930-х годов // Евреи и русская революция: Материалы и исследования. Ред.-сост. О.В. Будницкий. — М.; Иерусалим, 1999. — С. 353–373.
- ³⁶ Винавер Максим Моисеевич (1862, по другим данным 1863–1926) — один из лидеров партии кадетов; играл ведущую роль в ряде еврейских политических и просветительских организаций. В эмиграции основал еженедельник «Еврейская трибуна» (Париж, 1920–1924), посвященный в основном борьбе с антисемитизмом.
- ³⁷ «Россия и евреи» — сборник статей, выпущенный в Берлине в 1923 г. группой видных еврейских публицистов и философов — И.М. Бикерманом, Д.С. Пасмаником, Г.А. Ландау, Д.О. Линским и др., в котором авторы приняли ответственность за участие евреев в русской революции и обвиняли евреев, не принявших революцию, в недостаточно активном участии в антибольшевистском движении.
- ³⁸ Статья за подписью С. Литовцева, озаглавленная «Диспут об антисемитизме», была напечатана в «Последних новостях» 29 мая 1928 г.
- ³⁹ *Шульгин В.В.* «Что НАМ в НИХ не нравится...» — СПб., 1992. — С. 222.
- ⁴⁰ См. письмо Маклакова Шульгину от 12 февраля 1930 г.

⁴¹ Маклаков В.А. — Бахметеву Б.А., 24 мая 1930 г. — «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка 1919–1951. В 3 т. Ред., вступ. ст. и комментарии О.В. Будницкого. Т. 3. Июнь 1923 — февраль 1951. — М.; Стэнфорд, 2002. — С. 489.

⁴² Власть и общественность на закате старой России. — Париж, 1936. Т. 1–3; Первая Государственная Дума (Воспоминания современника). — Париж, 1939; Вторая Государственная Дума (Воспоминания современника). — Париж, б/г.; Из воспоминаний. — Нью-Йорк, 1954.

⁴³ Письма к русским эмигрантам. — М., 1961. — С. 11.

⁴⁴ В ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. в Германии (так называемая «хрустальная ночь») был убит 91 еврей, сотни ранены и покалечены, 3,5 тыс. арестованы и отправлены в концентрационные лагеря, были сожжены или разгромлены 267 синагог, 7,5 тыс. торговых и коммерческих предприятий, сотни жилых домов евреев. Другое дело, что нацисты скрывали число жертв, и Шульгин мог заблуждаться в этом отношении.

⁴⁵ См. подробнее: В.В. Шульгин — последний рыцарь самодержавия. Новые документы из Архива ФСБ. Предисловие А.В. Репникова и В.С. Христофорова // Новая и новейшая история. — 2003. — № 4. — С. 64–111.

⁴⁶ См.: Поляков Ю.А. Апрель шестьдесят седьмого: страсти по Шульгину // Вопросы истории. — 1994. — № 3. — С. 118–125; Нецензурованный фрагмент из книги «Годы» был напечатан в самиздатском историческом сборнике «Память»: В.В. Шульгин. Бейлисиада / Предисловие и примечания М. Григорьева // Память. Исторический сборник. Вып. 4. — М., 1979. — Париж, Изд-во YMCA-Press, 1981. — С. 7–54. Для одного из публикаторов, А.Б. Рогинского (он-то и скрывался под псевдонимом М. Григорьев), археографическая работа обернулась четырьмя годами лагерей.

⁴⁷ Шульгин В.В. 1917–1919 / Предисловие и публикация Р.Г. Красюкова. Комментарии Б. И. Колоницкого // Лица. Биографический альманах. — М.; СПб., 1994. — Т. 5. — С. 121–328; Пятна. Предисловие и публикация Р.Г. Красюкова // Лица. Биографический альманах. — М.; СПб., 1996. — Т. 7. — С. 317–415; Размышления. Две старые тетради // Неизвестная Россия. XX век. — М., 1992. — Кн. 1. — С. 306–348; Опыт Ленина // Наш современник. 1997. — № 11. — С. 138–175; Мистика // Наш современник. — 2002. — № 3. — С. 137–149; «...я иду с тем, что придет»: Рассказ В.В. Шульгина о жизни в эмиграции. Публикация Д.Б. Спорова // Диаспора: Новые материалы. Т. IX. Париж; СПб., 2007. — С. 452–479.

* * *

Олег Витальевич Будницкий, доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (факультет истории), ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Автор более 200 научных работ, в том числе монографий «Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология» (2000), «Российские евреи между красными и белыми (1917–1920)» (2005), «Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957» (2008).

1919

№ 1

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

[Начало марта 1919 г.¹]

Дорогой Василий Алексеевич.

Пользуюсь случаем, чтобы послать Вам привет и вместе с тем сообщить Вам кое-что о том, что у нас делается.

Посылаю Вам записку, составленную «Азом» и еще кое-какие материалы². От себя добавлю лишь несколько слов.

Союзники. Общее впечатление от англичан — хорошее. Из Добровольческой Армии³ мне пишут (Степанов⁴), что «существенный минус перехода штаба Деникина в Севастополь — это что придется иметь дело не с англичанами, а с французами»⁵. Англичане, по-видимому, в своей «зоне» действуют устойчиво: сказали, что будут поддерживать Добровольческую Армию и поддерживают. Пуль⁶ сломил необычайное властолюбие Краснова⁷ и подчинил его Деникину⁸. Но, разумеется, Краснов затаил злобу и от него можно ожидать какого-нибудь фокуса. Ведет он политику крайне правую и, несмотря на это, его поддерживают, поскольку его войска производят хорошее впечатление. Боюсь только, что там много внешности и что Донцы на самом деле гораздо хуже, чем они кажутся. Добровольческую Армию англичане поддерживают добросовестно, в то время как у французов семь пятниц на неделе. Здесь, в Одессе, они, французы, влезли в глупейшую комбинацию с украинцами, которая не дала им ничего в смысле реальной силы, но которая восстановила против них русские круги⁹. Обострение дошло до того, что они закрыли в Одессе газету, которую я издавал, «Россия»¹⁰. Тушить этот скандал приехал генерал Бертело¹¹, который понял, что его командование наделало глупостей и ищет выхода. Вчера он пригласил меня и в общем произвел на меня хорошее впечатление. Прочтите шифрованную телеграмму, которую я послал Драгомирову¹².

Однако положение у нас далеко не ясно. Согласно распределению с Колчаком¹³ Деникин считает, что единственным военным начальником на юге России является он — Деникин. Согласно этому взгляду, по мере освобождения Новороссии от всяких банд — петлюровских и большевистских — должно происходить планомерное рекрутирова-

ние Добровольческой, или вернее, Южнорусской Армии. Между тем, французам так напели здешние евреи о непопулярности Добровольческой Армии, что тут усиленно культивируется мысль о создании какой-то новой армии, которая будет подчинена французам. Эта же мысль, несомненно, бродит в голове Бертело, и должен сознаться, что всякого рода депутации, наши собственные русские депутации, способствуют этим идеям. Разные уездные Кавуры¹⁴ мечтают о том, чтобы составить здесь еще одно правительство, но не краевое на правах автономии и подчиненное центральному правительству в лице Деникина, а нечто вроде архангельского образования, которое имело бы дело непосредственно с иностранцами. Старый принцип — разделяй и властвуй — проводится нашими врагами с неослабевающей энергией, и, к сожалению, на эту удочку слишком многие поддаются. Поэтому-то так важно, чтобы состоялось свидание Бертело с Деникиным, о чем мы будем хлопотать всеми средствами.

Чтобы обрисовать в самых общих чертах то, что происходит в России, я бы сказал следующее:

Принцип — Единая Россия — до известной степени приемлется и большевиками, которые недавно выбросили разного рода мазепинцев из Киева¹⁵. Не думайте, пожалуйста, что мы, киевляне, очень огорчены этим. Наоборот, мы определенно предпочитаем большевиков украинцам, ибо украинцы те же самые большевики, со всеми теми методами управления и террором, но только с бесплатным прибавлением проклятой украинской мовы, от которой делается разлитие желчи у всех, кого не успели перестрелять галицийцы. Поэтому, если нас думают спасти от большевиков при помощи украинцев, то мы категорически отказываемся. Чтобы Вы знали, кто это — мы, сообщаем: мы — самая сильная политическая группа в Киеве, ибо на последних выборах, которые производились (год тому назад) в Учредительное Собрание Украинское, мы в городе Киеве оказались на первом месте. Всего русского населения по переписи 1917 года в Киеве 55%, из которых около 70% шло с нами¹⁶. Итак, я могу до известной степени говорить от имени «Украинской столицы».

Но я опять съехал на частный вопрос. Я хочу говорить об общем.

Итак, большевики до известной степени тоже идут под лозунгом «Единая Россия». Из-за чего же, собственно, ведется война между большевиками, с одной стороны, и Деникино-Колчаковским дуумвиратом — с другой стороны? Если вдуматься в этот вопрос, то окажется следующее:

Колчако-Деникинская военная сила стремится превратиться во всероссийскую диктатуру для того, чтобы вызвать свободное волеизъявление русского народа.

Большевики же стремятся к той же цели, т.е. к всероссийской диктатуре ради нее самой: диктатуре для диктатуры.

Это несомненно так. Колчака я мало знаю, но Деникин, несомненно, либерал по природе. Вы знаете, что русский либерал с твердой волей и способный отстаивать свои либеральные убеждения силой оружия — это белая ворона в наших условиях, ибо обычно либерализм совпадает с полным отсутствием воли, решимости и твердости. Я знал только одного по существу либерального человека, который вместе с тем был и волевым человеком, — это был Столыпин¹⁷. Я думаю, что идеология Деникина близка к Столыпинской с той только разницей, что этот человек гораздо более скромный, менее подготовленный к государственному строительству в крупном масштабе, так же как и Столыпин — несокрушимого упрямства в основных вопросах. Многие обвиняют Деникина в слабости: это неверно — нельзя забывать, что он либерал по природе, а потому всякие действия из арсенала диктаторских мер будут им пущены в ход только в случае крайней необходимости. Опыт же показывает, что несмотря на всю его медлительность, он, в конце концов, единственный, кто выживает и неумолимо растет, поглощая остальных. Думаю, что его надо держаться, не мудрствуя лукаво, ибо от добра добра не ищут.

Кажется мне также, что нашим сомневающимся друзьям, представляющим себе, что большевики это демократия, нужно втолковать, что если демократия значит большинство, то Деникин сражается именно за то, чтобы выявить свободную волю большинства.

А теперь скажу Вам от себя, что я нимало не сомневаюсь, что через некоторое время воля этого большинства будет определенно монархической, ибо крестьяне, насытившись большевиками, будут требовать только одного — царя.

Но в этом вопросе встречаются неимоверные трудности. Царская семья погибла вся, в том числе и наследник. Михаил Александрович¹⁸ по всем данным тоже погиб, по крайней мере, ни малейшего следа его не удалось найти. Брасова¹⁹ была в Одессе, но она ничего не знает. Так как вслед за Михаилом Александровичем идет Кирилл, то, мне кажется, единственным выходом было бы при помощи Учредительного или Национального Собрания поставить маленького сына Михаила Александровича, избрав ему соответствующего регента²⁰.

Но это еще очень отдаленное. Я хочу вернуться на несколько минут к союзникам и сказать, что, в общем, медленность, с которой они действуют, превосходит всякие ожидания.

Не буду говорить о том, что пока они прислали сюда ничтожные силы. В отношении французов это может быть совершенно правильно, так как у нас нет абсолютно никакой уверенности во французских

войсках. Но, кажется, можно было бы поторопиться присылкой всевозможных предметов снаряжения и вооружения, которых у союзников колоссальный и ненужный им запас. Быть может, в самое последнее время что-нибудь и поступило, чего я не знаю, но до 10 января пост[арому] ст[илу] было получено:

- 1) большой пароход с медикаментами;
- 2) большой транспорт английских шинелей, которые не выгрузили во избежание скандала: оказалась такая рвань и дрянь, что не решились даже ее показывать;
- 3) много винтовок и патронов, а также орудия со снарядами, привезенными из Румынии. Все это наше собственное, остатки Румынского фронта;
- 4) с того же Румынского фронта привезены были полушубки и сапоги, но их пришлось выбросить, ибо они оказались испорченными.

Вот и все пока. Что касается товаров, за которые можно было бы здесь купить все население с душою и телом, то до сих пор не доставлено ни одного носового платка. Благодаря этому цены, например в Одессе, сумасшедшие. Например, крахмальная рубашка стоит свыше двухсот рублей.

На все наши сетования по поводу товаров отвечают, что нет тоннажа. Может быть, это и так, но если судить по некоторым другим признакам, то дело вовсе не в тоннаже, а в том, что на Россию махнули рукой и занимаются другим, более интересным делом.

Вот Вам доказательство: когда нас захватили немцы, мы вдруг почувствовали себя приобщенными к цивилизованному миру: мы стали получать, правда, в немецком освещении, но все же всю ту информацию, которую имела Германия. Были устроены агентства, приезжали журналисты, вообще, мы снова вошли в прикосновенность к Европе, несмотря на то, что шла война.

Теперь же, когда война кончилась и союзники, победив по всему фронту, будто бы продолжают считать нас жертвою войны и хотят нам помочь, оказалось, что никогда мы не были так заброшены и так отрезаны от всего света. Кроме идиотских радио, вечно перевранных, неизвестно какой станцией отправленных, мы не получаем почти ничего и поистине живем в таком царстве, из которого хоть три года скачи, все равно не доскачешь. Это усугубляется тем, что французы ставят неистовые препятствия всем порядочным людям, которые хотели бы проехать за границу. Всякие мерзавцы, конечно, устраиваются всякими темными путями, но если нужно поехать для дела, для России, тогда вырастает стена. Англичане и в этом отношении гораздо более любезны.

Каковы истинные намерения англичан относительно России, мы, конечно, не знаем, но пока мы ясно чувствуем умелость англичан обращаться с «дикими народами», чего совершенно не умеют французы.

Простите мне сумбурность этого письма; не имею достаточно времени, чтобы написать коротко и толково.

В. Шульгин

Машинопись. Копия.

British Library, Manuscript Division, H.W. Williams Papers, Add. 54446. Л. 111–115.

---

¹ Датируется по содержанию.

² «Аз» — псевдоним Анатолия Ивановича Савенко (1874 — после 1920), журналиста, сотрудника шульгинского «Киевлянина». Придерживался право-националистических взглядов, был одним из инициаторов создания, затем одним из руководителей «Клуба русских националистов» в Киеве. Депутат 4-й Государственной Думы от Киевской губернии, один из лидеров фракции националистов. В период Первой мировой войны несколько «полевел» и вошел, как и Шульгин, в состав Прогрессивного блока.

Псевдоним «Аз» был присвоен Савенко как члену частной осведомительной организации «Азбука», основанной Шульгиным в марте 1918 г. в Киеве и просуществовавшей до декабря 1919 г. Об «Азбуке» см.: Peter Kenez. Civil War in South Russia, 1919–1920. Berkeley, 1977. P. 65–71; К истории осведомительной организации «Азбука». Публ. В.Г. Бортневского // Русское прошлое. СПб., 1993. Кн. 4. С. 160–193.

Упомянутая Шульгиным Записка «Аза», так же как и другие материалы, не сохранилась, во всяком случае, в фонде В. А. Маклакова в архиве Гугеровского института она отсутствует.

³ Добровольческая армия — первое вооруженное формирование белых, создана в Новочеркасске и Ростове-на-Дону в конце 1917 — начале 1918 г. по инициативе генерала М.В. Алексеева. Вооруженные силы Юга России (ВСЮР, образованы в январе 1919 г. после того, как атаман Войска Донского П.Н. Краснов признал старшинство командующего Добровольческой армией генерала А.И. Деникина), куда собственно Добровольческая армия вошла в качестве одного из формирований, по привычке продолжали именовать Добровольческой армией, а всех военнослужащих ВСЮР — добровольцами, хотя это было далеко не так.

⁴ Степанов Василий Александрович (1871–1920) — горный инженер; депутат 3-й и 4-й Государственных Дум, член ЦК партии кадетов. Один из руководителей Национального центра, член Особого совещания при генерале А.И. Деникине. Сотрудник «Азбуки» (псевдоним — «Слово»), заместитель Шульгина по руководству организацией, некоторое время (декабрь 1918 — январь 1919 г.) возглавлял ее.

⁵ Планировавшийся перевод в Севастополь Ставки Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерала А. И. Деникина не состоялся.

⁶ Пуль (Poole) Фредерик Катберт (1869–1939) — генерал-майор британской армии; в годы Первой мировой войны возглавлял британскую миссию снабжения в России. С мая 1918 г. — на Севере России в качестве «британского военного представителя», с июня — главнокомандующий войсками союзной экспедиции в России. С октября 1918 г. — представитель Великобритании на Юге России, сыграл решающую роль в подчинении генерала П.Н. Краснова Деникину. Краснов под давлением представителей союзников, прежде всего Пуля, был вынужден согласиться на объединение Добровольческой и Донской армий под общим командованием Деникина. Объединенные войска стали называться Вооруженными силами Юга России. Пуль даже предлагал поначалу Деникину «свалить» Краснова, но тот отказался. Впрочем, после признания Красновым главенства Деникина 8 января 1919 г. он оставался атаманом немногим более месяца и 19 февраля был вынужден уйти в отставку.

⁷ Краснов Петр Николаевич (1869–1947) — генерал от кавалерии, атаман Всевеликого войска Донского в мае 1918 — феврале 1919 г. В 1918 г. придерживался германской ориентации и отстаивал значительную степень самостоятельности Дона.

⁸ Деникин Антон Иванович (1872–1947) — генерал-лейтенант, один из зачинателей Белого движения, командующий Добровольческой армией с апреля 1918 г., в декабре 1918 — марте 1920 г. — Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. С 1920 г. — в эмиграции.

⁹ Командующий союзными войсками на юге России генерал Ф. Д'Ансельм, к возмущению Шульгина, не делал ставку исключительно на Добровольческую армию и заявил ему в середине января: «Мы должны поддерживать у вас все элементы порядка, а до того, кто за единую Россию, кто против, — нам нет дела». — Цит. по: Шульгин В.В. 1917–1919. Предисл. и публ. Р.Г. Красюкова. Комментар. Б.И. Колоницкого // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 5. С. 321.

¹⁰ Газета «Россия: одесское издание» выходила с 9/22 января по 25 февраля (2 марта) 1919 г. Главным редактором и издателем (совместно с В.Г. Иозефи) был Шульгин, редактором одесского издания — Е.А. Ефимовский (любопытно, что последний, юрист по профессии, считал себя учеником Маклакова). Указание в подзаголовке «одесское издание», несомненно, должно было подчеркивать связь с выходившей в Екатеринодаре с 15 августа по 2 декабря 1918 г. одноименной газетой, основателем и одним из редакторов которой был Шульгин. Впоследствии екатеринодарская газета стала называться «Великая Россия». С августа 1919 г. она издавалась в Ростове-на-Дону, в 1920 г. — в Крыму. Что же касается ее одесской реплики, то она была закрыта по распоряжению французских властей за публикацию резко критических статей о предложении президента США В. Вильсона всем противоборствующим в России силам заключить перемирие и собраться на конференцию на Принцевых островах. Преемницей одесской «России» стала газета «Южная Русь», выходившая с 9/22 февраля по 22 марта/4 апреля 1919 г. под редакцией Ефимовского.

¹¹ Бертело (Berthelot) Анри (1863–1931) — генерал, руководитель французской военной миссии в Румынии в октябре 1916 — марте 1918 г. и в октябре 1918 — мае 1919 г. Реформатор и фактический главнокомандующий румынской армии, в его подчинении находились также французские войска на юге России.

¹² Драгомиров Абрам Михайлович (1868–1956) — генерал от кавалерии; высшая должность в период Первой мировой войны — главнокомандующий армиями Северного фронта. Участвовал в создании Добровольческой армии; в сентябре 1918 — сентябре 1919 г. — председатель Особого совещания, т.е. фактически глава денikinского правительства. С сентября 1919 г. — главноначальствующий Киевской области и командующий группой войск Киевского направления. После смены Деникина генералом П.Н. Врангелем — генерал для поручений. С 1920 г. — в эмиграции.

¹³ Колчак Александр Васильевич (1874–1920) — вице-адмирал, ученый-гидрограф. В 1916–1917 г. — командующий Черноморским флотом. С 4 ноября 1918 г. — военный и морской министр в правительстве Уфимской Директории. 18 ноября 1918 г. в результате военного переворота был объявлен верховным правителем России. В описываемое время еще не был признан верховным правителем руководителями основных антибольшевистских формирований.

¹⁴ Кавур (Cavour) Камилло Бенсо (1810–1861) — лидер движения за объединение Италии, в 1852–1861 гг. (с перерывом в 1859 г.) — премьер-министр Сардинского королевства, вокруг которого стремился объединить страну; глава правительства единого Итальянского королевства (1861 г.).

¹⁵ Киев был взят войсками Красной армии в начале февраля 1919 г. Иван Степанович Мазепа (?–1710) — малороссийский гетман, в 1709 г. перешел на сторону шведского короля Карла XII, чьи войска вторглись в это время на Украину. «Мазепинцами» Шульгин называет сторонников независимости Украины, возглавляемых С.В. Петлюрой. Киев был взят петлюровцами в декабре 1918 г., ими было провозглашено восстановление независимой Украинской народной республики.

¹⁶ Украинское Учредительное собрание — созыв Украинского Учредительного собрания был объявлен III Универсалом Центральной Рады от 7 (20) ноября 1917 г. В Киеве выборы состоялись 7–9 (20–22) января 1918 г. Внепартийный блок русских избирателей получил 29,47% голосов, если же исключить принимавших участие в выборах солдат гарнизона, то 33,22%. Результат выборов в Киевской губернии был для Внепартийного блока русских избирателей, напротив, обескураживающим. Блок получил лишь 2,9% голосов, что позволяло направить для участия в Украинском Учредительном собрании лишь одного представителя, в то время как украинские социалисты-революционеры набрали 75,8% голосов (38 представителей). Результаты выборов отражали национальный состав городского и сельского населения Украины. Украинское Учредительное собрание должно было открыться 12 мая 1918 г., но так никогда и не состоялось.

¹⁷ Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) — министр внутренних дел (с апреля 1906 г.), одновременно председатель Совета министров (июнь 1906 — сентябрь 1911 гг.).

¹⁸ Михаил Александрович, великий князь (1878–1918) — младший брат императора Николая II, был убит 13 июня 1918 г. недалеко от Перми местными большевиками. См.: *Мясников Г.И.* Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова / Публ. Б.И. Беленкина и В.К. Виноградова // *Минувшее: Ист. альманах.* Вып. 18. М.; СПб., 1995. С. 7–191.

¹⁹ Брасова Наталья Сергеевна (1880–1952), урожденная Шереметевская, по первому мужу Мамонтова, по второму — Вульферт, в третьем браке — морганатическая жена великого князя Михаила Александровича (с 1912 г.), с этого времени графиня Брасова. После революции в эмиграции в Дании, затем в Англии.

²⁰ Кирилл Владимирович, великий князь (1876–1938) — внук императора Александра II, старший сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны, двоюродный брат императора Николая II, свиты его величества контр-адмирал. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1915 г. командовал гвардейским экипажем. Во время Февральской революции 1917 г. во главе экипажа прибыл в здание Государственной думы и объявил о своей поддержке новой власти. По некоторым свидетельствам Кирилл носил в эти дни красный бант. Воспоминания о поведении потенциального претендента на престол в февральские дни делали его кандидатуру неприемлемой для многих монархистов.

1921

№ 2

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 9 Февраля 1921 года¹

Дорогой Василий Витальевич,

Мне некогда Вам писать, и я даже не уверен, что письмо это до Вас дойдет. Но сегодня я видел Струве² по его возвращении из Константинополя³, и он мне кое-что о Вас говорил. Мне хотелось бы не писать Вам, а чтобы Вы мне написали; еще больше, конечно, хотелось бы просто Вас видеть. В том сумбуре, который сейчас происходит, мне часто не хватало Вас и Вашей головы; так и теперь. Крушение Врангеля было крушением целого мировоззрения, целой надежды на освобождение России путем вооруженной борьбы⁴, теми танками, о которых Вы мне когда-то писали из Екатеринодара. Можно, конечно, надеяться, что произойдут какие-то вне нашей воли стоящие обстоятельства, и эти танки опять станут возможными, при этом, как принято у нас выражаться, в европейском или даже мировом масштабе. Признаюсь, чем больше я смотрю на то, что делается, я в это верю все меньше и меньше. В мировом масштабе может быть только большевизм, если государства, истощенные войной, не устоят против того экономического кризиса, который на них надвигается. Что государства переживут такую же болезнь, как и мы, конечно в меньших размерах, в более культурных формах, но такую же передрыгу для цивилизации — это я еще понимаю. Но такая передрыга на время только укрепит большевизм в России, но никак его не ослабит. А потому в мировом масштабе войны с большевизмом я не предвижу. Та форма похода на Россию, о которой говорил Людендорф⁵, для меня представляется несерьезной; этого тоже не будет, сколько бы мы об этом ни говорили. А если так, то с грустью приходится признать, что мы в течение трех лет шли неверной дорогой; можно утешать себя тем, что этой дорогой все равно нужно было идти, что нужно было ее исчерпать до конца, можно говорить эти обыкновенные вещи, но нужно признать, что на ней тоже нет спасения. А если так, то что же? Конечно, никакие комбинации ни парламентских комитетов, ни учредительного собрания⁶, ни иных учреждений за границей большевизма не сбросят и даже не потрясут; в лучшем случае они могут достигнуть

одного, что тоже не лишено значения, — это влиять на европейскую политику, чтобы она не перестала ставить ставку на восстановление России, не перешла прямо в лагерь большевиков и инородцев-сепаратистов. Но большевизма они не сбросят. Значит, дело в самой большевизии; в тех людях, которые, не желая большевизма, тем не менее большевикам служили; одни из трусости, другие из подлости, а третьи из патриотизма или из глубокого расчета. Раз только они могут сбросить большевизм или, вернее сказать, только они могут постепенно направлять его на ту дорогу, где Россия начнет выздоравливать, хотя бы и очень медленным путем, значит, нужно скорее входить в сношения с этими людьми, узнавать, что им нужно, и политику Европы, поскольку мы можем влиять на эту политику, строить в соответствии с их планами и потребностями. Все это вообще пока очень неясно, но я чувствую, что здесь разгадка всего, а между тем мы об этом не думаем или, вернее сказать, думы об этом считаем чуть ли не изменой России.

Буду рад, если Вы хоть в общих чертах дадите мне понять о Ваших мыслях на эту тему.

---

¹ Ниже от руки, вероятно секретарем, написано: «Шульгину. Пошло с Алексинским 10 фев. 21».

² Струве Петр Бернгардович (1870–1944) — публицист, философ, экономист. Прodelал эволюцию от «легального марксизма» к правому крылу русского либерализма. Автор «Манифеста» РСДРП (1898 г.). Редактировал заграничный орган русских либералов «Освобождение» (1902–1905 гг.). Член ЦК партии кадетов с момента ее основания (1905 г.), депутат 2-й Государственной думы. Редактировал журнал «Русская мысль» и ряд других изданий. Участник сборника «Вехи» (1909 г.). В 1906–1917 гг. — профессор политэкономии в Петербургском политехническом институте; академик Петербургской АН (1917 г.). Инициатор издания сборника «Из глубины» (1918 г.) — одной из первых попыток осмыслить суть русской революции. Член Особого совещания при генерале А. И. Деникине; начальник Управления внешних сношений в правительстве генерала П.Н. Врангеля. Считал участие в Белом движении главным делом своей жизни.

³ После эвакуации Русской армии Врангеля и гражданских беженцев из Крыма Струве, оставаясь доверенным лицом генерала, некоторое время принимал участие в попытках создания Делового комитета в Париже, главной задачей которого должно было стать добывание средств на содержание армии.

Однако вскоре Струве убедился, что французское правительство, на содержание которого перешла армия, не собирается сохранять ее в качестве военной силы, а рассматривает военнослужащих как гражданских беженцев. Врангель вступил в конфронтацию с французами, так же, как и со значительной частью политической эмиграции в Париже, тогдашнем центре «русской

политики». Нежелание Врангеля считаться с политическими реалиями вынудило Струве, одного из самых верных врангелевцев, подать в отставку. 19 января 1921 г. он писал «глубокоуважаемому и дорогому Петру Николаевичу»:

«Целый ряд фактов убедил меня, что во взглядах на способ действий в отношении как внешних сил, так и русской общественности, я сильно расхожусь с Вами... Прося меня освободить от обязанностей Заведующего Частью Иностранных Сношений, я не могу не повторить еще раз, что тот способ, каким ведутся штабом сношения с французскими властями в Константинополе, внушает мне серьезную тревогу. Точно так же и отношения с русской общественностью в лице ее самых умеренных и лояльных представителей ставятся, на мой взгляд, неправильно, что, изолируя Главное Командование от общественности, угрожает ослабить и его международное положение. Будучи бессилён бороться с этими явными для меня ошибками политики, я считаю нравственно невозможным для себя нести за них хотя бы и косвенную ответственность». — К 50-летию окончания Гражданской войны на Юге России. Неизданные документы из архивов П.Б. Струве. Публ. Г.П. Струве // Мосты. 1970. №15. С. 426.

⁴ Врангель Петр Николаевич (1887–1928) — генерал-лейтенант; в годы Первой мировой войны прошел путь от ротмистра до генерал-майора. Командующий Кавказской, затем Добровольческой армией при правлении Деникина. Выступил с критикой деятельности последнего, за что был удален из армии и выслан за границу; после отставки Деникина стал его преемником на посту Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, преобразованными в мае 1920 г. в Русскую армию.

Крымская катастрофа оказалась для большинства российских дипломатов, которых военные заверяли ранее в неприступности перекопских укреплений, совершенно неожиданной. Штурм Перекопа Красной Армией начался 8 ноября 1920 г., а уже 12 ноября глава врангелевского правительства А.В. Кривошеин телеграфировал из Константинополя находившемуся в Париже П.Б. Струве: «...От имени главнокомандующего поручаю вам передать французскому правительству, что он просит Францию принять на себя спасение жизни нескольких десятков тысяч людей, борющихся за общее дело против тирании и беззакония и ныне лишенных родины и крова. Он надеется, что в пределах Франции окажется возможным дать не только приют для беженцев, но и пристанище для армии...» — Врангелевщина (По материалам Парижского «посольства» Временного правительства) // Красный архив. 1930. Т. 3 (40). С. 36.

Телеграмма Кривошеина потрясла «русский Париж». Струве, находившийся в этот момент в Париже, телеграфировал Главкому: «Внезапность принятого решения об эвакуации Крыма здесь поражает. В этом усматривают не столько невозможность, сколько нежелание сопротивляться, и это подрывает почву у всякой поддержки и даже сочувствия» (Струве — Врангелю, 12 ноября 1920 — Leeds Russian Archive. Zemgor Collection).

Крымская катастрофа побудила «русских парижан» искать новые пути борьбы с большевизмом. Маклаков испытывал вдобавок и личное раздражение по отношению к Врангелю, лично уверявшего посла в неприступности

перекопских укреплений во время поездки последнего в Крым в сентябре 1920 г.

⁵ Людендорф (Ludendorff) Эрих (1865–1937) — немецкий генерал, в годы Первой мировой войны — начальник штаба 8-й армии, затем Восточного фронта; с августа 1916 г. по октябрь 1918 г. — генерал-квартирмейстер верховного командования, фактически — командующий. Руководитель (вместе с А. Гитлером) путча в Мюнхене в 1923 г. Депутат рейхстага в 1924–1928 гг. от национал-социалистской партии.

⁶ Речь идет о попытках создать национальное объединение, предпринимавшихся различными эмигрантскими группами в Париже. Умеренно правые (включая правых либералов) создали в начале декабря 1920 г. по инициативе А.И. Гучкова Парламентский комитет, состоящий из бывших членов Государственной думы и Государственного совета. Председателем был избран Гучков, в состав комитета вошли В.Д. Кузьмин-Караваев, Г.А. Алексинский, М.А. Искрицкий, Е.И. Кедрин и др. Свою задачу члены комитета видели в защите «русского дела» перед западноевропейскими правительствами. Аналогичные комитеты образовались также в Лондоне, Берлине и Константинополе.

На левом фланге происходило сближение кадетов и эсеров. 12 декабря 1920 г. было опубликовано «Обращение к членам Всероссийского Учредительного Собрания», подписанное Н.Д. Авксентьевым, А.Ф. Керенским и О.С. Минором. В обращении предлагалось созвать Совещание членов Учредительного собрания, оказавшихся за границей, для защиты международных и государственных интересов России (Последние Новости. 1920. 12 декабря).

Частное совещание членов Учредительного собрания состоялось в Париже 8–21 января 1921 г. В совещании приняли участие 33 члена разогнанного некогда большевиками Учредительного собрания, преимущественно правые эсеры и кадеты. Эсеры были в большинстве. Среди их представителей были Н.Д. Авксентьев, Е.К. Брешко-Брешковская, А.Ф. Керенский, В.В. Руднев, В.М. Чернов; кадетов представляли также «звезды» первой величины — Милоков, Ф.И. Родичев, А.И. Коновалов, В.А. Маклаков (он был избран в Учредительное собрание от Москвы по кадетскому списку в ноябре 1917 г., уже будучи в Париже). Совещание создало постоянно действующий орган — Исполнительную комиссию, председателем которой был избран Н.Д. Авксентьев, бывший глава уфимской Директории. Маклаков принял активное участие в работе Совещания; на одном из заседаний он выступил с докладом о внешней политике. Однако он очень быстро разочаровался в парижской «Учредилке» (как он неизменно называл вновь созданный орган в частной переписке) и стал резко критиковать ее деятельность. — О создании и работе Совещания членов Учредительного собрания и его Исполнительной комиссии // Дневник П.Н. Милокова. 1918–1921. М.: РОССПЭН, 2004. С. 530–650; Вишняк М. Годы эмиграции 1919–1969. СПб.: ФормаТ, 2005. С. 103–138 Кошкидько В.Г., Чубыкин И.В. Парижское совещание членов Учредительного собрания 1921 года (по материалам Пражской коллекции ГА РФ) // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. СПб.: Европейский Дом, 2000. С. 16–20.

[24 февраля/9 марта 1921 г.]

Дорогой Василий Алексеевич.

Получил Ваше письмо от 9 февраля. Ужасно рад, что Вы меня вспомнили. Но не рад Вашему настроению: оно явно пессимистическое, утомленное.

Я не испытываю этого ощущения, вероятно, потому, что тяжелые личные утраты вырабатывают на мне какую-то буйволовую шкуру, сквозь которую не могут пробиться самые отчаянные на первый взгляд события.

Вы можете считать это своего рода истерией, но все же я должен сказать, что никогда не был так убежден, что Россия займет подобающее ей место, — как сейчас. Это ощущение происходит от всех тех впечатлений, которые я впитал в себя в течение минувшего года. Общий итог этих впечатлений: убеждение в необычайной живучести русского тела, убеждение в том, что процесс жестокого прессования, которому подвергнуты одинаково русские и Белой, и Красной России, — даст в итоге фалангу людей необычайно закаленных, т.е. именно то, чего нам недоставало. Ибо я убежден, что причина всех несчастий была изнеженность руководящего класса, неспособного нести на себе бремя власти.

Этот процесс, повторяю, идет в обеих половинках России — как Белой, ныне эмигрантской, так и Красной, оставшейся на родине. Разумеется, в настоящую эпоху эти две половины весьма противоположны по своей идеологии. Но в значительной мере эта противоположность только кажущаяся, а кроме того, ничего нет на свете более непринципиального, чем принципы. Все эти взгляды и рассуждения могут легко измениться, но характеры останутся, и это самое важное. Словом, для меня настоящая эпоха есть не более как та суровая школа, которую необходимо было пройти нашей совершенно обабившейся (да простят мне это слово поклонницы Вашего таланта) интеллигенции.

Разумеется, я понимаю, что на все это Вы весьма кисло улыбнетесь и ответите мне хохлацкой поговоркой: «пока солнце взойдет, роса очи выест». И тем не менее это так.

Значит ли это, что я предложил абсолютное бесстрастное выживание событий.

Мое мнение следующее.

Есть два русских народа. Один здесь, по заграницам; этого народа два миллиона.

Другой — это русские в России, т.е. все остальные.

Если предположить, что Вы правы и что какая бы то ни было интервенция не состоится, то что следует нам, людям, в настоящее время принадлежащим к этому заграничному двухмиллионному народу, — что следует нам делать.

Тут может быть два случая. Допустим, вещь совершенно недопустимая, что мы никогда уже больше не вернемся в пределы России. И в этом случае нам совершенно необходимо держаться друг друга, как можно тесней для того, чтобы не перестать быть русскими.

Что значит держаться друг друга. Это значит иметь такой центр, к которому мы, русские, находящиеся во всех странах, тяготели и повиновались. Пока такой центр имеется в лице Главнокомандующего, и, я думаю, было бы величайшей ошибкой валить этого бога, пока он стоит. Но было бы такой же непростительной ошибкой не думать теперь же о том, как быть, если бог свалится.

На этот случай, разумеется, надо готовить нечто, о чем я позволяю себе свое суждение иметь, но пока об этом не буду писать подробно. Во всяком случае, я считаю твердо установленным, что всяческие учредительные собрания парижского типа и парламентские комитеты всех родов и видов уже похоронили друг друга. Откровенно Вам скажу, что двухмиллионный эмигрантский русский народ все эти за-теи в грош не ставит.

Итак, если мы здесь застряли навеки, то все же нам нужно организоваться, хотя бы по примеру евреев, рассеянных по всем странам земли.

Однако, эта наша заграничная организация, если только она будет создана действительно как настоящая руководящая сила, будет именно тем, что может потребовать от нас Красная Россия в ту минуту, когда она побелеет.

Что могут просить у нас. Ведь ясно, что захотят призвать варягов в ту минуту, как убедятся, что красный порядок невыносим. Но для того, чтобы призвать варягов, надо, чтобы они были. Варягами же будут те, кто сумеет в ближайшее время стать во главе двухмиллионного русского заграничного народа. И так стать, чтобы ему повиновались кто за совесть, а кто и за страх. Словом, нам нужно наше эмигрантское правительство, признаваемое всеми державами, и в особенности Лигой Наций, которая, как я думаю, крайне обрадуется этому делу, за неимением другого. Словом, предлагаю Вашему про-

свещенному уму подумать над проектом персонально-национальной автономии. Заимствую эту идею у моих друзей иудейского вероисповедания, так как сама жизнь принуждает нас испытывать их судьбу. Мой дорогой друг, симпатичнейший Винавер¹ (кажется, он собирался подослать ко мне наемного убийцу за мою статью «Пытка Страхом» осенью 1919 года²), может в этом отношении дать Вам очень полезные фактические указания.

Каким другим способом мы могли бы выработать тех варягов, которых у нас могут потребовать. Ведь, в конце концов, России нужны будут люди, способные ею управлять. Каким процессом выявить этих людей, как не на опыте самоуправления Белой Россией, очутившейся за границей. Если и этот процесс не даст этих людей, то, значит, их нет вообще в природе, т.е., вернее, среди нас. Тогда мы успокоимся и поставим точку.

Разумеется, дело может произойти и иначе. Варягов призовут из своей собственной среды по испытанному рецепту бонапартизма. Весьма возможно, что это именно так будет. В этом случае, разумеется, Белая Россия потянется на родину, ибо не приемлющих Бонапарта окажется немного. Но и в этом случае для [того], чтобы пройти если не в варяги, то в подваряжки, все же надо этих подваряжек из своей среды отыскать. А каким иным путем это можно сделать, если не в процессе политической работы над изгнанным за грехи двухмиллионным русским народом.

Я был бы очень рад убедиться, что в советской России действительно существуют в наличности те, которых Вы называете словом «они». «Они», думающие о будущем, «они», хотя служащие большевикам, но имеющие свой определенный план и знающие, куда они идут. К сожалению, я убежден, что «их» нет. Процесс идет, и процесс грандиозный. Большевики воображают, что они насаждают социализм в России и вместо этого выковыывают будущую, страшно крепкую, сильно спрессованную и национально до шовинизма настроенную Россию. «Так тяжкий млат...», и так далее. Но делается это стихийно, по каким-то неведомым никому законам, а вовсе не по воле мистических «их», которых нет.

Впрочем, насколько это зависит от меня, я буду «их» искать. Если найду, немедленно Вам отпишу. Смотрите, отпишите мне тоже. Только не по почте, ибо письма читают все, кому не лень.

Я предполагаю слегка проехаться в Болгарию на днях. А Вы бы мне написали. По приезде обратно я бы нашел Ваше письмо, и было несколько выиграно время.

Резюмирую мой план.

1. – Держаться Врангеля до судорог, пока он существует.
2. – Готовить нечто на случай падения этого бога.

Пока до свидания. Обнимаю Вас. Марье Алексеевне³ сердечный привет и «ручка».

Искренне преданный Вам

В. Шульгин

24 февр. ст. стиля

1921

Константинополь

P.S. Обстоятельства с виду переменялись, когда я дописываю это письмо, но по существу все то же. Не знаю, чем кончится это восстание, на которое, по-видимому, рассчитывал дуумвират Керенский — Милюков⁴. Убежден в одном, что эс-эры совершают самый наглый плагиат, ибо восстание идет отчасти стихийно, а частью под лозунгом «большевики против коммунистов». Эта формация мне хорошо знакома, я наблюдал ее еще год тому назад в кавалерийской дивизии некоего Катовского⁵, которому попал в плен почти весь отряд полковника Стесселя⁶. Эта публика произвела на меня впечатление той гущи, из которой со временем образуется воскресший «Союз Русского Народа»⁷. Во всяком случае, в России будет период анархии, восстаний, мятежей всякого рода. Нечто, что сохранит дисциплину, будет иметь все шансы, чтобы выплыть в этой каше. Здесь, около Константинополя, мы имеем ядро (Галлиполийский лагерь⁸), которое в этом смысле сейчас очень подтянуто и настроение его превосходно. Посещение Главнокомандующим лагеря было сплошной овацией, о которой он мне сам говорил, что он просто не знает даже, не бояться ли этого истерического обожания, объектом которого он оказался. Не верьте всему тому, что говорят об лагерных ужасах: все сплошная ложь. Я был там лично и имею постоянную связь. Эта армия не только не кончена, а находится в расцвете своей боевой способности. Чтобы не было недоразумений, имейте в виду, что я говорю сейчас о двадцати двух тысячах находящихся сейчас в Галлиполях⁹. Остальные лагеря, где находятся казаки¹⁰, легче, разумеется, разложить и перессорить с генералом Врангелем. Друзья Керенского и Милюкова стараются об этом из всех сил, за что когда-нибудь, в особенности Вашего друга Павла Николаевича, «проклянет его всяк сущий в Ней язык».

Во всяком случае, я Милюкову никогда не прощу этого второго выборгского воззвания¹¹. Разрушать из-за каких-то идиотских (ну, скажем, не идиотских, но, во всяком случае, проблематических) сооб-

ражений реально существующую русскую силу и уже созданную организацию, это значит еще раз проделать трагический фарс под заглавием: «что имеем не храним, потерявши, плачем». Между тем мы здесь думаем, что последняя добивающая политика французов (предъявлено категорическое требование ехать или в Бразилию, или в Совдепию, и с 1-го апреля прекращают паек) — это дело наших же русских в Париже.

Вы знаете, дорогой Василий Алексеевич, что я не легко монтируюсь. Но я в бешенстве. В таком же бешенстве, в каком я был, когда я видел бессмысленное разрушение «невознаградимых ценностей», тех вознаграждаемых ценностей, о которых столько говорил Милуков. Скажите же ему, этому странному человеку, такому умному и такому в самых важных вопросах неразумному, что он именно и разрушает вознаграждаемую ценность, несколько десятков тысяч людей, покоряющихся одной воле. И притом воле весьма и весьма приемлемой и стоящей головой выше всей керенщины. И ради чего это. Ради эс-эрских банд, подпольной шпаны, которая никогда не избавится от своего первородного греха и не способна править в положении легальной власти. Они ничего не дадут даже и в том случае, если победят большевиков, кроме жесточайшей кровавой анархии, которую все равно придется прекращать Белым. Я допускаю, что между Красной и Белой Россией будет какой-то промежуточный период кровавого мессии. Но пусть с ним возьмется все эти Савинковы¹², Балаховичи¹³, военачальники из бомбистов и наемных лиц. Но зачем понадобилось Павлу Николаевичу петушком бежать за Александром Федоровичем, не возьму в толк. Я так живо вспоминаю июнь 1918 года, когда он приехал в Киев и говорил мне, что мы накануне второго Седана¹⁴ и что «Германия поставит Францию на колени».

Напрасно я умолял его не губить свою политическую репутацию и творил заклинания при помощи Вашей телеграммы, которую (помните) Вы передавали по радио через Москву. Но Милуковское упрямство победило несомненный ум этого человека. Он пошел разговаривать с Эйхгорном¹⁵. Закончить ли старую песню...

И опять будет то же самое. А все потому, что он не понимает лучшей из французских поговорок: *fait ce que doit, advienne que pourra*¹⁶.

Я расчувствовался, значит, пора кончать. Напишите мне.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Винавер Максим Моисеевич (1862 или 1863–1926) — юрист, один из лидеров партии кадетов, депутат 1-й Государственной думы. В 1919 г. министр иностранных дел Крымского краевого правительства. Активный участ-

ник еврейских общественных организаций; в эмиграции издавал журнал «Еврейская трибуна» (1920–1924 гг.).

Любопытно, что Винавер и Шульгин, о котором последний пишет с откровенной издевкой, на ранней стадии Гражданской войны оказались единомышленниками и даже впервые в жизни (если не считать кратковременной встречи в апреле 1917 г., в дни празднования десятилетия 1-й Государственной думы) встречались и обсуждали совместные действия. Да и о чем раньше могли разговаривать либерал, один из лидеров российского еврейства Винавер и монархист, убежденный антисемит Шульгин?

Летом 1918 г. Винавер приехал в Киев, чтобы «вразумить» П.Н. Милукова, принявшего «немецкую ориентацию», и некоторых киевских кадетов, подерживавших прогерманское правительство гетмана П.П. Скоропадского и даже вошедших в его состав.

Среди «общественных деятелей, вне партий стоящих», его первым собеседником оказался Шульгин.

«На сей раз меня тянуло к нему более, чем к кому бы то ни было, — записал в дневнике 14 июля 1918 г. Винавер. — И действительно, двухчасовая беседа с ним дала мне полное удовлетворение. Я нашел в нем человека стойкого характера и большого душевного такта. Если бы он не стоял так далеко от основного течения русской жизни, если бы не приходилось ему выбрасывать так много старого багажа для того, чтобы стать в уровень с эпохой, я думаю, он мог бы стать одной из тех фигур, около которых объединились бы стремления к возрождению России». — YIVO Archives. M.Vinaver Papers, RG 84, folder 765; Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 197–198.

² Статья Шульгина «Пытка страхом» была опубликована в «Киевлянине» 8 (21) октября 1919 г., в дни «тихого погрома» в Киеве, осуществлявшегося по ночам неуправляемыми «добровольцами». Несмотря на то, что погром был «тихим», в Киеве между 17 и 20 октября 1919 г. было убито около 300 евреев. Статья Шульгина — своеобразный манифест идейного антисемитизма. Шульгин считал, что еврейство несет ответственность за преступления большевиков, ибо евреи являются стержнем хребтом коммунистической партии. Выступая от лица русского населения, Шульгин задавался вопросом: «Научатся ли в эти страшные ночи чему-нибудь евреи?» С его точки зрения, перед евреями было две дороги: одна — признать свою вину в разрушении государства, «не ими созданного», и покаяться; другая — «отрицать и обвинять всех, кроме самих себя».

«От того, — заключал Шульгин, — какой дорогой они пойдут, будет зависеть их судьба. Ужели же и “пытка страхом” не укажет им верного пути?». См. подробнее: Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 322–324.

³ Маклакова Мария Алексеевна (1879–1957) — сестра В. А. Маклакова, его «домоправительница», принимала деятельное участие в работе русских благотворительных организаций в Париже. Протоиерей Б.Г. Старк, по-видимому, нередко общавшийся с ней в деревушке Эленкур-Сент-Маргерит, где М.А. Маклакова имела собственный домик и где проводила лето, характеризовал ее следующим образом: «...видная представительница старой Москвы... Старая девица, очень энергичная, деятельная, с очень острым язычком. Моск-

вичи ее побаивались и называли “ла вьерж фоль”, т.е. “сумасшедшая девственница”». — Борис Старк, протоиерей. По страницам Синодика // Российский архив. Т. V. М., 1994. С. 575–576.

⁴ Речь идет о восстании моряков Балтийского флота, вспыхнувшем в начале марта 1921 г. в Кронштадте, на главной базе флота под лозунгами перевыборов Советов, свободы торговли, упразднения комиссаров и др. Говоря о дуумвирате Керенского и Милюкова, Шульгин, очевидно, имеет в виду своеобразный союз, заключенный эсерами и левыми кадетами и де-факто оформленный в виде Совещания членов Учредительного собрания.

Керенский Александр Федорович (1881–1970) — адвокат, депутат 4-й Государственной думы, трудовик, затем эсер; министр юстиции в первом составе Временного правительства, военный и морской министр в мае–сентябре 1917 г., с 8 июля 1917 г. — министр-председатель Временного правительства, одновременно с 30 августа Верховный Главнокомандующий. С 1918 г. в эмиграции в Париже; один из организаторов и член Административного центра Внепартийно-демократического объединения, вошел в Исполнительную комиссию Совещания членов Всероссийского Учредительного собрания.

Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — историк; признанный лидер партии кадетов, депутат 3-й и 4-й Государственных дум. Министр иностранных дел в первом составе Временного правительства. После Октябрьского переворота уехал на Дон. Автор декларации Добровольческой армии. Летом 1918 г. выступил за германскую ориентацию. Поскольку ЦК партии осудил его политику, сложил с себя обязанности его председателя. В октябре 1918 г. признал свою ошибку и вернулся к «союзнической» ориентации. С конца 1918 г. в эмиграции, сначала в Лондоне, с 1920 г. в Париже.

⁵ Катовский (Котовский) Григорий Иванович (1881–1925) — советский военный деятель. В дореволюционный период получил известность как российский «Робин Гуд». Окончил сельскохозяйственное училище, работал помощником управляющего, затем управляющим помещичьим имением в Бессарабии. В 1905 г. был призван на военную службу, но вскоре дезертировал. Организовал отряд, совершавший вооруженные грабежи и как будто делившийся награбленным с бедняками. В 1907 г. арестован, приговорен к 12 годам каторги. В 1913 г. бежал с Нерчинской каторги, убив двух стражников (последнее подвергается некоторыми историками сомнению). В 1915 г. вновь организовал в Бессарабии вооруженный отряд, совершавший грабежи. В 1916 г. арестован, приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. В мае 1917 г. освобожден, направлен в армию на Румынский фронт. Быстро сделал политическую карьеру, будучи избранным сначала в полковую, затем в армейский комитет. С ноября 1917 г. — левый эсер. В период Гражданской войны командовал отрядом, затем бригадой в Красной Армии. В апреле 1920 г. вступил в РКП(б). С января 1920 г. командовал кавалерийской бригадой, действовавшей на Кавказе, затем на Украине и на советско-польском фронте. После окончания Гражданской войны командовал дивизией, затем корпусом. Был убит при странных обстоятельствах. Котовский был романтизирован советской историографией и пропагандой, его именем были названы три города в СССР, о нем был снят фильм, написаны книги, в том числе художественные, статьи и т.д. Тело Котовского было забальзамировано и храни-

лось в мавзолее в г. Бирзуле (затем Котовск). Мавзолей был разрушен во время румынской оккупации в период Второй мировой войны.

⁶ Стессель Александр Анатольевич (?–1933) — полковник лейб-гвардии стрелкового Царскосельского полка. Участник Первой мировой войны, прошел путь от командира роты до командира полка. В Добровольческой армии командовал Сводным гвардейским стрелковым батальоном, затем полком. Был начальником внутренней обороны Одессы в январе-феврале 1920 г. Отказался эвакуироваться на британском судне, когда неизбежность сдачи Одессы большевикам стала очевидной, возглавил отряд, пытавшийся пробиться к румынской границе. Часть отряда Стесселя, добравшаяся до Румынии, была интернирована в концлагерь в г. Тульча. В эмиграции сначала в Константинополе, затем в Париже. Поход отряда Стесселя описан Шульгиным в книге «1920» в главе «Стесселиада». — См.: Шульгин В.В. Дни; 1920. М.: Современник, 1989. С. 333–363).

⁷ «Союз русского народа» — всероссийская организация черносотенцев, существовавшая в 1905–1917 гг. В основе программы союза лежала трехчленная формула: «православие, самодержавие, народность». Идеологии «союзников» были свойственны крайняя реакционность, национальная и религиозная нетерпимость, антисемитизм. Впечатления от недолгого пребывания среди воинства Котовского вызвали у Шульгина ассоциации с «Союзом русского народа». — См.: Шульгин В.В. Указ. соч., глава «У Котовского», с. 370–378.

⁸ Галлиполийский лагерь — лагерь на полуострове Галлиполи (недалеко от одноименного города), в котором были размещены часть эвакуированных из Крыма в ноябре 1920 г. врангелевских войск (1-й армейский корпус под командованием генерала А.П. Кутепова), а также гражданские лица. Войска и гражданские беженцы до конца 1921 г. были переселены в основном в Болгарию и Сербию.

⁹ «Население» Галлиполи на 1 января 1921 г. выглядело следующим образом: Первый армейский корпус насчитывал 9 540 офицеров, 15 617 солдат, 369 чиновников и 142 врача и санитаров — всего 25 868 человек. Вместе с ними на берег сошли женщины и дети, которых на 15 января 1921 г. было соответственно 1444 и 244. Кроме того, в составе воинских частей числилось около 90 воспитанников — мальчиков 10–12 лет. — См.: Русские в Галлиполи. Берлин, 1923.

¹⁰ Остальные лагеря — в Чаталдже, недалеко от Константинополя, где были размещены донские казаки, и на острове Лемнос (север Эгейского моря), где находились терские и кубанские казачьи части.

¹¹ Выборгское воззвание — обращение группы депутатов 1-й Государственной думы к гражданам России (10 июля 1906 г.) с призывом отказаться от уплаты налогов и службы в армии в знак протеста против роспуска Думы. Составлено в Выборге (отсюда название). Подписавшие преданы суду (12–18 декабря 1907 г., Петербург). 167 подсудимых приговорены к трехмесячному заключению и лишены избирательных прав. Под «вторым выборгским воззванием» Шульгин, возможно, имеет в виду доклад Милюкова «Что делать после Крымской катастрофы?», прочитанный им в Париже 21 декабря

1920 г. на собрании группы кадетов. В докладе были сформулированы основные положения «новой тактики» борьбы с большевизмом, предполагавшей преодоление большевизма изнутри. В докладе, в частности, говорилось: «Рассчитывать на возможность улучшения политики военного командования после стольких неудачных опытов мы, очевидно, более не имеем права».

¹² Савинков Борис Викторович (1879–1925) — один из руководителей Боевой организации партии социалистов-революционеров (с 1903 г.), лично руководивший подготовкой ряда громких террористических актов; в 1917 г. исключен из партии за отказ дать объяснения ЦК о своей роли в корниловском выступлении; Савинков публично заявил о своей солидарности с генералом Л.Г. Корниловым в целях, но расхождении в средствах. Активный участник антибольшевистской борьбы, Савинков тем не менее встречал постоянное недоверие в лагере белых в силу своего революционного прошлого и двусмысленного поведения во время «корниловского дела». Член Русского политического совещания в Париже. В 1920 г. был председателем Русского политического комитета в Польше, формировал антисоветские военные отряды. Он пользовался поддержкой своего личного друга Ю. Пилсудского. Задачами Русского политического комитета было формирование российской армии в Польше, обеспечение взаимодействия между русскими антибольшевистскими силами и польским правительством. Конечной целью комитета было создание демократического российского государства на федеративных началах. Затем возглавил Русский эвакуационный комитет, сменивший формально упраздненный Русский политический комитет. Официально в задачи Русского эвакуационного комитета входили: учет и реализация имущества интернированных на территории Польши антибольшевистских формирований и забота о материальных и духовных нуждах их личного состава. Однако фактически политическая деятельность оставалась для Савинкова и его соратников главной, и Русский эвакуационный комитет служил прикрытием для проведения агитационной и разведывательной работы на территории Советской России.

¹³ Бэй-Булак-Балахович Станислав Никодимович (1883–1940) — штаб-ротмистр в дореволюционной русской армии. В 1918 г. — в Красной армии, затем перешел на сторону белых. В 1919 г. — в составе войск Н.Н. Юденича в чине генерал-майора. С конца 1920 г. — во главе 10-тысячного отряда при «политическом руководстве» Б. В. Савинкова совершал рейды на территорию Белоруссии, сопровождавшиеся массовыми насилиями и грабежами. Опыт этих походов получил отражение в повести Савинкова «Конь вороной».

¹⁴ В сражении у Седана 1–2 сентября 1870 г. во время франко-прусской войны французская армия потерпела решающее поражение от прусских войск.

¹⁵ Эйхгорн (Eichhorn) Герман фон (1848–1918) — германский генерал-фельдмаршал (декабрь 1917 г.). С марта 1918 г. главнокомандующий группы армий «Киев». Руководил на последнем этапе боевых действий на Восточном фронте оккупацией Южной Белоруссии, Украины и Юга России. Возглавил администрацию оккупированных областей Украины (за исключением находящихся под управлением австро-венгерской администрации частей

Волынской, Подольской, Херсонской и Екатеринославской губерний), Крыма, Таганрога, а также южных районов Белоруссии, Донской области, части Воронежской и Курской губерний и др. Убит левым эсером Б.М. Донским.

¹⁶ *fait ce que doit, advienne que pourra (франц.)* — делай, что должно, и будь, что будет.

№ 4

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину¹

Париж, 5 Апреля 1921 года

Дорогой Василий Витальевич,

Спасибо за письмо. И пишите еще, и я буду писать, чтобы не вовсе перестать понимать друг друга; а кроме того, может быть в этих писаниях кое-что покажется и полезным друг для друга. Пока я могу констатировать одно: мы думаем в совершенно разных плоскостях. И это может быть понятно; мы эти годы варились в разных котлах, и у нас не только разные выводы, но и разные исходные точки. Вы жили в России; даже когда стали эмигрантом, продолжаете жить в русской атмосфере, не эмигрантской; я эти три года живу исключительно с иностранцами и эмигрантами. И любопытен результат этой разницы: я интересуюсь почти исключительно тем, что делается в России; на эмиграцию вовсе не надеюсь и даже мало ею интересуюсь. А Вы думаете специально об эмиграции, о двух миллионах зарубежной России, которая что-то сделает в будущем и должна что-то делать в настоящем. Каждый надеется на тех, кого не знает. Для меня неясно, что происходит в России, которой я интересуюсь. Сведения, которые оттуда приходят, противоречивы; они сходятся в одном: на «нас» в России, т.е. на буржуазию и интеллигентов, рассчитывать не приходится, мы там или деморализованы, или развратились, или погибли, мы ничего не сделаем. Если кто-либо может там что-то сделать, то это «низы». Вы тоже рассчитываете на стихийные процессы. Да, конечно, они будут и не могут не быть. Я на них тоже рассчитываю. Но если Россия будет спасена стихийным процессом, это будет ужасно; стихийный процесс поведет нас ужасной дорогой и приведет к ужасающим результатам. Во-первых, он будет страшно медленным; большевики погибнут, но погибнут последними; раньше этого погибнут остатки нас и все то, что было интеллигентного и инициативного в массе. А во-вторых, в известной стадии этого стихийного процесса в России появится вмешательство иностранцев, специфических иностранцев, обнаружится новое отношение иностранных государств к

России. Вы негодуете на них, и во многом это негодование я и понимаю, и разделяю; часто я чувствую его полнее, чем Вы. Но это негодование сейчас вызвано только тем, что иностранцы нам недостаточно помогают или помогают не так, как хотелось бы; но в известной стадии разложения России появятся иностранные акулы, которые поймут, что из России можно кое-что вытянуть, что это можно вытягивать не навсегда, а на продолжительное время, и что стоит на это рискнуть; начало такого отношения замечается в Англии в вопросе о торговых сношениях и в концессиях. Нам говорят, что это только новая политика борьбы с большевизмом; что когда начнут торговать, завяжутся те постоянные отношения Европы с Россией, при которых большевизм, особенно в теперешних формах, не сможет существовать; иногда объясняют, что это просто внутренняя политика, что английскому правительству необходимо показать его рабочей партии, что из торговли с Россией ничего не выйдет, покуда она находится под большевистским гнетом. Оба эти примера все-таки политика, хотя и ошибочная; но я боюсь того времени, которое, может быть, уже началось, когда это будет определяться вовсе не политическими, а гораздо более простыми соображениями. «Мы не сторож над братом нашим», какое нам дело до того, что происходит в России, на ее счет можно поживиться, и нужно это делать, и как можно скорее; а если кто-либо будет иметь цинизм так открыто заявить и поступить, то за ним последуют и другие по правилу: «не я, так другой», и тогда в России появятся иностранцы, как хищники и эксплуататоры. И как только они появятся и наберут от большевиков всяких концессий, то иностранные государства будут заинтересованы в том, чтобы сохранить то правительство, которое роздало эти концессии. И подобно тому, как сейчас одним из препятствий к признанию большевиков является их нежелание платить русские долги, так и тогда во всех попытках заменить большевиков другим правительством европейские государства будут ставить предварительным условием признание всех выданных ими концессий. Конечно, это будет не навсегда, а может быть, и ненадолго; но это все же грозит периодом, когда в России не будет большевизма в настоящем смысле этого слова, когда будут уважать собственность, будут торговать, будут все благополучия буржуазного строя, но будет все-таки нечто вроде *Dette Ottomane*, режима капитуляций² и других прелестей этого сорта.

Я боюсь этого периода больше всего потому, что он представляется наиболее правдоподобным. Мы все жили в ожидании чуда. Нам мерещился какой-то Минин, который в известный момент соберет за собой русских людей и пойдет выгонять воров и иностранцев³. Чудом была бы и победа Колчака, и победа Деникина, и победа Врангеля;

чудом было бы избавление России кровью и доблестью Добровольческой Армии, чудом была бы победа Кронштадта, когда из какого-то центра вдруг разлился бы революционный процесс, который смел и сбросил власть большевиков. Все это чудеса: но чудес не бывает или, по крайней мере, больше не бывает, потому что всякое чудо делается верой, а веры больше нет; что ее нет, видно еще из того, что там, где есть вера, не готовят путей к отступлению и не откладывают грошей про запас; в деяниях апостольских рассказывается про Азария, которого апостол проклял за то, что он сохранил у себя какой-то динар, когда все таланты принес на алтарь. Довольно этого скрытого динара, чтобы не было веры. Раз ее нет, нет и чудес. А если не будет чудес, то процесс пойдет иначе. Большевики увидят, что идти прежней дорогой невозможно, что надо идти на уступки и, конечно, по линии наименьшего сопротивления. Этой линией наименьшего сопротивления, при этом той, которая больше всего обещает выгод, является вмешательство иностранцев; Каменев⁴ сказал правильно: русские капиталисты сейчас же будут добиваться власти; иностранные капиталисты безопаснее, они будут добиваться только дивиденда; и потому прежде всего пригласим иностранных капиталистов; конечно, в тот день, когда это будет сделано, большевизм покатится под гору. Те большевики, у которых сохранится фанатизм и вера, будут видеть, что гибнет коммунизм в России, пропадают последние шансы на вынесение коммунизма в Европу; они будут кричать, бунтовать и саботировать. Их устранят. Подымут голову те, которые служат большевикам поневоле или просто потому, что на время поверили коммунизму; Ленин убьет Троцкого, Красин убьет Ленина, кто-либо еще убьет Красина⁵ и т.д. Иностранные капиталисты, которые будут властвовать в России под охраной штыков Троцкого, поймут, что для них выгоднее защитить Красина и т.д. Словом, Вы меня понимаете. Все дороги ведут в Рим, и мы выйдем туда, куда хотели прийти. Этот период засилия иностранцев, может быть, будет даже гораздо короче, чем с первого взгляда кажется. Может быть, в борьбе с этими иностранцами создастся тот национальный шовинизм, о котором Вы пишете. Все это так, но дело в том, что при таком процессе не будет перелома; большевизм в целом не будет держать ответа перед Россией. В сущности, большевики и не будут низвержены; они останутся хозяевами в России; будет преемственность между Россией большевистской и Россией будущей, как была преемственность между революцией и Бонапартом. Не будет морального удовлетворения, что предатели получают возмездие от России. Они поедят друг друга сами, и сам большевизм исцелит большевизм. С точки зрения моральной потребности человека окажется

большой недочет. Но это будет не ново в истории. Вспоминаю период, о котором я когда-то писал сочинение в студенческие годы и который потому живо помню и чувствую; это о завоевании Англии норманнами; Вильгельм Завоеватель⁶ был злодей не меньше большевиков; а то, что он проделал с бунтующим севером Англии, не идет ни в какое сравнение с тем, что делали большевики; прецедентов этого злодейства Вильгельма Завоевателя нужно искать разве в Книге Царств. А между тем вся будущая Англия выросла из этого Вильгельма Завоевателя, который останется в памяти потомков как один из величайших ее королей.

Я уже говорил, что предвижу возможность, что русский элемент выгонит иностранцев; даже если этого не случится, это не страшно; иностранцы так же обрусееют в России, как стали англичанами в Англии норманны, т.е. французы. Россия слишком велика, чтобы быть денационализованной. Все это я Вам говорю не затем, чтобы подрывать Ваш оптимизм, но чтобы только объяснить Вам, почему эти стихийные процессы, о которых Вы пишете, меня мало радуют; мы, то есть я и Вы, и другие люди нашего времени, мы не дождемся этой победы; те, которые живут надеждой на реванш над Европой, надеждой видеть, как она придет к нам и будет у нас заискивать, и мы будем воздавать по делам ее, те этого не дождутся; революция оказалась гораздо глубже, а, может быть, мы гораздо слабее, чем нужно. Вот почему наше поколение останется в истории как проклятое поколение, которое погубило Россию. Потому, когда для меня исчезло последнее основание для веры в чудо, для веры в победу кого-либо над красными, когда я стал ждать стихийных процессов, т.е. того, что всякий красный цвет выцветает и превращается в белый, когда я стал так смотреть на будущее, я стал пессимистом. Мы с Вами ничего не поняли ни в свое время, когда приближалась революция, ни тогда, когда она сделалась; *поэтому* мы и не погибли, защищая старые порядки, *но зато* и не мы насадим тот новый, который из революции выйдет. Но тут я перехожу на личные мотивы, о которых говорить не стоит и которые только Вам объяснят, почему в моем письме Вы увидели те нотки, которые Вам не понравились. Но я теперь хочу сказать Вам несколько слов по поводу Ваших надежд. Вы еще недавно попали в положение эмигранта, сохранившего связь с остатками России, где дышат еще русским воздухом; в пост-скриптуме Вашего письма Вы приходите в бешенство при мысли, что эту ценность разбивают, что ее больше не будет; прибавлю от себя, что тогда и Вы, и все остальные очутитесь в том положении эмигрантов, в котором я живу вот уже четвертый год. Не касаясь сейчас вопроса, как это вышло и что из этого следует, я только подчеркивал, что Вы настоящей эмиграции пока

не видали; этим я объясняю и те надежды, которые Вы на нее возлагаете.

У Вас в этом отношении поэтическая, но не реальная мысль; Вы хотели бы, чтобы вся русская эмиграция за кого-то держалась, дала иностранцам и Лиге Наций образчик того, как живут за границей русские люди, и Вы (о, судьба!) ищете вдохновляющего примера в еврействе, раскиданном по всей земле и сохранившего и связи, и организацию, и некоторую мощь. Все это очень красиво и, может быть, соблазнительно. Но это все-таки поэтическая вольность. Я не знаю, таково ли было еврейство в первое время после разрушения Иерусалима, когда оно очутилось в положении нас, людей, оторванных от Родины, потерявших связь с ней, живущих в чужой стране; проявляло ли оно и тогда организацию, солидарность и влияние на ход всемирной истории, которые Вы ему приписываете теперь. Об евреях того времени мы слыхали, что они плакали на реках Вавилонских. Это могут делать и русские люди. Но у нас не сохранилось преданий, как евреи жили первое время и могут ли они служить нам примером. Не знаю я и того, в какой мере, по крайней мере сейчас, жизнь еврейства руководится таинственными организациями, работающими по определенному плану. Это слишком большой спор, чтобы его начинать. Думаю, что и здесь правда посередине, — что нет тех руководителей жизни еврейства, которых испуганное воображение ищет, чтобы объяснить себе их успех, но, действительно, есть некоторые национальные черты, которых нам не хватает, которые помогают евреям друг за друга держаться и друг друга выручать на чужбине. Я не буду задаваться вопросом, лежат ли основания к этому в ином национальном характере или просто в иной обстановке. Ведь и ее достаточно для объяснения. Главное наше отличие от современного еврейства то, что мы вовсе не сознали, что потеряли Родину и что нужно прочно устроиться за границей, не потеряв своего русского облика. Евреи так и поставили свою задачу: устроиться на чужбине, в чужих странах, но сохранить себя как евреев, как людей одной страны и одного прошлого. Ту же задачу разрешают наши духоборы в Канаде⁷, остатки Некрасовцев в Турции⁸ и т.д. Но наша эмиграция с этим не мирится и не скоро помирится. Вся наша эмиграция еще имеет Родину и уверена, что скоро в нее вернется; она не отчаивается, что при некоторых условиях более или менее скоро, но туда вернется. Отличительная черта эмиграции, тех, которые убежали из России — одни вольно, а другие невольно, — заключается только в том, что они предпочитают переждать это смутное время в условиях спокойного и, во всяком случае, безопасного существования и намерены вернуться в Россию тогда, когда там все уладится. Мы с необыкновенной легкостью говорим,

что задача сбросить большевизм лежит на тех, кто там остался. Мы знаем, что там остались не только рабочие и крестьяне или солдаты, но и наши единомышленники, люди одного с нами класса, буржуи и интеллигенты, они там живут, и мы осуждаем их за то, что они там делают и как живут. Осуждаем их и за то, что они мало и плохо борются. Мы предоставляем им бороться в условиях голодного существования, под риском ежеминутного расстрела и сочли себя правыми, что мы оттуда убежали. Ведь это бегство началось, как Вы знаете, гораздо раньше, до большевиков, когда в России жить было можно. Проезжая сюда, я в Стокгольме уже видел массу русских буржуев, которые выехали за границу, вывезли сколько могли денег, так как курс был слишком неблагоприятный, и они не хотели терять. Они жили в Стокгольме, дожидаясь, когда, наконец, можно будет вернуться, когда революция сама себя съест и можно будет приехать на готовое место. В эту жизнь попали не только те безответственные статисты, которые могут нам говорить: «что вы с нами сделали», но и те, которые в той или иной мере сознательно поддерживали нас своей деятельностью, журналисты, промышленники, ученые — все эти люди и составляют то, что мы называем эмиграцией. Два миллиона людей, которые составились из таких элементов, и есть та эмигрантская Россия, на которую возлагаются не только обязательства — (Вы хорошо делаете, что не возлагаете, они их все равно не исполняют), — но на которую во всяком случае возлагают какие-то надежды. Я эту Россию наблюдаю четвертый год, и с меня этого достаточно; я тоже предъявляю к ней одно требование: чтобы она не мешала русскому делу за границей, ибо именно эта эмиграция в своем целом повинна в том, что сейчас происходит. Я говорю об эмиграции в ее совокупности, а не о положении, которое заняли отдельные лица. В этой эмиграции, конечно, есть и исключения, и исключения трогательные; я знаю людей, которые ни на что не претендуют, несмотря на громкие титулы и счастливое прошлое поступают то в чернорабочие, то в прислуги, то на самые скромные должности; ничего не просят, ни на что не жалуются; эти люди, когда их видят и наблюдают иностранцы, мирят их с Россией; они внушают и уважение к ним, и доверие к нам. Они в большинстве случаев хорошо поняли и свои прежние ошибки, и свои прежние вины. Но их, во-первых, немного, а во-вторых, по природе своей они не бросаются в глаза, не шумят, не привлекают к себе внимания; а потому впечатление, которое они производят, ограничивается очень небольшим кругом лиц. Не они кажутся типичными для России, а кто знает, может быть и действительно не они типичны.

Типичными являются другие. Сюда относятся и те, которые приехали сюда с деньгами, часто с большими деньгами, или настряпали

деньги здесь, продавая иностранцам находящиеся у них в России имущества; эти богатые люди своего богатства не скрывают и не стыдятся. Они по-прежнему швыряют деньгами у всех на виду, демонстративно, и если иногда и платят дорого за билеты благотворительных спектаклей в пользу русских, то являются на эти вечера в таком ореоле богатства и роскоши, что от этой благотворительности просто тошнит; конечно, этих людей всюду принимают, за ними ухаживают, но за спиной все про них же злословят и возмущаются их отсутствием такта. Другая категория — бедных людей. Это те, которые сохранили убеждение, что кто-то должен об них заботиться и их содержать; они требуют денег то у французского правительства за то, что остались верны Антанте, и уже более настойчиво от русского государства. Когда их не удовлетворяют или удовлетворяют не полностью, они возмущаются, ругаются, обвиняют всех в казнокрадстве и т.п. Люди этого типа не стыдятся при этом обращаться и к иностранцам, и для возбуждения жалости к себе и своему положению уверяют, что из русских им никто не помогает. Так, недавно Американский Красный Крест обратился к моей сестре, которая здесь стоит во главе одной из русских благотворительных организаций, с упреком, что она отказывает в помощи одному из несчастных русских. По наведении справок оказалось, что этот несчастный русский систематически пользуется помощью комитета, что он не только скрыл, но прямо отрицал у американцев. В результате Американский Красный Крест извинялся и негодовал на этого просителя. Но сколько бывает случаев, когда никаких расследований не производится, когда русским просителям верят на слово, и их стараниями систематически порочатся все попытки прийти к ним на помощь. Еще гораздо больше случаев, когда эти просители просто лгут и занимаются мелким мошенничеством, столь типичным около благотворительных комитетов, выпрашиванием денег на какой-либо билет до города, где они будто бы получили место, на уплату за квартиру и т.д. и т.д. Это категории людей, которые думают только о себе, как прожить. Не много лучше с теми, которые думают не о себе, а об общем деле, о России. Здесь обычная картина эмигрантских настроений. Каждый хочет делать все сам и от себя лично; Вы помните свою статью: «Пусти, я сам»⁹. Затем, желая делать все сама, наша эмиграция еще больше боится, чтобы что-либо не сделали другие, вместо нее. О внутренних несогласиях она немедленно трубит вслух и торжествует победу, если успела кого-либо подорвать [так!] в глазах иностранцев. Это психология общая; и чтобы ни говорили люди, что хотят единства, согласия, общего фронта, под этой терминологией скрывается, в сущности, только желание быть во главе этого фронта и выстроить всех за собой. Если бы дело шло о чисто идей-

ных разногласиях, это было бы терпимо; но мотив этой деятельности гораздо более личный, конечно, не в смысле корысти. Все как будто бояться остаться в стороне, бояться, что что-то делается без них. Это опасение быть устранинным от русского дела, остаться за дверью, достигает таких болезненных размеров (это я наблюдаю уже три года), что положительно нельзя с кем-либо поговорить с глазу на глаз, чтобы по этому поводу уже не возникали целые легенды. Словом, то, что здесь происходит в среде тех, кто хотел бы помочь России, я могу сравнить только с тем, что бывает в театре, когда крикнут «пожар».

Вот и судите сами, можно ли, не теряя чувства реальности, думать, что эту эмигрантскую массу Вы какими-то путями приведете к одному знаменателю, заставите ее за кого-то держаться, как Вы предполагаете. Конечно, если бы Врангель мог оказаться для них полезным, может быть, в мере этой пользы они бы за него и держались; да и то держались бы, поскольку это им нужно, не отказывая себе в удовольствии его критиковать. Тогда, когда Врангель защищал Перекоп и когда от его успеха зависела физическая безопасность всего Крыма, в Крыму его признавали; если бы у Врангеля были в руках источники средств, которые бы шли всей эмиграции, то она, получая эти деньги и ворча, но его все-таки признавала. Но когда нет ни того, ни другого, к каким человеческим чувствам делаете Вы призыв, чтобы они за него продолжали держаться. Что бывшие его соратники по оружию, для которых он единственный и естественный ходатай, за него держатся, это я хорошо понимаю, да, наконец, это происходит в той среде, которую не могу назвать эмигрантской, так [как] она недавно вышла из России и, может быть, скоро туда вернется. Она не типична. Но как только Вы отойдете от этих центров и пойдете дальше, то Врангеля могут признать вождем только из желания насолить другим; признавать его только против кого-либо, как можно любить против кого-нибудь. Вот почему я не только не думаю, чтобы можно было спастись на Вашем совете «держитесь за Врангеля», но не думаю и того, чтобы после его падения, если оно совершится, его можно было чем-либо и кем-либо заменить. Я считаю, что эмиграция сделает максимум того, что она может сделать, если она здесь, за границей, не будет вредить России, не будет приводить иностранцев в отчаяние и разочарование; если она просто сумела с достоинством жить, никому не надоедая, ни на что не претендуя. Губит ее основное желание играть за границей политическую роль; а в Вашем совете это желание содержится полностью. Вы этим двум миллионам людей приписываете политическое значение. А в это я не верю. Врангель был силен, когда он был в России; поскольку еще можно было рассчитывать, что он и за границей останется во главе войск, которые можно куда-либо бросить, он про-

должал быть силой; когда же он перестанет быть во главе такой силы и превратится в эмигранта, он должен отказаться от претензий на политическую роль. Ее могут еще играть отдельные люди как таковые, по своим личным свойствам, по доверию, которое они к себе возбуждают, по внутренней самооценности их советов; но они могут играть роль как личности, не как власть. Такую роль, может быть, мог продолжать играть и Врангель. Я говорю мог при некоторых условиях, но теперь уже не может. История все-таки делается из центра, не на местах. Для широкого общественного мнения за границей Врангель — человек конченный. Победителя не судят, но побежденному не прощают, а в судьбе Врангеля были факты, которых здесь не понимают и никогда не поймут и которые здесь всех раздражают. Здесь не понимают, как Перекоп, который Врангель называл неприступным, пал с такой быстротой; еще меньше понимают, что Врангель в своем интервью объяснил, что он предвидел падение Перекопа и до последней минуты никому из французов этого не сказал. Мы, антибольшевики, вообще потеряли кредит именно потому, что наши предсказания систематически не осуществлялись. Здесь не верят нашему пониманию, либо, что еще хуже, нашей искренности. В этом отношении мы проигрываем даже перед большевиками. Большевики обманывают только тех, кто хочет быть обманутым; нужно быть простаком, чтобы верить им на слово; можно только надеяться их в конечном счете передурочить. Мы же, антибольшевистские силы, представляемся здесь людьми, которые либо не понимают, что говорят, либо людьми, обманывающими чужое доверие. С падением Врангеля мы потеряли всякий кредит, а Керенский его приобрел именно потому, что оказался пророком. Но тут отвлекаюсь от темы. Если бы, думаю я, сбылось Ваше предположение и русская эмиграция не смогла бы никогда вернуться в Россию, то через несколько поколений из нее, может быть, выработалась бы сплоченная сила; да и это едва ли; одни бы погибли, а другие бы приспособились к условиям заграничной жизни. Но чтобы в настоящее переходное время можно было что-либо основать на эмиграции, я считаю глубоко ошибочным. Потому, в отличие от Вас, мой интерес совсем не к ней, а к тем людям, которые что-то делают в самой России. Я уже Вам говорил, что относительно них у меня нет оптимизма, т.е. оптимизма в том, что это быстро окончится, и оптимизма в смысле торжества исторической справедливости. Там восторжествует подлость; впрочем, в этом тоже есть и некоторая справедливость, ибо это, в сущности, значит, что мы получим по заслугам, за нашу претенциозность, легкомыслие и политическую бездарность. Но эмиграция, живущая мечтами, что другие должны о ней заботиться, что она имеет какие-то права на эту заботу, эта эмиграция в моральном и в полити-

ческом смысле стоит на ложной дороге; не ей спасти Россию и не ей управлять ею.

Я собирался кончить, но хочу добавить несколько слов. Моя позиция, как видите, наблюдательна, не активна; для эмиграции я ничего не рекомендую, как научиться достойно устраивать свою личную жизнь, не мечтая о политической роли; политическое дело должны делать в России, хотя я не знаю, кто и как; чувствую только, что наступил момент дифференциации, отказа от огульных суждений; мы ими слишком грешили и имели право грешить, покуда рассчитывали сами извне спасти Россию; с тех пор, как эта мечта исчезла, нужно зорко присматриваться к тому, что там происходит; это общее мнение, но я в подробности не вхожу.

Но в положении наблюдателя мне хочется поделиться с Вами впечатлениями об Европе.

Это обширная тема, о которой хотелось бы поговорить отдельно; сейчас задену ее только вскользь. Но касаюсь ее потому, что помню, как Вы делали повороты на 180°; то преклонялись перед англичанами, то ненавидели французов, то, может быть, им простили, а сейчас опять приходите в бешенство.

Я соприкасаюсь с Европой уже четыре года; «Европа» есть фикция; Европы нет, есть отдельные страны, которые часто между собой не согласны. Но между ними есть нечто общее; самая разница в политике проистекает не столько от разницы национальных характеров, сколько от разницы интересов, от того, что в доброе старое время на древнерусском языке мы называли «конъюнктурой». Без этого психология европейцев одна и та же, и не нужно быть славянофилом, чтобы согласиться, что в этой психологии нам нечто чуждо, а иногда и непонятно. Это причина, почему русскому человеку так тяжело здесь жить и так хочется домой. Это чувство общее почти всех эмигрантов, которые не потеряли способности болеть за Россию; оно еще больше растет в самой Совдепии, и я не сомневаюсь, что наступит полоса ди-кой ксенофобии.

Но если разобрать эту европейскую психологию, она проста; это культурный эгоизм. Я подчеркиваю слово «культурный», со свойствами культуры, которая умеет быть не только внешне вежливой, но и внутренне справедливой. Этой стороной французской психологии я восхищался в те страшные месяцы, когда после воцарения больше-визма Франции грозила гибель; нужно и нам быть справедливыми; мы их бросили; сами мы до такой степени не умеем быть справедли-выми, что здесь многие говорили, да и теперь говорят, что самую вой-ну мы вели из-за Франции; это и объективно не верно, и, конечно, ни один француз в этом нам не поверит. В 1914 г., накануне кризиса,

Франция искренне боялась войны и искренне хотела мира. Если бы согласились пожертвовать Сербией, то французы только бы облегченно вздохнули. Участие французов в войне в этот момент, конечно, диктовалось им не только их союзническим долгом, но, в конце концов, и их интересами, но поводом к войне, сделавшим ее неизбежной, были все-таки не французские, а гораздо больше русские интересы; это французы превосходно знают. Никто из них нас за войну не винит, кроме крайней социалистической литературы, которая явно берет сторону Германии, но они с негодованием раскрывают глаза, когда им говорят, что мы, русские, пошли в войну из-за французов. Но как бы то ни было и кто бы ни начал эту войну, в известный момент Россия Францию бросила, и война могла быть проиграна накануне победы. Конечно, мы говорим, что это сделала не Россия, а большевики. С нами не спорят, а соглашаются; но в интимных беседах нам указывают, что заключение сепаратного мира не вызвало общего негодования; что около Скоропадского скопилось все, что было влиятельных имен из мира интеллигенции и буржуазии¹⁰. Словом, что тяготение к сепаратному миру вышло далеко за пределы большевистской клики. Констатируя это, они нас не обвиняют; они понимают, что национальный эгоизм есть общее правило и что, когда гибла Россия, было естественно, что она захотела спасти себя связью с Германией, бросив Францию на произвол судьбы. Они понимают, что нельзя нас винить, что мы не справились с революцией, что мы были разбиты и даже что убежали с поля сражения. Их культурность подсказывает им, что это несчастье, от которого мы пострадали сами и что невозможно нам за это мстить. И потому во все времена переменного счастья на фронте отношение их к России было безукоризненно. До Вас доходили слухи об оскорблениях, которым здесь подвергали русских; могу Вас уверить, что все это вздор; если такие случаи изредка бывали, то в основе бывали виноваты мы сами, которые находили возможным в эти дни на глазах у французов кутить в ресторанах и иногда не стесняться даже в речах. Попробуйте поставить нас на место французов и представить, что бы мы стали делать, если бы они нас бросили вследствие своей революции. Как бы наша толпа и даже наше общество стало относиться к тем французам, которые в это время ходили бы в форме по улицам Петербурга и Москвы. Вот представьте это, чтобы понять силу того, что я называю культурой, которая заставила их *если не* понять и простить, то, во всяком случае, скрыть свои чувства. Но это одна сторона. Наряду с нею есть и другая, которую я называю эгоизмом. Как каждый отдельный европеец, эгоист в собственной жизни, считает свою копейку, свое время, довольствуется собственными печальми, не тратя времени на заботу о других,

как каждый европеец рассчитывает на себя, заботится о себе, ничего не делая для других, но зато ничего и не требуя и от других в момент крушения, так и европейские государства понимают, что они получают только то, что сами сумеют отстоять, и что на других рассчитывать не приходится. Этот эгоизм, который культурой сдерживается в рамках, признание за другими тех же самых прав есть основное правило их поведения, их морали и всех их оценок. Как во имя законности такого эгоизма они простили нам то, что мы их бросили, так точно они этим же руководятся, когда к ним предъявляют требование забот о других. Вся задача не дипломатии, — она вообще на заднем плане, — а всей совокупности влияний, которыми мы защищаем перед Европой русское дело, было бы показать ей и, в частности, Франции, что ее интересы могут быть отдаленные, но несомненные, требуют сохранения и восстановления сильной и мощной единой России. Вот основной довод, который можно было преподносить под любимым соусом, но как главный и даже единственный мотив наших притязаний. Мы же предпочитали иные аргументы; и даже этот основной представлять в таком виде, что здесь начинали сомневаться, правду ли мы говорим. Мы переносили вопрос на почву благодарности к ним за помощь в войне, на почву нашего морального права; говорили, что в 75 г. мы спасли Францию, что доставили победу на Марне¹¹, что погубили 3 миллиона людей. Чувствуя недостаточность этого повода, более или менее замаскировано преподносили угрозу, что если они этого не сделают, то мы сблизимся с Германией. Легкость, с которой почти все говорили об этом сближении с Германией, невольно приводила здесь к заключению, что самое это сближение нам не претит, что мы на него готовы идти, что оно для нас выгодно, что если мы от него воздерживаемся, то из благородства. Здесь понимают, что политика на таких чувствах не строится; что если мы признаем возможность сближения с Германией, то, очевидно, так и поступим. Может быть, действительно в силу переменившихся конъюнктур сближение с Германией перестало быть для нас опасным, а если это так, то, с их точки зрения, конечно, естественный национальный эгоизм заставит нас принять эту политику; за нее не придется никого обвинять; но если это так все равно будет, то те доводы за необходимость великой, мощной России теряют всякую ценность. Если нам нужно было что-нибудь внушать Европе, так именно то, что наши собственные интересы по-прежнему мешают нашему сближению с Германией; конечно, это стало труднее доказывать: конъюнктура переменилась, но от этого эта задача стала только настоятельнее. Та же позиция, на которую мы становились, как будто боясь, что они сами не догадаются о нашем сближении с Германией, — наводила их на сомнение в том пункте, который для нас

в настоящее время всего опаснее. И так в этом пункте мы сами себе повредили. Но мы этим не ограничились. Мы сделали все, чтобы сбить с толку Европу, кто же может говорить именем если не настоящей, то будущей России. Европа плохо представляла себе, что она будет: воскреснет ли царизм, будет ли Бонапарт или прямо демократия; она по-своему судила и рядила, у кого больше шансов, но готова была принять всех; относительно России здесь не стали бы придерживать-ся методов политики, как относительно Константина¹² или Карла Венгерского¹³. В России, которую не считают врагом, был бы признан любой режим, как бы она захотела. Если иностранцы проявляли предпочтение тому или другому режиму у нас, то гораздо меньше в силу желания его навязать, сколько в силу большего или меньшего доверия в его успех. Это просто нежелание ставить на хромую лошадь, причем о силе ее каждый судит по-своему. Мы же сделали все, чтобы сбить их с толку и привести к выводу, что может быть наиболее сильной лошадью и окажется большевизм. Все антибольшевистские силы, каждая в свою очередь, доказывали свою несостоятельность; каждая накануне падения уверяла, что все идет благополучно, а после падения признавалась, что такого конца надо было ждать. Мы, русские, здесь как похвалами, так и постоянной критикой способствовали сбиванию Европы с толку. Желая «поддерживать настроение», мы искажали правду, скрывали недостатки, превозносили успех; делали это иногда искренне заблуждаясь, а часто по старому приему партийной борьбы. А после крушения, руководясь самыми лучшими чувствами, начинали это крушение объяснять, не считаясь с впечатлением, которое это произведет на иностранцев. Я уже говорил в начале письма: никто не понимает, что неприступный, по нашим словам, Перекон пал с такой быстротой и что Врангель признал, что это падение было им предусмотрено. А кроме того, наша публичная полемика. Если бы Вы могли представить, какой скандал, что две антибольшевистские газеты в Париже друг друга ругают¹⁴. Если что-либо могло политически помочь русскому делу за границей, то только единодушные антибольшевистского фронта. За это единодушие не было бы дорого заплатить никакой политической цены; но мы до него не доросли. Ведь когда речь пошла о том, чтобы засыпать канаву между к.-д. и с.-р. И для этого и только для этого воскресили покойника — Учредительное Собрание (предприятие, которому я всей душой сочувствовал, так как это был бы шаг в сторону сплочения, а не разъединения), это вызвало в обоих флангах негодование, и вследствие этого канава, разделявшая нас на два лагеря, переместилась, но сохранилась. Конечно, противники учредилки свое дело выиграли, ее возможный политический авторитет они подорвали; но в такой же мере подорвали и

свой авторитет, и вообще русское дело. Вы негодуете на Милюкова и на его второе выборгское воззвание; каюсь, я не совсем понимаю, что Вы этим именем называете; здесь так много воззваний, что я не знаю, про какое из них Вы говорите. Но как бы ни было плохо такое воззвание, не менее плоха встреча, которую ему сделали. Все одинаково, и слева и справа, и Вы, и Милюков не сумели пересечь в лодке так, чтобы ее не кувырнуть. Конечно, Вы скажете, что Вы сами за объединение, но что учредилка его не захотела; но то же самое говорит и она; и если учредилка поставила под интердикт некоторые политические имена, то то же самое сделали Вы. Эта нетерпимость является таким общим свойством, что за нее винить не приходится. Это просто та основная причина, которая дает торжество большевикам. Я Вам говорил, что я не верю в возможность эмиграции играть политическую роль в России; это я повторяю. Но иметь влияние за границей, на транграничную политику, она могла. Эта возможность требовала только двух условий — ясности и единодушия. Надо было помнить, что жизнь в России от нас не зависит, что она пойдет по-своему, и глупо мечтать управлять ею из заграницы. Здесь же надо было поддерживать одно: отрицательное отношение к большевизму, а для этого тоже только одно: поддерживать веру в нас нашей политической сплоченностью. Вот вся политическая программа эмиграции. И ясно: пока были антибольшевистские центры, действующие, имеющие то, чего мы не имеем, — власть и территорию, все должно было сосредоточиваться около них или около тех, кого они бы признали. Они были хозяевами положения. Но когда это положение они потеряли, надо было выстроить новый фронт [и] *принять в расчет*¹⁵ все. Мы же одни стали кричать: долой Врангеля, а другие — *vive quand meme*¹⁶ Врангель. Мы теперь ищем виноватого в этой сваре — бесполезное занятие. Просто мы остались тем, чем мы были, т.е. людьми, которые еще не умеют быть действительно властью, ответственными руководителями, которые не вышли из психологии школьников и детей, которые ссорятся, ибо кто-то за них думает и действует. Все это я говорю, чтобы показать, что, как ни обидно то, что делают иностранцы, в этом приходится больше винить нас самих, а не их. При ином нашем поведении было бы иное к нам отношение, и я не сомневаюсь, что в тот день, когда опять явится просвет, надежда на то, что Россия выплывает, со стороны иностранцев мы опять увидим такую искреннюю готовность идти к нам на помощь, при которой то желание им отомстить, которое скапливается в наших душах, может оказаться беспредметным. Я говорю, конечно, об иностранцах-друзьях, на которых мы сейчас негодуем, а не врагах, которые хотят на наш счет поживиться.

Но довольно, и так я Вам написал больше, чем собирался, буду ждать Вашего ответа.

13 Апреля 1921 г.

Перечитав то, что я написал, я вижу, что если не формулировать выводы, Вы ничего не поймете.

Делаю это. Основных выводов у меня два. Я думаю, во-первых, что здесь, за границей, наша политическая роль окончена; мы не создадим ни национального комитета, ни правительства, ни вооруженной силы, которая сумеет прийти и действовать в России. Эти возможности были, но теперь они окончены. Каким образом и когда нам дадут это понять, когда мы от этого окончательно откажемся, я не предвижу и не предсказываю; не сомневаюсь только, что сейчас нам за границей в этом отношении суждены одни потуги и одно разочарование. Мы не сумели воспользоваться тем временем, когда эти возможности открывались, а сейчас если бы и оказалась группа людей, которые смогли это сделать, они натолкнутся на определенное сопротивление Европы. Поэтому низвержение большевизма стало делом тех, кто остался в России, а может быть и самих большевиков.

Второй же мой вывод тот, что за границей мы, эмиграция, могли делать только одно дело: влиять на отношение к нам, к русскому вопросу Европы. Это была наша задача, и мы ее не разрешили; или, вернее, и в этом отношении мы только себе же повредили. Она и теперь еще до некоторой степени в наших руках, хотя мы, по русской привычке, идем с опозданием на полчаса, и все то, что мы делаем или будем делать, боюсь, будет уже поздно. Но задача этого влияния может сводиться только к одному, к тому, чтобы мешать Европе ставить ставку на большевизм и начать ему помогать, и, во-вторых, к тому, чтобы помешать той же Европе ставить ставку на расчленение России или на ее материальное расхищение. Это та задача, которой мы могли еще служить, и она тоже стала гораздо труднее. Мы и с этим уже в значительной мере опоздали, но она еще возможна, и основным условием для этого все-таки же является необходимость внушить доверие к себе, к тем политическим силам, которые представлены за границей, к тому, что они будут приемлемы для будущей России. Для этого прежде всего необходимо, чтобы мы не старались чернить друг друга и позорить себя скандальными политическими спорами; а нужно, во-вторых, если только мы относительно Европы не приняли правила: чем хуже, тем лучше, чтобы мы говорили тем языком, которым Европа и даже каждая страна в отдельности может нас понять и нам посочувствовать. Нужно для каждой страны найти тот аргумент, который на нее действует. Если мы не можем этого сделать, а пока мы

этого вовсе не делаем, то нам нужно здесь, за границей, постараться скрыться, вести себя так, чтобы нас не замечали. Пусть тогда, не видя нас, думают, что мы что-то скрываем, что мы что-то готовим, пусть судят о нас так, как судят о тех, кого не знают, приписывая им то, что в них боятся найти. Мы же, эмиграция, наоборот, показываем себя здесь, но с дурной стороны.

Я хорошо понимаю, что все то, что я пишу, идет, быть может, мимо Ваших интересов. У Вас есть острый и больной вопрос — отношение к Врангелю, к войску; Вы с болью реагируете на то, как его здесь разлагают. И здесь тоже, конечно, во многом виноваты русские; но не только враги, но и друзья, и я не знаю, кто больше в этом повинен. Но я скажу Вам одно: когда я узнал, что Врангель вывез из Крыма армию, то первое чувство радости сменилось чувством большого горя; зная отношение Европы, у меня не было ни малейшего сомнения, что армию все равно уничтожат, но уничтожат ее уже не большевики, не грубая сила, а уничтожат ее союзники. Я понимал, что это неизбежно, но и понимал, насколько это будет ужасно. И заметьте, что все это могло идти в ином порядке, без такого прямого участия русских элементов, которые здесь сводят свои старые счеты, без разных грубых и нелепых приемов, которые впоследствии будут стоять таким барьером для восстановления новых отношений, словом, это могло идти несколько иначе, но привело бы непременно к тому же результату: стоить знать внутреннее положение Франции, ее зависимость от Англии, стоить знать отношение Америки, великолепное во всех других отношениях, кроме ее отношения к попыткам военных экспедиций, чтобы хорошо понимать, что помочь нам сберечь войско французы не могли. И если бы мы были очень умны и хитры и могли бы сберечь его приблизительно так, как его сберегли немцы, т.е. громогласно заявляя одно, а под шумок делая другое, то, может быть, эта политика к каким-нибудь результатам и привела. Но надеяться настоять на своем нахрапом и сохранить войско в том виде, в котором его только и можно по русскому характеру сохранить, т.е. в особых лагерях, со строгой дисциплиной, с подчинением Врангелю, не распыляя его, как распылились немецкие войска среди своих сограждан, сделать это на глазах у Англии, — значило совершенно не понимать ни положения Франции, ни вообще условий жизни в Европе.

Но на эту тему нужно говорить слишком много, а мое письмо и так лежит без движения неделю, поэтому пока прощаюсь с Вами.

---

¹ Рукою Маклакова надписано: «Пошло с Харлам[овым]».

² Dette Ottomane (Dette Publique Ottomane) — международный совет, учрежденный в 1881 г. для надзора за сбором налогов в Османской империи с целью гарантии выплаты Турцией внешнего долга. Режим капитуляций — режим, в силу которого иностранцы в колониальных и полуколониальных странах были изъяты из действия местной юрисдикции и подчинялись юрисдикции своих консулов. Термин «режим капитуляций» употребляется обычно для характеристики общего неравноправного положения той или иной страны.

Режим капитуляций получил свое наименование от жалованных грамот, или капитуляций, которыми турецкие султаны предоставляли соответственные льготы тому или иному иностранному христианскому государству, начиная со второй половины XV в. (сначала Генуе и Венеции, затем Франции, потом Англии и Голландии). С конца XVIII — начала XIX в. режим капитуляций предоставлялся Турцией всем иностранным государствам на договорных началах. Режим капитуляций сохранялся и в отделившихся от Османской империи частях (например, в Египте). В первой половине XIX в. режим капитуляций был установлен в договорах европейских государств также с Ираном, Китаем и Японией (в последней отменен в 1890-х гг.). После начала Первой мировой войны Турция объявила об отмене режима капитуляций, но державы не признали этого акта в Севрском мирном договоре 1920 г. Турция окончательно освободилась от режима капитуляций по Лозаннскому мирному договору 1923 г.

³ Козьма Минин — организатор народного ополчения, освободившего в 1612 г. Москву от польских войск и сыгравшего решающую роль в преодолении Смуты в стране.

⁴ Каменев (наст. фам. Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936) — один из лидеров партии большевиков, член Политбюро ЦК; с октября 1917 г. — председатель Московского Совета.

⁵ Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) — член Политбюро ЦК ВКП(б) и один из лидеров партии большевиков, в описываемое время возглавлял Красную Армию, занимая посты председателя Революционного военного совета Республики и наркома по военным и морским делам. Красин Леонид Борисович (1870–1926) — видный деятель большевистской партии. В 1918 г. — председатель Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии, член Президиума Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ), нарком торговли и промышленности, в 1919 г. — нарком путей сообщения. Рассуждения Маклакова о междоусобной борьбе среди большевиков носили в данном случае совершенно гипотетический характер.

⁶ Вильгельм I Завоеватель (1027 или 1028–1087) — герцог Нормандии с 1035 г.; в 1066 г. высадился на побережье Англии и в битве при Гастингсе 14 октября 1066 г. разбил войско англо-саксонского короля Гарольда. Гарольд был убит в бою. С 1066 г. король Англии, в 1069–1070 гг. в ходе кампании «Опустошение Севера» полностью разорил североанглийские графства, уничтожив часть их населения и ликвидировав тем самым возможность сопротивления власти короля.

⁷ Духоборы в Канаде — духоборы («борцы за дух») — ортодоксальное религиозное сектантское течение, возникшее во второй половине XVIII в. среди крестьян Воронежской, Тамбовской, Екатеринославской губерний и Слободской Украины. Духоборы исходили из утверждения, что в мире извечно происходит борьба духовного начала (последователи Авеля) с плотским (последователи Каина). К последним духоборы относили власти, богатей, неправедных судей и т.п. Себя духоборы считали последователями Авеля, избранным народом, который призван созидать мир на земле и осуществить братство в духе Божьей правды. Духоборы не признают обрядов, за исключением обряда бракосочетания. Руководителя течения духоборы считают Христом во плоти, который сам избирает себе преемника. Помогает руководителю совет старейшин.

В 1804 г. с целью заселения южных окраин император Александр I разрешил духоборам поселиться на реке Молочная Мелитопольского уезда Таврической губернии. Но в 1841 г., по указу Николая I, духоборы были переселены в Закавказье. К этому моменту среди духоборов наметился раскол, который завершился в 1880-е гг. созданием большой и малой партий. Преследования духоборов привели к тому, что в 1898–1900 гг. большая часть духоборов переселилась в Канаду. Значительную помощь в этом переселении оказал Л.Н. Толстой.

⁸ Некрасовцы в Турции — некрасовцы, липоване, игнат-казаки, потомки донских казаков, участников Булавинского восстания 1707–1709 гг., которые после его поражения ушли во главе с И. Ф. Некрасовым (Игнатом Некрасой) на Кубань (где Некрасов возглавил своеобразную казачью «республику»), а в 1740 г. эмигрировали в Турцию. Расселились в Добрудже и Малой Азии, около озера Маньес. Получили свободу от податей и повинностей, самоуправление (казачий круг) с обязательством участвовать в войнах против России. Позже в состав некрасовцев влилось значительное количество старообрядцев, бежавших из России. Большинство некрасовцев стали старообрядцами поповского согласия. В 1864 г. некрасовцы отказались выступать против России и были лишены привилегий. Некрасовцы на чужбине длительное время сохраняли язык, одежду, обычаи, фольклор своих предков.

⁹ Статья Шульгина с таким названием нами не обнаружена.

¹⁰ Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) — генерал-лейтенант, высшая должность в период Первой мировой войны — командир корпуса. В апреле–декабре 1918 г. — гетман «Украинской державы»; опирался на германские войска; с декабря 1918 г. в эмиграции в Германии. Как уже упоминалось ранее, в правительство Скоропадского вошли некоторые киевские кадеты. Сравнительно безопасный Киев стал пристанищем для многих общественных деятелей и предпринимателей, бежавших из великорусских областей, контролировавшихся большевиками. Немалое их число рассчитывало на помощь Германии в ликвидации большевизма. Наиболее ярким проявлением этих тенденций стала «германская ориентация» П.Н. Милюкова.

¹¹ Имеются в виду: 1) события 1875 г., когда Германия была готова вновь начать войну с Францией, имея очевидное преимущество. Жесткая позиция России вынудила Германию отказаться от того, чтобы «добить» своего про-

тивника; 2) сражение на р. Марна 5–12 сентября 1914 г., в котором англо-французские войска нанесли поражение германской армии и сорвали тем самым стратегический план германского командования, рассчитанный на быстрый разгром противника на Западном фронте. Успеху союзников способствовало наступление русских армий в Восточной Пруссии, что не позволило германскому командованию усилить свою группировку во Франции. Недостаточно подготовленное наступление русских войск закончилось тяжелым поражением, но в значительной степени предопределило исход кампании 1914 г. и всего последующего хода войны.

¹² Константин (1868–1923) — греческий король из династии Глюксбургов (1913–1917 гг. и 1920–1922 гг.), был женат на сестре германского императора Вильгельма II; командовал греческой армией в греко-турецкой (1897 г.) и Балканских (1912–1913 гг.) войнах; в 1913 г. получил от Вильгельма II звание генерал-фельдмаршала германской армии. Выступил против участия Греции в Первой мировой войне на стороне Антанты; в июне 1917 г. был вынужден отречься от престола в пользу сына Александроса по требованию верховного комиссара Антанты в Салониках, оккупированных с октября 1915 г. англо-французскими войсками. Вернулся на престол после смерти Александроса. Восстание в армии в сентябре 1922 г. вследствие неудачной для Греции войны с Турцией 1919–1922 гг. вынудило Константина вторично отречься от престола.

¹³ Карл Венгерский — Карл I (Карл Франц Иосиф) (1887–1922) — австрийский император (1916–1918 гг.), король Богемии (1916–1918 гг., как Карл III, чешский) и король Венгрии (1916–1918 гг., как Карл IV, венгерский). После распада Австро-Венгрии в ноябре 1918 г. объявил, что «отстраняется от управления государством» (подчеркивая, что это не является отречением от престола). После двух неудачных попыток вернуть венгерский престол в 1921 г. был 19 ноября того же года по приказу венгерского диктатора М. Хорти выслан на остров Мадейра

¹⁴ Имеются в виду «Последние новости» (главный редактор с 1 марта 1921 г. П.Н. Милуков), критически настроенные к попыткам Врангеля сохранить армию, и «Общее дело» (главный редактор В.Л. Бурцев), поддерживавшее Врангеля и получавшее некоторое время от него субсидию.

¹⁵ Вписано Маклаковым от руки.

¹⁶ *vive quand meme (франц.)* — и тем не менее да здравствует.

1922

№ 5

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

[2 июня 1922 г.]

Дорогой Василий Алексеевич,

Вы, вероятно, получили или еще получите сумбурное письмо от меня, написанное на машинке¹. Не обращайтесь на него внимания, кажется, у меня очень болела голова или что-нибудь в этом роде. Я не очень хорошо помню, что я написал.

Теперь вот у меня какая к Вам просьба.

5 Апреля с припиской от 13 Апр[еля] Вы написали мне письмо в 1921 году. Письмо это страшно интересно. Если у Вас нет копии, то я Вам напомним, что Вы говорите там о русской эмиграции. Должен признать, что Вы были во многом удивительно проницательным. Но дело вот в чем. Как Вам, может быть, известно, я стал писать книжки. Написал уже 1920 год, а теперь пишу 1921 год². Выдержки из Вашего письма мне очень хотелось бы привести как удивительно меткую характеристику эмиграции. Я прошу Вашего разрешения на это. Если разрешите, то как: сказать, что это письмо от Вас, или же просто «письмо из Парижа», — словом, завуалировать. Если хотите, я пришлю Вам эту главу. Но очень просил бы не задерживать ее, а то есть некоторые условия с издательством.

Пока больше ничего не пишу, ибо мой почерк наказание для людей. Передайте, пожалуйста, Марии Алексеевне сердечный привет — целую ручки.

Искренне Ваш В. Шульгин
2 Июня 1922

Мой адрес: M-r L. Magherovsky³ pour V.V.,
V Jamč, č 1, byt VIII
Praha II, Tchechoslovaquie

Автограф. Подлинник.

---

¹ Упомянутое письмо в фонде Маклакова в Гуверовском архиве отсутствует. Судя по дальнейшей переписке, оно не дошло до адресата, если вообще было отправлено.

² Мемуарно-публицистическая книга В.В. Шульгина «1920» была впервые опубликована в журнале «Русская мысль» (1921. № 3/4–10/12). Очерки «1921» впоследствии печатались в парижской «Русской газете» с декабря 1923 г. по май 1924 г. Перепечатаны в журнале «Континент» (2002. № 114; 2003. № 117–118).

³ Магеровский Лев Флорианович (1896–1986), учился на юридическом факультете Киевского университета, в связи с началом Первой мировой войны поступил в Михайловское артиллерийское училище (окончил в 1915 г.), участник Первой мировой войны и Белого движения, сотрудник «Киевлянина», в эмиграции — в Праге, где получил высшее образование при Карловом университете (1924 г.). Был заместителем директора, членом Ученого совета и заведующим газетным отделом Русского заграничного исторического архива. Впоследствии эмигрировал в Германию (1945 г.) и США (1948 г.), где был куратором Бахметевского архива русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете.

№ 6

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

6-го Июня 1922 года

Дорогой Василий Витальевич,

Получил Ваше письмо, аннулирующее предыдущее; но предыдущее еще не получил. Не скрою, что оно меня очень интригует, так как, конечно, ни одно письмо не может быть продиктовано головной болью, как женщина не может родить только оттого, что к ней пришел акушер; и мне очень интересно знать, какое чудовище и от кого Вы породили на свет, если сами от него отрекаетесь.

Вот уже целый год, как я от Вас не имел вести, мне вообще на Вас не везет, — в сущности, мы ни разу не встретились после Петербурга. Когда я был в Ростове у Деникина¹, Вы уехали выправлять Киев; я Вам написал письмо из Ростова, правда, своим почерком, не знаю, получили ли Вы его. Потом, когда я приезжал в Севастополь к Врангелю, Вы ездили в Одессу², так и опять мы не встретились. В сущности, мы почти не переписывались, так как на мои письма, даже на то большое, о котором Вы сейчас пишете, Вы никогда мне не отвечали; Ваши письма были без всякой связи с моими и даже без связи между собой; это были отдельные выстрелы, моментальные фотографии временного настроения, и если бы не Ваши писания в журналах³, я перестал бы Вас понимать. А между тем все это время, даже теперь, мне Вас очень не хватает; Вы знаете, насколько я ценил Вашу голову и Ваше умение видеть в вещах то, что на самом деле есть, а не то, что полагается видеть по ритуалу или приличию. Это дано не всякому; если в Вас не

всегда была надлежащая реакция, если Вы были гораздо более созерцателем или аналитиком, чем деятелем, если Вы, как многие из нас, умели играть роль только Кассандры⁴, то сейчас, когда даже анализ не легок, драгоценные те глаза, которые существуют, чтобы видеть, а не для того, чтобы ими хлопали или делали глазки. Вот почему мне Вас не хватает; жизнь разбросала многих из тех, с кем я привык быть в умственной близости; многие потеряли руль, то есть совершили все, что им было дано совершить, уже не способны понять то, что сейчас делается, и кидаются направо и налево в воспоминаниях или мечтаниях уже без всякой связи с действительностью. Образчик этого я видел на примере Н.Н. Львова⁵, с которым скоро почувствовал отсутствие общего языка и понимания; я потерял близкий контакт даже с П.Б. Струве, который изменил своему призванию и характеру на то краткое время, когда стал неожиданно властью; с тех пор он понемножку выбирается на прежнюю дорогу, но еще не выбрался, и мне кажется, что на его мышлении есть пудовые гири не то разочарования, не то досады, которые не позволяют ему судить спокойно и трезво. Не говорю о тех великих умах, с которыми у меня никогда не было близости, как, например, Милоков и его компания. Единственный человек, с которым за эти четыре года заграничного странствия у меня установилось полное душевное и умственное понимание, Бахметев⁶, но он живет далеко и сношения с ним слишком долги. Есть здесь еще один человек, в котором я ценю остроту ума более, чем делал это прежде. Это Нахичеванская крыса⁷. Но его исходный пункт часто бывает ненадежен и самая искренность сомнительна, но понимать он все-таки может, и это сейчас главное. Вот Вам маленькое поминание, чтобы объяснить, почему я часто ругаю Вас за Ваше молчание и отсутствие.

Что касается до практического вопроса, который Вы мне задаете, то я перечел свое письмо Апреля 1921 года и без всяких колебаний уполномочиваю Вас делать из него употребление, которое хотите, но только со следующей оговоркой. Если Вы хотите печатать его, не называя меня, или во всяком случае достойно завуалировать, чтобы снять с меня упрек, что я не только питаю такие-то злокозненные мысли, но и считаю себя вправе их афишировать, то можете с ним делать, что хотите. Если бы Вы хотели напечатать это письмо полностью, как мое частное письмо к Вам с моей подписью, — то я и это бы Вам разрешил; лучшее доказательство, что своих мыслей назад не беру. Но если Вы хотите печатать из него выдержки (очевидно, речь может идти только об этом), то тут я делаю оговорку. Я не запрещаю Вам меня называть, не запрещаю Вам делать выдержки, но требую от Вас, чтобы Вы их раньше мне прислали, готов довериться Вашему такту и

взять Вас судьей, но я хочу, чтобы Вы поняли, чего я не хочу, что возможно, когда берут отдельные выдержки. Я не хочу создать ложного впечатления, будто я осуждаю русскую эмиграцию с высоты своего величия, как нечто, стоящее вне меня; и это не по скромности; я, может быть, ошибаюсь, но думаю, что когда в более или менее близком будущем я сам превращусь в простого эмигранта без всякого полуофициального положения, то избежну тех недостатков, которые осуждаю в эмиграции, не буду покушаться играть политическую роль, не буду претендовать на то, чтобы кто-то обо мне заботился. Но все это только мое внутреннее убеждение, опытом не проверенное. До настоящего же времени я незаслуженно занимал исключительно привилегированное положение; говорю о его моральной стороне, не материальной; напротив, со стороны материальной года три тому назад я мог превосходно устроиться, и мое официальное положение в этом мне мешало; теперь этому время прошло, и если бы я желал философствовать, я мог бы подсчитать, какие жертвы принес, оставаясь Послом, причем принес неизвестно для чего. Но со стороны моральной дело другое; я совершенно случайно получил право говорить, что ниоткуда не убежал, никакого боевого поста не покинул, приехал сюда не как беженец, а чтобы служить России; я точно так же имею возможность с внешней убедительностью, которой многие простаки будут верить, утверждать, что не имею права покинуть своего поста за границей, не могу уйти в отставку, должен здесь сидеть, как часовой, и тому под[обное]. Все это не серьезно и не глубоко, но с внешней стороны это правда; это без всяких заслуг с моей стороны создало мне такое привилегированное положение, что несмотря на все те громадные минусы, которые оно мне доставляет, так как я несу ответственность за всех и за все, но делает мне позицию, при которой может быть соблазном бросать в других камень. Мне было бы очень неприятно, если бы какие-нибудь мои фразы дали повод думать, что я этого не понимаю, что всерьез считаю себя уполномоченным судить и рядить над другими, что я забыл, что в настоящем моем положении, вопреки пословице, не человек красит место, а место человека. Такое суждение обо мне было бы мне неприятно, а главное — было бы и несправедливо. Поэтому, когда Вы сделаете из моего письма выдержки, которые Вы хотите, то посмотрите на них с этой точки зрения и спросите себя: не должен ли читатель вывести заключение, что я сужу об эмиграции со столь же наивным и самодовольным эгоизмом, с каким сейчас наша эмиграция судит обо всех тех, кто остался в России. Если выдержки дадут хоть тень этого впечатления, то тогда меня зауваляйте; если нет, можете меня называть. Между прочим, так как это приходится к слову, печатаете ли Вы свои воспоминания отдельной книжкой или

только то, что появлялось в «Русской Мысли»; если это было напечатано в отдельной книжке, то где ее можно достать⁸; здесь, в Париже, она не продается, по крайней мере, я ее найти не мог. Вообще очень рекомендую, пока Ваша память еще свежа, как можно скорее и больше записывать и издавать; Вы можете этим жить, а затем Ваши воспоминания — драгоценный вклад в понимание того, что было, чем будущие историки будут много пользоваться. Скажу для примера, что несмотря на то, что Винавер проклял Струве за помещение Ваших воспоминаний 1905 года, я считаю их не только поразительно интересными, но и в общем поразительно верными. Судьба подготовила нам честь, так как не решаюсь сказать, радость это или горе, жить в эпоху, которую будут внимательно изучать, так как в событиях этого времени будут находить подтверждения всех самых противоречивых теорий и систем, которые могли быть выдуманы; поэтому интересно фиксировать объективную правду и неприкрашенную действительность: 1905 год, конечно, сейчас мало кого интересует, но понять 1905 год, суметь найти в нем связь событий, обнаружить те мотивы деятельности левых и правых, которые на самом деле ими руководили, значит получить в руки надежный реактив, чтобы разобраться и в 1917 году. С нашей стороны было бы невероятной претенциозностью произнести сейчас суждение над людьми и событиями и давать им объяснения, как это делает Милюков. Его книга⁹ интересна только как иллюстрация умственного аппарата тех, которые в известный момент взялись управлять событиями. Но управляли ими не эти умственные аппараты, те подсознательные инстинкты, которые вышли наружу, когда они оказались на совершенной свободе; эти инстинкты для Милюкова и людей его склада были не недоступны, но они не подозревали об их существовании. Вы их понимаете с поразительной ясностью, и будущие историки будут по ним не только рисовать картину того, что было, но и давать оценку безумия, с которым руководители известного периода рубили те суки, на которых сидели. И у Вас это выходит само собой, по привычке к анализу и самоанализу. Вы сделали это для 1905 года, делаете это не только для 1917 и 21 годов, но, наверное, сделаете когда-нибудь и для времени Думы. В истории России время Думы, то есть кратких восьми лет, отпущенных нам с тем, чтобы выправить Россию, останется как одна из самых интересных эпох, которые, если судить ее здраво, а не трафаретами, должна была ясно показать, что будет с Россией. Если бы Вы не ленились написать мемуары о Думе, начиная с Ваших правых и кончая прогрессивным блоком¹⁰, то Вы очень помогли бы историкам. Меня самого подмывает иногда сделать это, но я ненавижу писать и отлагаю это удовольствие до того времени, когда меня посадят в тюрьму.

Я давно это загадал и потому, пока не сижу в тюрьме, считаю себя вправе не приступать к этому занятию. А пока меня интересует только одно: что делается в самой России. Одинаково как в смысле тех социальных перемен, которые, очевидно, там происходят и которые, к несчастью, мы так давно предвидели, что, вероятно, замыслили их задолго до того, как они действительно наступают, также не менее важно и в смысле психологических переворотов. В Париже сейчас находится В.И. Иксуль¹¹. Она много говорит об этом и в общем говорит интересные вещи. В ее 72 года, при ее ясности головы и громадном опыте наблюдения над самыми разнообразными людьми, я к ее суждениям отношусь с большим интересом и даже доверием; к несчастью, ее наблюдения ограничены очень поверхностным и узким кругом интеллигенции и кое-каких остатков старого режима. Но если бы нашелся человек, который мог бы на примере классов и отдельных знакомых людей показать, что сделали с Россией эти четыре года безнаказанного преступления и бессилия прежних кумиров и идей, мы бы лучше поняли, на какой берег нас выплеснет революционная волна. Все это столь трагически важное и интересное от нас скрыто; каждый видит в России то, что ему хочется или что полагается в его положении видеть, и поэтому мы ровно ничего не понимаем; все наши предсказания и предвидения оказываются невообразимой чушью, от которой опускаются руки. Если бы мне чего-нибудь случайно хотелось, то это войти в сношения с большевиками; конечно, большая часть их правды не видит или ее не скажет; думаю, что общение с ними должно потрясти и наше ходячее представление, будто главари хотя и мерзавцы, но крупные люди. Но, с другой стороны, среди деятелей большевизма должно быть много людей и незаурядных, и равнодушных к тому, что делается не с ними, а с Россией; им и принадлежит будущее. Положение обязывает. Та роль, которую могло сыграть Белое движение, теперь закончилась; в момент наибольшего упадка большевиков, в момент безвыходности их внутреннего положения они получили наилучшим международное влияние; они могут использовать выгоду своего положения, то есть и тот факт, что они просидели четыре года в России и еще могут держаться, и то, что у них есть некоторые возможности; если бы только они воспользовались благоприятной мировой конъюнктурой и стали бы ясно на позицию восстановления России и ее защиты, если бы они могли сказать, что их главная цель, для которой они принесут в жертву все, даже и коммунистические бредни, есть восстановление России, что они принимают условия, которые для этого ставятся, если эти условия не вредны России, то они бы могли подготовить спасение не только России, но и самих себя; погибли бы отдельные люди, но не было бы но-

вой революции, и будущее, может быть, им простило бы их злодеяния. Когда я вижу, как исключительно благоприятна для них конъюнктура и как безобразно глупо они отказываются вступить на единственную открытую дорогу, а ищут обходного пути, на котором все равно погибнут, то я не могу допустить, чтобы среди массы людей, которые сейчас управляют Россией, не создалось течения, которое бы это понимало и на этой почве произвело те перевороты, которые мы не только давно ждем, но которым уже приставили соответствующие ярлычки кто термидора, кто брюмера¹² и т.д. Но чтобы судить, есть ли эти течения и кто их представляет, нужно быть там или по крайней мере нужно иметь общение с ними; мое положение этому мешает; как раз этого я не могу делать, не дав повода к соблазну. Я поддерживаю кое-какие отношения с Ключниковым¹³, но убеждаюсь, к сожалению, что, хотя у него есть возможность судить о том, что делается, он не понимает самой постановки вопроса и поэтому не может ничего ответить. А между тем весь интерес, все будущее только там, и если бы мы отсюда могли взять верную ноту и сказать то, что есть, не боясь быть неверно истолкованными, мы могли бы ускорить тот процесс и вызвать детонацию.

Не знаю, передал ли Вам Струве брошюрку, которую я послал ему для Вас, так как не знал Вашего адреса, где я касаюсь тех же вопросов, только в той форме, которую может понять и принять французская психология¹⁴.

---

¹ Маклаков совершил поездку на юг России в октябре 1919 г. См. его «отчеты» о поездке в письмах к Б.А. Бахметеву от 7 и 11 декабря 1919 г. — «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка 1919–1951. В 3-х томах. Ред., вступ. ст. и комм. О.В. Будницкого. Т. 1. Август 1919 — сентябрь 1921. М.; Стэнфорд: РОССПЭН; Hoover Institution Press, 2001. С. 126–131, 134–147.

² Маклаков пробыл в Крыму неделю в конце сентября — начале октября 1920 г. См. подробнее об этой поездке и впечатлениях посла от увиденного в его письме Б.А. Бахметеву от 21 октября 1920 г. — «Совершенно лично и доверительно!». Т. 1. С. 239–265. См. также интервью, которое Маклаков дал после поездки газете «Последние новости» — Беседа с В.А. Маклаковым // Последние новости. 1920. 13 октября. О попытке Шульгина нелегально пробраться в Одессу в сентябре — начале октября 1920 г. см.: Шульгин В.В. 1920 // Шульгин В.В. Дни; 1920. М., 1989. С. 470–499. Попытка высадиться с моря в районе Одессы кончилась неудачей, Шульгин и его товарищи были вынуждены, в связи со штормовой погодой, причалить к румынскому берегу. После двухмесячных разбирательств Шульгину позволили уехать, и он через Болгарию добрался до Константинополя.

³ Шульгин в начале 1920-х гг. публиковался в основном в «Русской мысли» П.Б. Струве. Здесь в 1921–1922 гг., кроме «1920» (см. прим. 1), были опубликованы «Белые мысли (Под Новый год)» (Русская мысль. 1921. Кн. I–II. С. 37–43), начали печататься «Дни» (Русская мысль. 1921. № 5/7, завершилась публикация в № 6/8 за 1923 г.).

⁴ Кассандра — в древнегреческой мифологии красивейшая из дочерей Приама и Гекубы, прорицательница.

⁵ Львов Николай Николаевич (1867–1944) — помещик, общественный и политический деятель. Один из основателей «Союза Освобождения». Видный земский деятель, участник земских съездов 1904–1905 гг. Член конституционно-демократической партии, депутат 1, 3 и 4-й Государственных дум, в 1-й Думе произошел его разрыв с кадетами, позиции партии по ряду вопросов он считал чрезмерно радикальными. Осудил Выборгское воззвание. В июле 1906 г. — один из основателей Партии мирного обновления. В 1912 г. — один из учредителей Партии прогрессистов. В 4-й Государственной думе был некоторое время товарищем (заместителем) председателя. В марте 1917 г. комиссар Временного комитета Государственной думы в Дирекции императорских театров. Один из руководителей Всероссийского союза земельных собственников, член Предпарламента (Временного совета республики). После большевистского переворота уехал на юг. В октябре 1918 г. один из организаторов Совета государственного объединения России. В 1919–1920 гг. редактор газеты «Великая Россия» (Ростов-на-Дону, затем Севастополь). С ноября 1920 г. в эмиграции. Поддерживал генерала П. Н. Врангеля.

⁶ Бахметев Борис Александрович (1880–1951) — инженер, ученый-гидравлик, профессор Политехнического института в Петербурге. Социал-демократ, член ЦК РСДРП (1906 г.) от меньшевиков. После революции 1905–1907 гг. от партийной деятельности отошел. В 1915–1916 гг. — представитель Центрального военно-промышленного комитета в США. В 1917 г. — товарищ министра промышленности и торговли Временного правительства. В июне 1917 — июне 1922 г. российский посол в США. В декабре 1918 — июле 1919 г. — в Париже, член Русского политического совещания. С февраля 1921 г. член Совещания российских послов, созданного по его инициативе. Друг и многолетний корреспондент Маклакова. См. о нем: Будницкий О.В. Б.А. Бахметев — посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 134–166; он же. Б.А. Бахметев — дипломат, политик, мыслитель // Россия в США (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. VII). М.: Институт военного и политического анализа, 2001. С. 8–64; он же. Послы несуществующей страны // «Совершенно лично и достоверно!». Т. 1. С. 16–114.

⁷ Несомненно, имеется в виду Моисей Сергеевич Аджемов (1878–1950), юрист; член партии кадетов, с 1916 г. член ее ЦК. Депутат 2–4-й Государственных дум. После Февральской революции — комиссар в Министерстве юстиции, член Юридического совещания при Временном правительстве. После Октябрьской революции — в эмиграции; жил в Париже, оказывая активное содействие Белому движению и играя посредническую роль между французским правительством и руководством белых.

⁸ Отдельным изданием книга Шульгина «1920. Очерки» вышла в 1921 г. в Софии в Российско-болгарском книжном издательстве. Начавшиеся печататься в 1922 г. «Дни» отдельным изданием вышли в 1925 г. в Белграде в издательстве А.А. Суворина «Новое время».

⁹ Имеется в виду книга: Милюков П.Н. Три попытки: (К истории русского лжеконституционализма). Париж, 1921.

¹⁰ Прогрессивный блок — объединение политических фракций в 4-й Государственной думе, возникшее в августе 1915 г. В состав блока вошли кадеты, октябристы, земцы-октябристы, прогрессисты, умеренные националисты — всего 236 депутатов, а также ряд групп Государственного Совета. Программа блока включала требования создания «правительства доверия», частичной амнистии за политические и религиозные преступления, отмены ограничений прав национальных меньшинств, восстановления деятельности профсоюзов и некоторые другие.

¹¹ Икскуль фон Гильденбанд Варвара Ивановна (урожд. Лутковская, в первом браке Глинка-Маврина), баронесса (1850–1928) — общественный деятель, литератор, издатель, благотворитель. В 1880-е гг. жила во Франции, писала романы и печаталась по-французски, переводила на французский язык произведения Ф.М. Достоевского. Одна из основательниц Женского медицинского института в С.-Петербурге, председатель правления Общины сестер милосердия им. М.П. Кауфмана. Издавала совместно с И.Д. Сытиным серию дешевых книг для народного чтения. Хозяйка литературно-художественного салона в С.-Петербурге. Во время балканских войн в 1912–1913 гг. выезжала с отрядом сестер милосердия в Болгарию. Во время Первой мировой войны организовывала санитарные поезда и лазареты, работала в действующей армии. Награждена Георгиевским крестом. В 1921 г. бежала из Петрограда в Финляндию, с 1922 г. в Париже. Портрет В.И. Икскуль фон Гильденбанд (1889 г.) кисти И.Е. Репина хранится в Третьяковской галерее.

¹² Термидор, брюмер. — Имеются в виду события эпохи Великой Французской революции. 9 (27 июля) термидора 1794 г. произошел переворот, приведший к свержению диктатуры якобинцев; 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. во Франции была установлена диктатура Наполеона Бонапарта.

¹³ Ключников Юрий Вениаминович (1886–1938) — профессор Московского университета, специалист по международному праву; кадет. В годы Гражданской войны — консультант и товарищ министра Уфимской дирекции, управляющий министерством иностранных дел Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Был вынужден уйти в отставку, получил от правительства субсидию на поездку в Париж с научными целями в связи с проходившей там мирной конференцией в 1919 г. Работал в одной из комиссий Русского политического совещания. Один из инициаторов издания сборника «Смена вех»; автор одноименной статьи, открывавшей сборник. Издавал затем журнал «Смена вех» и газету «Накануне», проповедовавшие сближение с Советской Россией. В 1922 г. — эксперт советской делегации на Генуэзской конференции; в 1923 г. вернулся в Россию. Занимался научно-педагогической работой; одно время играл ведущую роль в органе Наркоминде-

ла «Международная жизнь». Подробнее см.: Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.

¹⁴ Брошюрка — неясно, о чем именно идет речь, вероятно, об оттиске какой-либо из статей Маклакова во французских журналах.

№ 7

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

[19 июня 1922 г.]

Дорогой Василий Алексеевич.

Несмотря на Ваше доверие к моим «техническим» способностям, что я очень ценю, и несмотря на точное изложение Ваших желаний, которые вполне понимаю и разделяю, я все же прошу Вас просмотреть прилагаемые выдержки из Вашего письма. Которые выдержки, совместно с моим письмом — составляют два мировоззрения, определившиеся к концу 1921 года — и кажутся мне весьма характерными. Вся глава будет называться «Из переписки друзей». В ней будет: 1) Мое «закрытое» Вам; 2) Ваше «закрытое» — мне (в прилагаемом виде); 3) Мое «открытое» Милюкову; 4) Милюкова «открытое» — мне; 5) Струве «открытое» вообще и еще кое-что.

Теперь решайте: хотите ли Вас назвать или завуалировать. Если последнее — это не составит никакого труда. Я напишу просто в начале: «дорогой друг» или что-нибудь в таком роде. Что касается моего мнения, то я думаю лучше Вас не называть, чтоб оставить Вас — вне свары. Вы так все время держитесь, и может быть, это к лучшему. С точки же зрения «литературной», т.е. интереса книжки, Ваше имя придало бы блеска в паре «самоцветных камней», каковыми считаю Милюкова и себя (главным образом!). Поставленное посередине — оно символизировало бы трираздельную эмиграцию.

Вот, дорогой Вас[илий] Алексеевич.

Больше пока не пишу, но благодарю Вас за то, что Вы оказались таким милым «комплиментщиком» в Вашем последнем письме. Напишу Вам еще как следует, но, пожалуйста, не очень задерживайте эту рукопись. Вашу статью получил и о ней писал в «пропавшей грамоте»... Статья очень хороша...

Обнимаю Вас.

Мар[ии] Алекс[еевне] — ручки.

Искр[енне] Ваш В. Шульгин.
19 Июня 1922

Автограф. Подлинник.

[29 июня 1922 г.]

Дорогой Василий Алексеевич.

Предыдущее мое письмо не могло быть своевременно отправлено ввиду адской дороговизны почты в Чехословакии, а потому настоящее письмо «совместительствует» с ним в одном конверте.

Настоящее мое письмо распадается на две части.

Первая часть. Неполитическая.

Вы имели неосторожность найти мои мемуары, печатавшиеся в «Русской Мысли», интересными и даже важными для будущих времен. Этим я себя всегда утешал: ценность мемуаров возрастает прямо пропорционально их возрасту. Если бы сейчас нашли самый скромненький дневник Адама или просто книжечку для записывания расходов Евы, то это был бы ценнейший документ. Но для Евы книжечка расходов служила только, так сказать, неким отчетом о ее бедствиях, т.е. расходах, и, во всяком случае, доходов ей книжечка не приносила. Это ужасно несправедливо. За что, бедная, она страдала в поте лица, когда любое книгоиздательство любой национальности, даже стран с низкой валютой, охотно заплатило бы ей столько, что она, изгнанная из рая, могла бы жить, как в раю.

Я приблизительно нахожусь в таком же положении. Я не могу сказать, чтобы мои мемуары приносили мне одни лишь расходы, кроме порчи глаз. Но доходы, которые они мне приносят, таковы, что к словам Вашего письма «Вы бы могли на это жить», я должен прибавить как правдивый деесписатель наших времен — жить до безобразия скверно. И, откровенно говоря, меня возмущает эта мысль, что все те будущие историки, которые будут базировать[ся] на моих трудах, не могут при всем желании заплатить мне даже 35 чешских геллеров, на которые можно купить одну «хоузку», т.е. булочку.

Итак, я считаю установленным, что весь расход на содержание русского историографа должен падать на современное человечество. При этом должен с Вами поделиться некоторыми цифрами.

В настоящем году я писал и пишу две вещи: «Дни», те, что печатаются в «Русской Мысли», Вами отмеченные, и «1921 год», который пишется совместно с другими лицами, ибо это должен был быть первый опыт «истории русской революции, изложенной современниками».

«Дни» закончатся, вероятно, к концу года и будут иметь размер, вероятно, около двенадцати листов, и получу я за них 1200 франков приблизительно. Сколько получу за «1921 год» — неизвестно по

следующей причине: этот год и его описание тесно связаны с одной историей, о которой знает Владимир Андреевич О.¹, а эта история, по мнению некоторых членов этой семьи, еще не должна быть рассказываемая. Другими словами, от первоначального плана приходится отказаться, что связано с денежными потерями. Словом, я буду счастлив, если в этом году выручу франков 800 за эту вещь. Кроме того, я получу, хотя еще не получил, 1000 франков за французский текст «1920 года», печатающийся в Парижском журнале «Vie des peuples». Итого, максимум, что я получу в этом году, это 3000 франков, т.е. 250 франков в месяц.

Но это только так, для того, чтобы будущие историки знали и эту страницу. Впрочем, был бы Вам, Дорогой Василий Алексеевич, весьма признателен, если бы Вы сообщили мне, не намерен ли кто-нибудь заинтересоваться «Днями» настолько, чтобы перевести их на французский язык, как это сделал относительно «1920 года» симпатичнейший *проф. Legras*². Кстати, Вы с ним не знакомы? Он в хороших отношениях с А.И. Гучковым³. Я буду писать об этом А. И. и самому профессору, но, может быть, имело бы смысл издать «Дни» отдельной книжкой по-французски ввиду того особенно, что вторая половина будет посвящена последним дням перед революцией и двумя отречениями. По-русски я тоже думал бы выпустить «Дни» отдельной книжкой, как только они пройдут в «Русской Мысли», но конкретных предложений пока не имею.

Что касается мемуаров о Государственной Думе, то Вы с обычной Вашей проницательностью угадали то пустое место, которое я должен был пока оставить в этих самых «Днях».

Конечно, я хотел написать все, начиная с 1905 и кончая 1917. Но когда я подумал об этом реально, то я увидел, что, во-первых, мне не хватит в данное время материалов, а во-вторых, эти воспоминания растянулись бы на несколько лет «Русской Мысли». Поэтому я принял героическое решение, оставив голову и хвост левиафана, но туловище допишу все же когда-нибудь. Если бы каким-нибудь путем какая-нибудь счастливая фея, любительница истории, обеспечила бы мне 1000 франков в месяц, то я сейчас засел бы и, вероятно, за год что-нибудь бы сделал, ибо при известном комфорте дело делается несравненно быстрее. Пока же пишу, так сказать, в зависимости от тысячи обстоятельств, из которых может быть одно из значительных — что у меня нет собственной машинки, а машинистка нередко не может писать от голода.

Таким образом, мои литературные планы приблизительно располагаются в трех этажах.

Первый этаж — «Дни» в масштабе, выдерживаемом «Русской Мыслью». Второй этаж — толстая книжка, а может быть, несколько

книжек, и даже наверно, ибо в них будут 1905–1917 без пропусков, и кроме того 1918, 1919, 1921 гг., в которые уместятся мои политические мемуары. Третий этаж — «Жизнь, как она была». Это, если будет написано (часть уже написана), — будет напечатано после моей смерти, разумеется, если найдутся издатели. Затруднение в том, что никак не найдешь душеприказчика, ибо по нашим временам совершенно нельзя определить, кто умрет раньше, ибо чем моложе человек, тем больше шансов, что его ухлопают. Так, впрочем, было и с Адамом, который пережил Авеля, оставив миру Каина. Впрочем, говорят, у него еще были дети, от которых произошли Ленин и Ваш любимец Вильгельм Завоеватель, который, по Вашему авторитетному свидетельству, мог бы происходить и от Каина. На этом кончается часть неофициальная и переходит к части официальной, т.е. политической. Но, впрочем, это в следующем письме, ибо машинистка от голода не способна к продолжительной работе.

Обнимаю Вас.

*Иск[ренне] пр[еданный] В. Шульгин
Мариш Алекс[еевне] — привет.
29 июня 1922
Прага*

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Очевидно, Владимир Андреевич Оболенский (1869–1950), князь — земский деятель, член партии кадетов (с 1906 г. председатель Таврического комитета партии кадетов, с 1910 г. член ЦК партии). Член 1-й Государственной думы; подписал Выборгское воззвание, за что был привлечен к суду и лишен возможности впредь баллотироваться в Думу. В 1916–17 гг. председатель Петроградского комитета Союза городов. После большевистского переворота, в декабре 1917 г. уехал в Крым, где был избран председателем Земской управы Таврической губернии. С ноября 1920 г. в эмиграции. Автор воспоминаний (полностью опубликованы посмертно) «Моя жизнь. Мои современники» (Париж, 1988).

² *проф. Legras* — несомненно, Жюль (Юлий Антонович) Легра (Jules Legras) (1866–1938) — профессор Бордоского, а позднее Дижонского университета по кафедре иностранных литератур, переводчик на французский язык произведений А.П. Чехова, автор очерков о России и исследований о русской и немецкой литературе, воспоминаний о Л.Н. Толстом, корреспондент Чехова и Толстого. Легра пристраивался с А.И. Гучковым, был секундантом на одной из его студенческих дуэлей в Берлине, дружил также с П. Н. Милюковым.

³ Гучков Александр Иванович (1862–1936) — крупный промышленник; один из основателей и признанный лидер «Союза 17 октября». Депутат 3-й Государственной думы, с марта 1910 г. по март 1911 г. — ее председатель. В годы Первой мировой войны — председатель Центрального военно-про-

мышленного комитета. Военный и морской министр в первом составе Временного правительства. Оказал финансовую поддержку Добровольческой армии на начальном этапе ее формирования. С 1919 г. — в эмиграции.

№ 9

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

10-го Июля 1922 года

Дорогой Василий Витальевич,

Получил сегодня Ваше письмо и сейчас же на него отвечаю или, вернее, на наиболее спешную его часть. Я ровно ничего не имею против напечатания моего письма и, с другой стороны, согласен вместе с Вами, что лучше сохранить мой аноним; и это не столько потому, чтобы я не желал, чтобы русская публика знала, как я смотрю на эти вопросы, но потому что печатание Вами моего письма при Вашей деликатности не может не означать, что я на это печатание согласился; а такое согласие знаменует ни что иное, как то, что я свои мысли по таким интимным и больным вопросам захотел делать общеизвестными. Думаю, что такая претензия ничем не оправдывалась бы и вообще недостаточно считалась бы с той исключительностью моего положения, которая обязывает меня к скромности и к неосуждению других. Вот почему предоставляю Вам печатать эти письма и даже при случае для лиц, для которых это может представить интерес, раскрывать мой аноним, я считаю правильным, чтобы они все-таки были опубликованы, как анонимные. Что касается до Ваших других вопросов, то нынче я на них не отвечу. Legras я знаю и, конечно, могу Ваше обращение к нему поддержать; но все это нужно будет сделать не сейчас, так как теперь я на три недели уезжаю из Парижа и до моего отъезда физически не смогу проделать той работы, которую нужно проделать, чтобы чего-нибудь добиться.

№ 10

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 13-го Декабря 1922 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Узнал от Ефимовского¹, что Вы в Берлине, и не могу удержаться, чтобы не послать Вам привета. Хотя Вы и свинья, и на последнее мое письмо не ответили, но у Вас есть смягчающие обстоятельства, что

Вы, может быть, его и не получили. Ефимовский говорит, что в январе Вы, может быть, приедете в Париж; буду бесконечно рад Вас увидеть; не знаю, будем ли мы с Вами кое в чем согласны или будем по всем пунктам ругаться; но в этом последнем случае мы переменим разговор и будем говорить о женщинах; Вы, судя по доходящим до меня слухам, использовали Ваше преимущество передо мной, которое, впрочем, дабы Вы не слишком возгордились, состоит в том, что Вы моложе меня. Но не очень обольщайтесь, и Вы когда-нибудь кончите, как и я. А теперь же посылаю Вам свои произведения; одну французскую статью во французском журнале, написанную для просвещения иностранцев и которая может быть пробным камнем для нашего понимания того, что происходит в России, а во-вторых, одну публичную лекцию о Толстом, которую я здесь прочел²; посылаю ее Вам, чтобы этим сказать [пропуск в тексте]. Моя сестра узнала, что Вы приедете сюда, тоже радуется и надеется Вас повидать. В сущности, удивительно, что за пять лет мы ни разу не встретились, несмотря на мои попытки; тем интереснее будет узнать, почувствовать, не прекратилось ли взаимное понимание.

---

¹ Ефимовский Евгений Амвросиевич (1885–1964) — выпускник историко-филологического и юридического факультетов Киевского университета. Присяжный поверенный; член партии кадетов. Конституционный монархист. В 1918 г. редактор газеты «Голос Киева». В 1919 г. уехал за границу в составе делегации от командования Вооруженных сил Юга России. В эмиграции в Чехословакии, затем во Франции. В Праге редактировал газету «Славянская заря»; основатель и бессменный председатель Союза народно-конституционных монархистов, редактор выходившей в Германии газеты «Грядущая Россия» (1921–1922 гг.). В 1923–1925 гг. редактор-издатель (совместно с А.И. Филипповым) «Русской газеты в Париже».

² Лекция о Толстом — «Толстой и большевизм: Речь, произнесенная на вечере в память Л.Н. Толстого 5 января 1921 года» (Типография «Земгора», Париж, 1921).

1923

№ 11

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

[5 января 1923 г.]

Дорогой Василий Алексеевич,

Не сердитесь на меня, пожалуйста, что не сразу Вам ответил: я был болен, а потом (да и сейчас) ухаживаю за больным, — а это очень трудно по неумелости нашей. И чему нас в университетах учили! Вот печку затопить — никак не выходит, и даже просто поддержать огонь — и то тухнет! А чтобы компресс положить на грудь — крест-на-крест, то это просто почти так же трудно, как восстановить *la grande industrie*¹. Поэтому не сердитесь, памятуя, что главное мое занятие ныне болеть и лечить, а это значит, что у меня нет машинистки, как у Вас (дай ей Господь Бог здоровья!), а потому так трудны стали письменные сношения, ибо мы с Вами не предвидели возвращения к додактилографной эпохе и относились с презрением к чистописанию.

Вообще мы ничего не предвидели, и в этом наше горе. И здесь начинается часть политическая. Если бы предвидели, то иначе бы воспитывали нас и сами мы иначе учились. В предвидении революции надо было воспитывать нас в суровой бедности и самопомощи. Воспитывать железную физическую выносливость и деловую практичность. Воспитывать такие характеры, которые описывает Джек Лондон². Потому что условия, в которых придется работать пионерам восстановления России — будут близки к условиям примитивной борьбы за существование. Целые области вымерли и еще будут вымирать. Жизнь пойдет в эти погибшие страны, как и дальше, из двух центров: влажно-ржаной Москвы и влажно-пшеничного Киева. Они сохранятся потому, что могут прокормить свое население — сами при всяких условиях. Остальная же Россия есть функция периодической помощи хлебом этих двух влажных островов помощи, осуществляемой через монархию, собственность и транспорт. Когда коммунизм уйдет, влажные острова нальются новой жизнью и опять будут наново колонизировать уничтоженные «коммунизмом» (ирония!) при помощи социализации и засухи огромные русские двуликие степи. Дву-

ликие потому, что они являются то источником колоссального богатства (влажные годы), то пустынями смерти (засушливые). По этой же причине, я думаю, неизбежно Единство России. Все засушливые области могут сколько угодно претендовать на самостоятельность, федерацию, автономию, но они получают ее постольку, поскольку это удобно будет влажным районам, которые одни сохраняют реальную силу, ибо вымершее царство Казанское и Астраханское что может сделать? По этой же причине, я думаю, у нас будет монархия. «Самостийные республики» заморят друг друга голодом, ибо мы отлично видим, что нет ничего более жестокого и равнодушного к горю соседа, чем демократические местные образования. Эгоизм этих местных республик, нежелание области, имеющей хлеб, поделиться с другой — заставят всех искать какой-то Высшей власти над собой, которая могла бы приказать двинуть хлеб с Запада и с Севера в те годы, когда Юг и Восток обжигаются, как Фаэтон³. Какая это может быть власть? При том религиозном настроении, которое намечается в России, будут искать высшей правды не в четыреххвостке, а в лице или роде Божьей Милостью правлящего. Я не знаю, удастся ли мне достаточно выпукло высказать свою мысль. Но я думаю, что надо рассматривать будущее России *sub specie panis*⁴. Вся засушливая Россия выросла «на царском пайке». Иначе, не будь этого пайка, в голодные годы население умерло бы и никогда не достигло бы той плотности, которую мы видим в 1914 году. Всякая центральная власть вследствие этих особенностей России будет заниматься этой колоссальной благотворительностью, но по этой же причине может держать в руках местные Правительства, если они образуются. В этом отношении соперником Москвы может явиться только Киев — Киевская область с пятью-шестью губерниями, засухе малоподверженным. Поэтому следовало бы избегать подчинения Киеву богатейшей, но тоже засушливой Новороссии. Украина, в широком смысле слова, не должна быть допущена. Выгоднее разделить ее на несколько областей — так, чтобы Киев, Одесса, Харьков–Екатеринослав были независимы друг от друга и в случае нужды апеллировали бы к Высшей власти. Впрочем, я уверен, что если бы и образовалась бы самостоятельная Украина демократического пошиба, то голод-засуха Новороссии свалил бы Киевское Правительство, которое не справилось бы с задачей своеобразного «русского коммунизма» (взаимопомощь губерний под Царской властью). Если же Киев дал бы «украинского короля», то картина для меня менее ясна. Он не мог бы удержаться без иностранной помощи. Против «русского короля» (Даниил Галицкий⁵) я ничего не имею, но думаю, что к нему весьма быстро перешел бы и Московский престол. Впрочем, я чувствую, что мое письмо до того бессвязно, что не стоит

его продолжать в этом тоне. У меня все время переплетаются две темы: то, что хотелось бы, и то, что будет. И одна другую сбивает. Этого недостатка совершенно не чувствуется в Вашем обзоре *La crise du Bolchévisme*⁶. Весь он выдержан в объективных тонах. Очень благодарю. Это написано превосходно. Выпуклость изложения такова, что могла бы быть образцом краткого изложения огромных процессов. С удовольствием замечая все развивающуюся у Вас способность зарисовывать почти геологические изменения России в уверенных сильных схемах, которые, однако, несмотря на свою схематичность, быть может, ближе к действительности, чем «фотографии» очевидцев.

Посылаю Вам свои схемы, которые я «сотворил» под сильным Вашим влиянием. Можете их также рассматривать как рождественские картинки для детей. Я все больше чувствую, что будущее России в каком-то *mélange*⁷: наших мыслей и их воли. Они под влиянием Маркса разучились думать или, вернее, чувствовать вековую мудрость, а мы под влиянием слишком изнеженной жизни разучились хотеть. Требуется соединение белой мудрости и красного дерзания. В области мысли идет страшная борьба между Моисеем и Карлом (Марксом⁸). Мы все (белые) Моисеева закона. Не смейтесь — это так. Мы, белые, в сущности, только адепты декад — десяти заповедей Моисея, мы — «декадники». Мы пробовали прибавить одиннадцатую заповедь, заповедь Христа — «люби ближнего», но из этого пока мало вышло. В этом Вы очень правы (Ваша речь о Толстом⁹). Вы не правы только относительно Толстого, у него тоже ничего не вышло, и его проповедь не только не приближает к Христу, а есть шаг назад сравнительно с достижениями Моисея. В этом его духовная связь с социалистами (Карлистами), и вот почему они считают его своим. Весь социализм есть страшный бунт против Моисея тех жидов, которые и в его время делали себе кумиров из всякой дряни вместо того, чтобы чтить Единого Бога в раскате грома и молний, давшего человечеству «Декады». Горе отступающим от них. Мы, знающие их непреодолимую силу, твердо должны стоять на Синае и трубить во все четыре страны света: «Безумцы, вспомните заповеди Божьи!» В этом наша архангельская роль. И в особенности выкрикивать ту заповедь, которая направлена прямо против социализма: «Не пожелай ничего, елико суть ближнего твоего». Нелепо думать, что можно приступить к Христу, не выполнив Моисея. Сначала это, быть может, недостаточное, но необходимое. Потом остальное, памятуя, что лучшее враг хорошего. Наши смешняки хотят быть христианами, ходят в церковь, говорят о возрождении православия, а злы, как дьяволы, и готовы украсть все, что плохо лежит. Глупо и противно. Сначала исполните Моисея, пере-

станьте быть зверьми дикими, рыкающими, а потом «припадите к Христу», понимая, что вы не христиане, а только почувствовавшие Култ Христа.

Зачем я все это пишу? Надоел Вам страшно. Простите графомана. Шлю сердечный привет и целую ручки Марье Алексеевне. Вас обнимаю.

Иск[ренне] пр[еданный] Вам В.В.

Адрес: Monsieur B. Dombrovsky для В.В.
Martin Luther strasse 80 I
Berlin

5 Янв[аря] 1923.

P.S. Поздравляю Вас с праздниками и желаю в Новом Году нового подтверждения [так!] старых истин. Живу по старому стилю. А Вы?

Февраль 1917¹⁰

[В левой части страницы, далее — слева] «Старая власть тонет...» [флажок над водой] «Старая власть».

[В правой части страницы, далее — справа] «Вр[еменное] Правительство выплывает!» [флажок над водой] «Временное Правительство»

[Слева] «поплавок Вековая организация. Правильное (белое) мировоззрение, согласное с законами природы».

[Справа] «поплавок Победа над старым режимом! Свобода!!! Надежды! Обещания!»

[Под левым поплавком] «под тяжестью непосильного груза!»

[Под правым поплавком]: «Грузы еще не действуют: веревки еще не размотались!»

[Слева по центру гиря]: «Страшная гиря — мировая война: 2 1/2 миллиона убитых, миллионы раненых, искалеченных, взятых в плен и проч. Война проигрываемая: отступление 1915, неудачи 1916».

[Слева от гири] «Сухомлинов снаряды!»¹¹ [Ниже слева] «Недов[ольство] высших офицеров».

[Справа от гири вверх] «Распря с Госуд[арственной] Д[умой]», [внизу] — «бездарность власти последних лет».

[Справа] «гиря! Продолжение войны при “сознательной дисциплине” и обещание мира без аннексий и контрибуций».

[Под левой гирей три гири меньшего размера. Левая] «Гиря: Противоестественная революция русской интелл[игенции] (кадеты и проч.)»

[Средняя гиря]: «Гирия: Более естественная революция евреев, поляков и проч.»

[Правая гирия]: «Гирия: Полуестеств[енная] жадность крестьян к земле».

[Третий ряд гирь меньшего размера. Слева]: «Гирия: Распутин¹², Штюмер¹³ и проч.».

[Под правой гирей три гири меньшего размера. Левая]: «Полусоциализм», [ниже слово] «гирия!»

[Посередине]: «гирия: Тупость и подлость “революционной демократии” Совет собачьих депутатов».

[Справа]: «гирия: Безволие и никчемность: Львовщина¹⁴ и Керенщина».

Октябрь 1917

[Слева]:

«Вр. Пр. тонет...» [Под надписью] «Врем. Прав» «поплавок: Ненависть к старому уменьшилась, свобода поблекла, надежды увядают».

[Далее изображены подвешенные на веревке несколько гирь] «веревки потянулись, грузы действуют!»

«гирия! Продолжение войны при “сознательной дисциплине”. Мир без анн[ексий], понятый, как мир вообще. Неудачное наступление. Развал армий!

Гирия! Результаты полусоциализма!

Гирия: Работа на большевиков революции[онную] «демократию».

Гирия! Безволие! Безволие! Безволие!

Гирия: Ненависть за Корнилова¹⁵.

Гирия: Иностранцы и работа Германии.

[Справа:]

Большевики выплывают!!!

Поплавок: Мир! (немедленный). Грабь награбленное! Помощь Германии! Воля (железная)!

Веревка еще не натянулась! Груз не тянет! [тяжел?]

Гирия: Социализм (настоящий — «интегральный»).

[Ниже и правее соединенные между собой веревкой «поплавок» и «гирия»].

[Флажок:] Белые!

Поплавок: Патриотизм Правильное мировоззрение, унаследованное от ст[арой] власти.

[Между «гирей» и «поплавком»:]

Веревка не раскрутилась!

[Гирия:]

Не белые качества белых. Гирия!

[Сбоку:] Белые на дне, но идут вверх!

Октябрь 1920

[Слева:]

[Флажок] «белые».

Белые тонут...

Поплавок: Патриотизм. Правильные белые воззрения

Веревка натянута, груз тонет!

Гиря: Не белые качества белых: большевизация армии, грабежи, деморализация. Недостаточность воли! Никчемность интеллигенции. Подлость и равнодушие обывателя. Объективная трудность задачи. Военные успехи большевиков!

[Справа:]

[Флажок:] Большевики.

Большевики держатся!

Поплавок: Владение старыми деньгами. Железная Воля! Заимствование у белых части белых мыслей (восстановление Армии!)

Брестский мир!

Мир с поляками!

Гиря! Гражданская война!

Гиря: Частичные последствия социализма!

Главная веревка еще не раскрутилась!

Гиря: Главные следствия Социализма!

1922

[Флажок:] Большевики.

Большевики держатся!

Поплавок: Железная воля. Восстановлена армия!

Неп (так!). Террор

Постепенное заимствование белых мыслей у белых

Два «пузырька» на фоне поплавок нрзб.

[Ниже — «пузырьки»:]

Возвращ[ение] домов[ладения] (?); Тресты; Един[ство] России; Единолич[ное] упр[авление]; Земля хозяину; Дисциплина в армии; Собственность; Б[елые] мысли [три раза.]

[Справа:]

Веревка натянута! Но поплавок держит!!!

[Ниже:]

Гиря! Последствие социализма — 15 миллионов умерших от голода!

[Слева от гири:]

Белые на дне, но мысли их поднимаются...

[Флажок над поплавком] «белые»
Поплавок: Белые мысли!
Гиря: Не белые качества белых.

Автограф. Подлинник.

---

¹ la grande industrie (франц.) — тяжелая промышленность.

² Лондон (London) Джек (1876–1916) — американский писатель.

³ Фэтон («пылающий») — в древнегреческой мифологии сын бога солнца Гелиоса и океаниды Меропы либо Климены. Управляя колесницей отца, Фэтон не смог сдержать огнедышащих коней, которые, приблизившись к земле, едва не спалили ее; чтобы предотвратить катастрофу, Зевс поразил Фэтона ударом молнии, и он, пылая, упал в реку Эридан.

⁴ sub specie panis (лат.) — под видом хлеба. Использован фрагмент из буллы Папы Римского Евгения IV (1431–1447) о таинстве пресуществления: «Таким образом **весь Христос** (totius Christus) содержится **под видом хлеба** (sub specie panis) и **весь под видом вина**». В данном контексте следует читать: «с точки зрения хлеба».

⁵ Даниил (Данило) Галицкий (1201–1264) — князь Волынский (1205–1206 гг. и 1211–1231 гг.), Галицкий (1211–1212 гг., 1229–1235 гг., с перерывом 1231–1233 гг., 1238–1254 гг.), первый король Галицкий (1254–1264 гг.), великий князь Киевский (начало 1240 г. (фактически — 1239 г.) — конец 1240 г.), политический деятель, дипломат и полководец, сын князя Романа Мстиславича, из галицкой ветви рода Рюриковичей.

⁶ La crise du Bolchévisme (франц.) — кризис большевизма.

⁷ Правильно: mélange (франц.) — смесь, слияние.

⁸ Маркс (Marx) Карл (1818–1883) — немецкий философ, экономист, публицист, теоретик и идеолог социалистического и коммунистического движения.

⁹ «Толстой и большевизм». См. прим. 2 к письму № 10.

¹⁰ Ниже следуют рисунки «поплавков» над поверхностью воды и «гирь», тянущих Россию на дно. Рисунки выполнены цветными карандашами. В квадратных скобках текст публикатора, пытающегося словами воспроизвести расположение и характер рисунков.

¹¹ Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) — военный министр в 1909–1915 гг.; был смещен со своего поста, арестован и в 1917 г. приговорен к пожизненному заключению за неподготовленность русской армии к войне.

¹² Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1864 или 1865–1916) — крестьянин Тобольской губернии, авантюрист, пользовавшийся репутацией целителя и провидца; был близок к царской семье.

¹³ Штюмер Борис Владимирович (1848–1917) — землевладелец, председатель Тверской губернской земской управы (1892–1894 гг.), новгородский (1894–1896 гг.), ярославский (1896–1902 гг.) губернатор, директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел (1902–1904 гг.), с 1904 г. член Государственного совета, в январе–ноябре 1916 г. — председатель Совета Министров, с марта по июль — одновременно министр внутренних дел, с июля по ноябрь — министр иностранных дел, находился в хороших отношениях с Г. Распутиным. Думская оппозиция и послы союзников (Дж. Бьюкенен, М. Палеолог) подозревали его в стремлении к сепаратному миру с Германией. Был уволен в отставку 10.11.1916 г. (с пожалованием чина обер-камергера) после того, как представители Прогрессивного блока (П.Н. Милюков, В.А. Маклаков и В.В. Шульгин) на начавшейся 01.11.1916 г. сессии Государственной думы подвергли власть беспрецедентно резкой критике. В марте 1917 г. арестован, заключен в Петропавловскую крепость. Чрезвычайная Следственная Комиссия Временного правительства искала доказательств его вины в военных неудачах, но кроме связей с Распутиным и другим известным авантюристом И.Ф. Манасевичем-Мануйловым ничего не обнаружила. Оставаясь под следствием, скончался в частной лечебнице (по другим сведениям — в тюремной больнице) 20.08.1917 г.

¹⁴ «Львовщина» — от имени первого премьер-министра Временного правительства кн. Г.Е. Львова. Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), князь — землевладелец, лидер земского движения; был близок к кадетам. Глава Временного правительства в марте–июле 1917 г. В 1918 г. эмигрировал во Францию, в 1918–1919 гг. — председатель Русского политического совещания в Париже, в 1919–1920 гг. — Русской политической делегации. С 1921 г. председатель Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей.

¹⁵ Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) — генерал от инфантерии; в 1914–1915 гг. начальник 48-й пехотной дивизии. В апреле 1915 г. его дивизия была разгромлена, а сам Корнилов попал в плен. В 1916 г. бежал. В 1917 г. в течение полугода прошел путь от командира корпуса до Верховного главнокомандующего; в августе 1917 г. после выступления против Временного правительства арестован и заключен в тюрьму. В конце 1917 г. — один из зачинателей Белого движения, первый командующий Добровольческой армией. Убит в апреле 1918 г. под Екатеринодаром.

№ 12

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, [без числа] Января 1923 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Я был очень рад получить Ваше письмо, и, конечно, мне в голову не приходило сердиться за Ваше молчание. Впрочем, я не очень уверен в том, что письмо до Вас дошло; хотя Ефимовский и взялся Вам

его доставить, но Вы могли не доехать до Берлина; по теперешним временам ручаться за завтрашний день трудно. Так, Ефимовский уверял меня, что в конце января здесь будет съезд, на который приедете и Вы, это улыбалось мне гораздо больше, чем простая переписка. В Вашем письме на это нет ни одного намека, и я начинаю бояться, что может быть этого и не будет. Во всяком случае, от Вас мне хотелось бы одного: всегда, хотя бы в общих чертах, знать, где Вы находитесь и каким путем до Вас можно добраться. Как раз этого до сих пор у меня с Вами и не было; и я не убежден даже в том, что если Вы вдруг поступите в монастырь (на свете все бывает, и Баженов¹ в Болгарии жил в женском монастыре), то я могу даже про это не узнать. Повторяю, мне не хотелось бы порвать между нами всякий контакт, как он до сих пор неоднократно порывался. Но это может быть только, если Вам хочется того же самого. У меня пока, я подчеркиваю, есть определенное местожительство, чем не можете хвастаться Вы.

Вы совершенно правы, жалуясь со своим обычным юмором на то, что нас плохо учили в университете и не воспитывали в предвидении революции. Я добавлю к этому, что хотя нас не учили ее предвидеть, но нас все-таки учили ее подготавливать. И это трагическое противоречие могло бы быть источником очень больших сетований, обращенных в пространство, если бы жизнь не доказывала нам с большой отчетливостью, что так бывает всегда. Французскую революцию подготавливали не только те вольнолюбивые дворяне 18-го века, которым потом, в благодарность за это, рубили головы, но и оплоты старого режима, которые в то время управляли правительственной политикой. Как ни велики наши общие грехи, я говорю наши, подразумевая в их числе всяких либералов, не исключая и Вас, чтобы, не говорю оправдать себя в своих собственных глазах и дойти до Миллюковского самодовольствия, а просто чтобы понять, что все случившееся в России было делом исторической стихии, а не чьих-то ошибок; достаточно хотя бы читать письма императрицы². Тогда становится совершенно ясным, не только почему произошла революция, но почему было невозможно ее предупредить. Конечно, можно было ее не делать, в ней не участвовать, можно было даже против нее бороться, но ведь это все совершенно ничтожные оттенки. По существу же, разыгрывалось что-то совершенно фатальное, заготовленное веками. Ведь одна из основных предпосылок этой революции или, по крайней мере, той формы, в которой она разыгрывалась, было то, что наша национальная психология издавна не столько стремилась поднять низших, сколько унижить высших. Эта психология стремилась всех уравнивать по низшему уровню, как, впрочем, бывает всегда, когда хотят уравнивать; в нас было не столько желание выскочить из

низов в положение привилегированных индивидуумов, сколько сравнять всех. В этом были и очень хорошие, и очень дурные стороны; говорю хорошие, ибо в этом был и тот «истинный демократизм», которым мы иногда гордились, и та правда Божия, которую находили в типах Платона Каратаева и Акима, но в этом была и та отвратительная национальная черта, которая одинаково объясняла и нашу финляндскую политику, и нашу пугачевщину. И воспитано это, между прочим, было и тем, что масса нашего народа, по историческим условиям, была совершенно чужда всем приобретениям и завоеваниям культуры. Для нее все эти приобретения и завоевания, начиная с электричества и кончая четыреххвосткой и свободой слова, были чужим и барским делом. Начиная с шестидесятых годов и в особенности с 1905-го, конечно, кое-что переменялось; некоторые высшие элементы этой массы некоторое общение с культурой получили; но, во-первых, это общение было еще слишком поверхностно, чтобы они могли им дорожить, а во-вторых, главная масса в течение веков накопила столько ненависти против этой чужой культуры, что заступиться за нее, а тем более за те условия быта, без которых она не могла существовать, ей не приходило и в голову. Ирония судьбы сделала, что когда масса получила полную свободу, то культурные слои и их правительства были совершенно готовы от всего сердца приобщить их полностью к благам культуры и были очень удивлены, и при этом весьма неприятно, когда именно на них, на это правительство, и обрушились все удары разъяренной массы. В этом сказался результат политики прежних веков, и, как это всегда бывает, результат этой политики был вымещен как раз на тех, которые ее осуждали и ее хотели исправить. По-видимому, это закон природы, что историческая Немезида³ берет объектом мести не виноватых.

Теперь хочется сказать Вам несколько слов по существу некоторых Ваших замечаний; не скрою от Вас странного впечатления, которое на меня вначале произвело Ваше письмо; мне показалось, что Вы сошли с ума. Но, прочитав письмо, я очень хорошо понял, что меня ввели в заблуждение Ваш почерк и некоторая бессвязность внешнего изложения; по существу, я не только в Вашем письме узнал Вас самого, но и во многих пунктах совершенно с Вами согласился.

Я согласен, например, с тем, что Вы говорите о значении в будущей России хлебного вопроса и урожайных местностей. Все это правда, хотя Вы представляете себе вопрос слишком схематично. Неурожайные местности вовсе не вымрут и не будут заколонизованы вновь из урожайных. Этого никогда, впрочем, и не бывает; когда говорят, что армия дерется до последней капли крови, то это фраза; когда говорят, что армия тратит последнюю копейку, это другая фраза, так и

Россия не вымрет в неурожайных местностях и будет разве только вымирать, будет тянуться к урожайным. Вымирание России произошло бы только в том случае, если бы в русском народе не было силы сопротивления и желания сопротивляться. Но жизнь показывает, что все это имеется в очень большой дозе. Все то жулье, которое развилось в России после переворота, вся эта коммерция, которую делали, начиная с гимназического возраста и ранее, теперешние непманы, это все очень уродливая и безобразная форма проявления жизненной силы русского народа. Это не беда, что она безобразна, так всегда бывает в природе; что может быть безобразнее рвоты, а ею организм удаляет из себя яд. Так и вся, противная Моисеевым заповедям, русская самодеятельность есть драгоценный признак того, что она не хочет сдаваться.

А это нежелание умирать и поведет к таким столкновениям между неурожайными и урожайными местностями, что в общих интересах и ради безопасности между ними установится равнодействие. Отсюда и создастся, как Вы правильно говорите, и единство России. Для этого не нужен будет даже монарх, которого Вы непременно предполагаете; этот монарх совершенно свободно может быть заменен для этой цели не только политическим «коллективом», но и простой деятельностью купцов и промышленников, которые протянут эти жизненные нити из одной страны в другую и установят между ними экономическую зависимость.

Что же касается монарха, то, не желая огорчать Ваших монархических чувств, я скажу Вам одно: я сам испокон века, а теперь более чем когда-нибудь, предпочитаю индивидуальность коллективам; а теперь особенно, когда я на коллективы насмотрелся; но только мы знаем с Вами, что жизнь строится не по нашим рецептам и не по нашим вкусам, а по всему тому, что я слышу из России, я все-таки не вижу там развития настоящих монархических чувств; очень боюсь, что они существуют только в воображении нашей монархической партии, а если их нет, то и говорить о них слишком рано. В моей голове вообще схема политического развития складывается иначе; если бы я был таким монархистом, как Вы, я даже и желал бы иной последовательности. Сейчас все хотят одного — низвержения коммунистической партии; сделает это, по-моему, сама коммунистическая партия, тогда настанет в России республика, которая провозгласит целый ряд экономических свобод. Появятся опять деньги, сбережения, банки, доступные всякому удобства культурной жизни. Но все это в зачаточном состоянии, над всем этим будут тяготеть последствия пережитого безумия; налоги будут колоссальные, цены на все чудовищные. Правительственные потребности, хотя бы не центральных правительств,

а местных, — громадные. Но все-таки это будет похоже на нормальную жизнь и будет строиться, говоря Вашим языком, по нашим белым идеям. И вот тогда, под этой республикой, могут начать вспоминать старое, ибо тогда вообще можно будет их сравнивать; и вспоминая старое, будут идеализированы старые политические формы, т.е. монархия. Эта идеализация может пойти так далеко, что на этом какой-нибудь монарх и выскочит. Вводить же в России монархию теперь, значило бы оказать ему плохую услугу.

Итак, я не вижу пока предпосылки для монархии. Скажу Вам, что я не вижу и другого, о чем Вы говорите, подъема религиозности. Он, может быть, свершится, но пока его тоже нет; и нет, потому что и религии изменили ее принципалы, как министры и генералы изменили монархии. Церковная организация сейчас разрушена и разрушена, главным образом, епископатом, и здесь, как всюду, рыба гнила с головы. Религия тоже может вернуться, и даже вернее, чем вернется монархия, но только в будущем России религия будет играть совсем другую роль и не будет союзницей предрешающей власти.

Вот тут я хочу перейти к тому вопросу о Моисеевых заповедях, который Вы поставили; именно здесь мне показалось, что Вы спятили, и я не сразу добрался до дна Вашей мысли; но я думаю, что Вы совершенно правы, когда говорите о том, что человечество должно вернуться к заповедям Моисея. Только нужно, чтобы Вы знали, что в заповедях Моисея нет ничего религиозного. Заповеди Моисея изложили основу правильного общежития, это основа гражданского и уголовного кодекса. Потому-то, как правильно Вы указываете, Маркс мог с ними столкнуться; ибо заповеди Моисея не только гражданский кодекс, но и кодекс так называемого буржуазного общества, т.е. индивидуалистического; ветхозаветный Бог был индивидуалист, да и, впрочем, общество существовало для личности, а не личность для общества. Мы в России непременно вступим в расцвет капиталистического строя и соответствующей ему буржуазной морали; это нужно предвидеть и, пожалуй, можно сейчас же начинать с буржуазной морали. Тем более, что со времени Римского права вся эта мораль пятикнижия получила хорошее название справедливости. Но Вы глубоко не правы и не последовательны, когда пишете, что к этим десяти моисеевым заповедям мы хотели прибавить одиннадцатую, «любите друг друга». Эта заповедь уже христианская, на которой никакого общежития построить было невозможно. Государство не может существовать на христианских идеях; оно не может требовать, чтобы люди раздавали свое имущество нищим, не защищали своей собственности и даже своей физиономии от пощечин. Проповедуя эту любовь, Христос подымался на чудовищную высоту личной святости, но совер-

шенно подрывал государство и его основы; и хранители античной цивилизации были совершенно правы, когда распяли его, как революционера. И когда Бисмарк⁴ проводил свои социальные законы в противовес социализму и уверял, что его социальное законодательство практическое христианство, то свершал то кощунственное приспособление Христова Учения к партийной политической практике, которое с христианством проделывают уже две тысячи лет; Вы не пояснили своей мысли, почему учение Толстого, который заступался за Христа, за его перетолкование, есть шаг назад, а я сам этого понять не сумел.

Что же касается того, что в России происходит смесь белых мыслей и красной воли, то это совершенная правда. Тут я ничего не могу ни исправить, ни добавить. И скажу только, что самые белые идеи в своем практическом осуществлении не останутся в прежнем виде; и не только в том смысле, что в них будут внесены некоторые поправки в так называемом прогрессивном смысле, в смысле исправления тех коренных ошибок, которые дискредитировали эти белые идеи в глазах массы, но и потому еще, что жизнь выбросит за борт и некоторые наши трогательные белые мечтания о свободах, самоуправлении, жалости и тому подобное. Было время, когда мы все во имя идеала боролись с жестокостью власти, а теперь мы идем к моменту, когда власть будет бороться с нашей жестокостью. Только нам с Вами нечего будет делать в этой полосе русской жизни.

Я уже хотел отослать Вам письмо, когда переглядевши еще Ваши рисунки, которые, к слову сказать, имели большой успех у тех, кому я их показывал, мне хочется добавить Вам несколько слов о той основной мысли Вашего письма, с которой я совершенно согласен, т.е. об единении красной воли и белых идей. Но вы о красной воле говорите в смысле психологическом; у вас воля есть не что иное, как свойство характера индивидуума. В этом, конечно, вы правы, и с этим я не спорю; добавлю также, что это общепризнано; но мне хотелось бы расширить это понятие, указав на волевую сторону большевистской идеологии, как на одно из отличий их государственной методологии; воля — есть одно из отличий их правительственной системы. Я пишу об этом не только затем, чтобы констатировать это единомыслие с Вами, но чтобы показать Вам, что *les beaux esprits se rencontrent*⁵ и что я так думал и даже писал задолго до Вашего письма. Для этого я делаю простую вещь. Препровождаю Вам в копии без всяких изменений выдержку из одного из моих многочисленных писем Бахметеву, написанного еще 15-го апреля 1921 года, т.е. скоро после крушения Врангеля. Вы увидите в этой выдержке некоторые еретические мыс-

ли, которые я и тогда, как и теперь, решаюсь доверять только близким друзьям, которые не заподозрят, что я уже куплен большевиками⁶.

---

¹ Баженов Николай Николаевич (1857–1923) — врач, психиатр. С 1902 г. приват-доцент Московского университета. Один из организаторов медицинского факультета Высших женских курсов, где в 1906 г. создал и возглавил кафедру психиатрии; одновременно (с 1904 г.) главный врач Преображенской психиатрической больницы. Вел курс психологии сцены при Московском Художественном театре (1906 г.). Первый председатель Русского союза невропатологов и психиатров (1911–1916 гг.), один из организаторов и председателей V Международного конгресса по признанию и лечению психически больных (Москва, 1913 г.). Участвовал в земском движении. Один из основателей русского масонства начала XX в. Член Московского комитета партии кадетов. Председатель Московского литературно-художественного кружка в 1906–1911 гг. Благодаря активной общественной деятельности, участию в литературной жизни столицы и широкому кругу знакомых пользовался в Москве большой популярностью; среди современников слыл «достопримечательностью Москвы». В 1916 г. был прикомандирован к Русскому экспедиционному корпусу во Франции, где оставался до 1923 г. Через несколько дней после возвращения в Москву умер.

² Письма императрицы — несомненно, имеется в виду издание «Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Перевод с английского В.Д. Набокова» (Берлин: Слово, 1922. Т. 1–2). В аннотации издания говорилось: «Содержащиеся в настоящем издании письма Императрицы Александры Федоровны к Николаю II, числом сорок, обнимают период с июля 1914 года по 17 декабря 1916 года. В подлиннике все письма тщательно пронумерованы, начиная с № 231. Таким образом, за эти четыре года число писем вдвое превышает количество написанных за предыдущее время, составляющее свыше 20 лет. Объясняется это тем, что государю приходилось весьма редко разлучаться с государыней, между тем как во время войны Николай II бывал большей частью в отсутствии, и Александра Федоровна писала ему ежедневно. Письма обрываются на 17-м декабря, дне убийства Гр. Распутина. <...>

Письма императрицы найдены были в Екатеринбурге, после убийства царской семьи, в черном ящике с выгравированными на нем инициалами Н.А. Письма к Государю все написаны по-английски».

³ Немезида — богиня мщения в древнегреческой мифологии.

⁴ Бисмарк (Bismarck) Отто (1815–1890), князь, — политический деятель и дипломат; провел объединение Германии под главенством Пруссии; в 1871–1890 гг. — канцлер Германской империи. Наряду с борьбой против социалистов, провел ряд социальных законов, в том числе о государственном страховании по болезни (1883), в случае увечья (1884) и пенсионном обеспечении по старости (1889).

⁵ *les beaux esprits se rencontrent* (франц.) — великие умы сходятся.

⁶ Приведем выдержки из обширного письма Маклакова Б.А. Бахметеву от 15 апреля 1921 г., относящиеся к характеристике большевизма и новых путей борьбы с ним, точнее, его преодоления:

«Теперь хочу перейти к большевизму в России. <...>

Вы знаете, что я был сторонником белых движений; я надеялся, что из них что-либо выйдет и тогда, когда Вы предсказывали им крушение. Относительно их я был оптимистичнее Вас. Теперь наши роли переменились, Ваше письмо полно оптимизма: на Вас действует “восставший Кронштадт” и “расходившееся крестьянское море”. Вы уже стараетесь готовить то правительство и программу, которые водворятся в России после крушения большевизма. Я pessimistичнее Вас. Может быть, потому я так и хватался за белое движение, что надеялся, что белое движение сметет один порядок и на его место поставит другой, хотя бы этот порядок и был мне совсем не по вкусу и больно ударил бы нас самих. На “низвержение” большевиков путем гражданской войны была хотя бы теоретическая возможность. Но я мало верю, чтобы “низвержение” большевизма стало возможно путем крестьянских восстаний. Представьте конкретно, что значат эти восстания; поднимается деревня, восстание охватывает волость, находятся группы головорезов, которые при пассивном, а может быть, и активном сочувствии крестьянства начинают бунт, как всякий бунт, бессмысленный и беспощадный. Вырежут коммунистов, в которых, кстати, включают и остатки интеллигенции и буржуев, которые присосались к административным учреждениям совдепии. Допустим даже, что таких эксцессов не будет, что просто перебьют большевиков всех до последнего; допустим, что повстанцы не ознаменуют победы безобразиями, которые оттолкнут и от них деревню, что они выберут какую-то власть, которая установит примитивный порядок и т.д. Но что же дальше. Можно ли представить, чтобы эта крестьянская власть справилась с самой незначительной, но организованной военной силой. Освободившись от коммунистов, деревня или даже губерния останется спокойной только до тех пор, пока большевистская власть не пришлет туда карательной экспедиции. Эта экспедиция, не стесняясь никакими ни моральными, ни политическими соображениями, подавит восстание, т.е. перестреляет наиболее отважных и заметных людей, всех, кого заподозрит в тайном сочувствии, всех, на кого укажут местные предатели, сожжет целые деревни, перепорет десятого, наведет ужас и страх и снова уйдет. Вы скажете, что через несколько месяцев эта деревня опять будет готова к восстанию. Быть может. Но ведь и это восстание так же кончится. Вы скажете, что когда эти восстания будут повсеместны, у большевиков не хватит вооруженной силы, чтобы их усмирить. Это правда; но это значит только, что большевизм падет только тогда, когда сломается до конца весь правительственный аппарат в России; сломается он не сразу, а по частям, начнется с окраин, но он не справится с разгулявшейся стихией, и большевистский центр или убежит, или будет физически уничтожен. Но тогда вместо большевистского режима и наступит полоса анархии. В прежних революциях аппарат существовал, кое-что в нем менялось, но в центре на место одной власти становилась другая, и аппарат, хотя бы надломленный, оказывался в ее руках. Сейчас так не будет; люди, держащие в руках аппарат, понимают, что им спасения нет, что они продали душу дьяволу; они будут защищать не строй, не порядок, не режим, а свою собственную шкуру, но защищать ее до последнего издыхания. Когда их уничтожат, не будет и аппарата, нужно будет начинать все сначала. Что такая анархия долго не продлится и что из нее что-то выйдет — я не

сомневаюсь; но это долгий процесс, при котором менее всего российской эмиграции можно являться в Россию в качестве правительства и с какой-то программой. Если у нас нет другой перспективы, кроме успеха крестьянских восстаний, то вырабатывать программу и создавать правительство столь же несвоевременно, как советоваться с архитектором относительно перестройки дома, отнятого у меня большевиками. Итак, с моей точки зрения, путь крестьянских восстаний приведет не к созданию новой власти, а к одному кровопролитию. Переменить власть могла регулярная армия. Перебить коммунистов, еще глубже продвинуть экономическое расстройство страны и расстроить аппарат, которым большевики пытаются управлять из центра, могут и крестьянские восстания. Комбинация обоих факторов могла привести нас к победе; когда эта комбинация оказалась невозможной и регулярной армии больше нет, я не отворачиваюсь от крестьянских восстаний; я предпочитаю анархию большевистскому деспотизму. Предпочитаю потому, что это стало национальным этапом, и чем он скорее начнется, тем скорее все кончится. Потому я готов им содействовать, но раз мы проходим через это, то основы будущей власти в России явятся из нее самой, из недр большевизма, а не из эмиграции. Эмиграция предложит новой грубой крестьянской власти свои технические силы и опыт, но она будет подчиненным элементом, не властвующим.

Что из этого следует. Не то, что большевистский режим победил и что он сильнее, чем когда бы то ни было, как пишут здешние социалисты. Эти восстания, конечно, начала конца. Но только большевизма, а не большевиков. Не то важно, что восстал Кронштадт и что его подавили, не то важно, что бунтуют крестьяне; а важно то, что большевикам приходится хотя бы неискренне и частично и со всякими оговорками, но сдавать свои экономические позиции. Важно, что Ленину пришлось уступить, и не только старая истина, что для всякого дурного правительства самый опасный момент тот, когда оно начинает исправляться, заставляет меня думать, что им скоро наступит конец; но то, что эти уступки уже производят, что всего важнее, раскол внутри них самих и что каждая уступка их, как в былое время при старом режиме, делается тогда, когда ее недостаточно. Свобода торговли сельскими продуктами и припасами была хороша, когда деревня еще была богата и когда городу было что продавать, когда что-то значили деньги. Но что теперь даст эта свобода торговли, когда нет денег, когда ничего не производится и никаких капиталов не хватает на то, чтобы восстановить те фабрики, на которых в былое время работали рабочие. За первой уступкой обнаружится необходимость других и их необходимость будет обрисовываться с такой ясностью, что ее поймет всякий мужик. Недаром и сейчас лозунгами в Кронштадте и в крестьянских восстаниях были не общие места вроде Учредительного Собрания, власть советам и т.д., а что-то гораздо более реальное: свобода торговли, долой реквизицию, твердые цены и т.д. Как только в большевизии станут на путь улучшения расстроенной экономической жизни, начнется раздор между теми, кто хотел устраивать жизнь на началах коммунизма, но в интересах России или ее пролетарских слоев, и теми, которые всем этим сознательно жертвовали во славу III Интернационала и мировой революции. В среде самой России и пойдет водораздел: на одной стороне будет сытый коммунист, который ездит в международных вагонах и одевает свою жену в бриллианты, а на другой тот, кто, не гоняясь за

властью, не споря о формах управления, будет говорить для них очевидные вещи: что правительство отнимает то, что им нужно самим, не дает того, что необходимо, и не потому что преследует кооперативы или не дает хода капиталу. Объективная необходимость даст победу второму течению; те, кто будет мешать оздоровлению экономического быта из-за интересов интернационала, будут тогда обезврежены или устранены путем ли террористических актов, или отдачей под суд и т.д., а может быть, сами уйдут, чтобы не быть убитыми в первую очередь. Крестьянские восстания толкают на реформы и улучшения и не имеют другого значения, но это значение громадное. Они заставляют менять всю систему и не только в каких-нибудь мелочах, но в самом ее основании. Из этого я вывожу, что низвержения большевизма не будет, что не произойдет того, что было в феврале 1917 года, когда одно правительство пало, а другое его заменило. Будут появляться новые большевистские имена, или знакомые имена будут брать иной курс, будут происходить прежние внутренние конфликты, которые только кончатся будут не так, как до сих пор кончались в виде внешней опасности, а так, как кончаются в революциях, гибелью одной стороны. На этом пути я вижу спасение и принимаю его не потому, чтобы он мне нравился, а потому, что не вижу другого. Этот путь мне не нравится не только потому, что он томительно долгий, но и потому, что не дает морального удовлетворения; а оно нужно стране, молодому поколению, чтобы мы опять поверили в прописную истину, что торжествует добродетель, а порок наказывается. Слишком отвратительно с моральной стороны, что преступление восторжествует; и как восторжествует. Ведь еще возможно, что Ленин станет народным героем, каким был когда-то Керенский. Если Ленин свергнет Троцкого и сделает некоторые облегчения крестьянам, то он может на некоторое время очутиться крестьянским идиолом. Конечно, это ненадолго, так как никакое правительство и никакая программа не приведут к быстрому улучшению жизни, и, напротив, главные тяготы начнутся именно тогда, когда кончится большевизм. Но на время Ленин станет героем, и тот, кто его заменит, и тот, кто приведет в порядок Россию, выйдет из недр большевизма, и на его руках будет кровь, за которую нам хотелось бы мстить. Вот один из путей окончания большевизма: самый прозаический, не интересный, но и самый верный; и это путь, где эмиграции нужно думать не о том, с какой программой явится она в Россию после большевизма, а обдумывать те этапы, на которые с помощью самих большевиков надо сдвигать большевизм, чтобы его уничтожить. Но для этого эмиграции пришлось бы заниматься соглашательством, т.е. делом, на которое мы идти не решаемся. Нужно, словом, найти дорогу к оздоровлению России, начиная ее не с момента падения большевизма, когда на сцене появятся его враги во всеоружии власти, а обдумывая те шаги, которые должен сделать сам большевизм и которые можно было бы навязывать ему и непосредственно, и через те союзные правительства, которые вступают с ним в переговоры. Вот та постановка вопроса, которую я считал бы правильной, но которая останется между нами: говорить о ней вслух значило бы увеличить смуту в умах, которой и без того слишком много.

<...>

В заключение несколько слов о том, к чему я возвращаюсь в каждом письме, потому что события подгоняют нас к этому основному вопросу — об на-

шем отношении к большевизму. Если Вам не нравится то, что я говорю по существу, то позвольте угодить Вам по форме, т.е. сказать об этом в порядке тех общих философских идей, которые Вы любите более, чем конкретные практические вопросы. Я думаю теперь и думаю уже давно, с момента войны, что результатом этой войны будет усиление государственной власти, попросту усиление государства, этатизм. Это началось по необходимости во время войны, не могло кончиться и с ее окончанием. Как ни надоел этатизм во время войны и сколько он ни принес с собою зла, по неумелости его применения, он был необходим, и без него вести войны было нельзя. В нем была и сила, по крайней мере временная сила Германии. Для меня ясно, что он не мог окончиться после войны, когда перед человечеством остались неразрешенными те же основные вопросы, требующие общих усилий, солидарности отдельных государств и тем более солидарности отдельных классов внутри государства. Было невозможно допустить, чтобы от этой войны, которая есть общее несчастье, — одни люди страдали, другие наживались; что калеки должны были превратиться в нищих, а разрушенные войной местности восстановлены силой самих потерпевших; было бы невозможно допустить это, особенно в то время, когда другие на этом бы самым разорением и восстановлением разрушенного продолжали бы наживать капиталы. Было ясно, что результаты войны могли быть получены только совместными усилиями целой нации, без различия классов и положений; но все это в свою очередь требовало страшного усиления государственной власти, которая могла бы сломить головы всем тем, которые не хотели бы идти в этом русле. Потому-то усиление государственной власти одновременно с этим должно было совпадать и с демократизацией этой власти. Она должна была быть не только сильна, но вполне демократична по своим задачам, а с того момента, когда вообще демократии кое к чему привыкли и кое-что раскусили, а во время войны еще воочию увидали, в какой мере государство без них бессильно, она должна была быть и демократична по составу. Итак, вот те основные задачи, которые человечество должно было положить в основу своего устройства после войны. Правительство, демократичное по цели, демократичное по составу, но и деспотичное по объему власти и приемам.

Эти основные начала и лежат в основе большевизма; большевизм удовлетворяет именно им; то, с чем он не справился и на чем провалился, — это программа реформ, способ осуществить ту солидарность, которая могла разрешить национальные и международные вопросы. Большевизм победил слишком рано; он не вышел из пеленок старых идей о борьбе классов, о том, что борьба предполагает уничтожение; подменил вопрос национальной солидарности вопросом, чтобы демократию поставить на место буржуа, а буржуа превратить в работающего пролетария, и провалился именно на этом; но если этим он скомпрометировал ряд лиц, идей и приемов, то не подорвал объективной необходимости в дальнейшем идти по тому же пути деспотической демократической власти. Но в наших попытках низвергнуть большевизм какую идеологию мы ему противопоставляем? С одной стороны, мы противопоставили ему идеи либерализма, кто бы ее (так! — *О.Б.*) ни олицетворял, Миллюков или Керенский, теорию, которая боялась сильной государственной власти потому, что боролась с этой властью во имя прав человека и гражданина, во

имя свобод, неприкосновенности личности и т.д. Попытка осуществить полностью эти начала в государственной жизни, которую мы имели глупость и преступность осуществлять в момент самой войны, повела их к крушению; и сейчас попытка бороться с большевизмом во имя этих начал, либо подымая крестьянские восстания, либо делая террористические акты, может найти сторонников; народы соскучились по свободам, для России они представляются каким-то недостижимым идеалом. Но эти свободы до такой степени не соответствуют объективной необходимости момента, что на них можно поднять бунт, но нельзя построить государственную жизнь; в столкновении этих идей с большевиками историческая правда на стороне большевиков, а не этих идей, и потому большевизм их победит. Мы инстинктом поняли, что борьба либералов с большевиками сводится к разложению власти в тот момент, когда ее нужно усилить, и попробовали идти другим путем, путем противопоставления большевистскому деспотизму белого деспотизма; этот курс создал временную популярность военных диктатур; в этом было преимущество Колчака против Авксентьева, или Врангеля против Парижской Учредилки. Но и эти течения провалились; во-первых, потому что они, сумев установить начала государственного деспотизма, т.е. сильной правительственной России, по своему составу и идеологии не сумели осуществить второго требования — демократизма; эти диктатуры не были демократичны ни по составу, ни по цели, хотя и притворялись, что ими становятся; а когда они почувствовали необходимость влить себя в струю демократизма, хотя бы по составу, то обращались к так называемой общественности; общественность, которая приходила им помогать, была носительницей той самой либеральной идеологии, защищавшей права человека и гражданина, и враждебной усилению государственной власти, которая составляла ее слабость в борьбе с большевиками. Соединение белого деспотизма с политическими свободами соединяло только недостатки двух направлений, не давая им выгоды. Это и создавало ту их внутреннюю слабость, при которой большевизм не мог их не победить; вот Вам философия в Вашем духе и стиле; но теперь вывод из этого. А он тот же самый, о котором я Вам твержу в каждом письме. Спастись большевизм может только сам большевизм, т.е. те люди, которые, сохранив неприкосновенным то, в чем объективные задачи момента, т.е. демократическую деспотическую власть, сумеют влить в нее совершенно другое содержание, т.е. демократическую социальную политику, которая в настоящий момент будет, конечно, исключительно буржуазная. В большевизме должна произойти борьба, которая завершится победой здорового начала над нездоровым и глупым; но борьбу эту должны вести сами же большевики, которые поймут, наконец, эту задачу. Большевики с тех пор уже сумели осуществить то, чего мы не сумели, т.е. сумели отделаться от предрассудков либерального доктринерства, научились быть сильной властью; они же направят ее, наконец, на благо России, когда поймут искренне и всей душой необходимость насильственной классовой солидарности для поправления разрушенного государства. Когда это будет понято и из большевиков найдутся люди, которые возьмутся за это, тогда они смогут кувырнуть [так!] тот глупый большевистский деспотизм, который так же не сумел воспользоваться властью, как я не сумел бы играть на виолончели. Но думать, что это будет сделано не ими самими, а какими-то эмигранта-

ми, представителями ли демократического либерализма, как Милюков, Керенский, Авксентьев, или представителями реакционеров, как Марков, Врангель и другие, — или, что еще безумнее, коалицией этих сил, — это верить в чудо, т.е. в нарушение всех законов природы. Такие реалисты, как мы с Вами, в чудеса не верят». — «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков: Переписка 1919–1951. В 3-х томах. Ред., вступ. ст. и комм. О.В. Будницкого. Т.1. Август 1919 — сентябрь 1921. М.; Стэнфорд: РОССПЭН; Hoover Institution Press, 2001. С. 344–350, 365–367.

№ 13

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

(Почтовая карточка, адрес Monsieur V. Maklakoff, Paris, Frankreich, Ambassade de Russie)

21/I. 1923

Письмо получено. Благодарю. Отвечу немного позже. Адрес тот же. Появилась машинка и машинистка. Боюсь, как бы не сломалась (машинка). Посылаю Вам одно свое произведение, по правде сказать, довольно аляповатое. Обстоятельства несколько извиняющие: написано в мае 1921, в болезни и от голода. Последняя цель — спасение от голодной смерти — была достигнута.

Простите, что посылаю рваный экземпляр — это последний. Сердечно преданный

В.В.

Машинопись. Подлинник.

№ 14

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

[17 февраля 1923 г.]

Дорогой Василий Алексеевич.

Вы читаете «Русскую Мысль» когда-нибудь? Прочтите последнюю книжку (VIII–XII. 1922). В данном случае хлопочу не о себе, хотя и мои там есть кропанья. Прочтите, главным образом, статью «Земельная Революция и Контрреволюция в России»¹. Если правда то, что там написано, мы все можем спать спокойно: Россия спасена. Спасена, ибо будет хлеб и будет море хлеба. На этом хлебе насущном вырастет все остальное. Если это правда, что там написано, можно сказать: ныне отпускаеши. Крестьянство нашло верный путь. И даже

больше того: я скажу, оно проявило редкую, удивительную смекалку. Подумайте, что опыты социализма в Китае длились тысячу лет. Подумайте, что наша скудоумная интеллигенция (еще мы сгорели и до сих пор сгораем, что мы соль земли, и не только русской!) за полстолетия не раскусила смертоносности социализма. А вот мужик, которого принято называть темным, — в три, четыре, пять лет уразумел до конца и что такое социализм, и где спасение. Я чувствую, как я опять начинаю гордиться Россией, гордиться тем, что я родился русским. Это не истерика. Эту несчастную национальную гордость, без которой трудно жить, как без чувства собственного достоинства, влачил и помещал в Дело Деникина, Врангеля, в лагерь Галлиполийцев и, наконец, в банды моих земляков хохлов, которые с истинно казацким упрямством восставали против «коммуны». Но если это правда, что написано в «Р[усской] М[ысли]», теперь можно (втихомолку, конечно, только для Вас) гордиться русским крестьянством, т.е. всем массивом России. Мне кажется, что у Вас, когда Вы с ними работали в Думе, тоже было смутное, но мною ощущаемое доверие к ним, к непредвзятости их мыслей, свободных от теорий. Мне очень интересно, как Вы оцените это явление.

Сердечный привет М.А.

Вас обнимаю.

В.В. 17 Февр[аля] 1923

Автограф. Подлинник.

---

¹ Кадомцев Б. Земельная революция и контрреволюция в России // Русская мысль [Берлин]. 1922. Кн. VIII–XII. С. 102–117.

№ 15

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 23 Февраля 1923 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Было бы правильнее, раньше чем Вам отвечать, прочитать «Русскую мысль». Но последней книжки здесь не получено ни в одном магазине, и мне не могли сказать, когда она прибудет. Не только книги, но и газеты приходят с безбожным опозданием; с другой стороны, заглавие статьи, которую Вы рекомендуете, делает ясным ее содержание. Вот почему, кажется, я могу и сейчас Вам ответить.

Вы спрашиваете, правда ли, что говорится в этой статье; если там говорится, что крестьянин стремится к личному землевладению и,

становясь таким землевладельцем, делается консерватором и даже контрреволюционером, то это, наверное, правда; это подтверждается из разных мест и это в природе вещей. Мне недавно довелось прочесть доклад Месяцева, когда обсуждался во ВЦИКе новый земельный закон¹. Месяцев признает, что социальный опыт в деревне не удался, что крестьянство их победило; он отмечает стихийное стремление крестьян к выходу из общин; читая это, я вспоминал, как в былое время это нам говорили представители землеустройства и как мы уверяли, что это интриги земских начальников. Я считаю бесспорным, что русский мужик стремится превратиться в хуторянина; что большевистская власть, скрепя сердце, этому не мешает; считаю не менее бесспорным, что такой мужик будет оплотом той идеологии, которая называется консервативной. Я во Франции достаточно насмотрелся, на чем основан французский консерватизм, чтобы в этом не сомневаться. И потому я думаю, что Ваш автор прав; но если мне, как и Вам, это доставляет удовольствие, то все-таки не вижу достаточно оснований ни гордиться, ни даже спать спокойно.

Я, во-первых, не вижу оснований гордиться; что мужицкая масса, при своем многолюдстве, при существовании у нее издавна общественной организации и при наших пространствах, может отстаивать то, что ей дорого, — это мы знали и раньше; то, чего мы не знали, это что мужицкая масса так мало пожелает заступиться за то, чему казалась преданной; что она так легко отвернется от монархии; что на нее произведет так мало впечатления издевательство над церковью и святынями. Мы предполагали и раньше, что у массы не было очень сильно государственное и национальное чувство, но такие ценности, как Бог и Царь, были именно ее ценностями, а не нашими интеллигентскими, и она бросила их не хуже нашего. Помните ли Вы в Пушкинских новеллах Белкина изречение *m-me Staal* про Россию; народ, который отстоял свою бороду, отстоит и свое государство². Это было в 1812 г.; в 1917 он не отстоял ни своего Бога, ни своего царя, ни свое право хозяина; он подчинился и неприятелям, и коммунистам. На все есть смягчающие вину обстоятельства; но нет повода пока для народной гордости. Правда, кое в чем мужик не сдался, кое-что он отстоял. Он отстоял идею личной собственности на землю; прибавлю при этом, своей собственности, а не собственности вообще. Когда речь шла о помещичьей земле, земля считалась божьей, изъятой из оборота; когда речь шла о мужицкой, он ее отстоял. Что это чувство не только естественное, но и полезное, я не оспариваю; я радуюсь, что здесь нашла коса на камень, что на этом развалится коммунизм. Но чувство собственника, с моей точки зрения, не то, чтобы возбуждать национальную гордость. Не сумею ответить на Ваше сравнение с Китаем;

с ним я знаком слишком мало. Но когда Вы сопоставляете нашего мужика-собственника с нашей интеллигенцией, которая носилась с социализмом, я, который не люблю ни социализма, ни интеллигенции, с Вами все-таки не соглашусь. Наша интеллигенция в своем понимании человеческой природы обнаружила ребяческую наивность. Она была и в вопросе социализма так же глупа, как когда воображала, что Россией можно управлять по четыреххвостке; это естественные последствия ее книжности и отсутствия опыта; чтобы Вас позлить, скажу, что это результат самодержавия. Но если было глупо воображать, что в двадцатом веке можно насадить социализм в России, когда до него не созрела еще ни одна из культурных стран, и те страны, которые вздумали бы его насаждать, уподобились бы двенадцатилетним ребятам, которые желают жениться, — то сам по себе социализм не только не зло, но заключает большую и, вероятно, практически в будущем осуществимую идею. В последнем письме Вы вспоминали о Моисеевых заповедях; это вещь неплохая, но уже Христос сказал, что их недостаточно. Не сравнивая социализм с христианством, как это делал Бисмарк, который свое социальное законодательство называл «практическим христианством», не могу не сказать, что именно теперь, после этой войны и вызванного ею социального потрясения, начинаешь ясно чувствовать, что [для] справедливого государственного устройства недостаточны Моисеевы заповеди, что у него есть другие проблемы. Когда мы видим почтенных, разоренных войною людей, которые должны побираться или исполнять черные работы, служить нуворишам, которые нажились на войне, т.е. на национальной беде, когда видим надутые ничтожества, которые, имея право собственности на национальные и даже мировые ценности, являясь их хозяевами, делают этим зависимыми от себя других лиц и даже целые государства, то ощущаешь не умом, а чувствами несправедливость этого устройства и его социальную опасность. А ведь именно это инстинктивное чувство, злоба обездоленных людей на нескольких счастливых, требование к государству выйти из роли охранителя индивидуальных прав и принудительно воплотить общественную справедливость — и есть идеология, которая создала социализм. Эту громадную проблему, от которой нельзя отмахнуться, у нас вздумали осуществлять упрощенными способами, приказами и насилиями; это нелепо и глупо, но за эту ребяческую наивность нельзя винить самый социализм; как он ни провалился в настоящем, за ним есть будущее, ибо в основе его вечная идея, потребность общежития. Во Франции есть разрушенные департаменты, которые еще не восстановлены; есть люди, которые из-за войны потеряли свой кров и не знают, где жить; по Моисеевым заповедям это их личное несчастье, и в их утешение им можно напо-

нить 10-ю заповедь «не завидуй»; но другие думают, что война есть общее несчастье, что раз на защиту государства призвали всех, а не только тех, кто жил на границе Германии, то долг государства распределить жертвы войны между всеми, не допуская, чтобы одни разорились, а другие нажились; а ведь эта мысль и есть социализм в зародыше. И справедливость этого особенно живо почувствовали бывшие привилегированные люди, когда жизнь бросила их сверху вниз, когда они оказались разоренными и несчастными; когда мы, эмиграция, вернемся в Россию, то и мы будем чувствовать несправедливость нашего разорения и, вероятно, будем находить справедливым, чтобы большевистское разорение, как стихийная беда, было покрыто общими силами. И если крестьянин-хуторянин скажет на это: а мне наплевать, то я в этом не увижу повода к национальной гордости. Интеллигенция, мечтавшая о социализме, была глупа и ребячлива, но с точки зрения идеала была симпатичнее, чем Наум из Тургеневского «Постоялого двора»³. И потому, хотя я радуюсь появлению этих Наумов, которые сбросят власть коммунистов, но не буду гордиться тем, что именно Наумы оказались героями и созидателями новой России. Конечно, стоять за личную собственность и за личную выгоду еще не значит быть Наумом. Но сродство в этом есть; двигателем является эгоизм материального характера, пренебрегающий моральными предрассудками, заставлявших раньше жить «по-божески». И когда я вижу, что наш народ безмолвствовал, а может быть, даже втайне сочувствовал, как на его глазах насмеялись над его святынями, повалили их, как когда-то Владимир Перуна⁴, вижу, как этот народ позволил на своих глазах грабить и убивать и под шумок этих бедствий захватил и сам чужое добро и на нем остервенился, когда на это добро покусились, то в этом чувстве собственника я вижу основу будущего буржуазного строя, прообраз будущей буржуазной России с новыми идеалами, но не ощущаю гордости.

Но я не вижу оснований и спать спокойно.

Ведь русская проблема гораздо сложнее; дело не в том только, чтобы не поддаться коммунизму и сохранить личную собственность. Такой порядок, чисто буржуазный, мог бы существовать в отсталой стране, стране исключительно мужицкой, где настоящими хозяевами были бы иностранцы, захватившие в свои руки те ее естественные богатства, которые выше мужицкой техники и понимания, и доставляли бы нужные для нее промышленные продукты... «все что по Балтийским волнам за хлеб и сало возит нам»⁵.

До сих пор Россия строилась как великая и независимая держава именно потому, что ее строили не только некультурный мужик-собственник, но и культурное, разумное и иногда и гениальное меньшинство; ведь забота Петра Великого о насаждении промышленности в

России была заботой гения и свои плоды принесла. Для того, чтобы Россия сохранила то свое мировое положение, которым мы не можем не дорожить, ей необходима и интеллигенция, хотя бы иного, чем прежде, воспитания, и буржуазия, словом, все то привилегированное меньшинство, которое не устояло перед большевизмом. И Россия сейчас стоит на распутьи: русский народ может, превращаясь в собственника, одновременно с этим дичать и опускаться, обходиться и без железных дорог, и без грамотности. Конечно, *à la longue*⁶ размножение народонаселения будет тем толчком к прогрессу, каким оно является всегда и везде; начнется мелкое накопление капитала, начнется выплывание предприимчивых и способных, словом, начнет вырастать из низов прежняя Россия. Но ведь это могло бы быть при одном условии: чтобы Россию оставили спокойно развиваться, как ее оставляли в 17-м и 18-м вв. Но теперь время не такое; что не сделает сама Россия, то другие сделают за нее, как делали в Вашем любимом Китае и в Турции, начнется захват соседями богатых окраин, начнется захват даже земли для культурных хозяев, когда русские бывшие техники и буржуи пойдут управляющими, и на пространстве России останется, главным образом, темный мужик, который попадет в положение китайцев или турок относительно культурных соседей. Вот где лежит главная опасность момента; что народ не подчинится коммунизму — это хорошо, но сумеет ли он, поборов его, не упасть на культурное дно, сумеет ли он и отстоять государственное положение России, понять то, что за 6 веков до Рождества Христова поняли римские плебеи, когда помирились с патрициями, — это все главные вопросы момента. Согласен с Вами, что можно быть оптимистом, но, повторяю, этот оптимизм нужно ставить на более широкое основание, чем то, на котором Вы его ставите, и потому спать спокойно еще преждевременно.

---

¹ Очевидно, речь идет о докладе представителя Народного комиссариата земледелия Павла Александровича Месяцева (1889–1938) о законе «О трудовом землепользовании» на III сессии ВЦИК IX созыва в мае 1922 г. — См. Месяцев П.А., ред. Законы о трудовом землепользовании. Со стенографическим отчетом заседаний III сессии ВЦИК IX созыва по земельному вопросу. М., 1922.

² На самом деле, приписанное А.С. Пушкиным Ж. Де Сталь высказывание звучит несколько иначе: «Народ, который, тому сто лет, отстоял свою борю, отстоит в наше время и свою голову». Эта фраза содержится не в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина» (1829–1830), а в «Рославлеве» (1831). Сталь (Staël) Анна Луиза Жермена де (1766–1817) — французская писательница, противница Наполеона Бонапарта, была вынуждена эмигрировать, жила в различных европейских странах, в том числе и в России.

³ Наум — деревенский хищник, один из героев повести И.С. Тургенева «Постоялый двор» (1855).

⁴ Перун — в восточнославянской мифологии бог, повелевающий небесными явлениями (громом и молнией), бог-мироправитель, покровитель князя и дружины (бог войны), одно из главных божеств славянского пантеона. Во время крещения Руси в 988 г. киевским князем Владимиром Святославичем (980–1015) идолы Перуна были свергнуты и брошены в реки с особыми ритуалами.

⁵ Неточная цитата из XXIII строфы первой главы «Евгения Онегина» А.С. Пушкина:

Изображу ль в картине верной
Уединенный кабинет,
Где мод воспитанник примерный
Одет, раздет и вновь одет?
Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтийским волнам
За лес и сало возит нам,
Все, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной, —
Все украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет.

⁶ *à la longue* (франц.) — со временем.

№ 16

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

10 Марта 1923 года.

Дорогой Василий Алексеевич,
Получил Ваше письмо с большим опозданием, только вчера, а написано оно было 23 февраля. Приятная быстрота.

Разговорались *Вы*, дорогой друг, и разбрызжались. Совсем с Вами не согласен, но напишу Вам об этом подробно и по пунктам, так сказать, почему и отчего; ибо я опасаюсь, что стиль моих последних писем может Вам надоесть своей крайней несвязанностью, которая уже неоднократно заставляла Вас делать «сочувственные» относительно меня предположения. Но так как я сейчас несколько неспокоен духом, то откладываю это изложение «по пунктам» до следующего раза.

Неспокоен же я вот почему, и это связано с той просьбой, большой просьбой, и к тому же совершенно личной, с которой я хочу к Вам обратиться.

Дело касается моего сына, Димки. (У меня было три сына: Вася погиб в Киеве при борьбе с петлюровцами, Ляля пропал без вести у Врангеля — остался Димка.) Он до последнего времени учился в

Морском Корпусе в Бизерте¹. Держался там до последней возможности, но Морской Корпус в Бизерте кончается. Больше там оставаться нельзя, и мне надо его выписать и притом довольно срочно, так как он к тому же болел, и у меня душа беспокойна, чтобы он не очутился в совершенно безвыходном положении. Моя просьба к Вам распадается на две части.

- 1) Послать ученику Русского Морского Корпуса в Бизерте, в Тунисе, Дмитрию Васильевичу Шульгину разрешение приехать в Париж, если таковое разрешение вообще нужно.

Dymytry Schoulghine, Tunisie Bizerte
Ecole Navale Russe

Так как Тунис — французская колония, то, я думаю, что требуется именно какое-нибудь разрешение, а не «французская виза». Но если требуется виза, то прошу Вас выхлопотать таковую. Если проще выхлопотать — транзитную, то это было бы достаточно, так как я не собираюсь оставлять его во Франции. Думаю пристроить его или здесь, или в Праге, если там удастся выхлопотать стипендию.

- 2) Если Вы можете это сделать, дорогой Василий Алексеевич, пошлите ему шестьсот франков. Деньги у меня есть. Но если я пошлю их отсюда, они будут идти бесконечно до Бизерты, в чем я уже убедился на опыте. Из Парижа же, вероятно, переслать очень просто. Немедленно по получении Ваших указаний, куда перевести (через какой банк или почтой), Вам будет переведена из Праги та сумма, которую Вы пошлете Димке. Простите, пожалуйста, что я к Вам обращаюсь с этим, но я знаю, что если Вы можете, Вы сделаете, а если не можете, то прямо мне напишите, что нельзя, и это не будет иметь никаких последствий.

Оказывается, что нашлась еще и третья часть «просьбы».

- 3) По приезде в Париж разрешите Димке явиться к Вам поблагодарить Вас, а также получить у Вас мои к нему письма. Дело в том, что немецкую визу, или, вернее, документ, при посредстве которого он получит визу в Германском Консульстве в Париже, я пошлю на Ваш адрес. Кроме того, у Вас он сможет узнать адрес Евгения Амвросьевича Ефимовского, который передаст Вам настоящее письмо и который по моей просьбе будет Димку шапронировать² в Париже.

Вот, кажется, все. Ради Бога не сердитесь, *что* я Вас этим затрудняю. Но никак невозможно иначе.

Пока не пишу больше, — спешу. Марии Алексеевне целую ручки, Вас обнимаю.

Искренне Ваш В.В.

*Мой адрес
Madame Sedelnikoff³
Birkenwerder bei Berlin
Bahnhofs Allee, Pension «Kurgarten»
Zim 22*

Если Вы напишете — Madame, то значит — мне, ибо она — Mademoiselle.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Бизерта — порт в Тунисе, военно-морская база французского флота с 1895 г. Сюда в декабре 1920 г. по решению французского правительства были направлены остатки Черноморского флота, переименованные в ноябре 1920 г. в Русскую эскадру. Морской корпус — среднее военно-морское учебное заведение. В дореволюционный период старшие (гардемаринские) классы находились в С.-Петербурге/Петрограде, младшие (кадетские) — в Севастополе. После захвата власти большевиками Морской корпус в Петрограде был ликвидирован. В 1919 г. по приказу генерала А.И. Деникина на базе Крымской части корпуса был образован Севастопольский морской кадетский корпус. В январе 1921 г. на базе Севастопольского морского корпуса, эвакуировавшегося вместе с Русской эскадрой в Бизерту, при поддержке французских властей была организована военно-морская школа (Морской корпус). Корпусу были предоставлены форт Джебель-Кебир и лагерь Сфаят в нескольких километрах от Бизерты. Постепенно, под давлением французских властей, Морской корпус преобразовывался в общеобразовательное учебное заведение. См. подробнее: Узники Бизерты: документальные повести о жизни русских моряков в Африке. СПб., 1998; Панова М.А. История русской эмиграции «первой волны» в Тунисе // Cahiers du Monde Russe. 2005. Vol. 46/3. P. 558–562.

² Шапронировать (искаж. франц.) — шефствовать над, покровительствовать, сопровождать.

³ Седельникова (Сидельникова) Мария Дмитриевна (1900–1968) — в описываемое время гражданская жена В.В. Шульгина.

№ 17

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 30 Марта 1923 г.

Дорогой Василий Виталиевич,

Я целую неделю был болен и лежал в постели; поэтому вовремя Вам не ответил. Но за это время поручил другим заниматься Вашим делом; разрешение приехать в Париж для Вашего сына было получе-

но и телеграфировано в Бизерту. Но разрешения ехать в Германию, которое, по Вашим словам, Вы должны были получить сами и прислать на мой адрес, не было ни в русском посольстве, ни в германском. Так как я не считал целесообразным выписывать Вашего сына в Париж, пока не выяснится для него возможность ехать в Германию, то распорядился послать Вам телеграфный запрос. Это было сделано, но никакого ответа Вы, со свойственной Вам аккуратностью, мне не прислали. Не дожидаясь этого ответа, я решил взвалить всю вину и последствия этой вины на Вас и перевел по телеграфу Вашему сыну 600 франков. Тем хуже для Вас, если он приедет сюда и эти деньги здесь прокутит. Но и от сына пока ответа нет. Извещаю Вас обо всем этом, чтобы Вы были в курсе; но никаких дальнейших поступков, до получения инструкций, я производить не стану.

№ 18

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

[3 апреля 1923 г.]

Дорогой Василий Алексеевич,

Получил сегодня Ваше письмо от 30 марта. Спасибо Вам огромное за то, что Вы сделали, но не сердитесь. Вашу телеграмму получил 24 марта в субботу. Сейчас же поехал насчет визы. Сказали — будет в понедельник. В понедельник сказали — будет во вторник. Во вторник — в среду, и так до сегодняшнего дня, то есть до 3-го апреля. Тут порядки постоянно меняются, и то, что мне было совершенно категорически обещано в ту минуту, когда я обратился к Вам, теперь встречает некоторые затруднения. Но и в последний раз, когда я был, мне категорически обещали. Надо принять во внимание, что как раз была Пасха, и это тоже повлияло. Словом, разумеется, «вся вина и последствия этой вины» падают исключительно на меня и детей моих, то есть на Димку... Вас же я могу только еще раз усиленно и сугубо благодарить, и в особенности принимая во внимание Вашу болезнь. Что с Вами? Наверное, эта подлая инфлуэнца, которую здесь называют гриппом и которая перебрала, насколько я знаю, всех русских во всех странах. Сама по себе она ничего, но дает последствия, если хорошенько не вылечиться. Поэтому будьте осторожны. Впрочем, живучи под присмотром Марии Алексеевны, Вы, можно сказать, в хороших руках. Передайте ей, пожалуйста, мой самый горячий привет.

Теперь о деньгах. Я сегодня же послал письмо в Прагу, «моему дорогому другу», который в некотором роде занимается моими денежными делами, Владимиру Александровичу Лазаревскому¹. Он пере-

ведет Вам 600 франков, но так как Вы не пишете, через какой банк это сделать, — то, очевидно, перевод будет сделан через тот банк, с которым он имеет обычно дела, а какой это банк, к сожалению, не знаю. Во всяком случае, из Праги в Париж деньги перевести не трудно. А потому я надеюсь, что Вы их скоро получите.

Как только я получу разрешение на въезд в Германию (по этому разрешению Димка должен получить визу в германском консульстве), я немедленно присылаю его на Ваше имя и в тот же день телеграфирую Вам о том, что письмо с разрешением послано. Кажется, это все, и больше пока сделать нельзя.

Настоящее письмо получите, наверное, на нашу Пасху. Обнимаю Вас, «Христос Воскресе»!

В.В.

3 Apr[еля] 1923

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Лазаревский Владимир Александрович (1897–1953) — племянник В.В. Шульгина, журналист, сотрудник «Киевлянина», участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции в Праге, затем в Париже.

№ 19

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

[5 апреля 1923 г.]

Дорогой Василий Алексеевич,

Еще раз благодарю Вас и посылаю «разрешение». Больше ничего не пишу, пока очень спешу. Только помните, Вы спрашивали, почему Толстой «шаг назад по сравнению с Моисеем». Так вот прочтите Новгородцева¹. Это и мое мнение, хотя не все.

Обнимаю Вас.

В.В.

5 Apr[еля] 1923

P.S. Позавчера Вам послано письмо.

P.S. Одновременно телеграфирую.

Автограф. Подлинник.

---

¹ Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) — общественно-политический деятель, правовед, философ, публицист; доктор права (1902 г.). Профес-

сор Московского университета в 1904–1911 гг., с 1906 г. профессор и ректор московского Высшего коммерческого института. Один из основателей партии кадетов, член ее ЦК с 1906 г.; депутат 1-й Государственной думы. После захвата власти большевиками в октябре 1917 г. избран в Учредительное собрание от Москвы; член Правого центра, один из руководителей Национального центра, весной–летом 1918 г. возглавлял московскую организацию партии кадетов. Осенью 1918 г. уехал на Юг, где участвовал в организации и деятельности властных структур при генерале А.И. Деникине, однако официальных постов не занимал, опасаясь за судьбу семьи, находившейся на территории Советской России. В 1920 г. — в Крыму, где преподавал в Симферопольском университете. С лета 1920 г. в эмиграции в Германии (Берлин), с весны 1922 г. — в Праге. В 1922–1924 гг. — декан основанного им Русского юридического факультета. Несомненно, Шульгин имеет в виду книгу Новгородцева «Об общественном идеале» (печаталась в 1911–1917 гг. в журнале «Вопросы философии и психологии», первое книжное издание. М., 1917), в которой автор, среди прочего, анализировал философские воззрения Л.Н. Толстого. Скорее всего, Шульгин читал 4-е издание книги — Новгородцев П. Об общественном идеале. Выпуск 1. Издание IV. Берлин: Книгоиздательство «Слово», 1922, в свою очередь воспроизводившее переработанное 3-е издание книги (Берлин, 1921).

№ 20

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 12 [апреля] 1923 г.¹

Дорогой Василий Витальевич,

От адмирала², которому я переслал деньги для Вашего сына, получен неожиданный ответ; Ваш сын отказался взять эти деньги, говоря, что он в настоящее время не собирается ехать в Париж и вообще предпочитает дожидаться окончания занятий в школе и только тогда уже ехать. Об этом мне сообщал, через нашего морского агента³, адмирал; Ваше письмо сыну я своевременно переслал; разрешение на въезд в Германию тоже храню у себя, в ожидании дальнейших инструкций с Вашей стороны.

Пользуюсь случаем, чтобы сказать Вам два слова по поводу Ваших последних писем. Во-первых, книжку «Русской Мысли» я получил и рекомендованную Вами статью прочел. Более того, я показал Ваше письмо автору этой статьи⁴, чем он был очень доволен. Статья написана очень хорошо, и я даже предполагаю перевести ее на французский язык, чтобы дать французам понятие о положении в России аграрного вопроса, тем более, что французы этим очень интересуются. Но для нас, русских, эта статья, кроме талантливого исполнения,

не дала ничего нового, и я плохо понимаю, чему Вы таким истерическим способом обрадовались. Статья наглядно показывает одно: что у того, что называется народом, у массы русского населения, если соскоблить небольшую *румяную* и богатую корочку, есть свои совершенно естественные и нехитрые устремления, которые она, вопреки всему и всем, сумела провести в жизнь. Несмотря на все доктрины и большевизма, и социал-революционерства, и компромиссы кадетов, она сумела отнять у помещиков землю, поровнить ее между собой и затем выделить каждому свой кусок личной собственности — таким образом создавши основание для русской буржуазии. Этот процесс в известный момент будет стабилизирован, те, которые имели землю в этот переходящий момент, очутятся в привилегированном положении и будут весьма жестоко и настойчиво защищать свои привилегии против всех тех, кто остался за бортом, как рабочего пролетариата, так и интеллигенции и обобранных помещиков. На этом фоне счастливых ныннешнего дня в конце концов и построится будущая Россия. И характер этих счастливых, без которого, впрочем, они бы и не могли исполнить своей исторической задачи, обнаруживается уже теперь из некоторых фактов, на которые мы недостаточно обращаем внимания и которых Вы, в Вашем опьянении, совершенно проглядели. Мы здесь ругаем Советскую власть за то, что она вывозит из России хлеб, отнимая его у «умирающих с голоду крестьян»; а оказывается, что сами крестьяне, у которых есть хлеб, настойчиво требуют его вывоза за границу, а не направления в голодающие местности; расчет очень простой: голодающим платить нечем, разве только советскими рублями; а продавая его за границей, они получают валюту, на которую могут кое-что купить. Все это понятно и естественно, и возмущаться за это не приходится; уже если мы ставим ставку на буржуа, то будем последовательны. В этой психологии и есть основа буржуазного умиротворения. Но только опять-таки скажу, что я сейчас не чувствую особенной склонности гордиться таким здоровым эгоизмом нашего мужика, как не гордился тем нашим солдатом, который тоже из правильно понятых личных интересов либо дезертировал в тыл, либо повреждал себе пальчик. Вот почему, хотя Вы и заверяете меня, что я не прав, и корите меня тем, что занимаюсь брюзжанием, но я все-таки в этом не убежден; принимаю этот процесс, как факт, ведущий к оздоровлению, но без всякой гордости. Хотел Вам еще написать о Толстом, но некогда.

---

¹ Датируется по содержанию. В оригинале — 12 марта 1923 г., что является явной опiskeй.

² Очевидно, вице-адмирал Александр Михайлович Герасимов (1861–1930). В 1913–1917 гг. Герасимов был комендантом морской крепости в Ревеле. В конце 1918 г. прибыл в штаб Добровольческой армии. С 1919 г. — помощник начальника, затем начальник Морского управления при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России. В феврале 1919 — апреле 1920 г. — командующий Черноморским флотом. С мая 1920 г. — представитель П.Н. Врангеля в Батуме. С начала 1921 г. — директор Морского корпуса в Бизерте.

³ Морской агент — Дмитриев Владимир Иванович (1879–1965) — капитан I ранга, российский военно-морской агент (атташе) во Франции. В эмиграции развернул широкую благотворительную деятельность, направленную на поддержку русских морских офицеров и гардемарин. Почетный председатель Морского собрания, председатель Благотворительного комитета Морского собрания, председатель Всезарубежного объединения морских организаций.

⁴ Автор статьи — Борис Петрович Кадомцев (?–1969), публицист; в эмиграции во Франции. В 1930-х гг. участвовал в движении младороссов.

№ 21

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

[8 мая 1923 г.]

Дорогой Василий Алексеевич¹,

Стукаю собственноручно, машинистка больна. Глаза почти не действуют. Вот почему Вам так долго не писал. А кроме того, ожидал письма из Бизерты с объяснением. Каковое письмо, наконец, пришло. Оказалось, что Димке правильно посоветовало его начальство кончить сначала учебный год, получить аттестат за шестую роту и тогда ехать, и притом в отпуск, так как появилась надежда, что корпус еще будет существовать². А ему ужасно не хочется бросать корпус. Он так и сделал, а деньги, которые Вы ему прислали, сдал на хранение начальству.

Значит, он через некоторое время появится в Париже и тогда придет Вам представиться. Я надеюсь, что Вы уже получили 600 франков из Праги. Поэтому я решаюсь Вас просить, если он явится в Париж без денег, дать ему «на дорогу», причем обязуюсь и эту сумму честно и немедленно возратить. А может он быть без денег потому, что я разрешил ему часть 600 франков истратить на усиление пищи ввиду пережитого плеврита и малокровия.

Вот все, что я в силах выстукать.

Напишу Вам длинное письмо, когда машинистка выйдет из больницы. Как это трудно стучать. Вы никогда не пробовали? Еще раз спасибо за Димку.

Обнимаю Вас,

*Ваш В.В.
8 Мая 1923.*

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Письмо напечатано заглавными буквами.

² Русский Морской корпус в Бизерте просуществовал еще два года. Официальный приказ о его ликвидации был издан 25 мая 1925 г. По решению французского правительства кадетам последнего выпуска были выданы паспорта, разрешавшие въезд во Францию и бесплатные билеты на пароход до Марселя. Правительство также взяло на себя половину стоимости билетов до Парижа. — Панова М.А. История русской эмиграции «первой волны» в Тунисе // Cahiers du Monde Russe. 2005. Vol. 46/3. P. 562.

№ 22

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

2 Августа 1923 г.

Дорогой Василий Алексеевич,

Что Вы поделяваете? Так давно от Вас нет никаких известий. Кажется, я Вам писал последний? Но это все равно. Я надеюсь, что у Вас все благополучно. У нас так себе. Пророчествовать трудно, но положение неприглядное. Вероятно, через некоторое время я отсюда уеду. Но хотел бы дождаться сына, но он куда-то опять ушел «в плавание», когда придет, не знаю, но такое у меня ощущение, что это должно быть скоро. Если позволите, я буду адресовать корреспонденцию ему на Ваше имя, так как если я переменю местожительство даже в пределах Германии, то ему трудно будет меня найти. Весьма возможно, что я несколько приближусь к Вам, так как у меня есть друзья в Шлангенбаде, это около Висбадена, которые меня зовут туда, — отдохнуть.

Вы, может быть, интересуетесь узнать, от чего мне отдыхать? Вы, кажется, были всегда убеждены относительно меня, что я ужаснейший лентяй. Представьте себе, я то же самое думал о Вас. Но мне кажется, оба мы ошибались. Только наша деятельность не всегда была доступна обозрению друг друга. Этим я ничего не хочу сказать дурно-

го про Вас, как Вы, наверное, подумали. Но, во всяком случае, оставив в покое старину, я хочу Вам сказать, что я вовсе не так уж мало работаю. Но, например, на езду в трамваях и поездах у меня ежедневно уходит три часа в день, а то и больше. Вы скажете, что я сам в этом виноват. Ничего подобного: виновата публика, которая так мало ценит мой талант, что я не могу себе завести автомобиля или квартиру в самом Берлине.

Поэтому и еще по тысяче других причин, которые все сводятся к одной — *неустройству жизни*, мое творчество крайне медленно. Но, в общем, я кончаю «1919 год», который, когда будет напечатан, Вам пришло. Изложение довольно скучное, но с цитатами. Впрочем, из моих собственных же статей, что не служит к увеселению. Впрочем, публика не интересуется сейчас ничем, что не напоминает кинематограф. Это удовольствие я им доставил «1920 годом». А теперь я пишу для потомства, чтобы сохранить то, что было, ибо ужас меня берет, когда я вижу, как быстро испаряется из памяти и сознания человеческих все, даже совсем недавно пережитое. Я не удивлюсь, что в России через некоторое время забудут не только прелесть старого режима, но и ужасы Чрезвычайки¹. Мы какие-то не помнящие не только родства, не только отца с матерью, но вчерашнего дня. Например, люди уже совершенно забыли свою собственную психологию, *напр*[имер] 16 года. Сейчас они иступленно монархичны и думают, что они всегда были таковыми. К сожалению, прежде чем мы доберемся до стенографических отчетов и газет, пожалуй, все мы перемрем, и даже нельзя будет доставить себе удовольствия предложить какому-нибудь «монархисту наших дней» прочесть то, что он проповедовал ей-Богу же совсем недавно. Это мне, между прочим, приходит в голову, когда я читаю Куприна в «Русской Газете»². Вы ее, впрочем, вероятно, не читаете. А я там сначала писал, но после того, как Ефимовский стал проповедовать, что низы армии можно противопоставить ее верхам, я вышел из этого почтенного издания, ибо каким бы то ни было способом участвовать во втором издании приказа №1 не желаю³.

Всего хорошего.

Марье Ал[ексеевне] — ручки.

Ваш ВВ.

Пока мой адрес прежний.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Чрезвычайка — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), образована 7 декабря 1917 г., преобразована в 1922 г.

зована в Государственное политическое управление в начале февраля 1922 г. ВЧК являлась, согласно официальной терминологии, «руководящим органом борьбы с контрреволюцией на территории всей страны». ВЧК непосредственно осуществляла «красный террор».

² Куприн Александр Иванович (1870–1938) — русский писатель. В октябре 1919 г. эмигрировал в Эстонию, затем в Финляндию, с июня 1920 г. в Париже. В феврале–июне 1921 г. редактировал журнал «Отечество». С конца 1921 г. член правления и вице-председатель парижского Союза русских писателей и ученых. Его публицистика эмигрантского периода собрана в книге: Куприн А.И. Хроника событий глазами белого офицера, писателя, журналиста. 1919–1934. М.: Собрание, 2006.

«Русская газета» — с 12 ноября 1923 г. по 14 апреля 1924 г. называлась «Русская газета в Париже», затем, до 10 июня 1925 г. — «Русская газета». Выходила вначале еженедельно, с 23 апреля 1923 г. — ежедневно. Ред.-изд. с № 10 (9 июля 1923 г.) Г.А. Алексинский, Е.А. Ефимовский, А.И. Филиппов; с № 1 (12 ноября 1923 г.) Е.А. Ефимовский и А.И. Филиппов; с № 212 (31 декабря 1924 г.) ред. А.И. Филиппов. Всего вышло 344 номера. В июне 1925 г. «Русская газета» и парижская газета «Вечернее время» (см.) слились в одно издание — газету «Русское время», выходившую под редакцией Филиппова и Б.А. Суворина (последний номер вышел 6 января 1929 г.). Редакторы газеты придерживались умеренно-монархических взглядов. Филиппов заявил, что ««Русская газета» есть орган надпартийный и национальный, и задача у него одна — освобождение Родины от большевизма и социалистических экспериментаторов. В России если и будет монархия, то она будет создана вопреки усилиям Маркова 2-го» (7 мая 1925). В «Русской газете» печатались А.И. Куприн, Саша Черный, И.С. Шмелев, Ив. Лукаш и др. Шульгин, кроме многочисленных публицистических статей, печатал в «Русской газете» в первой половине 1924 г. мемуарные очерки «1921». См. подробнее: Иванов А.С. Русская газета // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940: Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 361–364.

³ Приказ № 1 — Приказ № 1 Петроградского Совета был принят 1 марта 1917 г. на объединенном заседании рабочей и солдатской секций Совета. Приказ, направленный на демократизацию армии, бесспорно вел к ее разрушению, о чем свидетельствуют приводимые ниже его основные положения.

«По гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1) Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2) Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, ко-

торым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра 2 сего марта.

3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4) Приказы военной комиссии Государственной думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам даже по их требованиям.

6) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть уменены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется.

7) Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т.п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т.д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на “ты” воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных командиров.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах».

№ 23

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

[11 августа 1923 г.]

Дорогой Василий Алексеевич,

Только что послал Вам телеграмму с просьбой отправить Димку по новому назначению. Я получил от него телеграмму от 9-го авг[уста] из Марселя о том, что он выезжает в Париж и что деньги у него кончились. Доведите до конца дело «свидания отца с сыном после 3 лет разлуки» (фильм в 5000 метров) и дайте издержавшемуся в дороге денег, чтобы доехать до места, а я переведу Вам из Праги, как в тот раз.

Надо ему ехать не в Берлин, а в Висбаден. Оттуда час езды до городка Schlangenbad, а в нем Hotel Hohenzollern, в котором живут мои друзья Мария Николаевна Домбровская-Петипа и Борис Виталие-

вич просто Домбровский¹. Последнего Димка знает. Димке надлежит явиться к Домбровскому и, если я еще не успею доехать, там меня дожидаться, ибо в Берлин ему может быть совсем и не нужно будет ехать.

Домбровские отнесутся к нему, как... ну, словом, надо к ним ехать. Здесь неважно, а, впрочем, пророчествовать трудно.

Простите, что мучаю Вас семейными своими делами. Надеюсь, что Димка не слишком Вам надоест, а в особенности Марии Алексеевне.

Целую ей ручки, Вас обнимаю. На днях Вам писал. Всего хорошего. Спешу.

Ваш В.В.
11 Августа 1923

Мой адрес через несколько дней:
Madame M. Dombrowsky-Petipa для В.В.
Schlangenbad bei Wiesbaden.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В.В. Шульгин — Д.В. Шульгину

Дорогой Димочка, милый,

Ты и вправду едешь? Брехня, наверное... Ну, если едешь, так скорей. Василий Алекс[еевич] тебе все расскажет и даст денег по доброте своей. Значит, получи визу, как объяснено в предыдущих письмах, но не поезжай в Берлин, а выгружайся в Висбадене — это гораздо ближе от Парижа.

Храни тебя Господь, крепко целую, жди меня у Домбровских. Не верю еще, что приезжаешь.

Твой Биб².

Автограф. Подлинник.

---

¹ Домбровский Борис Витальевич (?–1931) — присяжный поверенный, в период Гражданской войны — поручик Добровольческой армии. Доверенное лицо В.В. Шульгина. См. переписку Домбровского и Шульгина в фонде последнего — ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 65, 113.

² Биб — домашнее прозвище В.В. Шульгина.

Париж, 21 Августа 1923 г.

Российское Посольство
в Париже

Дорогой Василий Виталиевич,

Надеюсь, что Вы уже приехали на место и встретились с сыном; надеюсь, что Вы мне напишете, все ли благополучно и очень ли он меня ругает за недостаток гостеприимства. Во всяком случае, знаю, что за это будет ругать меня моя сестра. Пишу же Вам теперь не только затем, чтобы попросить обо всем этом уведомить, но и главным образом потому, что если Вы сейчас около Висбадена, то я совершенно не вижу оснований, почему Вы не доедете до Парижа. Визу я Вам с удовольствием и легкостью выхлопочу, могу дать Вам в посольстве и комнату, и стол, и, следовательно, Вы на это путешествие не разоритесь. Мне же было бы не только приятно, но и очень полезно с Вами поговорить. Я плохо представляю себе, в каком Вы сейчас находитесь настроении: Ваши политические настроения менялись довольно часто и довольно резко, и в этом я вижу одно из Ваших достоинств. Но поэтому мне и так интересно было бы услышать, к каким Вы выводам сейчас приходите. Ведь Ваши писания последнего времени — одно из самых страшных обвинений наших прежних порядков и, пожалуй, нашего прежнего общества; и ужасны эти писания потому, что если даже они и преувеличены в некоторых частностях, то они, конечно, правдивы. Люди, которые делали и сделали революцию, помогли свалить на себя ту крышу, под которой прятались, именно таковы, какими Вы их изображаете в «Днях»; я говорю не об отдельных лицах, а обо всей среде. Но какой же из этого Вы делаете вывод? Думаете ли Вы, что теперь именно эти люди вытащат Россию из-под большевиков, поставят ее на ноги? Думаете ли Вы, что эти люди, которые оказались настолько бессильными при имевшемся в их распоряжении влиянии и моральном, и чисто политическом, при наличности у них громких репутаций, импонирующих массам, при всех тех возможностях и удобствах для воздействия, которые были в их руках, что эти люди, которые, несмотря на все это, были сброшены первым движением еще не разнуздавшейся массы, что эти самые люди здесь, на эмигрантском положении, перессорившись между собой, потеряв все возможности действовать, опостылевши своим и чужим, что эти люди вдруг превратились в каких-то героев и «богатырей мысли и дела», как, помните, говорили наши манифесты¹, сумеют сделать то

бесконечно трудное дело, которое в истории никому не удавалось. Я говорю, — никому не удавалось, — сознательно; нет более поучительного чтения сейчас, чем изучение не французской революции, которую мы даже слишком много читали, а эпохи гораздо менее интересной, но зато и поучительной, эпохи ликвидации этой революции. Наши сведения об этом обыкновенно не шли дальше того, что откуда-то появился Бонапарт, и всех разогнал, и все устроил; мы сосредоточивали все внимание на Бонапарте, менее интересуясь процессом оздоровления самого общества этой эпохи; тех необыкновенно типичных форм, которое принимало это оздоровление, словом, изучением всего того, что зависит уже не от фантазии и воли отдельных лиц, а от законов общественного развития, что сделало возможным, конечно, и самого Бонапарта. Я не собираюсь в настоящем письме затрагивать этот вопрос по существу. Но об одном Вы, наверное, думали и сами: все эти оздоравливающие процессы шли тогда в самой Франции; вся тогдашняя эмиграция могла делать больше или меньше вреда, но делала один вред и этих процессов оздоровления собой не обнаруживала. Так и теперь; мне очень трудно заставить себя поверить, что в России дела пойдут иным путем. А если они пойдут так, как шли во Франции, то не герои Ваших «Дней», не мы — эмиграция — можем что-нибудь сделать для России, а только те, которых мы так ругали и игнорировали, так критиковали или жалели, но которые сейчас одни, путем тяжелых компромиссов, а другие, более молодые, путем спасительного неведения занимаются не как мы низвержением большевизма, а восстановлением условий возможной жизни в России. То, что сделал Тихон, для меня необыкновенно характерно, как разумный государственный акт². А нечего греха таить, эмиграция если из уважения к нему и покорно это приняла, то, конечно, этого шага ему бы не посоветовала. Но я только намечаю вехи. Вот о чем мне хотелось бы с Вами поговорить, так как, несмотря на Ваши многочисленные подлости, Вы имели всегда очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, а это уже очень многое. Из всего этого вывод: приезжайте вспомнить старину, побеседовать по душе со мной, а кстати, и посмотреть на всю кунсткамеру собравшихся здесь государственных дарований и заслуг. А если не хотите приехать, то по крайней мере дайте мне понять, в каком Вы сейчас настроении и о чем мечтаете: о Бонапарте, о монархе из дома Романовых или о более легкомысленных предметах.

Вас. Макл[аков]

Машинопись. Подлинник.

ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 1–2 об.

---

¹ Цитата из Манифеста императора Николая II от 9 июля 1906 г. о роспуске 1-й Государственной думы. Полностью фраза звучала следующим образом: «Верим, что появятся богатыри мысли и дела и что самоотверженным трудом их воссияет слава Земли Русской».

² Тихон (Беллавин [Белавин] Василий Иванович) (1865–1925) — выдающийся церковный деятель; в августе–ноябре 1917 г. руководил Поместным Собором Русской православной церкви, восстановившим патриаршество, упраздненное Петром I; патриарх с ноября 1917 г. С декабря 1918 г. находился под домашним арестом, до конца своих дней подвергался преследованиям со стороны Советской власти. Отказался благословить и Красную, и Добровольческую армии, ибо церковь против братоубийства, какими бы причинами оно ни было вызвано. Возможно, Маклаков имеет в виду заявление патриарха Тихона от 16 июня 1923 г. в Верховный Суд РСФСР с выражением раскаяния в «поступках против государственного строя».

№ 25

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

[22 августа 1923 г.]

Дорогой Василий Алексеевич¹,

Большое Вам спасибо за Димку. То, что Вы называете ненастоящим гостеприимством, ему, однако, очень понравилось, а меня очень тронуло. Все прошло очень хорошо, только я сильно запоздал сюда, в Шлангебад. А еще паршивая погода, но все же это не может испортить радости свидания. Что мне нравится в Димке, что на нем нет ни малейшего налета эмигрантщины. Экзотический корпус совершенно сохранил все старое, посеянное еще в нашем киевском мелкобуржуазном особнячке, и только вырисовал на этой основе забавную, но очень ценную спартанскую «морсофлотскую» татуировку. Запаздывает он немножко и сильно ребенок, но мы все развивались медленно, и кроме того еще не будете как дети... ну, словом, родитель доволен, что и требуется.

Пока не пишу Вам много, потому что стучаю сам, а это на старости лет трудно. А почерк мой, как говорят, уступает только Вашему. Напишу через некоторое время. Может быть, соберусь к Вам в Париж. Виза у меня есть, но аржан конт² слабо, но есть одна идея: если Бурцев заплатит мне вперед за рукопись, которую ему вручат для «Былого»³, то я, пожалуй, обернусь. Там, кажется, десять листов, если считать по сто франков, будет тысяча... А триста семьдесят, которые Вы

дали Димке, Вам «с благодарностью» переведут из Праги *в скором времени*.

*Сердечный привет,
Ваш ВВ. 22 Авг[уста] 1923*

Schlangenbad bei Wiesbaden, Hotel Hohenzollern bei Dombrowsky
для ВВ.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Письмо напечатано заглавными буквами.

² аржан контан (argent comptant) — наличные деньги.

³ Бурцев Владимир Львович (1862–1942) — народоволец, теоретик и пропагандист терроризма, публицист и историк, основатель и редактор журнала «Былое» (выходил за границей в 1900–1904 и 1908–1913 гг.), в России под совместной редакцией Бурцева, В.Я. Богучарского и П.Е. Щеголева в 1906–1907 гг. В 1917 г. журнал был возобновлен под ред. Бурцева, Щеголева, В.В. Водовозова и Е.В. Тарле. После эмиграции Бурцева журнал продолжал издаваться в Советской России/СССР до 1926 г. (под единоличной редакцией Щеголева). Бурцев прославился разоблачением провокатора Е.Ф. Азефа, так же, как и ряда других провокаторов, заслужив прозвище «Шерлок Холмс русской революции». В июле 1917 г. выступил с обвинениями против В.И. Ленина в сотрудничестве с германской разведкой; был арестован большевиками уже 25 октября 1917 г.; находился в заключении в Петропавловской крепости; после освобождения в начале 1918 г. переехал в Финляндию, затем во Францию. Издавал в Париже газету «Общее дело» при финансовой поддержке А.И. Деникина, затем П.Н. Врангеля; призывал к единству всех антибольшевистских сил. Бурцев собирался возобновить в эмиграции издание «Былого», для которого, очевидно, и намеревался написать некий текст Шульгин. Однако выпустить два номера «Былого» Бурцеву удалось лишь в 1933 г.

№ 26

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

[28 августа 1923 г.]

Дорогой Василий Алексеевич¹,

Вы, очевидно, не получили моего письма, которое я послал Вам сейчас же по получении Вашего и в котором не только не «ругал» Вас за негостеприимство, а наоборот, весьма благодарил, ибо сын мой был им очень восхищен и с восторгом рассказывал и о ванне, которую он

немедленно сам растопил, и о каком-то кресле, которое ему до чрезвычайности понравилось. Словом, Марии Алексеевне не за что бранить Вас. А вот не будет ли она бранить меня, если я, воспользовавшись Вашей неосторожной любезностью, возьму, да и подкинусь Вам на некоторое время.

В самом деле, мне хочется приехать хотя бы для того, чтобы вынести какой-нибудь приговор по тяжбе, которую мы с Вами ведем письменно вот уже три года. Словом, с Константинополя. И так как я взаправду собираюсь приехать, то на эту часть Вашего последнего письма ответ, надеюсь, будет устный. Что же касается приезда, то виза у меня есть. Время же приезда приблизительно через месяц, если не придется выехать раньше, так как я слышал, что Петр Николаевич собирается к Николаю Николаевичу². А это, кажется, важное событие, если вообще могут быть важные события в нашем муравейнике. Это последнее мне не ясно, потому что действия лиц большой игры мне не ясны.

Сколько времени пробуду, не знаю. У Вас проживу столько, чтобы надоесть не выше позволенной меры (Вы так сердечно мне предложили гостеприимство, что я не умею поблагодарить Вас так же). А там, если найду какое-нибудь занятие, останусь вообще во Франции. Если нет, буду искать, где дешевле жить. Вообще же Франция меня бы устраивала, ибо ближе к сыну, да и вообще всякие другие разные соображения.

Пока до свиданья, очень спешу. Еще раз спасибо, принимаю Ваше приглашение с радостью и реконнесанс³.

Тутаву⁴.

ВВ.

28 августа 1923

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Письмо напечатано заглавными буквами.

² Речь идет о приезде в Париж генерала П.Н. Врангеля для встречи с великим князем Николаем Николаевичем. Николай Николаевич (младший) (1856–1929) — великий князь, внук императора Николая I, двоюродный дядя императора Николая II, генерал от инфантерии. В период Первой мировой войны — Верховный Главнокомандующий в 1914–1915 гг. и 2–9 марта 1917 г. В 1915–1917 гг. — командующий Кавказским фронтом. В эмиграции — во Франции.

³ Реконнесанс (искаж. франц.) — признательность.

⁴ Тутаву (искаж. франц.) — искренне Ваш.

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Российское Посольство
в Париже

Париж, 6 Сентября 1923 г.

Дорогой Василий Виталиевич,

Ваше письмо я получил, о чем Вас и уведомляю; жду Вас сюда и обещаю доступное мне гостеприимство; очень прошу Вас не связывать Вашу поездку с поездкой П.Н. к Н.Н.¹ Вашей поездке я очень сочувствую, а поездке П.Н. нисколько; по всему тому, что мне последнее время приходится о нем слышать, для меня ясно, что из этой поездки сюда не может выйти ничего, кроме скандала или конфуза. Если бы можно было рассчитывать, что у П.Н. хватит политического опыта и ума, чтобы понять истинное положение дела и его собственное положение, то, конечно, тогда эту поездку можно было бы если не приветствовать, то по крайней мере чем-нибудь оправдать; это, с другой стороны, значило бы, что всем придется расстаться с тем, что Вы назвали «белой мечтой». А так как все люди думают, что возвышающий обман лучше низких истин, то, конечно, что бы П.Н. здесь ни увидал, он этот обман будет поддерживать; а из этого ничего не выйдет, кроме новой фальши, нового раздора и новых взаимных озлоблений. Мне и Вас хочется выписать сюда главным образом потому, чтобы Вы настроили свою голову на более реальное мышление; Врангель же для некоторых фетиш, который поддерживает их бодрость; для того, чтобы продолжать еще разыгрывать роль этого фетиша, не нужно вовсе соприкасаться с действительностью. Значит, незачем сюда и приезжать. Что же касается до надежд, что благодаря этой поездке Врангель сможет занять более правильную линию, он перестанет быть фетишем, потеряв, таким образом, все то значение, которое он еще имеет, и взамен его не приобретя ничего другого.

Но вся эта философия только кстати, а может, даже и совсем не-кстати; но все это я буду Вам на словах объяснять, когда Вы сюда приедете. Только, если возможно, предупредите меня о своем приезде заблаговременно, хотя бы и приблизительно.

ВасМак[лаков]

Машинопись. Подлинник.

ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 3–3 об.

---

¹ Речь идет о поездке П.Н. Врангеля в Париж для встречи с великим князем Николаем Николаевичем. Маклаков, как следует из его переписки этого времени, опасался, что к приезду Врангеля будет приурочен сбор его сторонников в Париже, и, возможно, какие-нибудь политические заявления, что могло вызвать резкую реакцию французских властей.

№ 28

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

Wiesbaden 13 Sept. 1923

Дорогой Василий Алексеевич.

Простите, что напишу несколько слов только. Вы мне приказали известить Вас, когда я приблизительно приеду. Спешу это сделать, ибо почта ходит очень долго. Приеду не раньше 20 Сент[ября], то есть через неделю, и не позже 25 Сентября. Еще раз благодарю Вас.

Мар[ии] Ал[ексеевне] — ручки.

Ваш В.В.

Автограф. Подлинник.

№ 29

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

31 Окт[ября] 1923

Дорогой Василий Алексеевич.

Ну, вот я — на лоне природы. Виноградники, маслины, кольцо сильно пахнувшей хвои, второе кольцо — горы. В середине сего домик из 4 комнат, из коих 2 предоставлены мне.

Тишина. Ближайшее жилье — такой же домик на расстоянии километра. Солнце и тишина. Контраст с Парижем резкий. Главное мое занятие за сегодняшний день: старался выловить утопленное в колодце ведро — не выловил. Но как тепло!.. И тишина, тишина...

Хоть Марья Алексеевна и будет что-то такое говорить про «телячьи нежности», но я испытываю потребность их именно Вам выразить еще раз: очень мне было у Вас прекрасно в Амбассаде¹, низко кланяюсь за хлеб и соль...

Теперь насчет Поволоцкого².

Что я могу предложить?

Вот:

1) Слегка переработать «Дни» для издания во французском переводе (Мысль барон[ессы] Иксюль³, которая находит, что это нужно).

2) Второе издание «1920 года».

Было напечатано 3 тысячи — разошлось. В Париже нет, в Берлине нет. У меня самого — тоже нет. Можно его слегка дополнить, если надо.

3) «1919 год». Книжка содержит 35 листов, из которых 25 напечатаны мной. Нигде не печаталось. Состоит из 4 частей:

Одесса при французах

Одесса под большевиками

Киев под большевиками

Киев при добровольцах

Рукопись почти закончена — дописать осталось пустяки.

Вот и все. Есть еще фрагмент «1921 года», но пока он еще не готов. Кстати, у Вас должна быть папка, в которой находится такой отрывок под заглавием «На Босфоре», — Вы взяли его прочесть, но, кажется, не читали, отчего не много потеряли, но не потеряйте все же рукопись — она мне пригодится.

Вот, дорогой Вас[илий] Алекс[еевич], если Вы сможете что-нибудь с этим сделать, т. е. есть вытянуть из П[оволоцкого] монету, то я буду это рассматривать, как будто Вы дали мне приданое на тот случай, если Владыка Евлогий⁴ сократит мое семилетнее наказание.

Пока не буду больше Вам надоедать. Разве только попрошу Вас передать мой сердечный привет Наталье Николаевне.

Ваш В.В.

Адрес:

Monsieur T.Philippoff для В.В.

Clos de Patas

Canet de Lue

Var

Автограф. Подлинник.

---

¹ В посольстве.

² Поволоцкий Яков Евгеньевич (1881–1928) — русский издатель и книготорговец в Париже с 1915 г. Масон.

³ См. прим. 11 к письму № 6.

⁴ Евлогий (в миру Георгиевский Василий Семенович) (1868–1946) — церковный и политический деятель. После окончания Духовной академии (1892 г.) в Москве и пострижения в монахи (1895 г.) занимал различные посты в церковной иерархии; архиепископ Волынский и Житомирский с 1914 г. Член 2-й и 3-й Государственных дум; от депутатства в 4-й Государственной думе отказался. Член Св. Синода Русской православной церкви с декабря 1917 г. Оказавшись в Киеве, был арестован в декабре 1918 г. по распоряжению С.В. Петлюры и вывезен в Польшу, затем в Австрию и Румынию; освобожден через 9 месяцев по требованию стран Антанты; с сентября 1919 г. в расположении войск А.И. Деникина, работал в Высшем церковном управлении; в январе 1920 г. эмигрировал в Сербию. С 1921 г. в его ведение перешли по распоряжению патриарха Тихона православные приходы в Западной Европе; в 1922 г. возведен патриархом в сан митрополита.

№ 30

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 3-го Ноября 1923 г.

Ambassade
de Russie

Дорогой Василий Витальевич,

Ваше письмо мне показывает, что Вы не читаете «Последних Новостей»; иначе Вы бы знали, что все мои комбинации с Поволоцким чуть-чуть не погибли от глупой случайности. Он попал под автомобиль, который его чуть не раздавил; правда, он теперь пришел в сознание и, как пишут, находится на пути к выздоровлению, но все-таки о делах с ним говорить нельзя. Я подожду еще несколько дней для приличия, потом узнаю про его здоровье, и если окажется, что он настолько плох, что сам делами не занимается, то поговорю с его заместителем. Но пока, очевидно, приходится ждать.

По-видимому, эта болезнь Поволоцкого мешает и выходу в свет дневника Пуришкевича¹; между тем, за это время растет литература, вызванная этим дневником. Вы читали тогда сумасшедшее письмо Александра Михайловича²; не знаю, читаете ли Вы газеты на лоне природы; если да, то Вы не могли не заметить вчера в *Matin* письмо Юсупова³. Все это, конечно, увеличивает интерес к дневнику, но не увеличивает уважения и симпатии к героям этой драмы.

Ваша рукопись спрятана у меня в надежном месте и за нее не беспокойтесь; но я действительно виноват, что Вам ее вовремя не возвратил.

Вашей протекже въезд разрешен; пока я еще не имею официального уведомления, но на словах сказали, что разрешение уже пришло.

Если Вы Вашу фразу о том, что не хотите мне больше надоедать, написали не для риторики, то я настойчиво рекомендую Вам ей не следовать; можете надоедать мне не только с просьбами, которые, к слову сказать, всегда были довольно исполнимы, не только с такими двусмысленными поручениями, которые Вы мне даете в конце письма, к Наталье Николаевне, которое исполню с особенным удовольствием, хотя и не в полном соответствии с текстом, но и вообще со всякого рода письмами, даже теми, которые Вы так живописно называете «телячьими нежностями». Не в моем стиле говорить таким же тоном; это, как говорил Илья Толстой⁴, не идет к типу моей красоты. Но зато я умею читать между строк, а Вы, надеюсь, тоже. И за 16 лет нашего знакомства мы научились друг друга понимать, и я вовсе не стараюсь это понимание потерять.

Вот пока и все. Сегодня уезжаю на охоту, хотя день серый, ничего хорошего не обещающий. Но мне время от времени положительно необходимо уезжать из Парижа.

ВасМак[лаков]

Машинопись. Подлинник.

ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 4–4 об.

---

¹ Дневник Пуришкевича — Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) — помещик, один из лидеров черносотенных организаций: «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела»; депутат 2–4-й Государственных дум. Участник убийства близкого к царской семье Г.Е. Распутина. Впервые воспоминания Пуришкевича (оформленные в виде дневника) об убийстве Распутина были опубликованы под названием «Дневник В. Пуришкевича, вып. 2. (Смерть Распутина)» в Киеве в 1918 г. См. предисл. Маклакова, в виде письма к издателю Я.Е. Поволоцкому, в кн. «Из дневника В.М. Пуришкевича: убийство Распутина» (Париж, [1923]), с. 3–11 и к французскому переводу «Дневника» Пуришкевича в кн. Purishkevich, V.M. Comment j'ai tué Raspoutine; pages du journal traduit du russe par Lydie Krestovsky. Paris, J. Povolozky et cie [1924], с. [9]–35.

² Александр Михайлович (1866–1933) — великий князь, адмирал (1915 г.), генерал-адъютант (1909 г.); активно содействовал развитию торгового и военного флота России, и в особенности — авиации. В период Первой мировой войны фактически возглавлял действия воздушного флота. С 1918 г. в эмиграции в Париже, где был почетным председателем Союза русских воен-

ных летчиков, Парижской кают-компания, Объединения чинов Гвардейского экипажа.

³ Юсупов, Феликс Феликсович, князь, граф Сумароков-Эльстон (1887–1967) — был женат на княгине императорской крови Ирине Александровне, урожденной Романовой, дочери великого князя Александра Михайловича. Выпускник Оксфордского университета, Юсупов в 1915–1916 гг. учился на курсах при Пажеском корпусе, готовясь к экзамену на офицерский чин. Один из организаторов и исполнителей убийства Г.Е. Распутина, которое произошло в его дворце в ночь на 17 декабря 1916 г. За участие в убийстве был выслан в имение своего отца в Курскую губернию.

⁴ Толстой Илья Львович (1866–1933) — возможно, самый талантливый и в то же время самый непутевый сын великого писателя. Среди прочих его увлечений в сравнительно поздние годы была журналистика и литература. И. Толстой — автор замечательных воспоминаний. В ноябре 1916 г. он уехал в США, чтобы вернуться в Россию лишь однажды — летом 1917 г. вместе с американской железнодорожной миссией. Илья Львович поначалу много публиковался в газетах, однако затем добывал себе средства к существованию лекциями об отце и консультациями при экранизации фильмов по произведениям Л. Толстого в Голливуде. Умер в Нью-Йорке, в бедности. В.А. Маклаков с 1890-х гг. часто общался с Л.Н. Толстым, был близок к его семье, нередко бывал в Ясной Поляне. Он дружил с некоторыми детьми Л.Н. Толстого, состоял в переписке, хотя и не очень регулярной, с Т.Л. Сухотиной-Толстой, А.Л. Толстой. Среди его бумаг сохранились и два письма И.Л. Толстого.

№ 31

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 12-го Ноября 1923 г.

Ambassade
de Russie

Дорогой Василий Витальевич,

Я видел Поволоцкого; беседовал с ним о Вас; он сам будет Вам писать, но раньше этого хочу Вам сообщить свое общее впечатление от этого разговора, так как Вы сообразно этому можете формулировать свою позицию относительно его.

Мне трудно судить, искренно ли или просто вследствие обычного коммерческого приема, но Поволоцкий с самого начала занял позицию покупателя, т.е. лица, которому не очень нужен тот товар, который ему предлагают; он сказал по Вашему адресу много хвалебных слов; признал, что нет никаких политических препятствий для того, чтобы Вас печатать, но сообщил, что русский рынок вообще очень

ослабел, что спрос на русские книги мал, что он с ними постепенно проиграет и потому не очень стремится их издавать. Так, например, он издал первые два тома Деникина¹, заплатил ему хорошие деньги, но от третьего тома отказался; несмотря на исключительно хорошую прессу, которую имел труд Деникина, он не распродается. Поволоцкий объясняет это тем, что, с одной стороны, эмиграция обеднела, а с другой, доступ этих книг в Россию еще очень затруднен; затруднен, между прочим, и потому, что туда еще не пускают книг с правильной орфографией. По мнению Поволоцкого, все эти затруднения с русским издательством временны, что на все эти книги спрос будет, но это дело будущего, а не настоящего; приходится поэтому печатать впрок, для чего нужно иметь такой запас свободных средств, которого у Поволоцкого нет. Поэтому самое печатание Ваших книг он ставит в полную зависимость от тех условий, которые Вы ему предложите. Об этом он и будет Вам писать.

Повторяю, я не знаю, вполне ли он искренен, но не сомневаюсь, что значительная доля искренности здесь есть. Я и от других издателей слышал то же самое; слышал, наконец, то же и о книге Деникина, которая не расходуется; конечно, этому мешает ее тяжеловесность, но именно это и показывает, насколько трудно найти издателя для объемистых сочинений.

Вы как раз подпали под эту категорию. На записочке, которую Вы мне прислали, указано, что в «19-м году» будет 36 листов; это уже нечто очень серьезное; это не дневник Пуришкевича, который вместе с предисловием занимает не больше 5-ти листов. 36 листов, насколько я помню, гораздо больше «20-го года». Словом, это объемистая книга, довольно дорогая, требующая для издания значительных затрат. Как Поволоцкий мне сказал, на одно печатание ее нужно затратить от 12 до 15 тысяч. Все это в значительной степени охладило его пыл, по крайней мере к этой книге, а она в Вашем списке является главной и основной. «20-й год» приходится только перепечатывать, и, следовательно, здесь самая цена меньше; к слову сказать, у него нашлись еще экземпляры «20-го года», которых мы не могли найти в других магазинах. Ввиду этих обстоятельств я не решился сейчас раскрывать ему своих видов, т.е. требовать для Вас той платы, о которой мы говорили; я предпочел раньше, чем разорвать на этом возможность дальнейших переговоров, отозваться незнанием, неимением инструкций и вызвать его самого на предложение. Я только сказал ему одно, что, по моему мнению, Вы не стремитесь к получению немедленно значительной суммы денег, но что так как Вы живете своим трудом, исключительно литературным, то Вам всего желательней обеспечить себя

некоторой месячной рентой; иными словами, что Вы могли бы пойти на рассрочку того, что он Вам должен. Это предположение ему, видимо, понравилось, он сказал, что это бы его устроило, так как для напечатания он тоже может иметь кредит на некоторое время и, следовательно, не затрачивая сразу большого капитала, может делать нужные затраты уже от выручаемых от продажи денег. Имейте и это в виду, возможно, что он и дал бы Вам хорошую полистную плату, если только можно рассрочить ее платеж; конечно, является вопрос, насколько он кредитоспособен, но уже бесспорно, это издательство кредитоспособнее всех тех, с кем Вы до сих пор имели дело.

Вот Вам некоторое освещение того, как стоит здесь дело; я готов буду продолжать посредничать, но для этого Вы тоже мне скажите, что бы Вы хотели и на чем бы Вы делали скорее уступку, на полистной ли плате или на способах ее уплаты, т.е. на временной рассрочке.

Еще последнее слово: получил письмо от Сидельниковой, где она просит уведомить ее, когда же ей идти справляться о том, разрешена ли ей виза; это меня удивляет. Разве она еще не справлялась; по моим сведениям, разрешение туда уже послано, и она может его получить, когда хочет. Или она справлялась, и ей сказали, что ничего не получено? Но тогда это значит, что французы меня надувают; это все нужно было бы выяснить раньше, чем предпринимать какие-нибудь шаги; если знаете, то уведомите.

ВасМ[аклаков]

Хочу Вам рассказать еще одну вещь. Несколько дней тому назад я получил от Вашего друга Филиппова² письмо или, говоря на французском языке, *une sommation*³; он сообщал мне, что узнал из достоверных источников, будто несколько месяцев тому назад я велел нашему консулу выдать визу для въезда в Америку большевикам Есенину⁴, Айседоре Дункан⁵ и Ветлугину⁶; находит, что этот факт имеет общественное значение, но что он не хочет писать о нем, не зная, что все его сведения точны, а потому предлагает мне сообщить ему, в каких обстоятельствах все это произошло. Тон письма Филиппова мне вовсе не понравился, а его собственная личность, как Вы знаете, еще того меньше. Я допускаю, что он мог попросить у меня свиданья или сообщить мне, какие у него есть сведения, и спросить у меня, верны ли они, но требовать у меня изложения ему всех обстоятельств дела только потому, что до него дошла какая-то сплетня, я за ним права не признаю; да и вообще не признаю за ним права требовать у меня объяснений; если бы «Русская Газета» желала что-нибудь написать на эту тему и при этом не соврать, от нее мог бы говорить

кто-либо более приличный, чем Филиппов, не в обиду будь Вам сказано, потому я ничего ему не ответил и предоставил ему писать в своей газете все, что ему заблагорассудится. Но Вам, к слову, скажу, что во всей этой истории, сообщенной им каким-то достоверным источником, верно только одно, что я предложил консулу выдать Айседоре Дункан паспорт как жене Есенина, хотя венчалась она с ним, по-видимому, по-большевистски. Она мне довольно резонно объяснила, что в России другого брака нет и что она не могла считать, что, венчаясь там по законам страны, она не будет признаваться его женой. Это вообще очень болезненное место не только нашей практики, но вообще всех аналогичных случаев; нельзя превращать супружество в незаконное сожитительство только потому, что мы здесь не признаем большевистской власти или большевистских законов. Когда-то наша государственная власть не хотела признавать раскольничьих браков и попала этим в очень глупое положение, создав для людей ни в чем не повинных массу неудобств и несправедливостей. Конечно, все это философия, но в данном случае у меня было и твердое формальное основание, чтобы рассматривать Айседору Дункан как жену Есенина. Она приехала сюда в Париж с паспортом, выданным ей французским консулом в Бельгии, как жена Есенина. Раз это так, то я предложил консулу не входить в исследование вопроса, почему французский консул счел доказанным ее брак, признать, что на территории Франции действия французских властей могут, доколе противное не доказано, считаться законными, и поэтому дать ей паспорт как жене Есенина, указав в нем, что брак доказывается паспортом французского консула в Бельгии. Так это было сделано, и с этим паспортом она съездила в Америку. Больше ничего по этому поводу сделано не было, ни самому Есенину, ни тем более Ветлугину никаких виз я выдавать не приказывал, так как русская виза для поездки куда-нибудь и не требуется. Вот и все. Добавлю, впрочем, к этому, что вообще постановку вопроса Филипповым я считаю идиотской. Если бы ко мне обратился Скобелев⁷ с просьбой выдать ему паспорт как русскому гражданину, я бы никогда в этом не отказал и потребовал бы от консула, чтобы он ему этот паспорт выдал. Официальные дипломатические учреждения за границей представляют не партию и никакими политическими и партийными соображениями в своей деятельности руководиться не должны. Для нас нужно знать только одно, принадлежит ли данное лицо к русскому государству, является ли русским гражданином, как прежде говорили — русским подданным. Если так, то на все те акты, которые уполномочен за границей свершать консул, такое лицо имеет право претендовать. Я могу, конечно, если у меня потребуют рекомендации для его поступления куда-либо или сведений об его личности с

точки зрения моральной или политической, сказать все то, что я о нем думаю. Но все те виды помощи, как то составление завещаний и других актов, выдача паспортов и виз, все то, что консул должен делать для русских подданных за границей, я считал себя обязанным делать даже большевикам, раз они ко мне обратятся; я всегда считал возмутительным, что этого рода помощь прежние консула не оказывали нашей эмиграции. Но по этому самому сейчас я не могу подражать этой политике. Сообщаю Вам все это, чтобы Вы знали, как было дело, если с Вами кто-нибудь об этом заговорит.

Машинопись. Подлинник.

ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 5–10.

---

¹ Речь идет о мемуарах А.И. Деникина «Очерки русской смуты».

² Филиппов Александр Иванович (1882–1942) — журналист, литератор. Сотрудник «Киевских откликов» и «Киевской мысли», редактор-издатель журнала «В мире искусства» (Киев, 1908–1914 гг.), издатель киевской «Вечерней газеты» (1914 г.). В 1918 г. соиздатель газеты «Голос Киева». В эмиграции в Константинополе, затем в Берлине, с 1922 г. в Париже. С 1922 г. сотрудник «Руля». В 1923–1925 гг. редактор-издатель (совместно с Е.А. Ефимовским и Г.А. Алексинским и единолично) «Русской газеты» (первоначально — «Русской газеты в Париже»), в 1925–1929 гг. редактор (совместно с Б.А. Сувориным) газеты «Русское время». В 1928–1934 гг. редактор журнала «Театр и жизнь».

³ une sommation (франц.) — (формальное) предупреждение.

⁴ Есенин Сергей Александрович (1895–1925) — русский поэт.

⁵ Дункан Айседора (Isadora Duncan, 1877–1927) — американская танцовщица, считается основоположницей свободного танца. Использовала древнегреческую пластику, хитон вместо балетного костюма, танцевала босиком. В 1921–1924 гг. жила в России, организовала студию в Москве. Жена Сергея Есенина с 1922 г., приняла российское гражданство. В 1924 г. вернулась в США.

⁶ Ветлугин А. (настоящее имя — Владимир Ильич Рындзюн, 1897–1953) — писатель, публицист, журналист. Окончил юридический факультет Московского университета. Печатался с 1917 г., в 1918–1919 гг. сотрудничал в газетах белых на Юге России. В июне 1920 г. эмигрировал в Константинополь, затем переехал в Париж, публиковался в эмигрантской печати. Выпустил книги «Авантюристы гражданской войны» (Париж, 1921) и «Третья Россия» (Париж, 1922). Весной 1922 г. переехал в Берлин, примкнул к сменовеховскому движению, сотрудничал в финансируемой советскими властями газете «Накануне». Издал книгу очерков «Герои и воображаемые портреты», «Последыши», роман «Записки мерзавца: моменты жизни Юрия

Быстрицкого» (Берлин, 1922). Сопровождал Сергея Есенина и Айседору Дункан в Америку в качестве секретаря и переводчика, остался в США

⁷ Скобелев Матвей Иванович (1885–1938) — социал-демократ, меньшевик; депутат 4-й Государственной думы. Во время Февральской революции — один из организаторов Петроградского Совета, был избран товарищем его председателя, затем членом бюро исполкома; в мае–августе 1917 г. — министр труда во Временном правительстве. Выступил против Октябрьской революции; в знак протеста против переговоров с большевиками вышел 1 ноября 1917 г. из ЦК РСДРП (объединенной). Депутат Учредительного собрания. После разгона Учредительного собрания уехал в Закавказье, в 1920 г. — в Париж. Способствовал установлению торговых отношений между СССР и Францией. Уполномоченный Народного комиссариата внешней торговли РСФСР (затем СССР) во Франции в 1921–1925 гг. В 1922 г. вступил в РКП(б). С 1925 г. в Москве на советской работе. В 1938 г. по обвинению в участии в террористической организации по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян.

№ 32

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

13 Ноября 1923

Дорогой Василий Алексеевич.

Только сегодня узнал из письма Мар[ии] Дим[итриевны], что она изволила Вам написать по поводу визы непосредственно. Никакого участия в этом преступном действии не принимал. Но Вы уже ее простите, очень ей не терпится, должно быть, Белградский климат не совсем ее устраивает во всех смыслах. Я написал ей немедленно после получения Вашего письма о том, что «Вашей протеже въезд разрешен», и даже, предчувствуя внеочередное выступление, послал телеграмму. Но по числам вижу, что ее письмо к Вам написано раньше.

Бедный Поволоцкий! Может быть, он, прослышав о наших планах, искал покончить с собой? Надеюсь, что все же Судьба его помиловала, я очень дорожу его здоровьем. Газет не читаю преступно, хотя они есть (русские). У меня такое ощущение, что что-то надо сберечь для чего-то. Мало понятно, но и Дельфы говорили не яснее¹. Впрочем, разве не то же самое Вы говорили Еф[имовскому], когда советовали: «закрыть газету». Но как раз именно Ваша линия судьбы другая: Вам, наоборот, надо сохранять всю границу соприкосновения с миром, ибо ушедшие в лес очутятся, как в лесу, в тот день и час, о котором сказано, что «не весте», когда он придет. Людей, которые будут в курсе международных дел, становится все меньше среди русских, ибо эмиграция дикость, принужденная все свое внимание отводить

борьбе за хлеб насущный. Мы сейчас менее европейцы, хотя живем в Европе, чем тогда, когда жили в России. Что же касается потусторонних, то и там запас дипломатической материи крайне невелик и, кроме того, скомпрометирован.

Поэтому помимо Ваших личных качеств (не хочу попасть в сословие «льстецов», почему не договариваю), Вы объективная ценность, ибо редкость. Как Макл[аков] Вы — уникал, но таких как Вы, т.е. людей, щупавших своими руками Европу, не наберется и десяти. Это я говорю, чтобы Вы не брали с меня пример, чего, впрочем, нечего опасаться, ибо тайная сила, управляющая нами, которая держит разум при себе только в роли [одно слово неразборчиво], удержит Вас среди людей, так как если Вы можете на время стать «пустынником», то никогда не сделаетесь «медведем», я же — наоборот, чувствую себя троглодитом среди себе подобных и становлюсь человеком «в пустыне». Простите за «немножечко-столечко» философии.

Ваш В.В.

Марии Алексеевне — ручки.

Автограф. Подлинник.

---

¹ Имеется в виду оракул при храме Аполлона в Дельфах — одном из древнейших религиозных центров Древней Греции. С вопросами к Дельфийскому оракулу обращались как отдельные люди, так и представители государств. Жрица-прорицательница — Пифия в состоянии экстаза изрекала ответы вопрошавшим, которые облекались кем-либо из жрецов в стихотворную форму и имели значение пророчеств, данных Аполлоном.

№ 33

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

15 Ноября 1923

Clos de Palas, Cannel du Lue Var

Дорогой Василий Алексеевич.

Во избежание путаницы докладываю Вам по делу известной Вам Мар[ии] Дим[итриевны] нижеследующее:

1. Мою телеграмму «visa accorde»¹, которую я ей 7 Ноября послал, получив от Вас письмо со словами «вашей протекже въезд разрешен», она приняла за Вашу телеграмму и совершенно успокоилась.

2. Но стал беспокоиться я, ибо Вишневский² пишет мне:

«11 Ноября нас вызывали в полицию по вопросу о приезде Мар. Дм. Мы сообщили необходимые сведения, вполне удовлетворившие комиссара, но узнали, к большому огорчению, что виза будет дана только через 1 ½ – 2 месяца».

Как Вы помните, Вишневская — тетка Мар[ии] Дим[итриевны], и предложила ей жить у нее и легкую работу, возможную при туберкулезе, по причине которого она, Мар. Дим., и стремится в Ниццу. Очевидно, эти сведения и проверял г[осподин] комиссар.

Сообщаю Вам все сие на предмет Вашего благоусмотрения, дабы стройность действия не была ни в чем нарушена.

Тутаву В.В.

Автограф. Подлинник.

---

¹ visa accorde (франц.) — визу дали.

² Вишневский Александр Андреевич — знакомый Шульгина.

№ 34

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

28 Ноября 1923

Дорогой Василий Алексеевич.

Не писал Вам, потому что совершил «вылет» в Ниццу. Теперь, возвратясь в свой Clos, спешу возобновить контакт.

О Мар. Дим., которая иначе называется Mardi, никаких известий не имею, что толкую в сторону скорого приезда. Очень благодарю Вас за Ваше письмо к ней и вообще. Думаю, что визу она получила и хлопчет итальянскую. Так как погода в последнее время здесь такая, что пора спросить Ковчег, то я думаю, что запоздание только на пользу.

От Поволоцкого получил письмо, в котором он просит меня «не принимать никаких решений относительно издания Вашей книги до моего возвращения (из Берлина) — приблизительно до 15 Декабря», что, конечно, мне нетрудно будет исполнить. Только не знаю, удастся ли ему что-нибудь сделать в Берлине, там ведь кавардак. Впрочем, человек, только что выскочивший из-под автомобиля, вероятно, не даст себя раздавить «событиям».

Теперь насчет Филиппова. У него скверная репутация — это правда, но мне кажется, что она гораздо хуже действительности. Во всяком случае, несомненно одно: свою выдающуюся энергию он ищет и теперь и раньше отдать в распоряжение честных людей. И то, что он

жмется к этому берегу, показывает, что у него «тоска по порядочности», и это основа его существа, хотя бы он и мог быть неразборчивым в средствах на пути к цели. Такие люди есть — они ищут руководство. Если ими не руководить, они часто сбиваются с толку. А мы, и Вы, и я, не хотим руководить. Почему? Начну с себя. Я вполне сознаю, что это в некотором роде наша обязанность и, даже без «некоторого рода» — просто обязанность. Но я временно не могу. Во-первых, мне очень трудно справляться с «Псковом»¹, который прикрыл меня, как шапкой, а потому мое присутствие часто приносит больше вреда, чем пользы, а во-вторых, я ужасно устал, нет сил моральных — «съездился». У Вас же, как мне показалось, другая постановка. Вы как-то принципиально считаете, что не должны руководить или, вернее, можете не руководить, хотя Вам сие отпущено Богом. Это мне не очень ясно. Если Вы скажете «я тоже не могу» по каким бы то ни было причинам — это я пойму, а «не должен» — не очень понимаю. Конечно, говорю о Филип[ове] и Ефим[овском] только как о поводе, а сами рассуждения в отношении «руководства» надо понимать вообще.

Вы легко могли бы держать в руках русский Париж. Раньше Вы этого тоже не делали и предоставили Милокову кадетщину в России. Почему? По тысяче и одной причине. Но история была бы несколько иная, если бы депутат от Москвы, а не от Петрограда взял бразды правления. Ведь, собственно, у Вас украли «Блок»². Руководить им должны были Вы, ибо Вы предвидели его необходимость и подготовили почву раньше. Может быть, вообще он был [бы] иной под Вашим руководством. Но теперь? Опять нет, если у Вас есть свое «не могу»... Но если нет, то докладываю Вам: если Вы захотите, Вы легче всех других можете подобрать вожжи русского Парижа, а этот выезд может пригодиться со временем если не для Вас, то для «нас», чтоб не сказать — Отечества. Не хотите? Бог с Вами.

Что касается истории с визой Дункан, то ей ее следовало дать, сделав вид, что она работает в стане врагов, на Белые Мысли. Да и, действительно, я думаю, это так, ибо вся эстетика и весь спорт органически враждебны идее равенства, так как имеют единую цель: осуществить Высшее Неравенство, выделив из «большинства» безобразных и слабых красивых и сильных. Но «по существу» с Вами не согласен. Думаю, что старые дипломаты были правы, когда отказывали эмиграции в помощи. Эти люди были не «политическая партия», которая противопоставляется идее «Государства», а были люди, отрицавшие Россию и стремившиеся ее уничтожить. Этого они добились, и нет никакого основания теперь, когда они из эмигрантов сделались «тюремщиками России», чтобы «осколки России» (т. е. дипломатический корпус), оставшиеся на свободе, им в чем бы то ни было по-

могали. На всякое обращение Скобелева к Российскому Послу как к таковому последний может ответить только одно слово: «нет!!!» И это ничуть не противоречит тем разговорам, которые мы с Вами имели. Melange будет, но только без преклонения знамен. Вы (дипломаты) знаменосцы, ибо всюду у вас двухглавые орлы. Эти же последние, а значит, и Вы, доколе Вы их носите, склониться перед Звездой не могут. Пусть Скобелев снимет звезду и тогда придет к Вам, как пришла Дункан, в моем представлении, тогда дело другое. А пока — non possumus³.

Расписался! И ужасным почерком! Но что делать — Steno dactilo wo bist du?

Всего хорошего. Обнимаю Вас. Ваш BBBBBBBB [так!]

P.S. Получил только что письмо от Мар. Дим. Увы, визы еще нет. Впрочем, дождь идет, как... Коковцев⁴.

P.S. Только что получил телеграмму от Мар[ии] Дим[итриевны]: все хорошо, выезжает. Еще раз — спасибо Вам, Василий Алексеевич.

Автограф. Подлинник.

---

¹ По-видимому, Шульгин имеет в виду свою — вместе с А.И. Гучковым — поездку в Псков 2 марта 1917 г. за отречением императора Николая II.

² Имеется в виду Прогрессивный блок, неформальным лидером которого был П.Н. Милюков («депутат от Петрограда»). Маклаков неизменно избирался в Государственную думу от Москвы.

³ non possumus (лат., букв. «мы не можем»), место из латинского текста «Деяний апостольских» (4, 20), применяемое папами при отказе требованиям светской власти.

⁴ Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943), граф (1914 г.) — государственный деятель и финансист. На государственной службе с 1873 г.; сенатор (1900 г.), статс-секретарь (1905 г.), член Государственного совета (1905 г.); в 1896–1902 гг. — товарищ министра финансов; в 1904–1905 гг. и 1906–1914 гг. — министр финансов; в сентябре 1911 г. — январе 1914 г. — председатель Совета министров; с января 1916 г. — председатель 2-го департамента Государственного совета. В 1917 г. член Совета Русского для внешней торговли банка. В ноябре 1917 г. уехал в Кисловодск; в мае 1918 г. вернулся в Петроград; в июне 1918 г. был арестован ЧК, причем его допрашивал председатель Петроградской ЧК М.С. Урицкий, в июле 1918 г. освобожден; в начале ноября нелегально перешел границу с Финляндией и стал эмигрантом. Через Швецию и Англию добрался до Франции, где стал председателем правления International Bank of Commerce (бывшее отделение Петроградского международного коммерческого банка [Париж]).

Париж, 7-го Декабря 1923 г.

Российское Посольство
в Париже

Дорогой Василий Витальевич,

Во-первых, Вы обвиняетесь в том, что, не помню какого числа, уезжая из Парижа, тайно похитили ключ, который был Вам дан, чтобы входить в посольство и впускать приятных для Вас женщин. Между тем в настоящее время без этого ключа становится трудно. Вашу комнату занимает сейчас Долгорукий¹; иногда сюда приходит ночевать Гудович²; чтобы они могли выйти порознь, приходится вовсе не закрывать дверь, даже не ту, через которую Вы входили, а другую, находящуюся на задворках и через которую каждый может проникнуть в нашу квартиру. Если когда-нибудь посольство будет ограблено и живущие в нем убиты, то моральная ответственность ляжет на Вас и Вашу неаккуратность. Поправить это возможно только тем, чтобы немедленно прислать сюда ключ, хотя бы это стоило Вам больших хлопот и неприятностей. Преступление же Ваше предусмотрено соответствующими статьями старого и нового уложения.

Во-вторых, Вы с Вашей «Марди» невольно испортили мне много крови; с ней был связан целый ряд каких-то глупых недоразумений. То мы здесь перестарались, делая ссылку на Вишневскую; прошло много времени, прежде чем это обнаружилось. Я лично говорил с самым главным из чинов министерства, он обещал мне все сделать, и я получил письменное извещение, что все сделано. Тогда я писал и Вам, и ей, когда вдруг получил от нее телеграмму, что визы все-таки нет; это меня уже обозлило, и я написал в министерство довольно сердитую бумагу; оказалось, что вся беда была в том, что разрешение они послали не почтой, а дипломатической вализой, которая ходит раз в две недели, и потому произошла большая задержка во времени. А в довершение всего самая телеграмма Вашей «Марди» совпала со временем повреждения кабелей. Из Италии она шла сюда почтой, на итальянском бланке, что заставило меня подымать целый скандал в управлении почт и телеграмм; теперь, кажется, все объяснилось, но редкая виза проходила так негладко. В-третьих, Поволоцкий вернулся. Не знаю, советовать ли Вам самому ему написать; могу только сказать, что с Пуришкевичем он показал себя джентльменом и заплатил две тысячи франков его наследникам за печатанье дневника, хотя по закону мог заплатить им шиш. В-четвертых, к моему великому при-

скорбию, я не согласен с Вами во взгляде на филипповское дело. Во-первых, если Вы этого не знаете, сообщу Вам, что инцидент лично с ним закончен благополучно и даже ко взаимному удовольствию. Ко мне как-то пришел Ефимовский, и я сказал ему про мое отношение к письму Филиппова и ко всему инциденту приблизительно то же, что написал Вам. Ефимовский об этом немедленно насплетничал Филиппову, и я получил от него второе письмо, где он просил меня о личном свидании. Таковое я ему сообразовал дать, написав весьма сухо, на милостивого государя, что готов его принять в такой-то час. Он явился; я имел вид очень величественный и даже по этому случаю надел щиблеты вместо туфель. Филиппов из почтения был в жакете. Но все-таки подобное величие не идет к типу моей красоты, и если я не начинаю на человека кричать, как на непослушную собаку, *то принимаюсь* с ним разговаривать дружелюбно; это тем более, что Филиппов стал говорить совершенно приличным тоном. В результате, как это ни странно, он во всем со мной согласился, даже в том, что мне надлежало бы выдать паспорт Скобелеву. Таким образом, я усматриваю, что мне легче убедить человека на словах, чем на письме, даже если мой собеседник обладает Вашим острым умом. Не берусь Вас убеждать вторично, но скажу Вам один аргумент: я понимаю, что во имя борьбы против своих врагов возможно не только отступить от закона, но совершить и другие неправильности, если соблюдение закона могло бы оказаться вредным для интересов России вообще, если вступить в область не принципов и символов, а практических последствий злых или добрых. Так, например, если бы, выдавая Скобелеву паспорт, я помог бы ему навредить России, то в этом я ему, конечно, отказал бы, а если бы даже и не счел возможным отказать по формальным причинам, то нашел бы какие-либо юридические закорючки. Но в данном случае этого не было ни с Дункан, ни с Есениным, ни даже с предполагаемым обращением ко мне Скобелева. Я не могу ему ни помочь, ни помешать; если не дам ему паспорта я, он получит иной паспорт; и весь вопрос только в одном, в принципе. Имею ли я право принципиально, я бы сказал, символически, отказать в выдаче паспорта проживающему на территории Франции русскому человеку только потому, что у него большевистские убеждения. Я считаю, что именно с точки зрения принципа этого делать нельзя.

Вы оправдываете это тем, что так поступала в старину российская дипломатия со своими политическими противниками. Это сравнение сюда не подходит; прежняя дипломатия представляла русскую государственную власть, которая имела возможность отсекал от России, от защиты русского государства и русских властей всех тех, кого она не хотела признавать своими. Это было правом русского правитель-

ства, и это право могло по передоверию переходить и на русскую дипломатию. Сейчас у нас нет такого русского правительства, у нас есть только символ России. В России сидит правительство, которое мы не признаем; мы не хотим признать, что та Россия является подданной теперешнего русского правительства. Но что же будет, если я здесь скажу, что я не окажу помощи тем людям, которые остались с этой Россией, не превратились в эмиграцию? Это будет значить только то, что я признаю, что у них есть другое правительство, которого я не представляю, что в России какое-то правительство все-таки существует, ибо это не я. Если мы станем на точку зрения, на которой мы стоим, что большевики узурпаторы, то мы признаем тем самым, что временно Россия осталась без законной власти, что осталось это понятие России и русского государства, не зависящее от власти, и все те, которые признают себя гражданами этого государства, могут обращаться ко мне, ибо я сейчас представляю Россию неопределенного правительства, которого нет, не Временного Правительства, которое низвергнуто, а Россию вообще, Россию как таковую. Я изображаю дело так, как будто никакого правительства в России нет и ни к кому, кроме меня, желая говорить с Россией, обратиться нельзя. Старый посол Бахметьев, предшественник теперешнего Бахметьева³, ушедший в отставку после революции, который считал признаком хорошего тона написать несколько месяцев тому назад письмо в нашу канцелярию, которая из любезности переслала ему пришедшее на его имя письмо, именовал эту канцелярию «незаконным представительством русского революционного комитета». Наше Временное Правительство для него, быть может, совершенно последовательно казалось только революционным комитетом. Тем не менее, если Бахметьев ко мне обратится, то, конечно, я дам ему и визу, и помощь, ибо как бы глупо он меня ни называл в сношениях с другими, его обращение ко мне покажет, что он в моем лице ищет помощь от имени России. И я, покуда сижу здесь, окажу помощь всякому, кто обратится ко мне, как представителю России. Пусть это будет не всегда искренно и как было бы и с Бахметьевым, как было бы и со Скобелевым; одно их обращение ко мне есть уже торжество того принципа, который я представляю, а мой отказ в этой помощи знаменовал бы, что я признал другое русское правительство, к которому их и направил. Я бы мог отказать в визе или в паспорте только в одном случае: если бы я мог на каком-нибудь основании утверждать, что они более не русские. Для некоторых людей, быть может, это и было бы возможно; быть может, самого бы Скобелева, который явился когда-то представителем Грузии, я мог бы разжаловать в грузина, хотя, с нашей точки зрения, Грузия есть тоже Россия. Но это был вопрос факта и ухищрения, быть

может, для некоторых лиц не только возможного, но даже и обязательного. Но ведь это может быть только для очень определенного числа лиц, которые, наверно, ко мне не обратятся, как не обратится и Скобелев. Но скажите мне, на каком законном основании я мог бы отказать считать русскими Есенина, Ветлугина и даже Ключникова. Неужели только потому, что они когда-то жили в России, что даже когда-то воспевали большевистскую власть и с нею не боролись. Ведь на этом основании нам пришлось бы отлучить от России такую массу людей, что нам всякий скажет, что нам проще начать с другого конца и отлучить самих себя от России. Вот почему в этом вопросе я, конечно, не пошел бы по Вашей дороге, восхваляя достоинства Дункан, а стал бы говорить просто, что так как Есенин есть русский подданный и единственный представитель России есть я, то моя обязанность, не взирая ни на какие политические разномыслия, эту помощь Есенину оказать.

Здесь есть и другой принцип; если мы хотим оспаривать большевизм, то ведь это сводится к утверждению, что факт захвата власти не может нарушить права, а что право представляем мы. Это довольно красивая позиция, но она обязывает. И обязывает прежде всего к тому, чтобы мы и уважали, и соблюдали право, даже тогда, когда оно нам не нравится. Соболаговолите изучить консульский устав, и я признаю себя виноватым, если Вы найдете мне хотя бы одну статью, которая бы уполномочивала консулов отказывать в защите эмигрантам, как делали прежде, и большевизантам, как хотите Вы делать теперь. Таких статей нет. Прежде это делалось просто в силу злоупотребления власти, которая была достаточно сильна, чтобы считать себя выше закона, именно я и именно потому против этого злоупотребления и боролся, по крайней мере словесно. Но по этой причине я и не могу менять шкуру, и не могу только потому, что в моих руках есть теперь достаточно силы, чтобы усесться на закон и говорить, как прежде говорили наши властители, «я вам дело говорю, а Вы мне законы тычете», чтобы именно потому, что в моих руках и эта сила, я принципиально не отказываюсь от того, чтобы считать закон выше этой силы. Если бы я это сделал, то я подрубил бы единственный сук, на котором я не сижу, это слишком сильно, а хотя бы вишу. Очевидно, я Вас не убедил, но и Вы меня тоже.

Теперь последнее слово. Я его предполагал на закуску, но останавливаться на нем у меня уже нет времени. Вы посвятили в Вашем письме целую тираду моей персоне; и знаете ли какое совпадение; нечто подобное, в выражениях еще более лестных и велеречивых мне написал и про меня... знаете, с кем Вы можете поцеловаться... Кизеветтер⁴. Я буду отвечать ему и, пожалуй, даже подробнее, чем Вам. Вас же я

просто приглашаю быть отчасти свидетелем, а отчасти разумным человеком. Чего Вам, собственно говоря, от меня нужно? Если Вы хотите знать причину, почему я не руководил в свое время Прогрессивным Блоком, а сейчас не берусь руководить русскими, то зачем Вам эта причина? Собираетесь ли Вы писать мне некролог и ищите для этого материалов? Но в этом я помогать Вам не буду, так как недостаточно альтруист; что мне за охота участвовать в работе, которую я не прочту. Разве недостаточно Вам, который меня достаточно знает, того несомненного факта, что та роль, которую Вы мне предлагаете, не по мне, ибо никогда я ее на себя не брал. Ведь этот факт настолько несомненен, что если бы я сейчас стал претендовать на эту роль, от которой столько раз не только добровольно отказывался, но которую от себя и руками и ногами отпихивал, что если бы я сейчас вздумал это делать, то было бы ясно, что я взялся не за свое дело. Мне нет особенной охоты, а пожалуй, и времени сейчас заниматься самоанализом и конфиденцией; но скажу Вам, что причина, конечно, не в том, чтобы я устал; ведь даже тогда, когда об усталости не могло быть речи... я никогда не стремился быть лидером. Может быть, потому, что я слишком ясно понимаю всю справедливость французской поговорки *je suis leur chef, donc je les suis*⁵, а я в этом отношении всегда был свободолобив. Может быть, есть и другое; для того, чтобы быть шефом, нужно подлаживаться и лгать, быть заведомо не справедливым, — это противоречит всей моей сущности. Ни мое личное положение, ни мои личные свойства не сделали из меня человека, который считает себя умнее и сильнее других и потому признает за собой право повелевать и управлять другими; а быть шефом в настоящем демократическом смысле, т.е. не повелевать, а подлаживаться, мне всегда было противно. *Roi ne puis, marquis ne daigne*⁶. Не говорю уже о том, и это более общее возражение, что объединение эмиграции не под силу абсолютно никому; что, формируя один лагерь, Вы, может быть, спланиваете другой. Если бы я не был на том месте, где я сижу, то, может быть, не претендуя быть шефом, я явно стал бы в ряды одного лагеря. Сейчас я и этого не сделаю; я остаюсь в одиночестве, при некоторых правовых и идейных принципах, теперь уже очень старомодных и лишенных всякой активной силы; во имя этих самых принципов я разошелся с Вами и во взгляде на свой долг по предыдущему пункту; при них я остаюсь и теперь, — при большевиках, и останусь при них, вероятно, и тогда, когда Вы войдете в Москву с каким-нибудь возглавителем. Для людей моего понимания время не пришло; я рискую остаться в дураках, это правда, но и предпочитаю в них остаться, чем почувствовать себя рядом с теми, с кем я могу идти вместе, только надувая себя или их.

Вот видите, что и я расписался; но жалко, что в парижской суете мы этого вопроса с Вами не подняли.

Машинопись. Подлинник.

ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 11–19.

---

¹ Долгоруков Павел Дмитриевич (1866–1927) — князь, один из богатейших людей России. Был среди основателей «Союза освобождения» (1904 г.) и партии кадетов (1905 г.), член ее ЦК, председатель ЦК в 1905–1909 гг.; сложил с себя обязанности председателя ЦК в связи с невозможностью постоянно бывать в Петербурге. Депутат 2-й Государственной думы. В 1917 г. был избран в Учредительное собрание, однако арестован большевиками в день его предполагаемого открытия; освобожден через 3 месяца. Товарищ председателя Национального центра; всецело поддержал борьбу Добровольческой армии. Уехал осенью 1918 г. на Юг; работал в Отделе пропаганды у А.И. Деникина, затем занимался пропагандистско-агитационной работой в Крыму при П.Н. Врангеле. В ноябре 1920 г. эвакуировался из Крыма в Константинополь. Вошел в Русский совет при Врангеле; член Русского национального комитета. С 1922 г. — в Белграде, в 1923 г. переехал в Париж.

² Возможно, Василий Васильевич Гудович (1866–1945) — граф, шталмейстер, действительный статский советник, промышленник, бывший петербургский губернский предводитель дворянства. В эмиграции во Франции.

³ Бахметьев (Бахметев) Георгий (Юрий) Петрович (1847–1928) — карьерный дипломат, гофмейстер Высочайшего Двора. Окончил Оксфордский университет. Занимал должности секретаря посольства в Париже, Пекине, Афинах. Работал дипломатическим агентом в Софии, откуда переведен посланником в Токио. В 1911 г. назначен послом в Вашингтон. Подал в отставку после отречения императора Николая II. В 1920 г. переехал с женой в Париж. Занимался благотворительностью. Скончался на 81-м году жизни в Париже. «Теперешний Бахметьев», сменивший Г.П. Бахметева на посту российского посла в Вашингтоне, его почти полный однофамилец (за исключением мягкого знака) — Борис Александрович Бахметев (1880–1951).

⁴ Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) — историк, публицист, общественный деятель, профессор Московского университета, любимый ученик В.О. Ключевского. С 1904 г. член «Союза освобождения», один из основателей и видных деятелей конституционно-демократической партии, член ее ЦК. Депутат 2-й Государственной думы. Совместно с Маклаковым написал руководство для кадетских ораторов, получившее известность как «Кизеветтеровский катехизис». Сотрудничал в газете «Русские ведомости», журнале «Русская мысль» и других изданиях либерального направления. Резко критически отнесся к захвату власти большевиками и установленному ими режиму. Арестовывался ВЧК пять раз. В 1922 г. выслан из Советской России. В эмиграции жил в Праге. Входил в состав Русской академической группы, был профессором русской истории в Русском народном университе-

те, в Карловом университете. Возглавлял Совет Русского заграничного исторического архива. Один из учредителей, а с 1930 г. председатель Русского исторического общества. Автор многочисленных публикаций в эмигрантской печати, мемуаров «На рубеже двух столетий» (Прага, 1929). Маклаков, по-видимому, имеет в виду следующий фрагмент из письма к нему Кизеветтера от 1 декабря 1923 г.:

«Если бы блестящий русский оратор, юрист и писатель В.А. Маклаков вместо того, чтобы предаваться ощущению своей ненужности, сделал все возможное, чтобы развернуть эти свои таланты на французской почве, это было бы важное патриотическое русское дело. Ведь выступали же русские адвокаты во французск[их] судах: Урусов, мой дядя — А. Турчанинов. Достижение того, чтобы стали говорить во французских судебных кругах о том, что есть блестящий русский адвокат. Это будет не только Ваш личный успех, а успех русского дела для грядущей России. Я, конечно, не стою именно за этот пример. Может быть, Вы его и разобьете, так как эта область известна Вам бесконечно лучше моего. Но Вы понимаете, что я хочу этим примером сказать. Русские зарубежники — каждый в своей сфере (и тут все сферы одинаково ценны) должны стремиться к тому, чтобы развить тут, в Европе, положительную деятельность. Для отдельных лиц доступный им круг деятельности может оказаться и очень ограниченным. Нужды нет; но важно, чтобы эмиграция склонилась к этому пути; важно, чтобы была усвоена та мысль, что такого рода деятельность нужна и ценна с точки зрения интересов русского дела. И если даже всего несколько человек достигнут на этом пути заметных успехов, и это будет уже важно; когда пробьет час возвращения на родину и мы уйдем к себе, домой, — пусть здесь останется след талантов русского человека. Для будущего процесса восстановления России этот духовный “капитал” принесет свои проценты. Мне думается, что именно Вы, при Вашем знании языков и Ваших талантах, могли бы в разнообразных направлениях развернуть работу, которая сделала бы из Вас заметную величину на европейском горизонте. Ведь Вы — блестящий человек (говорю это напрямик, как подобает в серьезной и искренней беседе), и именно ради грядущей России Вы и должны блеснуть, не заволакивая своего блеска унылым сплином, — блеснуть не в эмигрантской кружковщине, а на европейском горизонте. У Вас есть для этого все данные: великолепный талант ораторский, литературный и обширные сведения о различных сторонах русской жизни. Напишите книгу о России, которая бы обратила на себя внимание европейск[ого] читающего общества. Ведь Вы вполне можете это сделать. Отчего Вы не засядете за эту работу? Ведь она для данного момента несравненно нужнее, нежели все то, что Вы могли бы делать, находясь теперь в пределах России». — «Большевизм есть несчастье, но несчастье заслуженное»: Переписка В.А. Маклакова и А.А. Кизеветтера. Публ. О. Будницкого и Т. Эммонса // Источник. 1996. № 2. С. 10.

⁵ je suis leur chef, donc je les suis (франц.) — я их вождь, поэтому я следую за ними.

⁶ Roi ne puis, marquis ne daigne (франц.) — король не может, маркиз не смеет.

14 Декабря 1923

Дорогой Василий Алексеевич.

Начну с того, что меня более всего интересует: Вашими объяснениями о «шефстве» вполне удовлетворен, т.е. Вас понял. Кто не властолюбец и не честолюбец, не должен «дерзать», ибо только эти ощущения могут вознаградить человека за все пакости «шефства». Или другими словами: в ком нет роковой обреченности идти на Голгофу власти, не должен идти. Это будут похотливые движения человека «не могущего». Раз Вы ясно чувствуете, что «я не создан для блаженства», Вы правильно делаете, что не вводите в соблазн ни себя, ни малых сих. Почему же я искашал Вас, сейчас объясню.

Я лично не годен к «шефству» абсолютно. Но моя «роковая обреченность» в том, что я остро чувствую необходимость породы шефов, породы властителей. Знаю, что без них нельзя ничего сделать. Кто-то должен вести. Поэтому я сначала бессознательно, а потом сознательно «приставил» в качестве какого-нибудь помощника ко всем, кто, мне казалось, носил на своем лбу печать «шефства», роковые слова [одно слово нрзб.]. Так, последовательно я был «подручным» Столыпина¹ (Великая Россия!), Милюкова (все для войны!), на короткое время даже Керенского (революция и Родина!), затем Алексеева², Деникина и Врангеля, а в ближайшем будущем, может быть, как Вы выражаетесь, «Возглавителя». Вокруг этих центров я старался массировать *élite*³, поскольку это было мне доступно. Но что такое *élite*? Это, с одной стороны, «светлые разумом Ньютоны», а с другой, некие «собиратели», на которых висят человеческие грозди. Вы всегда были в разряде первых. Почему меня взял соблазн перевести Вас и в категорию вторых, т.е. заделать Вас «шефом»? Потому-то я подметил, что Вы очень легко подчиняете своему обаянию людей, и в особенности женщин (!)... Ну, вот и искусился, предложил Вам навесить на себя «гроздей». Но Вы правы: гроздь *человеческая* вещь несносная, хотя бы потому, что в противоположность виноградной она Вас съест, а не Вы ее. Посему отступаю, посрамленный, утешаясь хохлацкой поговоркой: «як мое не в лад — так я з моим — назад!»...

Что касается «Скобелевского» инцидента, то, мне кажется, мы ближе, чем выходит с первого взгляда. Но тут, как и всегда, важна терминология. Если к Вам придет Скобелев *à la Dounkan* или вообще придет, то он уже не «Скобелев». В этом я с Вами согласен. «Попро-

сившего» Скобелева можно «разыграть», как пришедшего в Каноссу. Если бы это случилось, такое «заклеймете» нужно бы сделать не лично, конечно, а через других. Но ведь я говорю не о том Скобелеве, «попросившем». Я говорю о Скобелеве, который написал бы бумагу в стиле старика Бахметева: «облыжно называющему себя Российским послом Маклакову предлагаю проставить мне “штемпель”» — что бы Вы сделали? Я выгнал бы Скобелева, как и старика Бахметева, при всем моем глубоком уважении к неизреченной глупости последнего. Я выгнал бы Скобелева не только потому, что он не считает Вас послом, а главным образом потому, что он не считает себя Российским подданным или гражданином, ибо большевики уничтожили Россию как таковую, не только по существу, но и по форме, ибо, как Вы знаете, то, за что мы корили [одно слово нрзб.], ими выполнено: «и самое Имя России отменено». Если так, то что такое «Скобелев», как я его понимаю? Это агент интернациональной организации, держащей в плену территорию и население России. В ту минуту, как он откажется от службы этой организации, он может снова стать «русским», т.е. его связанность с его Родиной, временно прерванная, может восстановиться, и тогда он может войти в Вашу сферу или, выражаясь высокопарно, — под крылья Двуглавого Орла. Пока же он ей служит (не только за страх, но и за совесть) он не есть объект прав Российского Посла, ибо он с Россией не имеет ничего общего — он может приравняться по своим правам только к лицу, умершему «гражданской смертью»: он лишен всех прав как человек, приговоренный к вечной каторге или же переменявший подданство. Впрочем, довольно об этом, перейду к «ключу».

Признаю себя виновным, прошу снисхождения, хотя и не заслуживаю. В бытность в Ницце передал ключ Вишневному, чтоб он вручил его Неклюдову⁴, ибо Неклюдов должен был ехать в Париж. Вслед за этим написал Вишневному, чтобы в случае задержки Неклюдов немедленно выслал ключ почтой. Скверно, что и говорить, каюсь и казнюсь жестоко...

Перехожу к Mardi. Она, наконец, водворена в Clos de Potas и совместно со мной шлет Вам великую благодарность за столько хлопот и глубокое сожаление, что так вышло много рытвин и ухабов в этом деле под заглавием: «Мардийская Виза». Но в конце концов *finis coronat opus*⁵, и Ваше доброе дело по «воссоединению» нашему где-то зачтется.

Зачтется и Поволоцкий, хотя тут, кажется, придется применить: *ut desint vires*...⁶ Я получил от него письмо и, конечно, отвечу. Но... Но дело в том, что неожиданно Струве, который сначала был склонен из-

бавиться от «1919 года», теперь снова возобновил свои права. Поэтому надо сидеть тихо. Всего хорошего.

Обнимаю Вас.

Ваш В.В.

Р.С. Попросите Марью Алексеевну, чтобы не сердилась насчет ключа: ведь это она мне его дала. А я... «чем достоин ты? Но Дух его простил...».

Автограф. Подлинник.

---

¹ Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) — министр внутренних дел (с апреля 1906 г.) в правительстве И.Л. Горемыкина, председатель Совета министров (июнь 1906 г. — сентябрь 1911 г.) с сохранением за собой портфеля министра внутренних дел.

² Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант с 1916 г. В марте–мае 1917 г. Верховный главнокомандующий, затем военный советник Временного правительства. Один из организаторов и руководителей Белого движения.

³ élite (франц.) — элита.

⁴ Неклюдов Анатолий Васильевич (1856–1943) — карьерный дипломат; камергер, действительный статский советник. Советник Российского посольства в Париже. Чрезвычайный посланник, полномочный министр России в Швеции (1914–1917 гг.). Масон.

⁵ finis coronat opus (лат.) — конец — делу венец.

⁶ ut desint vires... (лат.) — фрагмент «Посланий» Овидия, ставший поговоркой. Полностью: Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas — «Пусть недостает сил, следует все-таки похвалить за добрую волю».

№ 37

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

15 Декабря 1923

Дорогой Василий Алексеевич.

На днях написал Вам длинное письмо, в котором забыл, однако, попросить Вас об одной вещи. У Вас лежит моя рукопись «На Босфоре». Если Вам нетрудно, вышлите мне ее сюда — она мне очень нужна. Вот и все. Таким образом, это письмо искупает длинноты остальных.

Поволоцкому написал. Всего хорошего.

Ваш В.В.

Автограф. Подлинник.

№ 38

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 17-го Декабря 1923 г.

Российское Посольство
в Париже

Дорогой Василий Виталиевич,

Пишу Вам только по одному пункту — именно о ключе и прошу Вас отнестись к этому серьезно, а не только одной шуткой. Я очень жалею, что вместо того, чтобы его отослать, Вы передавали его в третьи руки, чтобы через посредство кого-то его нам доставили. Ведь это верный способ его потерять. Между тем положение создается такое, что оставаться дольше без ключа невозможно. Либо нужно заказать новый замок, либо получить Ваш ключ; этот замок стоит настолько дорого, что не хотелось бы этого делать, пока есть надежда, что Вы ключ вернете. Но для этого нужно, чтобы Вы, говоря высоким слогом, отнеслись к этому вопросу серьезно. Немедленно отберите ключ у Вишневого и присылайте его сюда; ведь Ваша отговорка, будто его нельзя вложить в письмо, конечно, только шутка. Если же Вишневский оказался еще менее аккуратным, чем были Вы, и этот ключ затерял, то пришлите немедленно телеграмму, что ключ потерян. Придется тогда переменить замок; но только не тяните этого дела так, как Вы тянули; Вы не представляете себе, какие затруднения создаются для нас буквально каждый вечер. Если бы Вы это представляли, ключ был бы давно у нас. Напрягите же Ваше воображение и ответьте мне, не медля ни минуты.

Чтобы мое письмо имело характер сердитого ультиматума, я не пишу Вам ни о чем другом, *хотя есть о чем*.

ВМ[аклаков]

Машинопись. Подлинник.

ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 20–20 об.

№ 39

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

24 Декабря 1923

Дорогой Василий Алексеевич.

Так как я надеюсь, что ключ уже Вами получен, то я решаюсь Вам написать, причем докладывая, что выслан он был Вишневым до Ва-

шего «грозного ультиматума». Но Вы не можете себе представить, до чего все это мне неприятно, т.е. не ультиматум, а то, что это доставило столько Вам хлопот — это Бог знает что такое, и как я сам не сообразил, что это так и должно быть. Иногда сам себе удивляешься. Несмотря на строгую узду, нет-нет и выскочит из тебя самого та самая русская беспорядочность, которую я ненавижу в других. Вот и вышло: «не судите, да не и т.д.».

Благодарю Вас за рукопись. Я ее получил немедленно, и это еще больший мне укор — самая ядовитая с Вашей стороны месть. Мечтаю Вас уязвить аккуратностью какой-нибудь, да ничего не могу придумать.

Когда смените гнев на милость, напишу Вам про Гюббенета¹, который добивается ясных решений относительно тамошних дел.

Ваш кающийся В.В.

Автограф. Подлинник.

---

¹ Гюббенет Николай Константинович, фон (1862–1931) — действительный статский советник. Учился в Александровском лицее. Член комиссии по организации экспедиции на Северный полюс. Депутат 3-й Государственной думы, член Русской национальной фракции; член совета Всероссийского национального союза (с 1908 г.), секретарь совета Союза (с 1909 г.). После большевистского переворота арестован, находился в заключении в Петропавловской крепости, откуда бежал. Эмигрировал. Умер в Риге.

1924

№ 40

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 9-го Февраля 1924 г.¹

Российское Посольство
в Париже

Дорогой Василий Витальевич,

Пишу Вам сейчас просто, чтобы узнать, что Вы делаете и почему Вы молчите. Я мог бы заподозрить, что Вас уже нет в живых, если бы Вы не напоминали о себе в «Русской Газете». Но тогда тем более непонятно, почему Вы молчите, так как я не предполагаю, чтобы Ваше молчание и Ваше сотрудничество в этой газете могло иметь что-либо общее. Говорю это в виде риторической фразы, чтобы пустить Вам шпильку, а не потому, чтобы я это думал.

Мое письмо имеет исключительной целью заставить Вас распечататься. Сам я не стану Вам ничего рассказывать, так как пришлось бы рассказывать слишком много, а на это сейчас у меня не хватает времени; не хватает не только потому, что мы продолжаем жить в суете, когда времени не хватает решительно ни на что. Я вообще нахожу, что для того, чтобы можно было работать, также делать то, что нужно и хочется, нужно жить в такой обстановке, чтобы по крайней мере три или четыре часа подряд вы могли быть уверенным, что никто не войдет к Вам в комнату. Если этого нет, если всегда к Вам могут войти или по крайней мере позвонить по телефону, то Вы делаете то, что хотят другие, а не то, что хочется самому. Остается работать только по вечерам или даже по ночам, но от этого я в значительной степени отвык и приучать себя не хочу. Есть еще один способ, садиться за работу в 7 ч. утра, но от этого я тоже отвык и в Париже приучить себя к этому трудно. Вот почему в настоящее время я иногда мечтаю куда-нибудь уехать на время, а во всяком случае завидую Вам; у Вас в глуши, очевидно, работать можно.

Это не одна философия, без всякого практического центра. Дело в том, что я сейчас себя испытываю, смогу ли я работать, оставаясь здесь в посольстве, или должен дожидаться, когда меня посадят в тюрьму². Под влиянием различных причин, в которые не стоит вхо-

дить, я сейчас стою в раздумьи перед мыслью, не начать ли мне отбивать у Вас хлеб³. И это не потому, чтобы Ваши лавры не давали мне спать или чтобы я мечтал с Вами сравняться. Главным образом, это потому, что на меня нажимают некоторые французы, а, во-вторых, потому что мне иногда совестно умереть, унеся с собой решительно все то, о чем иногда думаешь и говоришь с друзьями. Словом, от высокого слога переходя к простому, я Вам скажу, что от меня тоже просят для просветления французских умов написать им кое-что по современной русской истории, словом, какие-либо воспоминания о революции. Наседать на меня стали потому, что мое предисловие к Дневнику Пуришкевича⁴ в серьезных французских кругах имело успех.

Вот я пока и думаю: да или нет. А для того, чтобы решить это, нужно сначала решить, есть ли о чем говорить и может ли эта тема заинтересовать себя самого. Этот последний вопрос я решил положительно; подумавши, в ту минуту, когда я могу думать, т.е. тогда, когда я гуляю по улицам, я более или менее вижу план; но зато все более и более нахожусь в недоумении, смогу ли я его выполнить. Передо мной две возможности, два способа; можно написать нечто серьезное, написав, так сказать, историю подготовки России к революции; можно начать более или менее рано и познакомить французов с тем, как мы к ней подходили; я подчеркиваю, что только потому и соглашаюсь писать по-французски, а не для русских, писать что-нибудь для русских было бы бесконечно труднее и потребовало бы гораздо больше подготовки и изучения таких материалов, которых у меня под рукой не имеется. Или нужно писать так, как Вы пишете, отдельными картинками, штрихами, без какой бы то ни было внутренней связи. Для этого нужно иметь тот изобразительный талант, который появился у Вас, но которого в себе я не предполагаю; во всяком случае, это был бы не мой стиль; я гораздо более, чем Вы, люблю связывать события не психологией и социологией, это требует гораздо больше усидчивости, вникания в сущность вещей, всесторонности. Очевидно и то, и, кажется, я Вам это говорил, что Ваши «Дни» при их вполне заслуженном успехе среди русских много потеряли бы у французов. По ним нельзя изучать историю какого бы то ни было периода. Так как французы будут гораздо менее требовательны, и даже повторяя самую банальную вещь, можно в их глазах казаться интересным и оригинальным, то на это я решиться мог бы; но вот в чем беда, не успею я задуматься над этим сюжетом, как он начинает на моих же глазах пухнуть; пухнуть и во времени и в пространстве, хочется забирать все раньше и раньше. Хочется говорить о все более новых сторонах и проявлениях нашей жизни. Когда что бы то ни было напишешь или по

крайней мере задумаешь, то больше видишь то, о чем не говорил, чем то, что сказал; приходится выбирать между двух различных систем либо, помирившись с этим и принося в жертву необходимости свою добросовестность историка, излагать историю так, как ее излагают для детей младшего возраста, т.е. путем картинок, на которые публика смотрит с интересом и которые в своей совокупности, конечно, кое-что ей дают. Но делая это и даже ставши, быть может, интересным для читателей, я буду сам страдать от своего легкомыслия и поверхностности. Либо нужно делать другое, нужно излагать все это сжато, передавая сущность явлений, но всегда в изложениях подробных стараясь только уложить всю русскую историю, по крайней мере последнего периода, в один связный процесс, который фатально приведет нас к катастрофе 1917 г. Но для того, чтобы все это уместить в размерах нескольких статей и даже книжки, придется выхолостить изложение от всяких красок, от всякой изобразительности, излагать всю историю схематически, как можно ее излагать только тем, кто ее знает, но не понимает. Мое собственное чувство было бы более удовлетворено таким изложением, но хорошо понимаю, что для французской публики не это интересно, а даже не это нужно. Конечно, есть третий исход, который выбирают всегда в подобных случаях: сделать ни то ни се. Это самое спасительное, но наименее меня привлекающее. Вот Вам образчик того, чем я сейчас занимаюсь; если даже и ничего не сделаю, то я об этом не пожалею, из-за этого плана я начал перечитывать и вспоминать кое-что из старого, например, очень внимательно прочел всего Ключевского⁵ и убедился лишний раз, до какой степени пережитые события помогают лучше понимать старину. Я кое-что прочитаю и еще и в результате, может, ничего не напишу или, вернее, те заметки, которые пишу, отложу в сторону, чтобы заняться ими на досуге, с полной уверенностью, что, когда этот досуг придет, я сам не разберу своего почерка. Единственным плюсом останется некоторая здоровая умственная баня, хотя бы и полезная значительно для того, кто ее принял, а не для других.

Теперь только два слова о политике.

Сюда приезжает Чебышев⁶, и мне чудится, что приезжает он неспроста, а для какой-то политики. Об этом хотелось бы много Вам сказать, так как боюсь, что и он идет по ложному пути и наделает глупостей, и Вы вместе с ним; вообще я не знаю, что Вы сейчас делаете, и Вам было бы не грех мне немножко поисповедываться. А во-вторых, я с большой тревогой смотрю на то, что делается в самой Франции; нынешний председатель Совета⁷ явно теряет свой престиж, и все, что происходит, идет на пользу левых, было бы очень грустно и может

быть очень опасно, если бы с весны мы вступили во всей Европе в полосу экспериментов. Но об этом после Вашего ответа.

ВасМ[аклаков]

Машинопись. Подлинник.

ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 24–28.

---

¹ Рукою В.В. Шульгина ниже написано: «Получено 11 февраля 1924».

² Маклаков «напророчил». Впоследствии воспоминания о 2-й Государственной думе ему пришлось обдумывать в тюрьме, куда он был заключен нацистами в апреле 1942 г. (освобожден в июле того же года).

³ Маклаков намекает на мемуарные книги Шульгина — «1920» (1921) и «Дни» (1921–1923), содержавшие не только воспоминания, но и попытку осмыслить причины российской катастрофы, а также на печатавшиеся в описываемое время в «Русской газете» очерки «1921».

⁴ Очевидно, имеется в виду: Pourishkévitch, V. «Comment j'ai tué Raspoutine», *Revue de Paris*, année 30, tome 5, 15 octobre 1923, p. 747–773 — voir aussi ce texte: B. Maklakoff, «Pourishkévitch et l'évolution des parties Russie», *ibid.*, p. 721–746. Отд. изд. Purishkevich, V.M. Comment j'ai tué Raspoutine; pages du journal traduit du russe par Lydie Krestovsky. Paris, J. Povolozky et cie [1924], предисл. Маклакова, с. [9]–35. См. на рус. яз. предисл. Маклакова, в виде письма к издателю Я.Е. Поволоцкому, в кн. «Из дневника В.М. Пуришкевича: убийство Распутина» (Париж, [1923]), с. 3–11.

⁵ Имеется в виду «Курс русской истории» Василия Осиповича Ключевского (1841–1911). Маклаков слушал его лекции, будучи студентом Московского университета.

⁶ Чебышев Николай Николаевич (1865–1937) — сенатор (1917 г.), видный судебный деятель, занимал, среди прочих, посты прокурора Киевской (1913–1916 гг.) и Московской (1916–1917 гг.) судебных палат. В период Гражданской войны член Совета государственного объединения России и Правого центра; начальник Управления внутренних дел Особого совещания при А.И. Деникине; в 1919–1920 гг. один из ведущих сотрудников, а затем один из редакторов газеты «Великая Россия», выходившей сначала в Екатеринодаре, затем в Севастополе. В 1920–1921 гг. — руководитель Русского бюро печати в Константинополе, соредатор журнала «Зарницы» (1921 г.). С 1922 г. жил в Берлине; был избран товарищем председателя берлинского отдела монархического объединения. В 1923–1926 гг. начальник гражданской канцелярии П.Н. Врангеля. Жил в это время в Белграде.

⁷ Председателем Совета министров Франции был в описываемое время Р. Пуанкаре.

Дорогой Василий Алексеевич,

«Распечатываюсь». А молчал я по следующей причине: Вы ошибаетесь, думая, что здесь удобно работать. Могло бы быть и очень, но не вышло. К Вам могут все ворваться в Вашу комнату, и это невыносимо, а у меня просто нет своей комнаты — это раз и тысяча других причин — это два, три и т.д. Не стоит говорить об этом. И потому-то и вышел «перерыв отношений».

Вы доставили мне большое удовольствие, даже радость, тем, что подумываете «отбивать у меня хлеб». Дело в том, что мысль, высказанная Вами, «умереть, унося с собой решительно все» — меня всегда мучает. Но не столько лично за себя, сколько за всю нашу эпоху.

«К ногам злодея молча пасть
Как бессловесное создание
Царем быть отданну во власть
Врагу Царя на поруганье.
 Утратить жизнь и с нею честь
Друзей с собой на плаху весть...
 Над гробом слышать их проклятья
 Ложась невинным под топор
 Встретить врага веселый взор¹
 И смерти кинуться в объятья
Не завещая никому
 Вражды к злодею своему»²

Вот умер Родзянко³. Оклеветанный, оскорбленный... Он был виновен, конечно, как все мы, но разве в том, в чем его обвиняли! Это одна сторона — защита против клеветы. Но это не так важно. Гораздо важнее исповедь до дна и покаяние в том, в чем действительно мы грешны. Важно, потому что совестно не предупредить следующих, не сказать: «не ходите туда — там Смерть с надписью на лбу Свобода!» И, наконец, третье: надо завещать вражду к злодею своему, ибо он — злодей всего Мира, надо завещать ненависть к Равенству, то есть социализму. И это не самое важное: надо указать, где и в чем братство. Вот что меня мучает. Это долг нашего поколения, все видевшего, все познавшего. Все остальные, до и после, не могут рассказать и знать то,

что видели мы. И вот Ваш рассказ должен быть потрясающим. Именно потому, что в нем будет приложение Ума, почти свободного от пут доктрины. Вы не способны в данное время (когда Вы перестали быть кадетом и не стали присяжным черносотенцем) запречь себя в какую то ни было тенденцию. У Вас мораль появится сама собой, как появляется радуга от честно рассыпанной по всей земле росы. Рядовой читатель никогда не догадается, что эта радуга появилась в его душе после прочтения Вашей книги. Сыпьте же росу, сыпьте ее для иностранцев, ибо наш пример и наша мораль мировая, и надо, чтобы мир знал «как дошла ты до жизни такой...».

Что же касается метода писания, если Вы заговорили об этом, то позвольте Вам рекомендовать старый Гоголевский прием: никогда не сжимайте себя. Когда хочется писать, пишите как можно скорее и как можно больше, заботясь об одном — записать поток мыслей, стремящийся через мозг, не обращая внимания на форму. Потом отложите написанное и просмотрите позже, так как чужую вещь. То есть: во время творчества не стесняйтесь себя критикой и во время критики позабудьте о творчестве и своем авторстве. Тогда Вы справитесь и с «распуханием». Лишнее выбросите совсем, а невозможное по соображениям техническим отложите до «следующего издания исправленного и дополненного». И еще одно, хотя это субъективно. Хорошо обдуманное надо диктовать, ибо процесс писания слишком скучен и расхолаживает. Впрочем, я вторгаюсь в область чисто личную и потому молчаю.

О конце Вашего письма. Я не знаю, для чего едет Н.Н. Ч[ебышев], хотя осведомлен о самой поездке. Что такое «ложный путь» (Ваше выражение), я только слегка догадываюсь. Для меня не ясно одно: если позовут, как позвали, за исчерпанием всех комбинаций, восемнадцатого, каким образом можно отказаться? Если же эта возможность не исключена, как можно к ней не готовиться? А если к ней надо готовиться, то могу ли я, в частности, отказаться в повиновении, если восемнадцатый прикажет готовиться? Пока же мне никто ничего не приказывает, я сижу тихо в своей норе. Вот и вся моя исповедь. Первый экзамен будущему — это решимость приказывать. Пока ее нет — ничего нет. И потому я в камфоре [так в тексте. — О.Б.]. Когда до меня дойдет слово «потруди-те-сь!..», я отвечу «слушаюсь!..». Все остальное от Лукавого.

Я слушал в Ницце хор Донских казаков. И понял: необычайная мощь и женская нежность — все достижения Силы и Добра — доступны русскому народу в руках настоящего Дирижера. Слух тончайший, голоса вдохновенные и способность ловить и повиноваться «манове-

нию руки» — исключительная. Дирижера надо! Повиноваться коллегии, то есть кагалу, мы не умеем, да и «кагал» у нас невозможен, ибо нет спайки и кагал сам передерется. Если в России удержится еврейская власть — будет кагал, то есть коллегия, то есть республика. Русская же стихия родит Дирижера. Аминь.

Ваш В.В.

Р.С. Если Н.Н. Ч[ебышев] уже в Париже — мой сердечный привет и просьба, если что, поделиться со мной — я пойму и не очень разборчивый почерк.

Автограф. Подлинник.

---

¹ В оригинале: «Врага веселый встретить взор».

² Шульгин с небольшими разночтениями цитирует «Полтаву» А.С. Пушкина — раздумья Кочубея накануне казни. Все подчеркивания сделаны Шульгиным.

³ Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) — крупный землевладелец. Член Государственного Совета от екатеринославского земства. Октябрист депутат и председатель 3-й (с марта 1911 г.) и 4-й Государственных дум. В 1917 г. — председатель Временного комитета Государственной думы. С 1920 г. — в эмиграции.

№ 42

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 18-го Февраля 1924 г.¹

Российское Посольство
в Париже

Дорогой Василий Витальевич,

Пишу Вам только затем, чтобы Вас разочаровать. Вы от меня во всяком случае не получите, чего хотите. Очень может быть, что Вы вообще ничего не получите, но уже во всяком случае не то, о чем Вы пишете. Не потому, чтобы это было неинтересно или неверно, но потому, что эта тема не для меня, а потом и главное не для французской публики. Во-первых, она не для меня; такие покаянные мотивы мне вообще не удаются; если даже я и могу их чувствовать, то мне несвойственно об них говорить, а тем более писать. В конце концов это выходит исповедь, а это совсем не то, что хочу делать я. Я вообще не люблю

печатно говорить о себе; а говорить на эту тему было бы особенно щекотливо. Именно потому, что она и необъятна, и очень интересна. Каждый из нас, людей самого различного направления, мог бы сейчас сделать большой вклад в это наше интеллигентское покаяние. Для этого стоит только быть искренним. Даже Милюков мог бы это сделать, и это было бы совсем не бесполезно, особенно если это делать не в форме биения себя в грудь, а в форме «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»². Это было бы совсем не лишне, и если когда-либо в печати появились бы серьезные обличения нас, то в порядке самозащиты было бы совсем не лишне ответить, в чем мы действительно были неправы и в чем нас обвиняют совершенно ложно. Но, как я Вам говорю, это не моя тема, я хочу говорить о том, что совершенно не знают, и, насколько возможно, связать события логической цепью. Из этого само собой станет ясно, какие ошибки мы сделали, и может быть, и какие извинения для всех нас найдутся. Но я хочу только напоминать и связывать факты, не более. И это причина, почему я хочу делать это для иностранцев. Я постоянно поражаюсь их полному невежеству относительно русских событий. Только это и уполномочивает меня к писанию. Все, что я ни напишу, будет для них ново, и самая банальная связь событий будет для них откровением. Большого я сейчас и не добиваюсь; но зато мне совершенно претило бы пускаться перед иностранцами в излишние откровенности, иметь мало-мальски вид покаяния. Если Вы когда-либо будете писать то, что советуете мне, настойчиво рекомендую Вам писать это по-русски; писать это на иностранном языке значило бы метать бисер перед свиньями; да это их и нисколько бы не заинтересовало.

Поэтому Вы видите, что мои цели гораздо скромнее, а в то же время и в значительной мере и определеннее. Я могу написать только ви-негрет, где под видом легких и занимательных рассказов я постараюсь внушить читателю ту основную мысль, на которой я стою и которая, конечно, не соответствует Вашему настроению. Все, что случилось с нами, не только заслужено за наши ошибки, но и вполне закономерно. Российской революцией завершился длинный период русской истории; мы подросли только к концу его. Мы сами не понимали, что теребя одну из колонн, на которых стояла российская государственность, а именно самодержавие, борясь с ним во имя народного представительства, мы, сами того не замечая, колебали это здание на гораздо большем и широком основании, что мы были авангардом более широкого фронта, где дело было совсем не в самодержавии. Если с высоты птичьего полета смотреть на историю последних годов, то становится поразительно ясна неизбежность всего того, что

случилось, а потому, в сущности, и бесполезность не только обличения других, но даже и собственных покаяний. Попутно можно и должно, конечно, заступиться и за некоторых оклеветанных людей, как, например, Родзянко, и иногда и призвать к порядку клеветников, но это только так, попутно и кстати. Дело же совсем не в них и даже не в этом. Дело в историческом осмысливании исторического периода. Если я что-нибудь сделаю, то только в таком направлении.

Что же касается до Ваших практических советов, то во многом Вы правы. Но только кое-что для меня недоступно. Написать и отложить на некоторое время трудно, потому что через некоторое время я своего почерка не узнаю, мне приходится работать не отставая, покуда я не приведу работу в тот вид, в котором она может быть переписана. Что же касается до диктовки, то тут Вы правы. В Петрограде у меня был диктофон, и я писал все при его посредстве, это была замечательная вещь. Но никакой переписчик, ни стенограф мне его не заменит. Во-первых, потому что стенограф имеет свойство уставать, что вообще человеческие силы имеют предел, который может не совпадать с моей усталостью, почему стенограф не всегда в моем распоряжении, как был диктофон, а во-вторых, что для настоящей интенсивной работы мне всегда мешает присутствие постороннего человека около меня. Впрочем, все это, как и Вы сами правильно замечаете, совершенно личное.

Чебышев приезжает завтра в 2.25; остановится у меня. В мотивах к своему приезду для получения визы он указал, что едет, чтобы повидаться со своими друзьями Маклаковыми. Заподозрываю, что он едет по какой-нибудь весьма недопустимой причине, если прибегает к таким уверткам. Говорят, что на днях приезжает сюда его шеф³. Все это делается помимо меня и без меня, что бывает во всех тех случаях, когда выдумывают нечто несурзное. Поэтому и сейчас я не жду ничего хорошего. Но зато совершенно уверен в одном: не пройдет несколько недель, как Н.Н.⁴ будет совершенно скомпрометирован и станет смешон; это все, чего его сторонники могут добиться и к чему они близятся с большой быстротой. Тогда им останется только плакаться на реках Вавилонских, как в Вашем последнем фельетоне, хотя и ругаясь, но плачет просто Н.Н. и Н.Н.Ч.⁵ Все это очень трогательно, но это все-таки совсем не то, что сейчас нужно.

И согласитесь с одним: когда люди приходят в такое настроение, как Вы, и ждут, что им прикажут, ждут этого радостно, так как им хочется услышать властное приказание, то это уже плохой признак. Все это было бы когда-то правильным, но сейчас все это опоздано; вся

наша история последних лет, будем ли мы ее писать с точки зрения правых или с точки зрения умеренных, может быть резюмирована одной формулой: слишком поздно; это если не фатум, то наша национальная черта. И я скажу Вам, который ждете [так! — О.Б.], что ему прикажут: слишком поздно. Теперь нужно другое. И если Вы здесь, за границей, ничего другого не найдете и не видите, то для меня это доказывает только одно: что Ваша мысль, от которой Вам так трудно отказать, что нечто должно выйти из эмиграции, ошибочна в самом корне. Здесь из этих яиц Вы ничего не высидите, сколько бы Вы и ни сидели. Я пришел к этому заключению раньше, чем придете Вы. Поэтому Вы хотите еще разыграть какой-то спектакль, в который я больше не верю. Разыграв его, Вы поймете, как я, что нужно заняться разрыванием навозной кучи и искать жемчужину в Советской России⁶. Те, кто этим занимался, обыкновенно принимали самый навоз за жемчужину; в этом и есть их главная ошибка, в этом мы и должны им помочь, но только в этом. Но тут мы, конечно, будем безнадежно с Вами разногласить. *Я верю пока в одно: Революцию останавливают не те, кто от нее потерял, как мы, а те, кто от нее выиграл.*

ВаМак[лаков]

Машинопись. Подлинник.

ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 29–33.

---

¹ Ниже рукою В.В. Шульгина написано: «Получено 20 февр[аля]».

² Цитата из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина.

³ Речь идет о П.Н. Врангеле.

⁴ Речь идет о великом князе Николае Николаевиче (Младшем) (1856–1929), внуке императора Николая I, двоюродном дяде императора Николая II, генерале от инфантерии, Верховном Главнокомандующем русской армии в 1914–1915 гг. В нем правые и правоцентристские круги эмиграции видели вождя, способного объединить эмиграцию. Великий князь, однако же, не спешил принять на себя эту роль.

⁵ Великий князь Николай Николаевич и Николай Николаевич Чебышев.

⁶ Речь идет о путях преодоления большевизма и возрождения России: Шульгин делал ставку на «варягов», на вождей, способных повести за собой дезориентированных и неспособных к самостоятельному творчеству жителей России; Маклаков надеялся на эволюцию, на постепенное изживание советской власти. В сколько-нибудь серьезную роль эмиграции он не верил.

Париж, 12 Апреля 1924 г.¹

Российское Посольство
в Париже

Дорогой Василий Витальевич,

Пишу Вам сейчас по практическому вопросу: из Вашего письма к моей сестре по делам Вашего развода я вижу, что Вы совершенно не в курсе того, что здесь произошло. И чтобы это на Вас не свалилось сюрпризом, считаю нужным Вас об этом предупредить.

Вы думаете, что единственным препятствием к Вашей свадьбе есть епитимия. Положение гораздо хуже: сейчас Ваш развод считается недействительным, и, даже получив разрешение митрополита, Вы обвенчаться здесь не сможете. До последнего времени митрополичий развод считался совершенно достаточным; консула [так!] выдавали удостоверение, что данное лицо разведено, и на основании этого удостоверения мэры заключали новые браки; Вы ведь знаете, что на французской территории нельзя совершать церковного брака, покуда не совершен гражданский. Но мэры довольствовались удостоверением нашего консула. Но приблизительно месяц или шесть недель тому назад французское правительство, до которого дошли слухи о том, что на его территории Евлогий совершает разводы и что по этим разводам мэры венчают вторично, запросило официально Евлогия, на каком основании позволяет он себе на территории Франции производить действия, которые по французскому закону входят в компетенцию французских гражданских судов? Действительно, практика французских судов за это время переменялась: прежде ни один суд не принял бы к своему производству развод русского церковного брака, совершенного в России; но приблизительно два года назад, желая прийти на помощь безвыходному положению русских беженцев, ссылаясь на *force majeure*² и на другие юридические соображения, французские суды стали такие разводы к своему производству принимать; а с этого момента оказалась коллизия между действиями Евлогия и действиями французских судов, ибо если это только входит в компетенцию французских судов, то, следовательно, судебный развод становится необходимым; и если мэр станет венчать по одному разводу Евлогия, то это будет обходом закона. Так стал вопрос; он осложнился и вопросом об ответственности тех русских властей, как духовных, так и гражданских консулов, которые выдавали удостоверения, что

развод совершен по закону. Не буду передавать Вам в подробностях, чтобы не писать слишком длинного письма, какая по этому вопросу шла переписка между мною и Евлогием, с одной стороны, Евлогием и французами — с другой. Наше духовное ведомство сделало ряд глупостей; но вот чем кончилось: они написали в окончательном итоге правительству, что, произнося свои разводы, они только уничтожают таинство, совершенно не касаясь гражданских последствий этого акта; что это, дескать, есть только церковный обряд, относящийся исключительно к духовной власти, никаких гражданских последствий не создающий. На что французское правительство сейчас же ответило, что, если это так, то оно, конечно, не препятствует совершать какие угодно церковные действия. Это письмо митрополита было и лицемерно, и лживо, и глупо; но консулов оно поставило в совершенно безвыходное положение, ибо если развод Евлогия не имел в виду создавать никаких гражданских последствий для разведенных, то, значит, консул не только нарушал закон страны, где он действует, но и совершал определенное превышение власти, служебный подлог, когда приписывал митрополичьему разводу тот смысл, который сам митрополит ему не придавал. Узнав о такой позиции церковной власти, я сейчас же приписал своим консулам на основании митрополичьих разводов не выдавать свидетельства, что люди разведены. Поэтому если Вы не успели раньше получить от консула такого удостоверения, то Вы его больше и не получите, а следовательно, во Франции венчать Вас не смогут. Вот положение дела. Из него только один выход: получить, наряду с разводом Евлогия, также и развод французского суда. Когда у консула в руках будут оба развода, и гражданский, и церковный, тогда он сможет выдать Вам нужное удостоверение. Есть и другой выход: ехать в Сербию и венчаться там у православного священника; такой брак будет считаться действительным, ибо французское правительство заявляет, что ему дела нет до того, что происходит на чужой территории; только на своей оно не может позволить митрополиту заменять собой гражданские суды. Вот в каком положении Вы находитесь; оно очень неприятное, более трудное, чем вопрос епитимии, но, к сожалению, с ним ничего не поделаешь.

Я, вероятно, достаточно Вас огорчил этим известием, чтобы не быть обязанным огорчать Вас и на другие темы, поэтому на этом кончаю письмо, иначе поговорил бы о том, что вообще делается на свете, в частности во Франции; впрочем, мне кажется, что письмо осталось за Вами, а не за мной; Вы мне не ответили; а к слову скажу, что я начал делать то дело, о котором Вам писал, и что в июне будут напечатаны первые главы моих мемуаров, посвященных пока исключительно

эпохе революции; эта эпоха, между прочим, этими двумя главами и закончится.

ВасМа[клаков]

Машинопись. Подлинник.

ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 34–37.

---

¹ Ниже рукою В.В. Шульгина написано: «Получено 16 апреля».

² *force majeure* (франц.) — форс мажор.

№ 44

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

25 Апреля 1924

Дорогой Василий Алексеевич.

1) Христос Воскресе! Хотелось бы написать Вам что-нибудь ответственное, но разучился. Впрочем, я никогда не любил Пасхи. Про-за пасхального дня ужасна в сравнении с красотой, которую обещает Заутреня. То же самое ждет нас, когда запертые двери Деи распахнут-ся перед нами. Заутреня будет дивная и затем... Как будет пошло.

2) Ваше письмо получил, и, конечно, оно меня огорчило, ибо так, как дело обернулось, моя личная жизнь еще долго будет переполнена скучными пошлостями. Сегодня М.Д.¹ имела неосторожность раззвонить по всему свету мое «предложение», которое я сделал ее отцу, держась старосветских обычаев. Эту глупость я сделал, когда получил бумагу о разводе от Епарх[иального] Упр[авления], каковую бумагу считал достаточной. Я не имел понятия, что еще нужно «кон-сульское удостоверение». Теперь я его не получу — это ясно. Но все же я просил бы Владыку Митрополита не связывать все это с епитимией. Если все дело в расторжении таинства, то снятие епитимии, т. есть разрешение причащаться, тоже есть дело церковное. Поэтому я очень просил бы Вас просить Вл[адыку] Евлогия хотя бы с этим по-кончить. Весьма возможно, что мне придется ехать в Сербию. Так, по крайней мере там не придется начинать дело сначала и опять безмер-но его затягивать. Если епитимия будет снята, поедем туда и там обвенчаемся.

3) Что же касается возможностей во Франции, то вот что. У меня в моей *Carte d'Identité* сказано *divorcé* ². Быть может, это достаточно? Я бы просто пошел и спросил бы у местных властей, достаточно ли. Но я вспомнил, что когда я получал *Carte d'Identité*, то я ссылался на

Вас в качестве лица, меня знающего. Вот поэтому и спрашиваю Вас, можно ли этим воспользоваться. Тогда я бы совершил гражданский брак в мэрии, а там видно было бы.

4) Плохо себе представляю, что такое Совещания, которые у Вас происходят. Но с огорчением вижу там лиц, которых едва можно вытерпеть, и не вижу представителей единственной организации, которая что-нибудь стоит, т.е. Врангелевцев³. Не знаю, как думает об этом французское Правительство, но знаю, что это так. Реальны для русского беженца во всех странах до сих пор были только два учреждения: посольства и Военные представители. Они и впредь должны идти вместе, хотя бы и переменили названия. Так произошло в Берлине и весьма недурно. Думаю, что было бы большой ошибкой порвать с ними и вступить в единобрачие с Минорами⁴ и Ко⁵. Единобрачие вообще Вам не к лицу, а уж с такой женою — да сохранит Господь...

Марию Алексеевну поздравляю с Свет[лым] П[раздником], христосуюсь в обе ручки.

Ваш В.В.

Автограф. Подлинник.

---

¹ М.Д. Седельникова.

² в... Carte d'Identité сказано divorcé (франц.) — в удостоверении личности сказано «разведен».

³ По-видимому, речь идет о совещаниях представителей различных эмигрантских организаций в Париже по вопросу создания органа, который мог бы заменить посольство (фактически игравшего роль представительства эмиграции) в связи с неизбежным признанием Францией Советского Союза.

⁴ Минор Осип Соломонович (1861–1934) — революционер-народоволец, затем эсер; в июле–ноябре 1917 г. — председатель Московской городской думы. Депутат Учредительного собрания от Москвы. С 1918 г. в эмиграции во Франции. В данном случае Шульгин называет Минора в качестве характерной фигуры левых кругов эмиграции.

⁵ Подчеркнуто Маклаковым.

№ 45

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

[28 апреля 1924 г.]

Дорогой Василий Алексеевич.

Предъявитель сего мой друг Борис Виталиевич Домбровский. Очень прошу Вас передать ему связку книг и оттисков, которую Вы

были добры положить при мне в Вашу библиотеку. Если Вы помните, это набор моих «Дней».

Я прошу Б.В. Домбровского вести от моего имени переговоры с г. Поволоцким, с которым Вы имели любезность меня заочно познакомиться. Дело идет об издании «Дней» на русском языке, ибо предполагавшееся печатание их в Германии не осуществилось.

Заодно не откажите сделать распоряжение, чтобы Б.В. Домбровскому была выдана хранящаяся (впрочем, никуда не годная) в Посольстве же моя пишущая машинка Vofa.

Пользуюсь случаем Вас сердечно приветствовать.

Иск[ренне] пред[анный] Вам В. Шульгин
28 Апреля 1924

Рукопись и пишущую машинку получил Б. Домбровский¹.

Автограф. Подлинник.

---

¹ Расписка рукою Б.В. Домбровского.

№ 46

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 29-го Апреля 1924 г.¹

Российское Посольство
в Париже

Дорогой Василий Виталиевич,

1) Воистину воскрес. В общем совершенно согласен с тем, что Вы пишете про Пасху; прибавлю, что я отнес бы это и ко всей страстной неделе и вообще ко всем моментам, когда переживаются Евангельские настроения. Меня поражало, как Вас поражает с Пасхой, несоответствие между всем строем жизни, всеми теми понятиями, которые его определяют, и между христианством, в которое якобы веруют. Все те словесные ухищрения, которыми хотят примирить христианство, т.е. учение не от мира сего, с практикой жизни, есть один из тех основных обманов, к которым нас приучают с детства и которых мы не замечаем только потому, что в них живем. Если бы по какому бы то ни было поводу в него вдуматься, то немедленно начинаешь испытывать то чувство разочарования, о котором Вы пишете. Как можно, взвинтив в себе нагорную проповедь, потом изучать досье гражданских

судебных дел и даже нашу партийную публицистику? Может быть, это противоречие больше чем что-нибудь вытравило из меня религиозность.

2) Я предвидел, что огорчу Вас известием о разводе; постараюсь по крайней мере помочь в том, о чем Вы пишете; при первом удобном случае пристану к Евлогию. К сожалению, как раз в связи с разводами между нами пробежала если не черная кошка, то черная мышь; правда, сейчас они сами примиряются с необходимостью и будут благодарны за то, если я дам им возможность спасти свое лицо; но, к несчастью, во всем этом деле есть мотивы тоже очень далекие от Евангелия: а именно доходы, которые получаются с разводов; этими доходами они главным образом и жили. Сейчас им грозит опасность, и они все за нее злятся на меня: думаю, что сам митрополит будет выше этой мелочности, но ведь Вы знаете, до какой степени он поддается чужим влияниям. Во всяком случае, обещаю здесь употребить все свое влияние.

3) То, что Вы пишете о карт д'идентитэ, связано с недоразумением; может быть, Вы найдете мэра, который Вас по этой карточке обвенчает. Только это будет уголовное преступление и с Вашей стороны, и с его; с его, потому что карт д'идентитэ по французским законам не является удостоверением прав состояния; сведения, в ней помещающиеся, даются самим просителем; санкции их достоверности только уголовная ответственность просителей за сообщение ложных данных. Поэтому по карт д'идентитэ нельзя совершать никаких действий, связанных с гражданским состоянием. Если мэр это сделает, то это будет оплошность с его стороны, за которую он ответит. Еще больше, конечно, ответственность Ваша; Вы в этом случае ответите не только за сообщение ложных данных, но гораздо более строго — за двоеженство. Конечно, если это обнаружится; но, как Вы знаете, обнаружиться может решительно все; одно только скажу для Вашего успокоения: я никакой ответственности подлежать не буду, поэтому моим именем на Вашей карточке можете не стесняться, меня Вы не подведете. Самое большее преступление, которое делаю я, что сейчас Вас в этом отношении обнадеживаю; но это преступление законом не предусмотрено.

4) По поводу «Объединения» хочу сказать Вам только несколько слов, чтобы разяснить Ваши сомнения. Ничего подобного тому, что Вы предполагаете, не происходит; никакого мезальянса я пока не заключил и заключать не собираюсь. Все, что происходит, для меня лучшее доказательство слов Талейрана²: «*méfiez vous du premier mouvement, c'est le bon*»³. Инициатива того, что теперь называется «Объединением», пошла не от меня, а от Союза Промышленников⁴;

они пришли ко мне с настойчивым требованием, чтобы я принял меры на случай признания большевиков и подготовил бы организацию того представительства, которое тогда заменит Посольство. К этому плану я отнесся очень отрицательно; я указывал ему, что, начиная теперь это дело, мы рискуем компрометировать положение посольства и не достигнем ничего, кроме потасовок внутри колонии. Но на этом первом впечатлении я не устоял главным образом из моральной щепетильности; мне казалось, что, возражая против плана промышленников, я как будто бы отстаиваю *status quo*, которое лично для меня выгодно. По этим соображениям я и решил последовать за их планом и попытаться хотя бы позондировать почву, может ли выйти что-нибудь приемлемое для всех. Так как сразу сажать за один стол Коковцева с Милюковым было невозможно, то по совету тех же промышленников мы созвали первое собрание с резким уклоном влево; промышленники мне говорили, что с правыми они сговорятся сами. Вред такого левого уклона парализовался тем, что, во-первых, на этом собрании были и некоторые правые, хотя замаскированные, в лице двух Савичей⁵, во-вторых, что я на собрании категорически заявил, что буду продолжать это дело только при условии, что ему будут сочувствовать все, не исключая и правых, и, в-третьих, тем, что самое это собрание рассматривалось исключительно как предварительный обмен мнений, без права выносить какие-либо решения. На собрании прошло все совершенно благополучно, даже лучше, чем можно было ожидать. Но, конечно, собрание оказалось палкой, которую воткнули в осиное гнездо. Все неприглашенные и обойденные обиделись и решили действовать собственными средствами; одни стали требовать, чтобы я их пригласил, а другие повели параллельную линию. Исполняя свое первоначальное намерение ничего не делать без правых, я отправился к Трепову⁶ официально сообщить ему об этом почине и с просьбой командировать нам кого-нибудь от имени правых. В это время правые уже заняли ко всему этому позицию отрицательную; Трепов предупредил меня об этом, но для проформы исполнил все, что нужно, и прислал мне отказ от имени правых. Это дает мне уже полную возможность от этого дела отойти. Вся задача теперь только в том, чтобы сделать это с наименьшим скандалом. Не думайте только, что такой почин знаменовал какой-либо разрыв с врангелевцами; это как раз наоборот: с ними, по крайней мере в лице их официальных представителей, у нас сохранялся полный контакт, и, вообще, либо это дело будет брошено в самом начале, что всего вероятнее, либо оно будет сделано вместе с ними. Но все это лишний раз должно было бы показать, как не правы те, которые возлагают преувеличенные надеж-

ды на гражданский и политический смысл нашей эмиграции, и по сему поводу:

5) я спрашиваю Вас, какой процент гонорара за Ваши фельетоны в «Русской Газете» Вы предназначаете для меня: если же Вы пишете не из-за денег, а из-за одной чести, то как мы с Вами разделим эту честь. Склонен думать, впрочем, что российская эмиграция за мое письмо в виде чести была бы склонна наградить меня ругательствами и оплеухами⁷; все это с большим великодушием переуступаю Вам полностью. Надеюсь только, что ни Филиппов, ни Ефимовский не знают, что Вы печатаете мои письма. Пока это напечатано в такой форме, что невнимательный читатель может приписать их Вам, а не мне; моя личность скорее вырисовывается из разных язвительных замечаний в Вашем письме ко мне. Я льщу себя все-таки надеждой, что так как никому не будет интересно доискиваться слишком плотно, кто автор этих писем, то я и ограничусь получением одного гонорара, без соответствующей чести.

Ну вот пока все.

ВасМ[аклаков]

Машинопись. Подлинник.

ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 38–42.

---

¹ Ниже рукою В.В. Шульгина написано: «[Получено] 2/V».

² Талейран (Talleyrand) Шарль Морис (1754–1838) — французский политический деятель и дипломат. Был министром иностранных дел при Директории, Наполеоне Бонапарте и Людовике XVIII, умудряясь всегда вовремя сменить ориентацию.

³ *méfiez vous du premier mouvement, c'est le bon* (франц.) — опасайтесь первой реакции — она оказывается правильной.

⁴ Имеется в виду Российский торгово-промышленный и финансовый союз (Торгпром), созданный в Париже в феврале 1920 г. российскими предпринимателями-эмигрантами.

⁵ Савичи: Савич Никанор Васильевич (1869–1942) — помещик, октябрист. Депутат 3-й и 4-й Государственных дум; товарищ (заместитель) председателя думской комиссии по государственной обороне. Член Особого совещания при А.И. Деникине, государственный контролер в правительстве П.Н. Врангеля; Савич Яков Иванович — промышленник и финансист, в России — член правлений С.-Петербургского Международного коммерческого банка, Камчатского торгово-промышленного общества, Общества Балтийской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры, в эмиграции — член Комитета представителей русских коммерческих банков.

⁶ Трепов Александр Федорович (1862–1928) — егермейстер, статс-секретарь; сенатор (1906 г.), член Государственного совета с 1914 г.; в октябре 1915 г. — ноябре 1916 г. — управляющий Министерством путей сообщения, затем министр. 10 ноября — 27 декабря 1916 г. — председатель Совета министров. После 1917 г. — в эмиграции, где был одним из лидеров монархистов.

⁷ Письмо Шульгина Маклакову от 24 февраля/9 марта 1921 г. было опубликовано в «Русской Газете» № 15 от 14 апреля 1924 г. Письмо Маклакова от 5 апреля 1921 г. с изменениями и сокращениями было напечатано в «Русской Газете» № 2 (так!) от 24 апреля 1924 г. Письма составили «Фельетон № 15», озаглавленный «Из переписки». При публикации была опущена вся вторая часть письма Маклакова, произведены сокращения и в первой части. Некоторые сокращения коснулись и письма самого Шульгина, например его формулы:

— Держаться Врангеля до судорог, пока он существует.

— Готовить нечто на случай падения этого бога.

В печатном варианте осталось только: «Держаться Врангеля до судорог».

№ 47

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

7-го Мая 1924¹

Российское Посольство
в Париже

Дорогой Василий Виталиевич,

Епитимия с Вас снята; если Вы не получили, то, вероятно, скоро получите об этом официальное уведомление. Таким образом, препятствий с этой стороны к Вашему браку не будет; Митрополит думает, что Вы теперь сможете обвенчаться и во Франции. Если слухи о таком его мнении до Вас дойдут, то я очень прошу Вас не придавать им значения и не пытаться венчаться во Франции. Митрополит мне говорил, будто Вы живете в большой дружбе со священником Остроумовым², который до последнего времени позволял себе даже венчать здесь без предварительного гражданского брака. Полная незаконность этого была ему уже разъяснена митрополитом, но я вижу, что некоторые юридические понятия и необходимость сообразоваться с законами страны — очень трудно входят в головы нашего духовенства. Я сужу это по самому митрополиту, который и по сию пору лично очень благодушно смотрит на то, что по тем разводам, которые он выдает, мэры могут по оплошности обвенчать разведенных. Он приходил ко мне на днях просить меня дать консулам разрешение удостоверить совершение разводов здешним Епархиальным Управлением по

формуле, которую я разработаю и которая соответствовала бы той позиции, на которой французское правительство стало, т.е. что данный развод никаких гражданских последствий за собой не влечет. Я ничего не имею против того, чтобы консула это удостоверили, и на этой же неделе у меня состоится совещание для выработки такой формулы. Но митрополит поразил меня тем, что в конце разговора со мной выразил неожиданную и весьма легкомысленную надежду, что может быть найдутся мэры, которые будут венчать по этой формуле: я опасаюсь, чтобы Вы не последовали за ним в этом направлении. Если бы Вы теперь обратились к консулу и он выдал бы Вам удостоверение по этой новой формуле, а о. Остроумов в своем легкомыслии, может быть, согласился бы Вас по этой формуле обвенчать — то Вы будете думать, что все благополучно. А между тем это будет значить вот что: во-первых, Вы и Ваша жена будете, с точки зрения французского закона, заведомые преступники, повинные в двоеженстве и подлежащие за него суду; во-вторых, священник, совершивший это, будет преступник, как венчающий без предварительного гражданского брака; если бы Вы нашли мэра, который это сделал и Вас бы обвенчал, то преступником оказался бы и мэр; а наконец, и самое главное, преступником будет консул, который выдал такое удостоверение; правда, консул будет вправе оправдываться тем, что из его удостоверения таких выводов не следует; в этом он будет прав, и лично он, быть может, оправдается; но тогда вся вина будет возложена на самое существование во Франции консульских учреждений, неизвестно кого представляющих, которые выдают такие загадочные удостоверения, что вводят в соблазн и заблуждение бедных французских мэров; напрашивающийся из этого вывод, что нужно будет покончить комедию с существованием консульств во Франции, будет самым вероятным исходом. Зная, как Вы дорожите призраком прежней русской государственности, я особенно рекомендую Вашему вниманию это последствие.

У Вас есть два исхода; первый Вы уже указали — это ехать в Сербию и обвенчаться там; повторяю, что брак, совершенный в Сербии, будет для Франции совершенно законным, и Вам выдадут паспорт, как женатым людям, уже ничем не рискуя. Если же путешествие в Сербию Вам не улыбается, прежде всего по своей дороговизне, то Вы можете сделать иначе; поезжайте просто в Сан-Ремо; там, по словам Евлогия, есть русский священник; так как гражданского брака в Италии не существует, то церковный брак на территории Италии будет совершенно равносителен церковному браку на территории Сербии. Я слышал, что для поездки в Сан-Ремо на короткое время не нужно

даже обычных итальянских виз; тут выдают какие-то кратковременные пропуска. Но все это Вы лучше можете узнать на месте; на месте же Вы узнаете, кто там священник, и можете с ним списаться. Напишите ему все откровенно и ясно и, выехав утром холостым, Вы вернетесь вечером женатым. Но очень прошу Вас здесь, на территории Франции, беззакония не делать.

ВасМ[аклаков]

Машинопись. Подлинник.

ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 43–45.

---

¹ Рукою В.В. Шульгина ниже написано: «[Получено] 9/V».

² Очевидно, Григорий Остроумов (1856–1947), выпускник Санкт-Петербургской духовной академии. Священник (1885 г.). Приехал в г. Канны (Франция) в 1889 г. с великой княгиней Анастасией Михайловной (являлся ее духовником). Настоятель православной церкви в г. Канны (Франция) с 1895 г. Протоиерей. Митрофорный протоиерей (1905 г.). Позднее перешел в Русскую православную церковь за границей (РПЦЗ). Протопресвитер (1929 г.). Пострижен в монашество и возведен в сан епископа Каннского, викария Западно-Европейского округа РПЦЗ (1936 г.). В 1938 г. епископу Григорию было присвоено звание епархиального епископа южных приходов Франции с титулом Каннского и Марсельского. В 1945 г. обратился с прошением о переходе в юрисдикцию Московского Патриархата, но этот переход, по всей вероятности, не состоялся. Архиепископ Каннский и Марсельский. Среди прочих Остроумов обвенчал 30 января 1921 г. в каннской церкви Святого Михаила Архангела великого князя Андрея Владимировича и знаменитую балерину Матильду Кшесинскую. Все было сделано с позволения великого князя Кирилла Владимировича, который находился тогда в Каннах.

№ 48

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 10-го Мая 1924 г.¹

Российское Посольство
в Париже

Дорогой Василий Витальевич,
Должен Вам сообщить две неприятные новости. Вчера ко мне пришел от Вас Домбровский. Сверток бумаги, который Вы мне пере-

дали, я ему сейчас же вручил, он был у меня; но что же касается до машинки, которая осталась в Вашей комнате, то пришлось к прискорбию обнаружить, что она украдена. После Вас там жил Долгорукий, и машинка существовала; заходя к нему, я ее всегда видел; но после отъезда Долгорукова Ваши друзья военные просили разрешения пользоваться этой комнатой для генерала Миллера²; я это разрешил, и Миллер стал там работать, ход в комнату открылся, таким образом, со стороны военной половины; о Вашей машинке в это время никто не вспомнил, и в обязанности военных не входит таскать чужие машинки. А затем сюда неожиданно приехала дочь Н.Н. Львова. Тогда Миллера выставили, и в эту комнату вселилась она. К этому моменту и относится исчезновение машинки; беда только в том, что никому это в глаза не бросилось и отсутствие машины заметили только тогда, когда я послал за ней Жюля. Конечно, вина в этом не Ваша, а моя, ибо за военных я отвечаю; поэтому скажите мне, что Вы от меня требуете, боюсь, что таких машин здесь не найдешь.

Вторая дурная весть является результатом моего излишнего доверия не к военным, а к духовенству. Евлогий уверял меня, что в Италии нет гражданского брака и что потому наш развод там будет действителен, так как священник в Сан-Ремо может венчать без предварительного гражданского брака. Но, оказывается, и здесь митрополит все напутал, а я зря ему поверил. Если русский священник в Сан-Ремо Вас обвенчает, то это будет с его стороны беззаконие; правда, это будет беззаконие, направленное только против итальянцев, а надуть Муссолини³ все равно что убить паука, прощается 40 грехов, но тем не менее это не есть юридический довод, если когда-нибудь его или Вас будут судить. К тому же, говоря серьезно, я и не знаю, существовал ли на территории Италии тот закон, который, несомненно, существует здесь, запрет иностранному духовенству венчать до совершения гражданского брака; если такого запрета не было, то, может быть, священник в Сан-Ремо и может это сделать без особенного для себя риска. Но только не забудьте того, что, так как в Италии признаны большевики, то, с этой стороны, положение сан-ремовского священника может стать еще гораздо более деликатным относительно итальянского правительства. По всем этим соображениям все-таки самое безопасное это ехать венчаться в Юго-Славию.

ВасМак[лаков]

Машинопись. Подлинник.

ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 46–46 об.

---

¹ Ниже рукою В.В. Шульгина написано: «[Получено] 12/V».

² Миллер Евгений Карлович (1867–1939) — генерал-лейтенант Генерального штаба, в годы Гражданской войны — лидер Белого движения на Севере России, генерал-губернатор Северной области, главнокомандующий войсками Северного фронта. С февраля 1920 г. — в эмиграции, назначен П.Н. Врангелем Главноуполномоченным по военным и морским делам в Париже, 7 марта 1922 г. назначен начальником штаба Главнокомандующего Русской армией (Врангеля), а 8 ноября 1922 г. — его помощником с оставлением в прежней должности. Активно участвовал в работе Российского общевойскового союза, в 1930–1937 гг. был его председателем. В сентябре 1937 г. был похищен советскими агентами, вывезен в Москву и расстрелян.

³ Муссолини (Mussolini) Бенито (1883–1945) — социалист, затем лидер итальянских фашистов; диктатор Италии в 1922–1943 гг.

№ 49

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

[14 мая 1924 г.]

Дорогой Василий Алексеевич.

Простите, что не сразу ответил. Отвечаю теперь не «в порядке важности», а наоборот.

1. Машинка. Меня нисколько не огорчила весть об ее исчезновении. Это было преподлое существо: по внешности миловидное и дешевое, но таящее в себе всякие мерзости. Жалею о военном или цивильном, ее стащившем — впрочем, поделом вору и мука. Что же касается того, что я «требую» за избавление меня от этой скверной и никуда не годной машинчонки, то я требую, чтобы Вы мне не писали глупостей.

2. Ужасно буду Вам благодарен, когда получу «официальное» уведомление о снятии Епитимии. Вся эта бракоразводня шла с самого начала с такими ухабами, что я стал Фомой Неверным и не поверю, пока не получу бумагу с подписью и штампом. Но в этот день все же дело станет несколько проще. Насчет Сан-Ремо я думаю, что это испанские замки, хотя они и в Италии. Во всяком случае, попробую. Но, по-видимому, не избежать Сербии. Но, разумеется, я Вам обещаю не делать «беззаконий» во Франции. Я сам этого терпеть не могу, будучи легитимистом по душевной склонности. Одно для меня неясно теперь: что же для Сербии (или Италии) нужно все-таки «консульское удостоверение»? Насколько я понимаю — нет, ибо «консульское

удостоверение» есть гражданский развод, совершенный русскою светскою властью, после духовной. Если в Сербии нет гражданского брака, то не нужно и гражданского развода? Так? Когда будете мне писать, разъясните, пожалуйста, этот пункт, чтобы быть моим ментором до конца в контрбрачной эпопее. О, бедный Телемак¹!

3. Гонорар за известный Вам фельетон равняется 50 фр. Вы его с меня не получите, зато я принимаю на себя всю награду иного свойства и, совершив плагиат, буду выдерживать роль законного собственника. В настоящее время, когда даже землю не отбирают, литературные захватчики тем более вне досягаемости.

4. «По обычаю нашему по цыганскому» из попытки объединиться, чтобы кого-то назвать своим общим выразителем перед лицом Соседей, вышел кабак. Помните, я писал Вам скоро после отъезда из Парижа, что было бы хорошо, если бы Вы объединили русских в Париже. Вы ответили мне достаточно резко, что знать этого не хотите! Затем обстоятельства заставили Вас сделать шаг в этом направлении, и увы! Оказалось, что Ваше отвращение к сему делу было подсознательно обосновано. Что делать! Может быть, было ошибкой, что Вы допустили разговоры предварительно с одной стороной, а вероятнее, что дело глубже и что есть вещи не слиянные. Во всяком случае, я ужасно рад, что с Врангелевцами у Вас не вышло размолвки.

Ваш ВВ.
14 Мая 1924

Автограф. Подлинник.

---

¹ Телемак (Телемах) — в греческой мифологии сын Одиссея и Пенелопы. По Гомеру, он был младенцем, когда его отец отбыл в Трою, и по прошествии почти 20 лет Телемах отправился в Пилос в Спарте, чтобы узнать о судьбе своего исчезнувшего отца. Возвратившись на Итаку, Телемах встретил там Одиссея, уже вернувшегося домой, но притворявшегося уличным нищим, чтобы его не узнали враги, и помог отцу истребить женихов Пенелопы. Женихи Пенелопы, не желая возвращения Телемаха домой, сговорились и устроили ему засаду на обратном пути. Но благодаря совету Афины, сопровождавшей Телемаха в образе Ментора, ему удалось избежать смертельной опасности. Ментор — старый друг Одиссея, который, отправляясь под Трою, поручил ему заботы о доме и хозяйстве; поэтому он старался препятствовать назойливым женихам Пенелопы; он же был воспитателем Телемаха. Таким образом, Шульгин уподобляет Маклакова Ментору, а себя, соответственно, Телемаху.

Париж, 17-го Мая 1924¹

Ambassade
de Russie

Дорогой Василий Витальевич,

О том, что с Вас снята епитимия, мне говорил сам Евлогий, но он уехал; сегодня же поручаю справиться у него в канцелярии, все ли подписано и сделано, и если все в порядке, приму меры, чтобы Вас об этом официально известили. Но, во всяком случае, никаких сомнений в том, что это свершившийся факт, у меня нет.

Что касается Ваших недоумений насчет консульских удостоверений, то я с прискорбием констатирую, что Ваша юридическая сообразительность не соответствует Вашей неотразимости у женщин. Вы написали такую чепуху, что мне как юристу ее совестно читать. У Вас изображено буквально следующее: «консульское удостоверение есть гражданский развод, совершенный русской светской властью после духовной». Этой фразой Вы отдали себя в мои руки: стоит мне где-либо напечатать ее, и Ваша репутация погибла. С чего Вы взяли, что консульское удостоверение равняется гражданскому разводу, совершенному светской властью? И по какому праву консул мог бы позволить себе совершать гражданский развод, какого наш закон вообще не знает. И как можно совершать какой-нибудь акт в бумаге, именуемой «удостоверение». Вы совершенно не представляете себе роли консула. По существу, развод совершается не им, а духовной властью; только она уполномочена это сделать, и она его делает. Консул же не что иное, как тот чиновник, которому французское правительство дало право выдавать на французской территории свидетельства о том, что такое-то гражданское состояние существует. Когда консул, например, удостоверяет точность перевода какой-либо бумаги с русского языка на французский, то, хотя консул русский чиновник, а не французский, это удостоверение французскими властями признается достаточным. Когда, разобрав устав акционерного общества и протоколы общих собраний, консул удостоверяет, что такое-то лицо является директором-распорядителем данного общества — то французская власть и французские учреждения этим удостоверением довольствуются. Словом, все, что касается прав русских граждан, удостоверяется консулами, и эти удостоверения обязательны для французских [властей]. Но, как видите, консул только удосто-

веряет акты, а их не совершает. То же было и с разводами. Развод совершался духовной властью, но французское правительство никакой русской духовной власти на своей территории не знало и не допускало. Только консул мог выдать удостоверение, что данное лицо находится в браке или разведено, только его удостоверение и могло иметь юридическую силу; когда консул выдавал такое удостоверение в положительном смысле, то он вовсе не совершал гражданского развода, а он просто свидетельствовал, что по существующим законам митрополичьего развода достаточно, что это есть полный развод со всеми юридическими последствиями. Вы понимаете, что французские власти не могли даже знать, соответствует ли митрополичий развод русским законам или нет; это мог знать только консул; и когда консул свое удостоверение выдавал, этого было достаточно. А он до сих пор выдавал их потому, что по нашему русскому закону духовного развода совершенно достаточно для произведения всех юридических последствий. Консул не подумал, и в этом он виноват так же, как и я, что французское правительство может не позволить митрополиту заниматься разводами на своей территории. Вот почему, когда я узнал, что оно не позволяет этого делать, я и запретил консулам выдавать удостоверения; ибо в противном случае их удостоверения шли бы в разрез с законами страны, где они живут; когда же митрополит сам заявил, что его развод никаких гражданских последствий не имеет, то всякое основание для выдачи таких удостоверений пало.

Исходя из такой юридической конструкции, представьте себе Ваше положение в Сербии. Сербия гражданского развода не признает, только духовный. С точки зрения Сербии, митрополичьего развода совершенно достаточно. О том, что сам митрополит признался, что в гражданские последствия он не входит, т.е. что он искажил смысл церковного развода, Сербское правительство не знает, и мы ему об этом говорить не будем. Тут я лукавлю в Вашу пользу. Когда таким образом Сербская духовная власть узнает, что на французской территории был совершен развод по нашему церковному закону в полном соответствии с этим церковным законом, то ввиду того, что, с точки зрения сербской власти, такого духовного развода достаточно, она, конечно, будет считать Вас правильно и достаточно разведенным. Ведь для нее гражданского развода вовсе не требуется. Тогда она Вас обвенчает; когда же Вы явитесь во Францию законно обвенчанный в Сербии, то французская власть не будет проверять правильности Вашего вторичного брака; ведь это исключительно дело той страны, где брак был совершен. Французская власть получит удостоверение серб-

ского правительства или русского консула в Сербии, что брак заключен правильно в Сербии, и этого для нее будет достаточно.

Единственный вопрос, который может стоять, следующий: удовольствуется ли русский священник на территории Сербии и даже сербские власти тем, что Вы представите им бумагу за подписью Евлогия. Если бы они этим удовольствовались, то все было бы хорошо. Но я представляю себе, что этого мало и что они потребуют удостоверение нашего консула; наш консул сможет тогда дать удостоверение, что развод совершен сообразно русским церковным законам, не касаясь его последствий на территории Франции. Это последняя оговорка, которая лишила бы этот развод всякого смысла во Франции, не имеет никакого неудобства для Сербии; поэтому в отступление от моего запрещения на такое удостоверение для Вашего случая я соглашусь и дам в этом смысле предписание консулу. Но только помните одно: немного времени осталось, пока наши консула [так!] смогут выдавать какие бы то ни было удостоверения; с этим нужно торопиться, если не хотите иметь дело уже с большевистским консулом, который представит Вам новые затруднения, но уже совершенно с другой стороны.

Пока не буду больше ничего писать; по недостатку времени, а не по недостатку аргументов; впрочем, не могу не прибавить, что «Русская Газета» Вас грабит. Если она заплатила Вам 50 фр. за оба письма, то это грабеж; если же только за мое, то ввиду того, что краденое всегда ценится на рынке дешевле, то это сносно; готов даже помириться с ущемлением моего самолюбия за то, что моя проза так дешево ценится.

Что же касается до машинки, то если вор, ее укравший, предъявит ко мне иск за то, что эта машинка испортила ему нервы или вообще ввела его в невыгодную сделку, заставившую поступиться со своей совестью дешевле, чем он рассчитывал, то я по такому иску платить не буду; но так как все-таки продолжаю считать себя перед Вами виноватым, то предоставляю Вам на меня бланковый вексель; когда Вам нужна будет моя помощь по какому-нибудь предприятию, то рассчитывайте на меня.

ВасМ[аклаков]

Машинопись. Подлинник.

ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 47–51.

---

¹ Ниже рукою В.В. Шульгина написано: «Получ[ено] 19/V».

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

[Вторая половина мая 1924 г.¹]

Дорогой Василий Алексеевич.

Очевидно, Вам сейчас не до того, но Вы были слишком правы, когда рекомендовали мне «спешить». Если еще можно это сделать, пожалуйста, передайте консулу прилагаемую при сем копию «Бракоразводного Свидетельства», в точности коего он, таким образом, не будет сомневаться, и мою просьбу, а Ваше предписание — выдать на основании сего свидетельства такое Удостоверение, какое Вы признаете возможным. Я опасаясь посылать подлинник, ибо при современных обстоятельствах он может затеряться, а этот документ вторично я, очевидно, уже не получу.

От Владыки или Управления пока еще ничего не имею по вопросу об епитимии. Может быть, они послали его моему духовнику в Канны?

События пошли быстро. Если я могу чем-нибудь помочь в надвигающейся перемене — статей [в] «Р[усской] Г[азете]» или письмами к отдельным лицам, напишите, что надо и чего не надо. Я остаюсь при своем и думаю, что надо сохранить под новыми формами ту же сущность: Вас и Хольмсена². Не знаю, насколько это сейчас возможно в Париже. Но в других местах это удалось приблизительно.

Ваш ВВ.

Автограф. Подлинник.

ПРИЛОЖЕНИЕ:
Копия

Епархиальное Управление Русскими
Православными Церквами в Западной
Европе
Administration diocesaine des Eglises
Orthodoxes Russe en Europe
Октябрь 26 дня 1929 года
№ 1271

12, Rue Daru
Paris

Бракоразводное свидетельство

Выдано настоящее свидетельство из Епархиального Управления Православными Русскими Церквами в Западной Европе Василию Витальевичу Шульгину, православному первоначальному, в том, что брак его с Екатериной Григорьевной, урожденной Градовской³, венчанный 20 января 1899 года, причетом Покровской Церкви в

гор. Одессе, определением Епархиального Совета 1-го октября 1923 года, — р а с т о р г н у т ь, по причине нарушения супружеской верности мужем Василием Витальевичем Шульгиным, с возложением на Василия Витальевича Шульгина согласно епитимии 20 правил Анкирского Собора и запрещением в течение семи лет вступать в брак и приступать к Таинству Св. Причащения, с правом ходатайствовать перед Епархиальным Архиереем о сокращении срока запрещения на основании свидетельства духовника о соответственном выполнении епитимии.

Митрополит Евлогий (подписал)

Печать

Секретарь Епархиального Совета
Аметистов (подписал)

Писарская копия.

---

¹ Датируется по содержанию.

² Хольмсен Иван Алексеевич (1865–1941) — генерал-лейтенант Генштаба. В 1901–1906 гг. — военный агент (атташе) в Афинах, в 1906 г. — в Константинополе; неоднократно выполнял различные разведывательные и военно-дипломатические поручения. Первую мировую войну начал в должности командира пехотной бригады; в феврале 1915 г. попал в окружение и был взят в плен германскими войсками; в апреле 1917 г. в порядке обмена офицерами-инвалидами между Россией и Германией был освобожден и отправлен в Норвегию, где находился в лагере для русских солдат, освобожденных из плена. Зимой 1918–1919 гг., будучи проездом в Лондоне, вступил в должность помощника генерала Б.В. Геруа, главы Особой военной миссии по оказанию материальной помощи армиям Е.К. Миллера и Н.Н. Юденича; с марта 1919 г. глава русской военной миссии, представлявшей все белые армии в Берлине; с 1920 по 1922 г. представлял в Берлине генерала П.Н. Врангеля; с апреля 1922 г. стал его представителем в Париже. Под «новыми формами» Шульгин подразумевает представительство российских эмигрантов взамен посольства.

³ Шульгина (урожд. Градовская) Екатерина Григорьевна (1879–1934) — жена В.В. Шульгина, журналист, издатель.

№ 52

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Paris, le 2 Июня 1924

Ambassade
de Russie

Дорогой Василий Витальевич,

Я не могу ничего сделать по присланной мне копии. То свидетельство, которое до сих пор ставил консул, ставилось на подлинник

Епархиального Управления, значит, и для этого Вам нужно было бы мне его выслать. Кроме того, должен Вас предупредить, что благодаря целому ряду бестактностей Епархиального Управления консул сейчас брыкается и отказывается выдавать удостоверения даже в той смягченной форме, о которой я Вам говорю. Единственно, чего от него мог добиться в одном из недавних случаев, — это то, что на подлинном акте он удостоверил подпись Евлогия. Это может послужить косвенным доказательством того, что представленный Вами акт не только подлинный, но и согласный с законом. Думаю, что для Вашего случая, т.е. для венчания в Сербии, этого будет достаточно, большего же я от него не получу. Итак, торопитесь и вышлите мне сюда подлинник; если Вы это сделаете немедленно, Вы еще не опоздаете.

Евлогий приезжает завтра, и тогда я сяду на него, чтобы он выслал Вам свидетельство об епитимии, если только он до сих пор не выслал.

Что же касается до так называемого «Объединения», то не советую Вам ничего делать. Все, что покуда делается, настолько глупо, что помочь этим нельзя; я надеюсь пока только на одно: на предстоящий свой разговор с новым правительством; если оно окажется неблагополучным, то никакими Объединениями мы ничему не поможем. Но по той дурацкой линии, которую принимают сейчас завтрашние хозяева, я ни на что хорошее не рассчитываю.

ВасМак[лаков]

Машинопись. Подлинник.

ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 52–52 об.

№ 53

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

6 Июня 1924

Дорогой Василий Алексеевич.

Поехав вчера в Канны, я нашел снятие епитимии [так!] у своего духовника, который имеет эту бумагу уже месяц, но потерял мой адрес (бывает!). Итак, это сделано — спасибо Вам большое. Прилагаю при сем оба документа, как Вы мне наказали — подлинные. Ради Бога, скажите консулу, чтобы он не затерял их или мой адрес. А там будь что будет, собираюсь в Сербию.

Ваше письмо последнее от 2 Июня. Но 3-го произошло «Объединение», которое, если судить по «Р[усской] Г[азете]», вышло довольно импозантно. Правда, нет Милюкова и части правых. Но последние в громадном и действенном большинстве представлены Миллером и Хольмсенон¹. Что касается Паши, то на нем надо поставить крест. Вы знаете, как я люблю растрачивать «ценности» (их так мало!), но Милюков кончен. Еще в 21 году Львов (Н.Н.) не подал ему руки. Сейчас с ним будет то, что с ним было в 3 думе, когда при его появлении на кафедре Дума вытекла из зала в молчаливом, но до конца убежденном презрении². Его позиция в отношении В.К.Н.Н.³ неприлична. Ему остается соединиться с Влад. Бобринским⁴. Один будет проповедовать республику, а другой чистый Легитимизм, компрометируя и то, и другое и не внося в трактовку сих понятий ничего, кроме пошлости.

Думаю, что Объединение Врангелевцев, Промышленников и группы Карташева⁵ не могло бы состояться без интервью В.К.Н.Н. За кулисами они, очевидно, объединились на этом — и благо им, если так. Что из сего выйдет, конечно, не нужно оболящать себя большими надеждами, но все же это шаг вперед. То же, что они молчат об этом, а делают яркий жест по отношению к Вам, свидетельствует о ловкости. Я считаю, что Вам удобнее всего опереться на эту группу как центральную. Это на тот случай, если им не удастся заключить условий с «правым» и «левым» блоком. Всего хорошего.

Ваш ВВ.

P.S. Пожалуйста, для быстроты уплатите, если Вам не трудно, консулу, что следует, а мой приятель Домбровский внесет Вам.

Автограф. Подлинник.

---

¹ Речь идет об одном из совещаний по подготовке к созданию эмигрантского объединения с целью защиты интересов российских изгнанников. Перспектива признания Францией советской власти становилась все более реальной. После победы 11 мая 1924 г. на выборах в палату депутатов Левого блока признание стало делом ближайших месяцев и эмигрантам следовало озаботиться созданием органа, способного в какой-то степени заменить посольство.

² Речь идет о демонстративном бойкоте, устроенном П.Н. Милюкову большинством 3-й Думы в весеннюю сессию 1908 г. после его возвращения из поездки в США. «Очевидно, самый факт моей поездки рассматривался как какая-то измена родине, и демонстрация была подготовлена заранее к моему первому по приезду выступлению на трибуне, — вспоминал впоследствии

Милюков. — Когда я приготовился говорить, члены большинства снялись со своих мест и вышли из залы заседания. Должен признать, что мое первое впечатление было жуткое». — Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 14. После того, как его выступление было сорвано вторично, Милюков напечатал свою произнесенную речь в кадетской «Речи», высказав заодно и свое мнение о поведении думского большинства. Поскольку бойкот потерял смысл, следующее выступление Милюкова прошло без инцидентов.

³ В.К.Н.Н. — великий князь Николай Николаевич.

⁴ Бобринский Владимир Алексеевич (1867–1927), граф — земский деятель, фабрикант, депутат 2–4-й Государственной дум. Во 2-й Думе — член фракции октябристов и умеренно правых. Один из создателей умеренно правой организации тульских земцев «За царя и порядок», вошедшей в состав «Союза русского народа».

⁵ Карташев Антон Владимирович (1875–1960) — историк русской церкви и политический деятель; в 1906–1917 гг. — профессор Высших (Бестужевских) курсов в Петербурге; с 1909 г. — председатель Религиозно-философского общества. С 1917 г. — член партии кадетов, входил в ее ЦК. С июля 1917 г. — обер-прокурор Святейшего Синода, после его упразднения в августе 1917 г. — министр исповеданий во Временном правительстве. С января 1919 г. — в Финляндии, где возглавил Русский комитет (с мая — Политический центр), фактически занимавшийся политическим обеспечением армии Н.Н. Юденича. С 1920 г. — во Франции. В 1921 г. избран председателем Национального комитета. С 1925 г. — профессор Русского богословского института Св. Сергия в Париже. Наиболее известная работа Карташева — «Очерки по истории русской церкви» (Париж, 1959–1960. Т. 1–2; переизд. М., 1991). Под «группой Карташева» подразумевается, очевидно, Национальный комитет (точнее, Русский национальный комитет), исполнительный орган Русского национального объединения (Союза), избранный в составе 74 человек на съезде Объединения, состоявшемся 5–12 июня 1921 г. в Париже. Цели Русского национального союза формулировались следующим образом: «а) освобождение России из-под власти международной политической организации, называющей себя Третьим Интернационалом и захватившей, путем насилия, власть в России; б) уничтожение в России политического и социального строя, приведшего к порабощению всего населения в интересах коммунистической партии; в) восстановление русской государственности на демократических основах, обеспечивающих полное гражданское равноправие и политическую свободу; г) экономическое возрождение России; д) создание возможности свободно определить волею народа формы государственного устройства России через посредство Учредительного собрания, которое будет избрано на основе всеобщего избирательного права, и е) защиту, впредь до восстановления русской государственности, чести, достоинства, прав и интересов России и русских граждан». (Съезд Русского Национального Объединения. 5–12 июня 1921 г. Paris, 1921. С. 29).

Париж, 10-го Июня 1924 г.

Российское Посольство
в Париже

Дорогой Василий Виталиевич,

Не могу не подивиться Вашему письму, вернее, второй его части. Если сопоставить его с тем, что Вы мне писали раньше по тому же поводу, то придется допустить, что Вы взгляды свои переменяли, но без какого-либо видимого для этого основания. Некоторое время назад Вы были против эмигрантского объединения и, во всяком случае, против того, чтобы я на него опирался; мне приходилось даже успокаивать Вас, что я не собираюсь этого делать. В настоящее время Вы находите, что, напротив, мне нужно на него опереться, и рекомендуете в качестве опоры собрание 3-го июня. Любопытно, что у нас получается второе 3-е июня¹. Что же переменяло Ваши взгляды? Только ли то, что это собрание Вам больше нравится по своему составу, а что в том первоначальном кто-то был лишний, кого-то не хватало. Но ведь Вы хорошо понимали и сами, что для меня дело было совсем не в этом; я никогда не принимал того первого собрания за собрание всей эмиграции; это было лишь попыткой не только что объединить эмиграцию, но просто позондировать почву о возможных шансах такого объединения. И когда Вы осуждали эту попытку, то, насколько я Вас понимал, Вы указывали не на то только, что это объединение кривое, а на то, что самая мысль основывать свое положение на эмиграции как таковой есть мысль фальшивая. Теперь же Вы рекомендуете мне на эту эмиграцию опереться.

Все это я пишу вовсе не из-за сомнительного удовольствия уличать Вас в противоречии, но потому что за всем этим скрываются некоторые серьезные принципиальные разномыслия. Два месяца полезных переговоров на тему об Объединении все-таки до некоторой степени расчистили понимания. Вопрос стал настолько более ясен, что завтрашний день у меня будет происходить первое собрание людей уже по более широкому фронту. Не знаю, будет ли на этом собрании сразу поднят основной вопрос, который нас разделяет, или пока он будет отложен, но, во всяком случае, для меня очевидно, что этим делом занимаются люди, которые на все вопросы смотрят совершенно по-разному.

В чем вопрос [с] моей точки зрения? В замене дипломатического представительства чем-то другим; и только в этом все те вопросы, ко-

торые возникли попутно, так как объединение эмиграции, создание каких-то эмиграционных органов для этого объединения, все это вопросы хотя бы интересные, но не имеющие ничего общего с упразднением посольства. Никто не мешал эмиграции объединиться и иметь такие органы даже и при существовании посольства. Никто не мог заставить и меня брать на себя почин подобных стараний; все это вопросы, которые посольства касались только косвенно, в той мере, в которой его касалось все, что делалось в эмиграции. У посольства были свои другие заботы и привилегии. Уже давно посольство потеряло свою главную функцию — быть посредником между русским правительством и французским. Но зато оно не только не потеряло, но даже расширило свою функцию в некоторых случаях говорить именем государственной власти, хотя бы и фиктивно. Когда консульства — и я сознательно смешиваю функции консульства и посольства — выдавали русскому человеку паспорт и тем удостоверяли, что данное лицо русской национальности, такого-то имени и такого-то семейного положения, то они этим исполняли функции государственной власти. И французское правительство до настоящего времени признавало за нашим консульством эти функции до такой степени, что если бы консул выдал Вам удостоверение, что Вы холосты, мэр Вас обвенчал бы, без дальнейшей проверки. Когда консула выдавали удостоверение, что данное лицо состоит директором-распорядителем такого-то акционерного общества, то оно могло получить из банков принадлежащие этому обществу деньги. Таких мелких случаев в жизни наших консульств было бесконечное множество. Консульство могло разрешать их только потому, что его удостоверения принимались в силу удостоверений государственной власти. Вот первая функция и самая важная, хотя и не видная, которую мы потеряем с момента признания большевиков. И первое сражение, которое мы даем за наши права, и должно заключаться в том, чтобы отстоять эту функцию за каким-то суррогатом. Это не невозможно; нелегко, но не невозможно. Скажу более, что министерство, подчеркиваю — министерство, но не министр, мнение которого я еще не знаю, стоит за то, чтобы подобные функции за кем-либо сохранить. Но за кем могут быть они сохранены? А priori ясно, что только за тем, к кому французское правительство будет чувствовать более доверия, а значит, прежде всего к лицу или учреждению, вполне определенному и французскому правительству известному. Если мы посмотрим, как разрешился этот вопрос во всех странах, то мы увидим одну и ту же картину: подобный суррогат официального представительства был сохранен либо за прежними дипломатическими установлениями, либо за каким-либо существовавшим раньше гуманитарным учреж-

дением. Это последнее было в мелких странах: в Финляндии, Латвии, Эстонии, Австрии, отчасти в Польше. В этих странах, где дипломатического представительства не было, но было какое-то гуманитарное белое учреждение, местные правительства согласились наделить эти учреждения некими консульскими правами. Но и в том, и в другом случае есть нечто общее: местное правительство давало известного рода права тем лицам или тому учреждению, которое оно знало и которому верило. Во Франции может быть только то же самое. Французы могут: либо признать, что те лица, которые выдавали эти удостоверения в качестве консульств, настолько заслуживают их доверие, что могут продолжать это дело и верить под другой кличкой. Либо признать, что есть какое-то другое учреждение с другим составом лиц, которое настолько хорошо себя зарекомендовало перед ними, что они могут доверить ему эти функции, помимо прежних консульств. В этом смысле, вопреки Вашему другу Филиппову, мог бы неожиданно выплыть и Земгор². Но и при той, и при другой комбинации в основе могло лежать только одно согласие французского правительства, основанное на его доверии.

Если мы заинтересованы в том, чтобы сохранить за кем-либо эти функции и не быть принужденными ходить в большевистское консульство или к французскому нотариусу, то нам нужно подсказывать французам решение в том или в другом смысле. Было бы совершенной гибелью для дела, если бы вместо этого Вы стали говорить перед ними о доверии к эмиграции как основе для будущего представительства. Наша эмиграция настолько невежественна и некультурна, что вообразила, что если бы она объединилась и создала выборный орган и даже выборное лицо, то французское правительство за этими выборными согласилось бы признать прежние консульские права. Ясно, что о такой конструкции нельзя даже и заикаться, так она бессмысленна. Эмиграция как таковая никакого доверия французскому правительству не внушает и внушить не может, и ее выборные органы то же самое. Если бы даже выборы эмиграции пали на лицо, пользующееся доверием французского правительства, то самый факт зависимости этого лица от какого-то коллектива, а там, где есть выборные, есть и зависимость, подорвали бы всякое к нему доверие. Если бы по Вашему рецепту я пошел бы к французам разговаривать о предоставлении мне каких-то функций, опираясь на то, что за мной стоит организованная эмиграция, то было бы лучшим средством, чтобы мне этих функций не дали.

У дипломатических представителей была еще другая функция — кланчить за отдельных лиц. Над каждым из нас может стрястись беда, и тогда приходилось его из этой беды выручать. Когда-то я должен

был извлекать людей из концентрационного лагеря, а теперь от высылки. И тут, я Вам скажу, официальное положение для подобного рода хлопот только мешало. Вначале, по неопытности, я этого не знал, делал гаффы³, являлся разговаривать как посол и получал в ответ, что это меня не касается и что французы у себя хозяева и принимают те меры, которые желают, независимо от моего с ними согласия. Все это облекалось в вежливую форму, но по существу значило именно это. Я тогда очень хорошо понял, что есть вопрос, где я могу достигнуть многого, но исключительно при условии не пользоваться своим официальным титулом, а пользоваться личными отношениями. То же самое будет и сейчас. Если кого-нибудь незаслуженно вышлют, и я приду просить за него, то если я приду просить в частном порядке, лично от себя, то, может быть, я чего-нибудь добьюсь: для этого и приходится «поддерживать отношения». Но если бы я пришел не лично от себя, а как выборное лицо эмиграции, опирающееся на какие-то союзы, то я смогу сказать наверное, что со мной не стали бы даже и говорить. Вот почему, когда эмиграция воображает, что она может меня подкрепить и усилить, то это настолько бессмысленно, что мне трудно верить в искренность подобных заявлений эмиграции, и ее выборные органы могут быть только тем грузом, который меня потопит при первоначальных разговорах с французами.

И для меня ясно, что за большими фразами о подкреплении стоит совсем другое: эмиграция желает меня оседлать. Соединившись якобы для моего подкрепления, она не только хочет этим получить и извне какое-то официальное положение, но, что гораздо важнее, во внутренних наших отношениях, говоря словами Вашего друга Ефимовского, она хочет явиться властным органом. Я буду ей подчинен если не юридически, то морально, буду исполнять ее поручения и следовать ее директивам, словом, неся ответственность исключительно на себе, все права над собой я передам анонимному коллективу. Вы понимаете, что этого я не желаю и на это я не пойду. Я вовсе не желаю опираться на эмиграцию просто потому, что для того дела, о котором я сейчас думаю, эта опора не нужна. Что же касается до каких-то внутренних соотношений эмиграции, не проявляющихся вовне перед французами, то для всех этих отношений я вовсе не нужен. Возьмем пример: эмиграция возится с мыслью о самообложении; мысль прекрасная, хотя несколько утопичная. Никто не помешает эмиграции это делать. Если [бы] она создала какой-либо орган, которому другие добровольно подчинились, и даже если бы этот орган имел право или по крайней мере возможность принимать какие-либо санкции против непослушных и, таким образом, мог бы действительно заменить доб-

ровольные сборы принудительным обложением, то это было бы, может быть, очень хорошо. Вы, который когда-то носились с мыслью об образовании из эмиграции русского государства, должны были бы этому сочувствовать, и я лично готов этому сочувствовать. Но принимать в этом участие и особенно возглавлять такой почин я не только не желаю, но и не считаю себя вправе. Поскольку у меня были бы доверенные мне французским правительством в качестве привилегий консульские функции, постольку я обязан был бы пользоваться ими в интересах всех русских беженцев независимо от того, подчинились ли они этому властному органу или не подчинились. Если бы я вздумал карать неплательщиков отказом в выдаче паспортов, то это было бы злоупотреблением и нарушением доверия, оказанного мне французскою властью. То же самое в целом ряде вопросов. Кто Вас знает, может быть, Ваш орган обложит всех в пользу Николая Николаевича или, как очень советует Борис Суворин⁴, предложит всем публично высказаться в его пользу, а всех несогласных отлучит от эмигрантской церкви; никакого касательства к подобным *телодвижениям* я не желаю иметь не только лично, но особенно как носитель каких-то государственных прав и обязанностей. Я мог бы Вам представить еще более острые вопросы: поставьте сюда хотя бы вопрос о расходовании остатков государственных средств, которые, как Вы знаете, находятся на руках у ответственных за них лиц, т.е. у финансовых агентов. «Властные органы» эмиграции могут потребовать и их; это дело уже их, но никакого касательства к этим «властным органам» я иметь не желаю.

Вот то глубокое разногласие, которое лежит между мною и большинством национального центра; повторяю, оно может быть еще затушевано в данный момент и всплыть только позднее, но оно лежит все-таки между нами; я его затушевывать больше не стану и завтрашний день буду всем наступать на больные мозоли. И здесь я остаюсь только верен самому себе: я не верю ни эмиграции, ни в эмиграцию; естественно, что и она не должна мне верить. Если она пытается якобы сосредоточиться вокруг меня, то это только с задней мыслью. А так как я ненавижу фальшивые положения и не желаю дать повода попрекать себя в том, что я кого-то обманул, то этот вопрос о разделении функций суррогатов дипломатического представительства и эмигрантского объединения должен быть поставлен в первую очередь.

ВасМ[аклаков]

Машинопись. Подлинник.

ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 53–60.

---

¹ Имеется в виду роспуск 2-й Государственной думы 3 июня 1907 г. и издание нового избирательного закона, что, по существу, явилось государственным переворотом. Новый избирательный закон обеспечил «контрольный пакет» в 3-й Государственной думе правым либералам (октябристам), привел к существенному увеличению депутатов от правых партий, сокращению депутатов от левых либералов (кадетов) и свел к минимуму представительство социалистических партий. По совпадению совещание представителей эмигрантских организаций состоялось 3 июня 1924 г.

² Имеется в виду Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей, созданный в Париже в феврале 1921 г.

³ гаффа — от франц. gaffe — промах, оплошность.

⁴ Суворин Борис Алексеевич (1879–1940) — журналист, издатель. Третий сын А.С. Суворина (1834–1912), основателя газеты «Новое время». Начал литературную деятельность в газете своего отца «Новое время» в 1895 г., помещая отчеты о спорте. В 1904 г. назначен редактором «Телефона нового времени», в 1905 г. по желанию С.Ю. Витте был прикомандирован «Новым временем» к Российской делегации по заключению мира в Портсмуте. В 1909 г. сопровождал в Англию делегацию членов русских законодательных учреждений. Редактировал в Санкт-Петербурге издания «Вечернее время» (1911–1916 гг.), «Лаун-тенис» (1912–1914 гг.), «Журнал аэродрома» (1910 г.), «Время» (1914–1916 гг.), «Конский спорт» (1914–1916 гг.), «Новое время» (1915–1916 гг.), «Русско-британское время» (1916–1917 гг.). Соиздатель «Русской будущности» (1915–1916 гг.). В 1916 г., не оставляя руководства газетой, вступил добровольцем в армию. После большевистской революции уехал на Дон, участвовал рядовым в 1-м Кубанском (Ледяном) походе Добровольческой армии. Во время похода издавал печатный листок. В 1918 г. при поддержке генерала М.В. Алексеева возродил «Вечернее время» в Новочеркасске, потом в Ростове-на-Дону, с продвижением Добровольческой армии издавал газету в Харькове и Курске. В 1920 г. после кратковременного пребывания в Новороссийске перенес «Вечернее время» в Феодосию и одновременно основал в Симферополе газету «Время». В середине 1920 г. генерал П.Н. Врангель командировал Б.А. Суворина в Париж для связи с французскими газетами. В 1924 г. издавал «Вечернее время» в Париже. Газета закрылась из-за материальных затруднений. Некоторое время редактировал вместе с А.И. Филипповым «Русское время». Одновременно сотрудничал в «Энтраппе», «Фигаро», «Ревю де Де Монд» и «Возрождении». В 1926 г. отправился на Дальний Восток, где редактировал сначала в Шанхае «Шанхайскую зарю» и «Время», затем в Харбине «Русское слово». На Дальнем Востоке пробыл недолго, вернулся во Францию. В 1938 г. по настоянию левого французского правительства в числе пяти русских эмигрантов, занимавшихся, с точки зрения властей, вредной политической деятельностью, был выслан из Франции. Избрал своим местожительством Югославию, где и скончался в Белграде. Сотрудничал в журнале «Часовой».

25 Июня 1924

Дорогой Василий Алексеевич.

До сих пор не поблагодарил Вас за «консула». Это потому, что я переехал в новое место. Остался все в том же Варе, но «варюсь» теперь около самого моря. Впрочем, моя острога не подходяща, вариться совершенно не приходится, ибо погода прохладная. Здесь хорошо. Это Sainte-Maxime sur Mer — между Тулоном и SS. Raphael-Valescure. Место простенькое, но мнящее себя идущим в гору курортным и «единственной летней станцией» на Côte d'Azur¹. Вы не ездите на велосипеде? Ну так вот я езжу, и потому мне окрестности доступны. Вообще Прованс мне нравится, и я нахожу, что между ним и Парижем такое же удельное соотношение, как между Петроградом и Малороссией. Только Провансальцы куда умнее нас, ибо идиотской формации Украинцев (их по-французски пришлось бы называть les Marchiens — от слова margo [лат.], marge, marche, die Marka, что значит — край) у них, по-видимому, не существует. Зато есть обостренная привязанность к «родному краю», который действительно прекрасен. И женщины тут куда красивее парижанок, что, впрочем, меня не касается, а Вы в Прованс не приедете, ибо Вы слишком столичный провинциал. Но вот что думаю: если Франция не хочет, чтобы эта страна пришла в еще больший упадок (а упадок в деревне велик, если судить по огромному числу запущенных земель и нескончаемых руин домов), то ей надо опереться на итальянцев. Ибо французы не хотят работать на земле: им нужен café и cinéma. Итальянцы и сейчас делают тяжелую работу, но не только тяжелую. Всякой коммерцией занимаются изрядно. Они живее, энергичнее и менее ослаблены культурой. Поток их заливают юг Франции.

Словом, я благодарю Вас очень за удостоверение. Теперь все в порядке, остается ехать в Сербию. Когда будут визы и поеду.

Что у Вас делается в Париже я, очевидно, не понимаю, а поэтому не буду распространяться. А то Вы меня еще раз изругаете.

Всего хорошего.

Ваш ВВ.

P.S. Прилагаю 17 фр. — это за «консула».

Новый адрес:

Mr. Schoulgine, Villa Gabrielle,
Avenue de la Gare, SSe-Maxime sur Mer,
Var

Автограф. Подлинник.

---

¹ Côte d'Azur (франц.) — Лазурный берег.

№ 56

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 27-го Ноября 1924 г.¹

В.А. Маклаков
5, rue Nouvelle-Stanislas

Дорогой Василий Витальевич,

Из Вашего письма к моей сестре я узнал, где Вы находитесь; без этого я стал бы спрашивать себя, уж не поссорились ли мы с Вами? Правда, я не мог вспомнить из-за какой причины, но для этого никакой причины и не нужно. Думал я об этом потому, во-первых, что Вы вообще мне давно не писали, а во-вторых, потому, что на одно мое письмо Вы мне даже не ответили. Эта российская учтивость остается все равно на Вашей совести, если только не предположить, что Вы моего письма просто не получили. Я должен сознаться, что писал его по какому-то фантастическому адресу, который Бог весть по какой причине оказался записанным в моей адресной книге. Это не дошедшее до Вас письмо имело вложением оттки моей первой статьи с воспоминаниями о революции². Я рассчитывал, что Вы мне по этому поводу что-нибудь скажете, тем более, что и сами занимаетесь тем же, пустословием. Теперь я хотел послать Вам вторую статью, но не делаю этого, так как не уверен, что Вы получили первую. Если Вы исправитесь и объясните мне смысл Вашего молчания, то я Вам пришло и две остальные³.

Как Вы сами понимаете, здесь происходили весьма волнительные события; для наблюдателей и философов материалу было достаточно. Можно было любоваться остроумием и глубокомыслием советов тех наших соотечественников, в которых принято продолжать видеть будущих спасителей России. Вообще, я Вам скажу такое философское наблюдение: чтобы понимать, почему с Россией вышло то, что

вышло, т.е. почему мы испортили такую хорошую машину, очень полезно наблюдать не только революцию, которая показала наши стороны в одном освещении, но и эмиграцию, которая обнаруживает другие. Когда Мы [так! — *О.Б.*], громадное большинство из нас (исключения есть, но они остаются исключениями и потому подтверждают правило), показали себя в натуральном виде, то становится необычайно ясным, почему все вышло так, как вышло. Вспоминая прошлое, начинаешь испытывать теперь то вполне бесполезное умонастроение, когда, познав к старости все свои силы и свойства, начинаешь думать о том, как хорошо было бы начать жить сначала и как умно бы тогда эту жизнь провели. Воспоминания о нашей политической жизни для меня совершенно уподобляются этим личным воспоминаниям, но, очевидно, они и также бесполезны и для себя, и для других. В этом-то и состоит великая мудрость того учреждения, которое называется смертью и которое устраняет все эти бесполезные размышления. Если бы можно было представить себе будущую жизнь или, вернее, последствия страшного суда над нами, то видели бы их исключительно в этой форме: запоздалое понимание того, чего не нужно было делать и, наоборот, что нужно было делать.

Но я напрасно философствую, потому что я, может быть, с Вами в ссоре; а прогос я бы мог Вам привести самое документальное доказательство, что один из наших общих друзей способен был вести себя относительно меня совершенным подлецом. Это до такой степени верно, что его подлость не приносила ему ни малейшей выгоды и могла быть объяснена исключительно человеческой склонностью устроить своему ближнему гадость, если ее можно сделать безнаказанно, если не рискнуть попасться. Вы слишком молоды, чтобы помнить нашу мемуарную когда-то статью Льва Толстого о «кнопке», нажав которую убиваешь автоматически несколько китайцев; Толстой убеждал тогда, что найдется мало людей, которые отказались бы от этого удовольствия, если бы только были уверены, что никто их не обнаружит; в этом есть доля правды; но опять-таки не могу вести дальнейших разговоров с Вами на эту тему, покуда не знаю в достоверности, не находимся ли мы с Вами в ссоре. Вот пока и все, буду ждать от Вас определенного ответа; предупреждаю, впрочем, что если мы в ссоре, то она Вам все-таки так легко не пройдет, и по возвращению Вашему в Париж я буду иметь честь прислать Вам двух секундантов.

ВасМакл[аков]

Машинопись. Подлинник.

ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 61–63.

---

¹ Рукою В.В. Шульгина ниже написано: «Получ[ено] 3/X11».

² Речь идет о статье Маклакова *Vers la Revolution / La Russie de 1900 à 1917*, опубликованной 1 октября 1924 г. в журнале *La Revue de Paris* (с. 508–534).

³ Две остальные статьи цикла *La Russie de 1900 à 1917* были опубликованы в *La Revue de Paris* 15 ноября (с. 271–291) и 1 декабря (с. 609–631) 1924 г.

№ 57

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

10 Декабря 1924 года

Дорогой Василий Алексеевич.

Ни о какой ссоре, разумеется, не может быть и речи. Да и Вы сами употребляете это слово только иносказательно. Зато уже совершенно недвусмысленно Вы меня обвиняете в неучтивости. Да еще российской. Чем наносите мне двойное оскорбление. Впрочем, я перехожу в наступление только потому, что это лучший способ защиты, чему меня научила Ваша же кадетская фракция. Впрочем, вообще всем гадостям я научился исключительно у кадет и если и виноват в чем-нибудь, так только с тех пор, как с ними спутался, что, впрочем, очень ясно из Вашей же статьи. Впрочем, из последней фразы моей тоже ясно, что я ее, т.е. статью, получил, а это обозначает, что обвинение меня в неучтивости имеет под собой кой-какое основание. Но именно только кой-какое, потому как я за это время женившись, то с меня все взятки гладки. Я принимаю только поздравления и никаких упреков. И в свою очередь обвиняю Вас в неучтивости, что Вы меня не поздравили, хотя немало этому делу способствовали. Но так как я, в свою очередь, должен был написать Вам письмо с кондолеансами¹ по поводу принудительного оставления Вами Вашей прекрасной квартиры, но этого не сделал, то я почитаю, что мы за равносудием обид можем покрыть прошлое флером забвения. Впрочем, это для меня невыгодно, ибо если обиды равны, то все ж таки остается то обстоятельство, что я не поблагодарил Вас за Вашу милую любезность, выразившуюся в подношении мне экземпляра Вашего труда на французском языке с трогательной, но совершенно неразборчивой надписью. Но это обстоятельство, в свою очередь, объясняется отнюдь не неучтивостью, а наоборот, чрезмерной учтивостью, ибо, упреждая Ваше желание, я хотел не только поблагодарить Вас, но и сказать Вам «что-нибудь» по этому поводу и отнюдь «не пустословное». Но по каким-то причинам до сих пор этого сделать не мог, чего Вам (*т.е. причин*), парижанам, не

понять, ибо житье-бытье в странах экзотических Вам чуждо и невразумительно. На сем кончаю предисловие и перехожу к реферированию Вашего труда.

Мне нет необходимости высказывать элоги² Вашему несравненному стилю, который я весьма чувствую, испытывая при сем немалую зависть, ибо по-русски не напишу так, как Вы изъяснились на несравненном французском диалекте. Переходя же к достоинствам изложения по существу, не могу не отметить, что кроме исторической верности рассказ Ваш о чрезвычайных событиях 1917 года может быть весьма полезен для дружественной нам нации, по всем видимостям вступающей ныне на тот же скользкий путь. Рассказано же оно именно так, как оно было. Определение Ваше нашей сущности хотя и убийственно для самолюбия, но зато глубоко правдиво. К Вашему общему определению о непригодности к власти тех людей, которые все же к ней так страстно стремились, могу только прибавить, что эта непригодность не объясняется только одной неподготовленностью их к кормилу правления вследствие неучастия в делах государственных так называемой русской общественности. Ибо полную растерянность и безволие, мелкоту душевную, слабость и дряблость души и тела проявили вовсе не только те круги, которые политически не допускались к власти, но и круги, являвшиеся сей власти носителями. Да и по существу, если говорить с полной справедливостью, ведь и круг-то был один и тот же. Если не те самые лица персонально, то, во всяком случае, лица того же социального класса и положения в качестве чиновников и сановников правили страной и в качестве кадет делали оппозицию власти. Если высшее дворянство занимало у нас высокие должности на государственной службе, то и оно же играло немалую роль в рядах партий конституционно-демократических. Если адвокаты и профессора, *вообще «интеллигентствующие»*, играли выдающуюся роль в партии народной свободы, то этого же сословия людей мы нередко встречаем на ступенях высшей чиновной иерархии. Да, дорогой Василий Алексеевич, не в *одном* политическом режиме было *все* дело. Ибо в самые реакционные периоды русской истории мы видим, однако, людей, у которых по жилам струилась кровь, а не вода, и которые то, что они считали своим долгом, умели исполнять вплоть до личного самопожертвования. И если 14 Декабря 1825 года высшая аристократия страны лично повела ничего не понимающих солдат на мятеж против императора, обнаружив при этом хотя и весьма мало рассудительности, но и несомненное мужество, то и противная сторона, в лице Государя Николая I и наследника престола Михаила³, окруженные дворянством, оставшимся верным престолу, раздавила мятеж, можно сказать, персональной энергией, не щадя своей личной

безопасности и даже жизни. И думаю я посему, дорогой Василий Алексеевич, что причина постыдного поведения нашего в 1917 году кроется гораздо глубже, чем в особенностях политического правления нашей родины, и таится она там, где и всегда на протяжении истории таилась, — в случаях, сему подобных: в вырождении физическом и душевном классов, предназначенных для власти, ибо власть требует наличности некой материи, некой субстанции, не особенно удобно определяемой, но весьма ясно мною ощущаемой, субстанции, я бы сказал, имеющей нечто общее с ощущением силы и молодости. Поверхность же наша русская с той минуты, *по крайней мере*, когда я, человек провинциальный и необразованный, стал наблюдать лик столь *высоко ценимой на юге* Северной Пальмиры, показалась мне собранием, если это выражение не оскорбит Вас, недоносков и вырождков.

На сем кончаю часть общую. Перехожу к некоторым частным замечаниям.

Очень хорошо изъяснили Вы, милостивый государь мой Василий Алексеевич, что такое наш русский Сенат, известный под титулом «Правящий Сенат». И правильны были бы эти Ваши упреки в недостойном поведении, отнюдь не напоминающем древних сенаторов римских, если бы не одно обстоятельство. Как Вы сами правильно изволили указать в дальнейшем, уже Его Величество 2-го марта вступил на путь нарушения закона, передав престол брату при живом сыне⁴. Так если уже господам сенаторам пришлось, так сказать, покрыть собою это первое и самое важное правонарушение, то что уже говорить о дальнейшем. Ибо достопримечательная русская поговорка гласит, что, снявши голову, по волосам не плачут...

Не могу не отметить, что на странице 514 в разделе третьем Вы изволили несколько сурово и даже односторонне отозваться о так называемых «революционерах справа». Вы правильно изволили сравнить некогда существовавший «Союз Русского Народа»⁵ с нынешними фашистами. Действительно, среда, из которой вышеупомянутые союзы рекрутировались, в некоторых отношениях весьма напоминает среду фашистскую, и, думаю, ничуть не хуже ее. Среди революционеров справа я знавал личностей почтенных, а главное — способных к отпору и борьбе, способных и жизнь свою положить за други своя, чего в других, благородно-умеренных партиях наших, не замечалось. К сожалению, не нашлось в нашей русской действительности лица, подобного итальянскому Муссолини. А Петр Аркадьевич Столыпин, во многих отношениях его напоминавший, всецело занялся упорядочением аппарата правительственного и посему, конечно, не успел создать контр-форса, если смею так выразиться, справа, который раз-

вил бы в *политической* борьбе ту же свирепую лютость, каковую обнаружили революционеры слева. Этот зияющий пробел пришлось впоследствии восполнить их Превосходительствам, генералам Алексееву, Корнилову, Деникину, Врангелю⁶ и другим, но уже при условиях слишком обременительных.

С поразительной ясностью и очевидностью Вы показываете на стр. 524-ой, какова должна была быть линия поведения Великого Князя Михаила Александровича, 3-го марта 1917 года, и тех лиц, кои в эту злосчастную дату подавали его Высочеству советы⁷. И не подлежит никакому сомнению, что если бы на месте Великого Князя был один из перечисленных выше генералов или просто даже хорошо Вам известный казак-депутат, есаул Караулов⁸, человек редко трезвый, то есть, я хочу сказать, часто пьяный, но характера решительного, как и подобает быть сыну Терского вольного казачьего войска, то сопротивление было бы организовано; и если бы не увенчалось победоносным успехом, то все же впоследствии было бы отмечено историками земли русской как героическое проявление славного русского духа. Но, дорогой Василий Алексеевич, милостивый государь мой, мягкая женственность Великого Князя и вся его натура незлобивая и тихая, очень может быть пригодная для спокойных времен, конституционных, совершенно не соответствовала суровой беспощадности минуты той. И потому не мог родиться «подвиг силы беспримерной» под знаменем Великого Князя, а свершился он позже и, к сожалению, — слишком поздно...

Верно и то, что Великий Князь Михаил Александрович должен был просто отречься от престола, а вместо него вступить на престол следующий представитель дома Романовых, а именно Великий Князь Кирилл Владимирович⁹. Но если принять во внимание паломничество его Высочества с гвардейским экипажем за два дня до вышеразбираемого события¹⁰, то можно усомниться и в том, чтобы под водительством сего князя сорганизовался отпор. И надо думать, что Великий Князь Кирилл Владимирович тоже в ту пору отрекся бы от престола и, последовав примеру Государя Императора, отрекся бы за сына в пользу брата Бориса. А брат Борис — в пользу брата Андрея¹¹, а брат Андрей — в пользу следующего члена Императорской Фамилии, и так престол бы дошел до Великого Князя Николая Николаевича, который в ту пору тоже не был расположен противоборствовать разнужданной стихии; и получился бы точный прообраз того, что через полтора года произошло в Германии, когда все члены Императорской Фамилии Гогенцоллернов [Так! Правильно: Гогенцоллернов. — О.Б.], а также и всех других королевских домов Германии один за другим

отrekliсь от своих прав на престол. И было бы это, с точки зрения юридической науки, гораздо правильнее, по существу же, милостивый государь мой Василий Алексеевич, гораздо более безысходно. Ибо объявление Великого Князя Михаила Александровича есть только личное мнение Его Высочества, ни [для] кого, кроме Его Особы, не обязательное; ни один из остальных членов Императорской Фамилии сим подобием манифеста не был принуждаем к отречению от своих прирожденных прав и наоборот даже: видимостью отречения Великого Князя Михаила Александровича за всю Императорскую Фамилию все остальные члены династии были сей видимостью как бы невидимо и весьма тонко прикрыты. И благодаря этому способу действия, хотя весьма неправильному и, во всяком случае, бессознательному, имеем мы в настоящее время такое положение, что в лицах Императорской Фамилии, имеющих неоспоримые права на всероссийский престол, в настоящее время не только не имеем недостатка, а, можно сказать, страдаем от изобилия претендентов. А если бы последовало всеобщее отречение, что было бы неизбежно в случае правильного юридического поведения Великого Князя Михаила Александровича, то с династией было бы покончено совсем, и реставрация, хотя бы в роде и стиле Бурбонской¹², была бы окончательно невозможна.

На сим кончаю, Милостивый Государь мой Василий Алексеевич. Прошу простить меня за недостаточную обдуманность сего моего письма, явив этим Ваше всегдашнее ко мне снисхождение.

В ожидании Вашего [интересного] ответа остаюсь искренно всегда Вас почитающим и, более того, сердечно к Вам, с милостивого решения Вашего, расположенный.

Ваш покорный слуга В.В.

Сестрице Вашей, Марье Алексеевне, не откажите засвидетельствовать глубочайшее мое уважение и всегдашнюю сердечную преданность.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Соболезнованиями (от франц. *condoléance*).

² Похвалу (от франц. *éloge*).

³ Император Николай I (1825–1855) и его младший брат великий князь Михаил Павлович принимали личное участие в подавлении восстания декабристов.

⁴ Император Николай II отрекся от престола в пользу своего младшего брата великого князя Михаила, чего не имел права делать по закону о престолонаследии. Причиной этого была неизлечимая болезнь (гемофилия) наследника престола Алексея.

⁵ «Союз русского народа» — организация черносотенцев в России в 1905–1917 гг. В основе программы Союза лежала формула: «православие, самодержавие, народность». Идеологии «союзников» были свойственны национальная и религиозная нетерпимость, антисемитизм.

⁶ Генералы Михаил Васильевич Алексеев (1857–1918), Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1918), Антон Иванович Деникин (1872–1947), Петр Николаевич Врангель (1878–1928) — руководители вооруженных антибольшевистских формирований в период Гражданской войны в России.

⁷ Речь идет о совещании великого князя Михаила Александровича (1878–1918), в пользу которого отрекся от престола император Николай II, с членами Временного правительства и некоторыми членами Временного комитета Государственной думы 3 марта 1917 г. Подавляющее большинство высказалось за отречение Михаила. Против категорически выступал П.Н. Милюков и в менее решительной форме А.И. Гучков. См.: Милюков П.Н. Воспоминания. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 270–273; Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С. 271–277. Шульгин, участвовавший в совещании, высказался за отречение. Свою аргументацию Шульгин воспроизводил впоследствии следующим образом: «— Обращаю внимание Вашего высочества на то, что те, кто должны были быть вашей опорой в случае принятия престола, то есть почти все члены нового правительства, этой опоры вам не оказали. Можно ли опереться на других? Если нет, то у меня не хватит мужества при этих условиях советовать вашему высочеству принять престол...» — Шульгин В.В. Указ. соч. С. 275.

⁸ Караулов Михаил Александрович (1878–1917) — подъяесаул, депутат 2-й и 4-й Государственных дум.

⁹ Кирилл Владимирович, великий князь (1876–1938) — внук императора Александра II, сын великого князя Владимира Александровича, двоюродный брат императора Николая II, свиты его величества контр-адмирал.

¹⁰ 1 марта 1917 г. великий князь Кирилл Владимирович во главе Гвардейского экипажа с красным бантом на груди явился к Таврическому дворцу, месту заседаний Государственной думы, заявить о своей поддержке новой власти.

¹¹ Великие князья Борис (1877–1943) и Андрей (1879–1956) Владимировичи, сыновья великого князя Владимира Александровича, внуки императора Александра II, двоюродные братья императора Николая II.

¹² Имеются в виду французские Бурбоны (Bourbons) — королевская династия, занимавшая престол в 1589–1792 гг., 1814–1815 гг. и 1815–1830 гг. Династия Бурбонов была восстановлена на престоле в 1814 г. (повторно, после недолгого возвращения к власти Наполеона Бонапарта — в 1815 г.) в результате победы антинаполеоновской коалиции.

15-го Декабря 1924 г.¹

В.А. Маклаков

Подсудимый Шульгин, Вы обвиняетесь в том, чему следуют пункты:

1. — Вы претендуете на то, что я Вас не поздравил с женитьбой. Вы должны были бы знать, что все европейцы, если они не неучи и не математики, имеют первой обязанностью оповещать своих добрых знакомых о всех печальных событиях их жизни: смерти близких людей, женитьбе и т.п.; только по [одно слово нрзб. от руки] такой печатной бумажке они могут претендовать на поздравления. Без нее это называется нескромностью, желанием либо проникнуть в чужие секреты, либо присвоить себе звание близкого друга. Я не преминул бы прислать Вам мои душевные соболезнования, а, может быть, даже и поздравления, если бы имел от Вас такой картон; без него мое воспитание требовало, чтобы я молчал, что я и очень успешно исполнил.

2. — Если бы даже Вы мне прислали картон с оповещением о свадьбе, я, может быть, Вам бы поздравления все-таки не послал; опыт жизни научил меня, что, поздравляя в таких случаях, можно попасть впросак; никогда не забуду, как Ковалевский² осведомлялся о здоровье жены Орлова-Давыдова в то время, как она уже сидела в тюрьме³. Поэтому я взял за правило поздравлять новобрачных только в церкви, а когда они из нее вышли, то лучше молчать, ибо в своей жизни очень следую пословице: «dans le doute abstiens toi»⁴.

3. — Изложив Вам эти академические соображения, я все-таки Вас поздравляю, ибо из Вашего письма я усматриваю, что Вы еще не развелись и довольны своей судьбой и даже не проклинаете меня за то, что я оказал давление на Евлогия; это уже больше чем нужно для того, чтобы считать, что Вы родились в сорочке.

4. — А теперь к делу; на Вашу критику отвечаю Вам анти-критикой.

В общем, мне как будто бы не приходится с Вами спорить, раз Вы находите, что все рассказано именно так, как было, и что даже некоторые мои рискованные определения «глубоко правдивы», то мне остается разве спросить себя по-факионовски: «Демосфен меня хвалит, не сказал ли я какой-нибудь глупости?»⁵ Но так как, похваливши меня, Вы тут же меня и ругаете, хотя весьма снисходительно, то я буду оправдываться.

Вы думаете, что мои ссылки на режим недостаточны и что причины лежат глубже; эти причины — физическое и моральное вырождение целого класса. Поскольку Вы это же рассуждение применяете к династии, я с Вами совершенно согласен, династии действительно вырождаются, как вырождаются всякие роды; наша династия выдержала 300 лет только потому, что облыжным образом называла себя Романовыми, хотя Романовская в ней преемственность дважды прерывалась; во-первых, в лице Павла Петровича, в котором не было почти ничего романовского, и раньше его в лице Петра Великого, который, по мнению историков, вовсе не был сыном Алексея Михайловича⁶. Как бы то ни было, трехсотлетнее существование династии давало ей полное право выродиться, и для этого не нужно было искать никаких побочных причин; выродилась физически или, по крайней мере, морально, так как физические экземпляры в нашей династии и по сю пору есть, со всеми признаками породы, но выродилась как интеллект и как воля, т.е. как духовная сущность. Если этим объясняется и ее гибель и беспомощность во время революции, то я спорить не стану: для нее этого объяснения достаточно. Но когда Вы говорите то же самое и о целом классе, который, по Вашему мнению, тоже выродился, то тут я этих объяснений не приемлю. Класс, хотя бы даже дворянско-интеллигентный, все-таки же не только слишком велик, но и главное — слишком открыт постороннему в него проникновению, чтобы можно было говорить о физическом вырождении класса. Из моих детских воспоминаний я сохранил в памяти одну в свое время нашу мемуарную статью Чернышевского о причинах падения римской империи⁷, где он восставал против ходячего утверждения, будто римляне выродились. Этого, говорил он, быть не может. Вы, быть может, согласитесь со мной, что, вполне признавая справедливость некоторых Ваших наблюдений над этим классом, я эти самые Ваши наблюдения и объясняю режимом, а не простым физическим вырождением. Режим ведь то же, что воспитание; воспитание формирует детей, а режим формирует взрослых, но результаты его одни и те же; детям или взрослым прививаются искусственно некоторые общие черты, причем весьма часто как раз не те, которых добиваются. Можно ли думать, что в том классе, о котором мы говорим, не было тех сильных людей, о которых Вы скорбите; Вы ведь сами же их попутно называете, вспоминая и Столыпина, и Деникина, и Врангеля. И я, вспоминая свою молодость и студенческие годы, утверждаю, что среди молодежи мы видали много людей, которые абсолютно не имели никаких задатков физической вырожденности и могли бы в будущем кое-что сделать. Вот тут-то я и вижу развращающее влияние режима, который требовал безусловного повиновения, не умея в то же время убедить,

что это повиновение ведет к добру и к благу государства; который рядом своих глупостей внушал мысль, что служить стране можно только борясь с правительством, который развивал во всех нас свойство зубоскальства и критики, клеймя продажными рабами всех тех, кто становился на сторону власти; вот этот режим и создал ту кажущуюся вырожденность нашего класса, о которой Вы сейчас скорбите. Вы вспоминаете декабристов. Но тогда можно было быть сторонником Николая I и расстреливать мятежников, будучи глубоко убежденным, что в этом состоит и честь, и патриотический долг; помните Вы в последнем томе «Войны и Мира» слова Ростова, который грозил Безухову, что он по приказу Аракчеева⁸ будет его рубить и топтать. Когда у человека могло быть искреннее и некупленное убеждение, что нужно верой и правдой служить тому строю, в котором живешь, тогда в среде его защитников и могли находиться честные, идейные и сильные люди, которые ни перед чем не остановились. Но наш режим вел себя так, что они в этом усомнились; Вы всегда считаете себя самого человеком вырожденным и слабым; думаю, что Ваши похождения позднее этой Вашей оценки не подтверждают. Но, во всяком случае, едва ли Вы сами усумнились [так!] и в своем патриотизме, и в своем уме. И, однако, Вы в момент революции все-таки не решились стать за власть, против всех нас; не из трусости вовсе, а потому что вера в эту власть улетела. С самого начала царствования Николая II происходил этот искусственный отбор нашего якобы вырождавшегося класса. Честные, сильные люди, чтобы не мешать, но и не участвовать в этой нелепости, просто отходили в сторону, на покой, для созерцания; люди живые и деятельные становились врагами режима, подпадая немедленно всему вредному влиянию длительной оппозиции. А около власти были только спекулянты и карьеристы, которые эту же власть и предали. Не класс наш выродился целиком, а выродились те люди, которые могли иметь влияние, могли иметь возможность защищать строй и этого не сделали. Потому что эти люди в течение 20 лет искусственно подбирались и развращались. Не думайте, что это поверхностное объяснение «режима». Нужно только расшифровать, что этим словом «режим» означает, как он влиял и на защитников, и на противников власти. Наступил момент в нашей истории, когда власть разошлась со страной и вместо того чтобы управлять ею, стала с ней бороться; эта основная фальшь нас и развратила.

И знаете ли Вы, в чем выразился этот разврат? Во-первых, в том, что явился искусственный отбор людей власти; к ней шли только те, кто усваивал эту программу борьбы с народом, считая самоценностью сосредоточение всей власти в руках правительственного аппарата; типичным представителем такого течения был Катков⁹, и его идеоло-

гия надолго предопределила идеологию правящего класса; поэтому к власти шли только те, кто либо разделял эту идеологию, либо кто был способен думать только о собственной карьере. От этого власти все больше и больше обрастали отнюдь не лучшими элементами правящего класса. Но гораздо сильнее и глубже отразился этот разврат на самом обществе; с того момента, когда общество, понимая под этим и наше образованное общество, и даже мужика, стало видеть в правительстве чуждую силу, какого-то завоевателя и поработителя, с того момента и популярностью в глазах этого общества стали пользоваться только те нездоровые элементы, которые смотрели на власть, как на врага. Ведь это красной нитью проходит через все отрасли общественной жизни; этим объясняется успех оппозиционной печати, популярность всяких политических жертв, снисходительное отношение к террору и вообще ореол, украшавший всякого борца против власти. Общество развращалось именно тем, что смотрело на этих людей, как на властителей своих политических дум, что оно воспитывалось в этой идеологии. Когда мы говорим о целом классе, то не нужно забывать, что в им [так!] всегда есть всякие элементы — и здоровые, и плохие; характерно вовсе не то, что они существуют, они непременно существуют, характерно и интересно то, какие элементы господствуют, имеют успех и влияние. Почему в любом обществе, занятом серьезными делами, подразумевая практическими делами, успех всегда за серьезными элементами, а не за болтунами и фразерами; посмотрите, кого уважают в рабочих артелях, в мужицком «миру», даже весьма часто в серьезных акционерных предприятиях. Все это серьезные люди, понимающие, умеющие делать то дело, которое делают. А кому, наоборот, верили, с кем шли в области политических симпатий; почти безраздельно за фразерами, за болтунами, за верховлянами. Я никогда не забуду моего разочарования от выборов в 1-ую Государственную Думу, по городу Москве; тогда шли такие серьезные кандидаты, как Шипов¹⁰ и М.П. Щепкин¹¹. Они были наголову разбиты Кокошкиным¹² и Муромцевым¹³. Оба человека несомненно талантливые и хорошие; но в смысле своей серьезности, опытности в государственных делах и дальновидности не идущие ни в каком сравнении ни с Шиповым и особенно со Щепкиным. А я Вам привожу пример, где избранные кандидаты представляли все-таки ценность, притом положительную ценность, а мало ли случаев, где величины были положительно несоизмеримы, а победа ничтожеств еще более блистательна. Вся наша общественность с того момента, когда режим превратил ее в сторону, борющуюся с правительством, вся наша общественность стала выдвигать вперед людей этого нездорового на-

правления. В результате и вышло то, что вышло во время нашей революции: на стороне власти были только дураки или прохвосты, а все кумиры общественности умели только ругать власть, но не умели управлять. За это я и виню режим, заметьте, не отдельных лиц, а весь режим, т.е. систему; «tout est permis, sauf l'inconséquence»¹⁴, сказал когда-то Мирабо¹⁵. Можно было, конечно, держаться системы Николая Павловича¹⁶; есть правящее меньшинство, которое приказывает, а народ слушается; в известной исторической эпохе это вовсе неплохая система управления; но она годится только до тех пор, покуда это меньшинство уверено в том, что это спасение, и действительно повелевает, не спрашивая ничьей помощи и совета. Но у нас эта система продолжалась и тогда, когда сами повелевающие перестали в себя верить, чувствуя, что их конец приближается, и готовили пути к отступлению, и когда не только готовили пути к отступлению, но в 1905 году стали уверять, что народ управляет сам, что они исполняют его волю. Эта система неискренности и лжи развратила всех поголовно, и власть, и общество; она же, наконец, породила и революционеров; потому что все характеры сильной воли убежали туда; им была одинаково противна и развращенная власть, и исключительно болтающее общество; им хотелось дела и результатов; для этого хотелось власти; ее они сумели добиться. Не хватило им только того, чему им некогда было научиться: понимания государственных нужд и возможностей. На этом я кончаю; договорите сами, что я мог бы сказать.

Теперь два слова о другом. Вы согласны со мной в моей оценке отречения Михаила; но только думаете, что иначе было бы еще хуже. Пользуюсь этим случаем, чтобы Вам сказать, что здесь сейчас создается и пропагандируется целая теория, которая стоит на точке зрения Вашего понимания, приходя, впрочем, к обратным результатам. Вы думаете, что отречение Михаила было его личным делом. Но наши хитроумные юристы доказывают теперь, что это не так, что Михаил не мог бы издать такого манифеста, какой он издал, если бы в это время не чувствовал себя монархом; наконец, лояльность к Николаю II не позволяет им сказать, что Николай II совершил беззаконие, а побуждает их подвести под это беззаконие законное основание, разъясняя, что Николай II отрекся за наследника, в качестве его законного опекуна. Таким образом, выходит, что Михаил хотя на несколько секунд стал законным монархом и издал свой акт в качестве такового. Повторяю, король, по английской пословице, не может совершить беззакония, и раз Михаил это сделал, то, значит, это законно. Но какой из этого следует неожиданный вывод. Если Михаил действовал в это время в качестве императора, то хотя созвание Учредительного

Собрания помимо Думы и можно было оспаривать как незаконное, ибо Михаил был все-таки монархом ограниченным, т.е. конституционным, но для императорской фамилии Михаил был главой, монархом неограниченным; а если так, то он связал своим решением всю императорскую фамилию, которая уже не может принимать трона иначе как по решению Учредительного Собрания. Вот Вам не получившее общего признания, но не лишенное интереса толкование, которое показывает, как, впрочем, всегда, что во всякой человеческой нелепости есть сторона, которая наживается, а именно адвокаты. Но из этого следует, что вся династия Романовых себя устранила от самостоятельных прав и не может получить их иначе, как после специального волеизъявления народного. В Вашем письме я уловил какую-то смутную надежду, что у нас будет династическая реставрация или по крайней мере радость, что дорога к ней не закрыта. Если это так, то я все-таки Вам скажу: выродился или нет наш дворянско-интеллигентский класс, я не буду решать; сейчас он почти истреблен и, во всяком случае, обессилен, но что династия выродилась, именно в Вашем смысле, для меня совершенно бесспорно; и если мы можем еще соблазнять народ обаянием личных заслуг и личного превосходства, т.е. можем пустить его в колею бонапартизма, то воображать, что наш народ пойдет в колею лигитимизма и позовет кого-либо из прежней династии в силу ее права на престол — мне представляется не только иллюзией, но иллюзией довольно опасной. И прибавлю к этому, что, когда я вижу тех людей, которые станут тогда у власти, я от такого разрешения революции перестаю ждать пользы. Сейчас мне нужно кончать, иначе я доставил бы Вам удовольствие Вас позлить и рассказать Вам о разных художествах тех Ваших прежних и новых друзей, которые работают сейчас над восстановлением монархии. Вы говорите, что всем гадостям научились у кадетов. Это исторически неверно. К кадетам Вы перешли, как и многие другие, только потому что Вам, как живому и честному человеку, было невтерпех жить в той среде, в которой Вы очутились благодаря своим убеждениям. Как это часто бывает с людьми, Вы не шли туда, куда хотелось, а пошли оттуда, откуда приходилось бежать. Почти вся кадетская партия состояла из таких недовольных, и в этом главная причина ее успеха. И не мы научили Вас гадостям, а Ваши друзья сделали невозможным работу с ними. Я не сомневаюсь, что успех той партии, с которой Вы сейчас боретесь и против которой Вы и изоощряете свой талант, т.е. милюковская партия, республиканцы, демократы¹⁷ и т.д., потому-то и существуют, и усиливаются, что Ваши друзья делают невозможной работу с ними. Поднять сейчас массу за республику очень трудно, меня этот

лозунг не прельщает; но когда я смотрю на тех, кто дает тон в монархическом лагере, на их надежды и упования, я чувствую, что я отхожу от них все дальше и дальше. Потому что они воскресили вполне ту старую идеологию старого режима, которая сначала развратила, а потом и погубила Россию.

ВасМ[аклаков]

Машинопись. Подлинник.

ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 64–74.

---

¹ Рукою В.В. Шульгина ниже написано: «Получено 24/X11».

² Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) — русский историк, юрист, социолог; академик Петербургской Академии наук (1914 г.). Основатель Партии демократических реформ; депутат 1-й Государственной думы, член Государственного совета от академической курии с 1907 г., масон.

³ Орлов-Давыдов Алексей Анатольевич, граф (1871–1935) — крупный землевладелец и петербургский домовладелец (его состояние оценивалось в 20 млн руб.), депутат 4-й Государственной думы (фракция прогрессистов, затем вступил в партию кадетов), масон. Маклаков пишет о нашумевшей истории со второй (гражданской) женой Орлова-Давыдова Марией Яковлевной Пуаре (1864–?). Мария Пуаре была дочерью преподавателя гимнастики и фехтования, ведущего свою родословную от плененного в 1812 г. солдата наполеоновской армии. Ее мать рано умерла, отец был убит на дуэли. Родственники выдали 16-летнюю Марию за инженера Свешникова, который был на 30 лет ее старше. Брак был неудачным и кончился для Пуаре психиатрической лечебницей. Мария рано проявила артистические и музыкальные способности, замеченные известным театральным режиссером и антрепренером М. Лентовским, вызволившим ее из лечебницы и принявшим в свой театр в Москве. В середине 1880-х гг. Пуаре переехала в Петербург, писала стихи, была актрисой в Александринском театре. Она — автор знаменитых романсов «Лебединая песнь» («Я грущу. Если можешь понять мою душу доверчиво нежную, приходи ты со мной попенять на судьбу мою странно-мятежную...»), «Я ехала домой». В начале XX в. вернулась в Москву, выступала не только как театральная актриса, но и как исполнительница русских и цыганских романсов. Длительный роман Пуаре с Орловым-Давыдовым завершился тем, что она сообщила ему о своей беременности, чем побудила официально развестись с первой женой. На самом деле Пуаре была бесплодна, но симулировала роды. Ребенок был куплен ею у акушерки по газетному объявлению. В начале февраля 1915 г. Пуаре была арестована по обвинению в симуляции родов и составлении подложных документов. Решение суда: метрическую запись о рождении ребенка признать недействительной, а Пуаре оправдать. Ребенок был возвращен его настоящей матери-крестьянке, а Пуаре уехала в свое имение под Москвой. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

⁴ dans le doute abstiens toi (франц.) — сомневаешься — воздержись.

⁵ Фокион (397–317 до н. э.) — афинский полководец, стратег (избирался 45 раз). Поддерживал македонских царей Филиппа II и Александра Македонского, после 323 г. до н. э. отстаивал в Афинах олигархический строй и верность Македонии; Демосфен (ок. 384–322 до н. э.) — афинский оратор, вождь демократической группировки.

⁶ Упоминаются российские государи из дома Романовых — император Павел I (1796–1801 гг.), Петр I (1682–1725 гг., император с 1721 г.) и Алексей Михайлович (1645–1676 гг.).

⁷ Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) — публицист, литературный критик, прозаик, философ. Его статья «О причинах падения Рима» впервые была напечатана в журнале «Современник» (1861, кн. 5).

⁸ Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) — граф (1799 г.), государственный и военный деятель, генерал от артиллерии (1807 г.). Фаворит императора Павла I, с 1796 г. комендант Санкт-Петербурга, в 1797–1799 гг. генерал-квартирмейстер всей армии, в 1799 г. и с 1803 г. инспектор артиллерии, провел ее реорганизацию. В 1808–1810 гг. военный министр, с 1810 г. председатель Департамента военных дел Государственного совета. В 1815–1825 гг. доверенное лицо императора Александра I, единственный докладчик по большинству ведомств. С 1819 г. главный начальник над военными поселениями (в 1821–1826 гг. главный начальник Отдельного корпуса военных поселений). По повелению Александра I разработал проект освобождения крестьян (1818 г., не осуществлен). С 1826 г. жил главным образом в своем имении.

⁹ Катков Михаил Никифорович (1817 или 1818–1887) — в 1860–1880-х гг. наиболее влиятельный консервативный публицист, издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости». В 1880-е гг. выступил с критикой реформ Александра II; ведущий идеолог контрреформ.

¹⁰ Шишов Дмитрий Николаевич (1851–1920) — лидер земского либерализма в конце XIX — начале XX в., председатель Московской земской губернской управы в 1893–1904 гг.; в 1905–1906 гг. председатель ЦК «Союза 17 октября», с 1906 г. член Партии мирного обновления, с 1907 г. председатель ее ЦК; в 1906–1909 гг. член Государственного совета по выборам. В декабре 1919 г. арестован ВЧК по делу Национального центра, умер в тюрьме.

¹¹ Щепкин Митрофан Павлович (1832–1908) — публицист и общественный деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Был известен как выдающийся деятель московского городского общественного управления, в котором принимал участие в течение 30 лет, и знаток городского хозяйства. Последнему посвящена большая часть его печатных трудов. Входил в Московскую городскую думу, из состава которой вышел перед введением нового городского положения 1892 г., затем в качестве губернского гласного принимал деятельное участие в работе московского земства. С 1859 г. — помощник редактора «Московских ведомостей» В. Корша, с 1862 г. — редактор, до перехода газеты к М.Н. Каткову в 1863 г. В 1866–1871 гг. — профессор политической экономии в Петровской земледельческой академии. В 1870 г. основал газету «Русская Летопись». С 1895 г. по его инициативе и под его редакцией выходила издававшаяся К.Т. Солдатен-

ковым «Библиотека экономистов» (11-й вып.). Статьи Щепкина по вопросам статистики и политической экономии печатались с 1856 г. в «Русском вестнике», «Атенее» и «Московских ведомостях», впоследствии в «Петербургских ведомостях», «Русской летописи», «Земстве», «Руси» и др. изд. В 1870-х гг. писал под псевдонимом *Эм-Иэ*. Большая часть его статей по городскому хозяйству появилась в «Русских ведомостях». Среди его трудов наиболее известен «Общественное хозяйство города Москвы» (в 4 т. М., 1888–1901). Среди его работ — «Сословное хозяйство московского купечества» (М., 1872); «О городских налогах в Москве» (М., 1873); «Опыты изучения общественного хозяйства и управления городом» (В 2 т. М., 1882–1884); «Наши акционерные порядки» (М., 1887); «На каждый месяц — объяснения праздников и краткие сведения из жизни святых» (М., 1883–1884), а также многочисленные переводы. См. подробнее: Щепкин Д. М. Митрофан Павлович Щепкин. М., 1910.

¹² Кокошкин Федор Федорович (1871–1918) — юрист, профессор кафедры государственного права Московского университета (1897), публицист. Один из основателей и лидеров партии кадетов; депутат 1-й Государственной думы, ее секретарь. После Февральской революции председатель Юридического совещания при Временном правительстве, председатель Особого совещания по подготовке Положения о выборах в Учредительное собрание, государственный контролер. В ноябре 1917 г. арестован. Убит революционными матросами в Мариинской тюремной больнице в ночь на 7 января 1918 г.

¹³ Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) — юрист, доктор римского права; профессор Московского университета в 1877–1884 гг.; публицист. Один из основателей и член ЦК партии кадетов. Председатель 1-й Государственной думы.

¹⁴ *tout est permis, sauf l'inconséquence* (франц.) — все позволено, кроме непоследовательности.

¹⁵ Мирабо (Mirabeau) Оноре Габриель Рикети (1749–1791) — граф, деятель Великой Французской революции, депутат Генеральных Штатов 1789 г. от третьего сословия; выдающийся оратор.

¹⁶ Имеется в виду император Николай I (1825–1855 гг.).

¹⁷ Имеется в виду Республиканско-демократическое объединение (Р.Д.О.), конституировавшееся в 1924 г.; ядро объединения составила демократическая группа партии Народной свободы (кадетов); основателем и лидером Р.Д.О. был П. Н. Милуков.

1925

№ 59

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

14 Февраля 1925 года.

Сремски Карловци.

Sremscy Karlovcy

br. 765.

Mr. Schoulgine

Дорогой Василий Алексеевич,

Одновременно с сим письмом Вы получите объемистую рукопись. Впрочем, написана она через строчку и потому не очень длинна. Главное — не пугайтесь: ни ее объема, ни ее содержания. Объем обманчив, а содержание еще более. Я начал это произведение в форме статьи, но потом решил, что печатать не буду. Во всяком случае, в таком виде. Поэтому по прочтении присоедините этот новый человеческий документ к нашей ставшей уже многолетней переписке. Я тоже оставляю у себя копию.

Таким образом, я исполняю свой долг перед Вами, шлю Вам огромнейшую рецензию на Вашу статью, почему позволяю себе надеяться, что Вы и в дальнейшем не оставите меня своим вниманием. Мне было бы очень интересно знать, что Вы обо всем этом думаете. Рукопись продиктовал, но не перечитал. Поэтому за ошибки, невязки [так!] и вообще стиль — не взыщите.

Ваш ВВ.

Машинопись. Подлинник.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

В.В. Шульгин

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ СТАТЬИ¹

В.А. Маклаков написал большую статью, напечатанную в нескольких номерах парижского журнала «[*La Revue de Paris*]»².

Статья посвящена событиям в России и представляет из себя опыт ознакомления французской публики с теми обстоятельствами, при которых, если так можно выразиться, Россия дошла до жизни такой. Эта статья является, по-видимому, началом большого труда, который будет иметь оригинальную хронологию, противоестественную, по выражению автора, а именно: сначала излагается конец, а потом начало. То, что напечатано до сих пор в журнале «[*La Revue de Paris*]», есть изложение именно конца.

* * *

С внешней стороны статья написана блестяще. Ученик Плевако³, лучший в России парламентский оратор, В.А. Маклаков ничего не проигрывает, когда признанный свой дар красноречия променял на перо публициста. Не оказывает на него никакого ослабляющего влияния и французский язык, которым он, по-видимому, владеет в равной степени с русским.

Что же касается внутреннего своего содержания, то статья В.А. Маклакова вызывает на очень серьезные размышления.

Впрочем, в этой статье есть как бы две части. Одна касается изображения, одна является непосредственным изображением событий 1917 года. Это изображение очень близко к действительности. Хотя автор, говоря вообще, избегает картинного способа передачи, но здесь некоторые личные впечатления оживляют рассказ политика до степени почти художественного изображения. Общий же процесс уловлен верно и в большой мере беспристрастно.

Вторая часть статьи как бы предвосхищает будущее изложение, ибо она как бы является ключом к происходящему, попутными объяснениями, ссылками на прошлое, комментариями и выводами.

Третий предмет статьи — это изложение всего того, что было после большевистского переворота. Здесь изложение переходит в схематичность, в, так сказать, чертежное изображение процесса, развивавшегося в России. Это, впрочем, вполне понятно. Как известно, В.А. Маклаков был назначен Временным Правительством послом в Париж и покинул Россию перед самым большевистским переворотом.

* * *

Я хочу говорить о том, в чем я чувствую свое крупное расхождение с В.А. Маклаковым. Мы положительно совершенно разномыслим на основные причины, приведшие Россию к крушению.

В.А. Маклаков дает катастрофе исключительно политическое объяснение. Общее впечатление от его статьи остается такое, что если

бы русское правительство было бы умнее, то крушения бы не произошло.

Это объяснение верно в том смысле, что если бы русское правительство выиграло бы войну, а способом выиграть войну были бы уступки, так сказать, срединной психологии русской мыслящей среды, то катастрофы бы не произошло. В числе всех орудий победить Германию могли бы быть всевозможные уступки, данные вовремя. Привели ли бы они к результатам или нет, судить сейчас трудно. Но переносить центр тяжести вопроса именно на эту сторону является совершенно неправильным.

На мой взгляд, причины лежат гораздо глубже.

* * *

В.А. Маклаков воспитан в той школе, которая очень малое значение придает вопросам национальным и расовым. Это, впрочем, типичная особенность великорусской [пропуск в тексте, очевидно, следует читать «народности». — *О.Б.*]. По какой причине это происходит, углубляться не стоит. Несомненно одно, что продвигаясь с Запада на Восток, по Европе и Азии, мы видим постепенно ослабление национальных чувств, черт и психологии. Национализм почти совершенно исчезает в Сибири, пока не утыкается в Японию, которая является огромным аккумулятором национальной энергии. Москва, собственно, никогда не знала внутренней национальной борьбы и потому оказалась совершенно неустойчивой в этих вопросах и очень легко подавляемой, подавляемой всяким чужим национализмом. Как это ни звучит дико и странно, но в период, предшествовавший катастрофе в России, самым денационализированным элементом были сами русские (главным образом великороссы).

Поэтому вопросы взаимного сожительства национальностей, их взаимоотношений, их борьбы, сознательной, а главным образом бессознательной, совершенно не входили в поле зрения нашей северной московско-петроградской политической школы. Если не считать славянофилов, скорее вредных, чем полезных для национального дела утопистов, к тому же очень быстро сданных в архив и не имевших ровно никакого влияния на русское общество XX века, ни Москва, ни Петроград не дали никакого русского национального начинания ни в виде политической партии, ни в виде ученой школы, ни в виде литературного или художественного направления. И вот где лежит причина, почему вопросы национального свойства так совершенно не изучены и в поле зрения серьезных политических мыслителей совершенно не входят. Они любят толковать с кондачка в последнее время

в эмиграции, но превращают серьезное дело в балаган, где кроме слова «жид» или тупых насмешек над украинцами ничего не услышишь.

По существу национальный вопрос в России еще не трактовался.

* * *

Я не имею ни малейшей претензии разрабатывать его в газетных статьях. Я пишу только по поводу статьи В.А. Маклакова, и моя единственная цель обратить внимание как автора, так и интересующихся этим вопросом близких к нему кругов, какую громадную ошибку они делают, когда, излагая причины, приведшие Россию к катастрофе, совершенно замалчивают самые серьезные факторы российской действительности.

Так, например, в своей статье В.А. Маклаков ни разу не упоминает о евреях. Не только там, где он роняет отрывочные замечания относительно предшествующей эпохи, например о революции 1905 года, но даже излагая почти современный процесс, т.е. с 1917 года по 1924, он ни разу не указывает французскому читателю, что в России существует шесть миллионов евреев, которые сыграли огромную роль как в самом возникновении, так, в особенности, в укреплении большевистского строя. У Маклакова фигурируют социалисты-большевики, и меньшевики, и коммунисты. Каков же национальный состав этих господ, не дается никакого разъяснения. Но так как дело происходит в России и пишет об этом русский посол, только что покинувший <...>⁴, то у французского читателя непременно останется впечатление, что все эти социалисты и коммунисты чистокровные русские. И если он не имеет добавочных сведений, то из статьи Маклакова французский читатель никогда не узнает, что Россия, которую французы упорно продолжают называть Россией, хотя она только СССР, находится совершенно в еврейских руках.

И это ошибка, большая ошибка, со стороны автора. Если... если не наоборот.

* * *

Я уже говорил выше, что северная русская интеллигенция к концу XIX века совершенно потеряла русский национализм. Это сказалось с поразительной ясностью в Японскую войну, когда пораженчество, желание, чтобы Япония разбила Россию, было весьма распространенным явлением в Москве и Петрограде. Вследствие этих своих качеств северная русская интеллигенция страшно легко подпала под еврейское влияние.

Если бы я говорил для французских читателей, то здесь я должен был бы объяснить, что так называемая черта оседлости в России, сдерживавшая еврейство в южных и западных губерниях, существовала только для еврейских низов. Всякий еврей, окончивший университет или даже зубо врачебные курсы, и, кроме того, все крупное купечество, то есть купцы первой гильдии, имело право свободного жительства повсеместно⁵. Существовали еще некоторые запреты относительно столиц, но их легко обходили. Таким образом, наиболее образованная и даровитая часть еврейства осадилась наши столицы, а также и другие выдающиеся пункты. В результате этого был постепенный захват части торговых предприятий, а в особенности либеральных профессий и печати. При помощи печати еврейство навело форменный террор на северную русскую интеллигенцию.

Это сказывается и до сих пор. Я знаю многих людей, которые освободились от политических и социальных предрассудков, коими они были опутаны до революции, но которые до сих пор трепещут при одной мысли, как бы их не причислили к антисемитам. И знал других, которые, зажмурив глаза, перепрыгнули через этот Рубикон и, очутившись в непривычной для них обстановке, утратили всякое чувство меры.

Одним словом, к еврейскому вопросу северному русскому интеллигенту отнестись спокойно, не воспевая евреев, как гонимое племя, не призывая их вырезать поголовно, почти что невозможно. И даже более того. Есть слово, которое сильнее всего остального: говорить о евреях, объяснять что-нибудь евреями, считать их факторами во всем том, что произошло, происходит и будет происходить, — просто неприлично. Неприлично и баста.

Не знаю, руководился ли В.А. Маклаков этими чувствами или нет. Не думаю. Мне кажется, что если бы он писал по-русски и для русских, он сделал бы соответствующий учет того, чего уже сейчас не замечать нельзя. В значительной мере русская интеллигенция освободилась от прежнего гипноза. По еврейскому вопросу стало возможно говорить в русской печати.

Если Маклаков этого не делает во французском журнале, то приходится предположить другое и, пожалуй, горшее: говорить нельзя по еврейскому вопросу во французской печати.

Приходится предположить, что Франция находится сейчас под тем же запретом, под каким еще недавно была Россия. Какими силами это достигнуто, недостаточно ясно. Влияние еврейства во Франции не сказывается на поверхности с такой очевидностью, как, например, в России. Но нельзя отрицать факт: какими-то мерами французская печать доведена до того состояния, что обвинять в чем-нибудь евреев

считается неприличным. Это прочно задолблено в сознание газетного французского мира и этим, очевидно, руководился Маклаков, когда, давая французскому читателю очерк обвала России, он ни одним словом не упомянул об одном из серьезнейших факторов этого крушения — о роли еврейства.

* * *

Может быть, В.А. Маклаков поступает весьма мудро. Если бы он затронул евреев, его статью французский журнал не поместил бы. А если бы он ее не поместил, то французский читатель не узнал бы и той полуправды, которую Маклаков рассказал ему о России. Между тем вдолбить в его сознание и эту полуправду в высшей степени полезно. Маклаков в высшей степени правильно рисует, что сделано. Он только избегает персонального вопроса: кто сделал. Но надо думать, что со временем под условным термином — коммунисты будет подведен шифр, псевдонимы разоблачены. По схеме Маклакова это будет гораздо легче сделать, чем если бы ее не было. Чтобы это доказать, я позволю себе сделать маленькую передержку. Совсем крохотную — несколько ударов карандаша, едва заметную ретушь.

В нижеследующей выдержке из В. А. Маклакова я сделаю только следующие изменения: везде, где Маклаков пишет коммунисты или коммунистический, я буду писать евреи и еврейский. И читатель убедится и при этом ничтожном изменении, Маклаковская схема может удовлетворить самых ярых антисемитов, глубоко убежденных, что крушение России есть дело рук исключительно евреев.

На странице 626 журнала [*La Revue de Paris*] Маклаков пишет следующее:

Все замененные мной слова в этой выдержке обозначены курсивом:

«Применение к жизни социалистической программы по настоящий день привело только к одному: к созданию государства, в котором евреи стали паразитической аристократией, которая заставляет других работать на них.

Это положение, совершенно противоположное социалистическому идеалу, могло быть терпимо, пока мировая революция казалась близкой; русские крестьяне, казалось, страдали именно для этой цели. Можно было доказывать, что власть где-нибудь на земном шаре должна была быть в руках еврейства для того, чтобы все силы и средства какого-нибудь государства были предоставлены в распоряжение мировой революции. Но с тех пор, как стало очевидно, что по крайней мере в настоящее время мировая революция не удалась, какое оправдание можно привести этому странному социализму, царящему в

России? Не следовало ли бы вернуться к прежней большевистской концепции, т.е. к программе демократической буржуазии? Известные уступки в этом направлении и были сделаны. Но ошибки вызывают свои последствия; не всегда есть возможность их исправлять. Опыт еврейского владычества, навязанного силой, принес свои плоды. Если террор и насилие были бы применены только против известного меньшинства, только против богатых и знатных, это насилие могло бы быть прощено массами. Но еврейская власть своей политикой подняла против себя именно массы; это именно благосостояние масс, привычки масс были затронуты этой политикой. Эта власть, чтобы удержаться, должна была повсюду опереться на евреев, сделать из них не только новую аристократию, но инструмент господства и полицейскую организацию. И в свою очередь евреи теперь держат правительство в своих руках. Если бы народные комиссары захотели бы изменить свою политику, полицейская организация, аппарат принуждения, чека (или главное политическое управление⁶) этого не допустило бы. А если бы чека и согласилось, то еврейские массы возмутились бы. Всеобщая ненависть, которая окружает евреев, еще больше чем привилегии, которыми они пользуются, делают из них наивернейшую опору правительства в его борьбе со страной, над которой оно господствует. Но зато они не позволяют правительству переменить систему; они понимают, что они были бы все сметены всеобщей ненавистью. В этих условиях изменить программу и вместо гегемонии евреев поставить во главе буржуазную демократию, преклониться перед желаниями крестьянской массы, сделать их господами государства, это значило бы предать евреев; их вожди не смеют этого; они должны рискнуть своей головой, если хотели бы спасти страну.

Итак, им остается только продолжать в том же направлении. Это не является невозможным. Организованное и вооруженное меньшинство имеет много преимуществ в его борьбе с массами. Евреи прибегают к испытанным средствам всякой диктатуры; к этому они прибавляют собственный опыт бывших конспираторов; они знают, как свергают режимы и как их защищают. Теперь они уничтожают не представителей прежних господствующих классов; они бьют по крестьянству, недовольство которого растет, по рабочим, которые делают стачки, по интеллигентам, которых они подозревают, вплоть до своих старых товарищей социалистов, осуждающих их. Зачем им стесняться, если их сторонники в Европе находят это вполне естественным.

Но еврейское правительство не может быть сильнее, чем экономические законы. Его не удалось свергнуть, оно погибает под результатами своей победы. Еврейское царство стоит слишком дорого. Его

нельзя удержать исключительно на спине мужиков. Еврейский режим умеет потреблять, но не умеет производить. Он мог жить на сбережения страны; но всему приходит конец. Мировая революция заставляет себя слишком долго ждать. Принимаются предосторожности, чтобы еще продержаться: уменьшают расходы, закрывают школы, но этого недостаточно — разоренная страна больше не покупает. Промышленность работает в чистый убыток, безработица увеличивается с каждым днем. Остается последнее прибежище всех разоряющихся — кредит. В этом вся программа настоящей минуты. Еврейское правительство, находящееся в войне с капиталистами, не стесняется, однако, умолять последних о помощи; евреи столько раз были обслуживаемые своими противниками, что надежда благополучно выйти из положения и в этот раз не покидает их. Они пытаются соблазнять надеждами на преимущества; они шантажируют, и если это надо — они угрожают им; братья-евреи, рассеянные по всей Европе, помогают им в их усилиях...»

* * *

Из предыдущего ясно, как мало нужно, чтобы перевести Маклаковскую схему, в которой нет ни одного слова об евреях, на чисто антисемитские рельсы, где все объясняется исключительно евреями.

И, может быть, такая легкая передержка изображения, происшедшего в России, как следствие только еврейских происков, и нужна в противовес другой крайности. Крайность же эта велика или, как теперь принято говорить, бескрайняя. Она бескрайняя потому, что, как я указывал выше, Франция, а может быть и весь мир, находятся сейчас в том же духовном рабстве, в котором так еще недавно пребывала вся русская интеллигенция. Для нее высшим законом было искаженное изречение из священного писания: всякий грех может быть прощен, но хула на евреев не прощается.

* * *

Хотя о том, что я хочу сказать ниже, не следовало бы говорить «по поводу», но так как в этом лучшем из миров никогда не делается то, что следует, то я все-таки скажу.

Я тоже имею свою схему. Она очень проста и очень сложна. Если в нее углубиться, можно написать тома исследований. Если ее принять с кондачка — получится пошлость. Но ведь разве не все так. От великого до тошнительного только четверть шага. И будь что будет, я свою схему высказываю.

Когда разразилась японская война, в известной среде русского общества, которая раньше болела квасным патриотизмом, и было еще при Тургеневе убеждено, что мы весь мир «шапками закидаем», в этой среде была распространена пошлая острога: «Ну что такое японцы — макаки». Для не знающих естественной истории поясняя, что макаки — это род обезьян.

На это будто бы однажды престарелый М.И. Драгомиров, киевский генерал-губернатор и командующий войсками округа⁷, хорошо знавший русскую армию с ее достоинствами и недостатками, однажды сказал: «Они-то макаки, да мы-то — кое-каки».

В этой фразе слишком много мысли для такого малого количества слов.

Драгомиров как бы предсказал судьбу японской кампании. Огромная русская армия, которая, казалось, раздавит, как комара, маленькую Японию, была поведена в бой по всем принципам «кое-какства»... Нового способа ведения войны не знали. В первом бою под Тюринченом прорывались сомкнутыми колоннами с музыкантами впереди⁸. Пулеметов не имели вовсе. Обо всяких разрывных снарядах, объединявшихся тогда под именем «шимозы», не имели понятия, почему тот же Драгомиров пробурчал однажды — они нас шимозами, а мы их молебнами; в бой шли в белых рубахах, не подозревая, что на свете существуют защитные цвета, и, что самое скверное, — перевооружали артиллерию во время войны. Начали же морскую войну тем, что в первый же день объявления войны прозевали японские миноносцы и позволили им войти в свою собственную гавань, вывести из строя три больших корабля и безнаказанно уйти⁹.

Впрочем, это пышно расцветшее «кое-какство» сказалось во всей нашей дальневосточной политике. Неизвестно для чего мы влезли в Корею, кое-как, по небрежности затронули Японию, о которой не имели ни малейшего представления, ибо разведка велась тоже кое-как, и затем полезли в войну, хотя, как показал опыт, к войне были совершенно не готовы. Между тем войны ничего не стоило избежать или, по крайней мере, оттянуть. Но ведь японцы с обезьяньей точностью, до последнего винтика скопировавшие лучшую армию в мире — немцев, конечно, были макаки. В конце концов точные обезьяны разбили гениальных кое-каков.

Надо всегда отдавать себе отчет, что «кое-какство», т.е. небрежность, неточность, недобросовестность — есть один из основных фак-

торов русского народа. Кто хочет ему добра, кто его любит, непременно должен с этим считаться и никогда этого не забывать.

Второй фактор тоже не из веселых. Среди русской интеллигенции, в силу причин, о которых не стоит сейчас говорить, огромный процент озлобленных. Эти люди ненавидят всех и вся. С огромной страстностью они втираются во всякое дело, но исключительно для того, чтобы его испортить. Они ненавидят всякое творчество и живут только разрушением.

Недаром Россия родина всяких анархических учений. Инстинкт разрушения глубоко сидит в значительной части русских и превращает [в] мартиролог жизнь всех людей, которые хотят что-то сделать полезное. Злобная оппозиция вырастает в России прямо из камней мостовой. Было бы слишком долго объяснять, отчего это происходит, но это факт.

К этой категории злобно озлобленных, категории, дающей фалангу бомбистов, террористов, а также всяких желчных господинчиков, вставляющих палки во все колеса, примыкают большие отряды зубоскалов, которые делают то же дело разрушения, но только в форме, казалось бы, безобидной. Но это только кажется. В России высмеивают все и даже то, над чем ни один другой народ не смеется.

Об озлобленных и зубоскалах да помнит всякий, кто желал бы что-нибудь делать в России.

Я видел в своей жизни этому поразительный пример. Судьба послала последнему русскому Государю — Столыпина. И никогда в моей жизни не изгладится отвратительное впечатление, как вся свора озлобленных и зубоскалов набросилась на этого человека, который вел трагическую борьбу за спасение своего отечества.

* * *

Еще есть одна почтенная порода: утописты. Едва ли какая-нибудь страна страдала так от мечтателей, как родина Пушкина.

«Я вижу, вы мечтательны ужасно» (Евгений Онегин).

Эти мечты о миропереустройстве от Бакунина¹⁰ до Льва Толстого¹¹ зловещими хищными птицами кружили над Россией. Всякому реальному шагу вперед они противопоставляли химеры и разрушали творческую волю разлагающим действием миража. Волшебная палочка — это была необходимая принадлежность всех этих русских квази-философов. Примитивный рассудок всегда имеет наклонность все сводить к какой-нибудь одной идее. Одни воображают, что стоит появиться в России конституции и будет рай; другие Эдема ждали от социализма; третьи воображали, что стоит овладеть Константинопо-

лем и Россия процветет; четвертые, как Розанов, полагали, что все дело в разводе¹²: стоит облегчить развод — и все будет прекрасно; иные то же самое приписывали освобождению печати от цензуры; а некоторые были помешаны на еврейском вопросе — причем двояко: маньяки первого сорта полагали, что всеобщее блаженство воцарится, как только отменят черту оседлости и процент в университетах, а маньяки второго сорта были твердо убеждены, что счастье святой православной Руси, христианского государства и народа-Богоносца состоит в том, чтобы вырезать всех жидов начисто; славянофилы утопией самобытности русского народа канонизировали поземельную общину, утвердив, таким образом, в России социализм высочайшего образца; в этом с ними сходились их противники, во всем остальном интернационалисты, социалисты, поклонники великого апостола Карла Маркса. Этот нестройный хор время от времени показывали дикие фанфары анархистов [так!], которые предлагали сначала все сжечь, существующее в мире, а там видно будет. Один из декабристов еще предлагал пустить красного петуха со всех четырех сторон Петербурга и выкатить водку войскам, а там будет ясно, что делать дальше; но совершенно это же самое предлагал и Лев Толстой, но по неспособности продумать до конца свои теории, не сознавая практических результатов своих поучений.

К этой огромной клике чистых утопистов постоянно примазывались озлобленные, и союз мечтателя с желчью напоенным человеком вставал над Россией грозной тенью.

* * *

А кроме того, было достаточное количество просто негодяев. Но еще больше было средних людей, которые могли пойти и за добром, и за злом, куда, так сказать, легче, удобнее, моднее. Мода, т.е. психическая эпидемия, для людей этого сорта является категорическим императивом, которому сопротивляться они не в состоянии.

* * *

Разумеется, все эти элементы есть в каждом народе. И весь вопрос только в пропорции. Вопрос не в большинстве или в меньшинстве, вопрос исключительно в том, чья психическая сила больше. Разумеется, и в русском народе всегда было известное количество добросовестных порядочных людей, а также людей, которые умом или инстинктом понимали, что надо делать. Никакая нация, никакое человеческое общество не может существовать, если психическая

сила этого рода людей оказывается меньше, чем психическая сила тех, кто работает на разрушение.

Но это именно и случилось в России.

* * *

Однако весьма возможно, что русский народ пережил бы свою болезнь (болезнь, как я указал выше, состояла в непомерном развитии «кое-каков», озлобленных и утопистов) без катастрофы, если бы не два сопутствующих этой болезни обстоятельства.

Эти обстоятельства были: евреи и немцы. Главная ошибка тех, кто вел русскую нацию, состояла в том, что, не рассчитав своих сил, вели борьбу одновременно с этими двумя исключительной мощности расами.

Теперь можно сказать почти с уверенностью, что, объявив войну Германии, надо было помириться с еврейством. Или, наоборот, продолжая борьбу с еврейством, надо было ни в коем случае не допускать войны с Германией. Для этого надо было пожертвовать нашими интересами на Балканах и, может быть, многими другими. Надо было пустить немцев в Азию, предоставив им Багдадскую дорогу¹³ и все то, что они хотели, или, наоборот, надо было с самого начала войны, или даже гораздо раньше, когда выяснилась ее неизбежность, дать еврейству равноправие, которого оно добивалось, и использовать всю его огромную психическую силу на защиту России, которая с минуты объявления равноправия стала бы для евреев землей обетованной.

Но этого не поняли. Мы хотели объять необъятное, быть победителями на всех фронтах, совершенно не подсчитав своих сил. В этом, впрочем, сказалось только в высшей степени подчеркнутое наше обычное «кое-какство». Наиболее яркое проявление сего качества можно было наблюдать, когда военный министр Владимир Александрович Сухомлинов закатил перед самой войной ошеломляющую статью в «Биржевых Ведомостях» под заглавием «Мы готовы»¹⁴. Это в то самое время, когда он, по его собственным словам, твердо знал, что мы не только не готовы, но что самые элементарные реформы, совершенно необходимые для русской армии, могли быть закончены только в 1916 г.

Мы это твердо знали и все-таки полезли на «авось», «небось» и «ничего». Результат и был соответственный: ничего от России и не осталось.

* * *

Силу еврейства понимали плохо. Я отлично помню свой разговор с редактором, издателем «Нового Времени» Алексеем Алексеевичем

Сувориным¹⁵, который имел место в 1907 или 1908 г. Как известно, Суворин не был заражен либеральными идеями, наоборот, это был важнейший консервативный орган в России, имевший серьезнейшее влияние в правительственных кругах. Вернее, даже сказать, наоборот — «Новое Время» было рупором правительства.

Суворин принял меня ночью по своему обыкновению: он вставал в 8 часов вечера и ложился утром. Это был высокий, совершенно белый старик, производивший впечатление. Я говорил с ним по поводу одной своей полу-политической, полу-литературной вещи под названием «Еврейка», которую я ему прислал для прочтения. Он сказал мне, что это не беллетристика, а передовая статья, в чем я был с ним вполне согласен. Но относительно самого существа предмета мы разошлись. Он не понимал силы еврейства и важности вопроса. Резюме его жидопонимания сводилось к следующему:

— Вы напрасно придаете такое значение еврейскому вопросу. В конце концов, это вопросы чисто местные, ваши юго-западные. Это вопрос отнюдь не всероссийского масштаба.

Так были слепы люди. К этому надо прибавить, что в это же самое время «Новое Время» было наполнено статьями о Финляндии, и финляндскому вопросу придавало сверх-всероссийское значение¹⁶. А уж этот вопрос, действительно, был чисто местный и муслировался, главным образом, потому, что петербуржцы оскорблялись: как они, именитые петербуржцы, не пользуются правами в Финляндии, куда они привыкли ездить на дачу. Надо сказать, что по финляндским законам русские имели в Финляндии меньше прав, чем евреи в России.

Впоследствии «Новое Время» занялось еврейским вопросом. Но сделало оно это так неумело, как обыкновенно бывает с неوفитами, и между прочим с большой страстностью ввязалось в Бейлисовский процесс. Последний же из всех антисемитских предприятий был самым глупым, ибо достиг совершенно обратной поставленной цели¹⁷.

Меж тем не надо было особой вдумчивости, чтобы увидеть нарастающую силу еврейства. Для этого надо было только пристально рассмотреть процесс завоевания евреями русской печати. В Государственной Думе ложу журналистов называли не иначе как «черта оседлости», и это отнюдь не было преувеличением. Оставляя для вывески несколько крупных русских имен, которым они крупно платили, евреи овладели русской печатью по всей линии. Против этого штурма держались «Новое Время» в столице и «Киевлянин» в Киеве. О «Московских Ведомостях» не стоит упоминать, ибо их никто не читал. Остальная же печать, влиятельная кадетская «Речь» в Петербурге, профессорские «Русские Ведомости» в Москве, Сытинское «Рус-

ское Слово» в Москве же было в полу-плёну еврейском в смысле персональном и в полном иудейском пленении в смысле духовном. Что же касается провинциальных изданий, как, например, очень сильная «Киевская Мысль», то, издаваясь поляком Лубковским¹⁸, она была совершенно в еврейских руках. То же самое было в Харькове, то же самое было в Одессе, то же самое было в Ростове-на-Дону.

Во всей российской печати, за исключением «Нового Времени» и «Киевлянина», нельзя было поместить ни одной строчки, которая бы трактовала еврейский вопрос по существу. Можно было только приплясывать маюфес¹⁹ с восхищением на лице и бить себя в грудь, плакать над бедствиями еврейского народа под игом самодержавия. Человека, который осмелился бы написать хоть что-нибудь приближающееся к истине, немедленно производили в погромщики. А это слово евреи сумели сделать таким страшным и непереносимым для русского интеллигента, что он готов был продать жену, детей и отречься от отца с матерью, лишь бы не подвергнуться позорному клеймению.

Дурацкий процесс Бейлиса мог бы, однако, послужить к просветлению мозгов. Мог ли какой бы то ни было другой народ собрать в залу киевского суда корреспондентов всего мира. Можно ли себе представить, чтобы сенсационнейший процесс, какой только можно себе вообразить, который касался бы какой угодно нации, мог привлечь на провинциальный русский город внимание всего земного шара. Это могли сделать только евреи. И для зрячих людей это была репетиция сплоченности и огромной мощи евреев во всех странах. Один за всех и все за одного.

К этому надо прибавить, что в России проживало от 6 до 8 миллионов евреев, т.е. большая половина евреев, имеющаяся на всем земном шаре²⁰. Преступно было, с государственной точки зрения, не отдавать себе отчета в том, что такое евреи.

Как я уже говорил выше, кое-кто уже начал понимать это и в столицах, но методы борьбы, вроде Бейлисовского процесса, были нелепы. Только один Столыпин отдавал себе отчет в том, что такое еврейство и как с ним бороться. Он [понимал], что необходимы органические меры. Меры такого же масштаба и размаха, какой был осуществлен им в крестьянском, вернее, земельном вопросе. Мысль его сосредотачивалась на двух предметах: печать и кредит. Но относительно печати ему не удалось ничего почти сделать, в этом отношении недоставало творческой мысли, ибо субсидирование казной некоторых изданий ни к чему не приводило. Надо было создать плеяду русских писателей и издателей, свободных от еврейского засилья, но это было не так просто. Этот вопрос тесно соприкасался с вопросом об-

легчения для русских государственного кредита, близкого по своей идее к мелиоративному кредиту²¹. Смерть от еврейской пули²² стала Столыпина именно в ту эпоху, когда он разрабатывал органические меры в этом направлении. По странному стечению обстоятельств эта идея называлась национализацией кредита. Впоследствии евреи, овладев Россией при большевиках, воспользовались этим же термином, национализировав в свою пользу все богатства России и русских.

* * *

Так докатились мы до войны. Горсточка людей добросовестных и творческих беспомощно боролась с лавиной бессовестности, озлобленности и мечтательности. Внутри России компактный, все за одного, один за всех, обладающий огромной психической силой, вытrenированный нервной работой в течение тысячелетий, настойчивый и хищный, яростно озлобленный своим бесправным положением, сторожил Россию внутренний враг. А к этому прибавилась война с самым мощным в мире врагом внешним.

* * *

Россия не выдержала этого стечения обстоятельств, т.е. собственной глубокой болезни русского народа и столкновения с двумя сильнейшими противниками. И вот какова, по-моему, причина крушения.

В происшедшей борьбе Германия уничтожила Россию, но, в свою очередь, была побеждена французами и англичанами. Но в процессе войны был сломлен и побежден только русский народ, а вовсе не остальные племена, входившие в его состав, и в особенности народ еврейский.

Поражение русского народа сказалось в том, что всеразрушительный элемент, т.е. недобросовестный и бессовестный, злобствующие и утописты получили огромную силу, которая всегда развивается при поражениях, и совершенно залили горсточку порядочных, честных и способных к делу людей. Началась война всех против всех, русский народ в братоубийственной войне стал истреблять друг друга. Но все это было следствием давно подготавливавшегося какого-то психического недуга, который под влиянием поражения дал взрыв.

Еврейский же народ, этим недугом не пораженный, совершенно не зная внутренней борьбы между собой, крепко объединенный сознательным и бессознательным стремлением к господству, выбился в этой каше на поверхность.

Иначе быть не могло. Компактное твердое тело непременно выплывет на поверхность мутной воды и будет господствовать над волнами, которые выталкивают его наверх, в силу законов природы.

* * *

Вот какова моя схема... Политические причины, на которые указывает Маклаков, были только мелочью, были только признаком, были только то, что высокая температура у больного. Причина же катастрофы в России состояла в столкновении трех рас: заболевшей русской, не сумевшей справиться со своими задачами на одной шестой части суши, деятельной германской, желавшей непременно продвинуться на восток и вытеснить ленивую и женскую славянскую расу с плодороднейшей в мире равнины, и, наконец, еврейской, созревшей к гигантскому хищному прыжку на хребет того народа, который изнемог бы в борьбе.

К великому нашему несчастью таким народом оказался народ русский.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Текст статьи находится в фонде В.А. Маклакова в архиве Гуверовского института, коробка 22, папка 24, он, бесспорно, является той самой «рецензией», о которой Шульгин пишет в напечатанном выше письме от 14 февраля 1925 г. (фонд Маклакова, коробка 13, папка 11), и был прислан вместе с ним. В данном случае разделение текстов по «жанрам» — письма отдельно, статьи отдельно — и, соответственно, распределение их по разным коробкам/папкам носит механический характер и нарушает логику «диалога» корреспондентов. В настоящей публикации мы эту логику восстанавливаем.

² В тексте название журнала пропущено. См. прим. 2 и 3 к письму № 56.

³ Маклаков начинал свою адвокатскую карьеру в качестве помощника прославленного судебного оратора Федора Никифоровича Плевако (1843–1908).

⁴ Пропуск в тексте. Вероятно, следует читать «только что покинувший свой пост». Маклаков был вынужден покинуть посольский особняк на улице Гренель после признания Францией СССР в 1924 г.

⁵ Черта оседлости (полное название — черта постоянной еврейской оседлости) — территория, в пределах которой законодательством Российской империи было разрешено проживать евреям. В черту оседлости входили в начале XX в. 15 губерний Западного и Юго-Западного края и 10 губерний Царства Польского. В результате реформ 1860–1870-х гг. ряд категорий еврейского населения получил право жительства за пределами черты оседлости. Прави-

тельство, с одной стороны, стремясь в конечном счете к эмансипации евреев и включению их в жизнь страны, в то же время, ссылаясь на то, что российское еврейство все еще пребывает в состоянии «фанатизма и невежества», обосновывало невозможность полностью отменить черту оседлости. Оно обещало постепенно расширять права евреев, «по мере распространения между ними истинного просвещения, изменения их внутренней жизни, обращения их деятельности на полезные занятия». В результате предпринятых правительством преобразований право повсеместного жительства в Российской империи получила только незначительная часть еврейского населения. В 1859 г. такое право было предоставлено купцам первой гильдии, которые отныне могли переселяться во внутренние губернии вместе с семьями и брать с собой «служителей из своих единоверцев», но не более одного приказчика и четырех домашних слуг в провинции (в столицах число слуг определяли генерал-губернаторы); в 1861 г. — лицам, имевшим научную степень доктора или магистра. В 1865 г. был принят закон, предоставивший право повсеместного жительства некоторым категориям евреев-ремесленников. В дальнейшем Сенат принял ряд постановлений, объяснявших, что они и члены их семей имеют право жительства по всей империи только до тех пор, пока занимаются своим ремеслом. Разъяснения Сената определили круг лиц, на который распространялось действие закона. Право жительства получали только те ремесленники, которые занимались «обработкой вещей, требующей известной степени знания или искусства». Поэтому многие ремесленники — представители различных профессий — не попадали под действие указа, в том числе наборщики в типографиях, землемеры, фотографы, каменщики, плотники, мясники, резники, настройщики музыкальных инструментов и др. Ремесленники — представители других профессий — в каждом конкретном случае добивались права повсеместного жительства в результате напряженной борьбы. Так, Сенат после многочисленных заседаний признал право повсеместного жительства за представителями следующих профессий: гравировщики, маляры, зубные техники, каменотесы по изготовлению памятников, стекольщики, часовщики и др. До образования официально зарегистрированного местного еврейского общества ремесленники, приехавшие во внутренние губернии, обязаны были платить налоги в своей старой общине, руководители которой в случае недоплаты могли не выдать им необходимые документы. В 1867 г. право повсеместного жительства в России было предоставлено евреям, отслужившим в армии по рекрутским наборам, и членам их семей. Это право сохранялось за потомками николаевских солдат.

Однако в период контрреформ при императоре Александре III (1881–1894 гг.) последовало новое ужесточение законодательства в отношении евреев. Их право жительства было еще в большей степени стеснено временными правилами от 3 мая 1882 г.

В начале XX в. последовали некоторые законодательные послабления. Так, Высочайший указ 11 августа 1904 г. «О некоторых изменениях в действующих постановлениях о правах жительства евреев в различных местностях Империи» предоставил отдельные льготы некоторым группам еврейского населения. Право повсеместного жительства было предоставлено советникам коммерции и мануфактуры, участникам русско-японской войны 1904–1905 гг.

и членам их семей. В сельской местности черты оседлости было разрешено проживать купцам первой гильдии и некоторым категориям ремесленников. Купцам, жившим в пределах черты оседлости, и их приказчикам было разрешено приезжать во внутренние губернии неограниченное число раз в году, и они могли прибывать не только «для покупки товаров», но и «для производств торговли и промыслов».

Попытки председателей Совета министров И.Л. Горемыкина и П.А. Столыпина в 1906 г. провести ряд мер для дальнейшего ослабления запретов относительно права жительства евреев в различных местностях империи встретили сопротивление императора Николая II и не были проведены в жизнь в полном объеме.

Заметим, что возможность «прорыва за черту» (выражение Б. Натанса) путем получения соответствующего образования была ограничена путем введения процентной нормы для евреев при поступлении в высшие и средние учебные заведения. В 1887 г. Министерство просвещения распорядилось, чтобы численность евреев во всех подведомственных ему средних и высших учебных заведениях не превышала 10 % от общего контингента учащихся в черте оседлости, 5 % — вне ее и 3 % — в Петербурге и Москве.

Несмотря на эти и другие ограничения, евреи, выбравшие путь интеграции в российское общество, добились во второй половине XIX — начале XX в. выдающихся успехов в области экономики и финансов, юриспруденции, журналистики, литературы и искусства и некоторых других открытых для них областях. См.: Книга о русском еврействе: От 1860-х гг. до революции 1917 г. Нью-Йорк, 1960; Nathans, B. *Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia*. Berkeley; Los Angeles; L., 2002 (рус. пер. Натанс Б. За чертой: Евреи встречаются с позднеимперской Россией. М., 2007); Slezkine, Yu. *The Jewish Century*. Princeton, 2004 (рус. пер. Слезкин Ю. Эра Меркурия: Евреи в современном мире. М., 2005); Будницкий О.В. *Российские евреи между красными и белыми (1917–1920)*. М., 2005. С. 13–51.

⁶ ВЧК в начале февраля 1922 г. была преобразована в Главное политическое управление, что предусматривало некоторое (но не принципиальное) изменение функций этой организации.

⁷ Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905) — генерал, военный теоретик; с 1889 г. командующий Киевским военным округом, с 1898 г. — киевский, подольский и волынский генерал-губернатор.

⁸ Бой под Тюринченом (правильно: Тюренчен). Тюренчен — китайский населенный пункт у границы с Кореей. 18 апреля 1904 г. в его районе произошло сражение между русским Восточным отрядом под командованием генерала М.И. Засулича (19 тыс. чел.) и 1-й японской армией под командованием генерала Т. Куроки (35 тыс. чел.). Сражение завершилось тяжелым поражением русских войск. На поле боя было брошено 22 пушки, потери русских составили 2,7 тыс. чел., японцев — 1 тыс. чел. Сражение у Тюренчена стало первым крупным сражением на суше в русско-японскую войну (1904–1905 гг.). Оно имело крайне негативные последствия для русских войск как в моральном, так и в стратегическом плане. Успех в сражении способствовал захвату японцами стратегической инициативы и послужил сигнала-

лом для масштабной высадки их войск на побережье Западно-Корейского залива.

⁹ Японский флот в ночь на 27 января (ст. стиля) 1904 г. без объявления войны внезапно напал на русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура, выведя из строя броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада».

¹⁰ Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) — русский революционер, один из основоположников и крупнейший теоретик анархизма.

¹¹ Шульгин считал Л.Н. Толстого, точнее, его учение одной из причин разрушения России. См. об этом далее письмо Шульгина Маклакову от 7 марта 1927 г.

¹² Розанов Василий Васильевич (1856–1919) — русский писатель и философ; посвятил ряд работ проблемам семьи, в том числе проблеме развода, весьма актуальной для него лично; его первая жена не давала Розанову развода, со второй он был обвенчан тайно; таким образом, пятеро его детей от второго брака формально являлись незаконнорожденными.

¹³ Багдадская дорога — Багдадская железная дорога соединяла Босфор с Персидским заливом; в конце XIX — начале XX в. концессия на строительство этой стратегически важной дороги, которая должна была проходить по территории Османской империи, стала объектом острой борьбы между великими державами.

¹⁴ Статья, ошибочно названная в тексте Шульгина (и отложившаяся под таким названием в памяти русского общества; любопытно, что такую же ошибку совершил в одной из своих статей Л.Д. Троцкий) «Мы готовы», была напечатана в № 14027 «Биржевых Ведомостей» от 27 февраля 1914 г. под заголовком «Россия хочет мира, но готова к войне». Приведем полностью этот действительно потрясающий (учитывая последующие события) текст:

«Мы получили из безупречного источника сведения, не оставляющие сомнений, что Россия, по воле своего верховного вождя поднявшая боевую мощь армии, не думает о войне, но готова ко всяким случайностям.

С гордостью мы можем сказать, что для России прошли времена угроз извне. России не страшны никакие окрики. Русское общественное мнение, с благоразумным спокойствием отнесшееся к поднятому за последние дни за границей воинственному шуму, было право: у нас нет причин волноваться.

Россия готова!

За последние пять лет в печати всего мира время от времени появлялись отрывочные сведения о различного рода мероприятиях военного ведомства в отношении боевой подготовки войск. И мы не сообщаем здесь ничего нового и неизвестного. В полном сознании великодержавной мощи нашей родины, так нелепо оскорбляемой зарубежной печатью, мы только группируем главнейшее из сделанного по указаниям монарха за это время.

Всем известно, что на случай войны наш план обыкновенно носил оборонительный характер. За границей, однако, теперь знают, что идея обороны отложена, и русская армия будет активной.

Не составляет также секрета, что упраздняется целый ряд крепостей, служивших базой по прежним планам войны, но зато существуют оборонительные линии с весьма серьезным фортификационным значением.

Оставшиеся крепости у России есть полная возможность усилить и довести их оборонительные средства до высшего предела. Некоторые крепости сохранены только для обеспечения известных стратегических и тактических пунктов Западного края.

Офицерский состав армии значительно возрос и стал однородным по образовательному цензу, весьма поднятому сравнительно с прежним. Нынешний офицер получает не только военные знания, но и военное воспитание. Законопроект о прапорщиках запаса решает вопрос о качестве запасных офицеров. Прапорщики запаса на практике исполняют обязанности и нижнего чина, и младшего офицера.

Русская полевая артиллерия снабжена прекрасными орудиями, не только не уступающими образцовым французским и немецким орудиям, но во многих отношениях их превосходящими.

Осадная артиллерия сорганизована иначе, чем прежде, и имеется при каждой крупной боевой единице.

Наша береговая и крепостная артиллерии снабжены орудиями в техническом отношении гораздо более совершенными, чем во многих государствах Западной Европы.

Уроки прошлого не прошли даром. В будущих боях русской артиллерии никогда не придется жаловаться на недостаток снарядов. Артиллерия снабжена и большим комплектом и обеспечена правильно организованным подвозом снарядов.

Техника военного инженерного дела за последнее время сильно развилась, и кто же не знает, что военно-автомобильная часть поставлена в России весьма высоко. Военный телеграф стал достоянием всех родов оружия. У самой маленькой части есть телефонная связь. Русская армия в изобилии снабжена прожекторами. Офицеры и солдаты показали себя мастерами в железнодорожном деле и могут обойтись без помощи обычного железнодорожного персонала.

Не забыто и воздухоплавание. В русской армии, как и в большинстве европейских, наибольшее значение придается аэропланам, а не дирижаблям, требующим весьма многого, в особенности в военное время. Тип аэропланов еще окончательно не решен, но кто же не знает о великолепных результатах аппаратов Сикорского, этих воздушных дредноутов русской армии. Это именно дредноуты, а не маленькие разведчики.

Русская армия — мы имеем право на это надеяться — явится, если бы обстоятельства к этому привели, не только громадной, но и хорошо обученной, хорошо вооруженной, снабженной всем, что дала новая техника военного дела.

Русская армия, бывшая всегда победоносной, воевавшая обыкновенно на неприятельской территории, совершенно забудет понятие “оборона”, которое так упорно прививали ей в течение предпоследнего периода нашей государственной жизни. Русская армия, уже в мирное время выросшая на одну треть, состоящая из полков однородного состава, с улучшенным корпусом офице-

ров и нижних чинов, является первой в мире и по количественному отношению состава кавалерии, и с пополненной материальной частью.

Русскому общественному мнению важно сознание, что наша родина готова ко всяким случайностям, но готова исключительно во имя желания мира, который провозвестил монарх — великодушный инициатор Гаагской конференции.

Конечно, если какая-нибудь держава питает агрессивные замыслы против России, то наша новая боевая мощь ей неприятна, ибо никто уже не может теперь питать вожделений о какой бы то ни было части русской земли.

“Si vis pacem — para bellum”. “Если хочешь мира, — готовься к войне”.

Россия, в полном единении со своим верховным вождем, хочет мира, но она готова!..»

¹⁵ Суворин (лит. псевд. А. Порошин) Алексей Алексеевич (1862–1937) — журналист, сын А.С. Суворина, был длительное время фактическим руководителем петербургской газеты «Новое время», наиболее популярного консервативного органа в России. В 1903–1908 гг. издавал в Санкт-Петербурге газету «Русь», в 1906 г. — «Молву», 1914–1917 гг. — «Маленькую газету». В эмиграции — во Франции. Похоже, однако, что Шульгин ошибся в отчестве и пишет на самом деле об отце А. А. Суворина — Алексее Сергеевиче Суворине (1834–1912) — издателе «Нового Времени» с 1876 г., известном консервативном публицисте.

В более поздних воспоминаниях о событиях 1917–1919 гг. Шульгин упомянул также о врезавшемся ему в память визите к «старика Суворину» нескольких членов Государственной думы правой ориентации. Их интересовало, почему в отчетах «Нового времени» о заседаниях Государственной думы «на первый план выпячиваются левые и левоватые ораторы».

«Суворин ответил:

— Я держу в Государственной Думе трех корреспондентов: профессора Пиленко, Ксюнина и Суходреву. Что же они там делают?

Мы объяснили:

— Пиленко пишет не отчеты о заседаниях, а интересные статьи по поводу заседаний. Ксюнин обычно приходит к концу заседаний, поэтому он спрашивает у “черты оседлости”, что они написали, и оттуда что-то выкраивает для “Нового времени”. Суходрев занимается исключительно интервью. Чтобы он не перепутал, мы сами пишем эти интервью. Вы их печатаете в “Новом времени”, а Суходрев получает гонорар.

Старик Суворин рассердился и стал браниться.

— Что я поделаю. Вот они наши русские, — заключил он».

«Евреи овладели печатью не благодаря своим порокам, а благодаря своим добродетелям, — говорил много лет спустя Шульгин. — Как работники пера они были неутомимы и добросовестны... русские журналисты, не лишённые даровитости, были лишены моральных качеств. А евреи, очень неприятные в некоторых отношениях, в делах были людьми дельными». — Шульгин В.В. 1917–1919. Пред. и публ. Р.Г. Красюкова // Лица: Биографический альманах. М.: СПб., 1994. Вып. 5. С. 130, 131, 133.

¹⁶ Финляндия входила в состав Российской империи на правах автономии; финляндские «вольности» служили объектом постоянных посяга-

тельств со стороны правительства и, в еще большей степени, со стороны правых в Государственной думе.

¹⁷ Дело Бейлиса (1913) — процесс по обвинению приказчика кирпичного завода в Киеве Менделя Бейлиса в убийстве христианского мальчика Андрея Ющинского с ритуальной целью. Дело было явно сфальсифицировано. Процесс, приковавший к себе внимание всей России и ставший всемирной сенсацией, закончился оправданием Бейлиса. Одним из адвокатов Бейлиса был В.А. Маклаков, чья речь на процессе, по мнению многих современников, сыграла решающую роль в оправдании его подзащитного. Шульгин, которого трудно было заподозрить в филосемитизме, выступил в «Киевлянине» в первый день процесса со статьей, в которой назвал сфабрированными все улики против Бейлиса. Он был приговорен к трехмесячному аресту «за клевету на лиц прокурорского надзора», однако был впоследствии помилован императором Николаем II.

¹⁸ «Киевская мысль» — ежедневная политическая и литературная газета либерально-демократического направления. Издавалась в Киеве с 1906 по 1918 гг. Издатели — владелец типографии Рудольф К. Лубковский, Ф.И. Богданова, ред. А. Николаев, И. Тарновский. Имела распространение во всем Юго-Западном крае. В газете печатались в разное время А.М. Горький, В.Г. Короленко, социал-демократы А.В. Луначарский, А. Мартынов, Л.Д. Троцкий, популярные публицисты И. Кугель, Д. Заславский и др. В 1917 г. газета заняла резко антибольшевистскую позицию.

¹⁹ Маюфес — старинный свадебный еврейский танец.

²⁰ Согласно всероссийской переписи 1897 г. (единственные достоверные, а не оценочные данные), в Российской империи проживало 5 млн 189 тыс. евреев, что составляло около половины (49,0%) всех евреев мира и 4% населения Российской империи. К 1914 г., по оценкам демографов, еврейское население империи (включая Царство Польское) насчитывало около 5 млн 250 тыс. чел., что составляло чуть менее 40% (39,9%) всех евреев мира и 3,1% населения Российской империи. Естественный прирост практически полностью нивелировался массовой эмиграцией. Всего в 1881–1914 гг. из России уехали 1 млн 980 тыс. евреев.

²¹ Столыпин на самом деле был сторонником эмансипации еврейства и стал инициатором обсуждения вопроса о ликвидации некоторых ограничений в отношении евреев в Совете министров. Однако император Николай II отказался утвердить журнал Совета министров с заключением по этому вопросу. См.: Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903–1919 гг. М., 1992. Кн. 1. С. 206–209. Что же касается облегчения для русских кредита, то Крестьянский банк выдавал по положению ссуды только православным.

²² Столыпин был смертельно ранен евреем Дмитрием (Мордко) Богровым. Однако была ли его пуля «еврейской», «охранной» или «революционной», так и осталось неизвестным. Богров был осужден и повешен без долгих разбирательств. Историки и литераторы выдвинули множество версий, объясняющих его поступок. Ни одна из них не может считаться доказанной. См. сводную работу по этой проблеме: Степанов С.А. Загадки убийства Столыпина. М., 1995; Наиболее полный свод документов об убийстве Столыпина — Тайна убийства Столыпина. М.: РОССПЭН, 2003.

Париж, 5-го Марта 1925 г.¹

В.А. Маклаков

Дорогой Василий Витальевич,

Ваш вопрос к моей сестре меня устыдил; но я все-таки не виноват; я не хотел посылать Вам простой расписки в получении, а хотел написать на Вас анти-критику. Это не так легко сделать среди здешней суеты, и Вы увидите, что я все-таки отвечаю скорее, чем это обыкновенно делаете Вы.

Раз Вы свою статью не печатаете, то я воздержусь от каких бы то ни было замечаний по ее форме. Совершенно соглашаюсь с Вами, что в этом виде статья неприемлема; трудно даже представить себе, куда бы Вы ее поместили в газете или в журнале. Поэтому не буду смотреть на нее, как на статью, а просто как на несколько мыслей, которые Вы случайно обронили и на которые мне хочется Вам ответить.

Если бы мне нужно было защищаться и оправдываться, я сказал бы Вам, что Вы судите меня преждевременно. То, что Вы прочли, есть только введение; правда, в этом введении я иногда делал исторические экскурсы, но делал это только для того, чтобы быть понятней. Но, во всяком случае, судить о моем понимании всего русского процесса по этому введению — преждевременно, и думать, что я все свел к одной политической борьбе, не совсем основательно. Но это все замечания, которые я мог бы сделать; я их все-таки не делаю, потому что если только я напишу то, что собирался, Вы увидите все-таки, что подход к событиям у меня совсем иной, чем у Вас, что я от этого подхода не отказываюсь и, более того, я и не считаю его таким поверхностным, как Вы.

Не забегая вперед, я все-таки же скажу Вам, как я понимаю историю политического процесса в России. В России до сих пор был порядок просвещенной олигархии; мои друзья проклинали бы меня за такое определение, вернее за слово «просвещенной». Но я все-таки же это определение поддерживаю. В России было более или менее образованное меньшинство, которое правило громадной, необразованной и дикой массой. Все центральное управление, т. е. вся большая политика, сосредоточивалась в руках этого меньшинства. Никакого влияния на него наш мужик не оказывал. Может быть, именно благодаря этому в некоторых отношениях наша политика была и мудрее, и дальновидней, чем та, до которой мог бы подняться мужик. В такой гро-

мадной стране, как Россия, с такой громадной дистанцией между верхами и низами иное управление невозможно. Но только с Россией произошло то, что всегда происходит с олигархией. Олигархия рас­слаивается, разделяется на социальные классы и политические пар­тии, которые грызутся между собой и, что самое главное, в помощь себе в своей маленькой борьбе приглашают эти молчаливые массы. Это делается тем легче, что сама олигархия не неподвижна и не зам­кнута, что в нее проникают те культурные элементы массы, которые, в свою очередь, успевают от нее отклониться, словом, что в этой пра­вящей олигархии создается такая рознь, что олигархия перестает со­знавать свое единство, свою солидарность и свое общее привилегиро­ванное положение. Наша правящая олигархия давно раскололась. Не только на Кривошеинских «мы» и «они»², но и на представительство старого дворянства с его земельными воспоминаниями, новую бур­жуазию и вдобавок еще интеллигенцию. Так вот, когда эта олигархия передра­лась, то она начала для успеха своей внутренней борьбы при­влекать массу. Левые элементы настаивали на всеобщем избиратель­ном праве и раздражали мужика, суля ему помещичью землю, но и представители старого строя, упо­вая на мужицкий консерватизм, в избирательном законе 11-го декабря привлекли мужика к управле­нию всем государством³. Одним словом, я хочу сказать, что основной характер русской политики был именно крах олигархии; когда оли­гархия кракнула [так!], тогда русская необразованная деревня высту­пила на сцену, и получилось то, что получилось. Для меня в этом был смысл процесса; а вина нашей олигархии в том, что она не сумела про­должать быть олигархией, разумно воспитывая массу и привлекая к самоуправлению только тех, кто для этого самоуправления был до­статочно воспитан. Это вина олигархии, взятой в целом, но если мы посмотрим на нее в отдельности, то увидим, что среди этой олигархии были элементы, которые по своей глупости хотели сохранять моно­полию власти вместо того, чтобы делить ее с другими частями той же олигархии, а вместе с тем и другая ее часть, которая, благодаря своему положению вечной оппозиции, находящейся не у дел, совершенно за­бывая о том, что она все-таки часть привилегированной олигархии, вела с монополистами беспощадную борьбу.

Вот Вам схематическое изображение русского процесса, который в общих своих чертах совпадает с аналогичными процессами других стран, с крахом Римской Империи, с крахом греческих республик и т.п. Это бывает везде, где целая нация в совокупности еще не может собой самоуправляться, а ее привилегированное и образованное меньшинство оказывается негодным для руководящей роли прежде всего потому, что ведет борьбу в своей собственной среде.

Вы указываете на некоторые национальные свойства русского народа; я не буду их оспаривать, в них много правды; но для меня все эти свойства гораздо более производны, чем прирожденные; и производны как раз из того политического строя, который в России сложился. Вы указываете на кое-какство; но разве это не характерное свойство всех тех людей, которые не обязаны жить интенсивной жизнью, потому что в их распоряжении много дарового и дешевого труда. Этим свойством отличались и рабовладельцы древних республик, и крепостные помещики и, как это ни покажется Вам странным, наши военачальники последнего времени. Я вспоминаю слова одного военного доктора, который говорил мне на войне: «Там, где обыкновенному человеку нужно три или четыре человека рабочих, там в войсках наряжают 500 человек нижних чинов». Раз в распоряжении власти находится такое количество даровой силы, она не умеет ни считать гроши, ни экономить эти силы; к скупости и бережливости у нас относятся как к пороку; ее стыдятся. Все это элементы старого барства, свойственно-го вовсе не одним только барам, а просто целой стране, которая привыкла жить кое-как, потому что кто-то на нее работает. Возьмите другое свойство — озлобленность. Это уже прямое следствие ошибок правящей олигархии, которая относилась ревниво к своей власти, не желала ее делить с другими, и элементы, готовые для совместной государственной работы, отгоняла в разряд никудышников, завистников и критиков. А, наконец, отсутствие положительной работы и состояние оппозиции развивает мечтательность и утопизм. Словом, все национальные русские черты, которые вдобавок Вы приписываете только великоруссам, я ставлю на счет не их характера, а исторически сложившегося режима. У активно правящего меньшинства кое-какство, а у большинства, устранившегося от дела, озлобленность и утопизм. Задача 20-го века России была перевести ее на другие рельсы, на рельсы всей Западной Европы, где в большей или меньшей степени, но все участвуют в строительстве государства, где если и существует правящая олигархия, то ее господство зависит только от того, в какой мере она сумеет обмануть громадную и невежественную массу. Но за этой массой остается всегда решающий голос.

Так я понимаю русский процесс. Вы ставите вместо всего национальный вопрос и упрекаете меня в том, что я об нем не говорил. Национальному вопросу я придаю в России громадное значение, но совсем не в том смысле, как Вы. Я считаю, что одним из коренных грехов нашего великорусского правительства было небрежение к этому вопросу, непонимание того, что Россия — страна разноразличная и разноразличная. Национальный вопрос один из тех, и это Вы пра-

вильно указывает, который будет разрешен революцией. Будет ли Россия федерацией или централистическим государством с широкими автономиями — это деталь, но за национальностями будут ухаживать, а не будут с ними бороться. Но я не подвожу в эту схему того, что для Вас самое важное, т.е. вопроса еврейского. В этом отношении я, впрочем, не одинок; я помню, как, впрочем, вероятно и Вы, знаменитые статьи Чичерина о польском и еврейском вопросе⁴; он признавал наличие вопроса польского, но не признавал вовсе вопроса еврейского. И это потому, что у Польши была территория, у евреев же ее нет; если такая территория как будто бы и была, то исключительно по нашей собственной вине — из-за черты оседлости. Еврейский вопрос не имел ничего общего с вопросом национальностей, да, впрочем, и Вы, кажется, его так не трактуете. В Вашей схеме Вы выводите евреев как представителей озлобленности; тут Вы, конечно, правы; но этот вопрос не национальный, а неизбежное следствие нашей глупой политики. Черта оседлости с теми изъятиями, которые для нее делались в пользу образования и в пользу богатства, искусственно создавала чрезмерный процент богатых и образованных евреев среди всего еврейства, которые не могли не чувствовать очень больно и бесправие своих современников, и свое собственное униженное положение. Поэтому нет ничего удивительного в том, что количество недовольных и озлобленных в еврействе было больше, чем где-либо, и при этом среди них было больше всего интеллигентов. За это тоже спасибо черте оседлости. Я хорошо знаю, что евреи не очень ассимилируются с другими народностями, но, однако, я наблюдаю евреев во Франции, и ничего подобного с психологией русского еврейства здесь нет. И еще меньше его в Англии. Таким образом, наблюдая развитие русской революции, я мог бы Вам сказать то, что сказал Лаплас Наполеону о Боге: «Для объяснения того, что происходит в мире, я не нуждался в этой гипотезе»⁵, — точно также, для того чтобы понять, как развилась революция в России, мне вовсе не нужно было говорить об еврейском вопросе; его роль настолько второстепенная, что я убежден, что если вычеркнуть даже всех евреев, то в главных чертах революция совершилась бы точно таким же способом, как она совершилась.

С Вашей точки зрения, причина революции — это еврейство и германство. Готов с этим согласиться, но вот в каком смысле. Столкновение с германством, т.е. война, потребовала от России такого напряжения, которого при ее кое-какском устройстве и кое-какских привычках, она дать не могла. Столкновение германства с Россией, если бы оно совершилось в чистом виде, просто дало бы победу гер-

манству, как более культурному и совершенному режиму. Благодаря тому, что война была европейской и победительница Германия была разбита, с Россией случилось то, что случилось, т.е. что не более совершенный режим навел в ней порядок ценой утраты ею, хотя бы и временно, независимости, а Россия оказалась предоставленной самой себе, т.е. усмотрению своего негосударственного и некультурного большинства, которое, как всякое большинство, создает диктатора, который это же большинство притесняет. Что же касается до роли еврейства в этой борьбе, то она только символическая; по еврейству Вы могли судить о тех вредных антигосударственных настроениях, основанных и на злобе, и на отсутствии нужного патриотизма, и на фантазерстве, которое свойственно было вообще русской оппозиции, но которое, может быть, только резче выражалось или более привлекало внимание в еврействе. Россия в момент столкновения с Германией не имела сплоченного и солидарного правящего меньшинства, а передралась между собой, и в этой драке и Вы, и я так же повинны, как Неселович [так!]⁶ и Фридман⁷. А, наконец, последнее слово: Вы находите, что побежденным оказалось одно великорусское племя, а все другие попали в победителей. Правы Вы только в том смысле, что все другие национальности приобретут нечто, как национальности. Великорусское же племя или вообще, как принято говорить, российский народ, приобретет только то, что он станет демократией, что на горьком опыте он научится тому, чего у него не было, — и государственному смыслу, и сознательному отношению к власти. Россия завтрашнего дня будет страной менее культурной, и менее интересной и симпатичной, чем Россия вчерашнего дня. Общий уровень ее понизится, ибо просвещенная олигархия в ней уже не будет олигархией. Господствовать в ней будет мужик, кулак, а не кое-какский барин и интеллигент. И она будет страной настолько нищей, что наши барские замашки сами собой от нас отвалятся. Словом, с Россией произойдет то же перерождение, которое было после эмансипации, когда вместо барских поместий появились повсюду мужицкие общины, наделы, общая производительность пала, но социальный порядок стал прочнее. Вот Вам и все, что имею Вам возразить; если бы мы поглубже покопали этот вопрос, то разница между нами оказалась бы еще меньшей, чем кажется.

ВасМакл[аков]

Машинопись. Подлинник.

ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 75–82.

---

¹ Ниже рукою В.В. Шульгина написано: «Получ[ено] 15/III».

² Кривошеин Александр Васильевич (1857–1921) — статс-секретарь, гофмейстер, член Государственного совета. В 1908–1915 гг. — главноуправляющий землеустройством и земледелием, один из ближайших помощников П.А. Столыпина в проведении аграрной реформы. В начале 1920 г. недолгое время заведовал продовольственным снабжением тыла у Деникина. После новороссийской катастрофы эвакуировался в Константинополь, затем переехал в Париж. В апреле 1920 г. по предложению Врангеля приехал в Крым и возглавил Правительство Юга России. После эвакуации войск Врангеля из Крыма — в эмиграции в Париже. Маклаков имеет в виду следующее высказывание Кривошеина: «Отечество может достигнуть благополучия, если не будет разделения на пагубное “мы” и “они”, разумея под этим правительство и общество как две самостоятельные стороны, и когда будут говорить просто “мы”, подразумевая правительство и общество вместе».

³ Избирательный закон 11 декабря 1905 г. — закон о выборах в Государственную думу; рассчитывая на консерватизм крестьянства, правительство создало такую избирательную систему, при которой депутаты от крестьян должны были играть решающую роль в Думе. Крестьяне же, в основном, отдали свои голоса кадетам и партиям левее их. 3 июня 1907 г. Избирательный закон был изменен без одобрения этого Государственной думой, т.е. фактически был совершен государственный переворот.

⁴ Чичерин Борис Николаевич (1828–1904) — юрист, историк, философ и публицист, автор пятитомной «Истории политических учений», один из основоположников государственно-юридической школы в русской историографии. Маклаков имеет в виду статьи Чичерина «Польский и еврейский вопросы: Ответ на открытые письма Н.К. Ренненкампа» (Берлин, 1899).

⁵ Лаплас (Laplace) Пьер Симон (1749–1827) — французский астроном, математик и физик. Автор классических трудов по теории вероятностей и небесной механике.

⁶ Нисселович Лазарь (Элиэзер) Ниссенович (Леопольд Николаевич) (1858–1914) — присяжный поверенный, домовладелец. Служил некоторое время в Министерстве финансов; публицист, публиковал в периодике статьи по вопросам финансов и права. Кадет, член 3-й Государственной думы от Курляндской губернии, входившей в черту еврейской оседлости. Автор законопроекта «Об отмене Черты еврейской оседлости», внесенного в Думу 31 мая 1911 г. за подписью 166 депутатов.

⁷ Фридман Нафталя Маркович (1863–1921) — присяжный поверенный, домовладелец. Кадет, депутат 3-й и 4-й Государственных дум от Ковенской губернии, входившей в черту еврейской оседлости. Неоднократно выступал в Думе по различным аспектам «еврейского вопроса». С 1918 г. жил в Литве, депутат Учредительного собрания Литовской республики (1918 г.).

28 Мая 1925

Дорогой Василий Алексеевич.

Пишу сам, а потому так скверно¹ — простите, не писал так долго вот по какой причине.

Последнее Ваше письмо затрагивало в коротких словах бесконечный еврейский вопрос. Когда я стал Вам отвечать, я почувствовал, что необходимо написать целое сочинение, какое, впрочем, в виде письма бесцельно, ибо если Вас не убедили или, вернее, не расшевелили в Вас желание пересмотреть ту допотоптную рутину, каковую кадеты выдавали за премудрость по еврейскому вопросу, не расшевелили русские события, то, разумеется, мое письмо не вырвет Вас из бездны, на дне которой Вы копошитесь... Погибайте, несчастный, ибо Вы хуже, чем Фома Неверный, Вы — Василий Темный². Кто-то Вас околдовал, пустил темной воды в светлые глаза: просите Марию Алексеевну, чтобы молилась за Вас Господу Богу, чтобы он вернул Вам зрение...

Как бы там ни было, Ваше письмо было толчком, которое было заставило меня [так!] взяться за работу... Ибо если нет надежды спасти Вас, то этого нельзя сказать о многих других, которые еще способны увидеть свет... Но немощен дух мой... Как только начинаешь заниматься чем-нибудь толковым, отвлекут на какую-нибудь ерунду... Надо бы уйти в пещеру, да жена, дети... Так и идет день за днем, и великое произведение не может родиться.

Однако можете быть уверены, что как только оно явится, Вы его получите, и тогда все Ваши страшные заблуждения отразятся перед Вами в беспощадном зеркале правды. Этот день будет для Вас ужасен. Живите же и пользуйтесь жизнью, пока Ваш час не пробил.

С антижидовским приветом

Ваш В.В.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Т.е. Шульгин печатает (по терминологии того времени «пишет») на пишущей машинке.

² Василий Темный (1415–1462) — великий князь Московский, был ослеплен своими политическими противниками.

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 5-го Июня 1925 г.
5, rue Nouvelle Stanislas

В.А. Маклаков

Дорогой Василий Витальевич,

Получил Ваше письмо без подписи и даже не сразу догадался, что это Вы; наша переписка перешла в то состояние, когда уже никакого мысленного контакта не сохраняется; мне пришлось бы доставать мое письмо к Вам и перечитывать, чтобы дать себе отчет, какая Вас муха укусила. Но, очевидно, дело не в том, что я Вам написал, а в том, что Вы сейчас стали мономаном и находитесь под влиянием навязчивой идеи, которая исключает все остальное. Мне такие состояния мономании довольно понятны, и, если хотите, они необходимы даже, чтобы какую-либо одну сторону дела передумать до конца и рассмотреть под умственным микроскопом. По-видимому, необходимо влюбиться в женщину, чтобы разглядеть ее, как следует, и заметить в ней все, что стоит замечать. Но только этот вид мономании так же не обеспечивает справедливости, как и все остальное, как и Ваша теперешняя мономания. Даже не читая той Вашей книги, которой Вы грозитесь и которой Вы меня хватите по уху, как медведь, я заранее уверен, что в ней найду; я не найду в ней неправды и лжи, этого Вы не сумеете, ибо в этом отношении Вы подобны Валаамовой ослице и не сумеете заставить себя лгать. Но так как Ваша книга будет не полна, будет посвящена только одной стороне дела, только одной мысли, то она, конечно, исказит все перспективы; ведь это будет совершенно то ж самое, если бы мы неуспех нашей революции объяснили тем, что Князь Львов был слаб или Керенский болтлив, или даже неуспех нашей войны в 1915 г. приписали только отсутствию в данный момент нужных снарядов. Тот, может быть, делал плохое дело, кто в известный момент вопил о недостатке снарядов, забывая о других причинах, только потому его голос и слышали, но было бы все-таки совершенно ошибочно, если бы мы из-за недостатка снарядов и вооружения забыли обо всех других ближайших и отдаленных причинах наших неудач.

Вы скорбите о моей неисправимости, если революция мне не открыла глаза. Она мне открыла глаза на очень многое; много из того,

что казалось у нас здоровым и прочным в России, совсем не было ни прочно, ни здорово. Во многих наших кадетских и не только кадетских близорукостях и легковесностях я раскаиваюсь, поскольку это слово уместно. Но именно потому, что в моих глазах сейчас становятся так ясны все те пропасти, которые были под нашими глазами, вся совокупность наших болезней, не только интеллигентских, но и чисто национальных, вскормленных веками ненормальных отношений в социальном организме, именно потому, что я вижу, как все части нашей машины были разлажены, мне представляется так непонятным и ошибочным Ваше желание свести все к еврейскому вопросу. А скажу Вам более того: я насмотрелся и на границу и здесь кое-чему научился. Готов признать, что и здесь в некоторых отношениях может стоять еврейский вопрос, или, по крайней мере, находятся люди, которые о нем говорят. Но когда я смотрю на то, как он здесь ставится и разрешается, вообще какое он имеет и может иметь влияние на здешнюю жизнь, и вспоминаю с этим черту оседлости и процент¹, то мне становится совершенно понятно, до какой степени, обвиняя еврейский вопрос за революцию, мы путаем следствие с причиной. Есть целый ряд вопросов, общих всем странам; но только в каждой стране его решают по-своему и с различными последствиями; к этому вопросу относятся и вопросы демократии вообще, и образования, и свободы рассуждения, и национальности, и многие другие; к ним относится еврейский вопрос, поскольку он был вопросом своеобразным в силу своеобразного положения этой нации. Мы одни ухитрились сделать из него такую сложную проблему и смотреть на него так трагически, как будто государство рушилось оттого, что не соблюдалась черта оседлости или была превышена процентная норма. Но ведь в свое время нам казалось, что если в какой-либо газете была бы напечатана критика не то чтобы на государя, но министра, то от этого тоже потряслось бы государство.

Насмотревшись на Европу, на то, чем государство может быть прочно и сильно и чем оно слабо, что для него опасно или нет, я никак не могу прийти к заключению, чтобы политика антисемитизма не только государственного, но даже общественного в какой-либо мере укрепляла государственную мощь. Все это у нас переживания старого, недалеко ушедшие от тех, кто искренне утверждали и в некоторых отношениях были правы, что образование развращает народ и что грамотный рабочий много хуже безграмотного. Во всем этом была доля правды, но когда мы подлаживали нашу политику к подобного рода правде, то мы довели государство до взрыва; и сейчас, после того что произошло, после той атмосферы, в которой живет Россия, этого

рода правды подносить будет уже невозможно; они просто будут смешны; я охотно верю, что в будущем национальном правительстве не будет 80 % евреев; и нисколько об этом жалеть не стану; но думать, что можно было бы сейчас свернуть Россию к неравноправию, как процентным запретам и гонениям, и что подобного рода теории можно было бы защищать даже перед антисемитской аудиторией — значит, по-моему, делать большую ошибку, чем ту, в которой Вы нас упрекаете, и проглядеть урок дореволюционного времени, и, вообще, я думаю, что Вы вашу мысль направили в переулочек, который кончается тупиком. А затем я Вам никакой книгой не грожусь, но Вашу буду ждать с интересом.

ВасМак[лаков]

Машинопись. Подлинник.

ГА РФ. Ф. 5974. Оп. 1. Д. 152. Л. 83–86 об.

---

¹ Имеется в виду процентная норма, ограничивавшая право евреев поступать в средние и высшие учебные заведения.

№ 63

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

1 Сент[ября] 1925

Дорогой Василий Алексеевич,

Предъявитель сего Владимир Александрович Лазаревский, ныне сотрудник газеты «Возрождение»¹, а до сего проделавший всю эпопею от «Киевлянина» — через Добр[овольческую] Армию до Пражского Университета, который он в настоящем году окончил под водительством Петра Бернгардовича², — мой большой друг, хотя мог бы быть моим сыном. Рекомендую его Вам как человека, испробованного на самые разнообразные реактивы и неизменно показывавшего «добротность». Вместе с тем или, вернее, вследствие сего, очень прошу Вас не отказать ему в содействии, если он к Вам обратится с какой-нибудь просьбой, исполнение коей полагайте в личное мне одолжение, за *каковое и примите благодарность заранее.*

Ваш В. Шульгин

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Газета «Возрождение: орган русской национальной мысли» — выходила в Париже с 1925 по 1936 г. как ежедневная; с 1936 г. по 1940-й как еженедельная. Последний номер вышел 4 июня 1940 г. В 1949 г. «Возрождение» начало выходить как журнал, до 1954 г. раз в два месяца, с 1955 г. — ежемесячно. Владелец издания был нефтепромышленник А.О. Гукасов. Газета была правого направления и постоянно полемизировала с милюковскими «Последними новостями». В 1925–1927 гг. «Возрождение» редактировал П.Б. Струве; после его ухода с поста редактора вследствие конфликта с Гукасовым редактором стал Ю.Ф. Семенов.

² Петр Бернгардович Струве был профессором политэкономии Русского юридического факультета под протекторатом Карлова университета в Праге в 1922–1925 гг. В эти же годы он исполнял обязанности председателя русской академической группы в Чехословакии (1922–1925 гг.).

1926

№ 64

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

20 Июня 1926

Париж: Hôtel Progres 54,
Avenue des Gobelins
Paris /XIII

Дорогой Василий Алексеевич,

Неожиданно приехал в Париж вчера, а завтра уезжаю. Очень хочу Вас видеть. В рассуждении, как бы это сделать, решил навязаться Вам на завтрак завтра в Понедельник 21 сего числа. Завтраком, впрочем, если не захотите, можете не кормить, но в половине первого зайду к Вам. Имейте в виду, что когда я был здесь два месяца тому назад, я тоже стремился к Вам, чему у Вас должно быть письменное доказательство, а потому я ни в чем перед Вами не виноват, и ругать не смею.

Целую ручки Марии Алексеевне в надежде, что она в Париже и что я ее завтра увижу.

Ваш

В. Шульгин

Машинопись. Подлинник.

№ 65

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

13 Октября 1926

Дорогой Василий Алексеевич.

Приехал в Париж. Жажду Вас повидать, чтобы поблагодарить Вас за Сен-Сир¹. Как это сделать? Напишите мне приглашение, когда прикажете явиться. Сына еще не видел, но знаю, что он «счастлив». Итак, жду от Вас телеграмму или пневматичку².

Целую ручки Марии Алексеевне.

Ваш ВВ.

*P.S. Тел. Gobelins 53–27,
Адрес 54, Avenue des Gobelins, Paris (XIII).
Это Hôtel du Progres.*

P.S. Пока я занят в четверг в 2 1/2 дня.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Сен-Сир — элитное французское военное училище. Речь идет о содействии Маклакова в поступлении сына В.В. Шульгина Дмитрия в Сен-Сир.

² Пневматичка — пневматическая почта — система перемещения различных грузов под действием сжатого или, наоборот, разреженного воздуха. Закрытые пассивные капсулы (контейнеры) перемещаются по системе трубопроводов, перенося внутри себя нетяжелые грузы, документы. С середины XIX в. была распространена в Лондоне, Берлине и Париже.

№ 66

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

8 Ноября 1926

Дорогой Василий Алексеевич.

Благодарствуйте. Будем в среду, как условлено. Это — абгемахт¹.

Теперь совершенно о другом, никакого отношения ни к театру, ни к женщинам не имеющем...

В предположении, что Вам угодно слушать серьезные материи, я все-таки продолжаю, и дело вкратце вот в чем.

На днях я получил подтверждение того, что очень хорошо ощущал и раньше: будет ли что-нибудь или не будет, но если будет, то непременно мы окажемся в самых важных предметах неготовыми.

Мне очень жаловались тамошние друзья²: в текущей работе, слишком трудной и нестерпимо опасной и ответственной, у нас не хватает ни времени, ни возможности на обдумывание будущего.

И действительно, у них есть вполне определенная программа, так сказать, государственное миросозерцание. Но и только. Вы хорошо знаете, что такое программа. Между решением провести какую-нибудь реформу и не то что ее фактическим проведением, а между решением и изданием соответственного закона лежит лес дремучий, который кому-то надо терпеливо, спокойно расчистить, иначе даже закона и даже просто декрета издать нельзя. То есть написать-то все можно, но что из этого выйдет.

Скажем, к примеру, земельно-крестьянский вопрос. У них есть ясное сознание, что надо дать землю «в собственность» вместо всяких социализаций и национализаций и что это должно сопровождаться землеустройством и освобождением из общины, то есть творчеством в столыпинском стиле. Но и точка. Несколько руководящих идей и больше ничего. Конечно, это самое важное — правильные основные идеи. Но при неудачной их разработке, при неумелой, страстной, нарочитой, тенденционной ломке, не по существу, а только для того, чтобы кому[-то] что-то доказать, кого-то наказать и кому-то напакосить, сколько нелепостей можно сделать при разработке правильных основных идей.

Я боюсь, что время, счастлирое для вынашивания гармонического плода, будет упущено. Я боюсь, что творчество в разгаре политических страстей будет трудно и однобоко. На мое ощущение, творить надо сейчас. Сейчас уже вызвездило, путь ясен, а болотные огни еще не выползли из трясин. Самое хорошее время идти... Что Вы скажете?

По натуре своей Вы гораздо более помещик, чем адвокат. Несмотря на Вашу глубокую порочность, Вы свободны от главного: тупого доктринерства. У Вас есть ощущение реальности, при великолепном мыслительном аппарате. Ваши ошибки исходили отнюдь не из ошибок ума и чувств (политических), а из дефектов воли (женщины мешали сосредоточиться). Поэтому Вы не стали и не можете стать вождем. Но у Вас есть все данные, чтобы быть мозгом. Для этого у Вас есть и достаточно трудоспособности. В заключение чего ставлю вопрос: не заинтересовало ли бы Вас написать теперь же нечто вроде проекта или докладной записки на следующую тему: как от нынешнего состояния перейти к строю мелкой крестьянской собственности, преследуя одновременно задачи ликвидации земельной общины в Велikorоссии и землеустройства повсеместно?

Полагаю, что материалы по сему вопросу в части эмигрантской достать не трудно. Через Карбасникова³ можно получить все, что напечатано по сему вопросу в Сов[етской] России и что весьма важно в смысле, как дело обстоит сейчас официально. Вероятно, я могу добыть кое-что освещающее неофициальное, то есть фактическое положение.

Ежели же Вы бы сочли, что таковая работа хотя весьма и желательна, но выходит из сферы Вашей узкой специальности, то я умоляю Вас так не думать. Как только Вы приступите к делу, Вы высосете необходимые знания из специалистов. Наконец, Вы объедините их вокруг себя. Надо, чтобы к вопросу о земле и крестьянах была представлена нянька, добрая нянька из помещиков, но с хорошей широ-

кой головой и солидной юридической подготовкой. Мое ощущение, что это есть Ваше настоящее дело, еще Вами не понятое призвание.

В ожидании Вашего любезного ответа, письменного или устного, остаюсь сердечно Вам преданный и без лести Вас расценивающий, а также к гражданским Вашим чувствам взывающий.

Некто, кто просит оставить сие дело строго между нами.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Абгемахт, от немецкого Abgemacht — решено.

² Тамошние друзья — Шульгин явно намекает на «друзей» в Советской России, нелегальную, якобы антисоветскую организацию, известную под названием «Трест». На самом деле организация была создана ГПУ с целью нейтрализации боевой деятельности эмиграции. В конце 1925 — начале 1926 г. Шульгин при помощи деятелей «Треста» (которых он в своей книге о поездке назвал «контрабандистами») совершил нелегальную поездку в Советскую Россию. См. подробнее об этом прим. 3 к письму № 71, прим. 7 к письму № 76 и прим. 3 к письму 77.

³ Вероятно, имеется в виду Николай Николаевич Карбасников (1885–1983), сын и наследник известного издателя Николая Павловича Карбасникова (1852–1922), специализировавшегося на выпуске литературы по различным отраслям знаний.

№ 67

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

10-го Ноября 1926

Париж /13/ 54, авеню де Гоблен

Дорогой Василий Алексеевич,

Когда я написал то письмо, которое Вы, надеюсь, получили, я еще не прочел Вашей Пушкинской речи¹. А сейчас я прочел в спокойствии и сосредоточении, как она того заслуживает, и нахожусь под свежим ее впечатлением.

Вы хорошо сделали, что ее отпечатали, но плохо сделали, что отпечатали ее так плохо. Я хотел бы ее видеть на превосходной пергаментной бумаге, с заглавными вязью с винетками [так!] работы Библина² и с хорошим не портретом, а стилизованным рисунком Пушкинского лица. Потому что эта речь — мудрость, доставшаяся Вам ценой умственной работы всей жизни, это Ваше высшее в данную минуту достижение с субъективной точки зрения, а с объективной — это большая ценность, ибо это есть блестящее и подкупающее

по форме изложение того, что смутно чувствуют уже немногие избранные, что еще недостаточно масс, но что через несколько лет станет символом веры Фаланги [так!] людей, которая будет защищать остров культуры против океана варварства.

Новое варварство надвигается, и на этот раз с других сторон, не слева и не справа, а с совершенно новых румбов. Первые ласточки в этом смысле были украинцы, которые херили всю Пушкинскую культуру в угоду несуществующей «нации» украинской. Вторыми, пожалуй, не менее опасными, являются евразийцы³. Эти родные братья украинцев. Это злобные «московиты», великорусские шовинисты, прикрывающиеся «азиатскими» псевдонимами. Прочтите их литературу, и Вы убедитесь, что они ненавидят все русское за исключением узкомосковского периода, то есть из тысячелетней истории вычеркивают семьсот лет, а из всей русской культуры приемлют только «бытовое исповедничество» московских пусто- и полносвятых да «хананат»⁴. Единодержавие, несомненно, вещь хорошая, но евразийцы вредные и злобствующие сепаратисты.

Необходимо защищать единую и неделимую «Пушкинскую» культуру, созданную тысячелетними усилиями всех русских племен или, выражаясь географически, усилиями Киева (четыреста лет), Москвы (четыреста) и Петербурга (двести). Это, помимо всего прочего, Вы делаете великолепно, почему Ваша речь не юбилейное проявление, а глубоко продуманное мирозерцание и вытекающая из него политическая программа.

Вот, мне хотелось Вам это сказать.

Ваш почитатель и единомышленник.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Речь «Русская культура и Пушкин» была произнесена Маклаковым 6 июня 1926 г. в Сорбонне на празднике по поводу «Дня русской культуры», приуроченного ко дню рождения Пушкина. Напечатана в журнале «Современные записки» (1926. Кн. XXIX. С. 228–239). Судя по контексту, Маклаков прислал Шульгину отпечаток публикации речи в «Современных записках».

² Билибин Иван Яковлевич (1876–1942) — русский художник, член объединения «Мир искусства». Среди прочего разработал — в технике рисунка тушью, подвеченного акварелью, — особый «билибинский стиль» книжного дизайна, продолжающий традиции древнерусского орнамента. В период Гражданской войны сотрудничал в пропагандистских органах Вооруженных сил Юга России, с 1920 г. в эмиграции, сначала в Египте, с 1925 г. в Париже. Впоследствии примирился с советским строем, в 1936 г. уехал в СССР.

Преподавал во Всероссийской академии художеств, умер в блокадном Ленинграде.

³ Евразийство — идейное течение, представители которого считали Россию особым континентом — Евразией, отличным от Европы и Азии, но тяготеющим к последней; евразийцы резко критически относились к западной цивилизации. Евразийство начало складываться в 1920–1921 гг. в Софии, затем его центр переместился в Берлин и, наконец, в Париж. Среди основоположников евразийства были лингвист кн. Н.С. Трубецкой, экономист П.Н. Савицкий, музыковед П.П. Сувчинский, философ и богослов Г.В. Флоровский. Впоследствии в евразийском движении участвовали в той или иной степени Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин, А.М. Ремизов, И.Ф. Стравинский, М.И. Цветаева, С.Я. Эфрон и др. Идейным манифестом движения стал сборник «Исход к Востоку» (София, 1921). Советский автор довольно точно назвал евразийство «сменовеховством на религиозно-философской почве». Мамай Н. Коммунистическая партия в борьбе за идейно-политическое воспитание масс в первые годы НЭПа (М., 1954) / Цит. по Агурский М. Идеология национал-большевизма. Paris, 1980. С. 98. См. также: Utechin S. Russian Political Thought. New York, 1964. Пути участников евразийского движения разошлись впоследствии довольно далеко; некоторые из пошедших «влево» вернулись в Россию, точнее, в СССР.

⁴ Т.е. период монголо-татарского ига.

№ 68

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

18 Ноября 1926

Дорогой Василий Алексеевич.

Занес Вам сегодня две книжки, одну в связи с нашим разговором в театре, а другую собственного производства. По поводу сей последней я хочу Вас спросить: не при Вашем благосклонном содействии она издавалась? Я отдал рукопись в 1919 году некому Маяру Французу, который много лет жил в Киеве. Он взял, увез (я тогда был в Одессе) и издал тогда же¹. Кто ему помог, от его ли лица шел заказ, я не могу выяснить. Издательство я нашел, там лежат четыреста экземпляров, а сколько продано, еще не знаю. Знаю только, что об этой книжке никто не знает. Мне же почему-то кажется, что в каком-то из Ваших давних писем ко мне была такая фраза: «А мы тут издали Вашу брошюрку». Так ли это, или только бред впавшего в детство автора?

У Карбасникова есть полное собрание, то есть свод их законов, где более современное законодательство². Обещал мне показать завтра, но и грозит, что это будет стоить 90 франков.

Пользуюсь случаем принести Вам низкую благодарность за высокое наслаждение, которое доставила мне Тамара, а также... Саломея. Ваше приглашение в чужой дом на среду действительно?

Тутаву
Веве.

Моя жена, Маша, благодарит тоже...

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Возможно, речь идет о сборнике статей Шульгина «Малая Русь», в выходных данных которого значится «Киев, 1918». Учитывая обстоятельства времени и то, что предполагаемый издатель много лет жил в Киеве, реальное место и время издания и обозначенное на обложке могли не совпадать. Но это не более чем предположение публикатора.

² Речь идет о советском законодательстве. См. письмо Шульгина от 8 ноября 1926 г.

1927

№ 69

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

23 Января 1927

Дорогой Василий Алексеевич.

Благодарствуйте. Буду в [одно слово нрзб.] 25-го в 1 час дня. Это очень мило с Вашей стороны, что Вы угадали мои мысли, ибо я к Вам стремился.

Ваш ВВ.

Автограф. Подлинник.

№ 70

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

7 Февраля 1927 года,

19, rue Mahias,
Boulogne s/Siene

Дорогой Василий Алексеевич.

Обращаюсь к Вам с совершенно неожиданной просьбой насчет Бадьяна¹. Я как-то видел его на одном из его выступлений и пришел к убеждению, что он ни в коем случае не провокатор, кем-то присланный, ибо таких «мышигенер»² не присылают, а просто не то жидочек, не то бураяцкая обезьяна³. Конечно, ни черта за ним нет серьезного, 200 тысяч людей, о которых он по-идиотски твердит, но думаю, был маленький кружок таких же безграмотных подмастерьев, как и он, которые, разочаровавшись в Советском режиме, послали его. Он ехал сюда, очевидно, с большими надеждами на шуметь на всю Европу и, действительно, на шумел. Но шум ему принес только одно: ужасающую нищету. Совершенно верный человек исследовал его положение, он с женой и дочерью умирает с голоду, его гонят с квартиры и все такое. По профессии он сапожник. Через некоторое время, может быть, и обжился бы после того, как выбросил бы все свои великие идеи из головы. Но у него нет права жительства. Его гонят отсюда.

И вот я обращаюсь к Вам: не можете ли Вы сказать, чтобы его не трогали. Пусть дадут ему право жительства. Я считаю, что для эмиграции будет большой скандал, если Бадьян в конце концов принесет повинную и пойдет на рю де Гренель⁴, где ему дадут кусок хлеба и простят. Он поедет обратно и будет рассказывать, с какими чувствами он бросился в эмиграцию и что эмиграция с ним сделала. Я понимаю, что он настолько скомпрометирован, что просить за него трудно. Но если можно, сделайте. Прилагаю его адрес.

Ваш ВВ.

Адрес: 21, rue de la Pontte d'Or, Paris (XVIII)

P.S. Заеду к Вам в пятницу в 5 часов. Если нельзя, дайте отбой.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Бадьян (наст. фам. Вайнберг) Яков Иванович (1888–?) — один из первых «невозвращенцев». По дореволюционной специальности сапожник. С 1908 г. член Бунда, с 1917 г. — большевик. В 1914–1917 гг. находился в заключении. Участник Октябрьской революции и Гражданской войны, в том числе служил комендантом Особого отдела Южной группы войск Восточного фронта, т.е. был чекистом. Был неоднократно ранен и контужен. В 1920-е гг. работал в Сибири, на Дальнем Востоке и Урале «по кожевенной части», был функционером среднего звена. С 1925 г. в Оренбурге, в 1926 г. «как лучший партиец и хозяйственник» получил разрешение Оренбургского губкома и Лечебной комиссии ЦК ВКП(б) выехать для лечения за свой счет в Берлин. В августе 1926 г. опубликовал в берлинском «Руле» письмо, в котором бичевал советский режим. В 1926–1927 гг. неоднократно выступал в эмигрантской печати, а также с лекциями в Германии и во Франции с критикой советского режима. Заявил, что он является представителем многочисленной правой рабочей (иногда он говорил о рабоче-крестьянской) оппозиции (на самом деле им вымышленной). «Явление» Бадьяна стало сенсацией. Его имя не сходило со страниц эмигрантских газет. Несомненно, на руку Бадьяну сыграла советская печать, ибо фельетоны о нем появились на страницах «Правды» и «Известий». М.Е. Кольцов на страницах «Правды» утверждал, что причиной выступления Бадьяна стал отказ берлинского представительства Всероссийского кожевенного синдиката выдать ему денежную субсидию. Несмотря на очевидную малограмотность и чудовищный русский язык, Бадьян был ярким и находчивым публичным оратором. В эмиграции его некоторое время воспринимали всерьез и считали его появление признаком разложения советского режима. См. подробнее: Генис В. «Политическое невозвращенчество», или Рождение «советской» эмиграции (Мистификатор Я. Бадьян, его «двойники» и Заграничное бюро оппозиционеров) // Диаспора: Новые материалы. Т. IX. Париж; СПб., 2007. С. 159–252.

² Сумасшедший (искаж. идиш).

³ В редакции «Возрождения», куда Бадьян явился 13 октября 1926 г., на вопрос о его родном языке он ответил: «бурятский». Понимая, видимо, что в «Возрождении» не слишком привечают евреев, Бадьян рассказал, что по национальности он армянин, но поскольку его отец еще в молодости был сослан в Восточную Сибирь, то он вырос среди бурят и по-армянски не говорит. — Генис В. Политическое невозвращенчество. С. 177.

⁴ В описываемое время по этому адресу уже квартировало советское посольство.

№ 71

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

10 Февр[аля] 1927

19, rue Mahias,
Boulogne s/Seine

Дорогой Вас[илий] Алексеевич.

Благодарствуйте, буду в воскресенье в 7 1/2, в пиджачке. А Бадьян-то! То и случилось, чего я боялся, — с голоду это он¹. Rayot я написал, что согласен en principe² и прошу их сказать свои условия³. Вы им сказали про бар. Икскуль? Я не очень разобрал, Вы так пишете умопомрачительно. Надо мне к ней заехать и отвезти книжку⁴, но раньше поговорю с Вами.

Ваш ВВ.

Автограф. Подлинник.

---

¹ 3 января 1927 г. Бадьян направил советскому полпреду в Париже Х.Г. Раковскому покаянное письмо. Удивительно, что вопрос о судьбе этого авантюриста решался на уровне Политбюро ЦК ВКП(б). Оно — персонально сначала председатель Совнаркома А.И. Рыков, за ним И.В. Сталин и др. — поддержало предложение Иностранного отдела ОГПУ о том, что в визе на въезд в СССР Бадьяну следует отказать. В постановлении Политбюро от 9 февраля 1927 г. также говорилось: «Напечатать полностью в советских газетах письмо Бадьяна т. Раковскому и принять меры к напечатанию его в зарубежных газетах». На следующий день в «Правде» (М. Кольцов) и «Известиях» (Г. Рыклин) появились фельетоны о покаянии Бадьяна. Остается лишь удивляться оперативности ОГПУ, ибо в тот же день информация о покаянии Бадьяна была опубликована в «Возрождении», «Последних новостях» и рижской газете «Сегодня». Несомненно, что быстро они могли получить текст письма Бадьяна только из одного источника. Бадьян заявил, что его письмо

Раковскому — фальсификация и является большевистской провокацией. Как бы то ни было, но на этом политическая карьера Бадьяна кончилась. — Генис В. Указ. соч. С. 191–192.

² en principe (франц.) — в принципе.

³ Payot (Пайо) — французское издательство, именуемое по имени владельцев — членов семьи Пайо. Первоначально отделение швейцарского издательства, оно стало самостоятельным в 1923 г. Владелец стал Густав Пайо (Gustave Payot). В издательстве выходили две ставшие всемирно знаменитыми серии — «Историческая библиотека» и «Научная библиотека». В письме речь идет о переводе на французский язык и издании сенсационной книги В.В. Шульгина «Три столицы. Путешествие в красную Россию» ([Берлин]: «Медный всадник», [1927]). В ней рассказывалось о нелегальной поездке автора в СССР, в ходе которой он посетил Киев, Москву и Ленинград. Поездка была организована конспиративной, якобы монархической организацией «Трест» (ее членов Шульгин называл в книге «контрабандистами»). Шульгин находился в СССР с 23 декабря 1925 г. по 6 февраля 1926 г.

⁴ Баронесса В.И. Иксуль фон Гильденбандт рассматривалась в качестве возможной переводчицы книги на французский, в связи с чем Шульгин намеревался завезти ей экземпляр «Трех столиц». См. ниже письмо Шульгина от 6 марта 1927 г.

№ 72

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

22 Ф[евраля] 1927¹

Дорогой Василий Алексеевич.

Посылаю Вам Евразийцев². Но очень прошу Вас принять «предъявителя сего» Владимира Александровича Лазаревского, который хочет преподнести Вам свою книжку с моим предисловием³, и просить Вас позвонить по телефону Спалайковичу⁴, так как он хочет и ему презентовать свою работу. Буду признателен Вам, если Вы скажете Спалайковичу, чтоб он его любезно принял.

Ваш ВВ.

Р.С. Лазаревскому позвоните в «Возрождение», когда Вам удобно его принять.

Р.С. Н.Ф. ужасно милая, и умирать с такой сиделкой, вероятно, легче.

Автограф. Подлинник.

---

¹ На бланке газеты «Возрождение».

² Вероятно, речь идет о сборнике «Евразийский временник» / Ред. П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, кн. Н.С. Трубецкой. Париж: Евраз. кн. изд-во, 1927 (Утверждение евразийцев. Кн. 5).

³ Речь идет о книге: Лазаревский Вл. Россия и чехословацкое возрождение. Очерк чешско-русских отношений 1914–18 гг. С предисловием В. Шульгина. Париж: Кн-во «Град Китеж», 1927.

⁴ Спалайкович Мирослав — сербский посол в Петрограде, затем в Париже.

№ 73

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

6 Марта 1927

Дорогой Василий Алексеевич.

Вы или Вам чуточку напутали. Я виноват перед бар. Варварой Ивановной¹, но не так, как Вы думаете. Во-первых, я у нее был и приносил книжку для перевода. Но она была нездорова и заснула, я просил ее не будить и, придя домой, написал ей, что был у нее, не мог ее видеть и прошу ввиду крайней срочности дела (Пайо поставил мне условие — сдать перевод раньше конца марта) ответить мне срочно, может ли она взяться за перевод при таких условиях. Получил ответ, что ввиду болезни не может². До сих пор все было, как видите, хорошо, кроме болезни. Но вот дальше начинают мои вины. Я, хотя Варвара Ивановна отказалась переводить, все же хотел ей презентовать книжку. Но последний экземпляр я должен был отдать переводчику и выписал поэтому добавочные из Германии. Они пришли только на днях, и как только я выберу свободную минутку, к сожалению, я занят отчаянно, я отвезу книжку лично.

По второму вопросу заявляю, что «Толстой»³ в полном порядке и его не возвращал по той же причине: хотел воспользоваться случаем, чтобы повидать Вас. А кроме того было обещано, что Мария Алексеевна приедет 25 Февраля, а сегодня давно уже март на дворе. Как это понимать? За все это Вы будете наказаны, и в понедельник без всякого приглашения приеду к Вам во время завтрака, ибо в другое время Вас не застанешь. Можете не кормить, но мое присутствие придется вынести, а если категорически нельзя, то дайте пневматичку.

Вот. По всем пунктам объяснен.

Ваш ВВ.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Баронесса В.И. Икскуль фон Гильденбандт.

² Книга на французский в итоге была переведена Ph. Poiget, она оперативно вышла в свет: Vassili Schoulgin. La Résurrection de la Russie. Mon voyage secret en Russie Soviétique. Traduit de russe par Ph. Poiget (Paris: Payot, 1927).

³ Очевидно, речь идет о брошюре В.А. Маклакова «Толстой и большевизм» (Париж: «Русская земля», 1921).

№ 74

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

7 Марта 1927 года.

Дорогой Василий Алексеевич.

Возвращая Вам Вашу речь о Толстом¹, мне хочется сказать Вам несколько слов.

Как идеальный защитник, Вы собрали в пользу подсудимого все, что в силах человеческих. Изложено это с присущим Вам дарованием, усиленным Вашей личной глубокой симпатией к Льву Николаевичу. «Но неужели я буду обвинен только потому, что мой противник так красноречив», — так воскликнул один человек, которого Цицерон² раздавил своим психическим превосходством.

Допустите, что этот человек, за которым все-таки было одно достоинство: он осмелился проповедать что-то во имя правды, вернее, сказать того, что он считал правдой, хотя его противник был Цицерон.

Вы утверждаете, что Толстой был глубоким моралистом. Я же нахожу, что его учение глубоко развратно. Вовсе не с точки зрения догмата о необходимости государства, а только в отношении тех моральных истин, которые заложены в каждой человеческой душе, откуда, как и почему в это углубляться сейчас не место.

И основание такого утверждения я нахожу в Вашей же собственной речи. Когда Вы говорите о том, что безмолвное присутствие всего русского народа при зверствах, которые творят большевики, что бы об этом ни говорили, развращает русские души, или, вернее, всю душу русского народа, то Вы глубоко правы. Но ведь Толстой всю жизнь именно этого-то и требовал! Его учение о непротивлении злу состояло именно в том, чтобы присутствовать при всевозможных насилиях, которые совершаются и не могут не совершаться, не шевельнув пальцем. Именно «не шевельнув пальцем»! Ибо если подвергнуть эти насилия хотя бы моральному осуждению, то они изменили бы учению о непротивлении злу, так как моральное осуждение есть только вид насилия. Чтобы это понять, стоит только себе представить, как легко в

наше время газеты затравливают людей. Людей или мысли, учения. А между тем, чем черти действуют? Исключительно словом. Вообще провести границу между проявлением психической и физической силы невозможно. Более того: физическая сила начинает действовать только тогда, когда людей, ее применяющих, уже покорила сила психическая. Это мы очень хорошо видим на примере большевиков. Они сначала совершили психическое насилие над своими приверженцами, завладев их душами, и только после этого заставили делать насилие физическое. Таким образом, в конце концов все сводится только к одному — к проявлению силы: какая же эта будет сила, каких категорий — психическая (газеты), физическая (штыки), химическая (порох и газы), электрическая (прожекторы и подводные лодки) — это не играет большой роли *с точки зрения принципиальной*.

Психическое насилие Толстой применял постоянно. Стоит только вспомнить, как он ослабил перед всем светом какую-то немецкую принцессу, сбежавшую от своего мужа. Да и его едкие суждения о суде, государстве, о вредных или смешных проявлениях жизни отличались всеми признаками резкого психического насилия. Правда, он не хватал в руки шашки или топора, но это не так важно. Это вместо него делали другие.

Но я немного уклонился в сторону. Я хочу сказать, что учение о непротивлении злу есть самая антиморальная доктрина, которую можно выдумать. Достоевский ставил мучительный вопрос: «Если нужно убить ребенка, чтобы спасти мир, ты сделаешь это?» Но я поставлю другой вопрос, который гораздо ближе к Толстому: «Если на твоих глазах зажмут между коленами пятилетнюю золотистую детскую головку и будут ей шилом выкалывать глаза, о, не для спасения мира (это пример вздорный, нереальный), а для садистического удовольствия, что нередко бывает, что же ты, имея возможность помешать этому, ударивши негодяя кулаком в зубы или даже разmozживши ему череп, что же ты, следуя учению Льва Толстого, будешь стоять и смотреть на это, не шевельнув пальцем?»

Если найдется хоть один человек на свете, который выдержит это зрелище и при этом не потеряет лучшее, что у него есть в душе, то тогда учение Толстого возможно хотя бы для этого одного. Но всех остальных людей такой образ действия превратит в подлецов, в самых отчаянных мерзавцев. Вся мораль, какая есть в человеческой душе, протестует против подобных выводов и повелительно требует в известных случаях: «бей в морду без рассуждений!» Из этого чувства и родилось все остальное: государство, закон, все, что хотите.

Мне кажется, если бы в мире родилась такая *истинно толстовская*³ секта и довела бы до того, что жесточайшие преступления со-

вершались бы без всякой реакции остальных людей, то в этом ужасе непременно образовалась бы и противоположная группа, которая восстала против этого подлого потакательства, этого немого соучастия в скверностях, и, думаю, что люди, из которых составила бы эта группа, были бы самыми моральными людьми своего времени.

Мне кажется, то, что происходит в России, всецело это подтверждает. Мораль не на стороне тех, кто не противится злу, мораль на стороне тех, кто желает прекратить зло силой, если его нельзя прекратить иначе. Разумеется, это не значит, что сила, направленная в сторону Добра, не переходит с фантастической легкостью на противоположный берег и не может начать служить Злу. Но ведь так все на свете. Огонь согревает Ваш дом и готовит Вам пищу, и он же в виде пожара уничтожает Ваше жилище.

Всякая сила, а следовательно, и всякое насилие, ибо насилие есть только проявление силы, само по себе не имеет никакой морали. Сила — ни добро, ни зло, она только средство. И как средство, как инструмент, может служить обоим берегам.

На сем кончаю.

Ваш В.В.

Машинопись. Подлинник.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Т.Л. Сухотина-Толстая — В.А. Маклакову⁴

19 марта 1927

246 Av. V. Hugo. Clamart.

Дорогой Василий Алексеевич,

Грустно мне было читать письмо Шульгина к Вам по поводу Вашей речи «Толстой и большевизм». Это так жалко, поверхностно и полно знакомых банальностей, что скучно было читать. Подобные выражения нам в Ясной в устах навязли. Отец всегда издевался над примером воображаемого мальчика, истязуемого воображаемым злодеем*, и говорил, что ради этого примера люди считают возможным признание насилия вообще и отрицание самого основного христианского закона. Он часто говорил, что по вопросу о непротивлении он

---

* К сожалению, за последнее время пример этот стал менее воображаемым, — но все же он является исключительным. — Прим. Т.Л. Сухотиной-Толстой.

судил о понимании человеком истинного христианства или полного непонимания его.

Сказано: «не противься злomu», а не злу. Кроме того, отец признавал непротивление злomu насилием. Неужели Шульгин не заметил, что Толстой всю свою жизнь только то и делал, что противился злу? И неужели Шульгин за свою длинную жизнь тоже просмотрел то, что гораздо важнее — это то, что слово и убеждение действуют сильнее, чем «бей в морду без рассуждений», по его культурному выражению?

Удивительно рассуждение, что необходимость в редких исключительных случаях применения насилия для блага человека или человечества исключает обязательность непротивления, как нравственного закона. Это так же мало логично, как было бы мало логично признание обязательства лжи из-за того, что в редких исключительных случаях бывает необходимо отступление от правды.

И как по-детски мыслит и рассуждает Шульгин: «Из чувства “бей в морду без рассуждений” рождается все остальное: государство, закон, все, что хотите» (!). Как будто из этого утверждения явствует, что это «все, что хотите» хорошо и желательно для человечества. Я считала Шульгина умнее и культурнее. Почему он считает учение о непротивлении — Толстовским? Я предполагаю, что он когда-нибудь читал Евангелие, но, вероятно, забыл 39-й стих V гл. от Матфея.

Несмотря на свои седые волосы, я никак не могу отвыкнуть относиться к людям, как Шульгин, с чувством уважения и доверия к их опыту и мудрости. И вдруг, читая рассуждения, подобные тем, которыми полно письмо Шульгина к Вам, — я вижу, что в области мышления они не переросли гимназиста III класса.

И, что еще грустнее, это то, что это духовное убожество встречается особенно часто в русских людях, считающих себя просвещенными!

Я с болью в сердце слушаю иногда лекции о Толстом, которые проф. Кульман⁵ читает русским и иностранным студентам в Сорбонне. Слушая его, я говорю себе: как прав был отец, говоря «глуп, как профессор». Я раз повела Таню⁶ на одну из его лекций. Выходя, она вся дрожала от возмущения и упрекала меня за то, что я ее привела, говоря, что она никогда в жизни не была так возмущена. Я старше и я привыкла к клеветам на моего отца. Но, что грустно, это то, что русская молодежь на чужбине сидит, слушает и воспринимает то, что говорит им этот духовный скопец о лучшем их писателе.

За отца я не возмущаюсь. Он остается в хорошем обществе — Христа и всех святых и мудрых людей всех веков и всех народов, — тогда как В.В. Шульгин предпочитает общество злодеев всего мира, лозунг которых «бей в морду без рассуждений». А молодежи жалко. Она ищет, куда бы ей примкнуть, куда бы пойти; и от нее старательно

скрывают источник того чистого огня, от которого загорелись бы молодые души и который дал бы им счастье.

Видно, время еще не пришло.

Грустно, Вася. И вот за что я Вас люблю: как бы несогласны Вы ни были с Толстым — никогда Вы не заносите на него меча клеветы и, говоря о нем, Вы честно и справедливо излагаете его мысли, взгляды и чувства, не пытаетесь исказить их по масштабу собственного миропонимания. Но для этого нужен Ваш широкий ум, а не те жалкие умишки, в которые не вмещается даже понимание Толстого.

До свиданья. Ваша Т.С.

Архив Гуверовского института. Коллекция В.А. Маклакова. Коробка 14, папка 14. Автограф. Подлинник.

---

¹ «Толстой и большевизм». См. прим. 3 к письму № 73.

² Цицерон Марк Туллий (Marcus Tullius Cicero) (106–43 до н.э.) — древнеримский политический деятель, выдающийся оратор.

³ Вписано над строкой.

⁴ Сухотина-Толстая Татьяна Львовна (1864–1950) — дочь Л.Н. Толстого, художница. С 1914 по 1921 гг. жила в Ясной Поляне. В 1917–1923 гг. являлась хранителем музея-усадьбы. В 1923–1925 гг. была директором Музея Л.Н. Толстого в Москве. В 1925 г. вместе с дочерью Татьяной уехала за границу, жила в Париже, затем в Риме. Как и другие члены семьи Толстого, хорошо знала Маклакова, бывала у него в Париже, состояла в переписке.

⁵ Кузьман Николай Карлович (1871–1940) — филолог-славист, литературовед, лит. критик. Профессор Высших Бестужевских курсов и Женского педагогического института в Петербурге. С 1919 г. в эмиграции, сначала в Белграде, затем в Париже. Профессор, затем декан русского отделения при Сорбонне.

⁶ Дочь Т.Л. Сухотиной-Толстой Татьяна Михайловна Сухотина (в 1930 г. вышла замуж и стала носить фамилию Сухотина-Альбертини) (1905–1996).

№ 75

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

10 Марта 1927

Дорогой Василий Алексеевич,

Очень Вам буду благодарен, если Вы меня будете шапронировать к Раут. Если Вам удобно, я зайду к Вам в эту субботу в 5 ¹/₂ и прита-

щу с собой несколько уже переведенных глав. Rayot мне написал, что он хотел бы быть в курсе переводимого, не дожидаясь окончания всей работы. Я поджидал, пока переведут кусок страниц в сто. Теперь это сделано.

Ваш ВВ.

Автограф. Подлинник.

№ 76

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

26 Октября 1927,

*villa «Marie»,
Boulouris s/Mer, Var*

Дорогой Василий Алексеевич.

Шлю Вам всяческие приветы и обращаюсь к Вам с огромнейшей просьбой.

Вы, конечно, помните, что ровно два месяца тому назад, то есть 26 сентября, в «бассери»¹ НЕПТУН в Жуан ле Пен была брошена бомба². Ею был убит один венесуэлец, ранено несколько русских. Из них один до сих пор лежит в Ницце между жизнью и смертью в так называемой «Русской Клинике». Но тут я должен перебить самого себя, чтобы сообщить Вам, что со вчерашнего дня в этой же клинике лежит бедняжка Нина Францевна, которую вчера оперировал Алексинский³, неожиданно и очень кстати приехавший в Ниццу. У нее оказался запущенный аппендицит. Операция прошла благополучно, но сенсацию произвела «бисеринка» (такая, которой вышиваю), которая была извлечена из больной и, по мнению Алексинского, и произвела беды, то есть вызвала образование полипа, ныне удаленного. Я видел ее, то есть «бисеринку», утром, так [как] Надежда Ивановна, дочь Алексинского, повесила бисеринку на проволоку и с ней бегают, а виновницу если не торжества, то беспокойства, Нину Францевну, видел только вечером, так [как] целый день после наркоза она была не визибельна. Очень слаба, но очаровательна...

*Адрес «женщины с бисером»: Crez Jalouzevski, 15, 13d Tzarevitch, Nice*⁴.

Возвращаюсь к несчастному Френкелю Сергею Андреевичу⁵, моему другу с гимназической скамьи. На днях Алексинский сделал вторую трепанацию черепа. Вы можете себе представить, сколько все это стоит. При нем дежурят сестры день и ночь вот уже два месяца, и,

вообще, эта упорная борьба за жизнь человеческую изо дня в день, борьба, в которой действующие лица — его жена, хирурги, персонал и два-три друга, — могла бы вдохновить художника слова, нечто Толстовское в этом переплете реальной прозы с чем-то необычайно возвышенным, что разлито в этом инциденте, то есть возвышенно собственно говоря то, что никто не замечает этой красоты (кроме меня, разве, а я замечаю по долгу и привычке наблюдать и Вам первому это говорю), а красота в упорстве всех этих людей, которые пядь за пядью отстаивают жизнь, им врученную. Прибавьте, что, хотя он православный в третьем поколении, но не порвал связей с еврейством и женат на еврейке, а следовательно, у некоторых это обстоятельство могло родить некоторые чувства. Собственно говоря, сейчас я к Вам обращаюсь именно ради этой Этели Исааковны. Она совершенно не способна сейчас ничего соображать, но брат Сергея Александр Андреевич Загорский-Френкель, адвокат, которого Вы, может быть, знаете, надоумил ее подать прошение министру Внутренних дел. Оно при сем прилагаю с превеликой просьбой подать его сему министру при Вашем письме, иначе на него не обратят внимания. Здешние власти в лице префекта Альп-Маритим обещали Загорскому немедленный благоприятный отзыв в том случае, если министерство запросит. От себя для Вашего сведения могу прибавить, что счета могут быть представлены, если нужно. Я знаю, что расходы действительно очень велики. Кроме уже истраченных на хирургов, и сестер, и лекарства нескольких тысяч франков, сейчас имеется пять тысяч долга в лечебницу, и за вторую операцию Алексинскому не заплачено (он, впрочем, подождет). Но «борьба продолжается», а значит, ежедневные расходы в размере не менее 200 фр. в день. Все, что у них было, ушло. Я буду собирать как-то, где можно, но, пожалуйста, помогите у министра, может быть, они что-нибудь дадут.

Мой друг Сергей ужасно хороший человек. Это из тех людей-моштов, которые, принадлежа к двум кровям, всем своим существованием служили делу засыпания расовых рвов. Жалко мне его очень.

S.O.S.!

Искренне Ваш В Шульгин

Целую ручки Марии Алексеевне. Как здоровье? Не надо ли ехать на Юг? Напишите, пожалуйста.

Р.С. Получил Ваше великолепное предисловие⁶. Признателен очень. Мое «послесловие», увы, — «еще одна ошибка»⁷.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Кафе, закусочная (франц.).

² Бомба была брошена анархистами в отместку за казнь в США 23 августа 1927 г. анархистов Н. Сакко и Б. Ванцетти. Это была типичная акция «в стиле» пропаганды действием, характерной для радикальных анархистских групп.

³ Алексинский Иван Павлович (1871–1945) — хирург, доктор медицины, общественно-политический деятель. Преподавал в Московском университете. Депутат 1-й Государственной думы, входил во фракцию кадетов. В 1917 г. на 1-м съезде Трудовой народно-социалистической партии избран членом ее ЦК. Участник Первой мировой и Гражданской войн (с 1919 г. служил по медицинской части в Вооруженных силах Юга России), был близок к генералу П.Н. Врангелю. В эмиграции — сначала в Константинополе, затем в Париже. Заместитель председателя Русского совета при Врангеле, член Русского парламентского комитета. Был очень активен в эмигрантских делах как по политической, так и по общественной части. В 1926 г. был товарищем председателя Зарубежного съезда. В 1937 г. (по другим данным, в 1940 г.) уехал в Марокко.

⁴ Приписано Шульгиным на полях.

⁵ Френкель Сергей Андреевич (?–1930) — инженер, кинопрокатчик. Киевлянин. Представитель кинематографической фирмы «Патэ» в России. Снабжал школы научно-популярными фильмами. В 1917 г. член исполнительного комитета Киносоюза. В августе 1917 г. председательствовал на Всероссийском совещании кинодеятелей. В эмиграции переводил Ш. Бодлера, Виктора Гюго и других французских писателей.

⁶ Речь идет об обширном предисловии Маклакова к публикации в переводе на французский извлечений из материалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства для расследования противозаконных действий бывших министров, главноуправляющих, высших должностных лиц армии и флота. Извлечения были опубликованы по-французски в одном томе. См.: *La chute de regime Tsariste. Interrogatoires des ministres de la Cour Imperiale Russe. Preface de V.Maklakoff.* Paris, 1927. Чрезвычайная следственная комиссия работала с марта по октябрь 1917 г. Ее председателем был известный московский адвокат Николай Константинович Муравьев (1870–1936). Материалы деятельности комиссии опубликованы в кн. «Падение царского режима». Т. 1–7. Л.; М., 1924–1927.

⁷ Речь идет, несомненно, о статье «В.В. Шульгин о своей поездке в Советскую Россию. Послесловие к “Трем столицам”», опубликованной в газете «Россия» 15 октября 1927 г. Статья была реакцией Шульгина на появившиеся в эмигрантской печати разоблачения о том, что «Трест» — чекистская провокация и что его поездка в СССР курировалась ОГПУ. Соответственно, и рукопись книги «Три столицы», которую Шульгин пересылал для ознакомления «контрабандистам», т.е. деятелям «Треста», была предварительно просмотрена и одобрена на Лубянке. Кампанию по разоблачению «Треста» начал В.Л. Бурцев, опубликовавший 8 октября 1927 г. в «Иллюстрированной России» статью «В сетях Г.П.У.». Статья Бурцева была основана на сведениях

провокатора Э. (А.) О. Опперпута, бежавшего из СССР за границу. Вслед за статьей Бурцева в эмигрантской печати появился еще ряд статей, посвященных этой поразительной истории. Так, «Последние новости» писали:

«По словам Бурцева, весь рассказанный Шульгиным в его книге переход границы в сопровождении “контрабандистов” с подробностями в духе Майна Рида был организован провокаторами. Вся его поездка в Россию происходила под руководством “треста”, устраивавшего “знатному гостю” специальные заседания “антисоветских революционеров”, все участники которых, за исключением самого Шульгина, были чекистами. “Друзья” Шульгина даже будто бы “проредактировали” его записки и, наконец, добились от своего начальства разрешения на его благополучный “контрабандный” отъезд.

Эта поразительная проделка, жертвой которой стал в данном случае опытный политический деятель, иллюстрирует ту опасность, которой подвергаются люди, пытающиеся из эмиграции “сделать революцию” в России: опасность стать игрушкой в руках врага и погибнуть бесцельной жертвой, не добившись ничего, кроме собственного разочарования» (Последние Новости. 1927. 8 октября).

Еще более резко выступил берлинский «Руль»:

«Но самым печальным и самым страшным во всей этой сенсации, безусловно, является злобная книга Шульгина “Три столицы”, излагающая его впечатления от провокаторской поездки. Рукопись книги была предварительно отослана в Москву на просмотр ОГПУ, где она и была проредактирована.

В результате этой редакторской работы в книге Шульгина отчетливо определились два лейтмотива: во-первых — в России все осталось по-старому, только немного хуже, но зато советская власть создала много хорошего, за что следует ей в ножки поклониться, а во-вторых — евреи все до одного должны удалиться из России под страхом быть истребленными. Сочетание этих двух лейтмотивов представлялось весьма знаменательным уже и тогда, когда еще не было известно об активном сотрудничестве с ОГПУ. Когда же на это было указано Шульгину в печати, он рьяно отстаивал свои взгляды: недаром говорится, что горбатого могила исправит. Но теперь, после того как выяснилось, что за указанным сочетанием стоит сотрудничество провокаторов, что книга «Три столицы» составлена Шульгиным под редакцией ОГПУ, неужели он от своего авторства не отречется, неужели он не расскажет, как в действительности все происходило, как провокаторам удалось заманить его в западню, что они старались внушить ему, в какую сторону устремляли его внимание, какие цели преследовали при устраиваемых ему встречах и тайных собеседованиях? Неужели теперь Шульгин будет держаться той же тактики, что и ОГПУ, и так же молчать, как и этот советский застеноч?» (Поездка Шульгина // Руль. 1927. 13 октября).

Шульгин уже в конце апреля 1927 г. знал о том, что «Трест» — провокация ОГПУ (хотя допускал, что какая-то часть его членов не была агентами чекистов или же была принуждена к сотрудничеству, на самом деле исповедуя именно те мысли, которыми они делились с Шульгиным). В мае он подготовил две статьи — «Оперпут» (так!) и «Сидней Ройли» о «Тресте», намереваясь опубликовать их в газете «Возрождение». Однако генерал А.П. Кутепов,

предоставивший в распоряжение Шульгина записки Опперпута, наложил вето на публикацию, опасаясь, что она повредит боевой работе в России.

После разоблачений Бурцева, писавшего, среди прочего, что незадачливый автор «Трех столиц» намеревался писать о выяснившейся подоплеке своей поездки «в какой-то газете», но ему было в этом отказано, Шульгин направил письмо в «Возрождение». В письме он сообщал, что написал статьи для «Возрождения», но не опубликовал их, так как ему на это не удалось получить разрешения лица, сообщившему Шульгину эти сведения доверительно (Письмо В.В. Шульгина // Возрождение. 1927. 11 октября).

Наконец, 15 октября в «России», а затем в других газетах появилось упомянутое выше «Послесловие к “Трем столицам”». В нем Шульгин, наряду с изложением известной ему части истории «Треста» и характеристики взглядов его лидера А.А. Федорова-Якушева, пытался объяснить причины того, что его отпустили из СССР восвояси. Наряду с тем, что благополучное возвращение Шульгина должно было убедить эмиграцию в подлинности «Треста», его спасло согласие написать книгу о своей поездке и надежда Якушева (т.е. чекистов), что ему удастся рассеять предубеждение Врангеля против организации «контрабандистов». Несложно предположить, добавим от себя, что не сложивший формально своих полномочий Главнокомандующий Русской армии был желанной добычей для ОГПУ, гораздо более важной, чем Шульгин.

Падение Шульгина было тем более болезненным, что совсем недавно, после выхода «Трех столиц», он был на вершине славы. Одновременно с отправкой «Послеловия» П.Б. Струве (газета «Россия» была его органом) Шульгин писал 14 октября 1927 г. его жене Н.А. Струве:

«Но, право, я не знаю, буду ли я писать дальше в “России”. После такого афронта, я думаю, надо временно помолчать. В моем положении приходится не “упорствовать” (а статьи всегда отдают проповедью), а “учиться”. Пусть публика поостынет и разберется... пока думаю “подать в отставку”, что, по-моему, должен был сделать и А.П. [Кутепов] немедленно по получении признаний Опперпута], т.е. еще в мае сего года. То, что он силится что-то делать, ошибка. Позднее, может быть, но не сейчас. Все связанное с Трестом необходимо *безжалостно ликвидировать*. Все, ибо никто не знает, как далеко зашла гангрена. *Канцелярию разогнать*» (Флейшман Л. В тисках провокации: Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 257).

«Послесловие» Шульгина дало дополнительный материал левым для критики эмигрантского «активизма», генералов, которые продолжают посылать из своих штабов в Россию «наивных и неумелых» людей, хладнокровно учитывая, какой процент, по обычным боевым сводкам, должен оказаться пожертвованным, а также тех, «кто их защищает в печати». «Последние новости» писали, что генералы и их защитники «просто ничего не поняли, ничему не научились и, очевидно, ничему не способны научиться». В пример им газета ехидно ставила Шульгина (Ничему не научились // Последние Новости. 1927. 20 октября). Вынужденные — и несколько запоздалые — откровения Шульгина вызвали неудовольствие Кутепова, все еще старавшегося как-то затушевать очевидный провал.

Таким образом, «Послесловие» не только не закрыло тему, но, напротив, способствовало еще большему разрастанию скандала. Очевидно, поэтому Шульгин и назвал его в письме Маклакову «еще одной ошибкой». Три дня спустя Шульгин отправил письмо П.Б. Струве, в котором сообщал о своем намерении временно отойти от публицистической деятельности и «побыть в тени»:

«При всем желании быть Вам полезным спешу уведомить Вас, что я не пришлю Вам требуемой статьи, — писал он Струве 29 октября 1927 г. — Я сам себе надоел, а читателям и подавно. Это не кокетство, а “продуманное ощущение”.

Существует очень мудрый политический обычай в культурных странах после “провала” выходить в отставку... хотя бы на время. Этот прием я и хочу применить к себе в данном разе. Хотя печать отнеслась ко мне лично весьма прилично, а печать, вероятно, отражает “общественное мнение”, но это именно и обяывает. Шварцбарда оправдали, но вряд ли было бы умно с его стороны понять этот приговор так, “что продолжай в том же роде”. Для чего-то существует траур даже для тех вдов, которые своих мужей не любили. Я не хочу сказать, что я — “вдова Треста”, но я предпочитаю износить сначала башмаки, в которых я опростоволосился, прежде чем возобновлять публицистическую деятельность, которая как-никак сводится к тому, что писатель говорит читателям: “Слушайте меня, друзья мои, потому что я умный”. Мне необходимо побыть в тени, Вам известно, что некоторые вылинявшие платья (цвет индиго, кажется), если их повесить в шкаф, через некоторое время приобретают прежний цвет. Дайте мне повисеть в шкафу. Это, к тому же, с моей стороны никакая жертва — наоборот. Я ведь по природе совершенно лесной человек, и заниматься политикой для меня всегда было нечто вроде воинской повинности для духобора. “Як треба, то треба”, но когда “не треба”, то... я предаюсь своей “лучистой любовнице” — Природе. Закончил сию тираду величественно и поэтично, и потому можно поставить точку» (Флейшман Л. Указ. соч. С. 267).

Подробнее об участии Шульгина в деле «Треста» и о полемике по поводу этой истории, включая поездку Шульгина в СССР и опубликованную им книгу, см. в цитированной выше монографии Л. Флейшмана, с. 75–132, 195–201, 245–250, 255–275.

№ 77

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 4-го Ноября 1927 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Ваше поручение я исполню и пошлю бумагу Френкель Сарро¹ со своим письмом. Но откровенно Вам скажу: мало жду от этого толку; официально министерство внутренних дел и вообще правительство не ответственно; есть, правда, закон 98 г., но по тексту закона ответ-

ственность возникает только тогда, когда есть атрупман, которое у нас по-русски называлось «действия скопом», за отдельные же преступные действия государство не отвечает. Не могу не указать также, что прошение Френкель очень невразумительно; о чем она, собственно, просит; она все предоставляет инициативе властей, вещь, которую никогда не нужно делать; нужно подсказывать решения так, чтобы на них можно было ответить «да» или «нет», а рассчитывать на министерскую изобретательность — последнее дело. Я это до некоторой степени постараюсь поправить в своем письме, но ведь и я, в сущности, не знаю, чего бы она хотела. Если бы речь шла о помещении его в больницу за казенный счет, но ведь он находится в русской больнице, уходом которой Вы так довольны. Идет ли речь о денежной помощи для уплаты больнице? Но тут мы и встречаем самое непреодолимое препятствие во французской психологии. Вы сами знаете, что значит получать деньги из казны; нужно иметь какие-то определенные кредиты, которыми министр имел бы право располагать для этой надобности, едва ли такие кредиты есть, а взывать просто к жалости, к не совсем правомерным действиям — ассигновке кредитов из других источников или даже из собственного кармана министра — мало надежды; мы всегда столкнемся с высказанным или невысказанным раздражением: что же русские сами не помогают; подумайте на минуту, если бы Вы попросили деньги у французов, чтобы заплатить Алексинскому, как бы они к этому отнеслись; что касается до расходов на больницу, на питание и т.п., то покуда французы видят богатых русских людей, у которых лошади бегают на скачках, что с просьбами обращаются к ним — французам — может быть, это и глупо — но это так, и потому я ничего, кроме платонического сочувствия или 100 фр., от французов не жду. Самая просьба, с которой Вы обращаетесь, могла родиться только в той атмосфере, которую Вы так хорошо описали; но мне лично представляется дело так: если Френкель выживет, только останется круглым инвалидом, то тогда можно будет просить о помещении его в какой-нибудь приют; но пока он сейчас находится в русской больнице, каковы бы ни были расходы этой больницы, французы покрывать их не станут, и все это настолько серьезно, что я подожду несколько дней, прежде чем пересылать письмо Френкель Сарро. Может быть, Вы согласитесь со мной, что лучше не портить себе дальнейших перспектив, или сообщите мне то, чего я не знаю, чтобы я мог свое письмо формулировать более определенно.

Пока более Вам не пишу, хотя есть о чем написать, но Вы сами мне ничего не пишете; не далее как сегодня я получил письмо от Елены Николаевны, которая спрашивает Ваш адрес; хочет Вам написать соболезнующее письмо²; дело ее. Я лично Вам вовсе не соболезную;

по-моему, Вам нечего ни стыдиться, ни жалеть, стыд только в одном, что по сю пору эту историю замалчивают и не разматывают клубка до конца. Слишком у многих рыльце в пушку и в этом-то подлинная срамота³. Я уже писал Н.Ф. соболезнующее письмо о том, что над ней так нескладно стряслось изречение о бисере; конечно, ответа я не жду, но хотел бы хотя от Вас узнать о ее здоровье и можно ли ей писать. Вот пока все.

Машинопись. Копия.

---

¹ Сарро (Sarraud) Альбер (1872–1962) — министр внутренних дел Франции в 1926–1928 гг.

² Елена Николаевна — очевидно, Елена Николаевна Сергиевская — бывшая думская стенографистка, секретарь-стенографистка Бахметева в бытность его послом. Работала с ним и после его отставки. По-видимому, служила некоторое время и в российском посольстве в Париже. Бахметев писал Маклакову 20 января 1927 г., что Е.Н. Сергиевская просит передать «сердечный привет В.В. Шульгину». В этом же письме он называет Сергиевскую «старой приятельницей» Маклакова. — «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка 1919–1951. В 3-х т. Ред., вступ. ст. и комм. О.В. Будницкого. М.; Стэнфорд, 2002. Т. 3. С. 275.

³ Речь идет о скандале в связи с обстоятельствами нелегальной поездки Шульгина в Россию. Как выяснилось, поездка была организована ОГПУ, и Шульгин постоянно находился под наблюдением. Чекисты использовали эту поездку для подтверждения реальности существования подпольной антибольшевистской организации в СССР. По вопросу о поездке Шульгина и последующем воспроизведении им ее обстоятельств и его наблюдений в СССР в вызвавшей сенсацию книге «Три столицы» состоялся весьма интересный обмен письмами между Б.А. Бахметевым и В.А. Маклаковым.

Бахметев писал своему парижскому confidentу 1 марта 1927 г.:

«Пишу под свежим впечатлением книги Шульгина “Три столицы”, книги захватывающей, любопытной, как живой документ, написанный кровью бесконечно искреннего человека. Несомненная картина России, оживающей силой самоутверждающейся жизни; бесконечно искреннее срывание покрывала с факта полного непонимания и незнания так называемой эмиграцией происшедшего и происходящего в России процесса. В то же время книга, не дающая ответа или, вернее, дающая неубедительное представление о том, откуда и как могут произойти события, в результате которых изменится система; кто истинные носители, активные исполнители хотя бы слепой воли исторической эволюции? О крестьянстве почти не слышно. Конечно, В[асилий] В[итальевич] в деревне не мог быть и писал правдиво лишь о том, что наблюдал. Вы чувствуете поневоле увлечение “фашистской” организацией контрабандистов, которые руководили его жизнью в России. Но нет ничего, что сколько-нибудь

говорило бы о серьезности и силе этой организации. В конце концов нет возможности судить, поскольку в картине, данной В[асилием] В[итальевичем], влияя на окраску природный романтизм автора.

Мне очень хочется, чтобы Вы написали, что Вам лично известно по этому вопросу от В[асилия] В[итальевича]; как он оценивал положение, так как ясно, что многого нельзя было писать. Всегда среди русских ходят разные басни. Одна из них, что В[асилий] В[итальевич] будто бы никогда в России не слышал имени Великого князя Н[иколая] Н[иколаевича]. Из его беседы в спальном вагоне вытекает обратное представление. Что было на самом деле?» («Совершенно лично и доверительно!». Т. 3. С. 297).

Маклаков ответил полгода спустя, 16 сентября, когда «дело Шульгина» приобрело совершенно неожиданный — и весьма неприятный для его «героя» характер: ««дело Шульгина» никогда не было стационарно, все время изменялось в своем освещении.

«Помню, что я тогда же показал Шульгину Ваш отзыв о нем и Ваш запрос; отзыв был, конечно, ему приятен, но на самый запрос он уже ответил с некоторым пожиманием плеч, что, конечно, дескать, Вы правы, и он видит в той организации, которая его возила, зародыш будущего фашизма, полезного для России, но...

Дело в том, что Шульгин, как очень эмоциональный человек и при этом очень искренний, сам переживал эволюцию своих собственных наблюдений; переехал он границу в совершенно восторженном настроении; затем это настроение стало понемногу падать; я его увидел много раньше появления книги, и тогда уже он признавался мне, что вводит поправки в свои выводы. Все это довольно понятно; ехал он в Россию, полный воспоминаний 20-го года, когда было видно только одно продолжающееся разложение, и материальное, и моральное, когда можно было думать, что Россия погибает; к своему изумлению, он столкнулся с обратным и новым процессом морального и материального восстановления. Все его приятно поражало: и то, что закипало оживление в экономической жизни, и то, что никто не поддерживал большевистских идеалов и мечтаний, и то, что в разговорах на улицах их перестали бояться, и last but not least то, что в России уже могла существовать и действовать «контрабандистская» организация. Шульгин воочию наблюдал развитие «быта», по Вашему выражению, и думал, что он находится накануне того дня, когда этот быт скovyрнет власть. Это чувство было в нем настолько живо, как он мне признавался, что, когда он переехал границу, то он почти каждый день ждал в газетах известия о перевороте. Известие не приходило; он поневоле признавался себе, что процесс все-таки более затяжной, чем ему казалось, и начинал резонерствовать, объясняя по-своему и сущность процесса, и его будущность, и причины, его замедляющие.

Когда я его видел, то он уже несколько сомневался в полной точности своих впечатлений, которые служили для него только поводом осмысливать ту перемену, которая происходила в России. Вы совершенно правы, отмечая, что его разговоры, приведенные в книге, есть только способ излагать свои собственные мысли; это не есть полная ложь и выдумка; это только комбинация; он соединял в одно разговоры с разными лицами и в разное время, придавал им логическую стройность и литературную ясность и вводил в русло собствен-

ных представлений. Все, что он вкладывает в уста своих слушателей, все было сказано только по разным поводам и в разное время, и его собеседники явились как бы сводным политическим портретом того нового типа деятелей в России, в которых он видел Россию будущего и главных деятелей предстоящего переворота. В его книге очень нетрудно отличить тех персонажей, которые являются реальными людьми, дающими материал для наблюдений, и тех собеседников, с которыми он рассуждает и устанавливает понимание своих наблюдений. Первое — сама жизнь, а второе — общая теория и политика. К моменту появления книги непосредственные впечатления все более и более забывались и отходили на задний план; под влиянием расспросов и допросов, с которыми на Шульгина нажились все эмигранты, требуя от него не картин, а выводов, при этом непременно выводов в том направлении, в котором им хочется, наименее интересная часть книги, т. е. рассуждения, поневоле вылезали на первое место; если бы он еще замедлил с печатанием своей книги, то она бы вышла еще слабее, так как рассуждения совершенно заслонили бы впечатления, а вернее, и вовсе не вышла бы. Вы сейчас увидите, почему.

Последний удар шульгинскому оптимизму, с которым он приехал из России, нанесло обстоятельство, которого Вы, может быть, не знаете: а именно, роль этой самой организации, на которую он возлагал надежды. Вначале он действительно видел в ней громадную силу, что-то вроде большевиков наыворот, т. е. попросту говоря — фашистов; как Вы видите, в самой книге положительной общей программы у них и не было, или это была скорее моральная, чем политическая программа; Шульгин это признавал, но считал, что в этом не только их сила, но что это было особенно необходимо в том моральном развале, который овладел Россией. С его точки зрения, такие вопросы, как о роли Николая Николаевича, для него играли третьестепенную роль; возвращаясь к Вашему конкретному вопросу, мне он говорил, что кое-что знает и про Врангеля, и про Ник. Ник.; но упоминания о них он слышал только в той организации, с которой прикасался, а не в массах, которые наблюдал; правда, члены организации уверяли, по крайней мере некоторые из них, что обаяние этих людей довольно сильно в деревнях; но это было уверение, им не проверенное и к которому он относился довольно скептически. Дальше тоски по порядку и по хозяину сам он ничего не видел, но признает, что этим хозяином, конечно, мог быть и не монарх, особенно “царского корня”, по выражению Струве. Словом, вопрос о монархии, о династии — один из тех вопросов, которые пафоса не возбуждают и на которых страны не подыметь; пафос могла зажечь только мечта об упорядочении всей коллективной жизни и о личной безопасности в широком смысле этого слова, т. е. о правовой и имущественной. Но все это к слову; возвращаясь к тому, что мечты Шульгина о быстром перевороте и о способах этого переворота, и о связи того, что совершается в России, с эмиграцией, все шли в русле этой контрабандистской организации. Шульгин поддерживал с нею и некоторую связь. Говорят, хотя проверить этого не могу, что некоторые из его друзей приезжали сюда, были приняты и Н[иколаем] Н[иколаевичем], и большими генералами, уверяли здесь, что для переворота все если не готово, то подготавливается, и звали больших генералов съездить в Россию и посмотреть, а может быть, и возглавить

переворот. Говорят опять-таки, что им здесь дали деньги, но что никто не поехал; а лично Врангель будто бы отнесся ко всей этой затее с большим недоверием. Все это происходило помимо меня, но за несколько дней до своего отъезда на юг Шульгин пришел ко мне проститься и совершенно расстроенный поведал мне то, о чем раньше не говорил, а именно, что многие из его собеседников по контрабандистской организации, и из самых крупных, оказались, и с несомненностью, агентами ГПУ.

Конечно, многое и по сию пору остается таинственным; не все члены организации гепеисты, и наконец, и гепеисты не одного сорта; есть среди них лица, игравшие двоякую роль, как когда-то Дегаев или даже Азев. Доказательство, что главный собеседник Шульгина — Оперпут — сделался гепеистом тогда, когда ему предложили на выбор: быть расстрелянным как контрреволюционер или служить новой власти; этот самый Оперпут не только публично покаялся в своей роли, но, по-видимому, постарался искупить ее организацией какого-то заговора против самого ГПУ и в этом деле погиб, был убит в перестрелке с настоящими гепеистами, о чем и опубликовано советскими газетами; впрочем, и тут скептики говорят, что это неправда, что Оперпут вернулся на службу к Советам, а известие о его смерти сообщено только для заматания следов. Шульгин недоумевал в разговоре со мной, почему же его выпустили? Самое вероятное объяснение, обидное для его самолюбия, что его не считали опасным, а, напротив, хотели им воспользоваться отчасти для даровой рекламы, а отчасти для привлечения в Советскую Россию лиц более опасных. Последнее тем вероятнее, что благодаря шульгинской рекомендации этой организации платили деньги (чуть ли не из казны великого князя), и если большие генералы активной контрреволюции не поехали в Советскую Россию, то посылали маленьких, которые, конечно, помогли гепеистам быть в курсе того, что против них затевается, и иметь всегда, а ля Фуше, несколько готовых заговоров в кармане. Обо всех этих разоблачениях много говорят, но мало пишут; заинтересованные лица молчат или даже все это отрицают. Недавно ко мне приходил один из главных деятелей этого рода политики, чтобы сообщить мне, что я введен в заблуждение, что все эти слухи раздуты, что они отлично в курсе, кто является гепеистом, и что это они проводят за нос ГПУ, а не обратно. Другие люди, более или менее посвященные, говорят совершенно другое; где тут полная правда, узнать невозможно; у меня давнишнее и органическое недоверие к заговорщической деятельности, потому я и всегда предполагаю самое худшее. Но Вы понимаете, как все эти разоблачения, хотя бы в них и были преувеличения, уменьшили какой бы то ни было авторитет той организации, с которой имел дело Шульгин, и уверенность в том, что именно этим путем придут к избавлению от большевизма; я думаю, что если бы все это стало известно раньше, шульгинская книга была бы иная, а может быть, и вовсе не вышла бы». («Совершенно лично и доверительно!». Т. 3. С. 342–345.)

Из письма Маклакова следует, что Шульгин сообщил ему о том, что на самом деле представляет из себя «Трест» еще до появления разоблачительной статьи Бурцева в «Иллюстрированной России».

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

6-го Ноября 1927.

вилла «Мари»,
Булурис сюр Мер, Вар

Дорогой Василий Алексеевич.

Спешу ответить на Ваше письмо от 4-го ноября.

Во-первых, благодарю Вас, что Вы вообще приняли это дело в Ваш портфель. Во-вторых, прочтя Ваши соображения, я думаю, что Вы правы, как всегда. Но очень прошу Вас принять его и лично ему высказать то, что Вы мне написали, брату пострадавшего Александру Андреевичу Загорскому-Френкель. Он вчера уехал из Ниццы в Париж, и я не мог ему поэтому сообщить Вашей точки зрения. Меж тем это его инициатива и прошение им сочинено. А главное, может быть, Вы дадите ему в разговоре какую-нибудь полезную идею или удержите от вредных шагов. С Вашего разрешения я пишу ему, чтобы он зашел к Вам на Плас дю Коммерс.

Положение больного какое-то застывшее. После второй операции температура спала, но хирург Кожин¹, сменивший Алексинского, поговаривает о том, что еще какой-то «процессик» есть. Что он сулит? Кроме того, наступила крайняя, чрезвычайная слабость.

О Нине Францевне. Вчера приехав в Клинику, я ее уже не застал. Она накануне вернулась «к себе», то есть в «отель Кампестра», в Каннах. Я поехал в Канны и нашел ее в состоянии лежачем, похудевшей, но бодрой. Там к ней очень мило относятся всякие нувознакомые [так!], но, понятно, на это время было бы ей лучше в семье, так что «бедная холостая женщина» временами жалуется, «зачем я на свет родилась, такая...». Но это, так сказать, мимолетные тучки, а затем природный темперамент берет верх... «и она хохочет». Писать ей по указанному адресу не только можно, а должно, ибо она скучает «по русскому слову» вообще, а по Вашему нарочито и особенно...

Обо всем остальном напишу в другом письме. Сейчас я только возобновляю просьбу свою и присоединяю к ней мольбы Нины Францевны написать, как здоровье Марии Алексеевны. И кроме того, благодарю Вас за то, что Вы мне «не соболезнуете». Я не «стыжусь», ибо хотел сделать все, как можно лучше, а что не хватило несколько золотников серого мозгового вещества, то я же в этом не виноват! Но

только у меня пропала всякая охота писать статьи, ибо мне видно психическое лицо читателя, который мыслит: «Ну, что ты там, простофиля, еще написал; а Трест помнишь?» Поэтому я дал себе «отпуск».

Привет.

Ваш ВВ.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Кожин Александр Евгеньевич (Ефимович) (1870–1931) — доктор медицины, хирург, действительный статский советник. Консультант Николаевского военного госпиталя. В период Гражданской войны начальник санитарной части Группы войск особого назначения Русской армии П.Н. Врангеля, затем врач штаба командующего Черноморским флотом. Эвакуировался с Русской эскадрой (как стали называться остатки Черноморского флота) в Бизерту (Тунис). Затем перебрался во Францию, жил в Ницце.

1928

№ 79

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

9 Января 1928

Ville «Marie»
Boulouris s/Mer

Дорогой Василий Алексеевич.

Не считайте меня, пожалуйста, окончательным невежей. Хотя я понимаю, что прошу почти что о невозможном, ибо Ваше письмо от 2-го Января своевременно получил¹.

Но я не ответил Вам, ей Богу, не по своей вине. Когда-нибудь сия маленькая тайна разъяснится, и моя белизна в этом деле явится миру.

Впрочем, теперь, когда Вы уже, конечно, повидали Нину Францевну, это все Вам неинтересно. Но будьте великодушны и окажите мне ту самую услугу, которую я не мог своевременно сделать для Вас. Напишите мне, пожалуйста: что с ней? Как ее здоровье? Собирается ли ехать в Швейцарию, как предполагала. Дело в том, что сия коварная женщина со времени своего отъезда не написала ни строчки. Я бы обиделся, если бы из Вашего письма не выяснилось, что при всей своей любви к Маклаковым, она с Вами поступила так же.

Занеся эту двойную ремарку в досье изменщицы, прошу Вас «не отказать в любезности» сообщить что-нибудь о ней, за что буду премного обязан Вашей милости.

Целую ручки Марье Алексеевне и шлю сердечный привет.

Ваш ВВ.

Автограф. Подлинник.

---

¹ Копии упомянутого письма в бумагах Маклакова не сохранилось.

Января 19-го, лета 1928-го

Сударь!

Сколь справедливо выясняется мне сегодня речение, указующее четверик соли съесть с человеком прежде, чем другом своим его именовать. Как! Я же и виновным быть оказываюсь?! Когда известная Вам прелестная особа некоторое время манкировала Вам визитом по причинам достаточно им совершенно уважительным делового переобременения и расстроенного (и от природы слабого) здоровья, каковую исчерпывающую достаточность Вы, сударь мой, по необузданности нрава и характера Ваших могли, однако, истолковать в смысле недостаточно в отношении Вас фаворабельном, что сделал Ваш покорнейший слуга, ныне Вами несправедливо и ожесточенно преследуемый? Пользуясь сими обстоятельствами, занял ли он позицию коварства в отношении Вас любовью к одной особе подстрекаемый? Нисколько! Как истинный Орест неблагодарного Пилада¹ не стал он предательским обычаем нашептывать Вам о непостоянности женского сословия, а оной особе змеинообразно не стал представлять, что и далее прилично бы было наказывать необузданного ревнивца своим его непосещением. В противность сим злым замыслам (впрочем, силою любви извиняемым) приложил он все свое попечение, дабы не имеющее никаких корней (каково положение было точно мною установлено) и прискорбное недоразумение между Вами, сударь, и прекрасной оной особой не дало отравленного семени.

В чем и успел я с помощью Божией. И вот награда!

Господь да простит Вас, неблагодарный и жестоковыйный человек, как я Вас по завету Евангельскому прощаю

Во святом крещении Василий.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Орест — в древнегреческой мифологии сын Агамемнона и Клитемнесстры, убивший свою мать и ее любовника из мести за убитого ими отца. Пилад — любимый друг Ореста, помогал ему при осуществлении мести, сопровождал в странствиях, впоследствии женился на его сестре Электре.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Д.В. Шульгин — В.А. Маклакову

2.VIII.1928

Париж

Глубокоуважаемый Василий Алексеевич!

По окончании Сен Сира, я в первый свободный день явился на 19, rue Comtesse, чтобы поблагодарить Вас за Вашу доброту и содействие при моем поступлении. Выйдя из Сен Сира, я, благодаря Вам, получил право носить офицерские погоны, к чему я стремился всю жизнь. Но, к моему искреннему огорчению, Вас я уже не застал — мне сказали, что Вы в отъезде.

Разрешите мне в этом письме выразить Вам, Василий Алексеевич, мою горячую благодарность за проявленное и проявляемое Вами ко мне участие.

Прошу Вас принять уверения в моем глубоком к Вам уважении.

Искренне преданный Вам

Дмитрий Шульгин.

Автограф. Подлинник.

1929

№ 81

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

1 Февраля 1929,

Villa «Marie»,
Boulouris s/Mer
(Var)

Дорогой Василий Алексеевич.

Рад был получить от Вас «клинообразную» [одно слово нрзб.]. Ваши произведения, как и все истинно глубокое, не могут быть разобраны сразу: таково свойство таинственных иероглифических скорописей. Но я сразу понял, что общий смысл египетского манускрипта благоприятен. По окончательном дешифровании сфинксовой записки убедился, что не ошибся. Приветствую Вас с 1929-тым! Не сомневайтесь в моих умственных способностях: они, конечно, «ниже среднего», но именно поэтому покоятся на твердом фундаменте и способны отличать миражи в пустыне от истинных событий. По крайней мере в «частной жизни». Что же касается политики, то тут, разумеется, все до известной степени — Фата Моргана.

Посему не возбраняется Вам считать таковой очередную мою концепцию. Она родилась со смертью Н.Н.¹ и состоит в нижеследующем.

Как это ни парадоксально, но с его уходом впервые открылись возможности для здорового и, если хотите, вдохновенного... монархизма. Да, ошибка всех монархистов до сих пор (в эмиграции) состояла в том, что они связывали свои монархические чувства с определенными живыми Физически [так!] существующими лицами, тут же среди нас пребывающими. Но не трудно видеть: стоило того или иного человека в той или иной мере объявить претендентом, чтобы этим самым актом подписать ему политическую смерть. Это вполне испытал на себе Кирилл². Покойный Н.Н. держался осторожно и потому сошел в могилу с почестями. Но все же он невольно привязывал к себе монархические чувства больше, чем всякий другой, и этим вызывал травлю против себя, которой особенно занималась компания, возглавляемая для видимости Милюковым. И это испытал бы всякий другой: задолго до той минуты, когда появились бы реальные возмож-

ности сесть на Всероссийском Столе, проявленный миру кандидат был бы уже высмеян, оклеветан, очернен врагами и скомпрометирован приверженцами. Из этого я делаю вывод: только тот имеет шансы, кто не будет проявлен до самого конца. Кто проявится лишь в стенах того собрания, которое его «возведет».

Другими словами, открывается культ Неведомого Царя. Такого рода монархизм я считаю самым здоровым, с одной стороны, ибо к нему не примешиваются никакие личные соображения: никаких благ насущных от того, над кем покрывало Изида³, в настоящее время ожидать нельзя. Кроме того, он наиболее забронирован от ядовитых стрел: подите — нападайте на Тень! Если эта Тень уже была телом, Физическим лицом, можно нападать, хотя труднее. Но на Фата Моргану, еще не материализовавшуюся, сколько ни нападайте, копья и мечи пройдут через Образ насквозь, не причинив ему никакого вреда. Вместе с тем это Видение может быть реальнее, чем даже очень выдающийся человек с мясом и костями. Потому что эта Идея будет собирать на себя чувства и мысли миллионов, не видящих исхода в тех реальных методах, которыми будут лечить послебольшевистскую Россию. Вместе с тем эта концепция будет в значительной мере забронирована и от демократических нападков, ибо выборы Неведомого Царя можно обставить при соответствующих настроениях весьма демократически. Кроме сего, извещаю Вас, что я написал книгу по вопросу, в котором мы с Вами никакого согласия не имели⁴. Произошло это так.

Был в Париже диспут 27 мая 1928 года об «антисемитизме в Советской России». На каковой диспут я получил приглашение прибыть и выступить, и даже деньги предлагали на проезд. На диспут я не поехал и предоставил распинаться Мережковскому⁵ и другим блаженненьким. Но после диспута появилась статья у Милюкова, написанная Поляковым, которого Вы помните по Думе⁶. Сия статья выражала сожаление, что ни один «честный антисемит» не пожелал выступить и рассказать, что «им в евреях не нравится». Так [как] я, кажется, ни одного семита еще не обжулил, то признал себя честным антисемитом и ответил на статью Полякова книгой. Она сейчас набирается, и по выходе в свет буду иметь честь Вам ее презентовать.

Получил очень хорошее, но очень грустное письмо от Марии Алексеевны. Целую ее ручки и обнимаю Вас, злодей...

Ваш ВВ.

Адрес с 1 Марта: villa «Aline», а прочее по-прежнему.

---

¹ Великий князь Николай Николаевич скончался в Антибе 5 января 1929 г.

² Кирилл Владимирович, великий князь (1876–1938) — внук императора Александра II, старший сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны, двоюродный брат императора Николая II, свиты его величества контр-адмирал. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1915 г. командовал гвардейским экипажем. В эмиграции Кирилл сначала объявил себя «блюстителем» пустующего русского престола и 8 августа 1922 г. выступил с обращениями «К русскому народу» и «К русской армии», открыто выдвинув лозунг «За веру, царя и отечество!». «Покончить» с Кириллом монархистам, которых не устраивала его кандидатура, не удалось, и тот решился объявить себя императором Кириллом I 31 августа 1924 г. в Кобурге, однако не был признан вдовствующей императрицей Марией Федоровной.

³ Покрывало Изида — в египетской мифологии Изида была олицетворением производительных сил природы и хранительницей сокровенных тайн. На воротах храма Изида в Саисе были начертаны слова: «Я то, что было, есть и будет. Никто из смертных не приподымал моего покрывала». В современном языке это выражение иногда используется в значениях «скрываемая истина», «сокровенная тайна».

⁴ Имеется в виду книга Шульгина «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. Париж: Russia Minor, 1929.

⁵ Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941) — русский прозаик, поэт, литературный критик, переводчик, религиозный мыслитель. С декабря 1919 г. в эмиграции в Варшаве, с ноября 1920 г. — в Париже.

⁶ Поляков-Литовцев Соломон Львович (1875–1945) — журналист, в России — сотрудник «Речи» и «Русского слова», в эмиграции — «Последних новостей», «Еврейской трибуны» и других изданий. Массон с 1925 г. Отчет о диспуте см.: Литовцев С. Диспут об антисемитизме // Последние новости. 1928. 29 мая. С. 2.

№ 82

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 8-го Февраля 1929 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Я собирался ответить Вам, как Вы этого заслуживаете, т.е. на машинке и более или менее обстоятельно, но был занят срочными делами и потому все откладывал. Но вчера случилось некоторое обстоятельство, которое заставляет меня написать Вам немедленно. Буду ждать такого же немедленного ответа, а затем отвечу Вам на предыдущее письмо.

Обстоятельство, о котором я упоминаю, заключается в следующем: неожиданно позвонил мне один сумасшедший старец 75 лет, который, несмотря на свое сумасшествие, имел благоразумие от празднования своего юбилея отказаться, чего не делают абсолютно уравновешенные и разумные люди. Этот 75-летний старец — М.М. Федоров¹. Этому старцу свойственно суетиться, т.е. стараться принять участие, хотя бы косвенно, в разрешении всех важных вопросов, особенно тех, которые его лично не касаются. Но в данном случае вопрос, конечно, касается всех и заключается он в следующем. Вам не безызвестно, что Ваши друзья Украинцы и особенно Ваш однофамилец А.Я. Шульгин² ведут сейчас упорную сепаратистскую пропаганду; между прочим, она всплыла и в Женеве, в Лиге Наций. Там при Верховном Комиссаре по русским делам есть так называемый Совещательный орган, в который допущены представители целого ряда беженских организаций, только не политических, а гуманитарных. Сидят там и наши представители. В число таких организаций были допущены и некоторые украинские организации, представленные как раз этим Шульгиным. Получив там некоторую опору, они стараются расколоть там понятие русского беженства, что[бы] завести здесь специальное украинское беженство. Когда речь была о том, чтобы превратить здесь наши беженские организации в представителей Верховного Комиссариата Лиги Наций, что дало бы им некоторые несуществующие у них теперь права (вопрос очень сложный, и я касаюсь его только мельком, все равно в своем первоначальном плане он не осуществился), то Украинцы возражали против этого, доказывая, что наши так называемые Офисы, т.е. преемники бывших посольств и консульств, суть учреждения только великорусские, а не украинские, и потому поручать им представлять всю прежнюю Россию нельзя. Привожу это только как образчик их политики, так как самый вопрос сейчас с очереди снят. Тем не менее такая украинская точка зрения очень понравилась полякам, которые очень горячо Шульгина поддерживают. С этим вопросом нам еще придется столкнуться, вероятно, не раз, и пока все попытки с этой стороны отражаются легко. Но так как они все-таки происходят и так как в ближайшее время, в середине февраля, будет в Женеве собрание этой самой Совещательной Комиссии, где поставлен вопрос о включении в нее еще нескольких представителей украинских беженских организаций, то М.М. Федорова осенила гениальная мысль включить в эту Совещательную Комиссию и поручить Вам дать генеральное сражение Вашему однофамильцу. Федоров уверял меня, будто там уже позондировали эту почву у понимающих людей, и они отнеслись к ней очень доброжелательно и потому сейчас дело за Вашим согласием; об этом мне и поручу

чено Вам написать, что я и исполняю и ожидаю Вашего ответа. Но тем не менее хочу немножко объяснить Вам, как стоит там дело, и скажу больше, хочу избавить Вас от глупого положения.

Дело в том, что вопреки Федорову и тем, кто с ним согласен, я считаю, что приезд Ваш туда в таком амплуа был бы для дела очень невыгоден. Конечно, никто не может лучше Вас дать сражение по существу нашим украинским сепаратистам. Но дело в том, что вся наша тактика сейчас заключается и должна заключаться в том, чтобы избежать постановки этого вопроса по существу; не может быть большей ошибки, как решать или предрешать такие важные вопросы в специальной технической, а не политической комиссии. Вечное стремление Федорова и им подобных вносить повсюду политику, что бы из этого ни вышло, руководит им и сейчас. Мы потеряем все симпатии, если только поддадимся этому соблазну и вместо тех формальных возражений, в которых мы очень сильны, втравимся против своей воли в политический спор с Украинцами. Не говоря уже о том, что самый повод этого спора не заслуживает. В данной Совещательной Комиссии число голосов не играет никакой роли, включение тех или других представителей всегда обсуждается только с точки зрения реальности той группы, которую они представляют, и потому сейчас даже этого спора возбуждать ни к чему; но уже во всяком случае ясно, что одно появление Вас в качестве разрешителя, Вас, связь которого с какими бы то ни было беженскими организациями была бы фикцией, явится совершенно недвусмысленным признанием, что мы пошли в этот комитет делать политику. И если бы Вы сами поняли, что такая политическая позиция не годится, и ограничились бы теми техническими отводами, которые мы иногда делаем, то, конечно, появление там человека с такой репутацией, как Ваша, было бы просто смешно, гора родила бы мышонка. В желании Федорова и его сторонников много совершенно детского; так, например, им очень улыбается, что сцепятся между собой два Шульгина — явный признак, что на все это они глядят несерьезно.

Таковы мои соображения, которые, конечно, для Вас необязательны. Одна наша общая знакомая, которая как раз сидела у нас в то время, когда Федоров со мной говорил по телефону, пришла в восторг от этого плана. Но для меня это совсем не доказательство, что он разумен. Но повергнув все это на Ваше обсуждение, в полной уверенности, что прежде всего говорить о поездке туда сейчас на ближайшее заседание материально невозможно, мне бы хотелось знать и Ваше мнение. Если Вы вообще не прочь от таких выступлений, то можно будет иметь Вас в виду на тот случай, когда это будет полезно. Если бы Вам улыбнулась мысль поехать даже сейчас, то ведь мое одобрение или

неодобрение никакой роли не играет. Федоров может просить Вас поехать от своей собственной организации. Но я совершенно допускаю, что перспектива произносить речи в комиссии в Женеве, где Вам прежде всего нужно будет считаться с очень деликатной атмосферой и бояться сказать лишнее, совсем не в типе Вашей красоты и Вас не соблазняет. Тогда нам не стоит и ломать голову на эту тему. Так вот, с самой откровенностью скажите мне Ваше мнение об этом. Еще повторяю, что с моим Вы вообще не обязаны считаться, но раз приглашение идет через меня, то с моей стороны было бы предательством по отношению к Вам свои сомнения скрывать.

---

¹ Федоров Михаил Михайлович (1858–1949) — финансист, товарищ министра торговли и промышленности в правительстве С.Ю. Витте; в годы Первой мировой войны — член Центрального Военно-промышленного комитета. В качестве представителя московской организации партии кадетов был направлен в ноябре 1917 г. в Новочеркасск для оказания помощи антибольшевистским силам; способствовал созданию Добровольческой армии; один из руководителей Национального центра, член Особого совещания при генерале А.И. Деникине. С 1920 г. — в эмиграции, жил в Париже, продолжал принимать участие в политической деятельности как член Русского национального комитета. В этом качестве участвовал в 1926 г. в Зарубежном съезде в Париже. Сотрудник, затем редактор (с 1929 г.) выходившего в 1926–1931 гг. журнала «Борьба за Россию». В 1922 г. Федоров основал и возглавил Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей (так называемый «Федоровский комитет»), который оказывал содействие молодым русским эмигрантам (главным образом, военным) в получении ими высшего образования. Комитет обращался к правительствам и другим властным органам западных стран с просьбой о выделении стипендий русским студентам — многие из этих обращений удовлетворялись. Тем, кто не получал стипендий, подыскивалась подходящая работа. Центральный комитет придавал особое значение ориентации молодых эмигрантов на обучение в технических вузах, считая, что это отвечает нуждам России и желаниям самого студенчества, сознательно готовящегося к работе по восстановлению промышленности, сельского хозяйства и торговли в своей стране.

² Шульгин Александр Яковлевич (1889–1960) — политический деятель. После окончания в 1915 г. историко-филологического факультета Петроградского университета был оставлен при университете для «подготовки к профессорскому званию», одновременно преподавал в петроградских педагогических училищах и гимназиях. Член Украинской радикально-демократической партии (в сентябре 1917 г. была преобразована в Украинскую партию социалистов-федералистов). В декабре 1917 г. — январе 1918 г. — генеральный секретарь международных дел Украинской Народной Республики, в январе–феврале 1918 г. — член украинской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске, занимал различные дипломатические посты и при правительстве гетмана П.П. Скоропадского, и при Директории. В 1920 г. глава

делегации УНР на первой Ассамблее Лиги Наций в Женеве, в 1921 г. — глава украинской чрезвычайной дипломатической миссии в Париже. В 1926–1936, 1939–1940, 1945–1946 гг. Шульгин — министр иностранных дел, в 1939–1940 гг. — глава правительства УНР в изгнании. С 1929 по 1939 г. возглавлял Главную Украинскую эмиграционную раду.

№ 83

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

12 Февраля 1929,

*villa «Marie»,
Boulouris s/Mer
(Var)*

Дорогой Василий Алексеевич.

Получил Ваше письмо от 8 февраля и очень благодарен Вам за сопроводительные к предложению М.М. [Федорова] комментарии Ваши.

За несколько часов до получения Вашего письма получил письмо от В.А. Лазаревского, который, узнав о таком предположении, спрашивал меня, поеду ли я, на предмет уготовления мне квартиры в Женеве у общих друзей. Я как раз отвечал ему принципиальным согласием, руководствуясь нашим принципом «як треба, то треба», каковой лозунг приятно совмещает политическую лень и чувство долга, свойственные некоторым хохлам, от них же первый есмь аз. Но по получении Вашего письма решил не ехать.

Мне кажется, Вы правы. Вы не правы только в том, что Александр Яковлевич Шульгин — мой «однофамилец». Дело более пикантно: он мой родственник. У Якова Игнатьевича Шульгина было два сына: старший Николай и младший Виталий, проф. истории Киевского Университета¹. Николай Яковлевич рано умер. Тогда Виталий Яковлевич, тогда еще не женатый, приютил всю семью брата, которая скоро осиротела и с другой стороны, умерла жена Николая. Таким образом, дети Николая, и в том числе Яков Николаевич, остались всецело на руках моего будущего отца и редактора «Киевлянина». Но Яков, или Яша Шульгин, оказался неблагодарным приемным сыном: когда он вырос и поступил в Университет, он подпал под влияние известного Драгоманова² и набрался украинских идей. Таким образом, в совершенно русской или малорусской (будто бы мы происходим от Шульги, каковая фамилия есть не знатная, но крайне древняя, восходящая к двенадцатому веку) появился первый апостат — «Яша отступник». Таковые его устремления вызвали полный разрыв между племянни-

ком и дядей. Яков ушел из нашего дома, получив, впрочем, все, что ему полагалось материально. Упоминаю об этом потому, что это послужило причиной дальнейших его злоключений. Значит, у него на руках оказалась известная сумма денег. Проведав об этом, на него с особой резвостью повели охоту украинские и русские революционеры и довели этого слабого и доброго человека: материально — до потери всего, что у него было, истраченного на партийные надобности, а политически — до ссылки в Сибирь. Но так как он в сущности был плохой украинец и плохой революционер, то его (не без помощи родных) вернули и дали место учителя в Киевской Александровской «Императорской» гимназии, на каковой должности он мирно скончался еще до революции, обучая мальчиков, если не ошибаюсь... русскому языку³. Не удивляйтесь: другим учителем русского языка и словесности, и притом превосходным, Божьей милостью педагогом, был другой «украинец» и тоже мой родственник (женат на родной сестре одного Якова — Вере Шульгиной) Наumenко (расстрелян большевиками в 1919 году⁴). Так вот Шульгин, который собирается выступать в Женеве, — сын одного Якова Отступника, а мой двоюродный племянник. Таким образом, имеются две линии Шульгиных, которые до бифуркации⁵ от века были русскими. Потомство Николая украинизировалось, и ныне Александр (бывший министр у Петлюры⁶) занимает среди заграничных украинцев довольно видное амплуа. Потомство же Виталия... Вы имеете несчастье лично знать и меня, и моего сына. Могу только добавить, что «Киевлянин» основан в 1864 году и с этого времени неизменно боролся сначала против поляков, потом против евреев, позднее против украинцев и, наконец, против немцев (1918 год), — за «русскость», каковую он ведет прямо от Ярослава Мудрого⁷ и ни копейки меньше! И может быть, можно выдвигать точку зрения, что и при «революционных» условиях, несмотря на некоторые видимости, оказалась сильнее Виталиевская ветвь. Для этого существует две важных данных [так!]. Первая. Как только несколько осмотрелись в совершенно новых «революционных» условиях, мы повели энергичную борьбу политическую, результатом которой было то, что в конце 1917-го в так называемое «Украинское Учредительное Собрание»⁸ представителем города Киева был избран я. После этого выборов, сколько-нибудь заслуживающих этого названия, не было, ибо все было заковано в большевистскую клетку. Таким образом столица «Украины» заявила себя русской со всеми вытекающими последствиями.

Вторая, гораздо более важная. Деникинское движение, зародившееся на Юге, и персональный состав которого был поэтому в большинстве из южан, выдвинул своим лозунгом Единую Неделимую

Россию, то есть слова, выгравированные на памятнике Богдану Хмельницкому в Киеве⁹. Это движение, находившееся, таким образом, в теснейшем содружестве с «Киевлянами» и принявшее нашу точку зрения на вопрос о судьбах Малороссии, оказалось гораздо сильнее «отступнического» движения Петлюровского, с каковым оно справлялось шутя, имея одного врага — Северных Коммунистов.

Бессильными мы оказались в эмигрантских условиях по одной исчерпывающей причине: нет денег. У Алесанада, сына Якова отступника, есть деньги, как и вообще у всей этой группы. Их прикармливают поляки и немцы. Поэтому им легко ездить по всем странам, всюду втираться и доказывать свое существование. Малорусская же ориентация безмолвствует, скованная параличом нищеты. И в этом весь вопрос. При наличии средств и сейчас можно повести сильную против пропаганду, потому что есть и знающие люди, и есть материал. Без этой денежной базы — могут быть только судорожные попытки то там, то здесь.

Это — вообще. В частности: ввиду вышеизложенных условий выгодно принять бой мне с Александром, сыном отступника. Выгодно, ибо это сразу переведет вопрос на его настоящие рельсы. Украинцы изображают дело так, будто украинский вопрос — это спор северян и южан. Это неверно и невыгодно тактически для нас. Украинский вопрос — это спор южан между собой, из которых одни желают оставаться русскими, которыми они и были от века (если принять хотя бы гипотезу о Шульге, то с 12-го века), а другие желают, наплевав в очи батькови и матери, отступить от национальности своих предков. Эта постановка вопроса в случае для всех осязаемого спора двух Шульгиных, не однофамильцев, а людей одной крови, одной семьи, одного города, станет абсолютно ясна, и в этом М.М. [Федоров] прав, инстинктивно чуя выгоду такой инсценировки.

Но эту карту не стоит играть, если ставка не соответствует важности, в некоторых смыслах, сей встречи. Ее надо играть, если спор Шульгиных может иметь ретантисантный¹⁰ резонанс в мировой печати. Если это так, то надо идти на это, хотя бы спор происходил в недрах канцелярий. Но если «громкоговорители» эту штуку не подхватят, то ни в коем случае не следует ставить этого аса¹¹, ибо это закрыло бы (психологически) возможность в будущем совершить сию дуэль в иных, более выгодных условиях.

Из Вашего письма я понял, что это именно так, и потому не поеду сейчас. Но полагаю вот что.

Весьма возможно, что этот вопрос (украинский) станет политически в том или ином виде перед Лигой Наций. В этом случае выдвигать меня против Александра (кстати, я его хоть увижу, до сих пор не

приходилось) следовало бы. Но в таком случае хорошо было бы озаботиться, чтобы меня не выписывали, как деус акс мажина¹², а исподволь как-то приспособили бы. Думаю, что учреждениям русским, кои как-то имеют шанс прийти в соприкосновение с Лигой, надо бы теперь же составить некое бюро, которое держало бы в мобилизованном виде этот вопрос не только для Лиги Наций, но и для других инстанций.

Если бы пожелали спросить моего мнения, как практически подойти к этому вопросу, то я сказал бы так, *и прошу простить санфасонность*¹³ *изложения*¹⁴.

Назначьте секретарем этого будущего бюро при чем не знаю Лазаревского и дайте ему тысячу франков жалованья. Французским он овладел настолько, что состоит у Пайо переводчиком с русского на французский. Кроме того, он важная персона в международных студенческих кругах (хотя уже кончил университет) и потому имеет связи во всех странах в этой среде. Он вполне справится с украинским секретариатом, а Федоров его очень хорошо знает.

Затем составьте самое бюро и введите меня туда членом (*иного-родным*) вместе с князем Волконским (Римским)¹⁵ и другими лицами, коих сейчас не перечисляю, но список коих представить нетрудно. Разумеется, в случае командировок членов бюро вроде меня, то есть малоимущих, нужно их дотировать не как мисс Европу, но настолько, чтобы они могли, кроме проезда, приобретать необходимые пособия.

Вот план. Он сопряжен с тратой франков, если денег нет, то не стоит и «рипаться».

Еще раз благодарю за предупреждение о «подводных камнях».

Искренне Ваш ВВ.

Только что получил письмо из Берлина. Зовут сделать доклад в Русско-Немецком клубе о том же. Поветрие.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Шульгин Виталий Яковлевич (1822–1877, по другим данным 1878) — историк, публицист, общественный деятель. В 1849–1863 гг. адъюнкт, затем профессор по кафедре всеобщей истории Киевского университета. В 1863 г. оставил университет по личным обстоятельствам. С 1864 г. редактор газеты «Киевлянин». Автор неоднократно переиздававшихся учебников по древней, средневековой и новой истории. Был гласным Киевской городской думы, членом Совета городского взаимного кредита, участником местных благотворительных обществ.

² Драгоманов Михаил Петрович (1841–1895) — публицист, историк, фольклорист, общественный деятель, идеолог украинского национального движения, социалист-народник. Из мелкопоместных дворян. В 1859–1863 гг. учился в Киевском университете, с 1864 г. приват-доцент. Был одним из лидеров украинофильского общества «Громада» (запрещено в 1876 г.). В 1875 г. уволен из университета за политическую неблагонадежность. В 1876 г. эмигрировал в Швейцарию. С 1878 г. издавал в Женеве сборник, а затем журнал «Громада» на украинском языке, а также сочинения А.И. Герцена, Т.Г. Шевченко, Панаса Мирного и др. В 1880 г. впервые издал отдельной брошюрой письмо Белинского к Гоголю. С 1889 г. профессор Софийского университета. Выступал против централизации как способа политического и национально-угнетения.

³ Шульгин Яков Николаевич (1851–1911) — педагог, историк, общественный деятель. Окончил историко-филологический факультет Киевского университета. Был связан с народовольцами и движением украинофилов. В 1879–1883 гг. в ссылке в Сибири. Был лишен права преподавательской деятельности как политически неблагонадежный. Служил контролером в отделении Госбанка в Елизаветграде, счетоводом на железной дороге. В 1902 г. педагогическая деятельность была разрешена, преподавал русскую словесность в киевской Первой гимназии. Среди его учеников был будущий писатель К.Г. Паустовский. Автор работ по истории Украины.

⁴ Науменко Владимир Павлович (1852–1919) — педагог, историк, этнограф, филолог и общественный деятель. После окончания Киевского университета учитель Киевской гимназии в 1870-х гг. По данным Департамента полиции, входил в украинофильское революционное общество «Громада» и был близок к М.П. Драгоманову. В 1893–1907 гг. — редактор журнала «Киевская Старина». В 1905 г. открыл в Киеве собственную гимназию. В 1917 г. — попечитель Киевского учебного округа. В 1918 г. министр народного просвещения в правительстве П.П. Скоропадского. Расстрелян ВЧК.

⁵ Бифуркация — разделение на две части, раздвоение; термин происходит от лат. *bifurcus* — раздвоенный.

⁶ Петлюра Симон Васильевич (1879–1926) — лидер украинского национального движения, публицист; член Украинской социал-демократической рабочей партии с 1906 г.; в 1917–1918 гг. — один из организаторов украинской национальной армии. В январе 1918 г. создал «Украинский гайдамацкий кош Слободской Украины»; с февраля 1919 г. стал главой Директории Украинской Народной Республики, одновременно выйдя из УСДРП. Отношение Петлюры к большевистской России, так же как и к «единой и неделимой», которую стремились восстановить белые, было отрицательным.

⁷ Ярослав Мудрый (ок. 978–1054) — великий князь Киевский в 1019–1054 гг.

⁸ Украинское Учредительное Собрание — созыв Украинского Учредительного собрания был объявлен III Универсалом Центральной Рады от 7(20) ноября 1917 г. В Киеве выборы состоялись 7–9 (20–22) января 1918 г.

Внепартийный блок русских избирателей получил 29,47% голосов, — если же исключить принимавших участие в выборах солдат гарнизона, то 33,22%. Результат выборов в Киевской губернии был для Внепартийного блока русских избирателей, напротив, обескураживающим. Блок получил лишь 2,9% голосов, что позволяло направить для участия в Украинском Учредительном собрании лишь одного представителя, в то время как украинские социалисты-революционеры набрали 75,8% голосов (38 представителей). Результаты выборов отражали национальный состав городского и сельского населения Украины. Украинское Учредительное собрание должно было открыться 12 мая 1918 г., но так никогда и не состоялось.

⁹ Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович (около 1595–1657) — украинский государственный и военный деятель, гетман Украины с 1648 г. При нем было провозглашено воссоединение Украины с Россией на Переяславской Раде в 1654 г.

¹⁰ Ретантисантный — от франц. *retentissant* — громкий.

¹¹ Ас — от франц. *as* — туз.

¹² Деус акс мажина — от лат. *deus ex machina* — бог из машины. Выражение, означающее неожиданную, нарочитую развязку той или иной ситуации, с привлечением внешнего, ранее не действовавшего в ней фактора. В античном театре, откуда, собственно, и пошло это выражение, обозначало бога, появляющегося в развязке спектакля при помощи специальных механизмов (например, «спускающегося с небес») и решающего проблемы героев.

¹³ Санфасонность — от франц. *sans façon* — бесцеремонность, простота.

¹⁴ Вписано над строкой.

¹⁵ Князь Волконский (Римский). — Несомненно, имеется в виду Волконский Александр Михайлович, князь (1866–1934) — военный дипломат, публицист. Внук декабриста С.Г. Волконского. Окончил юридический факультет Петербургского университета, затем поступил на военную службу. Учился в Николаевской академии Генерального штаба. Военный разведчик, аналитик. Полковник Генерального штаба. В 1908–1912 гг. военный агент в Италии. В 1912 г. уволен в отставку, т.к. будучи флигель-адъютантом императора Николая II отказался подписать адрес, в котором царь был назван самодержавным (считал, что после Манифеста 17 октября 1905 г. он является конституционным монархом). После начала Первой мировой войны призван в ополчение. В 1915–1917 гг. исполнял обязанности военного агента в Риме. После прихода к власти большевиков остался в эмиграции, поддерживал тесные связи с генералом П.Н. Врангелем. Занимался публицистикой, автор работ, направленных против украинского национального движения, — «Историческая правда и украинофильская пропаганда» (1920 г.), «В чем главная опасность?» (1929 г.), «Малоросс и украинец» (1929 г.), написал также работу «Имя Руси в домонгольскую пору» (1929 г.). В 1930 г. принял католичество и стал католическим священником.

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 21-го Февраля 1929 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Это письмо я опять ограничиваю украинским вопросом. Сейчас люди вернулись из Женевы, и мне яснее, чем раньше, насколько я был прав, отговаривая Вас от поездки туда. Никакого боя по украинскому вопросу не было, да и не могло быть; те две украинские организации, которые просились, чтобы их включили, были включены без возражений с чьей бы то ни было стороны; да, оказывается, и возражать было бы невозможно, тем более что это включение фактически ничего не меняет. Но выяснилось, кроме того, что весной может быть очень серьезный бой и возможно, что в этом бою придется отстаивать все позиции, и не только формально. Во всяком случае, в основе сражения будет лежать меморандум, который мы отсюда пошлем. Основное его содержание будет формально, но в числе аргументов, которые будут его освещать, будут и аргументы существа. Самое сражение будет по следующему поводу: Украинцы [одно слово нрзб.] предложение, подписанное Вашим родственником¹ и горячо поддержанное поляками, о том, чтобы те апатриды², к которым пока причисляли только русских и армян, лишенных подданства, были впредь разбиты на три группы: русских, украинцев и армян. В этом будет весь спор. Вы понимаете, что и здесь главным возражением будет чисто формальное; понятие беженца получило уже международное определение; оно гласит так: «*personne d'origine russe, n'avant acquis aucune autre nationalité*»³. Если сохранить это определение, то было бы бессмысленно рядом с ним ставить группу лиц д'оригин украиниен и т.д. Украина как самостоятельная единица не существовала тогда, когда родились все эти беженцы; вот наша позиция, формально неуязвимая. На это нам отвечают, что не существовало и никакой Армении, а между тем армяне называются «д'оригин армениен»; и, конечно, они в этом тоже правы. Нам свою позицию приходится защищать так, чтобы не обижать армян. Попутно к доводам нашей позиции присоединятся, конечно, и соображения о том, что украинцы не являются национальностью, не являются даже политически однородным телом, стремящимся к выделению и т.п. В этих пределах пойдет главное сражение. Если в этом отношении Вы захотите помочь нам какими-либо соображениями, это будет очень полезно, и я буду держать Вас в курсе всего. Но Ваше пожелание об образовании комитета и т.п. рискует разбиться о денежные затруднения. Говорю «рискует» из эвфемизма; я еще не видал никого из тех, с кем пришлось бы

об этом говорить, но надежд на них не возлагаю никаких. Да скажу и от себя, если бы у нас было достаточно денег, чтобы подкупать прессу, не говоря об отдельных лицах, и состязаться в этом отношении с украинцами, то тогда стоило бы об этом говорить; но если это невозможно, то образование комитета с Лазаревским едва ли оправдает те затраты, которые на него сделают, а делать эти затраты можно было бы только резав по живому месту, т.е. отнимая деньги у кого-либо из существующих учреждений. Тут подымутся такие протесты, с которыми мы не справимся.

На этом кончаю; но удовлетворите мое любопытство. С Вашего ли разрешения «Последние Новости» получили гранки Вашей книги и писали на нее критику — или это их бесцеремонность⁴. Если это с Вашего разрешения, то я думаю, что Вы сделали большую ошибку.

---

¹ Имеется в виду А.Я. Шульгин.

² Апатриды — лица без гражданства. Апатрид — от греч. *apatris* — лишенный родины.

³ *personne d'origine russe, n'avant acquis aucune autre nationalité* (франц.) — человек российского происхождения, не приобретший никакого другого подданства.

⁴ Н.П.В[акар]. Философия антисемитизма // Последние Новости. 1929. 16 февраля. С. 2–3. Отрывки из книги Шульгина «Что нам в них не нравится» были напечатаны со вставками-комментариями Н.П. Вакара. Книге Шульгина была посвящена также передовая статья под заголовком «Антисемитизм В.В. Шульгина» в этом же номере газеты. Позиция Шульгина суммировалась в передовой статье следующим образом: «Евреи — солидарны; русские — разрозненны. Евреи — пчелы, инстинктивно делающие общее дело; русские — быки, повинующиеся приказу вожака. Евреи — змеи, русские — кролики. Г. Шульгин — антисемит по причине своего “антируссизма”, т.е. презрения к русскому народу. Его “антируссизм” есть странное преуменьшение солидарности и активности своего народа. Его “антисемитизм” — столь же ошибочное преувеличение солидарности и активности еврейской». (Последние Новости, 1929. 16 февраля. С. 1).

№ 85

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

27.II.1929

Villa «Aline»,
Boulouris s/Mer
(Var)

Дорогой Василий Алексеевич.

Удовлетворяю Ваше «любопытство». Гранки «П[оследним] Н[о-
востям]» были даны с моего согласия. Для меня только явился пол-

ной неожиданностью срок появления выдержек, препарированных Вакаром¹. Предполагалось, что это будет, как водится, перед самым появлением книжки. Они же пустили их за две недели. Тут моего уполномоченного в этом деле под каким-то предлогом чуточку провели, что тем более было легко, что сие совершилось через посредство вышереченного Вакара, а сей Николай Платонович был некогда мне близок, и с ним у нашей группы сохранились отношения, несмотря на его «отъезд» к Милюкову.

Но по существу дела это не так важно, по-моему. Я не совсем уловил, вернее сказать, совершенно не понял, с какой стороны я сделал «большую ошибку». Что я дал им гранки? Почему же нет?

Книга моя есть, в сущности, безмерно растянувшееся «открытое письмо» к Литовцеву или, вернее сказать, к евреям. Это ясно с первой страницы. Раз я написал некое обращение к евреям, то почему я не могу направить его в еврейскую газету? А я даже написал не обращение по своей инициативе, а только ответил на обращенный к нам вопрос. Такой ответ естественно прежде всего дать для ознакомления вопрошающим. И, наоборот, было бы неестественно отдать его на сторону. Так я рассудил и в соответствии с сим поступил. И поступлю и дальше в этом же стиле: первый экземпляр книги пошлю Литовцеву, а второй Левину, который меня письменно приглашал на диспут, а третий пошлю Френкелю, моему товарищу по гимназии, который много раз меня понуждал изложить мои действительные (а не приписываемые мне) мысли по еврейскому вопросу. Книга написана по еврейскому вызову, написана в значительной мере для евреев и потому в еврейский адрес и направляется. Мне представляется сие логичным, и в чем ошибка, не улавливаю.

Разве в том, что, забежав на две недели вперед, люди упражняются в [два слова нрзб.] мной, не прочитав книги. Но рискуют только они, а не я, потому что многое покажется им глупым из того, что они написали до прочтения, и им придется писать вторично. Для хода же книжки вся сия шумиха полезна. Главной опасностью, которой я боялся, что книгу замолчат, как замолчали много других. Это, кажется, избегнуто и при том без всяких предосудительных средств: никому ни одной копейки не дал, разве Вакару — построчный гонорар.

Буду Вам признателен, если разъясните свою мысль: в чем мои прегрешения?

[Три слова нрзб. от руки.]

Ваш ВВ.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ См. прим. 4 к предыдущему письму.

Вакар Николай Платонович (1894–1970) — публицист и переводчик. Окончил Александровскую гимназию в Киеве. Учился на юридических факультетах в Московском и Киевском университетах. Во время Первой мировой войны ушел добровольцем на фронт. Поручик артиллерии. С марта 1918 г. — в Добровольческой армии. Эмигрировал во Францию. Осенью 1922 г. опубликовал первую статью в «Последних новостях» (Париж), с июля 1924 г. постоянный сотрудник этой газеты. С 1924 г. заведовал в ней отделом информации. Писал под псевдонимом Н.П.В. Перевел 52 романа французских и английских авторов. Перед вступлением в Париж немцев в 1940 г. покинул город со своей редакцией «Последних новостей». Перебрался в США. Получил магистерскую, затем докторскую степень в Гарвардском университете по специальности славянская филология. Читал лекции в американских университетах. Опубликовал ряд работ по истории белорусской литературы и языка.

№ 86

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 4-го Марта 1929 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Вы, очевидно, придали моему последнему письму гораздо более глубокий смысл, чем я сам; говоря об ошибке с Вашей стороны, я имел в виду ошибку техническую, а не политическую. Не вижу решительно ничего зазорного или неправильного в том, что Вы дали свои гранки «Последним Новостям», даже то, что дали именно им; тут Вы не только хозяин, но и по существу я понимаю, что Вы дали эти гранки этой газете. Но технически это была ошибка, и вот почему. Вы должны знать газетные нравы, потому что сам газетчик; поэтому Вы должны были предвидеть, что всякий газетчик, а такой как Н.П. Вакар в особенности, Вас непременно надует, т.е. использует Вас раньше срока и в той форме, в которой он может извлечь для себя пользу. Вы должны были предвидеть, что выйдет то, что вышло, что статьи о Вашей книге появятся задолго до ее выхода в свет; таким образом, внимание и друзей, и врагов будет возбуждено; вопрос о книге будет поставлен, а самой книги достать нельзя. Благодаря этому одна сторона будет знать о книге только то, что угодно сообщить «Последним Новостям», в своем освещении и со своими комментариями. Это освещение и эти комментарии заинтригуют, подстрекнут и другой лагерь,

который также, подобно всей Вашей поганой породе журналистов, меньше всего будет думать о том, как бы чего-либо [не] перевернуть, а будет метать свои громы и молнии не на Вас, а в Вас в изложении «Последних Новостей». Появится, следовательно, и еще одна лишняя статья. А между тем тогда, когда книга уже выйдет, когда ее сумеют прочесть, то возвращаться к ней вторично едва ли захотят, особенно те, кто увидят, что были неправы. Тут на сцену выступают тактические соображения и нелюбовь всякого человека признаваться в ошибке, а главное, непреодолимая сила предвзятого мнения; к выходу в свет мнение о Вашей книге уже будет составлено по газетным отчетам и составлено не по Вашей книге, а по комментариям, о ней сделанным. Для всякого автора это один из самых нежелательных результатов, и потому-то я и назвал Ваш поступок ошибкой. Более глубокого значения мои слова и не имели, а что касается до самой книги, то я подожду ее выхода в свет, прежде чем составлять суждение о ней; но можете быть покойны, что в этом другие за мной не пойдут.

Вы ничего не пишете об Украинском вопросе, может быть, потому, что я перед Вами в долгу; в двух словах посвящу Вас в положение дела. Никакого боя пока не произошло, потому можно только радоваться, что Вы в Женеву не ездили. Но в непродолжительном будущем бой будет дан по следующему вопросу. Украинцы желают, чтобы их не смешивали с русскими, и потому, чтобы в Нансеновских паспортах была поставлена для обозначения их какая-нибудь другая формула. Они хотели бы, чтобы стояло *«personne d'origine ukrainienne, n'ayant acquis aucune autre nationalité»*¹. Подобная их претензия, по-видимому, безнадежна, но есть компромиссная форма, которая подкладывается их друзьями. Так, одни предлагают написать — *«d'origine russe (de nationalité ukrainienne)»*², другие — *«d'origine russe (ukrainienne)»*³. Против всех этих предложений мы, т.е. Юридическая Комиссия⁴, представляем мемуар, который сейчас вырабатывается, но в котором будем стоять на совершенно деловой, т.е. юридической позиции. Проект этого мемуара я Вам пришлю. Извещу Вас также о том, как стоит дело в Женеве, так как еще раз думаю, что возбуждать боя нам не следует и если дело может пройти незаметно победой в нашу пользу, то ни трубить об этой победе, ни углублять ее смысла нам не следует. А пока на победу надеяться можно. Бой с украинцами неизбежен, но будет происходить в других условиях и по другим поводам; и на очередь он станет именно тогда, когда будут слабость большевики. Вот тогда мы, говоря высоким слогом, будем иметь суждение; но только не с такими суматошниками, как М.М. Федоров.

---

¹ personne d'origine ukrainienne, n'ayant acquis aucune autre nationalité (франц.) — человек украинского происхождения, не приобретший никакого другого подданства.

² d'origine russe (de nationalité ukrainienne) (франц.) — русского происхождения (украинского подданства).

³ d'origine russe (ukrainienne) (франц.) — российского происхождения (украинского).

⁴ Юридическая комиссия — Эмигрантский комитет инициировал создание Центральной юридической комиссии, образованной в Женеве при Нансеновском офисе по делам беженцев. В состав комиссии вошли представители комитета, различных юридических обществ и иных организаций, в том числе находящихся и за пределами Франции. «Целью создания этой комиссии было желание установить орган — по своему более широкому составу, — имеющий возможность при сношениях с представителями Лиги Наций и с Международным Бюро Труда говорить не только от лица русской эмиграции во Франции, но и от эмиграции, находящейся вне пределов ее» (Leeds Russian Archive, Zemgor Collection. Записка Я.И. Савича). Председателем Юридической комиссии был избран адвокат, социал-демократ, член Эмигрантского комитета Я.Л. Рубинштейн.

№ 87

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 22 Марта 1929 г.

Дорогой Василий Витальевич,

То, что я Вам буду сейчас писать, вполне неожиданно; а главное, совершенно и абсолютно конфиденциально. Вы мне ответьте непосредственно, а какой бы ни был ответ, болтать никуда не будете. Как Вы увидите, я выступаю в довольно странной роли и выступаю только потому, что имею дело с Вами.

Вот что произошло: недавно я завтракал с А. Гукасовым¹ по его приглашению; к слову сказать, это не первый раз уже после его разрыва со Струве, что мне делать тем легче, не изменяя Струве, что я, с другой стороны, Гукасову с большой ясностью и откровенностью сказал свой взгляд на прошедшее. Но по моей известной Вам терпимости я с людьми не ссорюсь из-за разномыслия, потому не поссорился и с Гукасовым. Гукасов очень усиленно звал меня вступать в их Центральное Объединение², звал меня еще до разрыва со Струве³, предлагая мне там весьма высокие должности; от этого я отказался и не смотря на повторные просьбы, но это может быть завязкой тех дальнейших отношений, которые не прекращались.

Так вот, так мы и завтракали, и сразу выяснилось, зачем меня Гукасов хотел видеть. Вам, может быть, неизвестно, что в «Современных Записках»⁴ начались печататься мои «Воспоминания»⁵, хотя я сам их так не называл, и по содержанию они такому титулу не соответствуют. Эти «Воспоминания» по существу должны меня рассорить с Милюковым, что, впрочем, уже сделано сегодняшней передовой статьей в «Последних Новостях»⁶; это не только я предвидел, но иначе быть не могло; но то, что может произойти и, вероятно, произойдет, это что в известный момент «Современные Записки», которые, несмотря на свою терпимость, все же редактируются четырьмя социалистами-революционерами, откажутся дальше печатать мои «Воспоминания»⁷. А пропо: у меня был грипп, поэтому слабость и некоторое потемнение в мыслях, и я сейчас только замечаю, что забыл предыдущий мой разговор с Гукасовым, который находится в тесной связи с настоящим. Когда «Современные Записки» сделали анонс о моей статье, то Гукасов опять позвал меня завтракать и усиленно убеждал печатать эти записки не в «Современных Записках», а у него; я от этого отказался, но согласился тогда, чтобы одновременно с выходом в свет «Современных Записок», с согласия их, была выдержка и в «Возрождении», что и было исполнено⁸. Так вот Гукасов, который прочел в корректуре мою статью «Современных Записок» до выхода ее в свет, не без некоторого основания говорил, что мне там не удержаться, а что либо мои «Воспоминания» останутся неоконченными, либо нужно искать другого издателя. И вот тут он мне поведал, что некоторый план, который у него давно был в голове, сейчас близок к осуществлению, а именно, что он будет издавать наряду с газетой журнал, вероятно, ежемесячный, во всяком случае, выходящий чаще «Современных Записок»; он говорил, что от беллетристов для этого журнала отбою нет, но что у них не хватает политиков по внутренней политике, и звал меня стать редактором политического отдела журнала. Вы понимаете сами, что от этого я отказался совершенно категорически; это не мой тип красоты, и, наконец, я вовсе не собираюсь перекочевывать в другой лагерь; единственное, что я могу сделать и что я, вероятно, сделаю, это что я окажусь совершенно диким, вне всякого лагеря, но идти в обратный лагерь мне еще более противно, чем оставаться в своем. Но по этому поводу мы стали опять говорить с Гукасовым о тех литературных силах, которые могли бы быть и были бы желательны в этом органе. Разговор происходил как раз накануне того дня, когда Семенов обрушился на Вас за Вашу книгу⁹; меня об этом Гукасов предупредил, выражая большую обиду на Вас, что, сравнивая «Последние Новости» с «Возрождением», Вы охали «Возрожде-

ние»¹⁰. По-видимому, это был главный мотив его неудовольствия, хотя, как и нужно было ожидать, в самой статье этого не сказано. Во всяком случае, Гукасов нашел, что раз Вы обруганы в газете, то, следовательно, Вы сотрудничать с ними больше не станете. На это я уже от себя ему говорил, что это вообще не считается препятствием, что все дело в тоне и что Вы человек достаточно обстрелянный, чтобы не обижаться. Одним словом, я не буду передавать Вам ход разговора, из которого следует одно, что Гукасову очень бы хотелось, чтобы не только Вы, но и Струве сотрудничали в «Возрождении» и в этом будущем журнале. Я предложил ему Вас об этом спросить. И делаю это с Гукасовского согласия, но конфиденциально, потому что Гукасов, конечно, не хотел новых сплетен, что он Вас звал, а Вы его отпихнули. Поэтому смотрите на мое письмо как на мою инициативу и предварительное зондирование почвы. Более того, я имею в виду здесь не только лично Вас, но и Струве; я думаю, что если Вы разорвали с «Возрождением» из-за Струве, а Струве с ними вновь сойдется, то у Вас исчезнет и это [пропущено слово]. Конечно, было бы проще написать об этом самому Струве, но я сейчас не знаю, как он относится ко мне. В момент Гукасовской истории он был так монтирован, что считал почти предателями всех тех, кто остался в стороне от этой распри, как я; а я-то согрешил еще больше; когда Львов¹¹ сходил с Гукасовым еще раньше его прямого разрыва со Струве, о чем, к слову сказать, Львов горько жалеет, то я был чем-то вроде его юридического советника, желая избавить Львова от судьбы самого Струве. Так вот, я и не знаю, как после этого Струве относится ко мне, да и вообще к самому Гукасову¹². Хотя мне Чебышев и говорил, будто Струве на известных условиях и готов был туда вернуться, но я привык сейчас никому не верить; возможно, что если бы я написал об этом Струве, то Струве не только не оставил бы это в тайне, а использовал бы это, как случай еще раз стукнуть по Гукасову; способствовать же этому у меня никакого права нет.

Таким образом, вот о чем я Вас спрашиваю: согласитесь ли Вы совершенно принципиально, при некоторых условиях, которые останутся выработать, сотрудничать в «Возрождении», а если этого Вы не захотите, то по крайней мере в том ежемесячнике, который будет выходить и который все-таки не есть «Возрождение», по отношению которого Вы еще свободны. Вопрос второй: сочли ли бы Вы возможным конфиденциально пощупать почву и у самого Струве, так как я думаю, что у Вас с ним сохранились совершенно ничем не нарушенные отношения. Если принципиально это бы оказалось приемлемым, то я предлагаю свою сводническую роль для выработки всех этих усло-

вий; подчеркиваю, что пока это только зондирование почвы, которое никого не связывает: ни Вас со Струве, ни Гукасова. Это можете считать моей инициативой.

Что же касается до меня, то я хочу определить и мое отношение к этому предположению. Повторяю Вам, я не соглашусь стать постоянным сотрудником ни «Возрождения», ни нового журнала; газетное дело я ненавижу, а заведовать журналом никогда не пробовал, да и не хочу пробовать. Затем нужно признать, что среди всех писателей правого лагеря большинство мне прямо неприемлемо и какая бы то ни была связь с ними рисковала бы превратить меня в революционера. Но, с другой стороны, я считаю большим несчастьем, что нет подходящих органов для той части общественности, которая, скажем фигурально, не чувствовала Милюкова¹³; и Вы, конечно, правы, когда горько упрекнули деятелей «Возрождения», что, начавши большое дело, они сейчас же переругались. Тем не менее всякой злобе и досаде положена некоторая давность; помните, что и сам Некрасов когда-то сошелся со своим заклятым врагом Краевским, и в Некрасовской биографии это вовсе не минус, а плюс¹⁴. Ни из Струвевской «России»¹⁵, ни из теперешнего «Россия и Славянство»¹⁶ ничего не вышло и не могло выйти просто потому, что в наш капиталистический век ничего без денег не делается. И вот, может быть, новый журнал, который еще не носит клейма «Возрождения», поскольку на нем лежит клеймо, мог бы быть основан на иных началах; Гукасов мне говорил, что он не имеет в виду одного общего редактора, а редакторов по отделам; это может быть правильно, и как раз у него не хватает редактора для внутренней политики. Зная Вас, я сомневаюсь, что лично Вы на это пошли, и потому говорю с Вами пока только о сотрудничестве; не знаю, насколько Струве связан с Юго-Славией и не мог бы вернуться сюда, в Париж, и стать таким редактором. Вообще все это пока деталь, а главный вопрос: стоит ли об этом разговаривать дальше. На это Вы мне ответьте.

---

¹ Гукасов (Гукасянц) Абрам Осипович (Иосифович) (1872–1969) — нефтепромышленник, общественный деятель, издатель. Окончил Лазаревский институт восточных языков в Москве (1890 г.), учился на физико-математическом факультете Новороссийского университета (Одесса), завершил образование в Лейпциге, где получил степени доктора естественных наук (геология) и доктора философии. С 1899 г. представлял в Европе деловые интересы своей семьи (добыча и переработка нефти), жил в Лондоне; в 1907 г. основал в Лондоне судостроительное общество Balting Trading Co. В 1924 г. основал в Париже компанию по строительству нефтеналивных судов Les Petroles d'Outre-Mer; в 1925 г. занялся также строительным бизнесом. Изда-

тель газеты «Возрождение» (1925–1940 гг.) и одноименного журнала (1949–1974 гг.). Один из спонсоров Русского зарубежного съезда (Париж, 1926 г.); с 1926 г. председатель Российского центрального объединения (с 1937 г. — Российского национального объединения).

² Центральное объединение — Российское центральное объединение, оформилось после Русского зарубежного съезда; члены Объединения, как следует из его названия, декларировали приверженность центристским взглядам. В его состав входили, в частности, М.В. Бернацкий, Е.П. Ковалевский, В.П. Рябушинский, А.С. Хрипунов и др. Таким образом, если это и был центр, то скорее правый.

³ Речь идет о конфликте Гукасова и П.Б. Струве по вопросу о методах руководства и содержания газеты «Возрождение». В результате Струве был вынужден уйти в августе 1927 г. (со скандалом) с поста главного редактора.

⁴ «Современные записки»: Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал /Ред. коллегия: Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков (Фондаминский), М.В. Вишняк (1920–1939 гг.), А.И. Гуковский (1920–1925 гг.), В.В. Руднев. Париж, 1920–1950. № 1–70. Журнал, основанный и руководимый пятью, а после самоубийства А.И. Гуковского — четырьмя эсерами, стал лучшим журналом «Русского зарубежья» и единственным стабильно выходящим (хотя ежемесячный график соблюсти не удавалось) «толстым журналом» русской эмиграции. Редакторам (при том, что определенную политическую линию журнал выдерживал) удалось подняться над личными эстетическими и политическими пристрастиями и собрать под обложкой журнала практически весь цвет эмигрантской литературы и отчасти публицистики. На его страницах печатались М.А. Алданов, И.А. Бунин, В.Д. Набоков, М.И. Цветаева и др. Маклаков опубликовал в журнале к моменту начала публикации своих воспоминаний несколько статей.

⁵ Воспоминания Маклакова печатались в «Современных записках» под названием «Из прошлого». Их публикация, начавшаяся в кн. 38 за 1929 г., растянулась до 1936 г. (кн. 60). Правда, маклаковские тексты печатались не во всех книгах журнала за этот период. Впоследствии воспоминания вышли в дополненном виде отдельным изданием под названием «Власть и общественность на закате старой России» (Париж, 1936. Т. 1–3).

⁶ Кающийся кадет // Последние Новости. 1929. 22 марта. С. 1. П.Н. Милюков и далее неизменно откликаясь на публикацию воспоминаний Маклакова (и журнального варианта, и отдельного издания) как на страницах «Последних новостей», так и «Современных записок». См. статьи Милюкова в «Последних новостях»: 1) *Политика в «Современных записках»*, 4 апреля 1929; 2) *Политика в «Современных записках»*, 8 июля 1930; 3) *Публицистика в «Современных записках»*, 16 июля 1931; 4) «Современные записки», кн. 56, 22 ноября 1934; 5) *Русские «либералы» и заем 1906 г.*, 5 марта 1936; 6) *В.А. Маклаков между «общественностью» и властью*, 28 и 30 мая 1937; в «Современных записках» — *Суд над кадетским «либерализмом»* (1930. Кн. 41) и *Либерализм, радикализм и революция* (1935. Кн. 57).

⁷ Отношение членов редакции «Современных записок» к публикации воспоминаний В.А. Маклакова, в особенности их «историософской» части,

было весьма неоднозначным. Появление маклаковских текстов в журнале иногда сопровождалось критическими статьями. «Соблазнил» Маклакова на публикацию воспоминаний в «Современных записках» И.И. Бунаков-Фондаминский, он же сглаживал возникавшие время от времени конфликты. Главным «зоилом» Маклакова в редакции журнала был М.В. Вишняк. Его статья «О русской революции — кануны и свершения», посвященная критике «историософии» Маклакова, сопровождала начало публикации воспоминаний последнего и должна была нейтрализовать их вред (разумеется, с точки зрения части редакции). Маклаков был недалеко от истины, когда опасался, что редакция откажется печатать его воспоминания. На этом настаивал Вишняк, его взгляды разделял В.В. Руднев. Вишняк, в частности, писал Фондаминскому, что писания Маклакова, наряду с некоторыми другими публикациями, ранят его «как подлинный гвоздь». «Ведь надо же признать, что Маклаков был прав, когда предупреждал и меня, и тебя — вы покупаете kota в мешке... И кот оказался паршивый и блудливый...» (Вишняк — Фондаминскому, 7 марта 1929 г. — Leeds Russian Archive, Zemgor Collection). Тем не менее, несмотря на внутриредакционные разногласия, «Современные записки» от публикации воспоминаний Маклакова все-таки не отказались.

⁸ Маклаков В.А. Из прошлого // Возрождение. 1929. 14 марта. С. 2.

⁹ Семенов Ю. Черные алмазы и кролики. По поводу книги В.В. Шульгина «Что нам в них не нравится» // Возрождение. 1929. 21 марта. С. 3–4. Семенов Юлий Федорович (1873–1947) — общественно-политический деятель, журналист. Член партии кадетов. В 1918–1919 гг. председатель Русского национального совета в Тифлисе. Участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции в Париже. С 1924 г. генеральный секретарь Русского национального комитета, в 1926 г. председатель Русского зарубежного съезда. В 1927–1940 гг. редактор газеты «Возрождение». В эмиграции значительно «поправел», с середины 1930-х гг. «Возрождение» занимало откровенно пронацистскую позицию.

¹⁰ Несомненно, причиной недовольства Гукасова послужил следующий пассаж из книги Шульгина: «Париж захватили “Последние Новости” — цитадель политического еврейства и еврействующих русских, под внешним водительством Милюкова... Наконец, появился серьезный конкурент “Последним Новостям” — “Возрождение”. И что же? Да все то же. Через некоторое время “Возрождение” получило тяжкую аварию в виде удручающей распри между издателем и редактором. Одна из тысячи причин нашлась. В результате значительная часть сотрудников ушла, а “Возрождение”, хотя и продолжает выходить, но стало какое-то малокровное: трудно ему противостоять “Последним Новостям”» (Шульгин В.В. Что нам в них не нравится. Париж. 1929. С. 210–211). Среди ушедших сотрудников «Возрождения» был и сам Шульгин.

¹¹ Имеется в виду Н.Н. Львов.

¹² Для понимания истории взаимоотношений «действующих лиц» в этой истории и в особенности отношения к происходящему Маклакова приведем фрагменты его письма к старинному московскому приятелю, некогда город-

скому голове Москвы М.В. Челнокову от 12 января 1928 г. по поводу инцидентов Струве — Гукасов и Струве — Н.Н. Львов:

«<...> Вину Струве я формулировал так: Струве не отделался от того интеллигентского представления, что дело капиталиста дать деньги человеку, заслуживающему доверия, и затем более ни во что не вмешиваться; сейчас здесь смотрят уже не так; раз деньги даются не на коммерческое предприятие, ибо никакой выгоды Гукасов не извлекает из «Возрождения», а даются по сочувствию и известной идее, то это дает право дающему некоторого влияния в ведении газеты. Этого Струве не понимал или не хотел понять...

<...> В газете шел сумбур, приводивший многих в негодование и отчаяние; на Струве шли жалобы, что его трудно заставить, что он [не] бывает в назначенные часы и т.п. Было бы несправедливо не только упрекнуть, но даже заподозрить Струве, что он относился к своим обязанностям неряшливо и, получая деньги, ничего не делал. Я убежден, что Струве прав в своем ответе к Львову, когда говорит, что он делал больше, чем от него могли требовать. Но это очень часто бывает: делают больше, чем нужно, но не делают того, что нужно...

...Струве стал бить уже не по Гукасову, а по тому самому делу, которому он только что служил; вспоминая, что сделал Струве, мне невольно приходит на ум сравнение с Выборгским воззванием, т.е. с бессмысленным актом обозленной Думы. <...>

<...> Конечно, если человек меняет свои взгляды потому, что ему за это заплатили деньги, это продажность; но когда политические деятели были поставлены в необходимость выбирать между Струве и Гукасовым и тем решить, что полезнее для дела — Гукасовский карман или голова Струве, то можно было, не продавая себя, прийти к выводу, что голову Струве заменить можно, а Гукасовских миллионов нет». (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 540. Л. 2, 6).

Н.Н. Львов пытался примирить Струве и Гукасова, защищая поначалу Струве. Он специально приехал для этого из Югославии, где был «первым пером». В итоге поступил в сотрудники «Возрождения» и фактически выступал против Струве.

«<...> Львов напомнил мне доброе старое время, когда он носился по лестнице между Вашей квартирой и моей и приходил ежедневно ругать и меня, и Вас, покуда мы не поняли, что с ним можно не только не разговаривать, но даже его не слушать.

<...> Во всей этой истории и Струве, и Львов остались тем, чем были, и мое уважение и симпатии к обоим не уменьшились ни на йоту; но вся эта история показала, до какой степени люди не владеют своими нервами и своей головой и в какой мере им обоим не по плечу та задача, которую они на себя брали, — спасать Россию объединением всех политических элементов за границей. Но так как я давно изуверился в способностях эмиграции к этому и вообще в будущей роли эмиграции, то к этому разочарованию я отнесся совершенно философски». (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 540. Л. 13, 14).

¹³ Речь идет о чествовании П.Н. Милокова преимущественно левыми кругами эмиграции по случаю его 70-летия. Маклаков не принял участия в юбилейных торжествах и в объяснение этого отправил юбиляру 2 марта 1929 г. письмо следующего содержания:

«Многоуважаемый и дорогой Павел Николаевич,

Позвольте и мне пожелать Вам в день Вашего юбилея всего хорошего и, главное, дожидаться лучших времен для России. К этому пожеланию я ничего не прибавлю. Думаю, что оно Вас удовлетворит, ибо все обнимает. В этот день каждый будет Вам говорить, что он в Вас всего более ценит. Я охотно бы Вам тоже сказал, что я больше всего в Вас ценю и чему в Вас завидую; но говорить подобные вещи с глазу на глаз просто смешно.

Сейчас же пишу только затем, чтобы просить Вас не посетовать на меня, что я ограничиваюсь этим приветствием. Если бы чествование Вашего юбилея происходило в частном кружке Ваших сотрудников, почитателей или друзей, я бы с радостью в нем принял участие и охотно бы вспомнил все наше прошлое с тех пор, как студентом я в первый раз встретил Вас на вечеринке в Грузинах, в Москве. Но силой вещей Ваш юбилей получил другой характер. Личный Ваш праздник превратился в демонстративное торжество определенной половины нашей общественности, которая видит в этом свой праздник. Иначе быть не могло. Вы слишком яркая политическая фигура и по существу слишком боевой человек, чтобы Ваш праздник мог не получить того же характера. Недаром опубликовано более сотни имен членов комитета, которые якобы организуют это торжество. Но **подобное** торжество меня уже не влечет. Я не могу отделаться от ощущения, что пока Россия в трауре, демонстративное публичное политическое празднование вносит соблазн. Мне кажется, что если бы я сейчас был в числе тех, кто остался в России и **оттуда** смотрел на празднование Вашего юбилея в той форме, которая ему придана, то я заподозрил бы в нем равнодушие к общему горю тех, кто в России остался, ибо там не до политических празднеств. Но этого мало. Я сильнее, может быть, чем следует, сознаю вину не только правых и левых, но и всех нас, т.е. и тех, кто шел вместе с Вами, за то, что случилось в России. И потому **нам** делать свой праздник, праздновать **свои** успехи мне представляется пока преждевременным. Я никого не осуждаю; я вижу, что это мое ощущение другими не разделяется. Может быть, я и не прав и нам себя ни в чем упрекать не приходится. Но раз во мне это сознание есть, я не хочу чувствовать себя в фальшивом положении на этом демонстративном празднике нашего лагеря. Ни тем более не хочу стать на нем *trouble fête*’ком [человеком, который портит веселье (франц.). — *О.Б.*] и явиться на брачный пир не в брачной одежде. Поэтому лично Вас от души поздравляю с Вашим юбилеем, чтобы не вышло обратной демонстрации, пошлю Вам телеграмму и на банкет. Но этим письмом прошу Вас меня понять и извинить». В.А. Маклаков — П.Н. Милюкову // Возрождение. 1929. 5 марта. С. 1.

По недосмотру организаторов юбилейных торжеств письмо попало в руки сотрудников «Возрождения» и было опубликовано. О скандальной истории, связанной с публикацией письма Маклакова, см.: Будницкий О.В. Милюков и Маклаков: к истории взаимоотношений // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. М., 2000. С. 378–380.

¹⁴ Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877) — русский поэт, литературный деятель, редактор, издатель; Краевский Андрей Александрович (1810–1889) — издатель, редактор, журналист. Речь идет, по-видимому, о пе-

реходе журнала «Отечественные записки», некогда принесшего Краевскому имя и состояние, в руки Некрасова в 1868 г.

¹⁵ «Россия»: Еженедельная газета: Орган национальной и освободительной борьбы /Ред. П.Б. Струве. Париж, 1927, 28 августа — 1928, 10 марта. № 1–37.

¹⁶ «Россия и славянство» — эмигрантская газета либерально-консервативного направления, «орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности», издавалась в Париже в 1928–1934 гг. «при ближайшем участии» П.Б. Струве. Прямое продолжение газеты «Россия». В редакционный комитет газеты входили К.И. Зайцев, Л.И. Львов, С.С. Ольденбург, Г.П. Струве, Н.А. Цуриков.

№ 88

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

22 Марта 1929

ville «Aline»
Bouliris s/Mer
(Var)

Дорогой Василий Алексеевич.

Ваше письмо, помеченное 22 марта, получил только сегодня. Во первых строках моего ответа выражаю соболезнование по поводу постигшего Вас гриппа и выражаю надежду, что Вы примите должные меры, чтобы эту подлую болезнь, часто дающую рецидивы и осложнения, до корня уничтожить.

Затем перехожу к тому делу, о котором Вы пишете. Во-первых, обещаю Вам сохранить все сие в должной доверительности, поскольку это возможно ввиду миссии, которую Вы на меня, в некотором роде, возлагаете. То есть я говорю о том, что мне по смыслу Вашего «предложения» надлежит обратиться с письмом к Струве. Если такое обращение состоится, то конспирация будет соблюдена постольку, поскольку ее будет держать Петр Бернгардович. Я, разумеется, свяжу его так же, как Вы меня в этом смысле запечатали, но ручаться, что он даст себя связать, как я, не могу.

Затем о самом деле.

Мое отношение. Моя линия впредь указывается моими действиями в прошлом. Я употребил все зависевшие от меня меры, чтобы ликвидировать Струво-Гукасовский конфликт в свое время. Это мне не удалось, потому что причины, вызвавшие этот разрыв, коренились в психологии этих людей. Струве стоял на «платформе» старорусской «общественности». Сия общественность так высоко себя ценила, что

когда «купцы» давали ей деньги, то таковое принятие денег должно было почитаемо быть великой честью для онаго дающего. И, дав, он под страхом великих громов не смел и пикнуть о проведении какого-нибудь своего желания в содержимом на его средства издании. Его дело было дать деньги; а затем — умиляться, поучаться, кланяться и благодарить. Гукасов же вообразил себя «европейским» издателем. Его идеал иметь такого редактора, которому он отдавал бы приказания по телефону: «Поместите то. Снимите такую-то статью. Прогоните такого-то сотрудника, он мне надоел. Примите такого-то, на такой-то оклад — я так хочу». На все это редактор должен отвечать: «Слушаюсь, господин издатель». Впрочем, у Гукасова было еще хуже. Он выгонял сотрудников даже не через редактора, а исключительно неприлично: через какого-то Лорана, француза, своего секретаря по всем вообще Гукасовским делам. Так он выгнал, напр., Лазаревского. Письмо на французском диалекте, сообщавшее Лазаревскому, что с такого-то числа мы (кто это?) больше в ваших услугах не нуждаемся, читал лично. Это было сделано так мило, что французский суд, к которому обратился Лазаревский, стал на его сторону и заставил Гукасова уплатить причитающееся жалованье, какое там полагается по французским законам.

Такие два взгляда (плюс все другие привходящие обстоятельства) не могли не дать резкого конфликта. И если психология этих двух людей, то есть Гукасова и Струве, не изменилась, то примирительные тенденции и даже труды наши (я позволю себе сказать «наши», ибо я все время старался лить масло на бушующие волны) не дадут результата. Но Вы правы. Время большой джентльмен, и то, что люди не понимали вчера, они, может быть, поймут завтра. Надо пробовать, не понимают ли они уже этого сегодня.

Что должен понять Струве?

Что издатель, дающий деньги, имеет право на какую-то роль в содержимом им издании.

Что должен понять Гукасов?

Что даваемые издателем деньги не дают ему права быть самодержцем в издании. Свои права он должен осуществлять в пределах известной конституции, каковую конституцию издатель должен строго и свято соблюдать. Иначе он получит прикащиков, но никогда не получит редактора, импонирующего «общественности».

Какова должна быть конституция?

Вот. Время от времени их (раз в неделю, раз в месяц) издатель и редактор имеют совещание. На этих совещаниях издатель высказывает свои пожелания. Таковые или принимаются редактором, или нет. В последнем случае редактор уходит (разумеется, с соблюдением из-

вестных сроков и уплатой известных сумм выбрасываемым *на улицу* людям). Если же пожелания принимаются, все идет гладко.

Весь состав редакции и всех сотрудников набирает и увольняет редактор. Никто не может быть ни уволен, ни принят распоряжением издателя, через голову редактора¹. Никакие замечания или приказания не могут быть отдаваемы издателем непосредственно персоналу газеты или журнала. Если он чего-нибудь желает, то он обращается к редактору, и тот или принимает, или отвергает. Отвергнув, уходит, если издатель настаивает. Гонорары в пределах установленной сметы, а равно жалования, устанавливаются редактором. Известные суммы предоставляются в безотчетное расходование редактора, который может ведь иметь и секретных сотрудников, и другие не подлежащие отчету расходы.

Вот это, на мой взгляд, есть правильная конституция. Она делает полным хозяином редактора в газете, властным и ответственным; и вместе с тем ставит его, редактора, в необходимость постоянно считаться с требованиями издателя. Ибо при конфликте уходит редактор.

Дошел ли Гукасов до сознания, что только так может вестись дело? Или он все еще упорствует в управлении газетой не через редактора, а через «Лорана»? В последнем случае я никому не могу советовать идти к нему не только в редакторы, но и сотрудники.

В самом деле, возьмем самый простой случай. Гукасов начинает новый журнал, о котором Вы пишете. Самое его нежелание иметь главного редактора, а только редакторов отделов, показывает, что обязанности главного редактора он будет исполнять сам. Если так, то надо иметь последовательность и прямоту написать на маншетке²: «главный редактор А.И. Гукасов». Но он этого не сделает, потому что побоится насмешек со стороны «Посл[едних] Нов[остей]». А так как какой-то ответственный редактор нужен хотя бы для того, чтобы выполнить требования закона, то он непременно его и назначит *из катедры* «чего изволите»³. И будет дело идти так. Приглашать людей будет Гукасов и словесно, конечно. И при этом он будет очаровательно любезен, как он это умеет. А затем вышибать, и письменно, разумеется, будет какой-нибудь «Лоран», который в нужную минуту будет высказывать из несуществующего «Общества Ренессанс», которому юридически принадлежит дело. В такой журнал я лично не пойду. Я могу сотрудничать или в таком журнале, где издатель без всяких прятков объявит себя и редактором (в том случае если сей издатель-редактор мне подойдет, разумеется), или же в таком журнале, где редактор будет поставлен в независимое и почетное положение согласно примерно намеченной выше «конституции». В последнем

случае меня приглашает и увольняет редактор, а издатель для меня, как и для других сотрудников, в порядке «служебном», не существует. Это не мешает, конечно, поддерживать с издателем самые лучшие отношения в порядке взаимно-осведомительном.

Я Гукасову говорил:

— Каждый яхтсмен знает, что если он берет себе шкипера, то есть капитана, командира судна, то с этой минуты вся команда переходит под власть сего последнего. И считается величайшей бестактностью, если патрон что-нибудь непосредственно приказывает команде. Все свои желания он высказывает командиру яхты.

В таком точно, по-моему, положении должны быть взаимоотношения издателя и редактора (с соблюдением известных правил), но этим и ограничиваются все его права; и это, конечно, совершенно достаточная власть. У капитана яхты есть в известных случаях право и обязанность не слушаться патрона: так, если патрон прикажет в свежий ветер поставить слишком много парусины, то капитан этого не исполнит и будет прав, ибо на него возложена ответственность за жизнь всех находящихся на борту людей. Такое же право имеет редактор начисто отказать в требовании издателя, если оно, по его мнению, опасно для политического корабля, им ведомого. Патрон может по прибытии в порт уволить своего шкипера, но не раньше. Точно так же и издатель может устранить своего редактора, но не раньше известного срока, который должен быть в договоре. До истечения сего срока редактор есть полный хозяин и имеет право и обязанность «Лоранов» спускать с лестницы.

Гукасов с моей морской теорией (в правильности которой я совершенно убежден и сейчас, а ведь я, не в пример Гукасову, и старый редактор, и старый издатель) не согласился. Тогда я ему сказал:

— В таком случае Вам остается только одно: стать самому без всяких ширм редактором.

И характерно, что он мне ответил:

— Я не умею писать статей!

Если я на этом длительно остановился, то только для того, чтобы набросать Вам природу сего конфликта, как я его понимаю.

С другой стороны, Струве был невозможен. Вместо того, чтобы сразиться с Гукасовым на четыре глаза и выходить из его кабинета или победителем, или почетно побежденным и немедленно уходить после сего поражения, сохраняя все конвенансы⁴ и приличия, он привлек к этой распре всю свою камарилью под видом «общественности». Сей совдеп и погубил дело. Там не столько обсуждались реальные меры к установлению добрых отношений, сколько отводили душу в ругне Гукасова, что, разумеется, немедленно становилось ему

известным и приводило в ярость. Очень рассердившись, я однажды сказал Петру Бернгардовичу:

— Если Гукасов в такой степени «аморален», то какое право вы имели, например, меня приглашать и заставлять меня брать «аморальные» деньги за статьи! А если вы мне его деньги даете и сами берете, то вы должны, т.е. обязаны, считать его «моральным». И обязаны считать личным своим оскорблением, если в вашем присутствии поносят человека, с которым вы ведете большое политическое дело.

Но, к сожалению, весь струвовский семинар этого не понимал и как-то хотел и «держать Гукасова за недостойную личность», и деньги от него получать.

Вот как было дело.

Но это прошлое, что же можно сделать «для будущего»? Прежде всего надо показательно и нравоучительно ликвидировать их личный конфликт. Ведь эта история разыгралась на глазах всей эмиграции. Эти люди не могут подойти друг к другу «так просто», как будто ничего не было. Они должны совершить какой-то очень обдуманый акт примирения. И этот акт должен предшествовать каким бы то ни было «деловым» разговорам. Иначе они оба очень падут в глазах своих же сторонников. А ведь эти сторонники, по крайней мере со стороны Струве, проявили, если хотите, большую стойкость и даже самопожертвование. Все то, что Струве поддержало, было больно наказано и рублем, и невозможностью высказать свои мысли. Апеллировав к помощи своих друзей, заставив их ради него порвать с Гукасовым, Струве не может вернуться к Гукасову, не совершив чего-то настолько импозантного, что оно давало бы моральное удовлетворение его «когортам». Не удовлетворить же их — это значило бы к старым расколам прибавить новый: распрю среди Струвистов, из коих многие начнут его же поносить как изменника и отступника. Поэтому первое, что надо, и самое трудное — подготовить и публично разыграть примирение так, чтобы оно было столь же раскатистое, каковой была ссора.

Возможно ли это? Ох, трудно. Но, может быть, Вас именно и привлекает трудность сей задачи?

Во всяком случае, необходимо обоюдное признание своих ошибок и в силу такого признания готовность соединиться на новых основаниях. Эти новые основания вытекут из осуждения старых. И поэтому весь центр вопроса сводится к тому, как будут формулированы эти *mea culpa*⁵ — по принадлежности.

Представим себе такой ход вещей. Гукасов (раз с его стороны идет инициатива) пишет Вам письмо. Письмо пока что совершенно секретное, но такое содержание, чтобы в случае успеха всего предприя-

тия оно могло бы быть опубликовано. В этом письме он заявляет, что чувствует себя неправым в отношении Струве в том-то и том-то. Этим одновременно обрисовывается, как бы он поступил, если бы дело можно было начать сначала. Это письмо доводится до сведения Струве и от него получается на Ваше имя такого же рода покаянная цидуля с обозначением, что и он видит свои ошибки в отношении Гукасова в том-то и том-то. Если бы таких два письма удалось бы исторгнуть, то половина дела была бы сделана. Ибо в случае состоявшегося примирения эти письма (хорошо Вашими умелыми руками отшлифованные) были бы напечатаны и объяснены бы людям, что в результате длительного и мучительного процесса стороны почувствовали, что они обе были не правы и по этой причине захотели загладить прошлое.

Итак, я, кажется, ответил на Ваши вопросы. Впрочем, резюмирую для точности.

1. Я готов помогать Вам в примиренческой миссии.
2. Весь вопрос состоит в отношениях Гукасова и Струве. Я лично в данном случае «залог страдательный». Без Струве к Гукасову не пойду не потому, что считаю Струве до конца правым, а потому, что мое возвращение при отказе Струве не может быть понято достаточно и означало бы новое дробление: мой разрыв со Струве.
3. Семеновская статья, хотя и достаточно неприличная, не имеет никакого значения. Весь ее яд состоит в том, что я будто бы что-то скрыл в интересах продажи «Трех Столиц». Сие попросту глупо, ибо вся эмиграция, и даже больше того, и иностранная печать свидетели, с каким бумом я подтвердил заявление Бурцева о «Тресте»⁶. Ясны также причины, почему я должен был молчать до Бурцева⁷. Поэтому выступление Семенова оставило меня совершенно хладнокровным, как покушение с негодными средствами. Кстати, «Возрождение» я не ругал в моей книге, а с грустью установил, что ему трудно бороться с «Последними Новостями». А Гукасов другого мнения? Он доволен «Возрождением»? Так для чего ему все те, что ушли?
4. Что касается моих шагов в направлении Струве, то я подожду дальнейших от Вас указаний. Пока мне нечего ему сказать кроме того, что Гукасов говорил Вам. Но «голое» желание возвращения, не мотивированное сознанием сделанных ошибок, по-моему, только раздражило бы Струве. Ведь как ни как он ушел потому, что ему было нестерпимо: если его зовут опять на то же... зачем же? Выражаясь мягко.

Итак, жду Вашего письма. Ваш ВВ.

Из вышеизложенного Вы можете видеть, дорогой Василий Алексеевич, что, несмотря на «нелогичность» Гукасова, я храню конспирацию в указанных Вами и в возможных после его «нелогичности» пределах.

Ваш ВВ.

---

¹ Подчеркнуто Маклаковым.

² Маншетка — заголовок.

³ Вписано над строкой от руки.

⁴ Ковенансы (франц.) — приличия.

⁵ mea culpa (лат.) — моя вина.

⁶ Заявление Бурцева о «Тресте». — Имеется в виду его статья «В сетях Г.П.У.», опубликованная 8 октября 1927 г. в «Иллюстрированной России». Шульгин признал справедливость сведений Бурцева в основном вопросе — что «Трест» является полностью или частично созданием ОГПУ, — в письме в редакцию газеты «Возрождение» 11 октября 1927 г. и наиболее подробно в статье «Послесловие к “Трем столицам”», опубликованной в газете «Россия» 15 октября 1927 г. См. прим. 7 к письму № 76.

⁷ На планировавшуюся публикацию статей В.В. Шульгина о «Тресте» в «Возрождении» в июне 1927 г. наложил вето генерал А.П. Кутепов. Шульгин не мог проигнорировать мнение Кутепова, ибо именно генерал ознакомил его с записками как будто раскаявшегося провокатора Э. (А.) О. Оппернута.

№ 89

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

6 Апреля 1929,

villa «Arine»,
Boulouris s/Mer (Var)

Дорогой Василий Алексеевич.

Примирительная миссия, которой Вы занялись, и без того очень трудна. Но ее могут осложнить нелогичные и, во всяком случае, «неточные» поступки. Гукасов просил Вас сохранить в полной тайне его, так сказать, обращение через Вас ко мне. И это самое Вы заповедали мне, что я свято и соблюдаю. Ну, а на следующий день после разговора с Вами он пошел в редакцию и нагрузил одного сотрудника, моего приятеля, аналогичным поручением¹. Тот не очень спешил, почему я об этом узнал только сегодня из письма, помеченного 4-м апреля. Так как Вам для успеха дела надлежит знать все, то я сим сообщаю Вам две выдержки из двух писем, то есть то, что я получил, и то, что я ответил.

Полученное мною 6 Апр[еля] письмо².

1. «Мой отчет о Вашей книге был “забракован”. Появилась невразумительная статья самого Ю.Ф.³ Дня через три ко мне является Гукасов, и происходит такой дипломатический разговор:

Гукасов:

“Вчера меня спрашивал Маклаков: можно ли в “Возрождении” писать Струве? Я, конечно, ответил — пожалуйста.

Ну, а Шульгин?

Я всегда был бы рад, если бы он сам ответил на стр[аницах] “Возрождения” критикам своей книги...

Вы пишете В.В.? Да, так, пожалуйста, сообщите это, зачем нам ссориться, мы должны были ругаться, он ругает “Возрождение”... Зачем?”

Я ничего не понимаю. .... уверяет, что Гукасова кто-то сильно выругал, может быть, даже сам Маклаков, за отношение к Вам.

Все сие и сообщается на предмет осведомления».

Мой ответ на письмо от 6 Апреля⁴.

2. «Теперь — к Гукасову. Я исхожу из предположения, что Вы точно изложили свой разговор с ним и что он в свою очередь добросовестно передал Вам свой разговор с Маклаковым. Но все же у меня такое ощущение, что в двойной передаче отлетела истинная сущность сей беседы. Ведь выходит так, что Струве и Шульгин через Маклакова делали какие-то шаги, чтобы вернуться в “Возрождение”. Относительно Струве это просто невероятно. Струве слишком еще оскорблен (правильно или нет, это другой вопрос), чтобы предпринять такую акцию. Относительно же Шульгина с некоторой уверенностью заявляю Вам, что ничего подобного не было, то есть, что Шульгин не обращался к Маклакову с какой бы то ни было просьбой о “Возрождении”. Таким образом, рассматриваемая беседа Маклакова и Гукасова о Струве и Шульгине произошла без всякого подталкивания сих последних и возникла, вероятно, по какому-нибудь постороннему поводу.

Но как бы там ни было, она произошла, как и произошла Ваша беседа с Гукасовым. Сие есть факты. Факт есть также то обстоятельство, что Вы передаете мне от лица Гукасова, что он был бы рад, если бы я ответил на страницах “Возрождения” моим критикам.

Если найдете для себя удобным, передайте, пожалуйста, Гукасову, что я тоже был бы очень рад не столько ответить на статью Юлия Федоровича (собственно, не знаю, что на нее

можно ответить), сколько возможности писать в “Возрождении” в тех случаях, когда это нужно. Но для того, чтобы это было возможно, надо, чтобы были устранены причины, побудившие меня уйти из “Возрождения”. Причины эти ничуть не личные. Мне лично Гукасов ничего не сделал плохого. Впрочем, и я ему тоже. Если он считает, что я ругаю “Возрождение”, то это, вероятно, потому, что он не прочел моей книги. Когда он ее прочтет, то убедится, что и следа там нет ругани, а с сокрушением сердечным отмечена авария, которая постигла “Возрождение”. Если же он сам признает, что статья против меня Семёнова есть ругань, то ему и книги в руки; но сия статья оставила меня совершенно равнодушным: она как-то просто до моей “оскорбляемости” не дошла. Скажем так: я уже забыл о ней.

Совершенно не в ней дело. Дело в том, что мы не бабы, которые ругаются через плетень. Поругались, помирились. Мы с Гукасовым не ругались, а разошлись. Разошлись не по личным и не по политическим причинам. Разошлись потому, что у нас разные взгляды на дело, на то дело, в котором пришлось совместно работать. Как Вам известно, я старый редактор и издатель. У меня есть установившиеся взгляды на права того и другого. Взгляды Гукасова, как они выразились в его поведении относительно Струве, мне не подошли. Вот почему я ушел вместе со Струве и другими сотрудниками.

Чтобы я мог вернуться в “Возрождение”, надо одно из двух: или чтобы я признал, что мои взгляды неправильны, или же чтобы Гукасов признал, что он ошибался и, исходя из неправильных представлений о своей власти, поступил неправильно относительно целого ряда людей.

Вот где загвоздка. Вернуться в “Возрождение” нельзя как-то через заднюю калитку. Возвращаться надо через те же двери, через которые мы ушли. Другими словами: требуется пересмотр вопроса по существу. Если «течение времени» оказалось благоприятным и взгляды сблизилась, если обоюдные ошибки возчувствованы, то это обозначает, что наступило время примирения Гукасова — Струве. От души желаю, чтобы такое произошло. Из сего примирения может произойти много благотворных последствий, в частности же, с “Возрождения” будет снято “табу”, которое лежит на нем для целого ряда лиц, подержавших в свое время Струве. Но вне такого “настоящего” и совершенно открытого перед лицом всей эмиграции примирения я не вижу возможности так или иначе участвовать в “Возрождении”. Еще совершенно свежа в памяти попытка Львова⁵:

много ли она принесла пользы? Мое единоличное возвращение в “Возрождение” вне выше обрисованной всеобщей ликвидации конфликта Струве — Гукасов будет повторением пройденного Львовым горького пути с теми же нолевыми результатами. Все сие строго между нами, разумеется».

Конец моего ответа.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Подчеркнуто Маклаковым.

² Приписано Шульгиным на полях от руки.

³ Ю.Ф. Семенов. См. прим. 9 к письму № 87.

⁴ Приписано Шульгиным на полях от руки.

⁵ Имеется в виду попытка Н.Н. Львова примирить Струве и Гукасова.

№ 90

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 9-го Апреля 1929 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Вы совершенно правы; вчера у меня был новый разговор с Гукасовым до получения Вашего письма; в результате этих переговоров я хотел вновь Вам писать, прося Вас действовать дальше. Но по получении Вашего письма я написал Гукасову, что ввиду его нескромности я переговоры приостанавливаю; посмотрим, что он мне ответит; в зависимости от этого будет и дальнейшее.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

В.А. Маклаков — А.И. Гукасову

Париж, 9-го Апреля 1929 г.

Многоуважаемый Абрам Иосифович,

Когда я вернулся вчера домой, я нашел новое письмо Шульгина. Жалею, что не получил его раньше нашего свидания; оно делает мое положение чересчур щекотливым.

Я пунктуально исполнил свое обещание взять почин переговоров на себя и оградить Вас от возможных сплетен. Вчера Вы меня проси-

ли о том же, и я на это согласился, но ведь само собой разумелось, что и Вы со своей стороны будете соблюдать то же условие. Между тем Шульгин мне пишет, что он получил от одного из Ваших сотрудников и его приятеля письмо, в котором тот излагает с Ваших слов мой разговор с Вами; он как будто бы пишет Шульгину по Вашему поручению.

Таким образом, в мои переговоры со Струве и Шульгиным посвящены уже новые лица; эти лица никакой тайной не связаны. Таким образом, слухи о переговорах, которые веду я с Вами о Струве, могут дойти до самого Струве, причем в такой форме, которая не только не соответствует тому, что я Вам говорил, но и тому, что Вы говорили своему сотруднику. Вы знаете, как расстояние и посредники переиначивают. Я понимаю Ваше желание не подвергнуться новому возможному хулению и осмеянию; но я не хочу подвергнуть этому ни Струве, ни себя самого. Я не хочу, чтобы до Струве дошли слухи, что я разговариваю о нем с Вами, не осведомившись, желает ли он этих переговоров, и вызвать с его стороны этим резкий протест. Я даже не писал Струве, пока не был уверен, как он к этому разговору отнесется, но, конечно, не предполагал, что о моем разговоре с Вами Вы будете рассказывать лицам, которых я даже не знаю. Дело настолько щекотливое, что нужна абсолютная тайна, и со всех сторон. Если же тайна должна быть только с моей стороны, то кроме конфуза и сплетен из этого ничего не выйдет. Вот почему в настоящее время мне придется остановиться с дальнейшими переговорами.

Машинопись. Копия.

№ 91

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 19 Апреля 1929 г.

Дорогой Василий Витальевич.

Посылаю Вам копию ответа Гукасова. С тех пор я ничего не делал, ему не писал, а общим друзьям говорил, что я на это дело плюнул. Но вчера ко мне приходил Львов, а раньше и другие, утверждая, что журнал все равно будет выходить и что мой отказ будет иметь одно последствие, что его политическая часть попадет в скверные руки. Поэтому я считаю себя обязанным завершить это дело, предоставляя на Ваше благоусмотрение нижеследующее.

Согласен с Вами, что весь гвоздь в Струве и что происшедший инцидент его с Гукасовым нельзя пройти молчанием, но если кончить дело так: Гукасов пишет Струве письмо, приглашая его в свой журнал, и в этом письме касается инцидента «Возрождения», подчеркивая, что жалеет, что условия газетной работы заставили их разойтись и т.п., что журнал есть совсем другое дело, а не газета, и во имя разных высоких идей он просит его принять предложение. Струве же на это выражает согласие, выговаривая, что все прежние сотрудники «Возрождения» могли бы, если пожелают, писать в «Возрождении». Выражаю Вам совершенно сырую мысль, причем нужные формулы еще придется искать. Но Гукасов не станет писать такого письма, покуда не будет обеспечен, что Струве ему ответит благоприятно. Наша роль посредников и должна была бы свестись к этому. Если Вы согласны в принципе и готовы будете написать Струве, то ответьте мне, указавши более конкретно те мысли, которые нужно было бы развить в Гукасовском письме. Покуда мы с Вами не сталкивались, будем всем говорить, что ничего нет. Если столкнемся, попробуем, а не столкнемся — похороним все дело.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А.О. Гукасов — В.А. Маклакову

10. IV. 29.

Многоуважаемый Василий Алексеевич,

Получил Вашу записочку. *Mea culpa*. Совершенно позабыл о конфиденциальности наших с Вами разговоров и, действительно, как утверждает Левицкий¹, приятель Шульгина, я сам поручил ему написать Шульгину. Сам я ничего не помню. Неприятные шутки переутомленного мозга. В будущем этого не будет. Пока что большой беды не произошло и, надеюсь, Вы простите мне причиненную Вам неприятность.

Искренно преданный А. Гукасов.

Автограф. Подлинник.

---

¹ По-видимому, Валерий Михайлович Левитский (?–1946), киевлянин, в 1919–1920 гг. один из редакторов основанной В.В. Шульгиным газеты «Великая Россия» (первоначально — «Россия»).

Париж, 23-го Апреля 1929 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Прилагаю Вам при этом меморандум, который подан нами Комиссару. Но кроме того, сообщаю Вам, что наступает момент, когда и Вы можете помочь этому делу, если захотите.

Вы видите из мемуара, что мы, т.е. официальные лица, продолжаем стоять исключительно на формальной точке зрения; прибавлю, что если мы дело выиграем, то тоже только на этой формальной точке зрения. Но форме люди сочувствуют обыкновенно только в том случае, если у них есть внутреннее согласие с существом; потому очень полезно дать им понять, что мы правы и по существу.

Это тем полезнее, что наши противники добиваются именно этого и классическим способом; к Верховному Комиссару в Женеве летят с разных концов Европы просьбы от украинских кружков, чтобы Верховный Комиссар избавил их от нестерпимого русского гнета, тогда как существует всеми принятая и признанная Украина. Было бы очень полезно, чтобы в распоряжении Верховного Комиссара были бы и другие украинские голоса, чтобы он видел, по крайней мере, что вопрос для украинцев хотя бы спорный, не единодушно разделяемый; если бы у нас было время и средства, а у нас нет ни того, ни другого, нужно было бы бороться тем же путем; создать повсюду украинские кружки, т.е. кружки людей бесспорно украинского происхождения, киевлян, харьковцев, полтавцев и т.д., и побудить их послать Верховному Комиссару контр-заявления о том, что они, эти украинцы, продолжают считать себя русскими и что украинские сепаратисты не выражают мнения Украины. Но на это у нас нет ни времени, ни средств. Но мы тут хотели бы использовать хотя бы лично Вас, Ваше прошлое, как киевлянина, киевского депутата, киевского избранника даже после революции, вообще и другие Ваши титулы дают Вам право говорить не только от своего личного имени, а от имени целого направления, так вот не согласились бы Вы написать от себя такой мемуар на французском языке на имя Верховного Комиссара, в котором изложили бы нечто следующее: что до Вашего сведения дошло о таких-то и таких-то заявлениях якобы украинского народа, что Вы как искушенный в украинской политике человек хорошо знакомы с этими

тенденциями, с этими доводами, что Вы с ними всю жизнь вели борьбу, и не без успеха, свидетельство чему — выборы по Киеву. И потому-де Вы удостоверяете, что все то, что выдается за мнение украинцев, есть мнение только определенного направления, вовсе не представляющего большинства; что за невозможностью сейчас произвести какой бы то ни было опрос населения и выявить украинскую волю Вы, тем не менее, считаете своим правом, своим долгом протестовать против этого мнения. Говорю Вам общим языком. Вы напишете, как захотите и с какими угодно аргументами и ссылками. Если бы такое письмо было написано, то оно бы явилось хорошим аргументом в пользу того, что украинский вопрос по крайней мере спорен и что его нельзя решать с [пропущено слово]. Если бы кроме Вас нечто подобное могли подать и другие лица, то это было бы недурно. Но, конечно, нельзя соединять на одной бумаге подписи столь разного удельного веса, как Ваша и Лазаревского. Ведь нужно брать либо количеством подписей, либо их качеством. Так как количества мы не наберем, то остается держаться за качество и его не ослаблять. Если бы Вы согласились такую вещь сделать, и не откладывая, то Вам бы нужно подобную бумагу на имя Верховного Комиссара по делам беженцев прислать Гулькевичу¹ в Женеву, а нам выслать копию; Гулькевич будет достаточно инструктирован и из бумаги сделает то употребление, которое нужно.

Я очень извиняюсь и жалею, что нагромождаю на Вас эту повинность так поздно; но мы очень надеялись обойтись без этого; к счастью, украинцы раскрыли свои карты раньше, чем следовало; заявления от них стали поступать, и в большом количестве, и в последнее время; как мы только про это узнали, так я Вам сейчас и пишу, сейчас на большее времени не остается. А на ту серьезную постановку украинского спора, о которой Вы говорили, у нас не хватает средств, так как к тому [же] до последнего времени мы думали, что в ней нет и надобности.

---

¹ Гулькевич Константин Николаевич (?–1935) — российский дипломат, работал в посольствах в Турции, Италии, советник Второго (политического) отдела Министерства иностранных дел, чрезвычайный посол в Норвегии в апреле 1916–1917 гг., посланник в Швеции (1917–1920 гг.). Заместитель председателя Административного совета Нансеновского офиса в Женеве, эксперт Лиги Наций по делам беженцев.

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

24 Апреля 1929,

villa «La Maisonette»,
Boulouris s/Mer (Var)

Дорогой Василий Алексеевич.

Немного запаздываю ответом на Ваше последнее письмо от 19-го апреля по причинам личного неустройства. Простите.

В рассуждении, как лучше всего подойти к интересующему нас делу, я дошел до мысли, что правильнее всего теперь же составить проект моего письма к Струве, каковой проект при сем и приложен. Прочтя его, Вы убедитесь, что в нем изложено и то, что, на мой взгляд, должно было бы быть в предполагаемом письме Гукасова к Струве. Но так как существенен не мой взгляд, а то, что считал бы достаточным Струве, то я этим путем (моим письмом) и хочу получить от него, то есть от Струве, недостающие данные. Если Вы признаете, что мое письмо к Струве удовлетворительно, то я его пошлю. Внесите исправления и дополнения, если найдете необходимым. Во всяком случае, верните мне текст, ибо я его написал без копии.

Теперь у меня есть личная просьба к Вам. Можете ли Вы исхлопотать визы в Сербию у Спалайковича для моей жены (Марии Димитриевны) и меня. Нам необходимо поехать, но, вероятно, поедem вразбивку. Она поедет немедленно по получении визы, я же позже, когда кончатся занятия у моего сына, который сейчас в Белградском университете. Жена же едет к отцу.

Ваш ВВ.

Машинопись. Подлинник.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Проект письма.

В.В. Шульгин — П.Б. Струве

24 Апреля 1929

Дорогой Петр Бернгардович,

Пишу Вам по очень трудному делу без особой надежды получить от Вас благоприятный ответ. Все происшедшее между Вами и Гукасовым настолько было болезненно, что и до сих пор, может быть, всякое напоминание Вам о нем мучительно и вызовет только бурную реак-

цию в отношении «мучителей», одним из коих я сейчас выступаю. Если это так, то я получу от Вас достодожную порцию гнева, ибо доля миротворцев потому и блаженна на небесах, что на земле им приходится круто. Но если рана чуточку затянулась, то, может быть, Вы выслушаете меня спокойно. В этой надежде я продолжаю письмо и приступаю к сути дела без всяких дальнейших предисловий.

Душа Гукасова для меня закрыта: я его слишком мало знаю. Но в делах своих он натолкнулся на истину: деньги — половина дела; другая половина не покупается. А ему нужно другую половину. Нужно, потому что иначе новое дело, которое он задумал, не пойдет. Другими словами, он понял, что «толстый» журнал, который он зачинает (очевидно, в конкуренцию «Современным Запискам»), будет весьма «худым», если в нем не примут участие именно те, с коими он порвал. Он будет малозначащим (в политическом отношении) не только потому, что все те, кто был в «Возрождении», не захотят в Гукасовском журнале участвовать, но откажутся, и уже отказываются, и другие, не участвовавшие в «Возрождении». Они правильно отвечают Гукасову: «Мы можем с вами работать только в том случае, если вы засыпете ров, который вы вырыли между собой и той частью журналистов и писателей, которые стали на сторону Струве в вашем с ним конфликте». Это возражение, по-видимому, упало на совершенно подготовленную психологически почву, ибо Гукасов реагировал немедленно и совершенно категорически в том смысле, что разрыв со Струве его крайне тяготит, и он очень хотел бы, чтобы все бывшее было небывшим.

Итак, вот первое, что я имею честь Вам доложить, как Факт: Гукасов жалеет о происшедшем и хотел бы восстановить мир. Для точности прибавляю, что я лично с Гукасовым не виделся и не переписывался, но знаю о вышеизложенном со слов Маклакова.

Теперь я ставлю вопрос: подействовало ли истекшее время (а время, как принято говорить — «большой джентльмен») и на Вас в примирительном смысле или «рана глубока и с каждым днем растет»?

В последнем случае я умолкаю и готовлюсь принять на себя Ваши перуны. Если же, паче чаяния, Вы смотрите назад несколько иными глазами, я продолжаю.

Вы могли бы получить от Гукасова письмо с приглашением участвовать в новом журнале. Само по себе такое письмо, так сказать «в голлом виде», на мой взгляд, заслуживало бы только отрицательного ответа. Но если бы в этом письме заключались бы фрагменты если не раскаяния, то сожаления относительно происшедшего в «Возрождении», словом, нечто такое, что дало бы нравственное удовлетворение Вам и всем тем, кто Вас поддержали, то это письмо, на мой взгляд,

было бы большим и хорошим делом. И вовсе не только потому, что новый журнал получил бы правильное политическое направление, но еще и потому, что была бы вынута заноза, которая вот уже два года нас всех мучает. Я не могу сказать, чтобы очень сладко, разумно и экономно было положение, при котором совершенные единомышленники так разбились, что, например, из основного состава Екатеринодарско-Ростовско-Севастопольской «России» или «Великой России» Вы и я оказались на одном берегу, а Львов, Чебышев и Левицкий — во враждебном стане¹. Поэтому если сие положение можно ликвидировать, то сделать это надо.

Но сделать это можно только одним способом. Все мы, побочные участники этой трагедии, совершенно бессильны. Конфликт разыгрался между Гукасовым и Струве, и пока эти два лица не находят способ восстановить свои отношения, все мы только запутали бы и вконец испортили бы дело «сепаратными» мирами. Нет, мир должен быть честный, отнюдь не на манер Брестского. Сей мир, честный, должен носить имя «Струве-Гукасовского» мира, но он не будет Шульгино-Гукасовским, в чем прошу не сомневаться.

Каковы же могут быть условия Струве-Гукасовского мира?

Это, конечно, только Вам решать, если, разумеется, у Вас появилась какая-нибудь потребность мириться. Но если позволите, я воспользуюсь случаем и выскажу Вам и свой взгляд на вещи, то есть что я лично считал бы необходимым и достаточным.

В письме Гукасова, на мой взгляд, должно быть:

1. Осуждение того, что произошло в «Возрождении», в той или иной форме. Чем Гукасов это сделает отчетливее, тем лучше. При полной его искренности и смелости, при открытом признании совершенных ошибок с его стороны Вы, в свою очередь, в ответном письме могли бы признать, что все мы люди, все человеки, и что единый Бог без греха, и Вы отнюдь не считаете себя непогрешимым. Но я боюсь, что смелости не хватит. Редки люди, которые понимают, что смелый шаг всегда самый безопасный, ибо он импонирует, и что робость могут себе позволять только исключительно мужественные (парадоксально, но верно). Предвидеть, как далеко пойдет Гукасов в части, касающейся «Возрождения», трудно. Можно только желать и, так сказать, подталкивать, чтобы он дошел до крайнего предела, ему доступного; но будет ли Гукасовский предел вместе с тем той чертой, которая граничит с областью Вашего (правильнее сказать — нашего) удовлетворения? Как это узнать?
2. В письме (так как оно будет содержать приглашение Вас, а через Вас и всех нас участвовать в новом журнале) должны быть

четко указаны основы его, журнала, «ведения». Ибо мы вышли из «Возрождения» помимо каких бы то ни было личных трений между Вами и Гукасовым еще потому, что самая постановка дела, то есть права издателя, редактора и сотрудников, была скомкана в какую-то мамалыгу, в каковой расцвел произвол сильнейшего, то есть издателя. Если новый журнал будет строиться на тех же мамалыжных основаниях, то нечего нас туда и звать.

В зависимости от того, как будет редактирован этот последний пункт, по-моему, должен был бы [быть] Ваш ответ на приглашение участвовать в новом журнале. Подводя итоги всему вышеизложенному, я представляю себе, что может быть четыре положения:

1. В ответ на сие мое письмо Вы пишете мне, что не желаете ни при каких условиях иметь дело с Гукасовым.
2. Вы соглашаетесь, что надо попробовать мириться, Гукасов пишет Вам письмо, но настолько неудовлетворительное, что Вы отказываетесь ему отвечать и, следовательно, мириться. Я, между прочим, думаю, что этого случая надо не допустить, то есть вести дело так, чтобы Гукасов послал Вам только такое письмо, о котором будет известно вперед, что оно Вас удовлетворит, хотя бы частично, то есть что Вы ему во всяком случае вежливо ответите.
3. Письмо Гукасова удовлетворяет Вас в пункте первом, но не втором. В этом случае Вы отвечаете ему в том смысле, что готовы поставить крест на прошлом, заключаете мир, но не союз, то есть отказываетесь войти в новый журнал.
4. Письмо Гукасова удовлетворительно по обоим пунктам. В этом случае, кроме заключения мира, Вы даете согласие приступить к обсуждению условий, на которых мог бы быть заключен новый союз, то есть вступление в журнал.

Вот, дорогой Петр Бернгардович, мои по сему поводу скромные размышления. Мне нечего просить Вас о соблюдении строжайшей тайны пока что, ибо это само собой ясно: Вы не захотите разглашением сей попытки поставить миротворцев в дурацкое положение при неудаче, ибо при всех своих грехах они такой доли за доброе желание разрядить атмосферу не заслуживают. В дальнейшем же, если попытка удастся, необходимо будет, наоборот, предать все дело широкой гласности напечатанием в газетах Гукасовского письма и Вашего ответа. Ибо мириться Вы можете только гласно, а не келейно. Это надо иметь в виду с самого начала, а потому письма, о которых идет речь, должны быть изготовлены именно под этим углом зрения.

Машинопись. Копия.

---

¹ Газета «Россия» выходила в Екатеринодаре с 15 августа 1918 г. под редакцией В.В. Шульгина, А.А. Васильева и А.А. фон Лампе. Последний, 88-й, номер газеты вышел 2 декабря. Ее преемницей стала газета «Великая Россия» (издатель — товарищество «Россия», в качестве основателя которого указывался В.В. Шульгин; редакторы — Васильев и фон Лампе). С августа газета издавалась в Ростове-на-Дону под редакцией Н.Н. Львова и В.М. Левитского. Была возобновлена в Крыму под редакцией В.М. Левитского «при участии» Н.Н. Чебышева, Н.Н. Львова и Шульгина. П.Б. Струве сорудничал в газете. Говоря о «враждебном стане», Шульгин имеет в виду гукасовское «Возрождение».

№ 94

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

25 Апреля 1929,

villa «La Maisonettes»,
Boulouris s/Mer (Var)

Дорогой Василий Алексеевич.

Только что получил Меморандумы и Ваше письмо от 23 апр[еля]. Дня три тому назад я получил от Федорова письмо о том же с предложением написать письмо-протест-меморандум на имя Джонсона¹. При этом Федоров рекомендовал вытребовать из Женевы копию заявления Александра Шульгина, чтобы идти по этой канве. Вместе с тем он написал, что все должно быть сделано до первого мая — два требования мало совместимых. Но я все же написал, чтобы из Женевы мне прислали, что можно. После получения Вашего письма сегодняшнего я, не ожидая бумаг из Женевы, засяду за работу, приняв за основания данные, которые Вы мне сообщили.

Свое письмо Джонсону я пошлю за своей же подписью. Но можно сделать еще вот что. Кстати, я ужасно рад, что Вы сами дошли до той мысли, которую я в продолжении нескольких лет безуспешно твержу, встречая до сих пор полное равнодушие и всегдашний ответ, что все это не только не важно, но еще как-то может помешать «свержению большевиков». Это мысль о создании сети «малороссиянских» кружков, которые вели бы борьбу с украинством не на почве, выгодна или невыгодна Украина России, а исключительно на следующем основании: мы, южане, из всех русских самые русские (подобно тому, как афиняне более греки, чем византийцы) и посему русскими мы останемся даже в том случае, если бы москвичи и петроградцы вздумали отречься от своего национального имени и назваться, например, «евразийцами». В 1927 г. мы даже основали Общество имени Богдана Хмельницкого в Париже для сей цели, но оно захирело за отсутстви-

ем всяких средств и ледяной холодностью к этому делу, обнаруженной эмиграцией. Но это только кстати: нельзя же упустить удобный случай поплакать в Ваш уважаемый жилет, за которым чувствуется биение проснувшегося к этим вопросам сердца Вашего.

Сейчас же можно, по-моему, сделать вот что, о чем я писал М.М. [Федорову].

Надо отпечатать краткий протест-заявление на французском диалекте. На обороте сего заявления напечатать адрес Джонсона, Верховного Ком[иссара]. Таким образом, каждому желающему присоединить свой голос остается подписать печатное заявление, сложить его, наклеить небольшую марку и бросить в почтовый ящик. Теперь: как разослать это заявление, кому? Это очень просто, если обеспечить себе содействие газет (русских). В этом случае заявление будет разослано всем подписчикам и читателям в виде приложения (вкладного) к номеру. Разумеется, в тексте газеты должна быть соответственная статья и наставление.

Эта мера была применена в 1917 г. при помощи «Киевлянина». Месяца через два я получил, таким образом, свыше пятидесяти тысяч подписей. Но уже в первые же дни поступила центральная лавина, обозначившая успех дела. Я думаю, что и сейчас этот прием имел бы успех, и на Джонсона можно было бы высыпать изрядную «почту».

На этом пока кончаю. Только хочу Вас поблагодарить за «Из Прошлого», кое, к сожалению, не успел еще прочесть, ибо Настоящее, имеющее подлюю привилегию не считаться ни с прошлым, ни с будущим, ни с какими нашими желаниями, помыкает мною эти дни совершенно деспотически.

Ваш ВВ.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Джонсон Т.Ф. — помощник Верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев.

№ 95

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 29 Апреля 1929 г.

Дорогой Василий Витальевич,

- 1) Посылаю Вам текст Шульгинского письма для ориентировки.
- 2) Когда Ваш протест будет готов, пошлите его лучше Гулькевичу.

3) Не задерживайте этого, желательно, чтобы не позже 10-го мая он был в руках Гулькевича.

4) Пока не делайте ничего в смысле создания аналогичных протестов; мы здесь единогласно находим, зная Женевское настроение, что кроме вреда это ничего не принесет. Мы будем сами вышучивать украинские петиции, тем более что угнаться за ними нам не удалось бы, не будемте же давать им возможности вышучивать наши.

№ 96

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

2 Мая 1929,

villa «La Maisonettes»,
Boulouris s/Mer

Дорогой Василий Алексеевич.

Посылаю Вам проект моего письма Джонсону. Если Вы сможете, что называется «налечь плечом» на это дело, то желательны были бы следующие с ним операции.

1. Прочтите и отметьте то, что, по Вашему мнению, неудачно и желательно исправить.
2. Страницы, по Вашему мнению удачные, сдайте переводить. Я не имею возможности сам перевести. У меня нет французской машинки, а кроме того, мне это было бы все же так трудно, что я провозился бы слишком долго и в конце концов вышло бы плохо. Я запрашивал Женеву, но мне ответили, что «Гулькевич не оборудован для перевода». Правда, можно подать и по-русски, но не желательно. Во-первых, совершенно неизвестно, когда там переведут переводчики от Лиги и как они переведут. А кроме того, это просто не элегантно подать по-русски: как-то нас немножко компрометирует. По-моему, надо перевести.
3. Неудачные страницы пришлите мне для исправления, и я немедленно Вам вышлю их в новом виде.
4. Получив исправленное, сведите все и пришлите мне для подписи.

Если надо, чтобы документ попал к Гулькевичу (кстати, мне надо его имя, отчество и адрес) к 10 мая, то надо все сделать очень быстро. Если Вы откажетесь все это сделать по лени или потому что действительно нельзя, тогда подам по-русски, хотя это плохо. Но во всяком случае я хочу написать обращение, то есть «Господину Верх[овному] Комиссару» и прочее по-французски. Равным образом подпись, то

есть «прошу Вас верить» и т.д. Поэтому во всяком случае пришлите мне разборчиво написанным на французском диалекте, как это сейчас делается, чтобы я не оказался нестерпимо демоме и провинциален.

Кроме того, сообщаю Вам, что мне написали из Женевы: на письме Александра Шульгина нельзя ссылаться, ибо оно не оглашалось. Меморандум Ваш (Рубинштейна¹ и других) может постигнуть неприятность в том смысле, что так как сей меморандум ссылается на неоглашаемый документ, то его также не будут оглашать. Я в этом плохо разбираюсь, но это знает Гулькевич, который и может Вам сообщить, в чем дело. Моего письма к Джонсону это все не может касаться, потому что я только заявляю, что Александр желает, чтобы в нансеновские паспорта² вносились украинские новеллы, а это, конечно, не секрет.

Ну, вот. Сегодня страстной Четверг. Передайте Марии Алексеевне, что я нежно целую ее ручки и поздравляю со Светлым Праздником, равно как и ее безбожного братца.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ.

P.S. Ответьте мне, пожалуйста, как с визами в Сербию: чи можно надеяться, чи нет? Получили ли Вы то письмо, где я о них просил? И получили ли письмо с «проектом письма к Струве»?

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Рубинштейн Яков Львович (ок. 1879–1963) — адвокат, присяжный поверенный округа Харьковской судебной палаты. В 1917 г. избран председателем Харьковской городской думы. Социал-демократ, примыкал к правому крылу меньшевиков. Член Российского Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей, председатель образованной при Земгоре комиссии по юридическому положению русских беженцев; член административного Совета Нансеновского комитета, заместитель представителя (после смерти К.Н. Гулькевича — представитель) эмиграции в Совещательном комитете по беженцам при Лиге Наций.

² Нансеновский паспорт — временное удостоверение личности, заменявшее беженцам и апатридам (лицам без гражданства) паспорта. Названы по имени инициатора введения подобного документа, существенно облегчавшего жизнь беженцев и апатридов, Верховного комиссара по делам беженцев Лиги Наций Ф. Нансена. В 1922 г. в Женеве состоялась международная конференция, на которой обсуждались вопросы, связанные с правами беженцев и апатридов. В соответствии с принятыми в ее результате Женевскими конвенциями 1922 г. Лига Наций начала выдавать беженцам и апатридам временные удостоверения личности. Лица, имевшие «нансеновские паспорта», могли быть допущены на территорию любого из государств — участников Женевских соглашений.

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 3 Мая 1929 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Посылаю Вам копию Гукасовского письма, из которого Вы усмотрите, что все дело нужно приостановить; я имел благоразумие раньше, чем что-нибудь сделать, потребовать от него письменного ответа; таким образом, теперь, говоря высоким слогом, мне остается просить Вас извинить меня за причиненное беспокойство. Но это беспокойство является лишь малой долей того, что Вы мне обязаны за все Ваши многолетние подлости.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В.А. Маклаков — А.О. Гукасову

Париж, 29-го Апреля 1929 г.

Многоуважаемый Абрам Осипович,

Во избежание всяких недоразумений хочу, и при этом письменно, поставить Вас в курс того, как стоят наши переговоры, и раньше, чем вести их дальше, прошу Вас мне ответить. Струве никто ничего не писал, и он ничего не знает, если не было каких-нибудь индескретностей¹ со стороны людей, Вам близких. Но Шульгин прислал мне для одобрения проект его письма к Струве; и вот тут-то, чтобы не подвести ни себя, ни Шульгина, ни Струве, мне хотелось бы обеспечить Вашим согласием.

Шульгин собирается написать Струве, что по моему (Маклакова) мнению Вы, т.е. А. Гукасов, готовы пригласить его в сотрудники в новом Вашем журнале, а не газете, если бы только Вы были уверены, что Струве на это согласится. И потому Шульгин под великим секретом, чтобы не поставить меня в глупое положение, спрашивает Струве, как он бы к такому предложению с Вашей стороны отнесся.

Но он его не только спрашивает, он и настаивает на том, чтобы Струве согласился; но он как в письме к Струве, так и в особом письме ко мне указывает некоторые условия, без которых не только, очевидно, Струве не согласится, но без которых и Шульгин считал бы не-

возможным настаивать. Эти условия его в главных чертах сведутся к следующему:

1) Шульгин считает необходимым, чтобы в том письме, которое Вы напишете Струве, Вы бы не обошли простым молчанием всего Возрожденского недоразумения, а выразили бы сожаление о том, что это случилось, никого ни в чем не обвиняя, но открывая этим путь к сознательному примирению.

2) Чтобы самое письмо Ваше к Струве было написано Вами только в том случае, если бы ответ Струве был удовлетворительный; не обеспечив себе удовлетворительного письма, конечно, нельзя к нему и обращаться; но именно поэтому будет необходимо, чтобы написание этих писем, и Вашего к Струве, и Струвевского к Вам, текст этих писем был известен и одобрен обеими сторонами; это, конечно, есть обязанность посредников.

3) Ко всему этому Шульгин добавляет, что если не состоится такого примирения, которое покончит со старыми недоразумениями, то он, Шульгин, в сотрудники не пойдет.

Вот подумайте обо всем этом и дайте мне ответ. Шульгин пока не сделает ни единого шага; если принципиально Вы идете на все эти условия, то Шульгин также принципиально запросит Струве, выставляя все это как мою инициативу. При получении отрицательного ответа от Струве говорить больше будет не о чем; но также, очевидно, незачем и писать Струве, если бы, например, Вы не захотели написать ему, даже при обеспечении его согласия, первого пригласительного письма с выражением сожаления о случившемся. В этом случае просто ничего не нужно делать, и я буду считать свою миссию неудавшейся, но законченной. Если же принципиально согласитесь Вы и согласится Струве, то наступит вторая часть работы, т.е. выработка тех писем, которые должны были бы удовлетворить и Вас, и Струве. Очевидно, эту работу придется сосредоточивать в руках меня и Шульгина, с риском, что, согласившись в принципе, мы не согласимся в деталях; но иного пути действовать я не вижу. Кстати, забыл Вам сказать, что Шульгин находит необходимым также, чтобы в Вашем письме к Струве было указано в общих чертах не только направление журнала, но и постановка редакторской части; все это имеет не только практический, но и дипломатический интерес, потому что именно в этом порядке можно ликвидировать старое недоразумение. Как бы то ни было, обдумайте это мое письмо, и если Вы не переменили совершенно своей точки зрения, то ответьте мне, что мне делать дальше.

Машинопись. Копия.

2 Мая 1929 г.

Rue de Seze
Paris

Многоуважаемый Василий Алексеевич,

Подтверждаю получение Вашего письма от 29 апреля.

Совершенно очевидно, что из затеи привлечения Шульгина и Струве к задуманному мной журналу ничего не выйдет.

Остается моя первоначальная мысль: привлечение Вас.

Не скрою от Вас, что после Вашего письма я питаю мало надежды, что Вы согласитесь. Я лучше стал понимать, что значат Ваши слова о старых дружбах, связывающих Вас.

Но остаются доводы справедливости и целесообразности. То, что Шульгин называет «старыми недоразумениями», — это уже chose jugée² общественным мнением, и я не имею основания быть недовольным этим решением, хотя никогда не выступал с защитой себя. Справедливо ли ожидать, что сейчас, из-за другого дела, я попутно переверну это решение против себя, а что таков будет «эффект» моего «сожаления», в этом нельзя сомневаться. И целесообразно ли возвращать внимание общества к этому делу.

Я просил и прошу Вас принять «ближайшее участие» в начинаемом мной деле. О Шульгине и Струве речь зашла у нас с Вами в результате развития темы. Теперь они отпадают. Остается мое основное обращение к Вам. Вы не были сотрудником газеты при Струве, не уходили вместе с ним и, следовательно, свободны. С нетерпением буду ждать Вашего ответа.

Тем временем, что бы Вы ни решили, приношу Вам искреннюю благодарность за участие и внимание к моим беседам с Вами.

Во всяком случае вопрос о помещении Вами статей в газете (в отличие от Вашего «ближайшего участия» в журнале) я считаю решенным вперед, независимо от журнала, и буду ждать Вашей следующей статьи.

Искренно преданный А. Гукасов

Машинопись. Подлинник.

---

¹ индискретности (indiscrétion) (франц.) — нескромности, в значении со-
блюдения тайны, неразглашения.

² chose jugée (франц.) — дело решенное (обычно — решенное судом).

7 Мая 1929

villa «Le Maisonetta»,
Boulouris s/Mer

Дорогой Василий Алексеевич.
Согласен на Вашу пропозицию.

Помимо всего прочего мне очень интересно вот что: если Вам удастся настолько схватить мою психологию (форма для меня не важна — Вам и книги в руки, на то Вы и дипломат), что мне остается только подписать, то это будет «великое завоевание» в том смысле, что хотя бы один москвич и один киевлянин поняли друг друга в украинском вопросе. Ведь до сих пор все мы несли большую разногласицу. Об одном прошу: не меняйте терминологии, т.е. не пишите *Petite Russie* вместо *Russie Mineure*, ибо сие для меня важно, а для Вас безразлично. Кроме того, сие грамотнее, принимая во внимание *Asie Mineure* (а не *Petite*) и латинский прецедент: *Russia Minor*¹.

Насчет виз поступлю, как Вы пишете (на сей раз Ваш почерк был особенно разборчив), и приношу Вам нижайшие благодарности и прочая и прочая... Паспорт получу в главном городе *Var'a — Draguignan*².

Искренне Ваш ВВ.

P.S. Итак, «миротворчество» кончилось. Ну, что же: *ut desint vires tamen est laudanda voluntas*³. Мне все-таки жалко, что Вы не пойдете в журнал. Да и вообще «нет повести печальнее на свете, чем повесть... о Монтеки-Капулетти»⁴.

Автограф. Подлинник.

¹ Различные варианты написания «Малая Россия», «Малороссия» по-французски и на латыни.

² *Draguignan* (Драгиньян) — главный город французского департамента Вар, на реке Нортуби.

³ *ut desint vires, tamen est laudanda voluntas* (лат.) — «Пусть недостает сил, следует все-таки похвалить за добрую волю» — стих, обратившийся в поговорку; цитата из «Посланий» Овидия. Часто выставлялся в качестве эпитафии или девиза начинающими писателями и учеными как выражение скромного суждения о собственном труде и просьба о снисходительности.

⁴ Переиначенная фраза из «Ромео и Джульетты» У. Шекспира — «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте». Монтеки и Капулетти — два враждующих рода, к которым принадлежали влюбленные в трагедии Шекспира.

№ 99

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 7-го Мая 1929

Дорогой Василий Витальевич,

Сегодня получил проект Вашего обращения, который я поручил сделать, не знаю, понравится ли он Вам. Вы можете что хотите и вычеркнуть, и прибавить. Важен самый факт протеста и Ваши титулы. Пришлю Вам этот проект, как только он будет переписан; он короче Вашего втрое, но вышло все-таки же длиннее, чем я бы хотел.

№ 100

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 8 Мая 1929 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Прилагаю проект мемуара. С ним пришлось сделать такую спешку, что я не успел его даже прочесть; на последней странице перед самой подписью пришлось вытирать лишнее слово. Вы можете это исправить, написать подпись над ним. Больше всего боюсь, что Вас не удовлетворит самый текст; сегодня, когда уже все было готово, мне звонил Лазаревский. Жалею, что не подумал о нем, может, нужно было поручить пересоставление мемуара ему. Во всяком случае уведомите, что Вы сделали.

Адрес Гулькевича: [продолжение отсутствует].

№ 101

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

1929 года, Мая 9-го

Villa «La Maisonette»,
Boulouris s/Mer (Var)

Дорогой Василий Алексеевич.

Посылаю Вам при сем выдержки из письма, мною сегодня полученного, как признак некого пробуждения дремлющих душ. Какое-то дуновение бежит. Какова его сила, сказать еще трудно, но на всякий случай не грех бы ладить паруса. Впрочем, все это станет реально с той минуты, когда среди «малороссов» появится свой «Гукасов», ко-

торый пожелает тратить деньги на «Возрождение» Малой России. Надо надеяться, что если бы таковой появился, я не разыграл бы при нем роль Струве. Если бы Михаил Иванович Терещенко¹ сохранил состояние, то, я думаю, что он был бы этим providенциальным меценатом. Но за его выбытием из строя ничего в волнах не видно.

Жду с нетерпением письмо Джонсону, исправленное, но не дополненное. *Если можно, пришлите с копией.*

Ваш ВВ.

Р.С. Письмо это задержалось по случайным причинам. Джонсон получен мною и Вам отослан вчера. Сегодня 11 Мая.

Машинопись. Подлинник.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Копия

4 Мая 1929

[Письмо «малоросса»]

Глубокоуважаемый Василий Витальевич.

Имею дерзость обратиться к Вам, не будучи с Вами знаком, лишь потому, что не вижу никого более, кто мог бы и заинтересоваться тем делом, о котором сейчас Вам доложу, и кто мог бы придать ему необходимый авторитет, что гораздо важнее.

Как Вы увидите по моей подписи, я не чистокровный украинец, так как политического в моей фамилии мало, но одна моя фамилия гарантирует мое малороссийское происхождение. Таких, как я, с чистокровными малороссийскими фамилиями или кацапскими, но родившихся и выросших на Украине (хорошее, звучное название, пожалуй, более красивое, чем Малороссия, только, к сожалению, получившее скверный привкус), в эмиграции тысячи и тысячи. Совершенно неясно, почему от имени нас, как и от имени другой категории лиц, населявших ту же Украину, но имевших или имеющих другие политические убеждения, выступают одни и те же лица, всякие «щирые». Если бы они выступали (хотя бы перед Лигой Наций) от своей партии, группы, политического течения, это было бы понятно. Но выступая от имени «Украины», они опорочивают и Вас, и меня, и тысячи таких же сынов Малороссии. И если они это делают, то есть если они это могут делать, то лишь благодаря нашему немому попустительству, нашему ребячеству в политическом отношении и нашей халатности. Мне кажется, что хотя бы и через десять лет пора бы об этом подумать и дать, наконец, понять нахам, что кричать умеют не одни они.

Не так давно в Софии было опубликовано («Голос»²) письмо-протест с подписью 100 малороссов. Начинание хорошее, конечно, но что значит сто голосов, когда их должны быть тысячи.

Моя идея такова: организовать повсюду общества малороссов, стараясь, по возможности без денежных взносов, привлечь возможно больше членов. Организовать это дело, выражаясь по-большевицки, в мировом масштабе и послать контр-петицию в Лигу Наций. Кроме того, всюду организовать антиукраинские выступления. Напр., в Софии: 15 мая общеславянский бал (может быть и другое число, не знаю). В нем, между прочим, между прочими славянами должны выступать и «украинцы» (я должен признаться, что к великому стыду я никогда не читал произведений наших «друзей», но мне кажется, что Грушевский считал украинцев особым народом, не славянского происхождения³, но это между прочим). Если бы предполагаемое мною общество существовало бы, оно бы выступило тоже, и был бы для украинцев конфуз: украинцы и малороссы — различные партии, а не национальности. Но кроме конфуза имело бы большое политическое значение подобное выступление, были бы представлены на этом балу не две только группы: русские «угнетатели» и «украинцы» угнетенные, а русские в целом и ссорящиеся между собой политические партии Малороссии. Для местного общества, склонного по своему примеру видеть всюду угнетенные народы (Македония, Хорватия), это имело бы большое значение, так как показало бы им политическую обстановку в более правильном свете (мы не можем, к сожалению, в состав украинской группы ввести австрийских офицеров в форме [Примечание Шульгина на полях: *Автор письма хочет сказать, что если «украинцы», бывшие австрийские офицеры, явились в форме, то есть в своем настоящем обличье, то это было бы показательно.*]). Думаю, что подобные выступления имели бы значение и во многих других странах. . .

[следует подпись и адрес]

Машинопись. Копия.

---

¹ Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) — крупный землевладелец, сахарозаводчик и финансист. Депутат 4-й Государственной думы; беспартийный, примыкал к прогрессистам. В период Первой мировой войны — товарищ председателя Всероссийского военно-промышленного комитета. Со 2 марта 1917 г. — министр финансов Временного правительства, с 5 мая — министр иностранных дел. 25 октября 1917 г. арестован в Зимнем дворце вместе с другими министрами и отправлен в Петропавловскую крепость; освобожден весной 1918 г. и сразу же эмигрировал через Норвегию во Францию.

² Имеется в виду газета «Голос» (Ред.-изд. Г.Ф. Волошин; отв. ред. З. Ахтарджиев. София, дек. 1928 г. — сент. 1932 г.).

³ Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934) — общественно-политический деятель, один из лидеров украинского национального движения, историк. Грушевский доказывал, что предки украинцев — это древние племена антов, первой самостоятельной украинской державой была Киевская Русь. В отличие от большинства представителей российской науки, преемницей Киевской Руси Грушевский считал не Владимиро-Суздальскую, а Галицко-Волынскую землю, которая постепенно теряла независимость и инкорпировалась соседними государствами — Литвой, Польшей, Венгрией. Великое княжество Литовское, по его мнению, являлось таким же равнозначным центром объединения древнерусских земель, как и Москва. Однако по мере окатоличивания и полонизации княжества противоречия между литовцами и православными восточными славянами (белорусами и украинцами) усилились, и последние переориентировались на Московскую Русь. Потеряв самостоятельность и будучи в составе Речи Посполитой и Московской Руси, украинцы, заключал Грушевский, являлись или просто пассивным объектом управления, или же находились в оппозиции к власти.

№ 102

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

10 Мая 1929

Дорогой Василий Алексеевич.

Я подписал, но, к сожалению, должен Вам возвратить текст для исправлений, совершенно необходимых. Придется переписать две страницы — вторую и шестую. Вот почему.

На второй странице сказано, что запорожское казачество образовалось в областях, прилегающих к Московскому Государству. Это маленькая ересь, из-за которой можно подвергнуться злым насмешкам. Когда же Днепровские Пороги прилегали к Московскому Государству? Запорожье была Украина, за которой начинались дикие степи или Дикое Поле, как их называли поляки.

На этой же странице заодно надо поправить вот что. Сказано: «по-русски они назывались окрайны...» Это неверно. Древнее русское слово не «окрайина», а «украина». Это слово в смысле приграничной области два раза упоминается у Нестора¹, и об этом существует целая литература. Между прочим, это слово хорошо знал Тургенев: повесть «Бригадир» начинается так: «Читатель, знакомы ли тебе небольшие дворянские усадьбы, которыми двадцать пять, тридцать лет тому назад изобиловала наша великорусская украина?»²

На странице шестой сказана вещь фактически неверная, почему и приходится эту страницу переделать. Выборы в Украин[ское] Учредит[ельное] Собрание произошли до немецкой оккупации, которая началась в марте 1918 года.

На этой же странице «заодно» надо переделать рискованное утверждение, что наши противники не имеют никаких оснований говорить от имени «моей страны и моего края». У меня сказано гораздо осторожнее. Эта осторожность необходима ввиду того, что целый ряд украинцев, конечно, был избран в Учредительное [Собрание] бессмысленными в ту пору мужиками. У меня этому посвящен целый абзац, который имел целью парировать появление членов Учредилки украинцев, заранее объяснив, кто и как их избрал. Это все выброшено из французского текста, почему надо быть сугубо осторожным в таких утверждениях. Я бы сказал³:

«S'ils s'efforçaient de vous convaincre..... Sachez»⁴, что все это утверждения людей, которые имеют право говорить только от имени той политической партии, которую они представляют. Есть другие течения. И от имени этих последних я позволяю себе говорить.

Je parle au nom de ceux de mes concitoyens de la Russie meridionale qui sont⁵ и т.д. !!

Этим путем избегалось бы, между прочим, выражение «Quant a moi»⁶, которое для моего уха звучит недостаточно subtilно.

Вот и все. Переделав эти две страницы (2 и 6) и вставив новые на место перечеркнутых, я прошу Вас, дорогой Василий Алексеевич, ничтоже не сумняшеся, отправить мое письмо прямо из Парижа в Женеву. Это для скорости. Мне же пришлите, сколько будет Ваша ласка, — копий, а также извещение, что письмо послано.

Пока больше ничего не пишу — спеха ради.

Ваш ВВ.

Машинопись и автограф. Подлинник.

---

¹ Имеется в виду начальная летопись — «Повесть временных лет», одним из авторов которой, предположительно, был монах Нестор.

² Повесть И.С. Тургенева «Бригадир» вышла в свет в 1866 г.

³ Далее Шульгин продолжил письмо от руки.

⁴ S'ils s'efforçaient de vous convaincre..... Sachez (франц.) — если они пытались вас убедить, имейте в виду, что...

⁵ Je parle au nom de ceux de mes concitoyens de la Russie meridionale qui sont (франц.) — Я говорю от лица тех моих сограждан из южной России, которые...

⁶ Quant a moi (франц.) — что касается меня.

16 Мая 1929

Boulouris s/Mer
(Var)

Дорогой Василий Алексеевич.

Вы имели неосторожность обещать сербскую визу для моей жены в том случае, если я пришлю паспорт. Паспорт при сем прилагаю и предаю его в Ваши благодетельные ручки. Разумеется, если бы кроме сербской была бы транзитная итальянская, то мы бы благословляли Вас из рода в род, но, думаю, что сие безнадежно. В таком разе придется ехать через Швейцарию и Австрию. Но этим я не буду Вас беспокоить, я попрошу кого-нибудь в Париже их проставить. Только, если Вам не трудно, пошлите паспорт с сербской визой не мне, а Лазаревскому (V. Lazarevski, 54, avenue des Gobelins, Paris 13-me). Заранее приношу Вам все виды благодарности.

* * *

Копию получил. Дякую, что значит — благодарю. Итак — дело сделано. Поскольку такого рода протест могут считать делом. Простите, что причинил Вам столько хлопот, но мы немного поздно схватились, если бы не было такой спешки, было бы глаже. Теперь просветите мое невежество. Насколько я понимаю, сей документ не есть *billet doux*¹, который полагается хранить в тайне. Но, может быть, у дипломатов иначе? Словом, следуя естественным своим наклонностям, я отпечатал бы сие письмо в числе, скажем, 100 экземпляров и разослал бы его для сведения³ всем русским газетам и некоторым своим друзьям. Но, может быть, с точки зрения международных книксенов сие было нарушение «дипломатической вализы»? Просветите мне, пожалуйста, сей вопрос.

Пишу Вам из Draguignan capitale du Var², мирный город вроде... Житомира. От скуки, должно быть, чиновники чрезвычайно любезны, и Nansen³ был получен, можно сказать, в полчаса. Милая провинция! Чем дольше я живу, тем более нежно жалею тех, кто прозябает... в столицах. Надеюсь, что Вы скоро поедете отдохнуть и, во всяком случае, выделите из Вавилона Марию Алексеевну. Целую ее ручки.

Ваш ВВ.

Автограф. Подлинник.

---

¹ billet doux (франц.) — любовная записка.

² Пишу Вам из Драгиньяна, столицы Вара.

³ Т.е. нансеновский паспорт.

№ 104

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 21 Мая 1929 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Вам не везет, и это Ваша вина. Я получил от Вас паспорт только в субботу утром. Сейчас же послал его Спалайковичу, но все уважающие себя иностранцы на праздник Троицы уезжают из Парижа. Это случилось и со Спалайковичем. В канцелярии сказали, что он вернется во вторник; сегодня я послал вторично, и там ответили, что с ним случилась автомобильная катастрофа, что по телеграфу выписаны какие-то вспомогательные провозочные средства и что он вернется только в четверг; в его же отсутствие ничего сделать не могут; стоило Вам поторопиться и прислать бумаги днем раньше, как Вы были бы уже с паспортом.

Из газет Вы, вероятно, уже знаете про судьбу украинского вопроса. Украинцы провалились и, как нужно было ожидать, не столько по существу, сколько потому, что в их покушении справедливо усмотрели внесение в занятия Лиги Наций политики. С этой точки зрения все реплики, которые были представлены, свою службу сослужили; они показали, каких духов вызвали на сцену господ украинцы и поляки. Нансен¹ не только перепугался, но и обозлился и заявил, что если вопрос этот не будет снят, то он подаст в отставку. Когда поляки, несмотря на это, в публичном заседании пытались вести разговор на эту тему, и поляки попросили слова, то председательствовавший француз сказал категорически, что если почтенный поляк просит слова для защиты украинцев, то он, к своему сожалению, принужден сказать от имени французского правительства, что он держится на этот вопрос совершенно противоположного взгляда. Такое категорическое заявление от французов по адресу поляков — самое ценное, что мы в этом отношении получили.

Теперь Ваш практический вопрос об огласке. Думаю, даже не посоветовавшись с коллегами, не вернувшимися из Женева, что Вы совершенно свободны. Всякий человек вправе свои собственные вещи печатать; ведь, к слову сказать, Ваши документы формально никакой роли не сыграли; вопрос был отложен и снят, и до обсуждения его по

существо не дошли; думаю, что документы не будут и напечатаны, останутся только приобщенными к делам. Тем более Вы можете располагать ими свободно. Но откровенно скажу, что если для Лиги Наций нужен был не русский текст, а наше из него резюме, то для печати могло бы быть интересней Ваше письмо. Но, очевидно, оно годится как литературное произведение, а не как документ, доставленный в Лигу Наций, ибо он и не представлялся.

---

¹ Нансен (Nansen) Фритьоф (1861–1930) — норвежский полярный исследователь, дипломат и деятель Красного Креста; Верховный комиссар Лиги Наций по делам военнопленных и беженцев. Лауреат Нобелевской премии мира 1922 г.

№ 105

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

28 Мая 1929

Boulouris s/Mer
(Var)

Дорогой Василий Алексеевич.

Получили паспорт со всеми визами. Бьем Вам челом, благодарим так и этак. Прилагаю при сем 25 франков, из коих, вернув в свою кассу расходы (неужли ли только 3 франка? «Се скандале!»), остальное дайте пурбуар¹, пожалуйста.

Итак, жена едет, совершенно простив Вам, что Вы ее когда-то называли Марией Петровной, на что она была весьма обижена. Поэтому передаю Вам сердечную благодарность от Марии Дмитриевны.

Что касается украинцев, то я очень доволен результатами этой истории. Заявление француза весьма важно. Поляки оправдывают свою квалификацию безмозглых ляхов. На этом самом вопросе, то есть на неумении поладить со своими подданными русского происхождения, Польша уже раз сломала себе шею. Ибо раздел Польши во времена Екатерины² всеми корнями ушел в Хмельничину³. Но это их ничему не научило. Теперь, включив в свои пределы половины Волыни (которая, кстати сказать, соединилась с Галичиной и дала этой последней хорошую подпору) и Белоруссию, то есть, вероятно, около восьми-десяти миллионов русских, она, Польша, думает их обезвредить для себя, сделав их украинцами. Совершается это в сопровождении совершенно средневековых оценок, с острым нажимом на религию,

вновь слившуюся с национальностью, словом, по Тарасу Бульбе. Результат будет тот же. Надо надеяться только, что мы в свое время не совершим прежних ошибок и ни в коем случае не соблазнимся инкорпорацией чисто польских земель.

Впрочем, все таковые рассуждения пока от лукавого, и надо бы неуклонно делать текущее, то есть бороться идейно с украинской идеей. Увы, для сего кое-чего не хватает. Что делать с моим письмом, я пока не решил. Но думаю, что так или иначе его приспособлю для публичного использования. Во всяком случае, сей первый опыт какой-то антиукраинской акции оставил скорее «бодрящее» впечатление.

Ваш ВВ.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Пурбуар (франц.) — чаевые.

² В царствование императрицы Екатерины II (1762–1796) Польское государство в результате трех разделов (1772, 1793 и 1795 гг.) его территории между Россией, Австрией и Пруссией исчезло с карты Европы.

³ Хмельничина — имеется в виду национально-освободительное движение на Украине середины XVII в., результатом которого стало провозглашение воссоединения Украины с Россией.

№ 106

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

28 Мая 1929

Boulouris s/Mer
(Var)

Дорогой Василий Алексеевич.

Мне кажется, что следует поставить Вас в известность, что я получил ответ от Верх[овного] Комиссара. Поэтому прилагаю его ответ с покорнейшей просьбой оный вернуть для порядка. Понимаю сие, как простую вежливость, но и вежливость есть если не акт, то известный факт, который и отмечаю.

Что касается использования всего сего инцидента «отечеству на пользу», то у меня появился такой план. Сделать из моего письма... книгу. Ренников¹ правильно написал в «Возрождении», что я веду переписку при посредстве книг. Но что поделаешь, что вопросы такие пошли, что только книжникам подведомственны.

План сей книги таков.

I. Часть первая. Текст письма по-французски, такой, как он был послан 10 мая 1929 года. И текст письма по-русски, такой, как я Вам его прислал. Разумеется, будет соответствующее пояснение, что при переводе пришлось текст сократить. На этом часть первая кончается.

II. Часть вторая. Часть вторая будет состоять исключительно из «приложений», почему русский текст письма будет, как титлами, испещрен сносками.

Каждой сноске будет соответствовать «приложение». Приложения эти будут весьма мало похожи на обыкновенные приложения. В них-то и будет вся суть. Это будут статьи (мои и не мои), которые обоснуют каждое утверждение моего письма. Таким образом, письмо явится как бы предисловием или конспектом сего опуса. Или, если хотите, всякому понятным объяснением, почему я заблагорассудил такую книжку написать и выпустить. Потому что ведется серьезная атака на русское имя. Так и предполагаю озаглавить книгу: «ИМЯ РУССКОЕ», а в виде эпиграфа слова Богдана Хмельницкого, сказанные на Переяславской Раде²:

«Враги православия нашего хотели, чтобы самое имя русское не упомянулось в нашей земле».

Что Вы скажете, Соломон?

Ваш Веве.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Ренников (Селитренников) Андрей Митрофанович (1882–1957) — писатель, журналист. Окончил физико-математический и историко-филологический факультеты Новороссийского университета. Газетный редактор и фельетонист. Начал карьеру журналиста в «Одесском листке», перейдя потом в «Новое время». Сотрудничал в печати Белого юга. В эмиграции в Белграде, с 1926 г. в Париже. Печатался сначала в белградском «Новом времени», потом долгое время был фельетонистом в «Возрождении». Издал романы «Души живые», «За тридцать земель», «Зеленые дьяволы», автор пьес «Сказка жизни», «Галлиполи», «Борис и Глеб», «Брак по расчету» и др. В период Второй мировой войны сотрудничал в нацистском «Парижском вестнике».

² Переяславская Рада — собрание представителей украинского народа, созданное 8 января 1654 г. в Переяславе по инициативе гетмана Б. Хмельницкого. Одобрила решение о вхождении Левобережной Украины в состав России, выработала юридический документ (так называемые Мартовские статьи), определявший положение Украины в составе России.

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 14-го Июня 1929 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Возвращаю Вам письмо Джонсона; самый факт его очень интересен, тем более что не требовался даже вежливостью; и это тем интереснее, что именно для Джонсона получение Вашего письма было очень неприятно: нужно думать, что он настолько чертыхался промеж себя, что в конце концов счел нужным загладить это любезностью.

Что касается до Вашего плана, могу его только приветствовать. Ведь украинский вопрос все-таки когда-нибудь станет на очередь и при этом станет во всей широте. Вам очень легко, привязавшись к формальному поводу, говорить о всем вопросе в совокупности. Как Вы все это сделаете, конечно, предвидеть нельзя; я припоминаю одну Вашу речь в Государственной Думе, где Вы восхищались украинской культурой и великим хохлом Гоголем, не отрекаясь от России. Я думаю, что если что-либо полезно внушать и нам, русским людям, и иностранцам, это именно то, что специальная любовь к Украине, ее природе, ее прошлому и даже ее жаргону нисколько не противоречит русскому патриотизму; если Ваша книга все это выявит, то это будет полезно; скажу только одно общее опасение: ведь по этому вопросу есть целая литература, будете ли Вы предварительно знакомиться с литературой и с ней полемизировать, или, наоборот, Вы будете игнорировать все, что было написано, и только излагать свои впечатления. В первом случае Ваша книга пропустит все сроки; во втором ее значение будет пропорционально тем симпатиям, которые внушит к себе ее автор. Опять-таки повторяю, не знаю, как Вам это удастся, но не вижу, кто бы мог это сделать, кроме Вас.

Псылаю Вам при этом письмо Пайо. Вы видите, как опасно давать такие подозрительные адреса; письмо провалялось бы еще, вероятно, несколько месяцев, если бы известная Вам особа не уехала в Швецию и, ликвидируя свои дела перед отъездом, не обнаружила этого письма. Вот Вам шпилька одновременно и по ее, и по Вашему адресу.

9 Августа 1929

Boulouris s/Mer
(Var)

Дорогой Василий Алексеевич.

Боюсь, что Вы уехали отдыхать. То есть я хочу сказать: надеюсь, что Вы уехали отдыхать. Но если не уехали, то окажите Божескую милость у Спалайковича. Позволю себе напомнить, что я, когда просил визу для жены, грозился, что в августе буду просить таковую же для себя. И вот прошу. Необходимо проехать в Сербию повидать сестер¹ и Димку. Он по окончании Сен-Сира не смог устроиться в армию — ни французскую, ни сербскую. Поэтому поступил на инженерный факультет в Белграде. И вот надо ехать. В случае утвердительного благосклонного ответа Вашего пришлю Вам по заведенному ритуалу Нансеновский пачпорт, в котором Вашими же трудами еще буду обозначен как русский из русских, назло моему племяннику². Кстати, посылаю Вам отпечатанный текст моего письма Джонсону для украшения Вашего архива. Между прочим, Джонсону писали тогда и бывшие министры Скоропадского Кистяковский³ и Могилянский⁴. Теперь они приписывают себе честь спасения «русского имени». «Гепта полейс марнанто саф диари дзун Гомер (если перепутал, поправьте), Смирна, Хиос, Калафон, Итаке, Пюлос, Аргос, Атене»⁵. Это хорошо, то есть что они приписывают и гордятся. Но плохо то, что логикой эти люди не страдают, по крайней мере Могилянский. В порыве нравственного подъема после победы в Женеве он решил и дальше вести борьбу с украинцами. Как же, как бы Вы думали? Вот как: решил для борьбы с украинцами основать общество федералистов... украинцев. Спрашивается: зачем же было писать Джонсону? И что подумает Нансен, когда узнает, что люди, только что вопившие «хотим быть русскими», — в Женеве, митт пауке унд тромпетен* объявляют себя украинцами — в Праге. Я думаю, он сплюнет, сказав: мой скандинавский ум не способен охватить амславской [так!] глупости.

---

* Шульгин использует немецкий фразеологизм mit Pauken und Trompeten, буквально — с литаврами и тромбонами. В данном контексте — помпезно, грандиозно, с большим шумом.

Все это происходит потому, что люди никак не могут посмотреть в корень дела. Их ужасает перспектива раздела России, и против этого они готовы бороться всеми силами. Для этого они объявляют себя федералистами. Я не стану говорить о том, что и в этом «федерализме» при настоящих обстоятельствах есть кричащая нелепость. Ибо чтобы федерироваться, то есть соединяться, надо сначала разъединиться. Таким образом, выходит: те, кто хочет бороться против разъединения, сразу сдают важнейшую позицию, то есть признают факт происшедшего раздела, признают, что сия «Украина» была и есть⁶ самостоятельной державой и в качестве таковой когда-то проприомоту⁷ воссоединится с Севером на федеративных началах. Сия позиция плоха по двум причинам. Во-первых, как известно, прокламирование «Украинской Державы» было совершено недоумочными руками гетмана Скоропадского, санкционировавшего своими гвардейскими погонами изменнические деяния Грушевского, и Винниченко⁸, и Петлюры, и Брестский мир. Таким образом, федералисты должны своей альфой учредить «и измену и глупость». Омега же их еще хуже. Ибо самостоятельная Украина, мед ин Джерман⁹, уже федерировалась с Севером в Союзе Советских Социалистических республик. Таким образом, федералистам только остается признать и поддержать учрежденный Лениным и укрепленный Сталиным порядок. Все сие происходит потому, что бывшие министры Скоропадского не имеют смелости признать деяния их гетмана яко не бывшими — нуллум неготиум¹⁰. А это совершенно необходимо сделать, так же необходимо, как зачеркнуть Брестский мир. А если это сделать, то мы приходим к прежнему положению. Прежнее же положение есть, если не считать автономии, преподнесенной Киеву Керенским, Терещенко и Церетели¹¹ (что они сделали совершенно самоуправно, ибо Временное Правительство для актов из области основных законов не было поставлено¹²), прежнее положение есть погубернское управление Россией. Если желательно внести в этот порядок изменение, не нарушая идеи Единства Государства, то можно быть только автономистом, то есть проповедовать принцип областничества.

Но все это я говорю только вскользь. Говорю потому, впрочем, чтобы зафиксировать, что вышеизложенные нелогичности были бы и в том случае, если бы Могилянский хотел принять наименование «федералистов-малороссиян». Без оскорбления серого мозгового вещества можно именоваться только: «малороссиянами-автономистами» или «малороссияне-областники». Таким областником, кстати, я себя лично и считаю. Полагаю, что должны быть три области: Киев-

ская, Харьковская, Одесская, опирающиеся на уездные и волостные земства с устранением земств губернских, как отживших свое время. Областные Думы или Рады должны пользоваться очень широкими правами. Области должны иметь свои правительства, во главе которых Наместники, коих можно называть так или иначе. В соответствии с этой конструкцией полагаю ненужной Всероссийскую Думу, избираемую прямыми выборами. Взамен ее надо бы Всероссийский Государственный Совет, члены которого избираются Областными Думами по принадлежности. Другими словами, созданные гвардейскими генералами и коммунистами «республики» должны быть (с некоторыми частными изменениями — вместо одной Украины — три) переделаны в области, от которых и идет правительство в Общероссийскую Палату. Такой путь был бы, по моему мнению: 1) логичен, ибо начинался бы с того «места истории», которое мы можем признать без порухи чести, 2) легко проводим в жизнь, ибо требует минимальной ломки сложившейся при большевиках фактической обстановки.

Но все это, повторяю, между прочим. Гораздо важнее, что люди (Могилянский и Комп.) и до сих пор не поняли, откуда идет беда. Они до сих пор борются с «сепаратизмом», не понимая, что сепаратизм есть логический вывод из украиномании. Ибо если есть 30-миллионный украинский народ, то желание такового быть самостоятельной державой столь же обоснованно, как государственная независимость почти всех европейских народов, из которых только немногие более многочисленны. На этом пути — рьен а фер¹³ и надо заранее признать себя побежденными. Кто называет себя украинцем, тот в сущности уже признал все права украинцев на отделение. Логичны в своем желании находиться в пределах одного государства только те южане, которые признают себя русскими. Но тогда на такой позиции нужно твердо стоять, не ослабляя себя двусмысленными экивоками. «Мы, конечно, русские, но вместе с тем украинцы». В той исторической обстановке, в которой мы сейчас живем, слово «украинец» есть символ нерусскости, отречения от русскости. Нашпиливать его на себя — это значит производить величайшую путаницу. Путаницу отнюдь не в стане врагов, а в своей среде. И этому доказательство авантюра Скоропадского. При кажущейся невинности этого предприятия и несмотря на бутафорско-маскарадный характер гетманского двора, все же эта украинская эскапада принесла огромную пользу настоящим украинцам, т.е. заклятым врагам России и русскости, и огромный вред нам. Вот почему затеи Могилянского и сейчас меня беспокоят.

Впрочем, я должно быть Вам уже надоел и потому возвращаюсь к начальной теме. И унижительно прошу, если Вы не уехали, то напишите мне два слова, чтобы я мог прислать Вам паспорт.

Жена еще раз благодарит Вас. Она съездила и вернулась. А сейчас у нас такой дождь, что крыша протекла. Эта протекция не столь приятна, как Ваша.

Ваш ВВ.

Марии Алексеевне целую ручки.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Одна из сестер В.В. Шульгина — Павла Витальевна Могилевская (ок. 1865–1945), вдова штабс-капитана, жила в Белграде, служила в ведомстве государственной статистики Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, другая — Алла Витальевна Билимович (1874–1930), жена известного экономиста и публициста, в прошлом профессора Киевского университета А.Д. Билимовича, жила в Любляне.

² Имеется в виду А.Я. Шульгин.

³ Кистяковский Игорь Александрович (1876–1940) — юрист. В 1884 г. окончил 2-ю киевскую гимназию, в 1899 г. — юридический факультет Киевского университета. Оставлен при университете на кафедре римского права. Юрисконсульт ряда организаций и банков. Член партии кадетов, сотрудник «Московского еженедельника» (1908 г.). В правительстве П.П. Скоропадского — государственный секретарь, затем министр внутренних дел. С приходом на Украину большевиков бежал в Константинополь. Занимался адвокатской практикой и банковской деятельностью. С 1921 г. жил в Париже, член правления одного из банков. Сотрудничал в журнале «Право и хозяйство». Товарищ председателя Союза русских адвокатов за границей.

⁴ Могиланский Николай Михайлович (1871–1933) — профессор-антрополог, кадет, член правительства гетмана Скоропадского; будущее Украины видел в федеративном союзе с Россией; С.В. Петлюру называл в печати «разбойником» наряду с Н.И. Махно.

⁵ Семь городов спорили о чести быть родиной Гомера.

⁶ и есть — вписано над строкой.

⁷ проприо моту (лат. *motu proprio*) — букв. «собственным движением». По собственному побуждению, по своей инициативе.

⁸ Винниченко Владимир Кириллович (1880–1951) — один из лидеров украинского национального движения, писатель. Член Украинской социал-демократической рабочей партии (сначала называлась Революционная украинская партия) с 1901 г., один из ее руководителей. В 1917 г. один из организаторов и лидеров Центральной Рады. В ноябре 1918 г. — феврале 1919 г. руководитель Директории. С 1919 г. в эмиграции. В 1920 г. приезжал в

Россию, пытался взаимодействовать с советской властью. С 1920 г. вновь в эмиграции, в Чехословакии, затем во Франции.

⁹ мед ин Джерман (искаж. англ.) — сделано в Германии.

¹⁰ нуллум неготиум (лат. nullum negotium) — в данном контексте — ничтожными.

¹¹ Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959) — социал-демократ (меньшевик); депутат 2-й Государственной думы. В 1917 г. один из руководителей Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; в мае–июле 1917 г. — министр почт и телеграфов Временного правительства. С 8 по 24 июля по совместительству министр внутренних дел. В начале 1918 г. уехал в Грузию. С 1921 г. в эмиграции во Франции.

¹² Речь идет о переговорах, которые провели 28 июня 1917 г. в Киеве с руководством Центральной Рады министры Временного правительства А.Ф. Керенский, М.И. Терещенко и И.Г. Церетели. В результате была выработана компромиссная формула: Временное правительство признавало в принципе право на самоопределение за «каждым народом», во 2-м Универсале Рады, изданном 3 июля 1917 г., говорилось, что «мы, Центральная Рада, ... всегда стояли за то, чтобы не отделять Украину от России». Генеральный Секретариат, самочинно образованное украинское правительство, объявлялся «органом Временного правительства». Признавалась необходимость пополнения Рады за счет представителей других национальностей, проживающих на территории Украины, и декларировалось, что Рада выступает решительно против самовольного объявления автономии Украины до Всероссийского Учредительного собрания. Таким образом, «автономия», вопреки утверждению Шульгина, Украине Временным правительством «преподнесена» не была, однако формула о праве народов на самоопределение создавала теоретическую основу для провозглашения не только автономии, но и независимости Украины. Однако в июне–июле 1917 г. это еще казалось далеким и не очень реальным будущим.

¹³ рьен а фер (франц.) — ничего не поделаешь.

№ 109

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

16 Ноября 1929

Boulounis s/Mer (Var)

Дорогой Василий Алексеевич.

Возвратясь из Югославии, приношу Вам низжайшую благодарность за визу. При случае передайте Спалайковичу mille choses¹.

Что Вы? Как Вы? Мария Алексеевна? Совершенно оторвался от Вас и жажду восстановить дипломатические отношения.

Кстати. Не можете ли Вы указать какого-нибудь хода вот в каком деле. В очень тяжелом положении этот бедный мальчишка Коверда².

Поляки, по непонятной злобе, держат его как чисто уголовного. У него начался процесс в легком. Не допускают улучшения пищи и как будто решили его уморить. [Часть текста отсутствует] судьбой какого-нибудь влиятельного француза. Чтобы кто-нибудь из сильных мира сего просто осведомился о судьбе Коверды, проявил бы какое-то участие. Думаю, что такое оказательство подтянуло бы поляков и умерило их угробительное рвение. Как Вы думаете? И кто мог бы быть в рассуждении такой акции, т.е. помочь Коверде, полезен?

Я пока все тут. За это время вместо обещанной украинской книжки написал два романа. Один (переделал из «юных» опусов) на днях выйдет³.

Целую ручки Марии Алексеевне.

Ваш ВВ.

Автограф. Подлинник.

---

¹ mille choses (франц.) — тысячу дел. Видимо, описка Шульгина, и имелась в виду «тысяча благодарностей».

² Коверда Борис Софронович (1907–1987) — сын учителя народной школы, эсера Софрона Коверды в Вильно. С 1915 до 1920 г. находился с матерью в эвакуации в Самаре, где стал свидетелем красного террора (в частности — гибели своего двоюродного брата и расстрела друга семьи, о. Лебедева). Затем семья вернулась в Вильно. Учился в белорусской, затем — в русской гимназии в Вильно. Хорошо зная белорусский язык, работал корректором и экспедитором в редакции антикоммунистической газеты «Белорусское слово». Вместе с редактором газеты А. В. Павлюкевичем и белогвардейским казацким есаулом М.И. Яковлевым подготовил покушение на полпреда СССР в Польше П.Л. Войкова. 7 июня 1927 г. Коверда стрелял в Войкова на Варшавском вокзале, в результате покушения полпред скончался. Коверда был приговорен польским судом к пожизненным каторжным работам, которые затем были заменены 15-летними. Освобожден по амнистии, отбыв 10 лет наказания, в 1937 г. По выходе на свободу отправился в Югославию, где в 1938 г. сдал экстерном экзамен на аттестат зрелости при русском кадетском корпусе в Белой Церкви. С 1939 по 1945 гг. Коверда работал в нацистской Германии — организация и должность неизвестны. После войны в течение семи лет, уже с женой и дочерью, жил в Швейцарии, Франции и ФРГ, откуда в 1952 г. семья переехала в США, где до 1963 г. работал в газете «Россия» (Нью-Йорк), затем в типографии «Нового русского слова».

³ Имеется в виду роман «Приключения князя Воронежского в стране свобод: Исторический роман» (Париж: Russia Minor, 1930). Первое издание романа «Приключения князя Воронежского» вышло в Киеве в 1914 г. Вероятно, его Шульгин и называет «юным опусом». Возможно, под вторым романом Шульгин подразумевает продолжение истории о приключениях князя Воронежского — «Приключения князя Воронежского (В стране неволи)». Эта книга вышла в 1934 г. в Белграде.

№ 110

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 22-го Ноября 1929 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Это письмо я Вам пишу точно также только для восстановления дипломатических отношений, которые Вы прервали весьма гнусным способом. Что касается деловой части письма относительно Коверды, то это не так просто, как Вы думаете; невозможно с этим обращаться к каким-нибудь официальным лицам; можно подтолкнуть на это дело только людей, обладающих личными дружбами в Польше, причем в том лагере, который может оказать какое-либо влияние. Перебирая в памяти, таких людей я вижу очень мало, а в тех, кого вижу, не совсем уверен, и к некоторым мне по личным причинам обращаться не хочется. Тем не менее, я попробую и если что надумаю, Вас извещу; иногда ларчик открывается гораздо проще, чем ожидаешь, но дайте мне на это время.

А затем, если Вы действительно желаете возобновить дипломатические отношения, то благоволите отдать мне ответ в Вашем поведении, о Ваших видах на будущее, о Ваших грехах в прошлом и о Ваших подлостях в настоящем; соответственно этому будет и мое отношение.

№ 111

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

27 Ноября 1929

Булурис сюр Мер

Дорогой Василий Алексеевич.

Мои «грехи в прошлом», пожалуй, состоят в том, что, когда некий человек, уезжая из Константинополя, спросил меня (дело было в начале 1921 года) «ну когда же в Россию?», я без малейшей заминки ответил: «в 1929 году». Он в ужасе замахал на меня руками и чуть не упал с крыши, где я его по бедности принимал. Так тогда казался ужасен этот восьмилетний срок. Мои «подлости в настоящем» состоят в том, что вот 1929-й кончается, а мы еще не поехали. Значит, я понимал, что долго, но не понял, как долго. А Вы? Не желаете ли назначить какой-нибудь срок, хотя бы для того, чтобы не оставлять меня в просачном [так!] одиночестве.

Что Вы ощущаете? Разделяете ли Вы предчувствие близости чего-то, о котором осторожнее Милюков и более увесисто Гукасов пишут в своих газетах по принадлежности? Не желая Вам льстить, вспоминаю, как в то время, как Милюков уверял меня (в мае 1918), что «мы близки ко второму Седану — Германия поставит Францию на колени», Вы телеграфировали мне, что знаете наверное: Германия будет побита. Может быть, и сейчас Вы знаете что-нибудь наверное. Если знаете, то сообщите, ибо нехорошо держать светильник под спудом.

В ожидании Вашего почтенного ответа остаюсь

Тутаву Веве.

Машинопись. Подлинник.

№ 112

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 3-го Декабря 1929 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Во-первых, возвращаюсь к Вашему делу; не знаю, в курсе ли Вы или нет разных литературных проектов, но в числе таковых есть один уже возвещенный в газетах: это печатание мемуаров Беседовского¹, которые выйдут сразу на нескольких языках; в этих мемуарах, как мне сказал переводчик, будет одна будто бы потрясающая глава; оказывается, будто бы Войков принимал участие в убийстве Государя². Все это видел своими глазами и, будучи навеселе, как-то сказал это Беседовскому. Беседовский сейчас этот рассказ публикует³; по слухам, рассказ будто бы потрясающий; я отношусь с большим скептицизмом и к Беседовскому, и к Войкову, и ко всему тому, что они говорят и пишут; но Вы чувствуете сами, что может из этого выйти; если рассказ будет напечатан и впечатление произведет, то создастся как раз та политическая атмосфера, в которой поступок Коверды не только будет понятен и будет возбуждать симпатии, но содержание его в тюрьме будет многих возмущать; вот в связи с этим и нужно будет предпринимать меры в его пользу; легче найти будет заступников и надежней будет успех. Мне представляется, что в ожидании этого не стоит расстреливать наших зарядов и предпринимать те шаги, о которых Вы писали. Что Вы можете по этому поводу сказать?

Теперь из области менее серьезной. Вы со мной не финтите и не отговаривайтесь, Ваши подлости Вам самому же известны, и не ищи-

те их там, где их нет. Я, впрочем, не требую от Вас исповеди и даже покаяния, а только чтобы Вы не считали меня [пропуск в тексте].

Теперь еще последнее; не знаю, доходили ли до Вас сведения, что я последнее время стал все баловаться литературой; совсем не уверен в том, что у меня хватит терпения довести свою литературу до конца, но, во всяком случае, по мере того, как ею занимаюсь, со мной происходит то, что с человеком, который смотрит в бинокль и вертит стеклышком; далекие очертания становятся все яснее и яснее. Так и со мной, по мере того как я что-нибудь описываю, вся картина событий становится все более связной и цельной. Мне очень мешает и, вероятно, окончательно помешает то, что у меня в моих воспоминаниях чересчур смешанный жанр; здесь и автобиография, и история, и публицистика; словом, всего понемножку и ничего цельного; но иначе я и не смог бы заниматься одной автобиографией, т.е. писать о себе было бы не мой жанр де ботэ⁴; превратиться в художника, говорить обо всем полунамеками, т.е. рисовать, как Вы это делали в «Днях», мне не по плечу; адвокатура выработала во мне привычку неискоренимую все разжевывать, вталкивать, дорожить каждым аргументом; как писателю, мне это мешает. Но это все формальные недостатки, но по существу такое переживание прошлого необычайно поучительно и интересно; оно начнется, в сущности, с января месяца в «Современных Записках»; они займут целый ряд номеров под одним заголовком «Освободительное Движение»⁵. Я об нем говорю совсем не так, как Вы, и думаю, что моя точка зрения не только для меня, как для его участника, обязательна, но что она гораздо более правдива. Освободительное движение было неизбежно и было полезно для России, и ругать его я не могу; но оно же было и несчастьем для России, ибо все позднейшие беды заложены были именно в нем. Если пользоваться банальным сравнением, то я бы сказал, что эта операция была совершенно необходимой, потому что больного не лечили вовремя, но хотя эта операция больного спасла, но его оставила все-таки калекой. Такая точка зрения, конечно, никому не понравится, что хуже, немногие ее даже поймут; а между тем, я думаю, что когда мы отойдем на большую дистанцию, то о нашей эпохе будут судить именно так; ввиду этого рекомендую Вам, начиная с января, «Современные Записки» читать; если мне пришлют обещанное число оттисков, я Вам даже преподнесу. Не помню, преподнес ли я Вам первую статью, имеющую характер вступления, причем такого вступления, что если только я доведу труд до конца, а «Совр[еменные] Зап[иски]» сделают то, чем грозятся, т.е. выпустят их отдельной книгой⁶, то я этой статьи не помещу; тогда, когда я ее писал, мне еще было не ясно, как сложится дальнейшее изложение, и между мыслями этой статьи и тем, что я го-

ворю позднее, если нет явного противоречия, то есть все-таки невязка [так!]; если Вам эту статью не прислал, то могу прислать теперь. Но в сентябре вышла моя вторая статья такого же характера, посвященная реформе Александра II и реакции Александра III⁷; оттисков этой статьи у меня нет, и прислать Вам ее я не могу; однако, так как Вы сами были сотрудником «Современных Записок»⁸, и думаю, что они Вам продали бы экземпляр за 10 франков, рекомендую таковой приобрести; не потому, чтобы Вам эта статья сказала что-либо новое, или потому, чтобы я видел в ней какие-то особые достоинства, а просто потому, что в этих статьях к слову и мимоходом я говорю о Столыпине в таких тонах, которые должны Вам понравиться, хотя бы потому, что редакция «Совр[еменных] Зап[исок]» сочла нужным заявить о полном своем несогласии со мной⁹.

Вообще я нахожу, что Вы из зависти не обращаете достаточно внимания на мою литературную работу, и я рассчитываю, что я как-нибудь сумею Вам напакастить.

Последняя новость Парижа, но еще не проверенная: по-видимому, Н.Н. Львова постигла участь П.Б. Струве, и Гукасов его выставил; для него это будет сущей трагедией, которая еще увеличится от печальных сопоставлений и воспоминаний, но я его еще не видал и потому не знаю, в какой мере это справедливо.

Потеряли ли Вы всякую связь с нашей общей знакомой; известно ли Вам, что она очень серьезно больна и находится в санатории чахоточных. Я не так, как Вы, и не только не прячу от Вас ее адреса, но даже Вам сообщаю, чтобы Вы ей написали для развлечения от скуки, ее адрес: санаторий Hôtel du Mont-Blanc, PASSY (Haute-Savoie).

---

¹ Беседовский Григорий Зиновьевич (1896–1951?) — советский дипломат, «невозвращенец»; анархо-коммунист с 1910 г., левый эсер с 1917 г., член Украинской партии левых социалистов-революционеров (боротьбистов) с 1919 г., в августе 1920 г. вступил в РКП(б). В 1920–1922 гг. — на руководящей советской, партийной и профсоюзной работе в Полтаве. В 1922 г. — поверенный в делах УССР в Австрии, 1923–1925 гг. — советник Посольства УССР в Варшаве, член правления Амторга в Нью-Йорке (1925–1926 гг.), поверенный в делах СССР в Японии (1926–1927 гг.), советник полпредства СССР в Париже (1927–1929 гг.). В начале октября 1929 г. Беседовскому, которого, заподозрив в намерении остаться во Франции, пытались задержать в здании полпредства, удалось бежать, перепрыгнув через забор. Мемуары Беседовского «На путях к термидору» вышли в свет в Париже в 1930 г.

² Войков Петр Лазаревич (1888–1927) — советский и партийный деятель, дипломат. В 1903–1917 гг. — меньшевик. В 1907–1917 гг. в эмиграции в Швейцарии. Вернувшись в Россию, в августе 1917 г. вступил в РСДРП(б). В октябре 1917 г. секретарь областного бюро профсоюзов и председатель го-

родской думы в Екатеринбурге. В 1918 г. комиссар снабжения Уральского совета. Принимал участие в организации убийства царской семьи. В 1919 г. заместитель председателя Правления Центросоюза; с 1920 г. одновременно член коллегии Наркомвнешторга; с 1921 г. заместитель председателя государственного треста «Северолес». С октября 1924 г. был полпредом СССР в Польше. Убит Б.С. Ковердой 7 июня 1927 г. в Варшаве. Похоронен на Красной площади в Москве.

³ Изложение рассказа П.Л. Войкова об убийстве царской семьи и в самом деле появилось в мемуарах Беседовского. См. переиздание: Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997. С. 110–117. Разумеется, достоверность как самого рассказа, так и изложения его Беседовским далеко не очевидны.

⁴ жанр де ботэ — от франц. *genre de beauté* — не в [моем] стиле (обычно о красоте женщины).

⁵ Воспоминания Маклакова публиковались под общим названием «Из прошлого». Первые, вводные, главы воспоминаний носили скорее историко-софский, нежели мемуарный характер.

⁶ Отдельным изданием воспоминания Маклакова под названием «Власть и общественность на закате старой России» вышли в издании «Иллюстрированная Россия» (Париж, 1936. Т. 1–3).

⁷ Александр II (1818–1881) — российский император в 1855–1881 гг.; Александр III (1845–1894) — российский император в 1881–1894 гг. Его царствование ознаменовалось критикой реформ Александра II и осуществлением некоторых контрреформ.

⁸ Маклаков явно иронизирует. Шульгин никогда не печатался (и не мог печататься в силу коренной разницы во взглядах) в «Современных записках», чего Маклаков не мог не знать.

⁹ В редакционном примечании к публикации очередной порции маклаковских мемуаров говорилось: «Редакция “С.З.” не разделяет освещения исторических событий, данного В.А. Маклаковым. Предполагая еще не раз вернуться к вопросам об истоках русской революции, Редакция в ближайшей же книге рассчитывает дать на эту тему статью П.Н. Милокова» (Современные записки. 1929. Кн. 40. С. 291).

№ 113

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

17 Дек[абря] 1929

Bouluris s/Mer (Var)

Дорогой Василий Алексеевич.

Простите, что так долго не отвечал: причина — разные неурядицы жизненного характера, о чем не стоит Вас оповещать, ибо Вам это неинтересно.

Насчет Коверды: я думаю, что Вы правы, если только ко времени ожидаемой главы Беседовский сам себя не похоронит в «Последних Известиях»¹.

Ваши Труды: конечно, я Вам во многом завидую, Вы пишете так же блестяще, как и говорите. Но не потому, то есть не из зависти, я Вас «замалчиваю» (кстати, «Из Прошлого» оттиски я получил, благодарил своевременно, прочел и перечел). А потому, что между нами, кроме несоизмеримости дарований (кондитерствую), есть существенное расхождение и такого сорта, что оно, так сказать, пророческое: если мы доживем до лучших времен, то эти времена будут испорчены этой трещиной, которая расколет будущую Россию сверху донизу. Увы, мы с Вами будем по разные стороны этого рва, хотя оба будем белыми воронами каждый в своем стане по принадлежности. Мы будем возмущаться неправдой своих единомышленников, но все же будем среди них оставаться, ибо другой берег будет нам казаться еще более уклоняющимся от истины. Ров этот вырыл и будет расширять его с каждым новым днем еврейский вопрос. И именно по этой причине Вы меня тоже «замалчиваете», и даже больше, чем я Вас. Вы мне прислали «предисловие», я Вам преподнес целую книгу², но ни одного слова по поводу оной из Вас не выцедилося.

Теперь скажу Вам следующее. Ваша работа будет, конечно, так же превосходна и захватывающе интересна, как и ее начало. И главная ее прелесть, что составляло тайну Вашего обаяния и в Думе, это поза, которая как нельзя более идет к стилю Вашей красоты и которая хорошо определяется изречением Сийеса³, которое Вы цитируете. *Il veulent être libres et ne savent pas être justes*⁴. Вы же именно всеми своими манерами в оценке событий и в квалификации своих политических противников и друзей неопровержимо доказываете слушателям и читателям своим, что умеете быть *Juste* и более того, что *Veritas*⁵ есть настоящая Ваша любовь, от которой Вы не откажетесь никогда и ни при каких условиях, единственная красивая женщина, которой Вы не изменяли и не измените. Препарированный такими Вашими конструкциями слушатель и читатель в высшей степени располагает Вам доверять: он незаметно для самого себя теряет по отношению к Вам всякий свой внутренний отпор и послушно идет туда, куда Вы его ведете. И это тем более опасно, что все это Вы делаете совершенно искренне. Вы и сами убеждены, что Вы сделали решительно все, чтобы быть беспристрастным и справедливым, и что, следовательно, протиснутый через ущелья широчайшей терпимости вывод Ваш есть наибольшее из возможных приближение к истине. Но... но по существу дела весь этот упоительный аромат неподкупного анализа и тончайшего ума Вашего есть только наркоз. Анестезирующее средство,

которым Вы усыпляете прежде всего себя самого, а потом и других. Да, это так, и вот почему. Есть области, утверждения или верования, навыки, привычки, назовите, как хотите, которые в данное время живут в Вас, как некие категорические императивы. Их Вы никогда не подвергаете анализу острейшего ума Вашего, а стрелы противников, бьющие в эти области, Вы оставляете без ответа.

Так, во времена Думы, в Вас сидел такой категорический императив: все-таки, несмотря ни на что, надо бороться с существующим Строем. И Ваши стрелы в этом направлении были ничуть не слабее (а может, и действительно) оттого, что Вы с превеликим беспристрастием наносили удары только именно в те места, которые побить следовало. Но самая мысль нанести удар происходила из мотивов предрешенных. И вот эти Ваши аксиомные для Вас в данное время положения Вы никогда, при всем беспристрастии и анализировочности, не разбирали и не подвергали обсуждению — тогда.

Но зато Вы подвергаете эти основные вещи обсуждению теперь. Таким образом, Вы и сами, оказывается, были подвержены тому закону войны, который Вы сейчас в Вашем очерке с таким искрометным талантом разоблачили. Вы воевали, и в то время, как шел бой, не подвергали обсуждению, а тем паче сомнению, цели и причины войны. Вы только рекомендовали и тогда более гуманные способы обращения с противником, то есть Вы были против отрезания носов и ушей, но Вы никогда не произносили того, что пишете теперь и что обозначало бы: «вложите мечи в ножны и ищите других способов, ибо нужна не борьба, а сотрудничество с властью».

Я это пишу вот к чему. Сейчас, мне кажется, Вы повторяете то, что уже было, но только в новом аспекте. По-прежнему Вы рассыпаете без счету жемчужины беспристрастия к противникам, строгого отношения к единомышленникам и к самому себе. И читать Вас — одно удовольствие, как в былое время — Вас слушать. Если Вы какой-нибудь предмет затронули, Вам даже не хочется возражать, — так неуязвимо дву- и даже многосторонне Вы его излагаете. Вы неспособны сказать неправду или даже просто преувеличивать. Но... но относительно тех областей, где все еще по какой-то причине действует категорический императив... Вы молчите. Так, излагая перипетии всего того, что мы пережили, Вы совершенно обходите еврейский и заодно и другие национальные вопросы. У Вас Россия выходит какой-то совершенно русской. Были правые, либералы, революционеры. «При чем тут вероисповедание?»

По сей причине Ваше изложение, несмотря на всю его чарующую объективность, справедливость и правдивость в тысячи и одной области, все же по существу страдает крайней односторонностью, ибо в

него совершенно не входит описание того, как действовали на русскую историю национальные факторы вообще и, в частности, наличие в России одной из могущественнейших по своим психическим качествам нации еврейской, которая русский исторический строй возненавидела ненавистью, совершенно не соответствовавшей «преследованиям», за каковое несоответствие злобы с «гонениями», она, то есть нация, теперь и наказуется.

Но, разумеется, если бы это мое скромное мнение, которое для Вас должно быть ясно, если Вы прочли мою книгу (на что, впрочем, не очень надеюсь), было только моим мнением, Вы могли бы на него не обращать никакого внимания, как можете пренебрегать и пророчеством Достоевского⁶, потому что это было давно, хотя и вследствие сего оно тем более выразительно. Однако мое мировоззрение, при всей его, допустим, несостоятельности, никак нельзя считать мнением изолированным. Сейчас как будто все уже признают наличие грозного для евреев и для нас, русских, антисемитизма на пространстве «одной шестой», а следовательно, возможность, которая была в былое время, считать или изображать этого рода настроения как изуверство кучки людей, преимущественно южно-русского происхождения, ныне отпадает. Как я пишу в своей книге, «малороссийские» настроения распространились на всю территорию россов. Если эти воззрения ошибочны, с Вашей точки зрения, то тем более смысл их опровергать и с ними бороться, так [как] они являются грозной опасностью завтрашнего дня.

Чтобы быть с Вами искренним до конца, скажу, что я Ваше молчание (поговорка говорит: «молчание еще не есть знак согласия; но если кто молчит, когда он может и обязан говорить, консентире видентур⁷»), Ваше молчание я толкую так: Василий Алексеевич отлично все знает и понимает; но так как «война продолжается», причем сейчас усыновленные и любимые дети либерализма подвергаются страшной опасности, то он не хочет увеличивать эту опасность признанием несомненных фактов; отрицать же их он тоже не желает, по этой-то причине и обходит сей роковой вопрос.

Я сейчас не буду распространяться на тему, что выгоднее — «признать и покаяться» (эту тактику Вы избрали для целого ряда областей) или же умалчивать. И вообще я не беру на себя смелости в чем-либо Вас убеждать, тем более, что, прислав Вам свою книгу, я тем самым изложил Вам свое мнение достаточно длинно, чтобы еще дольше Вас мучать своими домыслами. Но я только обращаю Ваше внимание; если есть область, о которой еще нельзя говорить, то, значит, время для истинно объективного изложения еще не пришло. Разумеется, это мое соображение отпадает, если я ошибаюсь в толко-

вании Вашего умолчания, Ваше игнорирование еврейского вопроса в России есть следствие Вашего непреклонного убеждения, что этот вопрос играл в революционном процессе ничтожную роль. Если это так, то я должен буду признать, что Вы, как и в освободительную эпоху 1905-го, подчинены сейчас в своих верованиях некому категорическому императиву, некому аксиомическому гипнозу, для меня непонятному, ибо я также аксиомически убежден, что еврейский вопрос сыграл великую роль в событиях. Но в этом случае Вы останетесь неразгаданным иероглифом не только для меня, но и для великого множества русских и иностранцев (начиная с Ницше⁸ и кончая Черчиллем⁹), которые одни предвидели, а другие констатировали огромную роль еврейства в мировом и специально русском масштабе. Ваша речь до сердца очень многих таких людей не дойдет, ибо каждый из них, читая Вас, будет задавать себе вопрос: «почему этот умнейший и даровитейший человек, зоркость которого может стать proverbially¹⁰, равно как и мастерство, и полнота изложения, почему этот многограннейший мозг не увидел той грани, которая, можно сказать, ясна была и полуслепым?» Вот почему я думаю, что Вам следовало бы поднять перчатку, брошенную мной евреям (по их же провокации), перчатку, которую они не посмели поднять, применив ко мне привычный им в таких случаях херим¹¹, то есть бойкот. Я думаю, что Вам следовало бы раскатать Шульгина так, чтобы и пера не осталось от нагроможденного им построения, и доказать урби эт орби¹² то, что Вы как-то мне сказали или написали: «я не нуждаюсь в этой гипотезе для объяснения перипетий русской революции».

Вот, дорогой Василий Алексеевич, почему я Вас «замалчиваю». Это замалчивание пока что остается «между нами», потому что вследствие футбола, которому (от нечего делать, должно быть) предалися Гукасов — Струве, я выведен в безгласные. Я могу молчать, потому что не обязан говорить. Но если бы я сейчас был бы в роли хотя бы редактора листка «Киевлянин в Париже», я обязан был бы печатно сказать в более ловкой форме, чем я это делаю в настоящем письме, мое сильное мнение о Маклакове-историке. Да минует меня чаша сия. А может быть, Вы подымете перчатку? Тогда я, может быть, если Вы меня убедите в особенности, ответчу новой книгой, и эта «томная» корреспонденция, быть может, внесет «атомную» долю света в вопрос.

Пока же кончаю, иначе Вы сами бросите читать.

Ваш В.В.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Так в тексте. Вероятно, Шульгин имел в виду газету «Последние новости».

² Имеется в виду книга Шульгина «Что нам в них не нравится».

³ Сиейес (Sieyes) Эмманюэль Жозеф (1748–1836) — аббат, деятель Великой французской революции. Один из основателей Якобинского клуба. Участвовал в выработке Декларации прав человека и гражданина. В 1799 г. вошел в Директорию, после переворота 18 брюмера 1799 г., приведшего к власти Наполеона Бонапарта, — один из консулов.

⁴ Ils veulent être libres et ne savent pas être justes (франц.) — они хотят свободы и не умеют быть справедливыми.

⁵ ...что умеете быть справедливым и более того, что истина есть настоящая Ваша любовь. Juste (лат.) — справедливость; Veritas (лат.) — истина.

⁶ Пророчество Достоевского — вероятно, Шульгин имеет в виду статьи Достоевского из «Дневника писателя» за 1877 г. «Еврейский вопрос», «Pro et contra», «Status in statu. Сорок веков бытия», «Но да здравствует братство!», посвященные «еврейскому вопросу» в России.

⁷ консентире видетур (лат. — consentire videtur) — соглашается с очевидным.

⁸ Ницше (Nietzsche) Фридрих (1844–1900) — немецкий философ.

⁹ Черчилль (Churchill) Уинстон (1874–1965) — британский политический деятель, ко времени, к которому относится переписка, около 20 лет (1908–1929 гг., с перерывами), занимал различные министерские посты в правительстве Великобритании. Черчилль посвятил еврейскому вопросу специальную статью «Сионизм против большевизма: Борьба за душу еврейского народа» (W. Churchill. Zionism versus Bolshevism: A Struggle for the Soul of the Jewish People // Illustrated Sunday Herald. 1920. February 8). Черчилль писал, что среди евреев идет битва между этими двумя идеологиями. Он весьма интересовался ролью евреев в российских событиях, явно симпатизировал сионистам и, разумеется, крайне негативно относился к большевикам, к которым приравнивал и «петлюровские банды».

¹⁰ Провербиальный (лат. proverbium — поговорка) — вошедший в поговорку.

¹¹ Херим (правильно — херем) — в иудаизме то, что стало запретным для пользования или соприкосновения либо потому, что противно Богу, либо потому, что посвящено ему.

¹² Урби эт орби (лат. urbi et orbi) — городу и миру.

№ 114

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 23-го Декабря 1929

Дорогой Василий Витальевич,

Вот это как раз то, что мне нужно. Вы очень ошибаетесь, предполагая, что я ждал от Вас печатного выступления, хотя в «России и

Славянстве» я иногда видел Ваши статьи. Но я хотел от Вас не печатной полемики, не печатных отзывов, а той дружеской беседы, которая гораздо интереснее публичной критики; это должно Вам, кроме того, показать, насколько я Вашим мнением дорожу. Теперь, раз Вы мне ответили, исправлю и свои погрешности перед Вами, хотя они не так велики, как Вы думаете.

Вы меня упрекнули за то, что я ничего не написал Вам о Вашей книге; во-первых, это неправда, я отлично помню, что я Вам написал, хотя, кажется, от руки; остается предположить, что либо Вы не получили письма, что возможно, либо в моем почерке прочли совсем не то, о чем я Вам писал. Как бы то ни было, греха молчания за Вами я не считаю, но охотно признаю, что написал я мимоходом, общее впечатление, и потому воспользуюсь Вашим теперешним письмом, чтобы написать Вам побольше. Во всяком случае, будет не для печати, совершенно конфиденциально, и материалом, который я Вам дам, я Вам разрешаю воспользоваться разве для моего некролога, если Вам придет в голову его написать.

Я заодно буду писать Вам и о Вашей книге, и о себе, так как оба вопроса тесно связаны с Вами самим, и потому перехожу сразу к основной теме: почему я не говорю ничего о еврейском вопросе.

На это у меня есть два ответа, из которых один Вы проводите уже сами. Я имел случай Вам написать, и Вы это вспомнили, что для объяснения событий в России еврейский вопрос мне вовсе не нужен. Это я Вам повторю и сейчас. Это вовсе не значит, что он никакой роли в событиях не играл, и притом роли отрицательной, а просто, что сравнительно с общими причинами катастрофы, эта причина была поистине кантитэ нэглижабль¹. Представьте себе, что мы стали бы разбирать, почему человек заболел холерой, когда он жил в абсолютно гигиенических условиях. Помнится, так было со смертью П. И. Чайковского; и вот оказалось, что однажды он вычистил зубы некипяченой водой, и все поняли, что именно в этом причина болезни²; это может быть правда, но если заболел бы человек, живущий в грязи, среди больных, систематически евший сырые фрукты и пивший сырую воду, стали бы мы указывать, что причина болезни то, что он чистит зубы некипяченой водой? Ясно, что наряду с другими причинами чистка зубов роли не играет, хотя это вовсе не означает, что ее можно было одобрить и разрешить. Продолжив сравнение, я скажу, что ведь и самый вред этой чистки объяснялся более всего общей гигиенической обстановкой, что этот вред только продукт этой обстановки. Так было и с еврейским вопросом в России. Опасность этого вопроса и вред еврейского влияния, может быть, только потому и сказывались, что он падал на такую подготовленную почву; да и самый его

вред был в том, что он явился каналом, через который действовала общая зараза. И вот, разбирая основные причины, и глубокие причины, заложенные в главных действующих силах, и в правительстве, и в обществе, и в консерваторах, и в либералах, находя, что именно они виноваты и что каждой из этих сил нужно исповедывать свои грехи, я просто считал бы диверсией, оптическим обманом, если бы мы наряду с ними говорили о еврейском вопросе. Это вот первая причина, о которой Вы уже слышали от меня. Но скажу Вам и другое.

Вторая причина характера тактического, но чтобы Вы ее лучше усвоили, расскажу Вам анекдот, который небезынтересен, так как он имеет некоторое касательство к Вашей книге. Года два тому назад, если не ошибаюсь, в одном очень закрытом обществе, предоставляю Вам догадываться, если хотите, в каком³, был прочитан одним очень хорошим, умным евреем доклад о еврейском вопросе в России, с еврейской точки зрения; он рассказывал очень убедительно еврейский мартиролог и все те мытарства, которым подвергался еврейский мальчик и юноша, сталкиваясь то с чертой оседлости, процентной нормой и т.п.; рассказывал и о том, что, не наблюдая в русском обществе, по крайней мере в обществе простых людей, никакого юдофобства, это еврейское юношество приходило к заключению, что все напасти на них идут исключительно от правительства, и потому учились этому роковому предположению — народ и власть, которое лежало в основе многих наших неудач. Этот еврей рассказывал и о позднейшем времени, когда русское общество подошло ближе к власти, когда антисемитизм стал замечаться в общественных настроениях, говорил о тяжелых переживаниях и разочарованиях еврейства в эту эпоху. Повторяю, что доклад был очень благожелательный, разумный и правдивый. Я ушел перед началом прений, но во время перерыва, беседуя по поводу доклада, я высказал пожелание, чтобы наряду с этим докладом о еврейском вопросе с еврейской точки зрения в том же самом обществе был бы прочитан обратный доклад о еврейском вопросе с русской точки зрения и чтобы какой-либо русский не антисемит по профессии и по склонностям с откровенностью и честностью сказал бы, в чем русские люди упрекают еврейство. Я указывал, что если это сделать без демагогии, без прессы и публики, а в том замкнутом кружке, где происходил разговор, то это могло бы быть очень полезно, ибо вопреки Тютчеву, изреченная мысль есть не ложь, но, напротив, часто обличает то, что в ней есть ложного⁴. При этом разговоре был и Поляков⁵, он стал просить меня пояснить, что я подразумеваю под нашим недовольством евреями. Я указывал тогда, как пример, на тот факт, что русские в громадном количестве работают здесь на самых отвратительных службах, начиная с Рено и кончая лакеями в

ресторанах, что процент евреев на этих работах несравненно меньше, а, напротив, мы их видим на разных культурных должностях и службах; что, приходя на какие-нибудь русские увеселения, балы и концерты, мы на каждую сотню евреев насчитываем 2–3 человека русских-христиан; такая превратность нашей судьбы в сравнение с ними вызывает и зависть, и другие чувства того же характера. Конечно, все это возможно объяснить их большой практичностью и поддержкой, которую они друг другу оказывают, настойчивостью и вообще многими свойствами, но факт недовольства все остается и его нельзя скрыть. На это Поляков отвечал мне необычайно пошлыми возражениями, которые показывали, что он просто не понимает никакой психологической законности нашего недовольства. Конечно, мы ни до чего не договорились. Но, как это часто бывает, мои замечания безрезультатно не остались; именно результатом этого был тот публичный вызов, сделанный Поляковым, который породил Вашу книгу. Вызов был, конечно, не о книге, а о митинге, и меня приходили тоже звать выступать на этом митинге, но митинг на эту тему был уже полным искажением моей мысли; для меня было очевидно, что из митинга ничего умного выйти не может и, что вопрос, который можно было поставить в интимной и друг другу верившей среде, был бы колоссальной ошибкой, если его ставить при публике; потому от митинга я отклонился.

Вмешивание широкой публики в этот спор, происходит ли оно путем митинга или путем выпуска в свет такой книги, как Ваша, имеет ту роковую сторону, что впутывают в этот спор людей и из того, и из противоположного лагеря, разговаривать с которыми бесполезно; между тем, всего больше именно это бесполезное препирательство между ними и создает еврейский вопрос в его настоящей форме.

Есть два сорта людей, с которыми я не могу разговаривать: это, во-первых, те антисемиты, которых Вы по своей терминологии называете зоологическими. Я не могу разговаривать с ними именно потому, что отлично их понимаю, и даже более того, в отличие от Вас я, пожалуй, их настроение разделяю. Лично мне еврейский облик несимпатичен и думаю, что большинству из нас; недаром, когда мы хотим похвалить еврея, мы говорим, что он на еврея не похож; еврейский облик даже физически часто смешон, а если не смешон, то неприятен. Я совершенно не знаю евреев, ни мужчин, ни женщин, которым бы шло на пользу именно то, что они типичные евреи. Этот инстинкт такой же неразумный и такой же неотразимый, как и то, что белым не нравятся негры. Но что же из этого следует. Помните, в Думе я один раз отстаивал право каждого быть антисемитом⁶. Я это и сейчас признаю; нельзя заставить себя любить то, что не нравится.

Нужно просто в этой нелюбви признаться, можно ею возмущаться, можно над ней пошутить и затем помнить о ней, так как она способна здравые и нормальные понятия затемнить. Но мы видим на деле другое: люди, которые страдают этой слабостью, на основании ее и только ее строят все свое мировоззрение. Опять-таки это свойственно человеческой слабости, мы по-разному относимся к людям, которые нам симпатичны и несимпатичны; то, что в одних мы встречаем с добродушной насмешкой, в других злобно осуждаем. Все мы готтентоты; и это сказывается и в личных отношениях, и в партийных; вспомните на минутку, как мы относились к убийству из-за угла Герценштейна⁷ и адмирала Чагина⁸ только потому, что один был наш, а другой чужой. Мы не верим никакой клевете на любимого и приятного нам человека и, наоборот, с радостью подхватываем всякий вздор против того, кто нам несимпатичен. Добрая половина антисемитских аргументов вся выросла на этой почве; мы верим всякой клевете и всякому нареканию только потому, что они нам несимпатичны. Вот это меня не только раздражает, но глубоко возмущает; когда Вы покопаетесь, что лежит в основе и легионизма, и озлобленности, то находите это зоологией, и затем, как часто бывает в споре, когда Вы это обнажили, то человек с необычайным добродушием и самодовольством признается: да, это правда, но они мне несимпатичны, и я ничего не могу поделать, я всему верю; но покуда он в этом признается, антисемит упорно стоит на своих утверждениях, отстаивает всякий вздор, и спор с ним в этих условиях очевидно бесполезен, как всякий спор о чувствах, и отвратителен, так как он весь построен на неискренности. Вот Вам очень большая полоса людей, с которыми, если возможно, я больше не спорю.

Но и в семитическом, в еврейском лагере есть тоже категория людей, которые меня раздражают и с которыми спорить я не могу; это все те люди, которые приходят в искреннее негодование при малейшем нападке на евреев, которые видят оскорбление их национальности в предпочтении нами своей собственной, которые засчитывают в разряд антисемита всех тех, кто не разделяет их мнения о себе, а всякого антисемита считают погромщиком. Пусть это настроение сложилось исторически на почве многовековых несправедливостей, которыми еврейство было окружено. Когда я вижу эту претензию, еврейский агрессивный национализм, в моих глазах вполне оправданный их историей, и культурой, и талантом, но который я не могу переваривать, когда его навязывают другим, то я испытываю такое же негодующее чувство, когда говорю с неискренним антисемитом. Я никогда не забуду одного интересного вечера в Петербурге, когда на квартире Винавера был, не помню по какому поводу, ужин и бесе-

дование выдающихся евреев и заведомых русских не антисемитов. Я помню эту нетерпимость и требовательность еврейства, чтобы мы, русские-христиане, не смели предпочитать свою культуру и себя им. Калманович⁹, один из тех евреев, которого я глубоко любил и уважал, провоцировал меня говорить, хотя я не хотел, и я оказался тогда белой вороной в этом лагере, так как вполне разошелся и с Шингаревым¹⁰, и другими ораторами. Но когда мы с этого ужина ушли, многие молчавшие мне выражали сочувствие. Вот это другая позиция, другая психология, которую я тоже не перевариваю, хотя и могу понять ее психологию.

Столкновение этих двух психологий, спор между ними, спор, где аргументы не при чем, потому что все дело в одном настроении, и делает всякий публичный спор по еврейскому вопросу бесполезным и даже глубоко вредным. Вы знаете, что иногда люди в момент раздражения и спора должны перестать говорить, ибо они ничего не скажут умного и даже честного, они непременно наговорят лишнее, в чем раскаются. Попытка разобрать объективно еврейский вопрос сейчас, вытянуть на авансцену представителей этих настроений кроме взаимной горечи и раздражения в споре в этих условиях ничего не оставят. А между тем, и тут я совершенно согласен с Вами, что давно пора ввести еврейский вопрос в те настоящие рамки спокойного и объективного размежевания и формулировки, притязаний друг к другу, который никогда не делался.

Как пишут в серьезных книгах, после этих предварительных замечаний, я должен был бы перейти к Вашей книге; но я думаю, что после того, что я сказал, это можно сделать очень кратко. Ибо поскольку от Вашей книги я ожидал бы такой постановки вопроса, постольку она своей цели не достигла.

И тут дело не только в том, что раз Вы вынесли спор на улицу, Вы сейчас же столкнулись с этими крайностями, которых все равно Вы ни в чем не убедите. Беда хуже. Хотели ли Вы этого или не хотели, говоря на публике, при всем желании объективности Вы заразились ее настроениями. Я как адвокат и депутат замечал, что мы можем публику презирать и с ней не считаться, но ее молчаливое присутствие при спорах все же на нас влияет; и вот это вредное влияние улицы я вижу и на Вашей книге.

Если отнестись к ней совершенно беспристрастно, т.е. прощать отдельные словесные неловкости и ошибочные аргументы, то с очень многим я в Вашей книге согласен; потому что, как это ни странно, вопреки пословице Вы начали за упокой, а кончили за здравие. Многие евреи и юдофилы не пойдут далее первых страниц, и я их понимаю, но если почитать книгу до конца, взять те практические выводы,

которые Вы в своей книге делаете, то я почти во всем с Вами согласен; я думаю, что Вы близко подошли к тому, как нужно ставить вопрос. Но роковое значение улицы сказалось на том, что в половине книги совершенно произвольные и тенденциозные обобщения явно вопиющих несправедливостей; все они варианты на знаменитую Столыпинскую фразу: в политике нет мести, но есть последствия. И то, что нужно воспринимать как последствия и заслуженное, Вы выставляете как дьявольский план отмщения. В этом масса несправедливости. А такая несправедливость при этом обобщении может законно возмущать. Помню, Плевако сказал в одной из своих речей: на целую нацию клеветать — это богохульство. А самое дурное и вредное, что в этих Ваших обобщениях, где Вы, может, только диалектически, для целей полемики заостряете вопрос, как принято говорить, в этих Ваших обобщениях все эти антисемиты, о которых я Вам раньше говорил, найдут не только моральную опору и авторитетную ссылку, но и повод для самого отвратительного гоготания. Я бы взялся Вам, если бы было время, вычеркнуть из Вашей книги всего несколько десятков страниц, чтобы вытравить эту дурную сторону без всякого ущерба для ее серьезного интереса. Правда, тогда она и не имела бы столько уличных поклонников, которые в ней только это и заметили; но ведь Вас я знаю, и Вы их не ищите.

Но вот и другое последствие того же самого. Ведь по замыслу Ваша книга есть обращение к евреям, попытка их убедить, им открыть глаза на их же недостатки. Эта попытка и почтенная, и своевременная. Но разве Вы не чувствуете, что когда Вы к ним обращаетесь, то вкладывать Ваши аргументы в такую рамку, значит, как будто нарочно закрывать всякий доступ к их уму и сердцу. Ведь это и произошло, да иначе и быть не могло. Некоторые Ваши аргументы [пропуск в тексте] так своей несправедливостью и произвольностью, что люди не стали дальше читать. Должен Вам сказать, что я слышал с их стороны о Вашей книге самые идиотские и несправедливые отзывы. Но виню за эти отзывы Вас.

И вот последнее заключение, с которым заранее прошу извинения. Знаете, что меня лично помимо всего более корбило. Это умышленно вульгарный тон Вашей книги, все эти умышленные словечки, которыми обыкновенно не говорят серьезные, особенно трагические вещи. А ведь Вы говорили о трагедии. То, что можно написать в дружеском письме, в веселой беседе, то не идет в летр дэ фер пар¹¹, когда извещают о смерти или где выражают соболезнование о покойнике. А ведь книга почему-то написана этим языком, как будто Вы нарочно говорите об этом вопросе, по выражению французов, пар дессю лю жамб¹². Но что меня только корбит, как погрешность литературного

вкуса, столь на Вас непохожего, то других оскорбляет. И я опять Вас спрошу: если Вашей целью было разъяснение и примирение — то зачем Вы так поступали?

На этом я кончаю; повторяю, что я в общем сочувствую цели этой книги и многим ее положениям; многое, что Вы сказали, мне самому не приходило в голову и с чем я могу согласиться. Но эта цель была исполнена плохо; все, что было в Вашей книге ценного и нового, все заслонилося этим старым и вредным. И тут я Вам скажу: именно Вам нужно было писать ее иначе. Если бы выводом Вашей книги была шмаковщина или дрюмонщина¹³, то я бы все понял, это было бы последовательно. Именно потому что Ваши выводы в общем для евреев благоприятны, приемлемы, во всяком случае могли бы быть тем, что называется базой для переговоров, то подход к этим выводам неудачен. Вот Вам мое искреннее мнение. Конечно, я Вас ни в чем не убедил. Да, конечно, я и не мог бы высказать его печатно, ибо — я в этом не сомневаюсь — если бы мое теперешнее письмо стало достоянием гласности, то наши антисемиты нашли бы, что я куплен евреями, а евреи, что я ничем не отличаюсь от погромщиков. Ведь это сцилла и харибда еврейского вопроса, и тот, кто хочет о нем говорить для дела, должен уметь проехать между двух крайностей или лучше тогда о нем вовсе не говорить. Я мог бы сказать еще очень многое, но полагаю, что этого совершенно достаточно, чтобы Вы от всей души меня обругали.

---

¹ кантитэ нэглижабль — величина, которой можно пренебречь.

² По официальной версии П.И. Чайковский заразился холерой в результате того, что выпил стакан некипяченой воды в период эпидемии этой болезни.

³ Маклаков намекает на заседание масонской ложи.

⁴ Маклаков оспаривает вошедшее в поговорку утверждение Ф.И. Тютчева, высказанное в стихотворении «Silentium!» ([лат.] «Молчание!»): «Мысль изреченная есть ложь».

⁵ Имеется в виду С.Л. Поляков-Литовцев.

⁶ в Думе... отстаивал право каждого быть антисемитом — Маклаков, несомненно, имеет в виду свою речь в 3-й Государственной думе по поводу законодательного предположения об отмене черты оседлости, произнесенную 9 февраля 1909 г. Выступая в поддержку законопроекта, Маклаков пытался убедить антисемитски настроенную часть Думы следующими аргументами: «Антисемитом может быть каждый, кому угодно, и каждый может свой антисемитизм проявлять, но он может проявлять его только в сфере личных и общественных отношений. Эта сфера очень широка. Пусть все враги еврейства чуждаются и бойкотируют евреев в личных деловых отношениях, пусть ничего у них не покупают и ничего им не продают... Все это право каждого антисе-

мита. Можно провести свой пуританизм гораздо дальше: отойти от области экономических отношений, можно отворачиваться от статуй Антокольского и закрывать уши от музыки Рубинштейна. Это право каждого, но если каждый человек может быть антисемитом, то государство не имеет права им быть; ибо у государства есть свой долг, есть свои обязанности перед подданными, ибо государство может быть только правовым явлением... когда у нас жалуются, что русская национальность не дает достаточного отпора еврейству, я бы хотел сказать тем, кто жалуется, что для этого нужно уничтожить тот государственный антисемитизм, который сделал то, что быть антисемитом у нас так же удобно, как бить по лежащему, топтать того, кто уже связан. Я бы сказал антисемитам, что они первые должны настаивать на признании еврейского равноправия, чтобы этим приобрести моральное право быть антисемитами» // Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв, сессия IV, заседание 54. 9.II.1911. СПб., 1911. Стлб. 1545–1546. Однако же думские противники еврейского равноправия не чувствовали никакого морального неудобства от «битья по лежащему», и диалектические ухищрения Маклакова пропали зря — думское большинство законопроект не поддержало.

⁷ Герценштейн Михаил Яковлевич (1859–1906) — экономист-аграрник, один из создателей и идеологов партии кадетов. Депутат 1-й Государственной думы, в которой выделялся яркими выступлениями по аграрному вопросу. Застрелен черносотенцем 18 июля 1906 г. недалеко от собственной дачи.

⁸ Так в тексте. Очевидно, Маклаков имеет в виду адмирала Григория Павловича Чухнина, умирителя восстания военных моряков в Севастополе в ноябре 1905 г., убитого 28 июля 1906 г. матросом Я.С. Акимовым.

⁹ Калманович (Кальманович) Самсон (Самуил) Еремеевич (1858–1930-е гг.) — адвокат, присяжный поверенный, общественный деятель; социал-демократ. Вследствие ограничений для евреев-юристов, принятых в 1889 г., пробыл в звании помощника присяжного поверенного девятнадцать лет. Работал в Саратове, затем в Петербурге. В 1888 г. по поручению одесского палестинофильского кружка ездил в Стамбул для выяснения политических условий еврейской эмиграции в Палестину. Принял участие в ряде политических процессов и защищал интересы евреев в громких погромных делах — кишиневском, гомельском и киевском. Поселившись в Петербурге, стал принимать активное участие в еврейской общественной жизни. В 1909 г. принял участие в Ковенском совещании еврейских общественных деятелей. В 1911 г. был избран в члены комитета Общества распространения просвещения между евреями в России. В 1920-е гг. юрист-консультант Советского полпредства в Эстонии. Затем жил в Германии, где работал в советских организациях. С 1926 г. в СССР. Получал пенсию от Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев за участие в защите обвиняемых на политических процессах до 1917 г. В 1930 г. арестован по делу меньшевиков. Провел год в тюрьме, после чего был освобожден. Благодарю д.и.н. В.Е. Кельнера за предоставленные сведения.

¹⁰ Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) — врач, один из лидеров партии кадетов, с 1908 г. — член ее ЦК. Был близок к идейному антагонисту

Маклакова — лидеру партии П.Н. Милюкову. Депутат 2–4-й Государственных дум. После Февральской революции — министр земледелия, финансов Временного правительства. Арестован после большевистского переворота. Убит в тюремной больнице матросами в ночь разгона Учредительного собрания.

¹¹ лeтp дэ фeр пap (фpaнц.) — уведомительное письмо, извещение.

¹² пap дeсcю лe жaмб (фpaнц.) — небрежно, кое-как.

¹³ шмаковщизна или дрюмонщизна — первый термин образован Маклаковым от имени Алексея Семеновича Шмакова (1852–1916) — одного из лидеров черносотенцев, автора многочисленных юдофобских произведений; среди них — книга «Международное тайное правительство» (М., 1912), тематически перекликавшаяся с «Протоколами сионских мудрецов». Будучи юристом по образованию, Шмаков выступал защитником в судебных процессах по делам о Кишиневском и Гомельском погромах (1903 г.), а также истцом (вместе с Г.Г. Замысловским) на процессе по делу Бейлиса (1913 г.). Термин «дрюмонщизна» произведен от имени французского историка и публициста, автора антисемитских произведений Эдуарда Адольфа Дрюмона (1844–1917).

1930

№ 115

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

15 Января 1930 года

Булурис сюр Мер.

Дорогой Василий Алексеевич.

Во первых строках моего письма поздравляю Вас с Новым Годом Русским (с басурманским, кажись, уже поздравлял). По хитрости Вашей и увертливости так я из Вас и не выудил астрологического предсказания на 1930 год. Между тем есть очень удобная форма, которую именно к уже наступившему году применил некий ученый звездочет, настолько известный, что имя его я забыл, но проживающий у Вас там, в Париже, а значит, Вы его должны знать. Он сказал: «Может быть, звезды ошибаются. Но никогда они еще не предсказывали с такой определенностью некоторых событий, а именно великих потрясений в России в первые месяцы 1930 года. Звезды, несомненно, говорят. И если на этот раз они ошибутся, то это будет обозначать, что их предсказания вообще ничего не стоят». Так и Вы бы могли что-нибудь сказать с тем, чтобы если этого не произошло, объяснить: «Я же Вам говорил, что и звезды могут ошибаться».

Но так как Вы этого не пожелали, то оставим святочные темы, гадальческие и перейдем к еврейскому вопросу.

Ваше письмо в высшей степени интересно. И не думайте, пожалуйста, что я настолько гиппопотам, что способен обидеться на Ваше суждение о моей книжке. Ваше мнение, что книга написана в несколько балаганном тоне, вполне обосновано. Я не могу сказать, чтобы я это сделал нарочно, что, конечно, еще хуже. Но зато теперь я могу, после Вашего указания, объяснить себе, почему так вышло.

Если хотите, балаган тут был, пожалуй, вполне натурален. Ибо он явился ответом на балаганное же выступление. Ну скажите, разве не балаган устраивать митинг по еврейскому вопросу при современных нам обстоятельствах? Вы отлично сами это почувствовали и на сей митинг не пошли, хотя он, собственно, как оказывается, нарочито для Вас и был устроен. Ваша историческая справка, как все это произошло, доставила мне несколько веселых минут. Так это значит — Вы,

знаменитый честный антисемит, которого визировал и провоцировал Поляков-Литовцев. А я, как дурак, принял на свой счет, не понимая, что до такой высокой чести, чтобы быть в еврейских глазах честным, мне еще далеко, как до рекордной высоты. И «обозвался казак на солдком меду». Впрочем, Вы, как кацап, ничего не поймете в этой песенке, которая начинается так: «И шумыть, и гуде, дрибный дождык иде; а кто ж мене, молодую, тай да дому доведе?» Вот я, галантный Пацюк, и обозвался, чтобы довести прекрасную Эсфирь. Но, оказывается, невпопад. Однако Вы сами виноваты. Как Вам известно, в известных случаях, когда молчат те, кому должно говорить, камни вопиют. Я и разыграл роль камня. Что же Вы хотите от булыжника? Чтобы он Вам говорил фаянсовым языком?

Итак, дело началось с митинга, т.е. с балагана. Затем последовало балаганное же письмо Полякова-Литовцева, которое и было непосредственно причиной моей книги. Правильно или неправильно, но огромное количество людей основывает свой антисемитизм в настоящее время на том, что в морях пролитой крови и во всех прочих ужасах виновны де иудеи. Правильно или неправильно, но в душах этих людей скорбь и ад. И вот один из подозреваемых в убийствах отца, брата, матери, детей выходит перед строем одетых в траур людей и спрашивает с развязным видом: «Скажите, пожалуйста, что вам, собственно говоря, в нас не нравится?» Как можно ответить на такой вопрос. Надо признать в нем шута (а шутам, как известно, многое прощается даже при высочайших дворах); но тогда и приходится разговаривать с ним, как с шутком. Или же признать его за серьезного человека. Но тогда пришлось бы начать с окрика: «Измени сначала *maniere de parler*¹, пойми сначала, что ты стоишь у раскрытых могил; тогда мы будем с тобой разговаривать».

Я избрал первое, признал Литовцева-Полякова местечковым Митрофанушкой и в таком тоне с ним разговаривал. Это причина; хотя, быть может, и недостаточная. Быть может, надо было пренебречь бесчувствием Литовцева-Полякова и, раз взявшись за еврейский вопрос, отвечать не Полякову, и не Литовцеву, а собирательному еврею, и отвечать в стиле Исаи, Иезекеиля и прочих еврейских обличителей.

Вот это то, что касается тона книги. Вы правильно говорите, что, вероятно, многие евреи ее не дочитали. Но, с другой стороны, примите во внимание *altere pars*². Несомненно, что я писал для евреев. Но евреи от этой книжки отвернулись и, мало того, наложили на нее херим. Однако природа не терпит пустоты. После того, как от нее отвернулись евреи, ее прочли русские. И до сих пор ее усиленно читают те, для кого она не предназначалась. И вот тут-то если не вульгарный

тон, то кое-что другое, что есть в этой книге и что так задевает евреев, пригодилось. Ведь русские тоже не дочитали бы этой книги, если бы они не почувствовали в авторе человека, который вместе с ними пере-страдал вопрос. Может быть, этот человек, как начавший размыш-лять раньше некоторых других, прошел несколько дальше, а потому смотрит несколько мягче, но во всяком случае этим русским читате-лям ясно, что автор шел их путем; что ему знакомы их чувства и даже сокровенные извилины их мыслей и тысячу одно искушение этого пути. И почувствовавшим это этим русским читателям, может быть, было интересно узнать, до чего же этот близкий им человек в конце концов додумался. И даже далее того: быть может, эти «дочитавшие русские» отнеслись с некоторым доверием к заключительным мыс-лям автора, к той последней точке, до которой он дошел. Последняя же эта точка Вам совершенно ясна, и, как я вижу из всего Вашего письма, Вами разделяется. Она есть: посильное умягчение сердец.

Таким образом, помимо всякой ложной скромности, я, вполне принимая Ваше суждение, что книга написана неудачно, так как она писалась для евреев, нахожу, что она написана правильно, если при-знать, что ее читателями оказались русские. Ибо, как я уже говорил выше, русские ее дочитывают до конца. И если вообще слово челове-ческое имеет какую-либо силу, то они и мои последние заключитель-ные мысли воспринимают и, может быть, чуть-чуть смягчаются.

Теперь, значит, долг за Вами. Исходя приблизительно из одинако-вых мыслей и полагая, что эти мысли могли бы быть какой-то базой для каких-то переговоров, для какой-то «третьей» Гаагской конфе-ренции³, Вы должны были бы теперь написать такую же книгу, но так, чтобы ее прочли евреи. Таким образом две тучи, столкновение кото-рых сулит миру продолжительный период страшных потрясений, были бы тихонько и исподволь подталкиваемы друг к другу, с менее зверскими, несправедливыми и эгоистическими чувствами.

Ни один пророк не был понят своими современниками именно потому, что они все говорили на «пророчьем» языке, т.е. были страш-но далеки от окружающей их стихии. Их понимали и оценивали через века, и в этом их непреходящее значение. Но те люди, которые ока-зывали влияние на свое же поколение, те, хотя иногда внушали окру-жающей стихии мысли ей несвойственные, но всегда говорили с ней ее языком. И вот, быть может, раз нам приходится с Вами быть по раз-ные стороны барьера, именно и надо говорить разными языками (хотя и то же самое, по существу), в зависимости от того, к какой пуб-лике обращаешься.

Это вообще. В частности, у меня есть некоторые вопросы, на кото-рые при случае Вы, может быть, ответите. Вы пишете: «И то, что нуж-

но воспринимать как последствия, и заслуженные, Вы выставляете как дьявольский план отмщения. В этом много несправедливости. А такая несправедливость при этих обобщениях может законно возмущать. Помню, Плевако сказал в одной из своих речей: “На целую нацию клеветать — богохульство”».

Если бы Плевако жил в наши времена, то, вероятно, он должен был бы разразиться страстной филиппикой по адресу тех французов, которые называли всех немцев «бошами»⁴. Он должен был бы самым искренним образом возмущаться клеветой на целую нацию немцев. Но бедный Плевако попал бы при сем в совершенно порочный круг. Ибо называют немцев бошами, т.е. клеветают на целую нацию, все французы. Таким образом, Плевако, приписав всем французам способность клеветать на целую нацию, сам принужден был бы оклеветать нацию французскую, т.е. совершить богохульство. В такое точно положение он попал бы в Германии, только, пожалуй, еще в более неразбавленном виде. И таким образом, блуждая в мире, он не выходил бы из припадков обличения, а вместе с тем самому себе противореча. Ибо поставленный перед лицом факта, что целая нация совершает одно и то же плохое дело, он должен был бы такое поведение нации констатировать. А это, по его определению, было бы клеветой и богохульством.

С моей же точки зрения, что клеветать на одного человека, что на целую нацию, — приблизительно безразлично. Вообще не следует клеветать. Но если можно высказывать неблагоприятные суждения об одном человеке, то можно высказывать его и о множестве людей, т.е. о нации. В Вас, как и в Плевако, все-таки сказывается какая-то демократическая подоплека. Короли по конституционной фикции признаются безответственными. Но каждый знает, что это есть только фикция, введенная для удобства. Относительно же его величества народа демократическая доктрина устанавливает непогрешимость вроде папской, т.е. по существу. Отдельные люди могут совершать преступления; но целый народ ничего дурного совершать не может.

Как Вам известно, есть совершенно противоположная доктрина, которая полагает, что опасности искушений существуют и для целого народа. И даже более того: целый народ очень часто преступнее отдельных его членов. И даже, собственно говоря, логически рассуждая, целый народ может иметь только некую среднюю мораль. Эта средняя мораль может быть выше поведения уголовных элементов, но ниже мировоззрения просто порядочных людей. Ибо порядочные люди именно потому и называются порядочными и выделяются из других, что их сравнительно немного. Вот эта средняя мораль народа и является мерилom его относительного достоинства. И потому могут

быть народы лучше и хуже. Высказывать свое мнение, что этот народ хуже, а другой лучше, хотя бы таковое мнение и было бы совершенно неверным, не значит клеветать, если таковое мнение высказывается bona fide⁵.

Теперь у меня к Вам вопрос: по какому поводу Вы вспомнили Плевакинскую формулу? В чем Вы усматриваете мою клевету на еврейский народ, приравнимую к богохульству? (В скобках должен сказать, что в пылу ораторского красноречия сам Плевако несомненно совершил богохульство, когда он хулу на народ, каков бы сей народ ни был, приравнял к хуле на Бога. Это хороший пример того, как опасно перегибать палку). По-видимому, моя клевета — в том, что я выставляю «как дьявольский план отмщения заслуженные последствия».

Тут у нас будет размолвка на тему: каковы были эти последствия, и в какой мере они были заслуженные. Если в мере «око за око», то я все же остаюсь при том мнении, что за каждый еврейский зуб нам выбивали «все тридцать два», как говорил Стахович⁶ про Плевицкую⁷, в некотором роде представляя ее своим друзьям. Таким образом, боюсь, что при оценке того зла, которое причинила Россия евреям и, наоборот, евреям — России, пришлось бы очень долго и упорно торговаться с цифрами и всякими иными прочими доказательствами и оказательствами в руках.

Что же касается «дьявольского плана отмщения», то, насколько мне помнится, я избежал этой гипотезы «как таковой» (по бессмертному словоупотреблению Бадьяна). Наоборот, на великом количестве страниц я беспомощно вопрошал и себя самого, и всех, кому не лень было меня читать, есть ли тайное еврейское правительство, как утверждают масонообличители, или же евреи действуют солидарно только потому, что они характеризуются песенкой: «Мы все брат на брат похожи, как две туфли с одной кожи...». Не получив ответа ни от кого, я так беспомощно и замолк. Не ответив же на этот вопрос, я, естественно, не мог говорить о дьявольском плане отмщения, ибо для того, чтобы говорить о нем, надо чтобы был бы кто-нибудь, кому можно его, т.е. план, приписать. Приписать же дьявольский план отмщения целой нации, вот это было бы если бы не клевета, то во всяком случае нелепость. Ибо никакого плана, конечно, нация «как таковая» составить не может.

А совсем другое дело, что целая нация горела чувствами мщения, и что эти чувства вылились в целом ряде мстительных действий. Но эти действия (пока не будет доказано противного) предпринимались или отдельными евреями, или группами евреев, а не целой нацией. Целая нация только бешено злилась и готова была зубами терзать

своих врагов. Вот это так. И на этом я стою. Евреи злились на русских точно так же, как французы на бошей, а боши на французов. Утверждение это мое может быть верно или неверно, но согласитесь, что ничего клеветнического в нем нет.

Но я иду дальше. Я утверждаю, что на этих мстительных чувствах воспитывали еврейскую массу евреи политики. Вот почему я на них возлагаю главную ответственность. Ведомые иначе, все эти местечковые евреи, к которым мое сердце лежит, вероятно, больше, чем Ваше, чувствовали и действовали бы совершенно иначе.

Вот Вам свежее доказательство. В город Ригу за последнее время несколько раз приезжали казацкие хоры. Еврейская масса с восторгом ходила на эти концерты, слушала казаков и платила деньги за билеты. Тут было много естественного и благостного забвения с обеих сторон. Но этого не стерпели еврейские политики. Не угодно ли Вам прочесть следующую выдержку, которая мне прислана неизвестным мне лицом, указывающим, однако, что он с интересом прочел мою книгу и что мне, вероятно, надлежит знать о нижеследующей статье.

В местной газете «Фриморген» «известный журналист» М. Герц⁸ пишет:

«Казаки опять в Риге. Слишком частые гости они у нас. Вчера с Дона, сегодня с Кубани. Раньше, когда казаки появлялись в нашем городе, у населения застывала кровь в жилах. Сегодня бегут смотреть на них, как на “чудо”. Латвийская пресса подняла свой голос против этих “героев”. Кто бы раньше мог вообразить, что тех, которые так “геройски отстаивали” Ригу против всех “врагов” Царя-батюшки и Неделимой великой России, будут здесь встречать с таким “восхищением”. Раньше, когда появлялись казаки, всюду закрывали окна, запирали болтами двери, дети прятались и в страхе жались к матерям. А сегодня, кажется, все это вдруг забыто. Сегодня этот самый казак сменил свою “нагайку” на ноты, и еврейская публика идет и платит дорого за билеты, чтобы взглянуть на кроваво-красные лампы на их шароварах. Не было бы ли необходимо над всем этим еврейской публике задуматься?»

Я лично думаю, что если бы еврейская публика, не «задумываясь» устроила бы хорошенький погром своим Герцам и прочим набитым дуракам, которые пишут в еврейских и нееврейских газетах, то это сильно уменьшило бы опасность еврейских погромов со стороны «кроваво-красных лампасов» и прочих безлампасных штанов d'origine russe⁹.

Кончаю, потому что нет никакой возможности говорить об этом вопросе в одном письме и даже вообще в письмах. Поневоле приходится писать книги. И только напоминаю Вам еще раз, что как-то к этому вопросу подходить надо. Ибо бессловесное его обсуждение (безгласная злоба в тайниках душ человеческих), безусловно, опаснее всяческих высказанных громко мыслей. Ибо публично высказанная мысль всегда будет мягче и гуманнее, смягчаемая чувством стыда за свою «звериность», которое чувство есть мощная сдерживающая сила жизни общественной.

Ваш В.В.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ *maniere de parler* (франц.) — манера говорить, стиль речи.

² *altere pars* (лат.) — другую (вторую) сторону.

³ На Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. были приняты международные конвенции, устанавливающие законы и обычаи войны, права и обязанности нейтральных стран, а также мирного разрешения международных споров.

⁴ бош (фр. *boche*) — бранное прозвище немцев во Франции.

⁵ *bona fide* (лат.) — чистосердечно, с чистой совестью.

⁶ Стахович Михаил Александрович (1861–1923) — землевладелец, действительный статский советник; орловский губернский предводитель дворянства (1895–1897 гг.), видный земский деятель; член ЦК партии Союз 17 октября, один из основателей Партии мирного обновления в 1906 г. Депутат 1-й и 2-й Государственных дум, член Государственного совета по выборам от орловского земства (с 1907 г.); в 1917 г. назначен Временным правительством послом в Испанию.

⁷ Плевицкая Надежда Васильевна (1884–1941) — знаменитая эстрадная певица, исполнительница народных песен. С 1920 г. — в эмиграции. Была замужем за генералом Н.В. Скоблиным, командиром Корниловской пехотной дивизии в годы Гражданской войны. В эмиграции Скоблин начал сотрудничать с советской разведкой, в 1937 г. был участником похищения генерала Е.К. Миллера в Париже. Разоблаченный как советский агент, Скоблин скрылся, а Плевицкая, как пособница, была осуждена французским судом и умерла в тюрьме.

⁸ Герц М. — Гершон Мовшович (псевдоним — М. Герц) (1892–1958) — родился в Ковенской губернии и в семилетнем возрасте был привезен в Ригу; получил религиозное образование, но отошел от религии. Публиковаться начал с 19 лет. В 1919 г. возвратился в Ригу из России, где был в эвакуации, связанной с Первой мировой войной; работал в рижских газетах «Дер роитер

эмес» («Красная правда»), «Дос фолк» («Народ»), «Фриморгн» («Утро») и др.; писал юморески, фельетоны, произведения для детей. Кроме того, он автор двух книг — «25 лет еврейской печати в Латвии» (Рига, 1933, на идиш) и книги мемуарного характера. В период нацистской оккупации Латвии Г. Мовшович находился в советском тылу, где работал в печати; после войны возвратился в Ригу и активно собирал материалы о Катастрофе латвийского еврейства, намереваясь написать об этом книгу (получилась серия очерков). В 1950 г. был арестован по делу Еврейского антифашистского комитета, в 1951 г. приговорен к 10 годам заключения. После реабилитации в 1956 г. возвратился в Ригу.

⁹ d'origine russe (франц.) — русского происхождения.

№ 116

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 25-го Января 1930 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Ваше письмо давно требовало ответа; но как это всегда бывает, я не отвечал, потому что хотел ответить обстоятельней; а тут было много разных дел. Если Вы читаете русские газеты, то, может быть, до Вашего сведения дошло, что в жизни беженцев совершился некоторый переворот, значение которого, конечно, преувеличивают. Но этот переворот был все-таки достигнут нами, в том числе и мной; его осуществление требует еще много дополнительной работы, на которую уходит и время, и внимание. Достаточно Вам сказать, что диктую Вам письмо утром, днем имею заседание Эмигрантского Комитета¹, а вечером в зале Гаво должен буду представлять русскую эмиграцию и говорить торжественную речь по французскому адресу. Из всего этого можно найти не только смягчающие вину обстоятельства, что я Вам долго не отвечал, но и тому, что письмо будет недостаточно обстоятельным.

Меня с самого начала в Вашем письме задела, не в дурном смысле, одна Ваша фраза, которая и будет центром письма, но раньше все-таки же хочу сказать и о другом.

Вы с большой ловкостью, почти адвокатски, вывернулись из неприятного положения, т.е. дали ему очень благовидное оправдание; Вы говорите, «я балаганил поневоле, чтобы не разозлиться»; ибо не могу же я серьезно допустить, чтобы (цитирую Вас дословно) один из [пропуск в тексте] убийствах отца, брата, матери, жены и детей выходит перед [пропуск в тексте] одетых в траур людей и спрашивает с

развязным видом: скажите, пожалуйста, что Вам, собственно говоря, в нас не нравится?» Это картинное изображение должно было объяснить, почему Вы не могли говорить серьезно, а стали балаганить. Но посмотрите на вопрос несколько объективней. Почему Вы в чем-то подозреваете Полякова; за ним лично Вы никакой вины не признаете; если бы Вы подозревали его самого в убийстве жены, детей и т.п., то Вы не только не стали бы с ним балаганить, но, вероятно, не стали бы с ним разговаривать. Подозрение легло на него только в силу солидарной национальной ответственности; некоторые евреи убивали, может, жену и детей, а следовательно, и Вы в этом обвиняетесь. Вот Ваше рассуждение; но проводите эту мысль до конца; ведь некоторые люди не только во время погромов убивали и насиловали евреев, обвиняли их в ритуальных убийствах, но и завели такие правила в государстве, которых Вы сами не можете не считать гнусными, и, однако, Вы бы возмутились, если бы во всех таких преступлениях обвиняли всякого русского. И вот тут и сказывается недостаток объективности; солидарность так солидарность, обобщение так обобщение. И если Вы понимаете, что мы можем возмущаться, когда нас называют погромщиками, то мы и не имеем права подозревать в убийстве наших всякого еврея. Все это я провожу только как образчик некоторой непоследовательности, которая все-таки многое объясняет.

Теперь второе предварительное замечание. Вы не без остроумия хотите возложить на меня обязанность, которую сами не исполнили, написать книгу для евреев. Вашу книгу, говорите Вы, прочтут русские, а не евреи. Но в результате Вы этим русским привьете некоторые здравые мысли, изложенные в конце книги, а потому Вы предлагаете мне написать книгу для евреев, и чтобы она не была аналогична Вашей, я вначале должен был бы засвидетельствовать свое юдофильство, а в конце концов преподнести им спасительное нравоучение, объяснение, что мне в них не нравится. Я уже объяснял Вам, почему я писание книги на эти темы не считаю полезным; и, во всяком случае, я такими проектами не увлекаюсь. Но в одном с Вами согласен, на евреев только такая книга и могла подействовать, и для того, кто ставил бы своей задачей вызвать в евреях доброе чувство, а может быть, и сознание вины, для этого нужно было идти именно этим путем. Но ведь, милый мой огурчик, Вы-то сами, когда писали книгу, именно так и поставили свою задачу, ведь Вы-то писали ее для евреев в виде обращения к ним, почему же, поставив задачу так, Вы исполнили ее таким образом, что евреи не стали читать, как Вы и сами это признаете. Я вправе Вам тогда заметить, что поставленной цели Вы не достигли и что в этом Вы сами виноваты, это ведь только и требовалось дока-

зать моей критикой, и Ваше предложение написать другую книгу только для меня есть признание, что Вы написали не то, что хотели, а это, как говорят в учебниках схоластики [пропуск в тексте]. Но разрешите мне не покидать Вас на полдороге; я не согласен и с тем, чтобы Ваша книга была полезна для русских, ибо в первой половине книги, которая как раз достигала юдофобского сердца, Вы так польстили этому настроению и их оправдываете, что когда русские доходят до конца Вашей книги, то она на них никакого впечатления не производит. Ведь люди рассуждают упрощенно. Когда в былое время я в Думе, желая в чем-либо поколебать правые партии, начинал с нескольких комплиментов им, чтобы расположить в свою сторону (пользуюсь Вашей характеристикой моих выступлений), потом повести их за собой, то я должен был эту предварительную подготовку сделать в тех тесных пределах, которые нужны для того, чтобы найти общий язык. Иначе никто за Вами не пойдет, да и Вы сами с задачей не справитесь. Представьте себе, что кто-либо перед толпой, полной погромного настроения, выступил бы с речью, где перечислил все еврейские грехи и преступления до ритуальных убийств включительно, а затем бы прибавил, что, несмотря на все это, погром явление нежелательное; мог ли бы он рассчитывать этим приемом достигнуть желательных результатов. Вот почему и получилось, в конце концов: евреи Вашей книги не прочитали, а русские сделали из нее совсем не те выводы, которые Вы бы хотели.

Но все это были предварительные замечания, которые предлагаю Вашему беспристрастному вниманию; задели же Вы меня совсем не тем, а своим рассуждением о фразе Плевако «на целую нацию клеветать богохульство». И вот тут я должен представить Вам объяснение.

И мое первое объяснение заключается в том, что острота Вашего зренья здесь Вас не покинула. Когда я диктовал эту фразу, я очень хорошо понимал, что эта фраза и неудачная, но я не мог ее изменить просто из добросовестности, она была сказана именно так: я помню то дело, в котором Плевако ее произнес. Это было убийство помещиком ростовщика еврея по фамилии, кажется, Энгели. Плевако, говоря эту фразу, как будто снимал с себя подозрение, что он будет обвинять все еврейство, но тут же немедленно за этой фразой стал отмечать некоторые еврейские черты, которые могли объяснить, почему помещик, разоренный евреем заимодавцем, в конце концов, не стерпел и его убил. И вот Плевако, одобряя некоторые специальные еврейские черты, сами по себе не отрицательные, их любовь к деньгам, их жадность, их умение скапливать деньги, в то время как наши помещики их умеют только прокучивать, отмечая все эти черточки, в общем не отрица-

тельные, сам по себе Плевако хотел все-таки отмежеваться от слишком последовательных, беспощадных и прямолинейных юдофобов, которые видят в евреях соединение всех грехов и пороков. Когда Плевако говорил эту фразу, то в контексте ее смысл — резон д'этр² — был совершенно понятен. Но если взять ее одну, то, конечно, выходит бессмыслица. И прежде всего самое слово «клеветать» вопрос решает; как Вы правильно говорите, клеветать нельзя ни на целую нацию, ни на одного человека, и, может быть, было бы точнее говорить не слово «клеветать», а слово «обвинять», т.е. восстать против допущения, что целая нация может быть в чем-либо виновата. Пусть в Содоме и Гоморе не нашлось четырех праведников, но ведь даже мстительный Егова не только соглашался пощадить Гомору, если найдется там четыре праведника, но ведь вывел из нее Ноя. И Плевако мог бы сказать и мог бы развить мысль, что обвинение целой нации как таковой допускается только в те моменты отчаяния, когда, как Вы правильно говорите, поголовно подозревали и ругали всех бошей. Все Ваши рассуждения на эту тему совершенно справедливы, и я Вам могу только повторить свое оправдание, что у меня даже было инстинктивно побуждение переиначить фразу Плевако и сказать ее: «целую нацию обвинять — богохульство». А богохульство это потому, что если верить в Бога, то нельзя допускать безразборчивой и солидарной ответственности одного за всех. Все это условности, которые мы больно чувствовали во время войны по отношению к немцам; и ведь мы же, и Вы в том числе, превосходно знаем, что среди евреев есть люди совершенно святые, стоящие вне какого бы то ни было упрека и которых с вашей стороны грешно забывать, когда мы говорим о еврействе вообще. Но тут уже я возвращаюсь к тому самому возражению, которое приодил, когда говорил о Полякове.

И последнее слово, не потому чтобы я считал вопрос исчерпанным, а потому что нужно когда-нибудь кончать. В моей памяти осталось, как я был в Ясной Поляне и туда приехали в день рождения Толстого А.А. Столыпин³ и Э. Ухтомский⁴ и привезли с собой как новинку статью Бориса Чичерина по польско-еврейскому вопросу⁵, которая должна была быть напечатана в «Петербургских Ведомостях». Эти статьи там читались, обе они были письмом ректору Киевского университета Ренненкампу⁶. И статья Чичерина о евреях начиналась так: «Вы находите, — писал Чичерин, — что еврейский вопрос труднее польского, я же думаю, как раз наоборот; в вопросе польском есть трудно разрешимая сторона об уничтоженном когда-то Россией польском государстве, но вернуть Польше государство, разрешить этого вопроса нельзя, а какой же есть вопрос еврейский; я никакого вопроса не вижу; евреи не претендуют иметь особого госу-

дарства в России и, наоборот, тем тяготятся, что искусственными мерами создана какая-то иудея в Северо-Западном Крае. И что они собственными своими свойствами, трудолюбием и настойчивостью, самодеятельностью и солидарностью иногда побивают русские элементы и возбуждают их зависть, то с каких же пор государство может карать ту удачу, которая является в результате способности и труда». «Никакого еврейского вопроса не существует, — писал Чичерин, — ибо он существует только в тех нелепых попытках государства, которыми оно хочет бороться с естественным ходом жизни». Помните ли Вы, что и Катков⁷ в свое время был против каких бы то ни было ограничительных мер против евреев. Мы знаем, к несчастью, что не только у нашего государства, но и у нашего народа была та примитивная психология, по которой выдающиеся возбуждали досаду, и нам хотелось всех поравнять; из этой психологии выросла и наша анти-Финляндская политика, и наша кадетская аграрная программа⁸. Ею, конечно, не исчерпывается все отношение к евреям, но доля в этом отношении принадлежит и этой психологии, а поскольку эта доля есть, эта психология настолько уродлива, что делать ей какие бы то ни было уступки не только нежелательно, но и опасно.

---

¹ Эмигрантский комитет — представительский орган, сформированный различными русскими эмигрантскими организациями в Париже в 1924 г. Маклаков был его бессменным (за исключением 1942–1944 гг.) председателем.

² резон д'этр (франц. — *raison d'être*) — смысл.

³ Столыпин Александр Аркадьевич (1863–1925) — публицист, сотрудник газеты «Новое время»; брат П.А. Столыпина, корреспондент и адресат Л.Н. Толстого.

⁴ Ухтомский Эспер Эсперович, князь (1861–1921) — публицист и поэт; с 1896 г. редактор-издатель газеты «Санкт-Петербургские ведомости».

⁵ Имеется в виду брошюра Б.Н. Чичерина «Польский и еврейский вопросы: Ответ на открытые письма Н.К. Ренненкампа» (Берлин, 1899).

⁶ Ренненкамф Николай Карлович (1832–1899) — юрист, выпускник Университета Св. Владимира в Киеве, заведовал впоследствии в том же университете кафедрой энциклопедии права, читал также лекции по истории важнейших древних и новых законодательств. В 1883–1890 гг. — ректор университета. Автор многочисленных работ по истории и теории права.

⁷ Катков Михаил Никифорович (1818–1887) — консервативный публицист, редактор-издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости».

⁸ Маклаков имеет в виду, с одной стороны, требования правых «уравнять» Финляндию в правах, т.е. лишить ее привилегий, установленных еще

Александром I; при этом всем был очевиден более высокий уровень культурного и политического развития Финляндии по сравнению с Великороссией; с другой стороны — включение в аграрную программу кадетов требования принудительного отчуждения части частновладельческих земель на условии выкупа.

№ 117

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

3 Февраля 1930 года.

Булурис сюр Мер.

Дорогой Василий Алексеевич.

Ваше письмо от 25 января получил. Давайте условимся раз навсегда. Когда я Вам пишу пространное письмо по таким долгодействующим вопросам, как еврейский и тому подобные, то я отнюдь не претендую на немедленный ответ. Нет ничего несноснее переписки, ставшей в тягость. Поэтому я от сего дня выдаю Вам индульгенцию на всевозможнейшие опоздания, вызываемые ходом дел, а не злокозненностью. И о таковом же отпущении грехов прошу и для себя, ибо, хотя это может показаться Вам странным, но и я, сидя в своей глуши, все же иногда становлюсь в тупик перед невозможностью сделать все то, что надо бы сделать, — я говорю в смысле чистописания.

Итак, чтобы сразу же создать прецедент, без которого Вы, парламентарии, не можете ступить ни шагу, я посылаю Вам при сем статью о Московском Университете, на которую не требуется с Вашей стороны никакого ответа, кроме одного: после прочтения или непрочтения вернуть ее мне. Я увидел Вашу речь в «Возрождении»¹ и решил поделиться с Вами злобными мыслями относительно Вашей Alma Mater.

Пожалуйста, не отвечайте мне в спешном порядке и на дальнейшее. Я намерен продолжать дискуссию по еврейскому вопросу, потому что спорить с Вами весьма приятное удовольствие, тем более когда представляется случай как-нибудь поддеть обычно неуязвимую аргументацию Вашу.

Вы находите неправильным, что я, так сказать, применил к Полякову вины, в которых, во всяком случае, он лично не виноват. Но здесь, мне кажется, Вы делаете некоторое логическое упущение. Разве Поляков спрашивал, что в нем лично «нам» не нравится? Вы, конечно, помните, что он говорил о евреях вообще. А раз он говорил от лица вообще евреев, то я и ощутил: все то, что сделано евреями за истекшие годы, как будто их совершенно не касается. И не один Поля-

ков, а все они устами Полякова спрашивают с младенческим видом: «Ну что же в нас плохого?» Если бы это была с их стороны действительно младенческая наивность, то, пожалуй, можно было бы отнести к ним, как к малым сим. Но так как они не могут не знать всего, что наделали, то такой вопрос или, вернее сказать, в такой форме вопрос, я и ощутил, как наглость. Вот почему и вышел такой тон.

То есть я думаю, что это так. Это мое предположение. А если не так, то почему? Какая причина? Я не могу сказать, чтобы у меня была вообще потребность разговаривать с людьми таким тоном. Но должен сказать, что у меня всегда было непреодолимое желание разговаривать самым презрительным тоном с наглецами. И это потому, что это единственный отпор, который они понимают. Это, впрочем, касается не только одних евреев. Вы, может быть, припомните, что во второй, да и в третьей, Государственной Думе я имел несчастную особенность доводить своих политических противников до неопишуемой ярости именно этим свойством. И если хотите, это прием правильный. Довести противника до бешенства, сохранив самому хладнокровие, есть один из методов борьбы. Вот откуда, я думаю, и происходит эта манера по существу.

Как Вы знаете, у евреев и у тех, кто вполне их тактику перенял, то есть у наших революционеров, один из основных способов достижения своей цели есть психическое запугивание. Они набрасываются всей массой, все разом, и так оглушительно твердят что-нибудь одно «в ударном порядке», что действительно стены рушатся, как еще было при Иисусе Навине. В наше время это происходило таким образом, что люди без борьбы, просто оглушенные, потерявшиеся, сдают самые основные позиции. Сдав их, они затем беспомощно защищают какие-то мелочи. Когда человек находится в этом самуме и желает ему противостоять, то первое правило есть: тем, кто желает действовать психическим насилием, отвечать отпором на каждое утверждение только потому, что оно от насильников исходит. Раз вы насильники, то ваше слово для нас не существует. Научитесь убеждать, потеряв надежду покорить нас гвалтом, тогда мы можем вас уважать. Но не раньше. Вот насколько я понимаю самые глубинные истоки моего действительно глубокого презрения ко всякой еврейской аргументации. Ибо они аргументируют только для виду. На самом деле их единственный аргумент — это угрозы. На угрозу, как известно, есть только два ответа: 1) презрение; 2) предупредительный удар.

Но я забрался так глубоко, как, собственно говоря, не вынуждаюсь вопросом. Мое поведение объяснимо, и я уже его объяснял, оставаясь и в верхних слоях бурного моря. Итак, я отвечал Полякову, кото-

рый меня спросил обо всех евреях. А ежели бы он меня спросил относительно самого себя, в чем я его считаю виновным, то я бы ему ответил: «Я Вас считаю виновным, г. Поляков, в пособничестве и подстрекательстве». Ибо, разумеется, Поляков лично никого не убивал, но атмосферу свирепой ненависти к русской власти (а русская власть была не менее русским созданием, чем еврейские кагалы или, как они в старину назывались, синедрионами, еврейскими судилищами²) создавал не хуже других. В этом смысле он разделяет в известной мере ответственность с остальными евреями.

Вы скажете, что делали это не только евреи, но и другие национальности, в том числе и русские. Но ведь Поляков спрашивал, что нам в евреях не нравится. Если хотите, нам в евреях не нравится совершенно то же, что не нравится в русских революционерах. Если хотите, я скажу больше: мне русские революционеры больше не нравятся, чем еврейские. Их поведение я нахожу менее извинительным и, кажется, никогда этого не скрывал. Разница между евреями и русскими революционерами только та, что р[усские] р[еволюционеры] без евр[еев]-р[еволюционеров] были слабы. Они могли убить Александра II³, но российской державы им перевернуть не удалось бы. В последнюю же эпоху, по крайней мере в наших краях, евреи так густо окрасили чека и прочие другие учреждения большевистские, что русская роль потускнела. Кроме того, при всей русской никчемности, на одного русского революционера приходилось все-таки большое количество русских, которые выполняли свой долг перед государством. И в неудачную Манчжурскую кампанию они десятками тысяч устилали Дальний Восток, и в мировую войну без счета отдавали свои жизни и принесли России кой-какие и славные страницы. Точно так же, когда разразилась революция, все-таки русские составили и ядро, и массу белого движения, в том числе казачество, которое было его основой в смысле численности. Следовательно, совершенно уравнивая еврейских революционеров и русских и даже считая последних хуже первых, мы можем русским революционерам противопоставить русских не революционеров. Что же касается евреев, то, конечно, не все бросали бомбы и не все убивали. Но ненавидели нас (я говорю нас, потому что каждый, кто старался отстоять Россию, назывался ими погромщиком и подвергался свирепой травле) почти все.

Эту мысль я и старался провести в своей книге. И я думаю и по сей пору, что пока евреи не признают своей вины, подстрекательства и пособничества в полном объеме, до той поры трудно до чего-нибудь договориться. Потому что это правда. И запирательство в этой правде ужасно раздражает, как всякое отрицание истины.

Когда я говорю о еврействе, я, быть может, делаю большую ошибку, что каждый раз не прибавляю «политическое еврейство». Все эти местечковые жидочки, они только частично были захвачены и отравлены свирепой ненавистью. Они, конечно, страдали от черты оседлости, от стеснений, оттого, что полиции приходилось давать взятки, и всего прочего, но так как это были люди практической жизни, то они отлично при всем том понимали, что все ж таки они при всех стеснениях «хлеб кушают». И так как они вместе с тем, как люди коммерческие, имели некоторые связи с заграницей, то они знали, что и без равноправия многим евреям жилось в России весьма недурно, не хуже, чем в других странах, равноправных. Эта толща еврейская, с нею кое-как можно было иметь дело. Постепенно, разумно можно было бы вводить их в общегражданскую жизнь. Когда я говорю об известной вине всего еврейства, то я говорю о политическом еврействе. И, конечно, в этом смысле всякие евреи типа Винавера, Гессена⁴ и других несут на себе очень серьезный груз ответственности. Им, несомненно, было бы выгодно это признать. По-моему, даже неизмеримо выгодно. Я думаю, что, запираясь, они поступают так же глупо, как Милоков, который твердит явный вздор, не признавая никаких вин за кадетской партией только потому, что он ею когда-то руководил. Вы избрали в этом отношении благую участь. Вы имели смелость сказать и признать, что все мы люди, все мы человеки, Единый Бог — без греха. И вот почему я считаю, что Ваша позиция была бы сильна, если бы Вы пожелали обратиться со словом увещания к нераскаянному жидовству. Они не могли бы бросить Вам упрек: «обличитель, прежде покайся сам». Вы уже покались⁵.

Уверяю Вас, что в покаянии гвоздь вопроса, как он стал сейчас.

Кончаю это письмо (и так уже слишком длинное) следующим предложением, на которое, конечно, тоже не жду немедленного ответа.

Вы упомянули о переписке Чичерина и Ренненкампа. Я не помню, печатались ли письма Чичерина в «Киевлянине». Но отвечал ему Ренненкампа именно на страницах этой газеты. Во всяком случае, я видел у нас в Киеве, в книжном шкафу, переплетенную брошюрку, в которой были напечатаны письма обоих профессоров. Другими словами, «переписка» если не друзей, то политических противников, которые могли обменяться друг с другом по еврейскому вопросу членораздельной речью вместо звериного воя, в сих случаях обычно употребляемого.

В то время эта переписка не произвела большого впечатления, главным образом потому, что все были заранее согласны с Чичериным, так как либерализм был в большом ходу. Теперь положение обратное: я думаю, что в России все были бы согласны с Ренненкампом и даже далеко превосшли бы его в анти-чичеринских суждениях. Но здесь, в эмиграции, обе стороны были бы, пожалуй, выслушаны с одинаковым вниманием — по принадлежности. Теперь, прежде чем приступить к конкретному предложению, которое Вы, может быть, угадываете, позвольте Вас уличить в одной маленькой непоследовательности.

Вы мне пишете: может быть, русские и прочтут Вас до конца, но они воспримут только первую часть книги, так сказать, поджигательную, и останутся глухи ко второй части, успокоительной. Но затем Вы признаете, что если бы писать книгу, вразумительную для евреев, то все же надо было бы придерживаться именно этого рецепта. Вызвать сначала в евреях доброе чувство, заговорив с ними на понятном для них языке, и тогда вторая часть книги могла бы на них подействовать и привести их к сознанию известной вины. Но, рассуждая вполне по-Вашему, я мог бы возразить Вам, что евреи, прочтя первую часть, утвердились бы в уверенности, что они такие хорошие, и остались бы совершенно глухи к призывам второй части книги: «покайтесь, о грешники». Посему либо и моя проповедь подействует на кого-то из русских, и тогда аналогичная проповедь, допустим — Ваша, подействует на евреев; либо ни того, ни другого.

Итак, в виде вывода из всего вышеизложенного, не думаете ли Вы, что, пожалуй, было бы во благовремени возобновить дуэль «Чичерин — Ренненкампф» в подновленном виде «Маклаков — Шульгин»? Конечно, для сей цели совершенно не годятся те письма, которыми мы до сих пор обменивались, но если бы принципиально это было решено, то форму мы бы нашли. Разумеется, материал так велик, что из этого вышла бы книга. Но тем лучше. Мы бы ее издали и надо думать, на этот раз ее прочли бы обе стороны. Такой диспут, полагаю, был бы во много раз интереснее, а главное, полезнее того митинга, на который Вас звали.

Вуала. Разумеется, я не жду на сие письмо скорого ответа.

Ваш ВВ.

Р.С. Кутенов, Кутенов...⁶

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Московский университет. Речь В.А. Маклакова // Возрождение. 1930. 31 января. С. 4. Речь была произнесена в связи со 175-летием основания Московского университета.

² Кагалы — (кахал — буквально «община») — в широком смысле община, в более употребительном — форма ее самоуправления в Польше XVI–XVIII вв., а затем и в Российской империи между 1772 и 1844 гг. Чаще всего термином «кагал» обозначают правление еврейской общины, являвшееся посредником между нею и властями. Синедрионы — по-гречески «синедрион» — собрание, совещание; на иврите «санхедрин» — верховный орган политической, религиозной и юридической власти у евреев Эрец-Исраэль (Земли Израиля) в период римского господства.

³ Император Александр II был убит 1 марта 1881 г. членами партии «Народная воля».

⁴ Гессен Иосиф Владимирович (1866–1943) — видный деятель партии кадетов, редактор ее центрального органа газеты «Речь»; в эмиграции в Берлине издавал газету «Руль», был одним из ее редакторов.

⁵ Шульгин имеет в виду мемуарно-аналитические статьи Маклакова, опубликованные им в 1920-е гг. на страницах русской и французской печати, в которых он признавал ответственность русских либералов, не сумевших найти общего языка с «исторической» властью и, напротив, видевших в революционерах союзников, хотя и временных, за крушение Российской империи. Особый резонанс имело предисловие Маклакова к опубликованным в 1927 г. на французском языке выдержкам из материалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию преступлений должностных лиц старого режима, в котором он впервые столь отчетливо сформулировал приведенные выше идеи, и воспоминания, публиковавшиеся с 1929 г. в журнале «Современные записки».

⁶ Кутепов Александр Павлович (1882–1930) — генерал от инфантерии. Первую мировую войну закончил в чине полковника, командира гвардии Преображенского полка; с декабря 1917 г. — в Добровольческой армии, прошел путь от командира роты офицерского полка до командующего 1-й армией в Русской армии П.Н. Врангеля в 1920 г. После эвакуации из Крыма был назначен помощником Главнокомандующего и командиром 1-го армейского корпуса в Галлиполи, в состав которого были сведены все части врангелевской армии, кроме казачьих. В декабре 1921 г. части 1-го армейского корпуса во главе с Кутеповым перебазировались в Болгарию. В 1922–1924 гг. — помощник Главнокомандующего Русской армией генерала П.Н. Врангеля; с 1924 г. в распоряжении вел. кн. Николая Николаевича, возглавлял боевую работу против СССР. С 1928 г. — председатель Русского общевойскового союза. 26 января 1930 г. похищен в Париже большевистскими агентами, по-видимому, умер от сердечного приступа на борту судна, идущего в СССР; по другой версии, погиб в момент похищения: был убит или же умер от сердечного приступа.

11 Февраля 1930

Boulouris s/Mer
(Var)

Дорогой Василий Алексеевич.

Получил Ваше письмо. К великому огорчению, не мог его дешифровать примерно от половины. Впрочем, мне удалось как будто бы угадать общий смысл, что посылка телеграммы, какую я проектировал, невозможна или нежелательна, то есть может привести к обратным результатам. Так? Вероятно, Вы правы, и во всяком случае Вам виднее. Сейчас я имею уже письма от самой Ирины от 4-го числа и другие письма, из которых выходит дело так.

Она перешла границу 3-го числа, после чего ее арестовали, по-видимому, в Ровно или на дороге (Ровно от границы всего в 50 верстах). Но затем ее выпустили на свободу 4-го числа, очевидно, под поручительство моих друзей. Сейчас она лежит больная после всей перенесенной в двадцати верстах от Ровно, в деревне, у них же, то есть у моих друзей. Но впереди то, что она называет «суд», но что есть на самом деле разбирательство (очевидно, в полицейском порядке), оставить ее или, как она пишет, «перебросить обратно», при мысли о чем, естественно, она холодеет. Ко времени этого суда нужны следующие документы: 1) удостоверение, что она действительно наша племянница; это сделано моей сестрой из Сербии, где легче было получить легализацию этого документа у польского консула — удостоверение послано; 2) визу в другое государство, на случай того, если «суд» решит, что нельзя ей оставаться. В противном случае, то [есть] если визы нет, то ее вышлют туда, где ее примут с радостью для соответственных последствий.

Так излагает дело она. Мои же друзья (тамошние поляки) подтверждают, что мало шансов, чтобы суд разрешил остаться, и очень торопят ввиду того, что такие разбирательства обыкновенно не откладываются. Если же ожидать злокозненности (ведь выпустили одни — быть может, скрытые друзья, а решать будут, может быть, другие, какие-нибудь «Галилеуши», то есть поляки из Галиции, самые злые), то могут «суд» и нарочито ускорить. Может быть, «суд» даст отсрочку в смысле приведения в исполнение ввиду того, что «визу хлопочут». На этот случай было бы очень хорошо вот что, если бы Вы могли это сделать.

Напишите официальное письмо на бланке председателя Эмигрантского комитета, что Вы такого-то числа начали хлопоты о визе для такой-то по просьбе такого-то и что дело пошло по установленным инстанциям. Такое Ваше письмо было [бы] «документом», на основании которого Ирина могла бы на «суде» просить отсрочки высылки ввиду того, что хлопоты о визе во Францию действительно начаты. Если бы Вы могли добавить от себя какую-нибудь фразу в том смысле, что французские власти всегда относились внимательно к ходатайствам Комитета, почему Вы питаете надежду, что и виза такой-то будет дана, то было бы еще лучше. Кому адресовать такое письмо, если Вы согласитесь его написать. Можно Ирине Дмитриевне Пихно¹, можно Вацлаву Цезаревичу Каминскому², у которого она сейчас, можно — мне. На всякий случай прилагаю адреса.

Но я разобрал первую часть Ваших ассирийских строчек, из которых понял, что Вы, действительно, не в службу, а в дружбу сейчас же взялись за дело и даже написали французскому посланнику в Польшу, которого Вы лично знаете. За это Вы — дусенька, как сказала бы одна наша общая знакомая. Поцеловал бы Вас в лобик, если бы я был ею. Но, увы, прикосновение моей небритой щеки вряд ли доставило бы Вам особенное удовольствие.

Ваш ВВ.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Пихно Ирина Дмитриевна — племянница В.В. Шульгина, дочь его брата Дмитрия Дмитриевича Пихно (1883–1920). Д.Д. Пихно, помещик Подольской губернии, был арестован Крымской ЧК и умер от разрыва сердца накануне расстрела.

² Каминский Вацлав Цезаревич — доверенное лицо В.В. Шульгина, управляющий его имуществом в Польше.

№ 119

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 12-го Февраля 1930 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Во-первых, возвращаю Вам Вашу рукопись, содержание коей не одобряю¹; скажу Вам то же, что и по еврейскому вопросу; крупица правды, которая в этой рукописи есть, вся утонула в преувеличениях, балаганстве, а крупица правды, конечно, есть, и хотя бы по случаю

юбилея едва ли своевременно выволакивать ее на свет, однако так как всякая правда интересна, а та, которая идет против общественного мнения, вдвое, то статья могла бы быть при других условиях и при другом исполнении очень любопытна.

Теперь по поводу Вашей племянницы пока добавлять нечего. От французского посланника я никакого ответа не получил; так скоро и не жду, не говоря о том, что я ему писал, что обращаюсь к нему раньше, чем в министерство, и обращаюсь именно потому, что министерства не трогаю; а он немедленно после этого получил запрос министерства, как видно из посланной Вам копии, из коего увидал, что я ему морочу голову. И хотя все это легко объяснимо, но неумные люди, к которым принадлежит мой адресат, могут все-таки обидеться.

Что же касается Вашего гнусного предложения о напечатаньи нашей корреспонденции, то от него мне уклониться очень легко; Вы, впрочем, и сами согласия не ждете. Поскольку я всегда рад обмениваться откровенными письмами со своими друзьями, особенно если они люди умные, а главное честные, постольку же публичные выступления, которые читает вся публика, в том числе та, для которой переписка не предназначается, никогда меня не соблазняли; в данном же вопросе, как я Вам писал, я как раз Вам и указывал на то, что о еврейском вопросе можно говорить только в очень интимной и дружеской компании; Вы же предлагаете мне все это напечатать. Тогда будем говорить правду; если это печатается, то это не переписка, а это просто публицистика в форме переписки; форма совершенно неважна, ведь и романы пишут в виде дневников и даже чужих писем; Вы просто меня стараетесь соблазнить идти по Вашей дорожке и написать свою книжку о еврейском вопросе; слуга копырейший, как говорил Пушкин; если бы я жил в Булюрисе, не видел бы людей, не имел бы занятий, имел бы 24 часа в сутки и не знал бы, на что их девать, я бы тогда, может быть, с горя или запил, или написал книжку на еврейскую тему. Здесь же я могу найти занятия, более подходящие к моим вкусам, я сказал бы также, к моему возрасту, если бы в этом пункте не было как раз наоборот.

Ваши заключительные слова, со ссылкой на известную нам особу, я ей немедленно сообщил и истребовал исполнения Вашего за нее обещания. В другой раз будьте осторожны в Ваших выражениях и не давайте мне возможности повернуть Вашу элоквенцию² в свою пользу.

---

¹ Речь идет о статье Шульгина о Московском университете, упомянутой в предыдущем письме. Вероятно, статья не была опубликована, во всяком случае, нам не удалось обнаружить публикацию этой статьи и ее рукопись.

² Элоквенция (лат. eloquentia) — ораторское искусство.

№ 120

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 11 Марта 1930 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Сейчас мне сообщили из министерства иностранных дел, что Вашей протеже придется предстать перед польским судом по обвинению в появлении в Польше без разрешения. Несомненно, она будет осуждена, ибо отрицать этот факт трудно. Но меня заверили, что все это простая формальность, что никакой высылки ей не грозит, и, следовательно, по миновании всех этих формальностей она приедет во Францию. Думаю, что этот раз мой ответ Вас должен удовлетворить.

№ 121

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

14 Марта 1930

Boulouris s/Mer
(Var)

Дорогой Василий Алексеевич.

Не удивляйтесь моему молчанию. Мой маленький «ундервуд» сломался, и наступила большая беспомощность.

Хотел Вам написать по поводу Вашего начала, за которое благодарю. Но то, что выстукаешь, не наскребешь. Откладываю это до выздоровления машинки.

Примите все мои признательности за Ирину. Я так думаю, что после того, как там стало известно, что Фр[анцузское] Мин[истерство] И[ностранных] Д[ел] интересуется ее судьбой, выбросить ее был бы скандал, на который не пойдут. Возможно, что ей придется посидеть в тюрьме, возможно, что ограничатся штрафом. То и другое сравнительно — пустяки.

Из Вашей приписки я понял, что как будто Екатерина Григорьевна¹ попросила у Вас визу в Сербию? И Вы ей помогли? Не уверен, «клинообразности» Вашей ради, верно ли я понял, но если так, то это увеличит чашу Ваших добрых дел: ей надо ехать. Но... но боюсь, что Ваша доброта положительно скоро иссякнет. Равно как и долготерпение Спалайковича. Дело в том, что скоро я буду просить у Вас визу

для Марии Дмитриевны. Вот Вам урок: не разводитесь, ибо иногда это создает «улыбочные» положения. Только что Вы просили Спайковича за одну мою жену, как приходится просить за другую! Но я-то чем виноват?

Да, «жизнь прожить — не поле перейти». Такова была тема, заданная нам, когда мы были в 5 классе гимназии. Пожалуй, теперь это сочинение я написал бы лучше. Во всяком случае, когда Мария Дмитриевна, благодаря Вашей неоскудевающей доброте, поедет в Белград, Вам грозит еще худшее: я приеду в Париж.

«Надо работать», — неизменно повторял Гижицкий², неизменно приходя в Думу без пяти минут шесть. Так и я. Стрелка жизни недалеко от шести. Я и не хочу работать! Я хочу бездельничать, как до сих пор, т.е. даря мир книгами, которые дают убыток. Но нельзя больше. «Надо работать!», т.е. кого-то обдирать так или иначе в свою пользу.

Итак, — до свидания.

Ваш ВВ.

Автограф. Подлинник.

---

¹ Е.Г. Шульгина.

² Гижицкий Александр Степанович (1869–1938) — депутат 3-й и 4-й Государственных дум от Подольской губернии (входил во фракцию умеренно-правых, затем в Русскую национальную фракцию), действительный статский советник, камергер. Окончил Александровский лицей. В 1892–1900 гг. служил в Государственной канцелярии. С 1900 г. Ольгопольский уездный предводитель дворянства. Церемониймейстер на торжествах по случаю коронации Николая II. В 1910 г. избран в состав Совета Всероссийского национального союза. С 1919 г. в эмиграции, сначала в Праге, затем в Париже.

№ 122

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

Draguignan, le 5 Avr[il] 1930¹

Дорогой Василий Алексеевич.

Вот уж подлинно «человек предполагает, а Бог...». Я получил очень тревожные сведения о моей сестре Алле, которая замужем за проф. Билимовичем². У нее очень тяжелые последствия после скарлатины, и я со дня на день ожидаю телеграммы самого печального со-

держания. Поэтому я хотел бы иметь паспорт готовым на случай, если бы пришлось выехать.

Я посылаю Вам при сем паспорт, на который уже раз Вы ставили визы. Я пишу Вам из Draguignan после визита в префектуру, где мне категорически заявили, что нового паспорта не нужно, ибо Нансеновский паспорт действителен на неограниченное число поездок в пределах срока, каковой лишь истекает в сентябре 1930 года. Вместе с тем прилагаю 50 fr. для Гу³ (кажется, так он называется?) и очень прошу Вас сказать ему, чтобы он приклеил лист к паспорту для новых виз и получил, когда пойдет за сербской, также транзитные визы швейцарскую и австрийскую.

Все это, разумеется, в том случае, если Вы, дорогой Василий Алексеевич, захотите мне еще раз помочь и напишите два слова Спайковичу, которого, кстати, поблагодарите от меня за неизменную любезность.

Итак, вместо Парижа мне, может быть, придется ехать в Белград и при таких грустных обстоятельствах.

Я получил Ваше письмо и бумагу из Министерства. Я напишу Вам об этом отдельно.

Еще раз простите, что мучаю Вас своими делами.

Ваш ВВ.

Автограф. Подлинник.

---

¹ На бланке Le grand café, Draguignan (Var).

² Билимович Александр Дмитриевич (1878–1963) — экономист и публицист, профессор Киевского университета в 1909–1917 гг.; специалист по аграрным отношениям, занимался проблемами проведения в жизнь аграрной реформы П.А. Столыпина. Зять В.В. Шульгина. Начальник управления земледела и землеустройства Особого совещания при генерале А.И. Деникине.

³ Гу — посыльный при нансеновском офисе в Париже.

№ 123

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

8 Апреля 1930

Дорогой Василий Алексеевич.

Вчера послал Вам телеграмму. Мне вообще очень совестно перед Вами и потому я стремился сэкономить одно Ваше обращение к Спа-

лайковичу без крайней нужды. Я получил телеграмму из Белграда, что «maladie devient stationnaire»¹, и затем письмо, в котором изяснялось, что температура пала в результате особой прививки «собственной крови»; это показывает, что как будто бы заражение крови удалось отыграть пока что. При этих обстоятельствах я и послал Вам телеграмму. Не знаю, дошла ли она вовремя.

Теперь об Ирине.

Должен сказать, что лишний раз подтвердилось, что мы как-то раз но мыслим с европейцами.

Молодая женщина перебежала границу при Майн-Ридовских² обстоятельствах, как в былое время бегали от краснокожих. Перебежала к белым, к своим. Казалось бы, благодаря одному цвету своего лица этот «ее мир» должен был бы ей быть открыт. Но не тут-то было!

«M-lle Pichno d'autre part, n'aurait pas, jusqu' à présent, manifesté a notre Ambassadeur a Varsovie le désir de se rendre en France»³.

Таким образом, вопли родных, настояния русского посла (еx посла — но не все ли равно!) — все это не свидетельствует о желании M-lle Pichno получить французскую визу. Значит, ей нужно самой явиться в Варшаву и просить Амбассадора⁴. Но каким образом она может это сделать, если ее из тюрьмы выпустили на поруки Каминского? Если она живет в деревне в 20 верстах от Ровно и оттуда отлучаться не может? Ведь у нее нет никакого документа. И не может быть, потому что суда еще не было. Ей разрешено жить в сем Бабине до суда и на том основании, что родные хлопочут визу. И каким образом une évadée⁵ из стана краснокожих, где она была более десяти лет, может знать французские экивоки? Ей казалось, что, разослав умоляющие письма родным (кои письма, но в еще более тревожном тоне поддерживались Каминским, ее приютившим) и получив от них ответ, что делается все возможное, она свершила все положенное. Ее я не могу винить. Я виню себя, что не догадался написать ей, чтобы она подала хотя бы письменное заявление французскому послу. Но, ей-Богу, мне это не пришло в голову. Мне показалось, что формализм имеет все же пределы.

Причина, конечно, в том, что мы избалованы нашим прошлым. Если бы в Петербурге еx Палеолог⁶ обратился бы при подобных обстоятельствах и подобной просьбой к русскому министру Иност[ранных] Дел, то наш бюрократ, столь ославленный в смысле формализ-

ма, просто телеграфировал бы «дать визу», и дело было бы решено в полчаса.

Итак — я виноват и [одно слово нрзб.] прошу у Вас прощения.

Одновременно с известием, что суда еще не было, я получил сведения вот о чем. Если Вы помните, я писал Вам, что хлопоты были начаты и в Белграде. Но казалось вначале, что дело совершенно безнадежно. Однако сербы оказались более податливы и менее волокитны. Мне пишут, что сербская виза получена.

Теперь как поступить? Нужно ли «для престижа», чтобы не ставить Вас в неудобное положение, чтобы Ирина все же подала прошение во французское посольство в Варшаве? По существу, французская виза уже теперь не нужна. Конечно, очень бы хотелось ее повидать, но так как под присмотром моих сестер молодой девушке, пожалуй, будет удобнее, чем у меня, то она поедет в Сербию, а задержаться «повидаться» нет денег. Поэтому решите, как прилично ликвидировать это дело. А я спорить и прекословить не буду.

Итак, еще раз — вам мои экскюзы за промахи и remerciements за хлопоты⁷. Не сердитесь, ибо заслуживаю снисхождения.

Ваш ВВ.

Автограф. Подлинник.

---

¹ maladie devient stationnaire (франц.) — болезнь становится хронической.

² Майн Рид — Рид (Reid) Томас Майн (1818–1883) — английский писатель, автор авантюрно-приключенческих романов.

³ M-lle Pichno d'autre part, n'aurait pas, jusqu'à présent, manifesté à notre Ambassadeur à Varsovie le désir de se rendre en France (франц.) — Мадемуазель Пихно, с другой стороны, до сих пор как будто не выразила нашему послу в Варшаве желание отправиться во Францию.

⁴ Посла.

⁵ une évadée (франц.) — беглянка.

⁶ Палеолог (Paleologue) Жорж Морис (1859–1944) — французский дипломат; в 1912–1914 гг. — директор Политического департамента МИД Франции, в 1914–1917 гг. — посол Франции в России, в 1920–1921 гг. — генеральный секретарь МИД Франции.

⁷ мои экскюзы за промахи и remerciements за хлопоты — мои извинения за промахи и благодарность за хлопоты.

Париж, 12 Апреля 1930 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Из Вашего письма я с прискорбием вижу, что Вы утратили чувство справедливости и перспективу. Не хочу ни в чем умалять заслуги и достоинства сербов; но в данном случае они сделали не больше, а даже меньше французов. Вы пишете, что сербская виза получена. Но ведь еще раньше получена французская виза; Вам должно быть безызвестно, что значит получение визы; оно состоит в том, что правительство страны, куда едут, приписывает своему представителю в той стране, откуда едут, поставить визу, когда к нему с паспортом явятся; большего представительство сделать не может; это сделали и французы; и Ваша протее по своему выбору может ехать, куда хочет. Въезд в обе страны ей обеспечен. Более того, если у нее нет паспорта, то, очевидно, в силу распоряжения, Франция дала бы ей соф кондюи¹; и довольно трудно понять, чем Вы недовольны.

Но французы сделали больше, по крайней мере, я не знаю, делала ли это Сербия; они не только дали визу, но они хлопотали перед польским правительством, чтобы ее в Россию не высылали, хотя это ни с какой стороны их не касается; зная нравы администрации, можно, наверное, сказать, что самые эти хлопоты помешали полякам отнестись к делу совершенно формально. Ибо высылка Вашей протее была бы некоторым афронтом французским властям. Здешнее министерство предписало телеграфно своему послу сделать такие демарши; повторяю, эта любезность есть чрезвычайная, на которую они вовсе обязаны не были, ибо Россия под протекторатом Франции не находится и, если хотите, это даже вмешательство во внутренние дела Польши. Тем не менее, они это сделали. Вы все-таки недовольны.

Ваше сравнение с краснокожими, и так дальше, очень убедительно и красноречиво, но все рассуждения по этому поводу нужно обращать не к французам, а к полякам, и тут Вы будете вполне справедливы; можно возмущаться тем, что поляки ставили вопрос о высылке Пихно. У них есть на это свои резоны, кроме русофобства. Убежден, что Франция так бы не поступила: но отсюда до того, чтобы французам вмешиваться в польские распорядки, еще целая пропасть.

Вы сравниваете их нравы со старыми русскими нравами; говоря вообще, я нахожу, что мы были любезнее, но в данном случае Вы опять-таки сугубо несправедливы. Вы говорите, что в свое время русское министерство иностранных дел не отказало бы Палеологу в его просьбе; да, конечно, не отказало бы. Но только русский министр иностранных дел был бы на своей территории, в своей стране, и имел бы все возможности распорядиться на ней, как ему было угодно. И поскольку Вы браните польское правительство, Вы опять-таки, может быть, правы. Но речь идет сейчас не о русском подданном, который находится на польской территории, и о том, что в этих условиях может сделать французское правительство; поставьте Ваше сравнение в более точные условия. Пусть французы на своей территории собирались выслать итальянца, за которого по тем или иным причинам вступилось бы русское правительство, соглашаясь принять его к себе. Оно предписало бы своему послу Извольскому² сделать нужные демарши. Неужели Вы думаете, что Извольский сделал бы больше того, что сделало французское правительство, т.е. больше того, что попросило бы министерство иностранных дел распорядиться, а затем держало бы свою визу наготове, пока за ней не явятся. Неужели Вы думаете, что в этих условиях Извольский стал бы посылать кого-нибудь из своих атташе разыскивать итальянца в тюрьме и совать ему под нос готовую визу.

Я думаю, что французский посол в Варшаве, увидав, что у Вашей протеже достаточно связей, чтобы двинуть на свою защиту французское министерство иностранных дел, т.е. из польской тюрьмы достать до ке д'Орсэ³, имел полное право предполагать, что у нее найдутся друзья и покровители, которые придут к нему, к французскому послу, и попросят его выдать эту визу, а если она не нужна, то поблагодарить его и отказаться. Некоторая невязка между торопливостью и настойчивостью и полным молчанием, которое последовало вслед за распоряжением, и была причиной дискретного намека, что же, дескать, Вы молчите. И Ваш ответ на то, что французы формалисты и что она не может выезжать из места своего пребывания и т.п., и т.п., обнаруживает несколько излишнюю требовательность.

Объясняется это некоторыми свойствами, о которых я Вам со всякими извинениями и оговорками не могу не сообщить. У меня был такой случай: один г-н пришел ко мне с просьбой помочь ему на даровщинку уехать в Харбин, для чего я должен был писать специальное письмо морскому министру. Такое письмо было мною написано. Прошло довольно много времени, я встретил морского министра.

Я тогда хотел этим воспользоваться, чтобы оказать еще лишний нажим на него, и сказал ему, что, вот, дескать, я обратился к Вам с такой просьбой, очень прошу ее исполнить, так как она, дескать, может затеряться в Вашей канцелярии. Он очень любезно записал имя и число и обещал справиться. Потом я получил от него письмо, где он мне сообщает, что даровой проезд был давно дан и проситель, очевидно, уже давно находится в Китае. Таким образом, проситель, получивши то, что ему было нужно, не счел правильным меня даже об этом уведомить, а просто уехал, и я должен был извиняться перед морским министром за вторичное и ненужное напоминание. Аналогичных случаев сколько угодно; и вот, если хорошенько покопаться, то Ваша досада на французов, что они не послали разыскивать Вашу протеже на польской территории, а спокойно и даже с недоумением ждали, когда тот, кто просит визу, за ней явится, проистекает до некоторой степени из тех же источников.

Вот Вам дипломатическая реприманда, ибо поистине я считаю, что Вы кругом неправы. Конечно, можно ничего больше не делать, да и неловкость только на моей стороне; я порол горячку, напирал на французов, и я это как-нибудь им объясню. Но я Вам все это пишу затем, чтобы в будущем Вы несколько трезвее учитывали обстановку и не думали бы, что французы должны с такой поспешностью хлопотать во всех частях света о нас по моей просьбе, как, может быть, наше русское министерство иностранных дел на своей территории могло хлопотать из личной любезности к Палеологу.

А теперь последнее слово; возвращаю Вам Ваш паспорт, но Ваша эскапада стоила Вам 25 фр[анков]. Ваши 50 фр[анков] были мною вручены Гу затем, чтобы он истратил из них что нужно на визы, остальное взял на чай себе; не знаю, сколько там вышло. Этот пурбуар должен был стимулировать его усердие. Он тогда же съездил с моим письмом к Спалайковичу и должен был на другой день вернуться за визой. Я с такой же энергией послал его разделять то, что было сделано, но взять от него назад деньги полностью было бы некоторой неблагодарностью к его поспешности, поэтому я разделил грех пополам и взял с него назад половину, которую Вам и посылаю. В другой раз не имейте на одной неделе семь пятниц.

---

¹ соф кондюн (искаж. франц.) — охранный грамота.

² Извольский Александр Петрович (1856–1919) — российский государственный деятель, дипломат. На службе в Министерстве иностранных дел с

1875 г. Министр иностранных дел в 1906–1910 гг., посол в Париже в 1910–1917 гг.

³ Имеется в виду Министерство иностранных дел Франции, находящееся на набережной Орсэ.

№ 125

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 17 Апреля 1930 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Если я действительно Вас не известил о моем разговоре с министерством, то это моя вина. Как Вы могли видеть из копии того заявления, которое я Вам послал от 25-го марта, 11 марта мне было телефонное сообщение, о котором, по моим воспоминаниям, я Вас тотчас же известил, постскрипtum. Но, как всегда, разрешение визы из центра оставляет за местным дипломатическим представителем окончательное слово по этому вопросу. Для меня нет никаких сомнений, что после всей той переписки, которая была, польский посланник в визе не откажет, несмотря на то, что главный мотив, на который мы указывали, исчез; ведь этим мотивом была, как Вы сами подчеркивали, опасность выдачи большевикам; эта опасность устранена, и сейчас нужно выставлять уже другие мотивы; поэтому если Ваша племянница хотела воспользоваться французской визой, то ей нужно было бы что-либо в таком роде указать. Но на всякий случай посылаю Вам копию того моего письма министерству, на основании которого было сделано распоряжение. Наряду с этим письмом у меня был и личный разговор; но письмо всегда необходимо, чтобы двигать машину.

№ 126

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

8 Мая 1930

Boulouris s/Mer (Var)

Дорогой Василий Алексеевич.

Получил карточки и письмо. Насколько я мог разобрать «письмена», Вы недовольны на себя, что запоздали с ответом на пасхальное приветствие, но добавляете, что я еще больше всяких пакостей по отношению к Вам совершил.

Последнее, увы, правильно. За истекшие месяцы 1930 я причиняю Вам одну неприятность за другой. Все путаю, и семь пятниц у меня на каждой седмице. За все это прошу у Вас прощения. Но, право, я заслуживаю маленького снисхождения: судьба тоже как-то начала трепать, и я, как трость, колеблемая ветром. Просил у Вас визы сербской. Потом отменил. Отменил потому, что мне очень, очень трудно туда ехать по тысяче причин. Но все же надо ехать. Я получил опять самые неутешительные сведения, и невозможно мне дольше выдерживать это ежедневное ожидание «Телеграммы», которая принесет известие о конце. Надо ехать.

Поэтому опять посылаю Вам свой злосчастный паспорт с той же просьбой: поставить на нем сербскую визу. И заодно посылаю и паспорт жены с той же просьбой. Она давно уже решила переехать в Белград к отцу¹, так как он уже очень стар и одинок, хотя и бодро работает. А я не хотел переезжать, потому что в Белграде крайне трудно устроиться в смысле материальном; здесь я нашел бы легче что-нибудь и уже имею хорошее, сравнительно, предложение в Марокко. Но не судьба. Конечно, «сверхчеловек» перетерпел бы и поехал бы в Марокко. Но из меня, кроме прочих причин, потому ничего и не вышло, что линия моего поведения всегда диктовалась мне «душевными неодолимостями». Так и сейчас.

Это я пишу Вам только для того, чтобы объяснить свои колебания и «пятницы». В сущности, я думаю, решается вопрос ближайших лет (для меня). Приехав в Белград, я, очевидно, там и останусь. А это обозначает совершенно иную линию жизни. И, вероятно, не из розовых. Вот почему я решаюсь ехать. Только после того, как исчерпал все возможности сопротивления фатуму.

Итак, пожалуйста, дорогой Василий Алексеевич, приложите руку и отпустите меня с миром. *Fait se que dois, advienne ... воля Божья*².

Мария Алексеевна, вероятно, поймет меня лучше, чем Вы. Нежно целую ручки.

Ваш ВВ.

P.S. Нам здесь обещали итальянские визы. Поэтому пока что не затрудняйте Гу швейцарскими и австрийскими.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Седельников Дмитрий Михайлович (1860–1943) — генерал-майор (1917), участник Белого движения..

² *Fait se que dois, advienne ... воля Божья* (франц.) — делай, что должно, а будь... воля Божья.

№ 127

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

9 Мая 1930

Boulouris s/Mer (Var)

Дорогой Василий Алексеевич.

Забыл вчера приложить гонорар для Гу. Простите, пожалуйста. Посылаю при сем двадцать пять (25) фр. Пожалуйста, напишите, если это мало. Дошло, как только получу подмогу. Сейчас немножко тесно.

Ваш ВВ.

Автограф. Подлинник.

№ 128

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 16-го Мая 1930 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Посылаю Вам Ваши паспорта с визой; если я их задержал, то вина не моя. Спалайкович из-за болезни жены несколько дней не ходил в посольство, и Ваши паспорта лежали там без движения. Денег больше не нужно. В два приема Гу получил все то, что Вы для него первоначально предназначали.

№ 129

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

25 Июня 1930

34, Hartvigova (Beogradska)
Belgrade

Дорогой Василий Алексеевич.

Пишу Вам, чтобы объявиться на новом месте. Переехал.

Благодаря Вам. И «пользуюсь случаем» поблагодарить за визы. Видел Вас[илия] Никол[аевича]¹ — он хорош на вид, секрет молодости и красоты. Еще видел Уварова², Драгомировых. Абрам Михайлович³

собирается в Париж. Београд растет и украшается не по дням, а по часам. Гонкий [так!] город! Но все жалуются на «кризу». 13 миллиардов займа совершенно, говорят, необходимы. Если бы у меня были, я бы дал.

Провел 10 дней в Любляне в осиротелой семье Билимовичей⁴. Там очень грустно. На кладбище делал наблюдение: если судить о культуре по заботам о могилах, словенцы высоко цивилизованный народ.

Вот, значит, я сделал Вам заявку. Окидывая мысленно французский период моей жизни, не могу не высказать, что Юг Франции, по крайней мере, включая столько же население, сколь и природу, будет предметом наилучших воспоминаний. Я думаю, что такое мое ощущение необычайно важно вообще и, конечно, значительно подвинет вперед идею Бриана⁵ о Пан-Европе⁶, в частности. Вас же признательно вспоминаю за все Ваши бесчисленные благодеяния, оказанные мне на французской почве. Марии Алексеевне «очень» целую ручки.

Ваш ВВ.

Автограф. Подлинник.

---

¹ Несомненно, Штрандтман Василий Николаевич (1877–1963) — карьерный дипломат; в Министерстве иностранных дел с 1901 г.; с 1906 г. секретарь миссии в Дармштадте (Германия), в 1908 г. — секретарь дипломатического агентства в Софии, с 1909 г. — второй секретарь посольства в Константинополе, в 1910 г. прикомандирован к миссии в Цетинье (Черногория), в 1911–1915 гг. — секретарь миссии в Белграде, с 1915 г. — первый секретарь посольства в Риме, в 1917 г. советник миссии в Афинах. В апреле 1919 г. назначен правительством А.В. Колчака посланником в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. В 1920–1930-е гг. оставался в Белграде в качестве делегата Нансеновского комитета по делам беженцев, был начальником управления по делам российских эмигрантов, до 1934 г. уполномоченным Российского общества Красного Креста в Югославии. В 1945 г. эмигрировал в США.

² Вероятно, Уваров Игорь Алексеевич, граф (1869–1934) — уездный предводитель дворянства Бельского уезда Смоленской губернии, член Государственного совета. В эмиграции — в Югославии, жил в Белграде.

³ Драгомиров Абрам Михайлович (1868–1956) — генерал от кавалерии; высшая должность в период Первой мировой войны — главнокомандующий армиями Северного фронта. Участвовал в создании Добровольческой армии; в сентябре 1918 г. — сентябре 1919 г. — председатель Особого совещания, т.е. фактически глава деникинского правительства. С сентября 1919 г. — главноначальствующий Киевской области и командующий группой войск Киевско-

го направления. После смены Деникина генералом П.Н. Врангелем — генерал для поручений. С 1920 г. — в эмиграции.

⁴ Билимович (урожд. Шульгина) Алла Витальевна (1874–1930), сестра В.В. Шульгина, скончалась в Белграде от скарлатины в ночь с 18 на 19 мая 1930 г.

⁵ Бриан (Briand) Аристид (1862–1932) — французский государственный и политический деятель, умеренный социалист; с 1909 г. неоднократно возглавлял правительство. Был премьер-министром Франции в январе 1921 — январе 1922 г., ноябре 1925 — июле 1926 г., июле — октябре 1929 г., министром иностранных дел (иногда совмещая с должностью главы правительства) в 1921–1924 гг. и 1925–1931 гг.

⁶ идея Бриана о Пан-Европе — Шульгин, несомненно, имеет в виду обнародованное 17 мая 1930 г. предложение французского премьер-министра А. Бриана о создании европейского федерального союза; предполагалось, что федеральный союз будет иметь представительный орган в виде европейской конференции и исполнительный орган — европейский комитет. Бриан считал, что создание европейской федерации приведет к общей безопасности, ликвидация таможенных барьеров будет способствовать экономическому развитию европейских стран и т.п.

1931

№ 130

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

15.XI.1931

V. Šulgin, «Atlant»,
Dubrovnik, 2,
Yougoslavie

Дорогой Василий Алексеевич.

Узнал от Василия Николаевича Штрандтмана, что Вы были больны. Что с Вами? Выражаю Вам полное сочувствие. И чтобы Вы больше не смели. Совершенно это Вам не подходит, как мы решили втроем, — еще была Машенька Хомякова¹. И сидели мы в «Дубравке», кантана², как Вы можете сообразить, находящаяся в Дубровнике, — Рагуза тож. Я сейчас здесь живу, променяв Медитаране³ на Ядрани, то есть Адриатику. Сидели это мы, говорили, Вас вспоминали и желали Вам здравствовать.

Получили ли Вы письмо Марии Николаевны Домбровской из Харбина? Она прислала мне копию всех тех бумаг, что Вам послала. И просила, чтобы я, так сказать, ввел ее к Вам, что и делаю. Я знаю ее давно, кажется, с Одессы, то есть 19-го года. Она очень хорошая, дельная и честная. Что она связалась с Бориской⁴ — это бес попутал. Знаю и Нину, ее дочь⁵. Это уже, конечно, другой товар, а впрочем, я ее мало знаю. Замужем она, Нина, первым браком была за актером (кажется, Асланов⁶), а вторым — за Скидельским, богачом из Сибири⁷. Кажется, Скидельские в родстве с Троцким-Бронштейном, что уже хуже, но я за это не ручаюсь, где-то слышал, а пишу Вам на всякий случай, чтобы не было неожиданности. Так вот о Марии Николаевне. Бориска сладенький, ласковый и симпатичный. Мне его привел Гришин-Алмазов⁸ в Одессе, по-видимому, они были знакомы с Марией Николаевной по Сибири. И он был у меня некоторое время вроде как бы секретарь в числе других, у меня был целый штат в Одессе. После Одессы мы расстались и опять сошлись в Константинополе в 1921 году. Я тогда жил у Домбровского в «роскошной» квартире, которую оставила ему жена, уезжая в Париж. Месяц я у него прожил, потом перебрался на чердак в другом доме и опять его, Домбровского,

потерял. Нашел его снова в Берлине, в 1923, под крылышком жены. Жили они очень хорошо, Бориска ничего не делал, если не считать, что вздыхал, как он занят. Но я поручил ему вести свои личные денежные дела (весьма, конечно, несложные), и со мной он был честен всегда. В 1923 году, перед тем, как я приехал к Вам (Вы еще тогда жили в посольстве), я прожил месяц в Шлангенбаде, около Майнца, у Домбровских, которые туда переселились. Затем, т.е. после Шлангенбада, я приехал в Париж, а скоро после моего отъезда на Юг переехали в Париж Домбровские. У них был пансион (в этом пансионе некоторое время в 1925 году жила моя жена Мария Димитриевна). В 1924 году Домбровский два раза приезжал ко мне на Юг, в Прованс, так просто повидаться, без всяких дел. Тогда он взял у меня 1000 франков. Затем, когда мы жили в Сербии, он продолжал заведывать моими «денежными делами»; находясь в Париже, я кое-кому посылал деньги, и мне было так удобнее. Тут уже начались некоторые недоразумения, невязки, недочеты и тому подобное. Затем, когда я приехал в Париж в 1926 в Апреле, мне определенно стали говорить, что Бориска жулик и сделал то и то-то. Я позвал его и предложил «объяснить свои поступки». Он притащил массу всяких документов, из которых мне стало ясно, что на такую-то сумму он «оправдан». После этого я его защищал, когда его при мне ругали. Но, по-видимому, он показал мне только часть. Если не ошибаюсь, дело шло о ста тысячах с лишком, связанных с пансионом. После этой истории у нас отношения как-то охладились, и я его почти не видел.

Пишу эту длинную историю не с тем, чтобы Вам надоесть, а для того, чтобы показать, что в части, касающейся наших отношений с четой Домбровских, изложение М.Н. своей жизни составлено правильно. Ее биография производит на меня впечатление полной правдивости, как и она сама такая же. Что же касается, что ей делать, то это уже судить не нам, а Вам. Мое дело маленькое — сказать свое мнение о ней самой и засвидетельствовать, что я ее знаю на протяжении нескольких лет, согласно вышеизложенному.

Теперь о другом. Я просил Чебышева, чтобы он Вас поставил в курс моих походов в направлении «Возрождения». Пришлось нам всем вернуться через черную дверь, а не парадным ходом, через который мы ушли. Печально, но факт. Послал две статьи, получив через Николай Николаевича⁹ согласие Гукасова. Но не знаю, правильно ли я поступил. Мне хотелось бросить эту службу, на которой я сейчас, и заняться «литературным трудом». Но это не вышло, ибо то место, которое мне могут уделить в сей перенаселенной газете, не может меня равитальировать¹⁰. При таких условиях, может быть, не сто-

ило выходить из «молчания», которое тоже имеет некоторые преимущества: меньше ругают.

Пожалуйста, передайте mille choses¹¹ Марии Алексеевне. Мы так часто ее вспоминаем тут у Машеньки Хомяковой. Нежно целую ей ручки. Вас обнимаю.

Ваш ВВ.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Хомякова Мария Николаевна (1883 — ?) — дочь председателя 3-й Государственной думы Н.А. Хомякова. В период Первой мировой войны возглавляла передовой санитарный отряд Государственной думы, с которым сотрудничал В.В. Шульгин. С января 1919 г. — член организации «Азбука».

² кантана (кантина) — кабачок, кафе.

³ Медитеране — Средиземноморье.

⁴ Речь идет о Борисе Витальевиче Домбровском.

⁵ Возможно, Домбровская Нина Георгиевна (?–1975) — в годы Гражданской войны сестра милосердия Марковского пехотного полка.

⁶ Возможно, Николай Петрович Асланов (1877–1949), актер Московского художественного театра, режиссер. В эмиграции — в Париже. В 1935 г. вернулся в СССР. Впрочем, в Париже жил еще один актер по фамилии Асланов — менее известный Николай Сергеевич (1896–1958), снимавшийся в кино и работавший гримером.

⁷ Очевидно, речь идет о каком-либо из сыновей Леонтия Соломоновича Скидельского (1845–1916), крупного дальневосточного предпринимателя, Соломоне Леонтьевиче (1878–1952) или Семене Леонтьевиче (1885–1948). «Империя» Скидельского-старшего после его смерти была оценена в 9,5 млн руб. В период Гражданской войны братья Скидельские поддерживали белых. С 1922 г. оба в эмиграции в Харбине. В 1945 г., после вступления в Харбин войск Красной армии, арестованы. Умерли в заключении.

⁸ Гришин-Алмазов (наст. фам. Гришин) (1880–1919) — профессиональный военный, участник русско-японской и Первой мировой войн, подполковник; после большевистского переворота уволен из армии и выслан в Сибирь. Принял активное участие в свержении советской власти в Сибири, стал командующим Сибирской армией и управляющим военным министерством Временного Сибирского правительства, ему был присвоен чин генерал-майора. Из-за разногласий с правительством уехал на Юг, был назначен генералом А.И. Деникиным губернатором Одессы и командующим войсками Одесского района в декабре 1918 г. В феврале 1919 г., после вступления в город французских войск, уехал в штаб Деникина. 5 мая 1919 г. под угрозой захвата большевиками покончил с собой (по другим данным — был убит).

⁹ Чебышева.

¹⁰ Равитальировать (франц.) — прокормить.

¹¹ mille choses (франц.) — буквально: тысячу дел. Традиционный оборот в письмах В.В. Шульгина. Неясно, что имеется в виду.

Париж, 26 Ноября 1931 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Ваше письмо затрагивает три различных вопроса, на которые буду отвечать по порядку.

Во-первых, о Домбровском. Тут вышла не то трагедия, не то комедия. Письмо Домбровской было своевременно получено; я вызвал к себе поверенного Домбровского Соколова¹; мы с ним сразу столкнулись, что разводиться людям не повенчанным нелепо и даже опасно, так как это означало бы продолжать тот обман, за который они и без того повинны перед властями; было решено по взаимному согласию, что мы просто постараемся исправить их паспорт, откровенно признавшись в подлоге, но указывая, что он не имел ни дурных последствий, ни предосудительных целей; это было тем проще, что подобных браков, заключенных для выезда из России, очень много, и префектура об этом осведомлена; поверенный его со мной согласился и обещал вместе с ним прийти через два-три дня; чтобы успокоить Домбровскую, я послал ей телеграмму, благо она перевела мне деньги на телеграмму; в телеграмме я ей сообщил «divorce inicile arrangerai autrement lettre suit»². Я послал и пояснительное письмо заказным. В тот же вечер Домбровский был убит ревнивым мужем³; доказывайте теперь, что я не подговорил к этому убийству или, во всяком случае, не был о нем осведомлен, когда предупреждал ее, что устрою ее свободу иначе. Будет поистине удивительно, если прокуратура не воспользуется этим случаем, чтобы привлечь меня к громкому процессу за подстрекательство.

2) О «Возрождении». Чебышев поставил меня в курс, хотя не сказал, что это по Вашей просьбе; напротив, он представил дело так, что это он ничего не хочет делать, не посоветовавшись со мной. Но он мне не сказал, что Вы послали потом статьи, и даже при встрече со мной выражал опасение, что Вы рассердитесь на него. На днях я его увижу и спрошу. К сожалению, должен предупредить, что мое влияние на «Возрождение» сейчас сводится к нулю. Сделаться его сотрудником я по миллиону причин не захотел, что обидело Гукасова; а в самой лавочке, опасаясь моего влияния, употребляли все меры, чтобы Гукасова против меня восстановить. Так или иначе, если какая-либо возможность мне представится, я ее не упущу, но пока я ее не вижу.

Что же касается до третьего вопроса, о моем здоровье — то это не столько нездоровье, сколько напоминание и предостережение; был у

меня острый припадок подагры, вследствие которого меня превратили в вегетарианца и анти-алкоголика. В результате я стал лучше слышать, что самое важное, ибо глухота была мой слабый пункт; но как пойдет дело дальше — предвидеть трудно; но почему Вы находите, что болезнь ко мне не подходит, мне неизвестно; в моем возрасте, ибо Вы, счастливчик, на 10 лет меня моложе, это не только самое нормальное положение, но это, так сказать, *position sociale*⁴, которое позволяет и ничего не делать, и никого не видеть. Пора нам признать, что наша пенсия спета и что то, что нам судьбой отпущено, мы уже израсходовали, и если мы это забываем, то разные человеческие немощи нам об этом напоминают, и их нужно принимать не со смирением, как учит религия, а с благодарностью.

А засим очень рад, что получил от Вас какие-либо известия, и очень жалею, что Вы так глупо устроили свою жизнь, что не можете жить во Франции.

---

¹ Возможно, Павел Алексеевич Соколов (?–1966) — генеральный секретарь Союза русских адвокатов, полковник, участник Первой мировой войны и Белого движения.

² *divorce incile arrangerai autrement lettre suit* (франц.) — развод устрою по-другому, письмо следует.

³ Б.В. Домбровский был застрелен в ресторане «У артистов» Федором Камендровским за то, что тот отбил у него жену.

⁴ *position sociale* (франц.) — социальное положение.

№ 132

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

1 Дек[абря] 1931

A. Slivinski для ВВ.

Put Sv. Yakov, br 15

Dubrovnik, Jougoslavie

Дорогой Василий Алексеевич.

Получил Ваше письмо от 26.X-го. Да, вот так случай с Домбровским. Мне жаль его, погиб он зря, шалый этот Камендровский¹ сам не знал, чего хотел, если судить по тому, что было напечатано в «Возрождении». Еще больше мне жаль Марию Николаевну. Хотя она разошлась с ним, и он ее кровно обидел, но, разумеется, перед могилой старые чувства оживут, и будет ей очень больно. Но Ваше положение, действительно, для американского фильма.

Насчет «Возрождения». Пожалуйста, перешлите Николай Николаевичу² прилагаемое письмо. Переезжая с квартиры, я имел «несречу» (это значит несчастье) потерять его адрес. И потому написал ему и послал две статьи в редакцию, где мои шедевры благополучно пропали. Я еще не сошел с ума, чтобы «обижаться» на доброго человека, который из симпатии ко мне занялся пренеприятнейшей обязанностью всунуть человека (меня) туда, где яблоку упасть некуда, а я ведь не исправник, для которого всегда найдется место даже в церкви. Впрочем, я ему об этом пишу. А Вас прошу при случае «порадеть родному человечку», ибо сейчас для меня это весьма важно, более важно, чем месяц назад, ибо я потерял место, где служил, благодаря «Светской Кризе», то есть мировому кризису. «Человек за бортом» — С.О.С.! Впрочем, сейчас таких «забортных» столько, что, пожалуй, больше, чем благополучных пассажиров корабля «Земля».

Итак, Вы сейчас травояд. Если Вам будет не доставать сильного питания, концентрированного, рекомендую Вашему вниманию орехи, волошские, греческие тож. По калориям орехи приравнены к салу. Кроме того, очень хороши при атонии кишок³, особенно с медом и яблоками. Но их нельзя пожирать до бесчувствия, а то они имеют и вредные свойства. За завтраком семь орешков больших и за обедом столько же — порция безопасная. Они хороши тем, что при малом объеме дают сильное питание. А вегетарианство тем плохо, что требует слишком объемистой пищи. Вот поэтому орехи подспорье полезное, не портит «линии».

Мы тут, т.е. у Машеньки Хомяковой, с великим интересом и вниманием прочли Вашу замечательную речь⁴. Знаете, только сидя в глуши, в провинции можно судить «о пользе книг церковных», то есть тех или иных речей, выступлений, статей и прочее. Здесь ведь газету, в данном случае «Возрождение», читают не так, как в Париже. Здесь, «в глушах», читают от доски — до доски, медленно, с толком, расстановкой, запоминают, обсуждают. И при том один номер идет из семьи в семью и от бобыля к бобылю, по очереди, как книга. Для таких читателей стоит писать и говорить.

Пожалуйста, Марии Алексеевне — целую ручки очень.

Ваш ВВ.

Машинопись. Подлинник.

---

¹ Камендровский Федор Степанович (1864–1936) — фабрикант. В 1907–1918 гг. председатель синдиката российских спичечных фабрикантов.

В 1918–1919 гг. член комиссии по финансированию деникинской армии. В эмиграции — в Париже, владелец ресторана «Джигит».

² Чебышеву.

³ Атония кишок — отсутствие перистальтики (сокращений) кишечника.

⁴ Ч.[Н.Н. Чебышев]. В.А. Маклаков о конституции 1906 г. Речь в «квартетном» зале Гаво // Возрождение. 1931. 24 ноября. С. 4.

№ 133

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 9 Декабря 1931 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Письмо к Н. Чебышеву сегодня же отправляю в редакцию; он живет не в Париже, и его адреса я не знаю. Письма в редакции не пропадают, лучшее доказательство, что он Ваши письма получил и даже показывал мне Вашу статью на 8 ноября. Вероятно, он Вам уже ответил; Чебышев и, по-видимому, редакция, все хотят Вас перевести на мемуары; я лично согласен с ними, что для публики это было бы интересней, особенно если бы Вы не задавались целью представить какую-нибудь цельную картину, как это делаю я, а просто выбирали бы отдельные красочные эпизоды; мало ли их было у Вас. Но не обижайтесь, если статью «8 ноября» я бы тоже забраковал, во имя Ваших интересов; от Вас ждут иного и большего, а это какая-то риторика.

Вы видите, что я Вас обругал и этим обнаружил неблагодарность за те похвалы, которые Вы написали по моему адресу. Должен Вам сказать, что они меня удивили не потому, чтобы я их не стоил, но потому, что отчет Чебышева в «Возрождении» был совершенно идиотский, лучше бы он его не писал; и мне приятно, что в некоторых людях он все-таки возбудил интерес. А самая лекция для Вас и вообще для наших сверстников, конечно, была и интересна и, главное, содержательна; она была шире заглавия; в ней я сконцентрировал все то, что буду излагать в моих «Воспоминаниях» в «Современных Записках», если только доведу их до конца. В ракурсе там было все, и все это у Чебышева пропало.

1936

№ 134

В.В. Шульгин – В.А. Маклакову¹

15.VII.36.

Дорогой Василий Алексеевич.

Получил Ваше письмо от 21.VI только вчера². На Ваше «ау!» отвечаю запорожским «пугу!», но не потому, что «есть еще порох в пороховницах». Нет, Das Holz es wird zu feüer und erlöschen muss des Feüer³. Но я Вас никогда не забывал, а не писал, потому что здесь очень духом обнищал. Ничего нет хуже на свете, как размениваться на мелочи, а я этим здесь уже сколько лет занимаюсь. Впрочем, я не хочу ныть, это делают все. Я рад был, что Вы меня вспомнили. Вы из той эпохи, когда жили! Вы пишете, что рады, что я взялся за перо. Но мне очень любопытно будет знать Ваше мнение о том, что это перо напишет. Я буду писать всякую ересь, а Вы меня изругайте, пожалуйста. Из этого что-нибудь да выйдет освежающее. Меня убивает скудость и пошлость мысли. Никто ничего не может выдумать. Ваша голова свежа по-прежнему, так не [одно слово неразборчиво] меня изругать. Марии Алексеевне обе ручки перецелуйте, негодный человек. Ваш ВВ. [одно слово неразборчиво].

Адрес: мне, Srem. Karlovci, Yougoslavie.

Автограф. Подлинник.

---

¹ Почтовая карточка со штампом почтового отделения Сремских Карловцов от 15.VII.1936.

² Копия упомянутого письма Маклакова в его фонде в архиве Гуверовского института отсутствует.

³ Das Holz es wird zu feüer und erlöschen muss des Feüer (нем.) – дрова становятся слишком дорогими, и надо погасить огонь.

1938

№ 135

В.А. Маклаков — В.В. Шульгину

Париж, 6 Сентября 1938 г.

Дорогой Василий Витальевич,

Я только вчера вернулся из отпуска. Вашу брошюру¹ еще раз прочел; и чтобы не затруднять Вас почерком, хочу Вам написать о ней, как Вы хотели, несколько слов. Но я вовсе не собираюсь Вас ругать, как Вы думали, и, по правде сказать, даже не понимаю, почему Вы это подумали.

В общих чертах я с Вами совершенно согласен. Я считаю аншлюс² совершенно законным явлением. И если мне противна его грубая форма и такие пакостные подробности, как предание суду Шушница³ и убийство Дольфуса⁴, то это Немезида за то, что сделали державы в Версале. И провозглашать право народов на самоопределение и лишать Австрию права самоопределяться — это лишь один из тех цинизмов, который может больше не удивлять, но все-таки возмущает.

Я думаю, что не лишено остроумия чисто теоретического и Ваше сравнение аншлюса с актом Богдана Хмельницкого. И ведь уже не в первый раз высказываемое негодование на то, что ряд самых разнообразных целей и видов сочиняли на украинскую автономию и украинскую народность. Во всем этом я с Вами согласен. То, в чем я не вполне согласен, это в том, что, по моему мнению, Вы преувеличиваете значение слов. Ссылка на то, что если бы слово было неважно, то Ваш родственник против него бы не протестовал, есть ссылка чисто адвокатская, или, если хотите, чисто парламентская. По существу важно совсем не это. Ведь понятие самого народа не определяется только названием и языком, но некоторой прошлой государственной независимостью; тут не всегда можно разобрать, где причина и где последствия. Скажите мне, пожалуйста, какая разница в культуре и языке между бельгийцами и французами. Во всяком случае, она меньше, нежели между украинцами и русскими; а тем не менее бельгийцы не желают ни единого рейха, ни единого фюрера. Вам виднее теперь, чем мне, разница между хорватами и сербами и еще между Португалией и Испанией; языки еще более схожи, нежели украинский и русский. Поэтому связь самих украинцев с Россией не покоилась только на том, что это единый народ, а еще и на других исторических фактах, которые по сю пору значения не утратили.

А теперь вопрос об освобождении Украины Хитлером⁵. Я тут с Вами совершенно согласен; но аргументацию Вашу разделяю не

вполне. 20 лет большевистского владычества, при котором выросло целое поколение, конечно, могло сделать то, что подчинение украинцев полякам покажется меньшим злом, чем жизнь под большевиками. По этим причинам какой-либо теперешний Лютер⁶ может быть не так принят, как был принят Лютер 17-го века⁷. Освобождение Украины Хитлером, за которое, может, поляки обещают в будущей войне если не нейтралитет, то помощь, действительно рискует расколоть Россию на две части, северную, где останутся большевики, и южную, которая от них избавится союзом с поляками. И это может быть не навеки, но возможно, что от этого положения мы избавимся тогда, когда вообще падет роль и национальности, и государства. Вы вникните в простой факт: прежде независимость государства была гораздо больше, чем теперь; но когда изобрели порох, все эти мелкие государства оказались слишком слабы и малы, чтобы состязаться с новыми силами разрушения; и тогда они соединились в крупные государства. Но теперь придумали такие силы разрушения, что эти крупные государства для них еще гораздо беднее и меньше, чем против пороха какой-нибудь Бургундский феодал; и хотят ли они или нет, а им предстоит, чтобы избежать взаимного истребления, какое-то объединение в крупную единицу, под новой крупной властью. Все-таки будут европейские штаты; в этих условиях роль национальности, расы, языка и многого другого низведена будет до минимума. Но до этого пройдут еще несколько поколений, и будет еще несколько мировых катастроф, которых мы с Вами уже не увидим.

Вот Вам и все; но жду от Вас тоже обстоятельного письма и даже настолько более обстоятельного, насколько моя книга⁸ по объему больше Вашей брошюры.

---

¹ Речь идет о брошюре В.В. Шульгина «Аншлусс [так!] и мы», изданной в Белграде в 1938 г. Брошюра Шульгина не прошла незамеченной в «русском Париже». Резкой рецензией отозвался на нее М.В. Вишняк. Приведем наиболее важные фрагменты: «Шумливый редактор былой “Великой России” оказался, естественно, горячим сторонником произведенного Гитлером “аншлусса”. “Ein Volk! Ein Reich! Ein Führer!” — пришлось очень по вкусу бывшему пропагандисту великой, единой и неделимой России...»

О себе и ему подобных В. Шульгин пишет: «В одном смысле мы с Адольфом Гитлером, поскольку этот новый Зигфрид борется с современным Драконом — коммунизмом. Но если Зигфрид захочет “отобрать Украину?!”»...

На момент кажется, что в этом последнем случае, т. е. если «Зигфрид» все-же покусится на отечественную территорию, преданность вечным интересам России, как целому, одержит в «нас» верх над ненавистью к «ужасной яме и страшному клоповнику, носящему имя СССР». Это оказывается иллюзией. Антибольшевизм слепит патриотизм и превращает и националиста — патриота Шульгина в вульгарного пораженца.

Шульгин против похода Гитлера на Украину, — «постольку — поскольку»: поскольку это может привести к «самостоятельной Украине». Но он не имеет ничего против такого похода, если в итоге победы «Зигфрида» над

«Драконом» на юге былой России установилось бы самостоятельное Великое Княжество Русское. Все дело лишь в наименовании и слове. Шульгин на этом настаивает: «В начале бе Слово»... «От выбора слова (подчеркнуто в оригинале!) зависят два решения; два пути; две истории — для нескольких народов»: «Украина» значит сепаратный мир с московскими коммунистами», — тогда как, руками Гитлера созданное, «Великое Княжество Русское обозначает непреклонную борьбу с мировым коммунизмом, борьбу за весь русский народ».

Шульгин убежден, что Великое Русское Княжество — с великим князем русским или с гетманом великого княжества русского — явится «дверью и ключом» к «возрожденной Российской державе». Но это — его личное верование и упование, ни для кого не обязательное. Практически же и политически, беря ближайший исторический отрезок, устремления Василия Шульгина, крайнего номиналиста и имяславца, для которого «имя» покрывает сущность дела и вещей, мало чем разнятся от пораженческого сепаратизма и, по выражению В. Шульгина, «украиноблудства», с такою страстью избличаемых им в своем «двоюродном племяннике Александре Шульгине» (Русские записки. 1938. № 8–9. С. 202–203).

² аншлюс (нем. anschluss — присоединение, союз) — аннексия Австрии Германией 11–12 марта 1938 г., легитимизированная плебисцитом 10 апреля 1938 г., проведенным после того, как Австрия была провозглашена одной из германских земель и под контролем нацистов. В то же время большинство австрийцев, по-видимому, — в самом деле, под влиянием пропаганды, положительного отношения к аншлюсу католической церкви и страха перед нацистским террором, — проголосовало за присоединение к Германии.

³ Шушниц (Schuschnigg) Курт (1897–1977) — австрийский политический и государственный деятель, один из лидеров Христианско-социальной партии, канцлер в 1934–1938 гг. Был вынужден уйти в отставку накануне аншлюса, после аншлюса арестован, в 1941 г. заключен в концлагерь. Освобожден в 1945 г., уехал в США, в 1967 г. вернулся в Австрию.

⁴ Дольфус (Dollfuß) Энгельберт (1892–1934) — австрийский политический и государственный деятель, один из руководителей Христианско-социальной партии. В 1931–32 гг. министр земледелия и лесного хозяйства. С мая 1932 г. канцлер и министр иностранных дел Австрии. Во время нацистского путча 25 июля 1934 г. около полутора сотен членов австрийской организации СС, для маскировки одетые в австрийскую военную форму, ворвались в федеральную канцелярию. При попытке к бегству Дольфус был ранен выстрелом в горло. Нападавшие не позволили оказать ему какую-либо медицинскую помощь и потребовали от него передать власть нацистскому ставленнику А. Ринтелену. Когда Дольфус категорически отказался, путчисты оставили его истекать кровью на диване (вскоре он скончался от потери крови).

⁵ Хитлер (Гитлер) Адольф (1889–1945) — лидер германской Национал-социалистической рабочей партии, рейхсканцлер (с 1933 г.) и президент (с 1934 г.) Германии.

⁶ Лютер (Luther) Мартин (1483–1546) — деятель Реформации в Германии, начало которой положило его выступление в Виттенберге (1517 г.) с 95 тезисами против индульгенций, отвергавшими основные догматы католицизма.

⁷ Деятельность М. Лютера на самом деле относится к 16-му в.

⁸ Имеется в виду «Власть и общественность на закате старой России» (Париж, 1936. Т. 1–3).

1939

№ 136

В.В. Шульгин — В.А. Маклакову

12. I. 39

Jalendrova, 6 II
Ljubljana

Дорогой Василий Алексеевич.

Об илотах¹. Только что перечел повесть «Вий»². Вижу ее в новом аспекте. Борьба добра и зла, точнее, белой и черной магий. Сначала одолевает черная: ведьма скачет на философе Хоме Бруте. Затем побеждает белая: философ при помощи молитв и заклинаний, которым его научил «один монах», осиливает ведьму и в свою очередь вскакивает на нее, как на коня. Но почему в конце концов философ от белой магии гибнет? Потому что, будучи адептом белой магии, он не удержался в плоскости Добра. Увлеченный мстостью, он стал колотить ведьму поленом, пока не убил... панночку. Кого он убил? Хорошенькую женщину, это уже страшное преступление. Но, отвлекаясь от этого легкомыслия, он убил существо живое, которое само было жертвой Зла, а не самим Злом. По этой-то причине беломагический круг, которым он окружил себя в церкви, у гроба «ведьмы», служил ему только против низших агентов Зла. Когда привели главного, т.е. Вия, последний своим взглядом сломал беломагический круг. Почему? Потому что он проник в самую суть вопроса: кто, будучи белым, совершает сам черное, т.е. жестокость, месть, хотя бы и в борьбе со Злом и во имя Добра, подпадает сам Злу, и белая магия не в силах его защитить. В этом аспекте «Вий» можно бы назвать: «Крути, крути, да не перекручивай!»

Вот Вам иносказательно об илотах самая глубь моей мысли и моих опасений. Ведь чудища уже бросились на философа наших времен. Он окружил себя кругом белой магии. Круг крепок, но когда приведут Вия, он найдет слабое место, если граница справедливо³ будет переступлена и начнется излишнее.

Начнется или уже началось? Об этом вихревые мысли разнообразнейших страстей твердят разное.

Один наш общий знакомый, вернувшись из путешествия 12 лет тому назад, предсказал Липеровичу неизбежность экзода⁴. Но он ошибся... в географии⁵. Такого рода ошибки индусы объясняют нижеследующим образом.

Если ты сделал кому-нибудь добро, очень редко этот человек тебя отблагодарит. Но не ожесточайся и не возмущайся неблагодарностью... Тебе воздастся сторицей. Но возмездие придет с другой стороны, от человека, которому ты ничего не сделал; он осыпет тебя благодарениями, и ты сам был бы относительно него неблагодарным, если бы раньше не сделал кому-то другому бескорыстное добро.

Точно так же воздается за зло: «Мне возмездие и Аз воздам»⁶. И потому экзод происходит не там, где его ожидали⁷.

Справедливо ли — спрашивают — чтобы имуществом платили за пролитую кровь⁸, точнее сказать, за море крови? И отвечаю — несправедливо! И пребудет «око за око». Но другие говорят: «Русская правда» уже в XI веке цену крови определяла гривнами⁹. Ужели мы будем жесточе средневековствующих?

Во всяком случае, кровь еще не льется¹⁰. И это говорит за нынешнего философа¹¹ и против Хомя Брута, убившего поленом. И, думается мне, внуки Хомя не забыли навыков предков, и, если им удастся вскочить на ведьму, много будет убито «панночек»¹².

Но есть другая сторона. Безусловно, что широкий мир ощущает происходящее как «перекручивание», и потому число существ, готовых броситься на философа, растет и множится. И возникает вопрос: к чему? зачем? Это настолько ясно, что появляется и другой вопрос: владеет ли философ бурсой, что у него должна быть в подчинении, или же сам он должен уступать бурсакам¹³?

Так как я написал уже слишком много, то пока на этом заканчиваю. Поцелуйте ручки Марии Алексеевне. Желаю Вам хорошего 1939-го.

Ваш ВВ.

P.S. Пробуду здесь Январь. После чего постоянный адрес: Vojrode Milenka, 28, Belgrade.

Автограф. Подлинник.

---

¹ Илоты — в Древней Спарте представители побежденных племен, превращенные в государственных рабов. Копия письма В.А. Маклакова, на которое, судя по контексту, отвечает Шульгин, не сохранилась, поэтому не вполне ясно, в каком контексте он упоминает илотов. Вероятно, илотам, государственным рабам, он уподоблял население СССР.

² «Вий» (1835) — повесть Н.В. Гоголя.

³ Так в тексте. Вероятно, следует читать: справедливости.

⁴ Шульгин, несомненно, подразумевает собственное возвращение из поездки в СССР, ошибаясь, правда, в числе лет, прошедших с тех пор, — не 12, а 13 (февраль 1926 г.). Липерович — вымышленный персонаж его книги «Три столицы», «коллективный средний еврей». Обращаясь к Липеровичу, Шульгин писал, якобы на том языке, на котором говорят «липеровичи»: «Знаете что, Липерович? Вам, на всякий случай, вам таки надо думать, как вы будете эвакуацию делать». Далее Шульгин объяснял возмущавшемуся Липеровичу, что евреям угрожают погромы, и хотя «мене же это гадко, Липерович! Но только что ж вы думаете, так меня и послушают? Кто послушает, а кто — нет... Не надо, Липерович, кричать, а надо хорошенечко себе подумать: ну, а если ее делать, то как делать? Вот, Липерович, слушайте мой совет! Вы не думайте, я тоже имею кофп на плечах» (Шульгин В.В. Три столицы. М., 1991. С. 330).

⁵ Под «ошибкой в географии» Шульгин, несомненно, подразумевает то, что исход евреев из страны начался в Германии, а не в России.

⁶ Правильно: «Мне отмщение и Аз воздам». «Мне отмщение, и Аз воздам» — буквальный перевод с латинского «*mihi vindicta, ego retribuam*»; слова из Библии: «У меня отмщение и воздаяние, когда поколеблется нога их; ибо близок день гибели их, скоро наступит уготованное для них» (Второзаконие, гл. 32, 35); «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» («Послание к Римлянам» апостола Павла: гл. 12, 19).

⁷ См. прим. 5.

⁸ 7 ноября 1938 г. 17-летний еврейский юноша Гершл Гриншпан, узнав, что 28 октября нацистские власти начали депортацию из Германии польских евреев, в числе которых были его родители, выстрелил в чиновника германского посольства в Париже Эрнста фон Рата. Через два дня фон Рат умер. Это послужило сигналом к началу массового еврейского погрома в Германии, инициированного властями. В ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. (так называемая «хрустальная ночь») был убит 91 еврей, сотни ранены и покалечены, 3,5 тыс. арестовано и отправлено в концентрационные лагеря, были сожжены или разгромлены 267 синагог, 7,5 тыс. торговых и коммерческих предприятий, сотни жилых домов евреев. На евреев была наложена контрибуция в 1 млрд марок.

⁹ «Русская правда» — свод законов Киевской Руси, сложившийся во второй половине XI — начале XII в. Законы «Русской правды», среди прочего, были направлены против пережитков кровной мести. Смертная казнь за убий-

ство заменялась крупными денежными штрафами, размер которых определялся социальным статусом потерпевших.

¹⁰ Как мы показали выше, кровь уже лилась (см. прим. 8). Другое дело, что нацисты скрывали число жертв, и Шульгин мог заблуждаться в этом отношении.

¹¹ Т.е. Гитлера.

¹² Шульгин, несомненно, намекает на резню евреев (как, впрочем, и поляков) во времена хмельничины и гайдамачины в XVII–XVIII вв.

¹³ Бурса — подготовительные классы духовной семинарии; а также в просторечии или шутливо сама семинария. Аналогия и в данном случае вполне понятна: Шульгина интересует, контролирует ли Гитлер свое окружение — шире — нацистское движение, или следует за ним.

Указатель имен

- Авксентьев Н.Д. — 56, 118, 119, 313
Агурский М. — 43, 94, 264
Адамович Г.В. — 42
Аджемов М.С. — 92
Азеф (Азев) Е.Ф. — 141, 286
Акимов Я.С. — 377
Алданов М.А. — 12
Александр I — 83, 224, 391
Александр II — 52, 224, 294, 363, 364, 393, 396
Александр III — 242, 363, 364
Александр Михайлович, великий князь — 146, 147
Александра Федоровна — 113
Алексеев М.В. — 49, 165, 167, 207, 214, 216
Алексей Михайлович — 218, 224
Алексинская Н.И. — 276
Алексинская Н.Ф. — 276
Алексинский Г.А. — 54, 56, 135, 152
Алексинский И.П. — 276–278, 282, 287
Андрей Владимирович, великий князь — 190
Аракчеев А.А. — 219, 224
Асланов Н.П. — 413, 415
Асланов Н.С. — 415
- Бадьян Я.И. — 266–269, 383
Баженов Н.Н. — 108, 113
Бакунин М.А. — 235, 244
Балахович (Бэй-Булак-Балахович) С.Н. — 61, 65
Бахметев Б.А. — 34, 41, 42, 44, 87, 91, 92, 112, 113, 119, 166, 283
Бахметьев Г.П. — 160, 163
Бейлис М. — 10, 239, 247, 378
Беленкин Б.И. — 52
Бернацкий М.В. — 313
- Бертело А. — 45, 46, 51
Беседовский Г.З. — 361, 363–365
Бикерман И.М. — 43
Билибин И.Я. — 34, 262, 263
Билимович А.В. — 357, 401, 411, 412
Бисмарк О. — 112, 113, 122
Бобринский В.А. — 200, 201
Богданов Ф.И. — 247
Богров Д.Г. — 247
Бодлер Ш. — 278
Борис Владимирович, великий князь — 214, 216
Бортневский В.Г. — 43
Брасова Н.С. — 47, 52
Брешко-Брешковская Е.К. — 56
Бриан А. — 411, 412
Будницкая Е.Л. — 40
Будницкий О.В. — 6, 40–44, 62, 91, 92, 119, 164, 243, 283, 316
Бунаков-Фондаминский И.И. — 313, 314
Бурбоны — 215, 216
Бурцев В.Л. — 31, 84, 140, 141, 278–280, 286, 322, 323
- Вакар Н.П. — 305–307
Ванцетти Б. — 278
Васильев А.А. — 335
Вернадский Г.В. — 264
Ветлугин А. — 150–152, 161
Вильгельм I Завоеватель — 69, 82, 97
Вильгельм II — 84
Вильсон В. — 50
Вильямс Г. — 40
Винавер М.М. — 31, 43, 59, 61, 62, 89, 373, 394
Винниченко В.К. — 355, 357
Виноградов В.К. — 52

- Вишне夫斯基 А.А. — 154, 155, 166, 168
 Вишняк М.В. — 12, 42, 56, 313, 314, 422
 Владимир Александрович, великий князь — 52, 216, 294
 Владимир Святославич, киевский князь — 125
 Водовозов В.В. — 141
 Войков П.Л. — 359, 361, 363, 364
 Волконский А.М. — 301, 303
 Врангель П.Н. — 19, 21, 23, 24, 26, 51, 53–55, 60, 67, 73, 74, 78, 79, 84, 86, 92, 112, 118–120, 132, 141–144, 163, 165, 173, 179, 187, 192, 198, 207, 214, 216, 218, 253, 278, 280, 285, 286, 288, 303, 396, 412
 Генис В.Л. — 267–269
 Герасимов А.М. — 132
 Герц М. — 384, 385
 Герценштейн М.Я. — 373, 377
 Гессен И.В. — 394, 396
 Гижицкий А.С. — 401
 Гитлер (Хитлер) А. — 36, 56, 422, 423, 427
 Глушанок Г.Б. — 40
 Голостенов М.Е. — 41, 42
 Голубев А.В. — 40
 Горемыкин И.Л. — 243
 Горький М. — 247
 Градовский Г.К. — 21
 Гриншпан Г. — 37, 426
 Гришин-Алмазов А.Н. — 413, 415
 Грушевский М.С. — 345, 346, 355
 Гу (Ги), посольный — 402, 407, 409, 410
 Гудович В.В. — 158, 163
 Лукасов А.И. (О.) — 34, 258, 309–315, 318–328, 331–334, 339, 341, 343, 361, 363, 368, 414, 416
 Луковский А.И. — 313
 Гулькевич К.Н. — 330, 336–338, 343
 Гучков А.И. — 11, 14, 56, 96, 97, 157, 216
 Гучкова В.А. — 34
 Гюббенет Н.К. — 169
 Гюго В. — 278
 Даниил Галицкий — 101, 106
 Дегаев С.П. — 286
 Дедков Н.И. — 41
 Деникин А.И. — 19, 20, 26, 40, 42, 45–47, 49–51, 54, 67, 86, 120, 127, 130, 141, 146, 149, 152, 163, 165, 173, 187, 214, 216, 218, 253, 297, 402, 412, 415
 Джонсон Т.Ф. — 335–338, 344, 353, 354
 Дзержинский Ф.Э. — 30
 Дмитриев В.И. — 132
 Долгоруков (Долгорукий) П.Д. — 158, 163, 191
 Дольфус Э. — 421, 423
 Домбровская-Петипа М.Н. — 136, 137, 413
 Домбровский Б.В. — 136, 137, 183, 184, 190, 200, 413–417
 Дон-Аминадо (Шполянский А.П.) — 23, 43
 Донской Б.М. — 66
 Достоевский Ф.М. — 93, 367, 369
 Драгомиров А.М. — 20, 45, 51, 410, 411
 Дрюмон Э. — 378
 Думова Н.Г. — 42
 Дункан А. — 150–153, 156, 157, 159, 161, 165
 Евлогий (Георгиевский В.С.), митрополит — 21, 145, 146, 180–182, 185, 189, 191, 196, 198, 199, 217
 Екатерина II — 350, 351
 Есенин С.А. — 150–153, 159, 161
 Ефимовский Е.А. — 50, 98, 99, 107, 108, 126, 134, 135, 152, 153, 156, 159, 187, 205
 Жуков Д.А. — 41

- Загорский-Френкель А.А. — 277, 287
 Зайцев К.И. — 317
 Замысловский Г.Г. — 378
 Заславский Д.О. — 41, 247
 Засулич М.И. — 243
 Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. — 30
- Иванов А.С. — 135
 Извольский А.П. — 406, 407
 Икскуль фон Гильденбандт В.И. — 90, 93, 145, 268–271
 Иозефи В.Г. — 50
 Искрицкий М.А. — 56
- Кавур К.Б. — 46, 51
 Кадомцев Б.П. — 120, 132
 Калманович С.Е. — 374, 377
 Камендровский Ф.С. — 417, 418
 Каменев (Розенфельд) Л.Б. — 30, 68, 82
 Каминский В.Ц. — 398, 403
 Караулов М.А. — 214, 216
 Карбасников Н.П. — 261, 262, 264
 Карл XII, шведский король — 51
 Карл Венгерский — 78, 84
 Карпович М.М. — 41
 Карсавин Л.П. — 264
 Карташев А.В. — 200, 201
 Катков М.Н. — 219, 224, 390
 Кауфман М.П. — 93
 Кедрин Е.И. — 56
 Кельнер В.Е. — 377
 Кенез П. — 49
 Керенский А.Ф. — 12, 14, 56, 60, 63, 74, 116, 117, 119, 165, 255, 355, 358
 Кизветтер А.А. — 161, 163, 164
 Кирилл Владимирович, великий князь — 47, 52, 190, 214, 216, 292, 294
 Кирьянов Ю.И. — 41
 Кистяковский И.А. — 354, 357
 Ключевский В.О. — 163, 172, 173
 Ключников Ю.В. — 91, 93, 161
 Ковалевский Е.П. — 313
- Ковалевский М.М. — 217, 223
 Коверда Б.С. — 358–361, 364, 365
 Кожин А.Е. — 287, 288
 Коковцов В.Н. — 157, 186, 247
 Кокошкин Ф.Ф. — 12, 220, 225
 Колоницкий Б.И. — 44, 50
 Колчак А.В. — 45–47, 51, 67, 93, 118, 411
 Кольцов М.Е. — 267, 268
 Коновалов А.И. — 56
 Константин, греческий король — 78, 84
 Корнилов Л.Г. — 12, 14, 15, 26, 65, 107, 214, 216
 Короленко В.Г. — 247
 Корш В. — 224
 Котовский (Катовский) Г.И. — 60, 63, 64
 Кошкидько В.Г. — 56
 Краевский А.А. — 312, 316, 317
 Красин Л.Б. — 68, 82
 Краснов П.Н. — 45, 49, 50
 Красюков Р.Г. — 42, 44, 50, 246
 Кривошеин А.В. — 55, 249, 253
 Кузьмин-Караваев В.Д. — 56
 Кульман Н.К. — 274, 275
 Куприн А.И. — 34, 134, 135
 Куроки Т. — 243
 Кутепов А.П. — 64, 279, 280, 323, 395, 396
 Кшесинская М. — 190
- Лазаревский В.А. — 128, 129, 257, 269, 270, 298, 301, 305, 318, 330, 343, 348
 Лампе А.А., фон — 335
 Ландау Г.А. — 43
 Лаплас П. — 27, 251, 253
 Левитский (Левицкий) В.М. — 328, 333, 335
 Легра Ж. — 96–98
 Ленин (Ульянов) В.И. — 14, 29, 44, 68, 115, 116, 141, 355
 Линский Д.О. — 43

- Лондон Д. — 100, 106
 Лубковский Р. — 239, 247
 Лукаш Ив. — 135
 Луначарский А.В. — 247
 Львов Г.Е. — 12, 107
 Львов Н.Н. — 87, 92, 191, 200, 255, 311, 314, 315, 325–327, 333, 335, 363
 Людендорф Э. — 53, 56
 Лютер М. — 422, 423
- Магеровский Л.Ф. — 85, 86
 Мазепа И.С. — 51
 Маклаков А.Н. — 8
 Маклаков В.А. — 6–30, 32–45, 49, 50, 53, 55–57, 66, 81, 84–86, 91, 92, 94, 95, 98, 100, 107, 113, 119, 120, 125, 127–130, 132, 133, 136, 138–141, 143, 144, 146–148, 153–155, 157, 158, 163–165, 167, 168, 170, 173, 174, 176, 178–180, 182–184, 188, 190, 192–194, 197–199, 202, 208, 209, 211–213, 215, 217, 223, 226–231, 241, 244, 247, 248, 253–255, 257, 259–261, 263, 264, 266, 268–271, 273, 275, 276, 278, 281, 283, 286, 287, 289–292, 294, 298, 304, 305, 307, 313–317, 323, 324, 326–329, 331, 332, 335–337, 339, 341–343, 346, 348–351, 353, 354, 358, 360, 361, 364, 368, 369, 376–379, 386, 390, 391, 395–398, 400–402, 405, 408, 410, 413, 416, 417, 419–421, 424, 426
 Маклакова Л.Ф. (Нелидова Л.) — 8
 Маклакова М.А. — 19, 22, 60, 62, 85, 94, 97, 103, 126, 128, 134, 137, 142, 144, 153, 154, 167, 178, 183, 215, 254, 259, 277, 287, 289, 293, 338, 348, 357–359, 409, 411, 415, 418, 419, 425
 Мамай Н. — 264
 Манасевич-Мануйлов И.Ф. — 107
 Мандельштам А.Н. — 32
 Мария Павловна, великая княгиня — 52, 294
 Маркс К. — 29, 102, 106, 111, 236
- Мартынов А. — 247
 Мельгунов С.П. — 13, 42
 Мережковский Д.С. — 293, 294
 Миллер Е.К. — 191, 192, 198, 200, 385
 Миллюков П.Н. — 11, 14, 17, 19, 23, 31, 35, 42, 56, 60–64, 79, 83, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 107, 117, 119, 156, 157, 165, 177, 186, 200, 201, 216, 225, 292, 293, 306, 310, 312–316, 364, 378, 394
 Минин К. — 67, 82
 Минор О.С. — 56, 183
 Мирабо О. — 221, 225
 Михаил Александрович, великий князь — 14, 26, 47, 52, 214–216
 Михаил Павлович, великий князь — 212, 215
 Могилевская П.В. — 357
 Могилянский Н.М. — 354–357
 Муравьев Н.К. — 278
 Муромцев С.А. — 220, 225
 Муссолини Б. — 191, 192, 213
- Набоков В.Д. — 31, 113, 313
 Нансен Ф. — 338, 349, 350, 354
 Наполеон Бонапарт — 24, 27, 59, 68, 78, 93, 124, 139, 187, 216, 251, 369
 Натанс Б. — 243
 Науменко В.П. — 299, 302
 Неклюдов А.В. — 166, 167
 Некрасов И.Ф. — 83
 Некрасов Н.А. — 312, 316, 317
 Нестор — 346, 347
 Николаев А. — 247
 Николаевский Б.И. — 31
 Николай I — 83, 142, 179, 212, 219, 221, 225
 Николай II — 10, 11, 14, 52, 113, 140, 142, 157, 179, 216, 219, 221, 243, 247, 294, 303, 401
 Николай Николаевич, великий князь — 25, 142, 144, 178, 179, 200, 201, 214, 215, 284, 285, 292, 294, 396

- Нисселович Л.Н. — 252, 253
 Ницше Ф. — 368, 369
 Новгородцев П.И. — 129, 130
 Новосильцев Л.Н. — 12
- Оболенский В.А. — 96, 97
 Ольденбург С.С. — 317
 Опперпут Э.(А.)О. — 279, 280, 286, 323
 Орлов-Давыдов А.А. — 217, 223
 Остроумов Г. — 188–190
- Пайо Г. — 268–270, 275, 276, 301, 353
 Палеолог Ж. — 107, 403, 406
 Панова М.А. — 127, 133
 Пасманик Д.С. — 43
 Петлюра С.В. — 51, 146, 299, 302, 355, 357
 Петр Великий — 123, 218, 224
 Пилсудский Ю. — 65
 Пихно Д.И. — 8, 9
 Пихно И.Д. — 397, 398, 400, 403–405
 Плевако Ф.Н. — 227, 241, 375, 382, 388, 389
 Плевицкая Н.В. — 383, 385
 Поволоцкий Я.Е. — 144–149, 153, 155, 158, 166, 173, 184
 Поляков Ю.А. — 44
 Поляков-Литовцев С.Л. — 31, 293, 294, 306, 371, 372, 376, 380, 389, 391–393
 Пуанкаре Р. — 173
 Пуаре М.Я. — 217, 223
 Пуль Ф. — 45, 50
 Пуришкевич В.М. — 9, 42, 146, 147, 149, 158, 171, 173
 Пушкин А.С. — 121, 124, 125, 176, 179, 235, 263, 399
- Раковский Х.Г. — 268
 Распутин Г.Е. — 11, 42, 104, 106, 107, 113, 147, 148, 173
 Рат Э., фон — 426
 Ремизов А.М. — 264
- Ренненкампф Н.К. — 253, 389, 390, 394, 395
 Ренников А.М. — 351, 352
 Репин И.Е. — 93
 Решников А.В. — 41, 44
 Рид М. — 279, 404
 Ринтелен А. — 423
 Рогинский А.Б. — 44
 Родзянко М.В. — 174, 176, 178
 Родичев Ф.И. — 31, 56
 Розанов В.В. — 236, 244
 Рубинштейн Я.Л. — 309
 Руднев В.В. — 56, 313, 314
 Рыклин Г. — 268
 Рыков А.И. — 268
 Рябушинский В.П. — 313, 338
- Савенко А.И. — 49
 Савинков Б.В. — 61, 65
 Савицкий П.Н. — 264, 270
 Савич Н.В. — 186, 187
 Савич Я.И. — 186, 187, 309
 Сакко Н. — 278,
 Сарро А. — 281–283
 Сватиков С.Г. — 31
 Седельников Д.М. — 409
 Седельникова М.Д. — 22, 127, 150, 182, 183, 350, 401, 414
 Семенов Ю.Ф. — 258, 310, 314, 322, 324, 326
 Сергиевская Е.Н. — 282, 283
 Сиейес Э. — 365, 369
 Скидельский Л.С. — 413
 Скидельский С.Л. — 413, 415
 Скобелев М.И. — 151, 153, 157, 159–161, 165, 166
 Скоропадский П.П. — 62, 76, 83, 297, 302, 354–357
 Слезкин Ю. — 243
 Соколов А.К. — 40
 Соколов П.А. — 416, 417
 Споров Д.Б. — 44
 Сталин И.В. — 30, 38, 268, 355
 Сталь Ж. де — 121, 124

- Старк Б.Г. — 62, 63
 Стахович М.А. — 383, 385
 Степанов В.А. — 45, 49
 Степанов С.А. — 247
 Стессель А.А. — 60, 64
 Столыпин П.А. — 47, 52, 165, 167, 213, 218, 235, 239, 240, 243, 247, 253, 363, 390, 402
 Стравинский И.Ф. — 264
 Струве Н.А. — 280
 Струве П.Б. — 19, 34, 53–55, 87, 89, 91, 92, 94, 166, 257, 258, 280, 281, 285, 309, 311–313, 315, 317, 318, 320–322, 324–328, 331–333, 335, 338–341, 344, 363, 368
 Суворин А.А. — 93, 238, 246
 Суворин А.С. — 246
 Суворин Б.А. — 135, 152, 206, 207
 Сувчинский П.П. — 264, 270
 Сухомлинов В.А. — 106, 237
 Сухотина-Альбертини Т.М. — 274, 275
 Сухотина-Толстая Т.Л. — 33, 148, 273, 275
 Сытин И.Д. — 93

 Тарле Е.В. — 141
 Тарновский И. — 247
 Терещенко М.И. — 344, 345, 355, 358
 Тихон (Белавин В.И.), патриарх — 139, 140, 146
 Толстой И.Л. — 17, 147, 148
 Толстой Л.Н. — 16, 17, 33, 83, 97, 99, 102, 106, 112, 129–131, 148, 210, 235, 236, 244, 271–275, 389, 390
 Трепов А.Ф. — 186, 188
 Троцкий (Бронштейн) Л.Д. — 29, 30, 68, 82, 116, 244, 247, 413
 Трубецкой Н.С. — 264, 270
 Тургенев И.С. — 123, 124, 234, 347
 Тыркова-Вильямс А.В. — 20, 40
 Тютчев Ф.И. — 371, 376

 Уваров И.А. — 410, 411

 Урицкий М.С. — 157
 Ухтомский Э.Э. — 389, 390

 Федоров М.М. — 295–298, 300, 301, 308, 335, 336
 Федоров-Якушев А.А. — 280
 Филиппов А.И. — 99, 135, 150–152, 155, 156, 159, 187, 207
 Флоровский Г.В. — 264
 Флейшман Л. — 280, 281
 Френкель С.А. — 276–278, 281, 282, 306
 Фридман Н.М. — 252, 253

 Харламов В.И. — 81
 Хмельницкий Б.М. — 300, 303, 335, 352, 421
 Хольмсен И.А. — 197, 198, 200
 Хомякова М.Н. — 413, 415, 418
 Хрипунов А.С. — 313
 Христофоров В.С. — 41, 44

 Цветаева М.И. — 34, 264, 313
 Церетели И.Г. — 355, 358
 Цицерон Марк Туллий — 271, 275
 Цуриков Н.А. — 17, 42, 317

 Чайковский П.И. — 370, 376
 Чебышев Н.Н. — 172, 173, 175, 176, 178, 179, 311, 333, 335, 414–416, 418, 419
 Челноков М.В. — 315
 Чернов В.М. — 56
 Черный С. — 135
 Чернышевский Н.Г. — 218, 224
 Черчилль У. — 368, 369
 Чехов А.П. — 97
 Чичерин Б.Н. — 251, 253, 389, 390, 394, 395
 Чубыкин И.В. — 56
 Чухнин Г.П. — 377

 Шингарев А.И. — 374, 377
 Шипов Д.Н. — 220, 224

- Шмаков А.С. — 378
Шмелев А.В. — 40
Шмелев И.С. — 135
Штрандтман В.Н. — 410, 411, 413
Штюмер Б.В. — 104, 107
Шульгин А.Я. — 295, 297–300, 335, 338, 357
Шульгин В.В. — 6–11, 13–16, 18–45, 49–51, 53, 57, 60, 62–64, 66, 83, 85, 86, 91–95, 97, 98, 100, 107, 119, 120, 125, 127–130, 132, 133, 135–138, 140, 141, 143, 144, 146, 148, 153–155, 157, 158, 165, 167, 168, 170, 173, 174, 176, 179, 180, 182–184, 187, 188, 190, 192–194, 196–199, 202, 208, 209, 211, 216, 217, 223, 226, 241, 244, 246–248, 253–255, 257–261, 263–266, 268–271, 273–276, 278–281, 283–287, 289, 290, 292, 294, 298, 304, 305, 307, 314, 317, 323, 324, 326–329, 331, 335–337, 339–343, 345–351, 353, 354, 357–361, 364, 368, 369, 379, 386, 391, 395–402, 405, 408, 410, 412, 413, 415–417, 419–422, 424, 426, 427
Шульгин В.Я. — 8, 301
Шульгин Д.В. — 21, 125, 126, 128, 129, 132, 133, 136, 137, 140, 141, 260, 291, 354
Шульгин Я.Н. — 298, 299, 301
Шульгина Е.Г. — 21, 22, 197, 198, 400, 401
Шушниц К. — 421, 423
Щеголев П.Е. — 141
Щепкин М.П. — 220, 224, 225
Эйхгорн Г., фон — 61, 65
Эфрон С.Я. — 34, 264
Юденич Н.Н. — 65, 198, 201
Юсупов Ф.Ф. — 11, 42, 146, 148
Юсупова (урожд. Романова) И.А. — 148
Ющинский А. — 10, 247
Яковлев М.И. — 359
Якушев А.А. — 30
Ярослав Мудрый — 299, 302

СОДЕРЖАНИЕ

О.В. Будницкий. В.А. Маклаков и В.В. Шульгин: друзья–противники 7

1919

№ 1. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, [начало марта] 45

1921

№ 2. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 9 февраля 53

№ 3. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 24 февраля/9 марта 57

№ 4. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 5 апреля 66

1922

№ 5. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 2 июня 85

№ 6. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 6 июня 86

№ 7. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 19 июня 94

№ 8. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 29 июня 95

№ 9. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 10 июля 98

№ 10. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 13 декабря 98

1923

№ 11. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 5 января 100

№ 12. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, январь 107

№ 13. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 21 января 119

№ 14. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 17 февраля 119

№ 15. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 23 февраля 120

№ 16. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 10 марта 125

№ 17. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 30 марта 127

№ 18. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 3 апреля 128

№ 19. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 5 апреля 129

№ 20. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 12 апреля 130

№ 21. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 8 мая 132

№ 22. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 2 августа 133

№ 23. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 11 августа 136

Приложение: В.В. Шульгин — Д.В. Шульгину 137

№ 24. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 21 августа 138

№ 25. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 22 августа 140

№ 26. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 28 августа 141

№ 27. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 6 сентября 143

№ 28. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 13 сентября 144

№ 29. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 31 октября	144
№ 30. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 3 ноября	146
№ 31. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 12 ноября	148
№ 32. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 13 ноября	153
№ 33. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 15 ноября	154
№ 34. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 28 ноября	155
№ 35. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 7 декабря	158
№ 36. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 14 декабря	165
№ 37. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 15 декабря	167
№ 38. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 17 декабря	168
№ 39. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 24 декабря	168

1924

№ 40. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 9 февраля	170
№ 41. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 12 февраля	174
№ 42. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 18 февраля	176
№ 43. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 12 апреля	180
№ 44. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 25 апреля	182
№ 45. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 28 апреля	183
№ 46. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 29 апреля	184
№ 47. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 7 мая	188
№ 48. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 10 мая	190
№ 49. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 14 мая	192
№ 50. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 17 мая	194
№ 51. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, [вторая половина мая]	197
Приложение: копия бракоразводного свидетельства В.В. Шульгина	197
№ 52. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 2 июня	198
№ 53. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 6 июня	199
№ 54. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 10 июня	202
№ 55. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 25 июня	208
№ 56. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 27 ноября	209
№ 57. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 10 декабря	211
№ 58. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 15 декабря	217

1925

№ 59. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 14 февраля	226
Приложение: статья В.В. Шульгина «По поводу одной статьи»	226
№ 60. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 5 марта	248
№ 61. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 28 мая	254

№ 62. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 5 июня	255
№ 63. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 1 сентября	257

1926

№ 64. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 20 июня	259
№ 65. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 13 октября	259
№ 66. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 8 ноября	260
№ 67. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 10 ноября	262
№ 68. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 18 ноября	264

1927

№ 69. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 23 января	266
№ 70. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 7 февраля	266
№ 71. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 10 февраля	268
№ 72. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 22 февраля	269
№ 73. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 6 марта	270
№ 74. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 7 марта	271
Приложение: Т.Л. Сухотина-Толстая — В.А. Маклакову, 19 марта	273
№ 75. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 10 марта	275
№ 76. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 26 октября	276
№ 77. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 4 ноября	281
№ 78. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 6 ноября	287

1928

№ 79. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 9 января	289
№ 80. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 19 января	290
Приложение: Д.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 2 августа	291

1929

№ 81. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 1 февраля	292
№ 82. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 8 февраля	294
№ 83. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 12 февраля	298
№ 84. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 21 февраля	304
№ 85. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 27 февраля	305
№ 86. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 4 марта	307
№ 87. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 22 марта	309
№ 88. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 22 марта	317
№ 89. В.В. Шульгин — В.А. Маклакову, 6 апреля	323
№ 90. В.А. Маклаков — В.В. Шульгину, 9 апреля	326
Приложение: В.А. Маклаков — А.И. Гукасову, 9 апреля	326

№ 91. В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 19 апреля	327
Приложение: А.О. Гукасов – В.А. Маклакову, 10 апреля	328
№ 92. В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 23 апреля	329
№ 93. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 24 апреля	331
Приложение: проект письма В.В. Шульгина к П.Б. Струве, 24 апреля	331
№ 94. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 25 апреля	335
№ 95. В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 29 апреля	336
№ 96. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 2 мая	337
№ 97. В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 3 мая	339
Приложение: В.А. Маклаков – А.О. Гукасову, 29 апреля;	339
А.О. Гукасов – В.А. Маклакову, 2 мая	341
№ 98. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 7 мая	342
№ 99. В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 7 мая	343
№ 100. В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 8 мая	343
№ 101. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 9 мая	343
Приложение: Письмо «малоросса» к В.В. Шульгину, 4 мая	344
№ 102. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 10 мая	346
№ 103. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 16 мая	348
№ 104. В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 21 мая	349
№ 105. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 28 мая	350
№ 106. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 28 мая	351
№ 107. В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 14 июня	353
№ 108. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 9 августа	354
№ 109. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 16 ноября	358
№ 110. В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 22 ноября	360
№ 111. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 27 ноября	360
№ 112. В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 3 декабря	361
№ 113. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 17 декабря	364
№ 114. В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 23 декабря	369

1930

№ 115. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 15 января	379
№ 116. В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 25 января	386
№ 117. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 3 февраля	391
№ 118. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 11 февраля	397
№ 119. В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 12 февраля	398
№ 120. В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 11 марта	400
№ 121. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 14 марта	400

№ 122. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 5 апреля	401
№ 123. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 8 апреля	402
№ 124. В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 12 апреля.	405
№ 125. В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 17 апреля.	408
№ 126. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 8 мая	408
№ 127. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 9 мая	410
№ 128. В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 16 мая	410
№ 129. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 25 июня.	410

1931

№ 130. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 15 ноября	413
№ 131. В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 26 ноября	416
№ 132. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 1 декабря.	417
№ 133. В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 9 декабря.	419

1936

№ 134. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 15 июля.	420
--	-----

1938

№ 135. В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 6 сентября	421
--	-----

1939

№ 136. В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, 12 января	424
---	-----

Указатель имен	428
--------------------------	-----

Научное издание

Русские сокровища Губеровской башни

**СПОР О РОССИИ:
В.А. МАКЛАКОВ И В.В. ШУЛЬГИН
Переписка 1919–1939 гг.**

Редактор *Н.Н. Кузьмина*
Художественный редактор *А.К. Сорокин*
Художественное оформление *А.Ю. Никулин*
Технический редактор *М.М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Е.Д. Щепалова*
Корректор *О.Н. Власова*
Компьютерная верстка *Л.А. Кругова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 04.10.2010. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,5.
Тираж 000 экз. Заказ №

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393 Москва, Профсоюзная ул., д. 82
Тел. 334-81-87 (дирекция), 334-81-62 (отдел реализации)